

Майкл Флинн

Эйфельхайм: город-призрак

Майкл Ф. Флинн

Эйфельхайм: город-призрак

*Ибо Господь глух ныне и не услышит нас, И за наши грехи
добрых людей он обращает в прах.*

Уильям Ленгланд. Видение о Петре Пахаре

*C'est le chemin qu'on appelle le Val d'Enfer. Que votre Altesse me
pardonne l'expression; je ne suis pas diable pour y passer.*

*Это путь, который называют Адской долиной. Да простит
Ваше Высочество мне выражение, я не дьявол, чтобы там пройти.*

Маршал Виллар касательно Холленталя (1702)

Предисловие

Я знаю, где пролегает путь к звездам. Ворота однажды распахнулись – давным-давно, в далеком и невероятном месте. А потом захлопнулись. Эта история о том, как они открылись и как закрылись, и, возможно, о том, что из этого следует.

Видите ли, Шерон Нэги была физиком, а Том Шверин – клиологом; В этом-то все и дело: начало, и конец, и большая часть истории между тем и другим.

Возможно, вы не понимаете, но это и неудивительно. Схемы средневековых поселений и теория множественности *бран* кажутся двумя разными мирами. В действительности они *и есть* два разных мира, соприкасающиеся только в небольшой квартире в Филадельфии, где жили вместе Том и Шерон. А при столь тесном соседстве каждому неизбежно пришлось кое-что узнать о том, чем занимался другой, – и это стало точкой опоры, с помощью которой они перевернули мир.

Впрочем, моя роль в этой истории весьма незначительна, так что без лишних проволочек начинаем наш рассказ.

Антон

Август, 1348

Заутреня. Поминание Сикста II и его спутников.¹ 31 июля

Дитрих проснулся с тяжелым чувством; оно было подобно басу, поющему с затемненных хоров. Он открыл глаза и быстро обвел взглядом комнату. Оплывшая ночная свеча бросала отсветы на стол и купель, аналой и псалтырь; заставляла корчиться фигуру на распятии, как будто та пыталась сорваться с креста. В углах комнаты росли огромные и потому таинственные тени. В восточном окне бледно-красное зарево, острое, как нож у горла, украшало гребень горы Катеринаберг.

Дитрих медленно и глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Как бы там ни было, свеча указывала на то, что настало время заутренней молитвы. А потому, отбросив одеяло, он сменил облачение с ночной рубашки на рясу. По коже пробежали мурашки, а короткие волосинки на шее встали дыбом. Священник поежился от легкого озноба. *Сегодня что-то случится.*

У окна стоял деревянный столик с тазом и небольшим сосудом для омовения рук. Медному, украшенному рисунком сосуду была придана форма петуха, и искусное шило медника наделило его оперением. Когда Дитрих наклонил кувшин, из клюва-носика на руки и в таз потекла вода. «Господь, омой меня от беззакония моего»² – забормотал он. Затем погрузил руки в таз и плеснул холодной водой в лицо. Хорошее омовение прогонит ночные кошмары. Он отломил кусочек мыла и намылил лицо и руки. Сегодня что-то случится. Ах, это было пророчество, не иначе! Он слегка улыбнулся своим страхам.

В окне Дитрих заметил огонек, мелькающий у подножия холма. Он появлялся, перемещался быстрыми короткими прыжками, а затем исчезал, чтобы спустя мгновение снова возникнуть и продолжить танец.

Пастор нахмурился, не вполне понимая, что это. Саламандра?

Нет. Кузнец. Только теперь, когда тревога отпустила его, Дитрих осознал, как был напряжен. Кузница находилась у подножия холма, а рядом – дом кузнеца. Свет отбрасывала свеча,двигающаяся туда и сюда перед открытым окном: Лоренц, вышагивающий подобно зверю в клетке.

Итак. Кто-то – кузнец или его жена – тоже проснулся и явно нервничал.

Дитрих потянулся к кувшину, чтобы смыть мыло, и вдруг ладони пронзило словно иглами. «Святая Екатерина!» Он отпрянул, сбив таз и кувшин на пол, где мыльная вода растеклась по каменным плитам. Он поискал рану на руке, но не обнаружил. Затем, после короткого замешательства, встал на колени и поднял кувшин, держа его с опаской, как будто тот снова мог ударить.

– Ты своенравный петух, – сказал он кувшину, – клюнул меня, как живой.

Петух, равнодушный к упрекам, встал на прежнее место.

Вытирая руки о полотенце, Дитрих заметил, что его волосы стоят дыбом, как шерсть у пса перед дракой. Любопытство боролось в нем со страхом. Он закатал рукав рясы и заметил, что волоски на руке тоже поднялись. Это напомнило о чем-то очень давнем, но о чем именно – он так и не смог понять.

Пора приступать к ежедневным обязанностям. Отмахнувшись от тревожных мыслей, он отправился к аналою, где уже трещала догорающая свеча. Преклонил колени, перекрестился и, сложив молитвенно руки, возвел очи к железному кресту на стене. Лоренц,

¹ Отмечается католиками 7 августа (по григорианскому календарю). Дитрих жил еще по юлианскому календарю и отмечал Сикстов день 31 июля (в XIV в. разница между юлианским и григорианским календарями составляла 8 дней). – Здесь и далее прим. перев.

² Дитрих читает начало 50-го псалма, в каноническом переводе эта строка звучит так: «Многokrатно омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня».

тот самый кузнец, который сейчас прохаживался у подножия холма, создал распятие из гвоздей и штырей, и, хотя оно не очень-то напоминало человека на кресте, если приглядеться, можно было его там увидеть. Достав требник с полки аналая, Дитрих открыл его на том месте, где днем ранее отметил лентой свою утреннюю службу.

– «А у вас же и волосы на голове все сочтены, – прочитал он из заутрени. – Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц». – И почему именно *эта* молитва в такой день? Она, несомненно, более чем уместна. Он вновь бросил взгляд на волосы на тыльной стороне руки. Знак? Но если знак, то чего? – «Святые восторжествуют во славе, – продолжал он. – Да упокоятся они на своем одре. Дай нам радость причащения с Сикстом и его спутниками в вечной благодати. Об этом мы просим у Тебя чрез Господа нашего, Иисуса Христа. Аминь».

Конечно. Сегодня день поминания папы Сикста II, и поэтому нужна молитва за мучеников. Он преклонил колени в благочестивых размышлениях о стойкости этого человека даже перед лицом смерти. Человека столь славного, что о нем надлежало помнить и одиннадцать столетий после его убийства – он был обезглавлен прямо в момент литургии. Над могилой Сикста, которую Дитрих своими глазами видел в катакомбах Св. Каликта, папа Дамасий позднее повелел начертать стихотворное посвящение. И хотя строчки посвящения не так хорошо складывались в стихи, как хорош был сам Сикст, они рассказывали историю его жизни вполне правдиво.

В те дни у нас были более достойные папы, подумал Дитрих и тут же одернул себя. Кто он такой, чтобы судить других? Ныне святая церковь, если и не была открыто гонима королями, которые лишь назывались христианами, то стала игрушкой французской короны. Покорность была более изощренным гонением и, возможно, требовала более изощренной храбрости. Французы не отрубили Бонифацию голову, как римляне Сиксту, но папа умер от грубого обращения.

Бонифаций был гордым, высокомерным человеком без единого друга во всем мире; и, тем не менее, не был ли он тоже мучеником? Но Бонифаций умер не столько за Слово Божие, сколько за провозглашение – к великому неудовольствию короля Филиппа и его двора – буллы *Unam Sanctum*,³ тогда как Сикст был Божьим человеком в безбожный век.

Дитрих вдруг оглянулся, затем выбралил себя за малодушие. Не думает же он, что они могут прийти и за ним тоже? Разумеется, могут. Но какие основания были у маркграфа Фридриха, чтобы отдать приказ о его пленении?

Или скорее, какие основания, о которых мог бы знать Фридрих?

Не бойтесь же, внушала прочитанная молитва, самое частое внушение из уст Всевышнего. Он вновь подумал о Сиксте. Если древние не падали духом даже перед лицом смерти, почему его собственное сердце, вразумленное современной премудростью, стало прибежищем страха безо всякого серьезного на то основания?

Дитрих пристально вгляделся в колышущиеся волосы на тыльной стороне руки, пригладил их и увидел, как они снова поднялись. Как бы Буридан и Альбрехт трактовали это явление? Дитрих отметил место в книге перед службой первого часа; затем вставил в подсвечник новую рассчитанную на час свечу, обрезал конец и зажег при помощи вощенного фитиля от огарка прежней.

Альбрехт писал: *Experlmentum solum certificat in talibus*. Опыт – единственно надежное руководство.

Дитрих посмотрел на шерстяной рукав мантии в отсвете пламени свечи, и его губы медленно разошлись в улыбке. Он ощутил странное удовлетворение, которое охватывало его всякий раз, когда ему удавалось сформулировать вопрос и затем добиться от окружающего мира ответа на него.

³ Булла папы Бонифация VIII *Unam Sanctum* («Единая святая») 1302 г. декларировала первенство церковной власти над мирской и прямо указывала, что подчинение папской власти для каждого христианина есть необходимое условие спасения души. Была направлена, в частности, против политики французского короля Филиппа IV Красивого.

Ворсинки шерсти на рукаве тоже стояли дыбом. Ergo,⁴ подумал он, побудительная сила, оказавшая воздействие на его волосы, была внешней и материальной, поскольку шерстяная ряса не имела части духовной, а потому пугаться не могла. Поэтому невыразимый ужас, который охватил его, был не более чем отражением этого материального воздействия на его душу.

Но это знание, хотя и удовлетворяя разум, не умирало волю.

* * *

Позднее, когда Дитрих уже направлялся к церкви, чтобы отслужить утреннюю литургию, жалобный визг привлек его взгляд к затененному углу у церковных ступеней. В мерцающем свете факела он увидел черно-рыжую собаку, прикрывшую передними лапами морду. Черные пятна на шкуре сливались с тенью, превращая зверя в нечто невообразимое: наполовину пес, наполовину швейцарский сыр. Дворняга проводила Дитриха взглядом, полным надежды.

С гребня Церковного холма Дитрих увидел лучезарный блеск, подобный тому бледному отсвету, что обычно обесцвечивал утреннее небо над лесом с дальней стороны долины. Но он появился слишком рано – и не в той части небосклона. На вершине церковного шпиля по кресту пробегали огоньки голубоватого пламени. Неужели страх поднял из могил даже тех, кто покоился на погосте? Но *то* знамение будет явлено лишь накануне конца света.

Он изрек торопливую молитву от нечистой силы и повернулся спиной к странным явлениям, оборотившись к церковным стенам и ища успокоение в их обыденности.

«Мой деревянный собор», – иногда называл ее Дитрих, ибо покоящиеся на каменном фундаменте дубовые стены церкви Св. Екатерины, ее колонны и двери были украшены поколениями не склонных шутить резчиков по дереву буйным множеством святых, зверей и мифических созданий.

Подле врат изогнутая фигура самой святой Екатерины⁵ опиралась рукой на колесо, на котором они помыслили искалечить ее. «Кто же торжествует? – вопрошала ее бледная улыбка. – Те, кто повернул колесо, исчезли, я же пребываю во Христе». Над дверным проемом переплетенные изображения льва, орла, человека и вола⁶ стремились вверх, к тимпану,⁷ на котором была вырезана Тайная вечеря.

Восседая на карнизе, злобно пялились горгульи с диковинными крыльями и рогами. Весной их зияющие пасти извергали с крыши, покрытой просмоленной черепицей, потоки растаявшего снега. Под карнизом били молотами кобольды.⁸ Еще более фантастические

⁴ *Ergo* – следовательно (*лат.*).

⁵ *Святая великомученица Екатерина* – дочь правителя Александрии Египетской Константина во время правления императора Максимиана (305–313). Изображение колеса связано с тем, что, когда ее повели на колесование, ангел сокрушил орудия казни и те, согласно легенде, разлетелись на куски, перебив много язычников. Увидев это чудо, императрица Августа и царедворец Порфирий с 200 воинами перед всеми исповедались в своей вере во Христа и были обезглавлены. Максимиан попытался заставить Екатерину отречься, предложив ей супружество, и вновь получил отказ. Та хранила верность Христу и с молитвой сама положила голову на плаху.

⁶ Традиционный для средневековой иконографии способ символического изображения четырех евангелистов.

⁷ *Тимпан* – треугольный или полуциркулярный участок над окном или дверью, выделенный рельефом.

⁸ *Кобольд* – в мифологии Северной Европы являлся духом шахты. Описание внешности похоже на гнома, однако в отличие от гномов кобольды не занимались горным ремеслом, а лишь жили в шахтах. Иногда их

существа являлись из дерева на оконных перемычках и косяках, на панелях и колоннах. Василиски сверлили взглядом, грифоны и виверны вставали на дыбы. Прыгали кентавры; пантеры источали сладкое, притягательное благовоние.⁹ Здесь дракон бежал от рыцарей Амалинга,¹⁰ там – сциопод¹¹ стоял на своей единственной громадной ступне. Безголовые блемии¹² тарашили глаза, расположенные на груди.

Дубовые угловые колонны были вырезаны в виде горных гигантов, поддерживавших крышу. Деревенские звали их Грим, Хильде, Сигенот и Экке;¹³ Экке, по крайней мере, казалось подходящим именем для угловой колонны. Кто-то, обладающий чувством юмора, выполнил основание каждой из колонн в форме уставшего и раздраженного гнома, который держал на себе гиганта и в свирепом возмущении глядел на прохожих.

Дивное буйство фигур, возникающих из дерева, но так из него полностью и не вырывающихся, в самом деле казалось его живой частью. «Где-то, – думал Дитрих, – действительно существуют подобные создания».

Когда поднимался сильный ветер или снег всей тяжестью давил на крышу, зверинец начинал шептать и стонать. Причина крылась в смещении да изгибах балок и стропил, но часто казалось, будто Сигенот ворчит, карлик Альберих¹⁴ скрипит, а св. Екатерина напевает что-то себе под нос. В иные дни бормочущие стены забавляли Дитриха, но не сегодня. В том предчувствии беды, что тяготило его, Дитрих опасался, как бы Четыре Великана не бросили вдруг свою ношу, обрушив все здание прямо на него.

Уже в окнах нескольких домов под холмом мерцали огоньки свечей, а на верхушке крепости Манфреда по ту сторону небольшой долины в безотчетной тревоге вышагивал дозорный, присматриваясь, не крадется ли где незамеченный враг.

Со стороны деревни к Дитриху ковыляла фигура, оскальзываясь в грязи, снова поднимаясь и оглашая воздух раннего утра слабыми всхлипываниями. Дитрих поднял факел и стал ждать. Не предвещанная ли опасность прямо сейчас дерзко надвигалась на него?

Но еще до того, как фигура, запыхавшись, рухнула перед ним на колени, стало ясно, что это Хильдегарда, мельникова жена, босая и со спутанными волосами, в плаще, торопливо наброшенном прямо на ночную рубашку. Факел Дитриха осветил немытое лицо. Опасность, которую она могла представлять, была иного и давно известного свойства. Чтобы жена мельника явилась к своему духовнику в таком виде, причина и впрямь должна была быть безотлагательной.

называют стуканцами, потому как считается, что именно они стучат ногами, бегая по тоннелям. Обычно кобольды одеты как шахтеры, имеют рыжие как огонь (иногда в прямом смысле светящиеся) бороды.

⁹ В средневековых bestiариях слово «пантера» означает существо, не имеющее ничего общего с известным нам. Это спокойное животное, любящее уединение, обладающее мелодичным голосом и благовонным дыханием. Единственный ее враг – дракон, так как остальные звери и люди не могут ничего ей сделать, очарованные сладким запахом и удивительными песнями.

¹⁰ Здесь имеется в виду сказание о Дитрихе Бернском, герое германского цикла эпических сказаний, который стал королем Амалинга (Италии).

¹¹ *Сциоподы* – люди, имеющие одну ногу, которые могли прикрываться ею от солнца и очень быстро бегали. Согласно средневековым представлениям, они жили в Индии.

¹² *Блемии* – фантастическое племя, где все люди рождаются без головы, а рот, глаза и нос расположены у них на груди.

¹³ *Грим, Хильде, Сигенот, Экке* – персонажи сказаний о Дитрихе Бернском.

¹⁴ *Карлик Альберих* – персонаж «Повести о Зигфриде и нибелунгах».

– Ах, пастор! – вскричала Хильдегарда. – Господь обнаружил мои грехи.
«Богу, – подумал Дитрих, – не потребовалось бы заглядывать глубоко». Он поднял женщину на ноги:
– Господу известны все наши грехи от начала времен.
– Почему же тогда Он пробудил меня сегодня в таком страхе? Вы должны исповедовать меня.

* * *

Стремясь оградиться стенами от дурного предчувствия, Дитрих ввел Хильду в церковь и был разочарован, хотя и не удивлен, обнаружив, что его тревоги не упались. До окончания времен ничто сверхъестественное не могло проникнуть на освященную землю, однако естественное проникало повсюду.

В тишине Дитрих услышал тихий шепот, как от легкого ветерка или бегущего ручья. Прикрыв глаза от яркого огня своего факела, Дитрих различил небольшую коленопреклоненную тень перед главным алтарем. Там сгорбился Иоахим Минорит, торопливо бормоча молитву. Звуки сталкивались друг с другом, как люди в испуганной толпе, так что слова сливались в невнятный шепот.

Молитвы оборвались, и Иоахим, повернувшись, быстро и проворно вскочил на ноги. На нем была ветхая, изношенная коричневая ряса, аккуратно и многожды заштопанная. Капюшон отбрасывал тень на резкие черты маленького смуглого лица с густыми бровями и глубоко посаженными глазами. Иоахим быстрым движением языка облизал губы.

– Дитрих?.. – сказал Минорит, и голос его едва заметно дрогнул.
– Не бойся, Иоахим. Мы все чувствуем это. И животные. Это какое-то природное явление, сотрясение воздуха, вроде бесшумного грома.

Иоахим встряхнул головой, и прядь черных волос упала ему на лоб.

– *Бесшумного* грома?

– Мне не приходит в голову ничего лучшего, чтобы описать это. Это как басовая труба в большом органе, которая заставляет дрожать стекло. – Он поделился с Иоахимом своими рассуждениями о шерсти.

Минорит бросил взгляд на Хильдегарду, задержавшуюся в задней части церкви. Он потер руки под сутаной и огляделся.

– Нет, этот страх – глас Господа, призывающий нас к покаянию. Он слишком ужасен, чтобы быть чем-то иным! – Он прокричал это, словно на проповеди, так что слова эхом отразились от статуй, взирающих из ниш.

Иоахим любил сопровождать свои поучения жестикულიцией и красочными историями, тогда как тщательно продуманные проповеди самого Дитриха часто оказывали усыпляющее воздействие на паству. Иногда он завидовал умению монаха разжигать сердца людей, но только иногда. Разбуженное, сердце могло быть страшной силой.

– Господь может взывать, – наставляюще заметил он, – исключительно физическим образом. – Дитрих мягко взял юношу за плечи и развернул. – Иди, укрась алтарь. Месса *Clamavérunt*. Разделы, которые предназначены для сегодняшнего прочтения.

«Человек, с которым трудно иметь дело, – подумал Дитрих, когда Иоахим ушел, – и которого еще сложнее понять». Юный монах носил лохмотья с большей гордостью, чем папа в Авиньоне – золоченую корону. Спиритуалисты проповедовали бедность Иисуса и Его апостолов и восставали против богатства духовенства; но Господь благословил не нищих, но нищих *духом* – «*Beati pauperes spiritu*». Мудрое различие. Как замечали Августин и Аквинат, обычной нищеты было слишком легко достичь, чтобы заслужить такую награду, как Царство Небесное.

– Почему он здесь? – спросила Хильдегарда. – Все, что ему полагается, – это сидеть на улице, просить подавание и проповедовать.

Дитрих не ответил. На то были причины. Причины, которые носили золотые тиары и

железные короны. Он желал бы, чтобы Иоахим вообще здесь не появлялся, поскольку монах мало чего мог здесь достичь, помимо излишнего внимания. Но Господь сказал: «Я был странником, и вы приняли меня»,¹⁵ – и Он никогда не поминал о каких-либо исключениях.

«Забудь о великих событиях мира за лесами, – напомнил себе священник. – Они тебя больше не заботят». Но следующей и менее приятной мыслью Дитриха был вопрос, забудет ли мир за лесами о нем.

* * *

В исповедальне Хильдегарда Мюллер признавалась в грехах, один пустяковой другого. Она смачивала мешки с зерном, которые приносили ее мужу для помола, – вторая по своей общеизвестности тайна в Оберхохвальде. Она позарилась на брошь, которую носила жена Бауэра. Она не заботилась о своем пожилom отце в Нидерхохвальде. Было похоже, что она намеревается пройти по всем десяти заповедям.

Однако два года назад эта самая женщина приютила оборванного пилигрима, совершавшего паломничество в храм Святого Гроба Господня в Иерусалиме. Брайан О'Флайн пешком пришел из Гибернии,¹⁶ с самого края света, через земли, погруженные в смуту – в тот год английский король разбил в пух и прах французское рыцарство,¹⁷ – и был обобран до нитки властителем Соколиного утеса. Хильда Мюллер приютила этого человека у себя в доме, вылечила его язвы и волдыри, дала новую одежду из гардероба своего хмурого мужа и отправила в путь отдохнувшим и здоровым. И этот добрый поступок лежал на другой чаше весов – против воровства, и зависти, и алчности.

Грех заключался не в конкретном деянии, а в воле. За перечисленным женщиной скрывался основной грех, лишь внешними проявлениями которого и были эти упомянутые проступки. Можно вернуть брошь или навестить отца, но, пока внутренний грех не исцелен, раскаяние – каким бы искренним оно ни было в данный момент – неминуемо зачахнет, подобно семени, упавшему в скудную почву.

– И я находила удовольствие с мужчинами, помимо своего законного мужа.

Это был самый плохо скрываемый секрет в Оберхохвальде. Хильдегарда Мюллер подбиралась к мужчинам с той же невозмутимой осторожностью, с которой герр Манфред выслеживал оленей и кабанов, украшавших ныне стены замка Хохвальд. Дитриха смутило внезапное видение того, что могло бы свисать с трофейной стены Хильдегарды.

Трофеи? Ага! *Вот* что было тайным грехом. Гордыня, а не похоть. Спустя некоторое время плотские утехи, верно, приедались, однако охота за мужчинами служила гарантией того, что Хильда может получить все что пожелает, когда только ей это будет угодно. И ее доброта к ирландскому пилигриму – не парадокс, но подтверждение тому. Она сделала это напоказ, чтобы остальные могли восхититься ее щедростью. Даже бесконечное перечисление простительных грехов было предметом гордости. Хильда бахвалилась своими грехами.

На каждую слабость – сила, так и на гордость – смирение. Епитимья Хильде, решил Дитрих, потребует обычных искуплений. Вернуть брошь, возместить муку, навестить отца. Не знать других мужчин, кроме мужа своего. Оказывать приют *каждому* нуждающемуся пилигриму, во что бы ни обошелся постоя, – с тем же милосердием, какое она проявила к ирландцу. Но Хильда должна также, в качестве урока смирения, выскрести каменные плиты церковного нефа.

¹⁵ Евангелие от Матфея, гл. 25, стих 35.

¹⁶ *Гиберния*, или *Иверния*, – античное название Ирландии.

¹⁷ Имеется в виду битва при Креси (Северная Франция) 26 августа 1346 г., когда в ходе Столетней войны армия английского короля Эдуарда III разгромила превосходящие силы французского короля Филиппа VI.

И это должно быть исполнено в тайне, дабы она не возгордилась своими наказаниями.

* * *

Облачаясь после исповеди в ризнице для утренней мессы, Дитрих замер с наполовину завязанным поясом. В воздухе стоял едва различимый гул, похожий на жужжание шмеля. Подавшись к окну, Дитрих увидел в отдалении над господским лесом пеночек и соек, кружащихся в безумном вихре там, где раньше мерцало бледное сияние. Само свечение или угасло, или теперь было неразличимо на просветлевшем небе. Но что-то в картине казалось необычным. Все выглядело искаженным, будто лес изогнули и, подобно складке материи, вложили в самое себя.

У подножия Церковного холма в растерянности, как и птицы над ними, метались люди. У кузницы Грегор и Терезия взволнованно говорили с Лоренцем. Их волосы были растрепаны и всклокочены, а одежда прилипла к телу, как железо, притянутое магнитом. Остальные держались неподалеку, но обычные утренние занятия были прерваны. В кузнице не развели огонь, овцы блеяли в загоне, ягнят нигде не было видно. Над чашей не было столба дыма, обычно поднимавшегося оттуда, где стояла печь углежого.

Гудение заметно усилилось, когда Дитрих приблизился к окну. Чуть прикоснувшись ногтем к оконному стеклу, он ощутил вибрацию. Вздвогнув, отпрянул.

Дитрих провел рукой по волосам и почувствовал, что они сплелись подобно змеиному клубку. Источник этих странных явлений набирал силу, как увеличивается в размерах мчащаяся на наблюдателя галопом лошадь и становится громче стук ее копыт – аналогия, указывающая на то, что источник импульса приближался. «В теле не может быть движения, – доказывал Буридан, – пока движущая сила не произведет импульс». Дитрих нахмурился, найдя эту мысль тревожной. *Нечто* приближалось.

Он отвернулся от окна, чтобы закончить приготовления, и замер, занеся руку над алой ризой.

«Янтарь!»

Дитрих вспомнил. Янтарь – *elektron*, как его называли греки, – если потереть им шерсть, заставляет ее волосинки шевелиться так же, как шевелились волосы Дитриха. Буридан демонстрировал это в Париже, когда там учился Дитрих. Мастер получал такое удовольствие в наставлении, что отказался от степени доктора и стал благодаря своему жалованью большой диковинкой: ученым, который не бедствовал. Дитрих вспомнил, как Буридан яростно тер янтарем кошачью шкурку, и его лицо неосознанно расплылось в улыбке.

Дитрих взгляделся в свое отражение в окне. «Бог натер мир янтарем». Почему-то эта мысль взволновала его, словно Дитрих находился на пороге открытия некой закономерности, прежде сокровенной. Потрясающее, головокружительное ощущение, как будто стоишь на самом верху колокольни. Конечно, Бог не натирал мир. Но случилось нечто, *подобное* натиранию мира янтарем.

Дитрих подошел к воротам ризницы и заглянул в алтарную часть храма, где Минорит заканчивал приготовления. Иоахим отбросил капюшон назад, и его жесткие черные кудри, окружавшие тонзуру, колыхались от того же невидимого импульса. Он двигался с той изящной грацией, которая указывает на благородное происхождение. Иоахим никогда не знал ни вилланской лачуги, ни свобод вольных городов.

Большое чудо, когда такой человек, наследник крупной вотчины, посвящает свою жизнь бедности. Иоахим слегка повернулся, и свет от верхнего ряда окон выхватил тонкие, почти женственные черты лица, несообразно сочетававшиеся со сросшимися на переносице густыми бровями. Среди тех, кто оценивал мужскую красоту, Иоахим мог быть признан красавцем.

Иоахим и Дитрих обменялись пристальными взглядами, прежде чем монах повернулся

к жертвеннику, чтобы принести два канделябра для *missa lecta*.¹⁸ Когда руки минорита приблизились к медным подсвечникам, от кончиков его пальцев дугой пробежали искры.

Иоахим вздрогнул и отдернул руку.

– Господь проклинает это богатство!

Дитрих подался вперед и схватил монаха за руку:

– Одумайся, Иоахим. Эти подсвечники у меня уже много лет, и до сих пор они никого не били. Если они не угодны Господу, зачем было ждать до сегодняшнего дня?

– Потому что Господь наконец потерял терпение к церкви, обуянной мамоной.¹⁹

– Мамоной? – Дитрих обвел рукой деревянную церковь. С балок и стропил на них смотрели дикие морды. На разноцветных витражах стрельчатых окон хмурились, улыбались или поднимали руку в благословении узкие фигуры святых. – Едва ли это Авиньон.

Дитрих наклонился, чтобы взглянуть на гравировку подсвечников: пеликана, кормящего своей кровью птенцов,²⁰ украшала монограмма Христа. Священник осторожно протянул к одному из подсвечников указательный палец. Когда тот приблизился на расстояние дюйма к основанию, послышался треск, и в воздухе между кончиком пальца и подсвечником появилась искра. Хотя Дитрих и знал, что произойдет, он отскочил так же быстро, как и Иоахим. Кончик его пальца как будто укололи раскаленной иглой. Чтобы унять боль, Дитрих пососал палец и повернулся к Иоахиму.

– Хм. – Он вынул палец изо рта и оглядел его, – Легкая боль кажется сильнее только из-за неожиданности. – Ощущения были те же, что и с сосудом для омовения, но мощнее. Еще один аргумент в пользу того, что причина всего этого приближалась. – Но это явление всецело материально. Минуту назад я вспомнил о трюке с янтарем и шерстью, производящем подобный эффект.

– Но маленькие молнии...

– Молнии, – сказал Дитрих. Его озарила новая мысль. Дитрих рассеянно потирал палец. – Иоахим! Не может ли их сущность быть того же рода, что сама молния? – Он широко улыбнулся и вновь прикоснулся к подсвечнику, вызвав еще один разряд. Огонь от земли! Он засмеялся, заставив Минорита отшатнуться в сторону. – Представь себе водяное колесо, обитое шерстью, – сказал Дитрих монаху, – трущееся о пластинки янтаря. Мы могли бы порождать эту сущность, эту *electronikos*, и, научись мы только контролировать ее, могли бы управлять молнией!

И внезапно ударила молния!

Дитрих почувствовал, как по телу пробежал огонь. Стоявший рядом Минорит выгнул спину, глаза монаха расширились, а рот искривился в оскале. Между двумя подсвечниками забегали искры.

Яркая вспышка света озарила витражи узких окон с северной стороны церкви, отбрасывая радуги. Святые и пророки сияли во славе: Мария, Леонард, Катерина, Маргарита Антиохийская, ослепительные, как солнце. Сияние лилось через их образы и играло в мрачном убранстве церкви, испещряя статуи и колонны золотыми, желтыми, красными и белыми крапинками и, казалось, почти заставляя их шевелиться. Иоахим упал на колени и согнулся, закрывая лицо от сияющих окон. Дитрих тоже встал на колени, но смотрел во все

¹⁸ *missa lecta* – сокращенная литургия, совершаемая наскоро, шепотом, с пропуском многих молитв – по частному заказу, за здоровье или за упокой.

¹⁹ *Мамона* – в Средние века демон скупости и богатства, один из князей ада. Ср. «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24).

²⁰ В Средние века считалось, что самка пеликана раздирает себе грудь и кормит птенцов своей кровью. Пеликан, таким образом, символизировал Христа, который принес себя в жертву и своей кровью искупил грехи человечества. В действительности же пеликан кормит птенцов, отрыгивая полупереваренную пищу.

глаза, пытаясь разом охватить взглядом картину целиком.

За вспышкой последовал раскат грома; колокола наверху зашлись в безумном, аритмичном перезвоне. Стропила церкви закрипели и застонали, через щели и слуховые окна ворвался ветер, завывая, словно зверь. Грифоны и виверны зарычали. Резные гномы застонали. Оконное стекло хрустнуло и покрылось паутиной трещин.

И затем, так же внезапно свет угас, гром и ветер стихли. Дитрих подождал, но больше ничего не произошло. Он глубоко вздохнул и обнаружил, что чувство страха также покинуло его. Прошептав короткую благодарственную молитву, Дитрих поднялся на ноги. Он взглянул на Иоахима, скрючившегося на каменных плитах пола и обхватившего голову руками, повернулся к жертвеннику и прикоснулся к подсвечнику.

Ничего не случилось.

Дитрих посмотрел на треснувшие стекла окон. *Что-то*, возвестив таким странным образом о своем приближении, прибыло.

1

В наши дни: Шерон

Во время летней сессии Шерон и Том занимались научной работой дома. Сейчас, когда весь мир в буквальном смысле лежит у кончиков наших пальцев, это легко; но в этом может таиться ловушка, ведь то, что нам нужно, может находиться чуть дальше кончиков пальцев. Том сгорбился за компьютером у окна, отслеживая маловразумительные ссылки в Сети. Он сидел спиной к комнате, а значит, и к Шерон.

Шерон расположилась на диване в другом углу комнаты – с ноутбуком, окруженная скомканными листами бумаги и недопитыми чашками травяного чая, размышляя о чем-то своем физико-теоретическом. Она уставилась на Тома, но видела то, что было перед ее внутренним взглядом, поэтому в известном смысле и она располагалась спиной к Тому. Шерон тоже использовала компьютер, но органический – тот, что был у нее в голове. Может, он и не имел выхода в Сеть, Шерон Нэги создавала собственные миры, странные и недоступные, лежавшие на самой границе космологии.

Он не был прекрасен, ее мир. Все там было искривлено и вывернуто. Пространство и время закручены по спирали в причудливых фрактальных вихрях, по направляющим, у которых нет названия. Измерения подвижны как ртуть – отвлечешься, и их уже нет.

И все же...

* * *

И все же Шерон чувствовала, что этот хаос подчинен какой-то закономерности, что в нем таится рисунок, и она приближалась к нему, словно кошка – бесшумными полушажками, никогда – прямым. Быть может, не хватало только одного верного взгляда, чтобы увидеть прекрасное. Вспомним Квазимодо или Чудовище Красавицы.

– Черт побери!

Чужой голос вторгся в ее мир. Шерон услышала, как Том хлопнул по своему компьютеру, и зажмурилась, пытаясь не слушать. Еще чуть-чуть, и она смогла бы понять. Формулы указывали на многосложные группы вращений, соединенные мета-алгеброй. Но...

– *Durak! Bunozo! Jdki!*

Но мир распался стеклышками калейдоскопа, и на минуту Шерон ошеломило чувство безвозвратной потери. Она швырнула ручку на кофейный столик, где та звякнула о чайные чашки из белого английского фарфора. Очевидно, Господу пока еще не угодно, чтобы она разобралась с геометрией Джанатпунова пространства. Она посмотрела на Тома, склонившегося над клавиатурой с неразборчивым ворчанием.

Кое-что о Шерон Нэги выдавала маленькая деталь: молодая женщина пользовалась ручкой, а не карандашом. Пожалуй, это свидетельствовало о некотором *высокомерии*.

– Ладно, – сказала она. – Что такое? Ты весь день бранишься на разных языках. Что-то раздражает тебя. Я не могу работать, и *это* уже раздражает меня.

Том повернулся на своем вращающемся стуле в ее сторону:

– Клио²¹ не дает мне правильного ответа! Шерон недовольно скривилась:

– Ну, надеюсь, тебе удастся выбить его.

Он открыл было рот, затем закрыл и соизволил принять смущенный вид, и в этом – суть его характера. Есть два типа людей, и Том Шверин – из тех вторых. Что у него на уме, то и на языке. Он был громким человеком, то есть вы непрерывно его слышали.

Сейчас он нахмурился и скрестил руки на груди:

– Я расстроен, вот и все.

Кто бы сомневался. Шерон относилась к его словесному попкорну как скупец к транжире. Она была из той породы людей, для которых выражение «ясно без слов» буквально и подразумевало молчание. В любом случае, сейчас огорчение Тома было только симптомом.

– Почему ты расстроен?

– Да с Эйфельхаймом проблемы! Не встраивается в схему.

– А должен?

Он широко развел руками:

– Его там просто нет!

Шерон, у которой наготове было еще одно «почему», потерла переносицу. Будь терпелива, и он наконец образумится.

– Хорошо, хорошо! – сдался он. – Это звучит глупо, но... Видишь ли, Эйфельхайм – деревня в Черном лесу, которую люди покинули и так никогда и не вернулись.

– И что с того?..

– То, что *должны* были. Я провел два числовых моделирования с сетью поселений Шварцвальда, и *каждый раз* место оказывалось заселено.

У нее не было времени на его проблемы. Будучи историком, Том не создавал миры, только обнаруживал; поэтому он был действительно другим человеком. Шерон соскучилась по своим пространствам и измерениям. Она почти разобралась с ними. А Том даже не подобрался к решению.

– Моделирование? – со злостью сказала она. – Тогда поменяй неправильную модель. Ты допустил многовариантность в условиях или что-то в этом духе.

Эмоции, особенно глубокие эмоции, всегда задевали Тома за живое. Его эмоции ограничивались короткими шквалами. Шерон могла взорваться как вулкан. В половине случаев он не мог понять, за что она на него злится; в половине он был неправ. Он на мгновение изумленно уставился на нее, затем закатил глаза.

– Конечно. Отбросить теорию Розена – Зипфа – Кристаллера. Один из краеугольных камней клиологии!

– Почему нет? – сказала Шерон. – В *подлинной* науке теория соотнобразуется с фактами, а не наоборот.

Лицо Тома покраснело, поскольку она наступила (о чем ей прекрасно было известно) на одну из его любимых мозолей.

– *A cuisla?* В самом деле? Не Дирак ли сказал, что важнее, когда формулы красивы, чем когда они подтверждаются экспериментально? Я читал где-то, что измерения скорости света с годами показывают все меньшие значения. Почему бы не отбросить *теорию*, что скорость света постоянна?

Шерон нахмурилась:

– Не глупи. – У нее были свои любимые мозоли. Том не имел о них никакого понятия, но умудрялся раз за разом угодить прямо по ним.

²¹ Клио – греческая муза, покровительница истории.

– Не глупи, черт! – Том так резко ударил рукой по терминалу, что Шерон слегка подскочила на месте. Затем он отвернулся и вновь уставился в экран. Воцарилось молчание, следующий этап ссоры.

И все же Шерон имела уникальную способность смотреть на ситуацию со стороны, которая особенно ценна, если человек не заикливается на позиции внешнего наблюдателя. Они *оба* глупили. Она злилась из-за того, что был нарушен ход ее мыслей, а Том злился потому, что какая-то из его математических моделей не работала. Она взглянула на свою работу и подумала: *я не помогу себе, если не помогу ему* – что, возможно, было плохим стимулом для проявления милосердия, но другого не было.

– Прости.

Они разговаривали в контрапункт. Шерон подняла глаза, Том повернулся к ней, мгновение они смотрели друг на друга, и безмолвное перемирие было заключено. Самый легкий способ достичь мира и согласия заключался в том, чтобы выслушать Тома; поэтому Шерон пересекла комнату и присела на краешек его стола.

– Хорошо, – сказала она. – Объясни. Что это за теория Зип-какого-то?²²

В ответ он повернулся к клавиатуре, ввел команды со стремительностью пианиста и отъехал на стуле в сторону.

– Скажи, что ты видишь?

Шерон слегка вздохнула и встала за ним, скрестив руки на груди и наклонив голову. Экран высветил сеть шестиугольников, в каждом из которых было по точке. Одни точки были ярче других.

– Пчелиные соты, – ответила она. – Пчелиные соты со светлячками.

Она прочитала названия рядом с точками. *Омаха. Де-Мойн. Оттумуа.*

– Чем ярче точка, тем крупнее город. Правильно?

– Вообще-то *vice versa* ;²³ но да, правильно.

Что еще? Почему он не может просто сказать? Ему обязательно необходимо устроить игру на угадывание. Студентов Тома, ожидавших его лекций с открытыми клювами, часто беспокоил тот же самый вопрос. Шерон сосредоточилась на экране в поисках очевидного. Она не считала клиологию особенно глубокой наукой, если та вообще была наукой.

– Хорошо. Большие города образуют разомкнутый круг. Вокруг Чикаго.

Том ухмыльнулся.

– *Ganz bestimmt, Schatzi* .²⁴ Здесь их должно было быть шесть, но вклинилось озеро Мичиган, и потому круг не замкнут. Теперь – что окружает каждый из больших городов?

– Кольцо не таких больших городов. Какие фракталы! Но рисунок несовершенен...

– Жизнь несовершенна, – ответил он. – Микрогеография и пограничные условия разрушают рисунок, но я подправил его, изменив координаты для эквивалентной, неограниченной плоскости.

– Копия. Умно, – сказала Шерон. – В чем заключаются твои изменения?

– *Оптимальное* расстояние как функция времени и энергии, необходимой, чтобы добраться из одной точки в другую. Не-абелева,²⁵ что усложняет дело.

²² Джордж Кингсли Зипф (Ципф) (1903–1950) – американский филолог, профессор Гарвардского университета. Автор закона Зипфа, который, в самых простых терминах, гласит, что существует равновесие между однородностью и различием.

²³ *Vice versa* – наоборот (лат.).

²⁴ *Ganz bestimmt, Schatzi* – совершенно верно, милая (нем.).

²⁵ То есть функция не вычисляется по принципам, открытым норвежским математиком Нильсом Абелем (1802–1829).

– Не-абелева? Но тогда...

– ... b может быть дальше от a , чем a от b . Действительно, почему нет? Португальцам оказалось легче плыть на юг вдоль берега Африки, чем возвращаться назад на север. Или возьми нашу собственную химчистку. На улицах движение одностороннее, поэтому ехать туда в три раза дольше, чем ехать назад.

Но Шерон больше не слушала. «Не-абелева! Конечно-конечно! Как я могла быть такой глупой?» О счастливая, понятная жизнь крестьянина времен Абеля, Евклида, Хаусдорфа! Могло ли Джанатпурово пространство быть неизотропным? Могло ли расстояние в одну сторону отличаться от расстояния в другую? *Путь домой всегда короче*. Но теперь? Теперь?

Голос Тома вновь разрушил ее фантазии:

– ...упряжки быков или автомобиля. Поэтому карта постоянно переходит от одного равновесия к другому. Теперь смотри.

Если она не подержит его за руку, когда он жалуется, то она никогда не закончит с собственной работой.

– Смотри на что? – спросила Шерон, возможно, резче, чем хотела, поскольку Том бросил на нее уязвленный взгляд, прежде чем вновь склониться над клавиатурой. Пока он был занят, Шерон пересекла комнату и открыла блокнот, чтобы зафиксировать свои скачущие мысли.

– Исходное исследование Кристаллера,²⁶ – сказал Том, не заметивший ее вылазки, – *Земля Вюртемберг, XIX век*.

Шерон удостоила экран беглого взгляда:

– Хорошо. – Затем практически против собственного желания она склонилась над компьютером. – Еще одни соты, – сказала она. – Это схожий рисунок?

Он не ответил. Вместо этого показал ей серию карт. Исследование Джонсоном поселений позднего Урука вокруг Варки.²⁷ Реконструкция Альдена политий тольтеков в долине Мехико. Анализ Скинера чехуанских деревень. Аномальное исследование Смитом Западной Гватемалы, открывшее две сети рек, Индио и Ладино, наложенные друг на друга, подобно двум параллельным вселенным.

– А теперь сравни с этой картой. Подтвержденные раскопками поселения древних шумерских и эламских пуэбло.

К собственной досаде, Шерон оказалась заинтригована. Одна подобная карта могла быть курьезом, две или три – совпадением, но не так много.

– Почему эта точка красная? – спросила она. Том снисходительно посмотрел на экран.

– Мое притязание на славу. В том месте не было известных поселений. Но в древних источниках часто упоминаются места, которые мы так и не смогли точно определить. Ну, я отправил е-мэйл старику Хотчкиссу, указав ему направление раскопок. Это свело его с ума – он микроисторик старой школы. Но что реально добило его, так это когда он в конце концов обнаружил руины два года спустя в точности там, где я ему и сказал.

Так его рисунки тоже имели прогностическую ценность! Рисунки были интересны. Они могли привести, как и астрология, к подлинной науке.

– Этому должна быть причина, – сказала она. Он с удовлетворением кивнул:

– *Ochen khorosho*.

– Ладно, сдаюсь. Что это?

Он постучал ногтем по экрану:

– Ты видишь усредненный результат процесса реакции-диффузии. Каждое место

²⁶ Вальтер Кристаллер (1893–1969) – немецкий географ, автор модели пространственного размещения поселений – так называемой теории центральных мест. Упомянутая работа Кристаллера – «Центральные места Южной Германии» – была опубликована в 1933 г. Далее Том вкратце описывает ее суть.

²⁷ Варка – современное поселение в Южном Ираке, рядом с которым находился древний город-государство Урук.

обеспечивает определенную степень биолого-психологической «подпитки» для своих жителей. Тучные низины, серебряные жилы, обильные запасы гуано, все что угодно. *Andere Lande, andere Sitte*.²⁸ Интенсивность данной подпитки определяет уровень ее потенциального превалирования над ландшафтом, и градиент данного потенциала является силой, которую мы называем привязанностью.

Шерон воздержалась от комментариев. Она никогда не считала «исторические величины» Тома чем-то большим, нежели простой метафорой. Она была физиком, а физики имеют дело с реальными величинами и законами.

– Если бы привязанность была единственной силой, – продолжал Том, – то все население засосал бы местный максимум. Но плотность населения сама по себе образует второй потенциал, поскольку *ceteris paribus* ²⁹ люди предпочитают открытые широкие пространства чьему-то локтю у своего уха. Поэтому существует обратная тенденция равномерного распределения населения по местности, подобно культурной «тепловой смерти». Взаимодействие этих двух сил порождает различные варианты процесса реакции-диффузии. Население накапливается в точках равновесия с размером поселений согласно шкале размеров по закону Зипфа. Каждое поселение вырабатывает поле культурного потенциала, чья сила пропорциональна его богатству и населению и уменьшается на квадрат расстояния. Географически эти поселения и их окрестности образуют по форме шестиугольники, так называемую сетку Кристаллера. *Ert, Nagy kisasszony* ?³⁰

– *Ertek jól, Schwöerin ur*,³¹ – ответила она. Рассуждения Тома не совсем убедили Шерон, но ей не хотелось высказывать свою точку зрения и тем самым спровоцировать бесполезную дискуссию, которая лишь оторвет ее от Джанатпурова пространства. А ведь именно эта модель описывала удивительную согласованность распределения поселений. Шерон поджала губы. Нужно проявить максимум осторожности, чтобы не погрязнуть в решении *его* проблемы вместо решения собственной. – Итак, куда вписывается этот твой Эльфенхайм? Том всплеснул руками:

– Он не вписывается. – Он вывел на экран еще одно окно. – Это Черный лес. Замечаешь что-нибудь странное?

После всех этих карт пустая клетка буквально бросилась ей в глаза. Шерон прикоснулась к экрану, ее палец переходил от одной деревни к другой. Баренталь, Оберрайх, Хинтерцартен, Санкт-Вильхельм... Все дороги пересекались на пустом месте, некоторые ответвлялись, чтобы обойти его. Она нахмурилась. Том был прав. Здесь *должна* быть деревня.

– Это, – возвестил он мрачно, – Эйфельхайм.

– Городок, которого тут не было, – пробормотала Шерон. – Но как может город, которого здесь нет, иметь название?

– Так же, как имело название эламское поселение. Достаточно упоминаний из разных источников, чтобы произвести триангуляцию его местонахождения. *Attendez*.³² – Том ввел еще одну команду – Та же область в раннее Средневековье, реконструированная по

²⁸ *Andere Lande, andere Sitte* – «Другие страны, другие нравы», «Что ни город, то норв» (нем.).

²⁹ *Ceteris paribus* – при прочих равных условиях (лат.).

³⁰ *Ert, Nagy kisasszony?* – Видите, мисс Нэги? (венг.)

³¹ *Ertek jól, Schwöerin ur* – Прекрасно вижу, господин Шверин (венг.).

³² *Attendez* – погоди (фр.).

фотографиям «Landsat»-а³³ – Он поднял голову. – *C'est drôle, mon chérie*.³⁴ Вблизи ты не увидишь чертову хрень; однако с высоты многих миль дух погибших деревень вырисовывается отчетливо. – Он посмотрел на экран и показал: – Эйфельхайм здесь.

Маленькая точка смотрела на нее из прежде пустого шестиугольника.

– Тогда я не понимаю. Ты нашел еще один «затерянный город», как в Шумере?

Но Том печально покачал головой.

– Нет, – сказал он, глядя на экран. – Поселения забрасывают потому, что их привлекательность падает или технология изменяет фактическое расстояние. Серебряные рудники истощаются, или через поселения прокладываются трассы. Но не в данном случае. Привлекательность должна стать причиной возникновения селения-преемника где-то в пределах этого шестиугольника, причем на протяжении жизни одного поколения. Посмотри на то, как Багдад последовал за Селевкией, Вавилоном и Аккадом в одном и том же шестиугольнике Междуречья.

– Твои снимки со спутника говорят, когда исчез Эйфельхайм?

– Основываясь на системе полос – фарлонгах³⁵ – я предполагаю, что в позднее Средневековье, возможно, в годы Черной смерти. Позже способы возделывания земли изменились.

– Но ведь в те годы опустело множество мест! Я читала где-то, что треть Европы вымерла. – Ей и впрямь показалось, что это можно принять за объяснение. Она на самом деле подумала, что Том это упустил из виду. Нам ведь всем порой кажется, что мы и сами неплохо разбираемся в предметной области ученого-соседа.

Том был глух к ее торжеству.

– Да, – сказал он небрежно, – и Ближнего Востока тоже. Ибн Хальдун³⁶ писал... Ну, ушло две сотни лет на то, чтобы население восстановилось до средневековых показателей, но в любую другую заброшенную деревню жители в конце концов или вернулись вновь, или основали новую по соседству. Люди жили здесь четыре сотни лет и затем вдруг исчезли раз и навсегда.

Шерон поежилась. То, как он произнес это, звучало неестественно.

– Место стало *запретным*, – продолжал Том. – В 1702 году маршал Виллар отказался вести армию по этой земле, чтобы соединиться со своими баварскими союзниками. – Том взял со стола картонную папку, открыл и прочел с листа бумаги. – Вот что Виллар писал курфюрсту: «*Cette val ée de Neustadt que vous me proposez. C'est le chemin qu'on appelle le Val d'Enfer. Que votre Altesse me pardonne l'expression; je ne suis pas diable pour y passer*».³⁷ Вот путь, который он отверг, через Холленталь – Адскую долину. – Его палец прочертил путь по

³³ Программа по фотосъемке Земли из космоса; первый спутник «Landsat» был выведен на орбиту в 1972 г.

³⁴ *C'est drôle, mon chérie* – Это странно, моя дорогая (фр.).

³⁵ В современном языке *фарлонг* – единица длины в системе английский мер, однако дословно он переводится как «длинная борозда». В Средние века фарлонг был стандартной длиной борозды на квадратном поле в 10 акров. Причем фарлонг – это не «поле» в нынешнем понимании, у него не было заборов, которые отделяли бы его от других фарлонгов; зачастую им одновременно владели не один, а несколько человек. Самой малой составной частью фарлонгов и были полосы, о которых говорит Том.

³⁶ *Ибн Хальдун* (1332–1406) – арабский мусульманский философ, историк, социолог. Том, видимо, ссылается на его сочинение «Книга назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле».

³⁷ *Cette val ée de Neustadt que vous me proposez. C'est le chemin qu'on appelle le Val d'Enfer. Que votre Altesse me pardonne l'expression; je ne suis pas diable pour y passer* – Вы мне предлагаете долину Нойштадта. Это путь, который называют Адской долиной. Да простит Ваше Высочество мне выражение, я не дьявол, чтобы там пройти (фр.).

карте на экране на северо-восток от Фалькенштайна через Эйфельхайм и далее на Фельдберг. – Через ту часть леса не было даже дороги; австрийцам пришлось строить новую в 1770 году – чтобы Мария-Антуанетта смогла с комфортом проделать путь во Францию, что оказалось плохой идеей. Но даже после того, как там прошла дорога, популярностью среди путешественников это место не пользовалось. Отступление Моро вниз по долине было таким подвигом, что, когда он наконец достиг ее нижнего края, его славили чуть ли не как победителя. Затем здесь... – он порылся вновь в папке –...у меня есть копия письма английского путешественника по имени Хьюго, писавшего в 1900 году: «Я спешил к Химмельрайху, пока темнота не настигла меня на недоброй земле Эйфельхайма». Он слегка иронизировал – высокомерный англичанин эдвардианской эпохи, не обращающий внимания на «нелепые» немецкие народные сказки, – но заметь, он не остановился здесь на ночь А Антон Ценгле – ты помнишь Антона? – прислал мне газетную вырезку о том, что... Вот, прочти сама. – Он передал ей папку. – Продолжай, с самого верха.

Если космолог о чем-то и знает, так это что кратчайший путь *не всегда* идет по прямой. Открыв папку, Шерон обнаружила вырезку из «*Freiburger Wochenbericht*» с приколотым переводом на английский.

Культ Дракулы нашел новую могилу

«[Фрайбург-им-Брейсгау] Хотя официальные лица и называют это суеверием, некоторые американские солдаты, находящиеся здесь на маневрах, считают, что они обнаружили могилу графа Дракулы в сотнях миль от Трансильвании. Представитель Третьей пехотной дивизии армии США признал, что загадочное средневековое надгробие с вырезанным на нем демоническим ликом породило в среде солдат нечто среднее между фантастическими рассказами и культом.

Могила находится в той части Шварцвальда, что называется Эйфельхаймом.

Эта местность густо покрыта лесом, и солдаты отказываются обозначить точное расположение, утверждая, что любопытные туристы нарушат покой обитателя могилы. Это устраивает живущих по соседству фермеров, испытывающих суеверный ужас перед данным местом.

Монсеньор Генрих Люрм, представитель диоцеза Фрайбург-им-Брейсгау, выразил беспокойство по поводу возможного осквернения древнейшего кладбища искателями достопримечательностей. «Я полагаю, вы не сможете помешать этим молодым людям верить в то, во что они хотят верить, – заявил он, – факты куда менее притягательны, нежели сказки».

Монсеньор также отмечает возможную связь между изображением, описанным солдатами, и местными народными преданиями о летающих монстрах, называемых крэнками. «После сотен лет под дождем и ветрами, – сказал он, – мое собственное лицо тоже выглядело бы не лучше. Если современные американские солдаты могут выдумать истории вокруг какого-то изображения на надгробии, то могли и средневековые германские крестьяне».

Шерон вернула вырезку:

– Вот тебе и ответ. Крэнк У них появилась своя собственная версия летающего повсюду Джерси Дэвила.

Он посмотрел на нее с жалостью.

– Шерон, *это же Черный лес*. Здесь демонов, духов и ведьм на квадратную милю больше, чем где-либо на свете. Эти «Летающие крэнки Эйфельхайма» из той же оперы, что и «Фельдбергский демон», «Дьявольский помост», шабаши ведьм на Канделе, тайная пещера Таннхаузера и тому подобное. Нет, *Schatzi*.³⁸ Историю творят материальные силы, а не мистические верования. Факт бегства жителей из деревни породил легенды, а не наоборот.

³⁸ *Schatzi* – милая (нем).

Не бывает так, чтобы люди проснулись однажды утром и решили, что место, в котором они жили на протяжении четырех столетий, вдруг *verboten*.³⁹ *Das ist unsinnlich*.⁴⁰

– Ну... Черная смерть... Том пожал плечами.

– Но чума была «обычным делом». Она затронула *все* деревни. Каким бы ни был ответ, он должен объяснять не только почему Эйфельхайм был оставлен навеки, но и почему один только Эйфельхайм. – Он устало потер глаза. – Проблема в том, что нет данных. *Nada. Nichts. Nichego. Nines*. Несколько вторичных источников, хронологически не соотносящихся с самими событиями. Самым ранним свидетельством, которое я обнаружил, был теологический трактат о медитации, написанный три поколения спустя. Он здесь. – Том ткнул пальцем в папку.

Шерон увидела отсканированное изображение рукописи на латыни. Большинство страниц занимала витиевато украшенная заглавная D, покоящаяся на шпалере из стеблей, переплетенных в замысловатый рисунок, прерывающийся то там, то тут листьями и ягодами, неправильными треугольниками и прочими геометрическими фигурами. Смутное ощущение дежавю охватило ее, пока она изучала их.

– Не очень симпатично, – сказала она.

– Просто кошмар, – ответил Том. – А содержание еще хуже. Трактат называется «Достижение иного мира внутренним поиском». *Gottes Himmel*,⁴¹ я не шучу. Мистическая ахиня о «троице Троиц» и о том, как Бог может быть повсюду во времени и пространстве «включая времена и пространства, о которых мы не можем узнать иначе, как заглянув внутрь себя». Но! – Том многозначительно поднял палец. – Автор приписывает идеи – я цитирую – «старому каменотесу Сейбке, чей отец лично знал последнего пастора из места, которое мы называем Эйфельхаймом». Конец цитаты. – Он скрестил руки. – Что же тогда будет в первоисточнике?

– Как примечательно сказано: «Из места, которое мы называем Эйфельхаймом».

Шерон подумала, что Том не столько жалуется, сколько бахвалится, будто бы он влюблен в ту кирпичную стену, о которую бьется головой. Ладно. Они оба вылеплены из одного теста. Ей это немного напомнило о бесконечных жалобах собственной матери на здоровье. Не то чтобы мать находила удовольствие в том, чтобы быть больной, но ее распирала гордость по поводу непреодолимости ее недугов.

Шерон лениво пролистала распечатки, задумавшись над тем, как выставить Тома из квартиры. Он буксует и портит ей жизнь. Она вернула ему папку.

– Тебе нужны еще данные.

– *Bozhe moi*, Шерон. *Ya ne durak!* Скажи мне что-нибудь, о чем я *не* знаю! Я искал и искал. КЛИО перевернула весь Интернет в поисках упоминаний об Эйфельхайме.

– Ну, не все есть в *Интернете* – парировала она. – Разве в архивах и на дальних полках библиотек мало покрытых плесенью бумаг, которые никто не то чтобы не сканировал, но даже *не читал*? Я подумала о том, что вы, историки, делали до того, как получили компьютеры, – рылись на пыльных полках, сдувая паутину.

– Ну, – протянул Том с сомнением. – Все, не размещенное в Сети, может быть отсканировано по запросу.

– Это если ты знаешь, что такой документ существует. А как насчет того хлама, который не внесен ни в какие каталоги?

Том поджал губы и посмотрел на нее. Медленно кивнул

– Там было несколько малозначительных единиц, – сознался он. – Тогда казалось, что

³⁹ *Verboten* – запрещено (нем.).

⁴⁰ *Das ist unsinnlich* – это нелепо (нем.).

⁴¹ *Gottes Himmel* – Святые Небеса (нем.).

ничего важного они из себя не представляют, но теперь... Хорошо. Как говорится, *Cantabit vaceus coram latrone viator*. – Том улыбнулся Шерон. – «Путник, у которого ничего при себе нет, может распевать в присутствии разбойника», – перевел он. – Что ему терять, как и мне?

Он откинулся в кресле и вперился в потолок, рассеянно потягивая себя за нижнюю губу. Шерон улыбнулась. Ей был известен этот симптом. Том – нормальный парень, но похож на старый мотоцикл. Чтобы завелся, его надо хорошенько пнуть.

* * *

Том ушел в библиотеку, и тут Шерон заметила, что экран КЛИО по-прежнему светится, и с досадой вздохнула. Почему Том всегда уходит и ничего не выключает? Компьютер, свет, магнитофон, телевизор. Куда бы он ни уходил, Том всегда оставлял за собой след из закипающих электроприборов.

Она пересекла комнату, чтобы выключить его компьютер, но, занеся палец над сенсорным планшетом, замерла при виде пустой клеточки. Эйфельхайм... Зловещая черная дыра, окруженная созвездием жилых деревень. Здесь, должно быть, однажды произошло что-то ужасное. Что-то столь дурное, что люди и семь столетий спустя сторонились этого места, хотя и забыли уже почему.

Резким движением она выключила машину. «Не будь дурочкой», – сказала она себе. Но одна фраза Тома так и не шла из головы. Сам собой возник вопрос: «Что если?..» Вот тут все и изменилось.

II

Август, 1348

Заутреня. Поминание Сикста II и его спутников

Дитрих вышел из церкви, и его взору предстал пострадавший и встревоженный Оберхохвальд: соломенные крыши перекосило; ставни слетели с петель; в загоне, выходящем на луг, носились и блеяли овцы. Женщины пронзительно визжали или прижимали к себе плачущих детей. Мужчины бегали, что-то крича и размахивая руками. Лоренц Шмидт стоял в дверях кузницы, стискивая в руке молот и оглядываясь в поисках врага.

Дитрих вдохнул удушливо резкий запах дыма. От края портика, откуда он мог разглядеть дальний конец деревни, он увидел охваченные пламенем соломенные крыши. Еще дальше, за общим лугом, над Большим лесом, там, где до этого было лучезарное свечение, носились и сталкивались друг с другом черные тучи.

Грегор Мауэр, стоя на верстаке в своем дворе, кричал и указывал руками на мельничный пруд. Его сыновья, Грегерьль и Сейбке, спешили мимо с ведрами в тонких руках. Терезия Греш бегала от дома к дому, отправляя людей к речному потоку. На той стороне дороги на Оберрайде цепи с лязгом подняли решетку замка Манфреда, и отряд солдат рысцой устремился вниз с Замкового холма.

– Это адов гнев, – сказал Иоахим. Дитрих обернулся и увидел юношу, осевшего у притоки. Рядом с ним на дверном косяке, открыв клюв и распушив когти, парил орел св. Иоанна Богослова. Глаза Иоахима были широко раскрыты от ужаса и удовлетворения.

– Это молния, – сказал Дитрих. – Она подожгла несколько хижин.

– Молния? Без единой тучи на небе? Где теперь твой разум?

– Тогда это тот же ветер, что опрокинул лампы и свечи! – Потеряв терпение, Дитрих схватил Иоахима за руку и отправил пинком вниз по склону холма по направлению к селению.

– Быстро, – сказал он, – если огонь распространится, деревня сгорит дотла. – Дитрих завязал края подризника узлом на уровне колен и присоединился к толпе, бегущей к мельничному пруду.

Минорит остановился на полпути.

– Этот огонь сверхъестественен, – сказал он, когда Дитрих пробегая мимо. Затем Иоахим повернулся и стал взбираться обратно к церкви.

* * *

Хижины батраков – в лучшем случае бедные хибары – были поглощены пламенем, и селяне оставили мысль спасти их. Макс Швайцер, сержант из замка, организовал живую цепь, па которой вода ведрами подавалась от мельничного пруда к горящим домикам фригольдеров. Беспризорная домашняя живность металась в панике, лаяла и фыркала. За одной козой, удравшей вверх по дороге, погнался Никел Лангерман. Швайцер жезлом в правой руке указывал то туда, то сюда, направляя общие усилия. Больше ведер на дом Фельдмана! Больше ведер! Он хлопнул жезлом по кожаной штанине и, поймав Лангермана за плечо, направил того обратно к огню.

Сеппл Бауэр, сидя верхом на крыше домика Аккермана, Уронил ведро, и Дитрих изловчился его поймать.

Дитрих проложил дорогу через камыши и метелки, окружавшие мельничный пруд, в начало живой цепочки, где Грегор и Лоренц, по колено в воде, наполняли и передавали ведра на берег. Грегор на мгновение остановился и вытер рукой пот со лба, оставив грязный след. Дитрих протянул пустое ведро. Каменотес наполнил его водой и вернул Дитриху, а тот передал ведро следующему по цепочке, где уже освободили место для священника.

Грегор, доставая очередное ведро из воды, тихо выдохнул.

– Это не обычный огонь. – Стоявший рядом с ним Лоренц взглядом показал, что услышал сказанное; но сам промолчал.

Другие поблизости тоже бросили украдкой взгляд в его сторону. Миропомазанный священнослужитель. Он должен знать ответы. Прокляни пламя! Взмахни над ним берцовой костью св. Екатерины! На мгновение Дитриха охватил гнев, и мелькнуло сожаление, что он навсегда лишен холодного, схоластического рационализма Парижа.

– Почему ты говоришь так, Грегор? – спросил он мягко.

– Я в жизни не видел ничего подобного.

– Видел ли ты когда-нибудь турка?

– Нет...

– Следует ли из этого, что турки сверхъестественны?

Грегор нахмурился, ощущая какой-то изъян в данном аргументе, но не смог выискать подвох. Дитрих передал ведро дальше и вновь повернулся к Грегору, ожидавшему с протянутыми руками.

– Я могу породить уменьшенную копию этой молнии с помощью всего лишь кошачьей шкурки и янтаря, – сказал Дитрих Грегору, и каменотес ухмыльнулся, не понимая объяснения, но находя удовольствие в том, что оно существует.

Дитрих погрузился в монотонный ритм работы. Ведра были тяжелыми, и веревочные ручки натерли его ладони до крови, но страх перед сверхъестественными событиями утра был задушен естественным страхом перед огнем и простой неотложной задачей борьбы с пламенем. Ветер изменил направление, и Дитрих закашлялся в моментально окутавшем его дыму.

Через руки Дитриха проходила бесконечная вереница ведер, и он начал воображать себя зубцом шестеренки в очень сложной водяной помпе, состоящей из человеческих мускулов. Однако механики могли бы освободить человека от подобного умопомрачительного труда. Есть же распределительные и новомодные коленчатые валы. Если мельницы могут приводиться в движение силой водяного колеса и ветра, то почему не может цепь ведер? Если бы только кто-то смог...

– Пожар потушен, пастор. – Что?

– Пожар потушен, – сказал Грегор.

– Ох. – Дитрих стряхнул с себя забытье. По всей цепочке мужчины и женщины опустили на колени. Лоренц Шмидт поднял последнее ведро и вылил воду себе на голову.

– Каков ущерб? – спросил Дитрих. Он опустился на корточки в опоясывающих кромку пруда тростниках, слишком усталый, чтобы взобраться на берег и взглянуть самому.

Рост каменотеса давал тому преимущество. Он приложил руку ко лбу и обвел глазами открывавшийся вид.

– Хижины сгорели, – сказал он. – Крышу дома Бауэра придется менять. Дом Аккермана сгорел дотла. У обоих Фельдманов тоже. По моим подсчетам... пять домов сгорело и где-то еще в два раза больше повреждено. И пристройки тоже.

– Много ли пострадавших?

– У некоторых ожоги, насколько я вижу, – сказал Грегор. Тут он засмеялся. – И Сеппл-младший спалил штаны на заднице.

– Тогда мы должны быть очень благодарны за это. – Дитрих закрыл глаза и перекрестился. «Боже, чьи страдания несопоставимы с теми, кто уповает на Тебя, но Кто выслушает милостиво их молитвы, мы благодарим Тебя зато, что внял нашим мольбам и исполнил их. Аминь».

Когда Дитрих открыл глаза, он увидел, что все уже собрались у пруда. Некоторые зашли в воду, а самые маленькие – не понимающие, как близко была беда, – воспользовались случаем, чтобы поплавать.

– Мне пришла в голову идея, Грегор. – Дитрих осмотрел свои руки. Дома нужно будет приготовить мазь, иначе ладони покроются волдырями. Терезия делала подобные мази, но сегодня, вероятно, она будет нарасхват, а Дитрих в Париже читал Галена.

Каменотес сел рядом. Он медленно растирал руки, ладонь о ладонь, осматривал их, как будто ища знамения в рубцах и распухших суставах пальцев. На левой руке у него не хватало мизинца, раздробленного давным-давно из-за несчастного случая.

Он тряхнул головой:

– Какая?

– Приделать ведра к ремню, приводимому в движение водяным колесом Клауса Мюллера. Потребуется только соизволение герра Манфреда и услуги искусного механика. Нет. Не ремень. Кузнечные меха. И водяной насос, подобный такому, что используется в Иоахимстале.

Грегор нахмурился и повернул голову, чтобы посмотреть на водяное колесо Клауса Мюллера ниже по течению мельничного пруда. Каменотес вырвал камышинку из земли и отвел ее вертикально на вытянутой руке.

– Колесо Мюллера покосилось, – сказал он, глядя на тростинку. – От того странного ветра, как думаете?

– Видел ли ты когда-нибудь водяной насос? – спросил его Дитрих. – Шахта в Иоахимстале располагается на вершине холма, но шахтеры соорудили решетчатую конструкцию из деревянных брусьев, тянущуюся от склона холма до самого водного потока. Она берет свою силу от водяного колеса, которое вращается; а вот распределительный вал заставляет решетку двигаться взад-вперед, – Он помахал руками в воздухе, пытаясь показать Грегору, что за движение он имеет в виду. – И это колебание приводит в действие насос в шахте.

Грегор обхватил руками колени:

– Мне нравится, когда вы рассказываете эти свои небылицы, пастор. Вам надо писать сказки.

Дитрих ухмыльнулся:

– Это не сказки, а истинная правда. Было бы у нас необходимое количество бумаги, если бы водяные мельницы не давали столько размягченного сырья? Двадцать пять лет назад был изобретен вал, приводящий в движение меха; я недавно слышал, что изобретатель в Льеже соединил меха с очагом и создал новый тип плавильной печи – в которой используется нагнетание воздуха. Уж восемь лет, как на севере с помощью этой печи

выплавливают сталь.

– Мы живем в удивительные времена, – признал Грегор. – Но как это связано с вашей цепью ведер?

– Очень просто! Приспособь меха накачивать воду вместо воздуха и присоедини их к водяному насосу, как в Иоахимстале. Всего несколько человек, удерживающих такой сифон, смогут направлять постоянную струю воды на пламя. Тогда не будет нужды в цепочке ведер или...

Грегор засмеялся:

– Если подобное возможно, то кто-нибудь это уже бы построил. Раз никто этого не построил, значит, это следует признать невозможным. – Грегор лукаво замялся и напустил глубокомысленный вид. – Надо же. В этом была логика, не так ли?

– *Modus tollens*,⁴² – согласился Дитрих. – Но твоя главная посылка ложна.

– Правда? Из меня не очень хороший ученый. Все это покрыто для меня тайной. А что это за главная посылка?

– Первая.

– Как же так – она ложная? Римляне и греки были умными людьми. И сарацины, хотя они и безбожники. Вы сами мне сказали. Как это вы называли? То, что они делают с числами.

– Аль-джабр. «Восстановление частей».

– Алгебра. Она самая. И тот генуэзский парень, когда я учился в Фрайбурге, который утверждал, что он доехал до Катая⁴³ и обратно. Разве он не описывал всякие хитрости, которые видел там? Ну, к чему я клоню со всеми этими умными людьми, христианами, безбожниками и язычниками, древними и нынешними, изобретавшими вещи с начала мира, как они могли упустить из виду что-то столь простое, как это выходит из ваших слов?

– Здесь будут сложности в деталях. Но помяни мое слово. Придет день, когда вся работа будет выполняться умными машинами, а люди будут свободны, чтобы созерцать Бога и предаваться философии и искусствам.

Грегор махнул рукой:

– Или свободны, чтобы придумывать неприятности. Что ж. Я полагаю, что все возможно, если не принимать во внимание детали. Разве не вы мне сказали, что кто-то пообещал королю Франции флот передвигаемых ветром боевых колесниц?

– Да, Гвидо да Вигевано⁴⁴ сказал королю, что телеги, оснащенные парусами, как корабли...

– А использовал ли их французский король в этой новой войне с англичанами, которая его постигла?

– Нет, насколько я слышал.

– Из-за деталей, я полагаю. Как с говорящими головами. Чья это была идея?

– Роджера Бэкона; но это был всего лишь *суфлер*.

– Правильно. Теперь я вспомнил его имя. Если бы кто-то в реальности соорудил эти говорящие головы, Эверард использовал бы их, чтобы вернее подсчитывать наш оброк и долги. Тогда бы на вас обозлилась вся деревня.

– На меня?

⁴² *Modus tollens* – модус отрицания {лат.}. Термин в средневековой логике, обозначающий доказательство от противного.

⁴³ *Kamaj* – устаревшее поэтическое название Китая.

⁴⁴ *Гвидо да Вигевано* (1280–1349) – итальянский врач и изобретатель. Его сборник рисунков «*Treasure of France*» дает ценный материал для понимания средневекового технологического мышления. В частности, там изображены покрытые броней колесницы, везомые ветром повозки и осадные машины.

– Ну, Бэкон же мертв. Дитрих засмеялся:
– Грегор, каждый год приносит новые открытия. Всего двадцать лет прошло, как человек изобрел очки для чтения. Я даже разговаривал с человеком, который изобрел их.
– Правда? Что он за волшебник?
– Он не волшебник. Простой человек, как ты или я. Человек, который устал щуриться в свой псалтырь.
– Тогда – человек, похожий на вас, – допустил Грегор.
– Он был францисканцем.
– А, – Грегор кивнул, как будто это все объясняло.

* * *

Селяне расходились по домам со своими ведрами и кочергами; некоторые собирали среди обуглившихся столбов и дымящейся соломы кровли то, что могли спасти из руин. Лангерман и другие батраки этим себя не беспокоили. В их хижинах было слишком мало такого, ради чего стоило ворошить угли. Лангерман, однако, поймал свою козу. Коровы в загоне для скота, не доенные с утра, протяжно мычали.

Дитрих увидел фра Иоахима; тот был закопчен дымом до черноты и сжимал в руках ведро. Дитрих поспешил за ним.

– Иоахим, подожди. – Он нагнал Минорита через несколько шагов. – Мы должны отслужить благодарственную мессу *Spiritus Domini*, поскольку алтарь уже украшен в красном. Но давай подождем до вечерни, чтобы каждый смог отдохнуть от трудов.

Покрытое сажей лицо Иоахима не выражало никаких эмоций.

– Значит, до вечерни. – Он отвернулся, и Дитрих снова схватил его за рукав.

– Иоахим, – он замялся, прежде чем продолжить. – Тогда. Я думал, ты убежал.

Минорит неловко бросил на него взгляд.

– Я возвратился за этим, – сказал он, стукнув слегка по ведру.

– За ведром?

Тот передал ведро Дитриху:

– Святая вода. На случай, если бы пламя оказалось дьявольским.

Дитрих заглянул внутрь. На дне были остатки воды. Он вернул ведро монаху.

– А когда пламя в конце концов оказалось материальным?

– Что ж, лишнее ведро воды, чтобы его побороть. Дитрих засмеялся и хлопнул Минорита по плечу. Иногда этот пылкий юноша его удивлял.

– Вот видишь? Ты знаешь кое-что о логике. Иоахим указал пальцем:

– А кто, по твоей логике, таскал ведра, чтобы погасить пожар в Великом лесу? – Тонкая серая пелена висела над деревьями.

И монах двинулся дальше к церкви. На сей раз Дитрих не стал его удерживать. Господь прислал Иоахима неспроста. Своего рода испытание. Иногда Дитрих завидовал минориту из-за его религиозного экстаза, криков радости, которые тот исторгал от присутствия Господня. Сам Дитрих не был расположен к открытому изъятию эмоций, больше полагался на разум и мог бы показаться бесчувственным.

* * *

Дитрих говорил с теми, кто потерял в пожаре свои дома. Феликс и Ильза Аккерман только безмолвно озирались.

Все, что им удалось спасти из руин своего дома, они сложили в два небольших узла, что были за спиной у Феликса и его дочери Ульрики. Еще один ребенок, Мария, сжимала в руках деревянную куклу, закопченную и покрытую куском прожженной ткани. Она походила на тех африканцев, которых сарацины продавали на невольничьих рынках по всему Средиземноморью. Дитрих присел на корточки рядом с Марией:

– Не беспокойся, малышка. Ты поживешь у своего дяди Лоренца, пока деревня поможет твоему отцу построить новый дом.

– Но кто поможет Анне? – спросила Мария, вытягивая вперед куклу.

– Я возьму ее в церковь и посмотрю, что можно сделать. – Он попытался мягко забрать куклу из девочкиных рук, но понял, что для этого придется оторвать ей пальцы.

– Все в порядке, вы, негодные сыновья неверных жен! Поторапливайтесь назад в замок. Не болтайте здесь. Вы и так получили отдых от службы и купание в мельничном пруду – и самое время! – но там вас тоже ждет работенка!

Дитрих отступил в сторону и пропустил мимо стражников.

– Благослови Господь тебя и твоих людей, сержант Швайцер, – сказал он.

Сержант перекрестился:

– Добрый день, пастор. – Он кивнул в сторону замка. – Эверард послал нас помочь справиться с пожаром.

Максимилиан Швайцер был невысоким широкоплечим мужчиной и телосложением напоминал пень. Он пришел сюда из альпийских провинций несколько лет назад, и герр Манфред нанял его, чтобы навести порядок среди своих пехотинцев и бороться с разбоем в горных лесах.

– Пастор, что... – Сержант внезапно нахмурился и бросил взгляд на своих людей. – Никто не позволял вам слушать. Мне отвести вас за руку? Здесь только одна улица. Замок в одном ее конце, а вы в другом. Дальше сами догадаетесь?

Андреас, капрал, рывкнул на солдат, и они тронулись неровной цепью. Швайцер провожал их взглядом.

– Неплохие ребята, – сказал он Дитриху, – но нуждаются в дисциплине. – Он одернул свою кожаную куртку. – Пастор, что сегодня произошло? Все утро я чувствовал, как будто... Как будто я знал, что кто-то приготовил на меня засаду, но не знал, когда и где. В караульной случилась драка, а юный Гертль разрыдался в казарме без причины. И когда мы притрагивались к чему-либо металлическому – ножу или шлему, – нас била короткая пронзительная боль...

– Остались ли раны?

– От такой маленькой стрелы? На теле – нет, но, кто знает, какой ущерб она причинила душе? Некоторые парни из караула в лесу говорят, что это был выстрел эльфа.

– Выстрел эльфа?

– Маленькие, невидимые стрелы, выпускаемые эльфами... А что?

– Ну, это предположение «сохраняет внешнюю сторону», как учит Буридан, но ты увеличиваешь число сущностей без нужды.

Швайцер нахмурился:

– Если это насмешка..

– Нет, сержант. Я всего лишь цитирую своего друга из Парижа. Он говорил, что, если мы пытаемся объяснить что-то таинственное, мы не должны использовать для этого новые сущности.

– Ну... эльфы – это не *новые* сущности, – настаивал Швайцер. – Они были здесь, когда лес был еще молодым. Андреас – родом из долины Мурга, и он говорит, что, возможно, это гнуэр подшучивает над нами. А Францль Длинноносый сказал, что это был Ашенманляйн⁴⁵ из лесов Зигманна.

– Швабское воображение – вещь просто замечательная, – сказал Дитрих. – Сержант, загадочное всегда кроется в простых вещах. В куске хлеба. В доброте незнакомца. А дьявол проявляется в низких и бесчестных деяниях. Все, что вызывало сегодня дрожь, ветер и вспышки молнии – все это было слишком драматично. Только Природа так театральна.

⁴⁵ *Ашенманляйн* – добродушный шаловливый природный дух, схожий с Робинот Добрым Малым. Упоминается в «Прогулках по Черному лесу» Генри В. Вольффа.

– Но что породило все это?

– Причины таинственны, но они, безусловно, материальны.

– Но как вы можете быть столь... – Макс замер и шагнул на деревянные мостки, перекинутые через поток за мельницей, всматриваясь в деревья.

– В чем дело? – спросил Дитрих. Сержант кивнул головой:

– Стая соек резко взлетела с зарослей у кромки леса. Там что-то движется.

Дитрих прикрыл ладонью глаза и посмотрел в ту сторону, куда указывал швейцарец. Дым лениво висел в воздухе, подобно клокам чесаной шерсти. Деревья на опушке леса отбрасывали черные тени, которые поднимающееся солнце не могло рассеять. В этих черных и белых полосах явно наблюдалось какое-то шевеление, хотя с такого расстояния Дитрих не мог различить деталей. Мерцание света, подобное тому, как солнце сверкает на металле.

Дитрих заслонил глаза:

– Это доспехи? Макс нахмурился:

– В лесах герра Манфреда? Это было бы слишком дерзко даже для фон Фалькенштайна.

– Разве? Предок Фалькенштайна заложил душу дьяволу, чтобы сбежать из сарацинского плена. Он грабил монахинь и паломников к святым местам. Его настоятельно требуется обуздать.

– Когда маркграф достаточно разгневается, – согласился Макс. – Но через ущелье слишком трудно пройти.

Зачем Филиппу отправлять сюда своих приспешников? Ведь не за добычей.

– Может, тогда фон Шарфенштайн? – Дитрих неопределенно махнул на юго-восток, где свил свое гнездо еще одни барон-разбойник.

– Бург Шарфенштайн взят. Разве вы не слышали? Его хозяин захватил купца из Базеля ради выкупа, и это привело его к гибели. Племянник этого человека выдал себя за одного печально известного ландскнехта, истории о котором они слышали, и прибыл к ним с известием о легкой добыче недалеко вниз по Визенталю. Ну, жадность помрачает рассудок людей, они последовали за ним – и угодили в засаду, устроенную милицией Базеля.

– Это хороший урок. Макс оскалился как волк:

– «Не дразни швейцарцев». Дитрих еще раз оглядел лес

– Если нерыцари-разбойники, то только безземельные, вынужденные браконьерствовать в лесу.

– Может быть, – допустил Макс. – Но это земля герра.

– Что тогда? Ты пойдешь и прогонишь их? Швейцарец пожал плечами:

– Или же Эверард наймет их для сбора хлеба. Зачем искать неприятностей? Господин вернется через несколько дней. Он уже покинул Францию, или, по крайней мере, так сказал гонец. Я испрошу его воли. – Сержант задержал взгляд на лесе. – Там перед рассветом было странное свечение. Затем дым. По вашему мнению, как я понимаю, это тоже «природа». – Он повернулся и ушел, притронувшись к шляпе, когда миновал Хильдегарду Мюллер.

Дитрих более не мог различить шевеления среди деревьев. Возможно, то, что ему привидилось раньше, было лишь покачиванием молодой поросли в лесу.

III

Август, 1348

Вечерня. Всенощная св. Лаврентия. 10 августа

– *Dispérsit*, – произнес Дитрих. – *Dédit paupéribus; justitia ejus mánetin saéculum saéculi: cornu ejus exaltábitur in Gloria*.⁴⁶

⁴⁶ Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает вовеки; рог его вознесется во славе (лат.). – Псалтирь. Псалом 111, «Блаженство и награда верного», стих 9.

Иоахим ответил ему.

– *Beatus vir, qui timet Dominum; in mandatis ejus cūpit nimis*.⁴⁷

– *Gloria patri et Filio et Spiritui Sancti*.⁴⁸

– Аминь, – сказали они в унисон, но из зала церкви им отозвался только голос Терезии Греш, коленопреклоненной в одиночестве на каменных плитах нефа в мерцании свечей. Девушка не двигалась с места, застыв наподобие статуи в нишах.

Только два типа женщин пылки в своих пристрастиях: безумные и святые, пусть обе категории и не сильно отличаются. Нужно немного безумия, чтобы быть святым; по крайней мере в том, что мир оценивает как безумство.

У Терезы было нежное округлое девичье лицо, хотя Дитрих и знал ее уже более двадцати лет. Насколько Дитрих знал, она никогда не была с мужчиной и на самом деле по-прежнему говорила с простодушием и невинностью. Иногда Дитрих испытывал к ней зависть, ибо Господь уготовил Царство Небесное только тем, кто умалится подобно ребенку.

– «...от удушающего со всех сторон огня, – читал Иоахим из Священного Писания, – и из среды пламени, в котором я не сгорел...»⁴⁹

Дитрих молча поблагодарил Бога за их освобождение от огня три дня назад. Только Рудольф Пфорцхаймер умер. Его старое сердце остановилось, когда субстанция *elektronik* достигла наибольшей плотности.

Дитрих перенес книгу на другую сторону алтаря и прочитал из Евангелия от Матфея, завершив: «Кто хочет идти за Мною, пусть возьмет, что есть у него, и отдаст это нищему».

Иоахим возвестил:

– Аминь!

– Ну, Терезия, – сказал Дитрих, закрывая книгу, и девушка выпрямилась, чтобы слушать с простодушной улыбкой. – Только немногие блаженствовали во время всеобщего бдения. Почему св. Лаврентий упоминается среди них?

Терезия кивнула, и Дитрих понял: она знает ответ, но предпочитает, чтобы он сам сказал ей.

– Несколько дней до этого мы поминали папу Сикста II, убитого римлянами в то время, как он служил мессу в катакомбах. У Сикста было семь дьяконов. Четверых убили во время службы вместе с ним, а двоих других выследили и убили на следующий день. Вот почему мы говорим «Сикст и его спутники». Лаврентий был последним из дьяконов и избегал поимки несколько дней. Сикст отдал ему на сохранение имущество Церкви – включая, как говорят, чашу, из которой Господь наш пил на Тайной вечере и которую папы использовали на мессе до той поры. Все это он раздал нищим. Когда римляне нашли его и приказали передать им «все богатства Церкви», Лаврентий привел их в лачуги Града и указал на нищих, объявив...

– «Вот истинное богатство Церкви!» – воскликнула Терезия и хлопнула в ладоши. – О, как я люблю эту историю!

– Вот бы и другие папы да епископы, – пробормотал Иоахим, – любили ее так же. – Затем, увидев, что его услышали, он продолжил более страстно: – Помни, что Матфей писал про верблюда и игольное ушко! Однажды, о женщина умельцы могут сотворить особенно большую иглу. Где-нибудь в далекой Аравии может жить исключительно маленький верблюд. Однако если мы возьмем слова Владыки в их самой сути, то они в следующем: богатые властители и епископы – те, что пируют с ломящихся от яств столов и сидят своими задницами на атласных подушках, – не являются нашими нравственными поводырями.

⁴⁷ Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его (лат.). – Псалтирь. Псалом 111, стих 1.

⁴⁸ Во имя Отца и Сына и Святого духа (лат.).

⁴⁹ Книга Премудрости Иисуса, гл. 51, стих 6.

Взгляни, на простого плотника! И взгляни на Лаврентия, знавшего, в чем кроется, подлинное богатство, – в том, что не украдут воры и не истребят мыши. Блаженны нищие! Блаженны нищие!

Подобные восклицания привели орден Иоахима а жестов кую немилость. Конвенту алы отrekliсь от своих братьев, но спиритуалисты не держали языки за зубами.⁵⁰ Некоторых сожгли, другие бежали за защитой к императору. Как хорошо было бы, подумал Дитрих, совершенно ускользнуть от внимания. Он возвел глаза к небу, и что-то, как показалось, шевельнулось среди отбрасываемых свечами теней в балках и стропилах у окон на хорах. Птица, наверное.

– Но бедность, сама по себе не благодетель, – предостерег Терезию Дитрих. – Часто батрак в своей хижине больше любит богатство, чем щедрый и великодушный властитель. Желание, а не само обладание – вот что сбивает нас с пути истинного. В любом обладании есть доброе и дурное. – Прежде чем Иоахим смог оспорить эту точку зрения, он добавил: – Да, богатому трудней узреть Христа, ибо блеск золота ослепляет его глаза; но никогда не забывай, что грешит человек, а не золото.

Он повернулся к алтарю, чтобы завершить мессу, а Иоахим взял хлеб и вино с жертвенника и последовал за ним. Терезия передала ему корзину собранных ею трав и корений, и Иоахим также отнес все это к алтарю. Затем, получив несколько мелких распоряжений, Минорит встал в стороне. Дитрих широко развел руки и прочитал молитву над дарами:

– *Oratio mea...* ⁵¹

Терезия восприняла это с той же простотой, с которой принимала все в жизни. Она добрая женщина, подумал Дитрих. Она никогда не была бы помещена в календарь святых, как и не поминалась бы сквозь столетия, подобно Лаврентию и Сиксту; и все же она обладала благородством духа. Христос пребывал в ней, поскольку она жила во Христе. Невольно он сравнил ее с распутной Хильдегардой Мюллер.

Церковные соборы постановляли, что священник должен повернуться к своей пастве спиной и не смотреть на нее через алтарь, как это делалось с ветхозаветных времен. Объяснялось это тем, что пастор и народ должны взирать на Бога совместно; предстоятель, стоящий поблизости, подобен полководцу, ведущему своих копыеносцев на битву. Некоторые из больших соборов уже развернули свои алтари, и Дитрих ожидал, что эта практика станет всеобщей. И все же как печально, если он не сможет взирать на мирских Терезий.

* * *

После всенощной, когда они возвращались к пасторату⁵² при свете факелов, Иоахим заметил Дитриху:

– Какие прекрасные слова ты сказал. Я не рассчитывал услышать их от тебя.

Дитрих смотрел, как Терезия спускалась вниз по склону холма со своей корзиной трав, ныне освященных и потому готовых для приготовления бальзамов и мазей.

– Какие именно? – Он не ожидал похвалы от Иоахима, и комплиментарность первой фразы польстила ему больше, чем задела скрытая критика второй.

⁵⁰ *Спиритуалисты и конвентуалы* – два течения в ордене францисканцев. Первые ратовали за изначальный жесткий аскетизм. Конвентуалы выступали за изменение орденского устава, в частности, за оседлый образ жизни и за разрешение ученых штудий, против которых выступал сам Франциск Ассизский.

⁵¹ *Oratio mea...* – Молитва моя... (*Лат.*)

⁵² *Пасторат* – домик священника при церкви.

– Слова о том, что богач не может узреть Христа из-за того, что золото ослепляет его глаза. Мне понравилось. Я охотно повторю это сам.

– Я сказал, что *труднее*. Легко не бывает никому. И не забывай о блеске. Золото само по себе вещь полезная. Именно его блеск ослепляет иллюзорностью.

– Ты сам мог бы быть францисканцем.

– И сгореть с оставшимися из вас? Я простой епархиальный священник. Благодарю тебя, но я хотел бы оставаться вне всего этого. Кайзеры и папы подобны верхнему и нижнему жернову мельницы Клауса. Плохо очутиться между ними.

– Я нигде не читал, чтобы Спаситель восхвалял роскошь и богатство.

Дитрих поднял факел повыше, чтобы лучше видеть своего спутника.

– Я не слышал также, чтобы он предводительствовал бандами вооруженных крестьян, разграбляющих помещичьи дома!

Иоахим отпрянул от той ярости, с которой это было сказано.

– Нет! – сказал Минорит. – Мы не проповедуем это. Путь св. Франциска...

– Где ты был, когда *«кожаные руки»*⁵³ шли по Рейнланду, вешая богатых и сжигая их дома?

Иоахим воззрился на него:

– «Кожаные руки»? Ну, я был еще ребенком и жил в отцовском доме. «Кожаные руки» туда так и не дошли.

– Благодарю Бога за то, что этого не произошло.

На лице монаха на миг отразилось странное выражение. Страх, но и еще что-то. Затем его лицо вновь стало непроницаемым.

– Бессмысленно спорить о том, что могло бы быть.

Дитрих буркнул, внезапно устав наставлять юношу, которому, должно быть, было восемь или девять лет, когда! чернь вершила свои бесчинства.

– Остерегайся, – сказал он, – выпускать наружу такие чувства, как зависть.

Иоахим двинулся прочь, но, обернувшись, пройдя несколько шагов.

– Все равно это было хорошо сказано.

Он ушел, и Дитрих возблагодарил небеса зато, что юноша не задал ему тот же вопрос. *А где был ты, Дитрих, когда здесь прошли «кожаные руки»?*

Его внимание привлекло движение справа, но глаза были ослеплены ярким огнем факела, и все, что Дитрих смог заметить, – как из-за церкви выпрыгнула некая тень. Дитрих бросился к вершине холма, держа факел высоко над головой, чтобы осветить противоположный обрывистый склон, но увидел лишь колышущийся куст дикой малины и шум осыпавшегося вниз камня.

Вновь шевеление, на сей раз за спиной... Дитрих резко повернулся, уловив мельком блеск огромных светящихся глаз, затем факел был выбит из его рук, и священник повалился на землю. Он закричал, перекрывая хруст веток и шелест листвы от спасающегося бегством второго незваного гостя.

Через минуту подле него были Иоахим и Терезия. Дитрих заверил своих спасителей, что он в целости и сохранности, но Терезия все равно внимательно посмотрела, нет ли ран на его голове и руках. Когда ее пальцы ощупали затылок, Дитрих вздрогнул:

– Ай!

Терезия объявила:

– У тебя будет шишка утром, но кости целы.

Иоахим подобрал факел Дитриха и поднес так, чтобы Терезии было лучше видно.

– Ты что, хирург? – спросил он ее.

– Отец научил меня травам, лекарствам и костоправству по своим книгам, – сказала

⁵³ «Кожаные руки» – крестьянское восстание в Германии 1336–1337 гг. Названием обязано тому, что его участники в качестве отличительного знака обвязывали запястья полосками кожи.

Терезия. – Приложи что-нибудь холодное к этому месту, отец, – добавила она, обращаясь к Дитриху. – Если у тебя болит голова, возьми немного толченого корня пиона с розовым маслом. Я ночью разотру лекарство и принесу тебе.

Когда она ушла, Иоахим произнес:

– Она назвала тебя отцом.

– Многие называют, – ответил Дитрих с иронией.

– Я подумал, что она имеет в виду... нечто большее.

– Неужели? Ладно, она была под моей опекой, если тебе непременно надо знать. Я привез ее сюда, когда ей было десять лет.

– А... Так, значит, ты ее дядя? А что случилось с ее родителями?

Дитрих принял из его рук факел:

– Их убили «кожаные руки». Сожгли дом вместе со всеми домочадцами. Спаслась только Терезия. Я научил ее тому, что узнал о врачевании в Париже, и, когда ей исполнилось двенадцать и она стала взрослой, герр Манфред пожаловал ей право практиковать свое искусство в его маноре.

– Я всегда думал...

– О чем?

– Я всегда думал, что они были просто недовольны. «Кожаные руки», я хочу сказать, недовольны богачами.

Дитрих посмотрел на пламя факела.

– Они и были недовольны; но *Summum ius, iniuria summa*.⁵⁴

* * *

В понедельник Дитрих и Макс отправились в Большой лес проведать углежога Иосифа и его подмастерье, которых не видели со дня пожара на Сикстов день. День выдался жарким, и Дитрих весь взмок еще прежде, чем они миновали половину пути. Легкий туман смягчал жар солнца, но это было слабым облегчением. На весенних полях, где на господской земле трудилась армия сборщиков урожая, в пятнистой тени развесистого дуба бездельничал Оливер Беккер, не обращая внимания на сердитые взгляды своих сверстников.

– Дитя, – сказал Макс, когда Дитрих указал на того. – Отрастил длинные волосы, словно он маленький господин. Весь день сидит на заднице и смотрит, как все остальные трудятся, лишь потому, что смог откупиться. В Швейцарии работают все.

– Раз так, Швейцария – верно, замечательная страна. Макс бросил на него подозрительный взгляд:

– Так и есть. Мы не говорим никому «мой господин». Если надо уладить какой-нибудь вопрос, у нас собираются все мужчины, способные носить оружие, и голосуют поднятием руки; и мы не нуждаемся в господине.

– Я думал, что швейцарские кантоны являются ленами Габсбургов.

Швайцер махнул рукой:

– Я полагаю, так же думает и герцог Альбрехт; но у нас, горцев, на этот счет иное мнение... Вы выглядите задумчивым, пастор. В чем дело?

– Боюсь, что руки всех этих соседей, поднятые вместе, могут навязать однажды тиранию более тяжкую, чем рука одного-единственного господина. С господином, по крайней мере, ты знаешь, кого призвать к ответу, но, когда чернь поднимает множество рук, кто несет ответственность?

Макс нахмурился:

– Призвать господина к ответу?

– Четыре года назад деревня выдвинула иск против управляющего, когда Манфред

⁵⁴ *Summum ius, iniuria summa* – Высшее право – высшая несправедливость (лат.).

огородил общинный луг.

– Ну, Эверард...

– Господин должен спасти свою честь. Это юридическая фикция, но очень полезная. Подобно твоему квиллону. Всего на палец длиннее – и уже меч, а это дает тебе преимущество.⁵⁵

– Нам, швейцарцам, они нравятся, – сказал Макс, положив руку на эфес и осклабясь.

– Манфред смог тогда наказать управляющего за то, что сам же повелел ему совершить, и все сделали вид, что верят этому.

Макс коротко махнул:

– Моргартен вынес более решительный вердикт. Вот там мы действительно призвали габсбургского герцога к ответу,⁵⁶ доложу я вам.

Дитрих посмотрел на него:

– Слишком решительные действия оканчиваются тем, что на всех деревьях в округе болтаются повешенные крестьяне. Я бы предпочел больше не видеть, как пожинают подобные плоды.

– В Швейцарии победили крестьяне.

– И все же ты здесь, служишь властителю Хохвальда, который, в свою очередь, служит маркграфу Бадена и герцогу Габсбургов.

На это Макс ничего не ответил.

* * *

Они пересекли мостик через мельничный ручей и пошли по дороге к Медвежьей долине. Слева лежали поля под паром, справа – озимые; земля сыпалась на грязную тропу, овраг сдавливал ее так, что та больше походила на канаву, чем на дорогу. Живая изгородь и кусты шиповника, специально высаженные для того, чтобы коровы и овцы не забредали на пашню, одаривали путников тенью и казались настоящими деревьями благодаря тому, что располагались теперь высоко над головами идущих. Дорога, грязная на этом участке от ручья-притока мельничного ручья, извивалась, повинаясь крутизне склона. Дитрих иногда удивлялся, что это за место такое, Медвежья долина, если путешественники, казалось, избегали идти туда напрямик.

Близ общинного луга дорога выныривала из-под земли и взбиралась на уступ холма, плавное повышение которого указывало на первый подъем на Катеринаберг. Здесь солнце пекло без устали, исчезала даже редкая тень, отбрасываемая живой изгородью. Кто-то открыл ворота между общинным выгоном и озимыми полями, чтобы деревенские коровы могли пастись на жнивье и унавоживать озимые посевы.

С верхней части луга, желтого от лютиков, они осмотрели крестьянскую ферму Генриха Альтенбаха на тропе к Прыжку Оленя. Альтенбах несколько лет назад покинул манор, чтобы осушить часть болот. неплодородные, болота считались ничьей землей, и Альтенбах построил на них дом, чтобы не ходить далеко каждый день к своим полям.

– Думаю, каждый человек предпочел бы жить на своей земле, – предположил Макс, когда Дитрих указал ему на дом фермера. – Если у него есть свои плуг и скот и нет желания делить их с соседом. Но отсюда далеко бежать до замка, если пойдет армия, а соседи могут и не отворить ворота

⁵⁵ *Квиллон* – кинжал, являющийся как бы уменьшенной копией европейского меча. Имел прямую гарду-крестовину, перпендикулярную оси симметрии оружия. Такая крестовина у меча называлась «квиллон», и это же название перешло в обозначение типа кинжала в целом.

⁵⁶ Имеется в виду сражение у горы Моргартен 15 ноября 1315 г., когда ополчение незадолго до этого образованного союза трех кантонов Швица, Ури и Унтервальдена разгромило австрийское войско Габсбургов, возглавляемое герцогом Леопольдом Баварским.

На дальней стороне луга на них сурово смотрел Черный лес. Среди берез, сосен и дубов вились тонкие струйки белого дыма. Дитрих и Макс остановились под одиноко стоящим дубом хлебнуть воды из фляжек. У Дитриха в заплечном мешке было несколько каштанов, которыми он и поделился с сержантом. Последний, со своей стороны, с большим вниманием изучал дымки, жонглируя каштанами в руке, словно играя в бабки.

– Здесь легко заблудиться, – заметил Дитрих.

– Держитесь оленьих троп, – немного рассеянно сказал Макс. – Не ломитесь напрямую через чащу. – Он расколол каштан и бросил мякоть а рот.

* * *

В лесу было прохладнее, чем на открытом лугу. Солнечный свет проникал сюда только рассеянными лучами, испещряя пятнами лещинник и колокольчики под лесным пологом. Несколько шагов – и лес поглотил Дитриха. Голоса крестьян все отдалялись, потом стали приглушенными, а затем и вовсе стихли. Они с Максом шли мимо дубов, лиственниц и черных елей по шуршащему ковру прошлогодней листвы. Дитрих быстро потерял всякую ориентацию в пространстве и держался поближе к сержанту.

Воздух отдавал духом застоявшегося дыма и пеплом, и все это перебивал какой-то резкий запах – как будто соли, мочи и серы. Высохший лес здесь зиял расщепленными стволами, только и ждавшими порыва ветра, чтобы вновь оказаться объатыми пламенем. Обгоревшие тела мелких животных висели, запутавшись в ветвях.

– Печь Хольцбреннера расположена глубже, я думаю, – сказал Дитрих. – В той стороне. – Макс ничего не ответил. Он пытался охватить взглядом картину целиком. – Углежог одинокий человек, – продолжал Дитрих. – Он, должно быть, спокойно предается созерцанию. – Но Макс не слушал. – Это была всего лишь молния, – сказал Дитрих, и сержант вздрогнул и наконец повернулся, чтобы взглянуть на него:

– Как вы?..

– Ты думаешь слишком громко. Я бы не стал просить, чтобы ты сопровождал меня, но Иосифа не видели с самого пожара, и Лоренц боится за него и его подмастерье.

Макс хмыкнул:

– Кузнец боится, что закончится уголь. Клаус сказал мне, что этот Иосиф приходил в деревню только тогда, когда нужно было продать уголь или же вернуть герру долги, а за остальным он почти всегда отправлял мальчишку. Тот таинственный ветер обрушил его печь и поджег деревья, и теперь он копает новую. Вот почему мы не видим дыма от нее.

– Ветер вовсе не таинственный, – настаивал Дитрих, но без особого убеждения.

* * *

Чем дальше они продвигались, тем значительней становились разрушения. Стали видны поломанные, вырванные с корнем, поваленные и пригнувшиеся друг к другу деревья. Сквозь проемы в лесном покрове изливался свет.

– Великан играл в бирюльки, – сказал Дитрих.

– Я видел разрушения, подобные этим, – сказал Макс.

– Подобные этим? Где? Макс покачал головой:

– Только не такие большие. Посмотри, как лежат деревья здесь и как они лежат там, словно все упали в одну сторону.

Дитрих посмотрел на него:

– Почему?

– При осаде Цивидаля, в Фриули, где-то... о, почти двадцать лет назад, я думаю. Господи, я был молод и глуп, удрав туда. И для чего? Чтобы помочь австрийцам против венецианцев. Какое мне было дело до их раздоров? Два немецких рыцаря привезли *pot-de-fer*

57 с черным порохом. Ну, это помогло нам взять город, но один из снарядов взорвался, когда они смешивали порох, – они всегда делали это на месте, и я понимаю теперь почему. Раздался грохот, подобный раскату грома, и воздушная волна разметала повсюду людей и снаряжение. – Он вновь посмотрел на поваленные деревья. – Как здесь.

– Насколько велик должен быть заряд черного пороха, чтобы причинить такие большие разрушения? – спросил Дитрих.

Макс не ответил. Чириканье, подобно стрекоту цикад, наполнило воздух – хотя сейчас было неподходящее время для цикад. Дитрих посмотрел на поваленные деревья и подумал, *что импульс шел оттуда.*

Наконец, сержант выдохнул:

– Ну что ж, сюда. – Он повернулся и двинулся по тропе к печи.

* * *

Лесная рощица представляла собой неглубокую яму пятидесяти шагов в поперечине, устланную слоем пепла и сбитой земли. В выровненном центре стояла сама печь: земляная насыпь, покрытая дерном пяти шагов в диаметре; Но с одной стороны земляной покров сорвало, оголив дерево, и ветер раздул пламя. Искры разлетелись, устроив пожар, последствия которого они недавно прошли.

Ветер Сикстова дня раскачал даже церковные колокола ка дальнем конце долины. Здесь, должно быть, он дул в сто крат сильнее – истерзав деревья, окружавшие высеку, разметав заслонки, регулировавшие приток воздуха в печь, ободрав землю с печи и пропахав просеку в лесу, подобно реке в половодье. Только самые мощные деревья устояли, а многие из них были раздроблены или согнуты.

Дитрих обошел вокруг разрушенной печи. Груда обгоревших балок и соломенная крыша отмечала то место, где когда-то стоял дом углежогов. По разлетевшимся обломкам у прогнувшихся деревьев на дальней стороне высеки Дитрих отыскал Иосифа и его ученика.

У их обуглившихся тел не хватало рук и ног, а у мальчика и головы. Дитрих попытался воскресить в памяти его имя, но не смог. Оба тела были изломаны и расплющены, словно они упали с огромного обрыва, и оба были утыканы деревянными обломками. И все же, какой ветер мог быть так силен? Дальше он увидел ногу, застрявшую в развилке ствола сломанного бука. Он прекратил поиски, оборотившись спиной к ужасному зрелищу.

– Мертвы? – спросил Макс с той стороны печи.

Дитрих кивнул и, склонив голову, прочитал про себя короткую молитву. Когда он перекрестился, Макс последовал его примеру.

– Нам нужна лошадь, – сказал сержант, – чтобы вывезти тела. На время печь послужит склепом.

Всего через несколько минут Дитрих наткнулся на голову мальчика. Волосы на ней обгорели, а глаза вытекли, и Дитрих заплакал над обуглившимися останками красивого парня. Антон. Теперь он вспомнил его имя. Симпатичный парень, подававший большие надежды. Иосиф очень его любил, поскольку одинокая жизнь так и не подарила ему собственного сына.

В конце работы они завалили отверстие печи валявшимся дерном, чтобы, насколько возможно, защитить тела от диких зверей.

Внезапно Швайцер резко повернулся и сделал шаг в сторону дымящегося леса за своей спиной. В лесу послышался быстро удаляющийся хруст веток.

– За нами следили, – сказал он.

– Это не было похоже на шаги человека, – предположил Дитрих. – Скорее это походило на оленя или зайца.

57 *Pot-de-fer* – букв. «железный горшок» (*фр.*). Так в Средние века французы называли пушки.

Сержант отрицательно помотал головой:

– Солдат знает, когда за ним следят.

– Тогда, кто бы ни были эти люди, они пугливы, – сказал Дитрих Макс.

– Я так не думаю, – ответил Макс, не оборачиваясь. – Я думаю, что это дозорные. Они убежали, чтобы доложить об увиденном или чтобы остаться незамеченными. Это то, что на их месте сделал бы и я.

– Рыцари-разбойники?

– Сомневаюсь. – Рука Макса сжала рукоятку квиллона. – Во Франции достаточно дела. Им нет нужды жить по-разбойничьи в подобных местах. – Подождав еще несколько минут, он сказал: – В любом случае, он ушел. Господин вернется завтра. Увидим, какова будет его воля.

IV

Август, 1348

День св. Клары Ассизской. 11 августа

В звенящем зное августовского полдня по дороге на Оберрайд, к изумлению и восхищению согбенных над колосьями крестьян, на своем маршевом коне гарцевал герр Манфред фон Хохвальд. Сначала верхом на белом испанском жеребце проехал герольд Вольфрам, развевая знамя с гербом Хохвальда и возвещая сборщикам урожая о возвращении герра. За ним следовали пехотинцы, каждый с пикой на плече и шлемом, сверкающим подобно солнцу в мельничном ручье. Затем ехали капитаны и рыцари, потом капеллан Рудольф и наследник Ойген, а после уже сам герр: высокий и величественный, прекрасно сложенный, великолепный в своей накидке поверх доспехов, со шлемом на согнутой в локте одной руке и с поднятой в милостивом приветствии другой.

На яровых полях, ныне обремененных пшеницей, разогнулись от жатвы женщины с серпами в натруженных руках, а мужчины отвернулись от снопов, но едва решались глазеть на процессию. Они замирали, утирали лоб платками или шапками, обменивались нерешительными взглядами, вопросами, предположениями и восклицаниями, пока все – и вилланы, и свободные, мужчины, женщины и дети – не бросились разом к дороге, все прибавляя шаг и приходя во все большее возбуждение, с плеском перебираясь через окаймляющие поля ручьи, возвышая голоса от шепота до крика. Позади них, верхом на возах зрители кипятились по поводу пропавшего дня, ибо зерно не станет ждать, когда его сожнут. Но и зрители перед благородной процессией тоже махали колпаками, прежде чем с досадой водрузить их на место.

Отряд пересек долину. Ноги и копыта барабанили по мельничным мосткам; солдаты кричали приветствия своим давно не приголубленным (как они надеялись) милым и женам. Отцы окликали счастливо воротившихся, возмужавших сыновей, матери причитали по выбывшим из рядов мужьям, сыновьям и братьям. Вдоль строя мужчин носились с вытянутыми языками собаки. Сверкнуло в воздухе – то Ойген бросал мелкие монеты собравшимся толпам. Добыча, взятая с мертвых английских рыцарей или полученная в выкуп за уцелевших. Мужчины и женщины ползали в грязи на четвереньках, славя герра за щедрость и пробуя медяки на зуб.

Процессия медленно тянулась к вершине Церковного холма, где ее ожидали Дитрих, Иоахим и Терезия. Дитрих был облачен по случаю в золоченую ризу, но на Минорите осталась все та же штопаная ряса, и монах наблюдал за приближающимся герром со смесью осторожности и презрения. Дитрих подумал, что Иоахиму не помешало бы проявить побольше первого и поменьше второго. Подле них в большом смятении и нерешительности щебетали с няней дочери властителя Хохвальда. На лице младшей, Ирмгарды, улыбка сменялась страхом. Отец приехал! Но два года – целая вечность в жизни ребенка, и отец казался почти чужим. Эверард кусал усы с неловкостью человека, оставленного на два года в

ответе за владения своего господина. Клаус, который был *майером* ⁵⁸ деревни, стоял подле него с безразличием, выдававшим или безмятежную душу, или человека, более уверенного в своих присвоениях.

Замковая стража была выстроена в две шеренги, и, когда герр проезжал между ними, шестнадцать человек в боевом кличе обнажили оружие и с лязгом ударили по металлу доспехов. Даже Дитрих, которому доводилось видеть в городах и столицах намного более великолепные зрелища, был заворожен.

Спешившийся герольд развернул знамя Хохвальда – *вепрь под дубом на зеленом поле*. Манфред резко осадил коня перед ним, так что тот взмахнул копытами в воздухе. Сборщики урожая, вскарабкавшиеся по склону холма, восторженно приветствовали искусство наездника, но Терезия прошептала:

– Ох, бедное животное, тебя заставили мчаться во весь спор.

Судя по всему, максимальная нагрузка выпала на долю всех участников похода. За бравым видом вояк проглядывали признаки тяжелого перехода. Усталые глаза, истрепанная одежда. Их было меньше, нежели ушедших, среди них появились и незнакомцы – брошенные или отставшие от своих на поле сражения, жадно желающие пристать к господину, который накормил бы их. Готовые ради этого навсегда оставить свои родные края.

Ойген, наследник, соскочил на землю, пошатнулся и схватился за повод коня, чтобы восстановить равновесие. Конь заржал и ударил копытом, выбивая комья земли. Затем Ойген подлетел к стремени герра и подержал, пока Манфред спускался с коня.

Манфред преклонил колено перед Дитрихом; священник положил левую руку на лоб герра и осенил его крестным знаменем, возвещая прилюдно благодарность за благополучное возвращение войска домой. Все перекрестились, а Манфред поцеловал его пальцы. Поднимаясь, он сказал Дитриху:

– Я хотел бы немного помолиться в одиночестве. Дитрих видел морщины вокруг глаз, которых прежде не было, и прибавившиеся седые волосы. Длинное исхудалое лицо выражало печаль. «Эти люди, – подумал Дитрих, – проделали долгий, трудный путь».

Проходя в церковь, герр пожал руки своему управляющему и Клаусу и велел вечером обоим явиться в помещичий дом для отчета. Обоих дочерей он обнял с большим чувством, сняв латные перчатки, чтобы погладить их волосы. Старшая, Кунигунда, засмеялась с удовольствием. Каждого, кого он приветствовал – священника, управляющего, *майера* и дочерей, – герр изучал с глубокой задумчивостью; и все же это был тот Манфред, которого вот уже два года ждали в полной неизвестности, с тревогой и нетерпением.

Герр остановился на мгновение перед воротами церкви.

– Старая добрая Катерина, – сказал он, проводя рукой по резной фигуре святой и касаясь пальцем ее печальной улыбки. – Были мгновения, Дитрих, когда я думал, что больше никогда не увижу ее.

Взглянув с любопытством на Иоахима, он прошел внутрь. О чем он говорил Господу, о чем молил или за что благодарил, Манфред так никогда и не рассказал.

* * *

Геррен Гоф, господский дом сеньора, размещался на куриальных землях на вершине холма, что высился через долину напротив Церковного, так что феодал и священник взирали на земли вокруг с разных насестов и охраняли народ, его тело и душу. За этим разделением крылись и другие символы, разыгрывая – в миниатюре – драмы, которые повсюду сотрясали троны и соборы.

На гребне холма бург Хохвальд охранял путь на Оберрайд. Внешняя стена была

⁵⁸ *Майер* – возможно, искаженное от *Meier*{нем.} – управляющий имением, арендатор.

невысоким строением, опоясывая как замок, так и курию; но вместе с крепостным рвом всего лишь преграждала диким зверям дорогу внутрь, а домашним – наружу и потому не имела военного значения. Внутренняя стена же, шильдмауэр, внушала гордость и значила в военном отношении гораздо больше. Позади нее располагалась башня Бергфрид, цитадель, в которой некогда жили властители горных лесов – во времена, когда сарацины и викинги рыскали где им заблагорассудится и когда с каждым рассветом на горизонте могли возникнуть орды венгров. Замок был механизмом, задуманным для обороны, и мог удерживаться, как и большинство других, даже небольшим гарнизоном; но он прошел испытание лишь однажды, да и то не в полную силу. Ни одна армия не приходила из Брейсгау с той поры, как Людвиг Баварский одержал верх над Фридрихом Красивым при Мюльдорфе,⁵⁹ а потому подъемный мост был опущен, опускающая решетка ворот поднята, а стражники не проявляли особой бдительности.

Курия охватывала площадь в полтора акра вокруг господского дома, увенчивая холм маслобойней, голубятней, овчарней, пивоварней, кухней и пекарней, огромным бревенчатым амбаром для хранения урожая с господских полей да стойлами с беспокойными коровами, лошадьми и волами. Позади них находилось еще более зловонное отхожее место. В другом уголке был разбит яблоневый сад, виноградник и загон для бродячих животных, заблудших случайно на господскую землю. В прежние поколения манор производил для себя практически все, в чем нуждался; но ныне многое пришло в упадок. Зачем производить домотканую материю, когда на рынке Фрайбурга можно достать более тонкую ткань? В нынешние времена с Брейсгау приходили корабейники, ради выгоды рискнувшие попасться на глаза фон Фалькенштайна.

Нигде не было видно крепостных. По давней традиции жатва заканчивалась с приемом пищи, происходившим прямо в полях, и феодал не мог потребовать трудиться после этого. Никакой монастырский звонарь, по своим водяным часам отмерявший канонические часы, не проверял время так точно, как манориальный крепостной. Иное дело фригольдеры. Проходя по деревне, по свету свечей Дитрих видел, как те работают в сараях, садах и за стенами домов. Но человек, трудящийся на самого себя, не следит за солнцем так пристально, как человек, гнувший спину на другого.

Вступление Дитриха на земли курии было встречено великим возмущением тамошних гусей, досаждавших священнику всю дорогу до самого поместья.

– На следующий Мартынов день, – бранился Дитрих на птиц, – вы украсите господский стол. – Но предвещанные кары не возымели никакого действия, и гуси сопроводили Дитриха до самых дверей приемного зала, возвещая о его прибытии. На все это безмятежно взидала корова Франца Амбаха, запертая в загоне за посягательство на господские земли и ожидающая своего выкупа.

* * *

Гюнтер, *maier domo*,⁶⁰ ввел Дитриха в небольшой скрипторий в дальней части приемного зала, где за письменным столом под узким оконцем сидел герр Манфред. В окошко проникали дым с кухни, на которой готовили ужин, крики ястребов, кружащих над зубцами башни, лязг кузницы, неспешный благовест ангелюса,⁶¹ который звонил на другой

⁵⁹ 28 сентября 1322 г. в битве при Мюльдорфе между войсками Фридриха III Австрийского (Красивого) и Людвигом Баварским в пользу последнего решился спор за корону Священной Римской империи.

⁶⁰ *Maier domo* – мажордом (нем.). В данном случае, старший дворецкий.

⁶¹ *Ангелюс* – колокольный звон, сопровождающий молитву, повторяемую утром, в полдень и вечером во время ежедневных богослужений и посвященную прославлению воплощения Иисуса.

стороне долины Иоахим, и янтарные отблески послеобеденного солнца. Небо становилось все темнее, оправленное ярко-оранжевым под облаками. Манфред возвышался над залом в кресле палисандрового дерева, покрытом изящной резьбой; подлокотники венчали головы зверей. Его перо царапало по листу бумаги.

Он быстро вскинул голову при появлении Дитриха, склонился вновь к столу, затем отложил перо в сторону и передал лист Макс, стоявшему в отдалении.

– Пусть Филимер снимет с него копии, и проследи, чтобы они были разосланы каждому из моих рыцарей. – Манфред подождал, пока Макс уйдет, прежде чем повернуться к Дитриху. Его губы изогнула короткая улыбка. – Дитрих, ты пунктуален. Меня это всегда восхищало в тебе.

Слова Манфреда значили «послушен вызову», но Дитрих воздержался от подобного комментария, возможно, это было и не так, но ни один из них до сих пор не проверил справедливость этого утверждения.

Манфред указал на стул с прямой спинкой перед столом и дождался, пока Дитрих в него усядется.

– Что это? – спросил он, когда священник положил перед ним пфенниг.

– Штраф за корову Амбаха, – сказал он.

Манфред поднял монету и на секунду задержал взгляд на Дитрихе, прежде чем отложить ее на угол стола.

– Я скажу Эверарду. Знаешь, если ты всегда будешь выплачивать штрафы за них, они в конце концов потеряют страх перед проступком. – Дитрих промолчал, и Манфред повернулся к сундуку и достал связку пергаментов, обернутых в промасленную кожу и перетянутых бечевой. – Вот. Здесь последние трактаты парижских ученых. Я приказал книготорговцам снять с них копии, пока мы бездействовали в Пикардии. Большинство пересняты с оригинальных экземпляров, но есть здесь и бумаги о вычислениях Мертона, которые тебя так занимают. Они, конечно, со вторых копий, сопровождаемых комментариями английских ученых.

Дитрих пролистал связку. «Онебе» Буридана. Его же «Вопросы к восьмой книге физики». Тонкий том «О деньгах» студента по имени Орезм. «Книга вычислений» Суайнсхеда. Сами названия вызвали в его воображении рой воспоминаний, и на короткий миг к Дитриху вернулась невыносимая тоска по студенческим дням в Париже. Как, бывало, Буридан, Оккам и он спорили о диалектике за высокой кружкой эля. Как Петр Ауреоли сердился и перебивал дискуссию со старческой раздражительностью.⁶² А еще открытые для всех схоластические диспуты, на которых звание мастера присуждалось по ответам на вопросы, брошенным из толпы. Иногда в шелесте елей, окружавших Оберхохвальд, Дитриху слышались споры докторов, учителей, инцепторов и бакалавров, и он задавал себе вопрос, не заплатил ли за покой и уединение слишком дорогую цену.

Он с трудом подобрал слова:

⁶² Жан Буридан (ок. 1300 – ок. 1358) – французский философ, противник взглядов Уильяма Оккама. Опровергал многие положения Аристотеля, в частности, разработал теорию об «импетусе», инерции. Николай Орезм (1323–1382) – знаменитый теолог, физик, философ, астроном и физик, один из основателей экономики. Одним из первых обосновал идеи, которые легли затем в основу работ Коперника и Галилео Галилея. Доказал, что возражения Аристотеля против тезиса о движении Земли ошибочны. Ричард Суайнсхед, или Суисет, – философ и логик; его главный труд – сборник из 16 трактатов «Книга вычислений» (*Liber calculationum*). Он написан около 1346 г., и его основным предметом являются понятия движения и изменения вообще, а также связанные с ними философские проблемы непрерывности континуума и бесконечности, которые моделируются Суайнсхедом математически. Уильям Оккам (ок. 1285–1349) – английский философ, францисканец, главный представитель номинализма, заложил основания для английского эмпиризма, по сути отрицал наличие в природе некоего замысла, рациональность мира, так как все абстракции и смыслы, согласно Оккаму, придает окружающему только человеческий разум. Отрицал познаваемость Бога, выступал против папы римского. Петр Ауреоли (пр. 1280–1322) – доктор теологии, автор комментариев к «Сентенциям» Петра Ломбардского и, среди прочего, неоконченного «Трактата о началах природы». Умер в 1322 г. в сане архиепископа Акс-Эн-Прованс.

– Мой господин, я не знаю как... – Он ощущал себя одним из знаменитых буридановых ослов, не зная, какую из рукописей сперва прочитать.

– Цена тебе известна. Комментарии, если сочтешь нужным. Подходящие для такой «чугунной головы», как я. У тебя должен быть свой трактат...

– Компендиум.

– Значит, компендиум. Когда он будет завершен, я распоряжусь отослать его в Париж твоему прежнему учителю.

– Жану Буридану, – произнес машинально Дитрих. – В школу, которая называется *Сорбонной*. – Но стоило ли напоминать Парижу, где он теперь находится?

– Итак. – Манфред сложил пальцы домиком под подбородком. – Я видел, у нас тут францисканец.

Дитрих ожидал этого вопроса. Он отложил манускрипты в сторону:

– Его имя Иоахим из Хербхольцхайма, он из Страсбургского монастыря и живет здесь уже три месяца.

Он ждал, что Манфред спросит, почему Минорит предпочел лесную глушь суете кафедрального города Эльзаса, но вместо этого герр поднял голову и оперся щекой на руку.

– Фон Хербхольц? Я мог знать его отца.

– Его дядю, возможно. Младшего брата его отца. Но Иоахим отрекся от наследства, когда дал обет бедности.

Манфред криво улыбнулся:

– Интересно, успел ли он отказаться от наследства, прежде чем лишился его из-за своего дяди. Он не доставит мне хлопот? Я имею в виду мальчишку, не дядю.

– Только обычным осуждением богатства и внешнего блеска.

Манфред нахмурился:

– Пусть он попробует защитить горные леса без средств для содержания отряда воинов.

Дитриху были известны все контраргументы, и он увидел по сужающимся глазам властителя, что Манфред вспомнил о том же, о чем вспомнил и он. Барщины и оброка с крестьян хватало не только на воинов. Их хватало и на роскошные одежды и пиры, на шутов и миннезингеров. Манфред вел хозяйство сообразно своему положению и не жалел средств; и если защита и требовалась, то от Соколиного утеса в нижней части долины, а это было намного ближе Мюльдорфа или Креси.

– Я буду держать его в узде, сир, – Дитрих поспешил заверить повелителя Хохвальда, прежде чем могли вспыхнуть прежние споры.

– Посмотрим, как тебе это удастся. Меньше всего мне нужен здесь *exploratore*,⁶³ задающий вопросы и смущающий народ. – И вновь он запнулся на мгновение и бросил на Дитриха многозначительный взгляд. – Как и тебе, я полагаю.

Дитрих предпочел не понять оговорку:

– Я пытаюсь не смущать народ, но не могу не задавать время от времени вопросов.

Манфред пару мгновений смотрел на него, затем запрокинул голову и захохотал, ударив ладонью по столу.

– Право слово, я скучал по твоему уму эти два прошедших года. – Он мгновенно овладел собой, его глаза, казалось, смотрели куда-то вдаль невидящим взором. – Ей-богу, так и было, – сказал он более спокойно.

– Она была неудачной, эта война?

– Война? Не хуже прочих, за исключением того, что Слепой Джон погиб глупой смертью. Я полагаю, ты уже слышал эту историю.

– Он бросился в атаку привязанным к своим двенадцати паладинам. Кто не слышал об этом? Неосмотрительный поступок для слепого, должен я сказать.

– Осторожность никогда не относилась к числу его добродетелей. Все эти

⁶³ *Exploratore* – разведчик, соглядатай; исследователь (*lam.*).

Люксембурги сумасшедшие.

– Его сын теперь германский король.

– Да, и император Священной Римской империи тоже. Эти известия настигли нас в Пикардии. Ну, половина курфюрстов проголосовала за антикороля Карла еще при живом Людвиге, поэтому я не думаю, что они долго колебались, когда он умер. Бедный старый Людвиг – уцелеть во всех этих войнах с Габсбургами и затем свалиться с коня во время охоты. Я полагаю, старый граф Рудольф – нет, теперь это Фридрих, я слышал, – и герцог Альбрехт принесли присягу, что решает вопрос для меня. Знаешь ли ты, почему Карл не погиб с Джоном при Креси?

– Насколько я могу предположить, – сказал Дитрих, – он не был привязан к своему отцу.

Манфред фыркнул:

– Или же привязь была необычайно длинной. Когда французская кавалерия пошла в атаку на английские длинные луки, Карл Люксембургский поскакал в другую сторону.

– Тогда он либо умный человек, либо трус.

– Умные люди часто ими бывают. – Губы властителя Хохвальда дрогнули. – Это все чтение, Дитрих. Оно уводит человека из этого мира и заточает в его собственной голове, а там нет ничего, кроме фантомов. Я слышал, Карл ученый человек – грех, которому Людвиг никогда не был подвержен.

Дитрих не ответил. Кайзеры, как и папы, один на другого не походили. Он задался мыслью, что станет ныне с теми францисканцами, которые бежали в Мюнхен.

Манфред поднялся, подошел к стрельчатому окну и выглянул наружу. Дитрих смотрел, как он лениво проводит рукой по неровностям подоконника. Вечернее солнце омывало лицо хозяина замка, придавая его коже рыжеватый оттенок. После долгого молчания Манфред сказал:

– Ты не спрашиваешь, что два года удерживало меня от возвращения домой.

– Я предполагал, что у вас были затруднения, – сказал осторожно Дитрих.

– Ты предполагал, что я мертв. – Манфред отвернулся от окна. – Законное предположение, если подумать, как густо устлан мертвецами путь сюда из Пикардии. Близится ночь, – добавил он, кивая на небо в окне. – Тебе потребуется факел, чтобы благополучно вернуться.

Дитрих ничего не ответил, и после еще одной паузы Манфред продолжил:

– Французское королевство в хаосе. Король ранен, его брат убит. Граф Фландрский, герцог Лотарингский, король Мальорки... и глупый король Богемии, как я уже сказал... Все мертвы. Генеральные Штаты собрались и изрядно выбрали Филиппа за оставленное поле битвы – и четыре тысячи рыцарей на нем. Они, конечно, вотировали ему новые суммы, но на пятнадцать денье ныне не купишь то, для чего когда-то было достаточно трех. Наше возвращение было нелегким делом. Рыцари продавали свои меч всякому, кто был готов нанять их. Это было... искушением – отбросить всю ответственность и захватить столько, сколько можно взять по праву сильного. Когда принцы бегут с поля битвы, рыцари превращаются в ландскнехтов, а бароны грабят паломников, – какую цену имеет честь?

– Все большую, учитывая то, какой редкостью она стала. Манфред горько засмеялся, затем вернулся к наблюдению за закатом.

– В июне до Парижа добралась чума, – сказал он тихо. Дитрих вскочил:

– Чума!

– Да. – Манфред скрестил руки на груди и, казалось, стал меньше ростом. – Говорят, полгорода лежало мертвых, и я полагаю, что так оно и было. Мы видели... вещи, которые не должно видеть никому. Тела, брошенные гнить на улице. Путники, которым отказывали в приюте. Бегство епископов и властителей, предоставивших Парижу самому заботиться о себе. И колокола церквей, звонящие по покойнику за покойником, пока городской совет не повелел им замолчать. Худшее, я думаю, дети – брошенные родителями, умирающие в одиночестве и ничего не понимающие.

Дитрих трижды перекрестился:

– Бог милостивый сжалится над ними. Выходит, все так же, как в Италии? Замуровывали ли они семьи в домах, как Висконти в Милане? Нет? Тогда какая-то толика милосердия сохранилась.

– Да. Мне рассказывали о сестрах в госпитале, оставшихся на своем посту. Едва они умирали, как их место занимали другие.

– Чудо!

Манфред хмыкнул:

– У тебя своеобразный вкус к чудесам, мой друг. Англичанам в Бордо пришлось не легче. А в мае чума достигла Авиньона, хотя худшее уже было позади, когда мы проезжали мимо. Не беспокойся, Дитрих. Твой папа римский уцелел. Лекари-евреи купали его между двух костров, и у него не было даже насморка. – Манфред помедлил. – Я встретил там храброго человека. Возможно, самого храброго из тех, кого я знал. Ги де Шолиак.⁶⁴ Ты знаком с ним?

– Только со слов других. Говорят, он величайший врач в христианском мире.

– Это возможно. Он огромный человек с руками крестьянина и неторопливой, взвешенной манерой изъясняться. Я не признал бы в нем доктора, встретить я его среди полей. После того как Климент оставил город, чтобы переехать в свой загородный дом, де Шолиак остался – «чтобы избежать позора», как он мне сказал, хотя в бегстве перед таким врагом нет ничего постыдного. Он сам заразился чумой. И все время, что он пролежал в постели, мучимый горячкой и болью, он описывал симптомы своей болезни и лечил себя сам различными методами. Он все записал, чтобы всякий, кто придет ему на смену, знал о течении болезни. Он вскрывал свои гнойники и записывал последствия. Он был... Он был подобен рыцарю, который остается на ногах перед противником, какие бы раны ни получил. Хотел бы я, чтобы со мной в бою было хотя бы полдюжины людей с такой отвагой.

– Значит, де Шолиак умер?

– Нет, он выжил, хвала Господу, хотя и сложно сказать, какое лекарство спасло его, – если вообще что-нибудь иное, чем прихоть Божья.

Дитрих не мог понять, как болезнь способна покрывать такие расстояния. Чума случалась и прежде – за стенами городов или замков, среди осаждающих армий, – но никогда со времен Евсевия Памфила⁶⁵ она не поглощала целые нации. Казалось, чье-то невидимое, зловещее творение бродило по земле. Но дело было в дурном воздухе, в чем соглашались все доктора. *Mat odeur*, или ядовитые испарения, с французского.

Парад планет спровоцировал толчки глубоко под землей в Италии, и из бездны вырвалось большое количество смертоносного, ядовитого воздуха, который ветры затем переносили с места на место. Народ в городах пытался разогнать его громким шумом, колокольным звоном церквей и тому подобным, но безуспешно. Путешественники отмечали его распространение по итальянскому полуострову и по побережью до Марселя. Теперь он достиг Авиньона, а также Парижа и Бордо.

– Она обошла нас стороной! Чума ушла на запад и на север. – Дитрих осознал постыдную радость. Он радовался не тому, что пострадал Париж, а тому, что уберется Оберхохвальд.

⁶⁴ Ги де Шолиак (ок. 1300–1368) – французский врач, один из крупнейших хирургов Средневековья. С 1342 г. придворный врач римских пап в Авиньоне – Климента VI, Иннокентия VI и Урбана V. Создал компилятивный труд «Большая хирургия» (1363), многочисленные переводы и издания которого на протяжении трех столетий служили учебным пособием для европейских хирургов. Ввел в практику ряд хирургических инструментов. В трактате о чуме Дал классическое описание этой болезни (эпидемия Черной смерти в 1348 г.).

⁶⁵ Евсевий Кесарийский, Памфил (ок. 265 – ок. 340) – епископ, греческий писатель, первый историк Церкви, сочинения которого сохранились до нашего времени.

Манфред бросил на него суровый взгляд:

– Значит, она не проявилась среди швейцарцев? Макс сказал, что нет, но из Италии туда ведет не одна дорога, с той поры, как они навели мост через Сен-Готард. В пути нас терзала мысль, что мы найдем всех вас мертвыми. Мы видели такое на пути к Авиньону.

– Возможно, мы слишком высоко, чтобы *ядовитые испарения достигли нас*, – предположил Дитрих.

Манфред уничижительно махнул рукой:

– Я всего лишь простой рыцарь и оставляю такие понятия, как *ядовитые испарения*, ученым. Но во Франции я разговаривал с рыцарем св. Иоанна, недавно прибывшим с Родоса, и он сказал мне, что чума пришла из Китая, и говорят, что мертвые *там* лежат без счета. Она поразила Александрию, сказал он мне, и его братство поначалу сочло это божественным приговором сарацинам.

– У Господа нет такой ничтожной цели, – сказал Дитрих, – опустошить христианский мир, покарвав одновременно и неверных.

– Они сжигают евреев за это повсюду от самого северного побережья Средиземного моря, за исключением Авиньона, где твой папа защищает их.

– Евреев? Это нелепо. Евреи тоже умирают от чумы.

– Так сказал и Климент. У меня есть копия его буллы, которую я получил в Авиньоне. И все же евреи путешествуют по всей Европе, так же, как и чума. Говорят, что каббалисты среди них отравляют колодцы, так что, возможно, добрым евреям самим ничего об этом не известно.

Дитрих отрицательно покачал головой:

– Это дурной воздух, а не вода. Манфред пожал плечами:

– Де Шолиак сказал то же самое; он писал, что чуму разносят крысы.

– Крысы! – Дитрих замотал головой. – Нет, этого не может быть. Крысы были всегда, а эта чума – вещь новая на земле.

– Возможно, – сказал Манфред. – Но в минувшем мае король Педро⁶⁶ подавил погром в Барселоне. Я имел известия от самого дона Педро, который прибыл на север искать славы во Франции. Каталонцы сорвались с цепи, однако городская милиция защитила еврейский квартал. Королева Джованна⁶⁷ пыталась сделать то же самое в Провансе, но народ восстал и изгнал неаполитанцев. И в прошлом месяце граф Генрих повелел заключить всех евреев под арест в Дофине. Чтобы защитить их от толпы, я полагаю; но Генрих трус, и чернь может прогнать и его. – Манфред сжал правую руку в кулак. – Как видишь, не такая простая вещь, как война, удерживала меня в далеких краях эти два года.

Дитрих отказывался верить, что все это правда.

– Рассказни пилигримов...

– ...могут становиться все более невероятными, когда передаются из уст вуста, *ja, ja*.⁶⁸ Быть может, только двух евреев сожгли и только двадцать китайцев умерло; но я знаю, что видел в Париже, и я предпочел бы не видеть этого здесь. Макс сказал, что в моих лесах браконьеры. Если они принесли с собой чуму, я хочу, чтобы они держались отсюда подальше.

– Но люди не переносят с собой дурной воздух, – сказал Дитрих.

– Должна быть причина тому, что чума распространяется так широко. Некоторые города, среди них – Пиза и Лукка, говорят, избегли ужасной участи, не пуская внутрь

⁶⁶ Педро /V Церемонный (Жестокий), король Арагона, правивший в 1336–1387 гг.

⁶⁷ Джованна / (1328 – 12 мая 1382), рожденная Иоанна Анжуйская – королева Неаполя, графиня Прованская и номинальная королева Иерусалима и Сицилии в 1343–1382 гг.

⁶⁸ *Ja, ja* – да, да (нем.).

путешественников, так что, возможно, именно странники распространяют ее. Возможно, *недуг* пристает к их одежде. Возможно, они действительно отравляют колодцы.

– Господь завещал нам давать приют больным. Вы хотите заставить Макса прогнать их, обрекая тем самым наши души на погибель?

Манфред поморщился. Его пальцы непрерывно барабанили по столешнице.

– Значит, выясни, – сказал он. – Если они здоровы, то зрители могут использовать их на уборке урожая. Пфенниг в день плюс ужин, и я закрою глаза на то, что они охотились в моих угодьях все это время. Два пфеннига, если откажутся от ужина. Однако, если им нужен приют, это уже твоя забота. Организуй госпиталь в моих лесах, но никому не будет дозволено вступить в мое поместье или в деревню.

* * *

На следующее утро Макс и Дитрих отправились на поиски браконьеров. Дитрих заготовил два надушенных платка, чтобы отфильтровать испарения, если они окружали пришельцев, хотя он и не очень верил в теорию Манфреда о том, что одежда может переносить дурной воздух. Все, что обычно переносила одежда, так это блох и вшей.

Когда они достигли места, где деревья лежали скошенными словно сено, Макс присел на корточки и внимательно осмотрел один из стволов.

– Наблюдатель побежал в ту сторону, – сказал он, вытянув руку. – За тем белым буком. Я запомнил его расположение в тот раз.

Дитрих видел великое множество белых буков, и все – абсолютно одинаковые. Доверившись, он последовал за солдатом.

Но Макс продвинулся вперед на расстояние всего нескольких вытянутых рук, пока не наткнулся на плоский пень огромного дуба.

– Так. Что это? – На пне лежал сверток. – Пища, украденная с барщины, – сказал сержант, развязывая платок. – Это хлеба, которые выпекает Беккер для сборщиков урожая – видишь, насколько они длинней обычных? И ботва молодой репы и... что это? – Он понюхал: – Ага, кислая капуста. И головка сыра. – Макс повернулся, потрясая хлебом таких размеров, что им можно было накормить троих. – Неплохо питались, я полагаю, для бездомных.

– Почему они бросили все это? – удивился Дитрих. Макс огляделся вокруг:

– Мы спугнули их. Тсс! – Он предупреждающе протянул руку Дитриху, пристально оглядывая окружающую чащу леса. – Пойдемте дальше, – сказал он громче и повернулся, как будто собираясь углубиться в лес, но едва за ним внезапно треснул сучок, как он метнулся назад и в два прыжка схватил что-то руками. – Попалось, отребье!

Из укрытия рванулась чья-то фигура, пронзительно вереща, словно поросенок. Дитрих успел заметить парчовый платок и две длинные волнистые светлые косы.

– Хильда! – сказал он.

Жена мельника извернулась в руках Макса, обернувшегося на крик Дитриха, и стукнула сержанта по носу. Макс взвыл, вклепил оплеуху свободной рукой, а другой скрутил, заведя ей руку за спину почти до самой лопатки.

– Макс, остановись! – воскликнул Дитрих. – Пусти ее! Это жена Клауса!

Макс отпустил руку и отшвырнул женщину прочь. Хильда, шатаясь, сделала пару шагов, затем повернулась:

– Я думала, что вы воры, пришли украсть еду, которую я положила для нищих.

Дитрих посмотрел на хлеб и сыр на пне.

– А-а... Ты приносишь браконьерам поесть из того, что предназначалось сборщикам урожая? И как давно? – Дитрих удивился, что Хильда поступила так. В этом поступке не было ни капли гордыни.

– С Сикстова дня. Я оставляю еду здесь на пне прямо перед закатом, после жатвы. Моему мужу всегда хватает пищи, и наше дело, как распоряжаться излишками. Я платила

сыну пекаря за выпеченные для меня хлеба.

– Так вот как парень откупился от барщины! Но почему? Хильда приблизилась и встала перед ним:

– Это мое искупление перед Господом. Макс нахмурился:

– Тебе не следовало приходить сюда одной.

– Вы сказали, что здесь безземельные. Я слышала.

– Безземельные могут быть опасными людьми, – сказал Дитрих.

– Опасней, чем *этот* болван? – Кивнула Хильда в сторону Макса. – Они пугливый народ. Ждали, пока я уйду, прежде чем забрать еду.

– Так ты думала спрятаться и взглянуть на них? – спросил сержант. – Бабья логика. Если они крепостные, сбежавшие из своего манора, они очень хорошо прячутся.

Хильда повернулась и погрозила пальцем Швайцеру:

– Подожди, скажу я Клаусу, *майеру*, как ты обошелся со мной!

Макс ухмыльнулся:

– *После* того, как расскажешь ему, что уходила в лес кормить браконьеров? Скажи мне, ты кусаешься и царапаешься так же хорошо, как машешь кулаками?

– Подойди поближе и узнаешь.

Макс улыбнулся и сделал шаг к Хильде, но та немедленно отпрянула. Вдруг сержант замер, его улыбка застыла.

– Богом клянусь!

Дитрих мельком увидел среди деревьев неприметную фигуру со свертком. Она была веретенообразной – руки и ноги чересчур длинные по сравнению с туловищем, суставы на конечностях смещены слишком низко. На фигуре был пояс из какого-то сверкающего материала, затянутый чрезмерно высоко, чтобы отмечать талию. Сероватая кожа проглядывала сквозь полосы цветной ткани – вот и все, что Дитрих успел заметить, прежде чем фигура растворилась в чаще.

Захрустел орешник, заверещали сойки. Затем все стихло.

– Вы его видели? – спросил Макс.

– Такой бледный... – сказал Дитрих. – Это, должно быть, прокаженный.

– Его лицо...

– Что с ним?

– У него не было лица.

– Ага. Так часто происходит на последних стадиях болезни, когда нос и уши отмирают.

Они стояли в нерешительности, пока Хильдегарда Мюллер не шагнула в чащу.

– Куда собралась, ты, несведущая грязнуля? – воскликнул Макс.

Хильда бросила суровый взгляд на Дитриха.

– Вы сказали, что они безземельные! – произнесла она дрожащим, как натянутая струна лютни, голосом. – Вы сказали! – Она сделала еще два шага в сторону орешника, остановилась и оглянулась.

Макс закрыл глаза и медленно выдохнул. Затем вынул квиллон из ножен и устремился за женой мельника.

– Макс, – сказал Дитрих, – ты говорил, что мы должны держаться оленьих троп.

Сержант в ярости рубанул дерево.

– Олень чувствует лучше нашего. Стой на месте, дура! Ты заблудишься. Храни нас Господь! – Он опустил на корточки и провел рукой по веткам малинника. – Сломаны. В ту сторону. – Он тронулся с места, не посмотрев, последовали ли за ним остальные.

Через каждые несколько шагов Макс наклонялся и изучал землю или кусты.

– Размашистые шаги, – пробормотал он водном месте. – Видите, где башмак ступил в грязь? Второй был там, сзади.

– Он прыгнул, – предположил Дитрих.

– На изуродованную ногу? Посмотрите на след. Вы когда-нибудь слышали о прыгающих калеках?

– Деяния апостолов, – сказал Дитрих. – Глава третья, стих восьмой.

Макс хмыкнул, встал и отряхнул колени.

– Сюда, – сказал он.

Он вел их, шаг за шагом, в глубь леса, делая время от времени зарубки на деревьях или насыпая земляные холмики, чтобы отметить свой путь. Они продирались через заросли кустарника и ежевики, переступали через поваленные деревья, натыкались на неожиданные овраги.

– Боже милостивый! – воскликнул Макс, вновь наткнувшись на отпечатки шагов. – Он перепрыгнул через овраг на другую сторону!

Деревья становились все выше и отстояли все дальше друг от друга; их ветви сходились над головой, подобно сводам собора. Дитрих понял, что имел в виду Макс, когда говорил об оленьих тропах. Здесь, за гребнем горы, от порыва ветра не упало ни одного дерева, и в любом направлении лес выглядел одинаковым. Кусты и молодая поросль уступили место их торжествующим старшим собратьям. Многолетний ковер опавшей листвы смягчал шаги. Здесь не было и намека на солнце. Свет проникал только отдельными лучами, которые, подобно копьям, пронизывали листву над головой. Когда Макс делал зарубку на дереве, приглушенное эхо отзывалось со всех сторон, так что Дитриху подумалось, что сам звук здесь заблудился. Хильда начала было что-то говорить, но безмолвие вдруг тоже зашептало ее голосом, и женщина немедленно замолчала и впредь держалась поближе к Швайцеру.

На небольшой прогалине, где журчал ручей, они остановились отдохнуть среди папоротников. Дитрих присел на замшелый камень возле запруды. Макс коснулся воды, затем зачерпнул руками и отхлебнул.

– Холодная, – сказал он, наполняя свою флягу. – Должно быть, течет с Катеринаберга.

Хильда оглянулась вокруг и поежилась:

– Лес – страшное место. Здесь живут волки и ведьмы.

Макс высмеял ее:

– Деревенские басни. Мои родители были лесниками. Я не рассказывал вам, пастор? Мы рубили лес и продавали углежогам. Мы покупали зерно у жителей долины, но ягоды и мясо добывали в лесу. Это была тихая размеренная жизнь, и никто нас особо не беспокоил – пока однажды мимо куда-то на войну не прошло войско савояров. – Он помолчал, затем заткнул пробкой горлышко фляги. – Именно тогда я сбежал. Вам известно, каковы люди в молодости. Я хотел узнать мир за пределами леса, а савоярам нужен был проводник. Поэтому я и пошел с ними, пока не указал им дорогу на... куда-то, я уже забыл, куда именно. Они были в ссоре с Висконти из-за какого-то никчемного клочка Пьемонта. Но я остался с ними, нес на себе оружие и сражался с миланцами. – Он взял флягу Дитриха и тоже наполнил водой. – Я обнаружил, что мне это нравится, – сказал он, возвращая флягу назад. – Не думаю, что вы можете понять это, пастор. Переполюющая тебя радость, когда противник падает. Это похоже на... Это похоже на обладание женщиной, и я предполагаю, что вам не понять и этого тоже. Не подумайте, я никогда не убивал человека, если он не поднимал на меня меч. Я не убийца. Но теперь вам известно, почему я так никогда и не вернулся. Жить в Альпах после того, что я видел, все равно что жить прямо здесь. – И он обвел рукой вокруг себя.

Хильда устала на сержанта:

– Каким же должен быть человек, чтобы *наслаждаться* убийством?

– Живым.

Это фраза была встречена молчанием как священника, так и жены мельника; и в наступившей тишине они слышали сквозь непрерывный стрекот цикад звук далеких ударов молота. Макс вытянул шею:

– Туда. Близко. Двигаемся тихо. В лесу любой звук подобен грому.

Приближаясь к источнику звука, Дитрих слышал хор неритмичных, но не резких звуков. Возможно, барабаны. Или бубенцы. И еще – скрежет и шелканье. Один звук он смог различить: удары топора по дереву, за которым следовал характерный треск падающей ели.

– А вот этого, – сказал Макс, – мы не можем так оставить. Это господские деревья. – Он жестом велел им отойти и стал красться к полосе деревьев на вершине хребта. Там он застыл как окаменевший, и Дитрих, отправившийся за ним следом, шепнул:

– Что там?

Макс обернулся и закричал:

– Бегите, ради спасения души!

Дитрих вместо этого схватил сержанта за руку:

– Что... – и тут он увидел сам.

В лесу оказалась вырублена огромная концентрическая просека, как если бы исполин махнул здесь косой. Во все стороны распластались поломанные деревья. В центре завала располагалось белое строение, огромное, как аббатский амбар для хранения церковной десятины, с открытыми дверьми. Дюжина фигур, прервав работу, уставилась на Макса и Дитриха на вершине гребня.

Это не безземельные, понял Дитрих.

Это вообще не люди.

Тщедушные, неуклюжие, непропорционально сложенные. Тела, украшенные потрепанными лоскутами ткани. Серая кожа, покрытая бледно-зелеными пятнами. Длинные безволосые туловища были увенчаны ничего не выражающими лицами, на которых отсутствовали нос и уши, зато выделялись огромные, золотистые, сферические глаза, граненные подобно бриллиантам, которые не смотрели в одну точку, но словно видели разом все. Наверху, словно спелые пшеничные колосья, качались усики.

Только рты выражали какое-то настроение: мягко жующие, или отвисшие наполовину, или же сжатые в жесткую линию. Мягкие, влажные губы разделялись надвое в обоих уголках рта, так что они, казалось, улыбались и сердились одновременно. Парные полосы какого-то рогового вещества лежали в складках уголков губ и издавали дребезжащий звук, как от далеких цикад.

Одно из созданий поддерживали два его собрата. Оно открывало рот, как будто хотело сказать что-то; но изо рта вырывались не слова, а желтоватый гной, сочившийся вниз по подбородку.

Дитрих попытался выдавить из себя крик, но горло перехватило страхом. Ночные кошмары детства об огромных каменных горгульях Кельнского собора предстали пред ним наяву. Он повернулся, чтобы бежать, но обнаружил, что еще два существа стоят у него за спиной. Он почувствовал резкий запах мочи, а его сердце забухало, подобно падающим молотам Шмидмюлена. Были ли *эти* монстры тем народом, что разносил чуму?

Макс шептал:

– Святая Мария, Матерь Божья!..

Все остальное замерло. Птицы молчали, лишь тихо шумел ветер. Лес манил к себе, его папоротники и обманчивые укрытия. Если он побежит, с ним будет кончено, – но не лучше ли бежать, чем стоять и умирать целую вечность?

И все же он – единственное препятствие между этими призраками и его двумя спутниками, ведь только он был наделен силой изгнать демонов. Краем глаза Дитрих заметил, что пальцы Макса застыли на рукояти квиллона.

Правая рука Дитриха медленно поползла по груди и, нащупав распятие, выставила его перед собой, словно щит. Демон в ответ медленно потянулся к суме на поясе – но его руку остановил один из спутников. На руке было шесть пальцев, как заметил Дитрих, неутешительное число. Он попытался выговорить молитву для изгнания бесов:

– Я, священник Иисуса Христа, изгоняю тебя, нечистая сила... – но у него пересохло в горле.

Воздух прорезало пронзительное жужжание, и все головы обратились к амбару, из которого явилось еще одно создание, на сей раз миниатюрное и с непропорционально большой головой. Оно побежало к ним, и один из более высоких демонов издал квохчущий вой и пустился за ним. Для чего? *Чтобы выбить из них дух?*

На этом немая сцена закончилась.

Дитрих закричал.

Макс вытащил свой меч.

Демон позади них вытащил из мешка странную светящуюся трубку и навел на них.

А Хильдегарда Мюллер нетвердой походкой устремилась с гребня к стоящим внизу демонам.

Она один-единственный раз остановилась и посмотрела назад, встретившись взглядами с Дитрихом. Ее рот раскрылся, как будто бы она хотела что-то сказать; затем Хильдегарда повернулась и продолжила свой путь.

Дитрих овладел собой и наблюдал за разворачивающейся перед ним драмой со страшной сосредоточенностью. «Боже, дай мне сил понять!» Он чувствовал, что многое зависит от того, поймет ли он.

Хильдегарда остановилась перед демоном, изрыгающим гной изо рта, и протянула к нему руки. Потом поневоле отдернула их, но сумела себя пересилить, и демон упал в ее объятия, осев перед ней.

С тонким высоким плачем она упала на колени прямо в пыль, золу и древесные щепки и принялась баюкать странное создание у себя на коленях. Ее подол запятнала зеленовато-желтая сукровица, отдающая сладковатым, тошнотворным запахом.

– Добр... – она осеклась, сглотнула и начала заново: – Добро пожаловать, пилигримы, вкусите хлеб-соль в моем доме. Я рада... Я рада, что вы можете остановиться у нас. – Она мягко поглаживала голову создания и была в этот миг очень похожа на Скорбящую Богоматерь на тех *Vesperbilden*,⁶⁹ которые недавно стали столь популярны. Разве что ее глаза были плотно зажмурены, и она не глядела на того, кого утешала.

Внезапно для Дитриха все прояснилось с головокружительной быстротой. Демон, убаюкиваемый женой мельника, был тяжело ранен. Исходящие от него миазмы были чем-то вроде его «жизненных соков». Полоски ткани на демонах были оборванными и обгоревшими остатками одежды, употребленными на повязки, обматывающие туловища и конечности. Их тела и лица были перепачканы копотью, а пятна на коже обозначали бледно-зеленые синяки и ссадины. «А разве дьявольские создания страдают от земных мук?» Что же до маленького создания, которое бросилось на них с жужжанием, словно рассерженный шершень...

«Ребенок», – понял Дитрих. А у демонов не бывает детей; и уж подавно они не бегут за своими чадами, не подхватывают их на руки, как это сделало второе создание.

– Пастор? – спросил Макс. Его голос дрожал. Он был на грани срыва, руку держал на рукояти. – Что это за демоны?

– Не демоны, сержант. – Дитрих сжал запястье Макса. Он взглянул на Хильдегарду и раненое существо. – Люди, я полагаю.

– Люди?

Дитрих убежденно продолжил:

– Подумай, сержант! Разве кентавры не были наполовину людьми, наполовину лошадьми? А *блемии*, о которых упоминал Плиний? Гонорий Августодонский⁷⁰ описал и составил наброски дюжины подобных существ. – Слова путались и налетали друг на друга,

⁶⁹ *Vesperbilden* – пьеты – изображения Марии, скорбящей над телом снятого с креста Христа (нем.).

⁷⁰ Гонорий Августодонский – плодовитый церковный писатель 1-й половины ХН в. Автор энциклопедии «*Imago Mundi*» («Образ мира»), населяющей мир наряду с различными народами всякими диковинными монстрами.

как если бы спасались бегством с его языка. – Более странные существа, чем эти, украшают стены нашей церкви!

– Создания, о которых больше рассказывали, нежели видели собственными глазами! – И все же Дитрих почувствовал, что Макс обмяк и отпустил руку с зажатым в ней клинком. Сержант отступил на шаг, затем еще на один.

«Мгновение, и он побежит», – подумал Дитрих.

Затем небылицы побегут по деревне и вниз со склонов, чтобы извергнуться в уши Фрайбурга; и смятение охватит этот тихий уголок земли. Проповедники откроют Бога или дьявола в услышанном и провозгласят новые ереси. Экстатики якобы узреют этих созданий в своих видениях; философы со всей основательностью подвергнут сомнению их существование. Некоторые в потаенных комнатах будут курить фимиами и поклоняться их изображениям, остальные станут готовить колья для поклоняющихся. Станут задавать вопросы, учредят инквизицию. Вспомнят о давних делах и назовут прежние имена.

Пеночка вывела свою трель с вершины деревьев, и Дитрих заметил, как отпрянули монстры от безобидной пичуги.

– Макс, – сказал он, – поспеши в пасторат и принеси мою сумку с целебными мазями и экземпляр Галена. Он затянут в темно-коричневую кожу, и на обложке там нарисовано человеческое тело. – Он сомневался, что Гален мог чем-то помочь с ранами демонов, но Дитрих не мог видеть, как кто-то изрыгал свою жизнь в грязь, и даже не попытаться спасти его. – И, Макс, – сказал он вдогонку, – никому не рассказывай, что мы видели. Нам не нужна паника. Если спросят, скажи... что эти незнакомцы могут разносить чуму.

Макс бросил на него серьезный взгляд:

– Вы предупредите их о чуме, чтобы *не допустить* панику?

– Тогда скажи им что-нибудь другое. Проказа. *Только заставь их держаться отсюда подальше*. Мы должны все трезво взвесить. А теперь поспеши – и принеси мои мази.

Дитрих скатился вниз по склону хребта к тому месту, где стояли существа, теперь плотной толпой. Некоторые держали наготове топоры и молотки, но у остальных оружия не было, и они отпрянули от него. Сбоку от странного белого сооружения были сложены бревна, и Дитрих понял, что они расчищали площадь вокруг от поваленных деревьев. Однако как эти создания возвели такую большую постройку посреди леса, не расчистив прежде для нее место?

Он опустился на колени подле создания, которое Хильда баюкала на коленях, и смочил палец слюной.

– При условии того, что ты вел праведную и благую жизнь, я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. – Он осенил крестом макушку существа.

– Аминь, – сказала Хильдегарда.

Дитрих поднялся и отряхнул свое облачение, спрашивая себя, не совершил ли он святотатство. Является ли Царство Божие местом для подобных творений? Быть может, да, если у них есть души. Он не мог разобрать этого по ничего не выражающему взгляду раненого существа; не мог даже знать, глядит ли создание на него или нет, поскольку у граненых полусфер не было век. Остальные существа не повернули голов, когда он проводил условное крещение одного из их собратьев. И все же у него было неприятное чувство, что все они смотрят прямо на него. Эти странные выпученные глаза не двигались. *Не могли* двигаться, догадался он.

Теперь, когда эти создания обнаружены, – что они станут делать? То, что они пытались остаться незамеченными, обнадеживало, поскольку их неестественная сущность, демоническая или нет, должна оставаться в секрете. И все же они возвели для себя дом на господской земле и, похоже, собирались тут остаться, а ничего нельзя утаивать бесконечно долго.

Том Шверин не был отшельником. Не был он и разбитным парнем, хотя любил выпить в хорошей компании, сходить на концерт, а в некоторых клубах его вполне обоснованно считали завсегдатаем.

Конечно, до того, как он встретил Шерон. Не то чтобы та была «синим чулком», но охоту к излишней активности отбила. Это не так уж и плохо. Пока она им не занялась, Том иногда казался излишне легкомысленным и фривольным. Шерон считала, что взрослому человеку следует вести себя более сдержанно, и она постаралась, чтобы Том это мнение стал разделять.

Потому, когда Том брал след, то становился похожим на отшельника – хотя и не в меру болтливый. Ему нравилось давать своим мыслям материальное выражение, а это означало говорить много и громко. Шерон обычно играла роль невольного слушателя – часто крайне невольного, как в тот самый вечер, – но для клиолога значение имел только сам монолог, а не понимание его собеседником. В крайнем случае, Том мог легко разговаривать сам с собой, что часто и делал.

Он отдавал себе отчет в том, что на сей раз его выставили из квартиры Тонкости человеческих отношений никогда его особенно не занимали, но, когда тебя выкидывают за дверь, это трудно не заметить, и необязательно быть особо чувствительным, чтобы разозлиться по такому поводу. Ледяные высоты логики подсказывали: самым разумным поступком сейчас станет посещение архивов, но, в конце концов, пошел Том туда далеко не по велению разума.

* * *

Средневековая коллекция Мемориальной библиотеки Телио начиналась как небольшое собрание произведений искусства и размещалась в галерее, оформленной под средневековую залу. Здесь было несколько прекрасных вещей: триптихов, алтарных иконостасов и тому подобного. За этим следовали Библии, Псалтыри и прочие инкунабулы, свитки и картулярии, реестры и купчие, grossбухи и отчеты – сырье истории. Основные источники приобретались на аукционах, обнаруживались в кладах или передавались замученными налогами дарителями; нигде не изданные, никогда не обнародовавшиеся, небрежно сгруппированные в папки по источнику приобретения, увязанные в пачки между листами толстого картона и спрятанные в ожидании исследователя, достаточно безрассудного, чтобы разобраться в них.

Том подготовил список. Он не отличался методичностью в работе, но сейчас прекрасно понимал: лучше подготовиться, прежде чем нырять в незнакомую воду. Клиолог не знал, что именно ищет, но понимал, где примерно оно должно находиться, а это уже половина успеха. Поэтому он просматривал каждую кипу, откладывая в сторону некоторые документы для более тщательного прочтения. По ходу дела его отвлекали интересные факты и записи, не относящиеся к предмету исследования, ибо Том в процессе поисков всегда находил с дюжину других предметов, явно заслуживающих внимания. За этим прошел день, плавно превратившийся в вечер.

* * *

Результатом просеивания бумаг явилось всего лишь одно ценное зерно: отметка в списке дел епископального суда XVII века о том, что «*de rerum Eifelbeimensis*, дело о крещении некоего Иоганна Штерна, странника, было поставлено на обсуждение в связи со смертью от мора всех главных обвиняемых». Этот список частично был составлен из прежнего списка XV века, основанного, в свою очередь, на давно утраченных оригиналах XIV века. Не совсем то, что нужно.

Том закрыл глаза, помассировал лоб и стал подумывать о капитуляции. Возможно, после этого он собрался бы и ушел, если бы не внезапное вмешательство.

– Знаете, профессор Шверин, – раздались слова, – у нас здесь нечасто встретишь живую душу.

Апостол Павел на пути в Дамаск, возможно, не был так поражен внезапным гласом свыше. Библиограф, которая до сих пор весь вечер в безмолвном сумраке исполнительно готовила для него картонные коробки, стояла перед столом с прижатой к бедру картонкой, которую он только что просмотрел. Библиографом оказалась женщина с правильными чертами лица в длинном ситцевом платье; на носу у нее красовались большие круглые очки, а волосы были собраны сзади в тугий узел.

«*Lieber Gott*»,⁷¹ – подумал Том – *Arxetun!*»

Вслух же он сказал:

– Простите? Девушка покраснела:

– Обычно исследователи делают запросы по телефону. Кто-нибудь из сотрудников сканирует заказанные материалы, вносит в счет издержки по соответствующему гранту, и это все. Здесь бывает ужасно одиноко, особенно ночью, когда единственное занятие – ожидание запросов из-за рубежа. Я стараюсь прочитывать все, что сканирую, ну и о собственном исследовании не забываю. Помогает скоротать время и не умереть со скуки.

Так завязываются романы. Одинокая сотрудница библиотеки нуждалась в человеческом общении, а одинокому клиологу требовался перерыв в его бесплодном поиске. Другими словами, их могли связать на эту ночь вовсе не слова.

– Мне нужно было ненадолго выбраться из квартиры, – сказал Том.

– О, – кивнула молодая женщина. – Я рада, что вы пришли. Я слежу за вашими исследованиями.

Историки обычно не сопровождают преданные фанаты.

– С какой стати вы делали это? – удивился Том.

– Я специализировалась на аналитической истории под руководством профессора Ла Брета в Массачусетсе, но дифференциальная топология была для меня слишком сложной, поэтому я переключилась с нее на нарративную историю.

Том почувствовал то же, что, вероятно, чувствует молекулярный биолог при слове «натурфилософ». Нарративная история не наука – это литература.

– Я помню собственные трудности с теорией катастроф Тома,⁷² – позволил себе заметить он. – Сядьте, пожалуйста, а то я нервничаю, когда сижу перед дамой.

Она осталась стоять навтыжку с картонной коробкой у бедра.

– Я не хочу отвлекать вас от работы. Я только хотела спросить... – Она замялась. – Ох, это, наверное, так очевидно.

– Что именно?

– Ну, вы исследуете деревню под названием Эйфельхайм.

– Да. Это место без видимых причин пустует в сетке Кристаллера. – Своеобразный тест: Том хотел посмотреть, что ей это скажет.

Она подняла брови:

– Зброшена и не заселена вновь? – Том утвердительно кивнул. – И все же, – размышляла вслух она, – локус должен был иметь свою притягательность, иначе там с самого начала никто не осел бы. Возможно, поселение поблизости... Нет? *Вот* что странно. Возможно, их рудники иссякли? Или ушла вода?

Том улыбнулся, наслаждаясь ее интересом и проницательностью. Ему с трудом удалось убедить Шерон, что здесь вообще была какая-то проблема, и единственный вывод, к которому она пришла, – общая причина вроде черной смерти!

⁷¹ *Lieber Gott* – Боже правый (нем.).

⁷² Рене Фредерик Том (1923–2002) – французский математик и философ, создатель одноименной математической теории катастроф, имевшей основополагающее значение в синергетических исследованиях.

Эта девушка, по крайней мере, знала достаточно, чтобы предположить локальные причины.

После того, как он объяснил свою проблему, библиограф нахмурилась:

– Почему же вы тогда не ищите информацию о деревне *до* ее исчезновения? Что бы ни привело к исходу ее жителей, оно должно было случиться до того.

Том хлопнул по коробке:

– Поэтому я и здесь! Яйца курицу не учат.

Она опустила голову перед такой бурей эмоций:

– Но вы никогда не упоминали об Оберхохвальде, и я...

– Оберхохвальд? – Он раздраженно затряс головой. – При чем здесь Оберхохвальд?

– Это первоначальное название Эйфельхайма.

– Что? – Он резко вскочил на ноги, опрокинув массивное читательское кресло. Оно с грохотом ударилось об пол, так что девушка выронила из рук свою коробку, и листы бумаги разлетелись по всему полу. Она зажала рот рукой, а затем присела, чтобы их собрать.

Том бросился вокруг стола.

– Оставьте, – сказал он ей. – Это моя вина. Я их подберу. Только скажите, как вы узнали об Оберхохвальде. – Подняв девушку на ноги, Том был удивлен ее невысоким ростом. Когда он сидел, она казалась ему выше.

Она высвободила руку из его мертвой хватки.

– Мы вместе соберем их, – сказала она Тому. Поставила коробку на пол и опустилась на колени.

Том присел рядом с ней и передал одну из папок

– Вы уверены насчет Оберхохвальда?

Она собрала еще три дела в коробку, взглянула на него, и Том заметил, что у нее большие карие глаза.

– Хотите сказать, вы *не знали*? Я прочитала об этом совершенно случайно, но думала, что вы... Ну, это было месяц назад, кажется. Брат, занимающийся теологией, попросил отыскать для него одну редкую рукопись, отсканировать ее и загрузить в базу данных. Название «Эйфельхайм» привлекло мое внимание, поскольку я к тому моменту уже отсканировала несколько запросов для вас. Это была отметка на полях напротив названия «Оберхохвальд».

Том замер с несколькими папками в руке:

– О чем там говорилось?

– Я не знаю. Я читаю на латыни, но там было по-немецки. О, если бы я только знала, я бы написала вам по электронной почте. Но я думала...

Том положил ладонь на ее руку:

– Вам не в чем себя винить. Она у вас? Рукопись, которую заказывал ваш брат. Мне нужно взглянуть на нее.

– Оригинал в Йельском университете...

– Копии будет вполне достаточно.

– Да. Я собиралась вас спросить об этом. Мы храним копии *pdf*-сканов в нашей базе, раз в месяц приходят компьютерщики и сводят все в единый каталог. Документ можно легко найти.

– Не могли бы вы сделать это для меня? *Bitte sehr*? Я хочу сказать, очень прошу вас! Я сам соберу, что осталось.

Том полез под стол, чтобы достать еще одну папку. Черт! Очередной удар по его интуитивной прозорливости. Он положил сверху еще два дела. Неудивительно, что Он не мог найти ни одного упоминания современников об Эйфельхайме. *Тогда это место еще не называли Эйфельхаймом.* Он бросил взгляд на библиографа – та уже сидела перед компьютером, выполняя просьбу.

– *Entschuldigung*,⁷³ – позвал он. Она помедлила и повернулась. – Я даже не спросил вашего имени.

– Джуди, – ответила она. – Джуди Као.

– Спасибо вам, Джуди Као.

* * *

Рукопись оказалась первым небольшим сдвигом, тонкой ниточкой, тянущейся из старого клубка фактов. Когда-то в XIV веке странствующий минорит по имени фра Иоахим, по-видимому, прочел проповедь о «колдунах в Оберхохвальде». Текст проповеди не сохранился, но ораторская слава брата Иоахима пережила века, и соответствующий комментарий был включен в трактат по искусству проповеди против ведовства и культа Сатаны. Читатель более позднего времени – XVI века, если судить по каллиграфии, – и добавил пометку на полях «*Dieser Dorf heiß jetzt Eifelheim*». «Эта деревня теперь называется Эйфельхаймом».

А это значит...

Том застонал и положил распечатку на стол. Джуди Као положила ладонь на его руку:

– Что-то не так, профессор Шверин? Том стукнул по столу:

– Мне придется просмотреть заново все эти папки. – Он провел рукой по волосам. – Ну ладно. *Povtorenje – mat' uchenia*. – Он придвинул поближе папку.

Джуди Као взяла папку из коробки и, опустив глаза, повертела в руках.

– Я могу помочь, – предложила она.

– О, – смущенно покачал головой Том. – Я не могу просить вас об этом.

– Нет, я серьезно. – Она подняла голову. – Считайте меня добровольцем. После восьми вечера на сервере всегда затишье. Запросы из Калифорнии прекращаются, а ранние утренние обращения из Варшавы или Вены приходят намного позднее. Математикой я заняться не смогу, но исследование и документацию... Мне, конечно, надо проверять все подлинники, но я также могу выискать что-нибудь в Интернете.

– Я умею пользоваться поисковой системой, – возразил Том.

– Не обижайтесь, профессор Шверин, но никто не превзойдет профессионального библиографа. В Сети столько информации, настолько плохо организованной – и такой лживой, – что знать о том, как искать, – само по себе наука.

Том застонал:

– И не говорите! Я запустил поиск и получил тысячи результатов, большинство из которых были *Klimbim*,⁷⁴ и будь я проклят, если понимаю, как они попали в список ответов.

– Большинство сайтов не оправдали бы стоимость бумаги, будь они напечатаны, – сказала Джуди. – Половина из них создана чудаками или энтузиастами-любителями. Вам нужно организовать поиск по булевому принципу. Я могу прописать «червя» задачу выискать не только упоминания Оберхохвальда, но и любых ключевых слов, связанных с этим местом. Например...

– Например, Иоганн Штерн? Или троица Троиц?

– Или каких-либо еще. «Червь» можно научить искать в контексте – в этом сложность – и игнорировать единицы, которые нерелевантны.

– Хорошо, – сказал Том. – Вы убедили меня. Я буду выплачивать вам стипендию из своего гранта. Это не очень много, но я дам вам официальную должность. Помощник в исследованиях. И ваше имя будет идти в заглавии после моего. – Он поднял с пола свое кресло. – Я дам вам специальный код доступа к *CLIODEINOS*, чтобы вы могли сбросить мне

⁷³ *Entschuldigung* – прошу прощения (нем.).

⁷⁴ *Klimbim* – безделушки, побрякушки (нем.).

файлы, когда бы и что бы вы ни нашли. Тем временем мы... Что-то не так?

Джуди отпрянула от стола:

– Нет, – она отвела взгляд. – Я думала, мы могли бы встречаться здесь периодически. Для координации нашей деятельности.

Том махнул рукой:

– Проще будет это сделать через Интернет. Все, что нужно, – это смартфон и модем.

– У меня есть смартфон, – ответила она, дергая за тесемку, которой была перетянута папка в ее руках. – Мой телефон сообразительнее⁷⁵ некоторых людей.

Том засмеялся, еще не понимая сути шутки.

* * *

Сказано – сделано. На столе уже лежали две отобранные папки; одну взял себе Том, вторую – Джуди, и стали просматривать, документ за документом. Том читал эти материалы уже второй раз за вечер, поэтому заставил себя сосредоточиться на словах. В поисках «Оберхохвальда» его взгляд цеплялся за все слова на «О» – и даже на «Q» и «С». Рукописи приводили в уныние разнообразием почерков; большинство были на латыни, но некоторые на средневековом немецком и даже на французском и итальянском. Пестрая подборка, которую не объединяло ничего, кроме их дарителя.

Прошел последний час дежурства Джуди, затем еще два часа. Устали и покраснели глаза, в голове все поплыло, а в руках Том держал один-единственный лист рукописи.

Джуди была все еще здесь, и она тоже нашла один манускрипт.

* * *

То, что Джуди умела читать на латыни, удивило Тома. Удивило его и то, что уроженка Юго-Восточной Азии может интересоваться культурой и историей Европы, хотя обратное его бы ничуть не озадачило. В тот вечер клиолог не нашел практически ничего нового об Эйфельхайме, но сказать, что не узнал ничего вообще, значило погрешить против истины. И на самом деле он несколько заблуждался в отношении интересов Джуди Као.

– *Moriuntur amici mei...*

Пока Джуди читала, Том слушал ее с закрытыми глазами. Это всегда помогало ему сконцентрироваться на том, что он слышал. Блокировав один канал поступления информации, он рассчитывал повысить эффективность оставшихся. Хотя ему никогда не приходило в голову заткнуть пальцами уши, если он хотел получше что-нибудь рассмотреть.

Однажды Том сказал мне, что мы, немцы, прячем глаголы в рукаве, так что смысл фразы не понятен, «пока не покажется конец предложения». Латынь же сыплет словами, как сладостями на *Fasching*,⁷⁶ предоставляя суффиксам поддержание дисциплины. К счастью, средневековые ученые установили в латыни порядок – одна из причин, по которой их ненавидели гуманисты и по которой к этому языку испытывал склонность Том.

«Мои друзья умерли, несмотря на все наши усилия. Они ели, но не насыщались пищей, их конец был неотвратим. Я ежедневно молился, чтобы они не впадали в отчаяние, находясь в Оберхохвальде, так далеко от своего дома, а встретили Создателя с надеждой и верой в сердцах»

Еще двое приняли Христа в свои последние дни, что порадовало Ганса не меньше, чем меня. Не винили они и нас, зная, что и наш час близится. Слухи разносятся, как стрелы, и несут столько же боли. Чума, поразившая южные страны в прошлом году, ныне опустошила

⁷⁵ Игра слов: *smart phone* переводится с английского дословно как «интеллектуальный телефон».

⁷⁶ *Fasching* – карнавал; масленица {нем.}.

даже Швейцарию. О, пусть на нас падет не такая страшная болезнь! Да минует нас чаша сия».

И все. Только фрагмент дневника. Ни автора, ни даты.

– Где-то между 1348 и 1350-м, – предположил Том, но Джуди установила еще точнее:

– Середина-конец 1349 года. Чума достигла Швейцарии в мае 1349-го, а Страсбурга – в июле, что привело ее на порог Черного леса.

Том, почувствовав, что и у нарративной истории есть свои достоинства, передал ей второй листок:

– Я нашел это во второй коробке. Прощение о возмещении убытков от кузнеца из Фрайбурга к господину Манфреду фон Хохвальду. Кузнец жалуется, что слиток меди, оставленный пастором Дитрихом из Оберхохвальда в качестве платы за вытягивание тонкой медной проволоки, был украден.

– Датировано 1349 годом, канун праздника Пресвятой Богородицы. – Она вернула ему листок.

Том состроил гримасу:

– Как будто это что-либо уточняет... Половина года в Средневековье занята празднествами в честь Девы Марии. – Он сделал еще одну пометку в своем наладоннике.

Что-то беспокоило его в этом письме, но он не мог сказать что именно. – Хорошо... – Он сложил вместе машинописные копии, засунул их в портфель и щелкнул замком. – Точная дата не важна. Я пытаюсь понять, почему это место оставили жители, а не надул ли их священник местного ремесленника. Но, *alles gefällt*,⁷⁷ я узнал то, что оправдало всю поездку.

Джуди закрыла одну из карточек и подписала формуляр, отпечатанный на ее крышке. Она коротко взглянула на него:

– Да, и что же?

– Я, может быть, не иду по следу, но, по крайней мере, знаю, где его искать.

* * *

Он вышел из библиотеки и обнаружил, что на дворе уже поздний вечер, а университетский городок безлюден и тих. Учебные корпуса заглушали дорожный шум с Олни, и в воздухе стоял лишь негромкий шум ветвей. Том повел плечами от усилившегося бриза и устремился к воротам кампуса. Итак, Оберхохвальд сменил свое имя на Эйфельхайм... «Почему именно Эйфельхайм?» – праздно удивился он.

Он уже наполовину пересек прямоугольник площади, как его осенило. Согласно документу «*Mourintur*», деревня была названа Эйфельхаймом как раз накануне того, как туда пришла чума и стерла ее с лица земли.

Зачем деревне, которой больше не существует, вообще менять свое название?

V

Август, 1348

Праздник св. Иоахима.⁷⁸ 16 августа

На Успение Пресвятой Богородицы Девы Марии⁷⁹ Сепплъ Бауэр доставил на

⁷⁷ *Alles gefällt* – все пригодится (нем.).

⁷⁸ Ныне празднуется католической церковью 26 июля как День поминовения святых Иоахима и Анны, родителей Марии.

⁷⁹ Отмечается католиками 15 августа.

церковный двор свою десятину гусями. Две дюжины птиц, больших и маленьких, белых, серых и пегих, вертели с любопытством головами во все стороны, возмущенно гоготали и распирались от самодовольства с истинным высокомерием гусяного племени. Ульрика, своей длинной шеей и задранным подбородком сама весьма похожая на гуся, бежала впереди стаи и удерживала ворота открытыми, пока пастуший пес Отто не загнал птиц во двор.

– Двадцать пять птиц, – объявил Сеппл, пока Ульрика запирала ворота. – Франц Амбах добавил одну лишнюю в качестве знака признательности за то, что вы выкупили его корову у герра.

– Передай ему мою благодарность, – сказал Дитрих со степенной церемонностью, – равно как и остальным за их щедрость. – Подать в виде стаи гусей определялась традицией, а не щедростью, и все же Дитрих всегда подходил к этому как к дару. Хотя он и управлялся с огородом по преимуществу самостоятельно, и у него была молочная корова, которую он держал ради Терезии, священнические обязанности отвлекали его от выращивания пищи, и потому селяне уплачивали десятину от своего имущества, чтобы обеспечить его пропитанием. Остальная часть его бенефиция поступала от архидьякона Вилли из Фрайбурга и от герра Манфреда, в чьей милости он находился. Из своей суммы он вынул пфенниг и положил на ладонь Сеппля. Это тоже было закрепленное обычаем подношение, и по этой причине юноши деревни боролись за привилегию доставить церковную десятину.

– Я положу его рядом с моим вторым фарлонгом, – объявил мальчик, опуская монету в мешок, – и не буду употреблять на то, чтобы откупиться от своих обязанностей, как *некоторые*.

– Ты бережливый парень, – ответил Дитрих. Ульрика присоединилась к ним и теперь стояла с мальчиком взявшись за руки, а Отто тяжело и часто дышал, переводя взгляд с одного на другого в тревожном беспокойстве. – Итак, Ульрика, – сказал Дитрих, – ты уже подготовилась к свадьбе?

Девочка густо покраснела.

– Да, святой отец. – Через месяц ей исполнялось двенадцать, она становилась совсем уже взрослая, а союз Бауэров и Аккерманов готовился давно.

В хлопотах, понятных только амбициозному крестьянину, Фолькмар Бауэр затеял мену с тремя односельчанами, на которую пошло несколько фарлонгов, часть скота и мешок медных пфеннигов, чтобы манс⁸⁰ Унтербах перешел его сыну. Сделки помогли также Бауэрам и Аккерманам свести свои надель воедино в более компактном виде. *Меньше поворачиваться плугу*, объяснил Феликс Аккерман с глубоким удовлетворением.

Дитрих, наблюдая за тем, как юная пара отправилась восвояси, надеялся, что союз окажется столь же счастливым для самой пары, сколь выгодным он обещал быть для их родственников. Миннезингеры воспевали добродетель привязанности и ставили ее выше расчета, и крестьяне даже подражали манерам господ; и все-таки люди пытались сделать так, чтобы любовь не мешала получать выгоду. Все короли, несмотря на любовь к собственным детям, постоянно торговали ими. Как рассказывал Манфред, дочь короля Англии останавливалась в Бордо по пути на свадьбу с сыном короля Кастилии, и этот союз был заключен с единственной целью – досадить Франции. Схожим образом романтические отношения не останавливали и крестьян, хотя их царство было кратким, а владения – мизерными.

По крайней мере Сеппл и Ульрика хорошо знали друг друга, в отличие от принца Педро и принцессы Иоанны. Их родители не пожалели времени и труда, взращивая отношения между двумя отпрысками с тем же терпением, с каким они подрезали

⁸⁰ *Манс* (позднелат. *mansus* – жилище, от лат. *maneo* – проживаю) – комплекс жилых и хозяйственных построек и земельных владений, составлявший крестьянское хозяйство в средневековой Западной Европе. Манс в раннее Средневековье – нередко владение свободного общинника; с возникновением феодальной вотчины вошел в ее состав как держание семьи зависимого крестьянина и в то же время – единица внутривотчинного обложения.

виноградную лозу в надежде на будущий урожай.

Дитрих вошел на свой двор, к неудовольствию гогочущей церковной десятины, и взял в заднем сарае полено и нож. Он обменялся приветствиями с Терезией, хлопотавшей на грядке с бобами, оглушил поленом одного из гусей, отнес в сарай и тщательно привязал за лапки к крюку. Он перерезал гусю горло, стараясь не отсечь позвоночник, иначе мускулы могли сократиться и сделать ощипывание более сложным делом.

– Прости, братец гусь, – сказал он тушке, – что мое гостеприимство – как и твоя жизнь – было столь кратким, но я знаю, что несколько странников, возможно, будут благодарны за твою плоть.

Затем он повесил гуся вниз головой, чтобы дать стечь крови.

* * *

На следующий день, когда гусь был ощипан, распотрошен и надежно завернут в охотничью сумку, Дитрих отправился к замку Хохвальд, где его поджидал Макс Швайцер с двумя взнузданными и готовыми к поездке испанскими скакунами,

– Достаточно спокойная для священника-седока, – пообещал сержант, предлагая одну из лошадей. – Кляча толста как монах – и будет останавливаться пощипать траву при всякой возможности, так что сходство не случайно. Хороший пинок под ребра стронет ее с места, если понадобится. – Он подставил Дитриху колено и подождал, пока священник не утвердится в седле. – Теперь вы знаете дорогу?

– Ты не едешь в этот раз?

– Нет. У меня несколько поручений от господина. Скажите мне, что знаете дорогу.

– Я знаю дорогу. Тропинка к печи до самого бурелома, затем пойду по зарубкам, как прежде.

На лице швейцарца отобразилось сомнение.

– Когда вы увидите... их, попытайтесь купить одну из тех трубок, которые они держат в своих мешках. Они навели их на нас в тот первый раз.

– Я помню. Ты полагаешь, что это оружие?

– Да. Некоторые демоны держали руки у мешков, пока мы были там. В схожей ситуации осторожный мужчина держал бы руки рядом с ножнами.

– Мои в подобной ситуации будут у распятия.

– Полагаю, это может быть чем-то вроде пращи. Миниатюрный *pot-de-fer*.

– Такие маленькие? Они же будут метать настолько крохотные снаряды, что это нельзя будет считать оружием.

– И Голиаф сказал то же самое. Предложите им мой бургундский квиллон, если поймете, что они готовы торговаться.

Он отстегнул свой пояс и передал его Дитриху вместе с ножнами и всем остальным.

– Тебе так нужна эта праща? Что ж, осталось выяснить, как я сообщу им об этом.

– Демоны наверняка знают латынь! Дитрих не стал спорить о терминах.

– У них нет для этого языка и губ. Но сделаю все, что смогу. Макс, для кого тогда вторая лошадь?

Прежде чем солдат смог ответить, Дитрих услышал приближающийся голос герра Манфреда, и мгновение спустя хозяин замка вышел из ворот наружной стены под руку с Хильдой Мюллер. Он улыбался ей сверху вниз, накрыв ладонью ее руку, продетую ему под локоть. Дитрих подождал, пока слуга поставит скамейку и поможет Хильде взобраться в седло.

– Дитрих, на пару слов? – сказал герр Манфред. Он взял кобылу под уздцы и погладил ее морду, шепнув животному несколько нежных слов. Когда слуга удалился достаточно, чтобы ничего не слышать, Манфред продолжил, понизив голос: – Я так понимаю, что в наших лесах завелись демоны.

Дитрих бросил на Макса испепеляющий взгляд, но солдат только пожал плечами.

– Они не демоны, – сказал Дитрих властителю Хохвальда, – а страждущие паломники странной и чуждой нам наружности.

– Очень странной и чуждой, если верить моему сержанту. Дитрих, я не желаю, чтобы в моих лесах были демоны. – Он поднял руку. – Нет, и «паломники странной и чуждой нам наружности». Изгони их – или отправь своей дорогой – что сочтешь более уместным.

– Мой господин, мы с вами единодушны по этому поводу.

Манфред прекратил гладить животное:

– Ничего другого я и не хотел бы услышать. Зайди вечером, когда воротишься.

Он отпустил поводья, и Дитрих резко развернул голову лошади в сторону дороги.

– Вперед, лошадь, – сказал он, – тебе будет что пощипать.

* * *

Лошади брели по дороге мимо полей, где все еще трудились сборщики урожая. На господской земле колосья уже были собраны, и жители деревни теперь работали на своих наделах. Крепостные отправились в куриальный амбар молотить господское зерно. Крестьяне работали сообща, передвигаясь с полоски на полосу по запутанной системе, выработанной задолго перед тем *майером*, старостой и смотрителями.

В Хольцбрюке, на ферме, принадлежащей Гертруде Мецгер, вспыхнула драка. Дитрих привстал в стремени и увидел, что смотрители уже взяли дело в свои руки.

– Что там? – спросила Хильда.

– Кто-то набил зерна под рубашку, чтобы украсть, а племянник Труды поднял шум и крик в ее защиту.

Хильда вздохнула:

– Труде следует вновь выйти замуж и позволить работать на ее земле мужчине.

Дитрих, не видевший связи между вдовством хозяйки и учиненной работником кражей, промолчал. Они возобновили свой путь к лесу. Наконец он отрывисто произнес:

– Могу я предостеречь тебя?

– От чего?

– Герр. Он – мужчина с аппетитом. Его невозможно утолить. Его жена вот уже два года как мертва.

Жена мельника молчала какое-то время. Затем опустила голову и спросила:

– Что знаете вы об аппетите?

– Разве я не мужчина?

Хильда взглянула на него искоса:

– Хороший вопрос. Если вы уплатите штраф «под липами», сможете мне это доказать. Но штраф взимается в двойном размере, если женщина замужняя.

По шее Дитриха поднялся жар, и он смотрел на Хильду какое-то время, пока их лошади неуклонно брели вперед.

Фрау Мюллер ехала на лошади с неуклюжестью крестьянки, выпрямившись в седле и покачиваясь в кем при каждом шаге. Дитрих отвел взгляд в сторону, прежде чем его мысли зашли слишком далеко. Он вкусил от этого плода и счел, что слухи о сладости его преувеличенны. Слава Богу, женщины мало влекли его.

Хильда заговорила вновь только тогда, когда они въехали в лес:

– Я пошла попросить у него еды и питья для этих ужасных тварей в лесу. И это все. Он дал мне сумки, которые приторочены позади седла. Если он и хотел назначить цену за свою милость, он ее не назвал.

– Ах. Я подумал...

– Знаю, о чем вы подумали. Попробуйте не думать об этом так часто. – И она, лягнув пятками лошадь, ускакала рысью вперед по тропинке, неумело болтая ногами при каждой встряске.

Доехав до печи углежогов, Дитрих взял лошадь под уздцы и прочитал короткую молитву за упокой души Иосифа и Антона. Вскоре его лошадь заржала и шарахнулась в сторону. Подняв голову, Дитрих заметил двух странных существ, которые наблюдали за ними с края высеки. Он на мгновение замер при виде этого зрелища.

Привыкнет ли он когда-нибудь к их внешности? Сколь бы ни были гротескны фигуры, одно дело, когда они вырезаны из камня или дерева, и совсем иное, когда они слеплены из плоти.

Хильда не обернулась.

– Это они, – сказала она, – не так ли? Я могу судить по тому, как вы вздрогнули. – Дитрих безмолвно кивнул, и Хильда вздохнула. – Меня тошнит от их запаха, – сказала она. – По коже бегут мурашки от их прикосновения.

Один из часовых поманил рукой в подражании человеческому жесту, прыгнул в лес и замер в ожидании, когда за ним последуют Дитрих и Хильда.

Лошадь Дитриха заупрямилась, пришлось хорошенько лягнуть ее, пока животное не пошло дальше с заметной неохотой. Часовой двигался большими скользящими прыжками, то и дело останавливаясь, чтобы повторить свой манящий жест. У него на голове была упряжь, как заметил Дитрих, хотя удила болтались свободными. Время от времени существо издавало стрекочущий звук или же, как казалось, к чему-то прислушивалось.

На краю вырубки, где существа воздвигли свои странный амбар, кобыла чуть не понесла. Дитрих призвал на помощь полузабытые навыки и усмирил животное, развернув его задом к увиденному и прикрыв глаза лошади широкополой дорожной шляпой.

– Оставайтесь там! – крикнул он отставшей Хильде. – Лошади боятся этих созданий.

Хильда резко дернула поводья:

– Тогда у них хорошее чутье.

Они спешили вне пределов видимости чужестранцев. Привязав лошадей, отнесли сумки с едой в лагерь, где их поджидало несколько созданий. Один из встречающих подхватил мешки и, используя какой-то инструмент, отрезал от пищи маленькие кусочки и поместил их в небольшие прозрачные склянки. За этим последовало изучение пузырьков на вид и запах, и Дитриху внезапно пришло в голову, что перед ним алхимик. Возможно, эти создания никогда не видели гуся, репы или яблок и опасались принимать их в пищу.

Часовой тронул Дитриха за руку – словно провел засохшей щеткой. Священник пытался запомнить это существо, но сознанию не за что было зацепиться. Рост – повыше некоторых. Цвет – темно-серый. Сквозь прореху в рубашке открывалась желтая полоска – рана? Но каковы бы ни были у существа индивидуальные отличительные черты, все они затмевались непонятным выражением желтых граненых глаз, ороговелыми губами и слишком длинными конечностями.

Дитрих последовал за дозорным к амбару. Его стены были тонкими и скользкими на ощупь и не походили ни на один материал, о котором он когда-либо слышал, словно в здании сочетались признаки земли и воды. Внутри он обнаружил, что амбар на деле представляет собой *инсулу*,⁸¹ на манер тех, что строили римляне, поскольку пространство внутри было разделено на квартиры, меньшие по размерам, чем даже хижина батрака. Этот странный народ, верно, был крайне беден, если гордился подобными тесными жилищами.

Часовой ввел его в комнату, где поджидали трое остальных, затем вышел, оставив распираемого любопытством Дитриха наедине с ними.

Один из присутствующих сидел прямо перед ним за столом, уставленным занятыми предметами различной формы и цвета. Узкая прямоугольная рамка содержала картину

⁸¹ *Инсула* – в Древнем Риме многоэтажный жилой дом из обожженного кирпича со сдававшимися внаем квартирами или комнатами, обычно расположенными вокруг светового двора.

цветущего луга перед далеким лесом. Это был не барельеф, и все же изображение имело глубину! Художник, по-видимому, решил проблему передачи расстояния на плоской поверхности. Ах, что бы отдал покойный Симоне Мартини⁸² за то, чтобы изучить это произведение! Дитрих подошел взглянуть поближе.

Что-то было не так с формами, непривычным был цвет. Перед ним были не совсем цветы и не совсем деревья, а их зелень слишком сильно отдавала синевой. У цветков было шесть ярко-золотистых лепестков, расположенных тремя парами друг напротив друга. Трава имела бледно-желтый цвет соломы. Пейзаж родного края этих существ? Должно быть, он очень далеко отсюда, подумал Дитрих, если там растут такие странные цветы.

Компоновка изображенного, символизм, наполнявший картину смыслом и призванный продемонстрировать умение художника, ускользали от понимания Дитриха. Значение любого изображения кроется в расположении конкретных святых и животных, или в размере фигур относительно друг друга, или же в их жестах и облачении; но *на картине вообще не было живых существ*, и это поражало больше всего. Как будто она замышлялась исключительно ради простого воспроизведения перспективы! И все же, к чему этот смелый реализм, если глаз может узреть все это безо всякой помощи?

Второе существо сидело за меньшим по размеру столом в правой части комнаты. У него на голове была упряжь, и само создание сидело вполоборота к стене. Дитрих принял упряжь за знак зависимости. Подобно любому занятому своими обязанностями, существо не подало и виду, что заметило Дитриха, и лишь его пальцы порхали над другой картиной – нагромождением цветных квадратиков с различными таинственными символами. Затем слуга прикоснулся к одному из них – и изображение изменилось!

Дитрих открыл рот и подался назад, а третье существо, прислонившееся к стене слева, обвив себя длинными руками на манер виноградной лозы, широко раскрыло рот и прищлепнуло губами, издав звук, подобный пытающемуся заговорить младенцу:

– Вабва-уа-уа.

Приветствие? Это существо было высоким, возможно, выше самого Дитриха, и украшено более пестрым одеянием, нежели прочие: камзол без пуговиц, которым отдавали предпочтение мусульмане, широкие штаны в три четверти длины, пояс с присоединенными к нему различными символами и кушак ярко-желтого цвета. Подобное пышное облачение обычно указывает на человека высокого положения. Дитрих, вернув себе самообладание, отвесил поклон:

– Вабвауауауа, – как можно точнее постарался он повторить.

В ответ создание отвесило Дитриху резкий удар. Дитрих потер покалывающую болью щеку.

– Ты не должен бить священнослужителя Иисуса Христа, – предупредил он. – Я назову тебя «герр Увалень». – То, что существо с такой легкостью перешло от слов к ударам, подтверждало предположение Дитриха о его благородном происхождении.

Первое создание, одетое так же просто, как и слуга, но в то же время имеющее начальственный вид, ударило по столу рукой. Началось чириканье, причем оба существа махали при этом руками. Теперь Дитрих мог убедиться, что звуки производятся ороговевшими уголками рта созданий, быстро ударявшимися друг о друга, подобно лезвиям пары ножниц. Он подумал, что, должно быть, они разговаривают, но, несмотря на все свое старание, ничего, кроме стрекота насекомых, расслышать не мог.

О чем бы между обоими ни велась дискуссия, она достигла крещендо. Сидящий поднял обе руки и скреб одной о другую. Вдоль рук тянулась ороговевшая кромка, и каждый жест издавал звук рвущейся ткани. Герр Увалень сделал движение, как будто собирался нанести удар, и сидевший вскочил, как если бы приготовился ударить в ответ. С другой стороны

⁸² Симоне Мартини (1284–1344) – крупный итальянский художник XIV в., представитель сиенской школы живописи. Работал по преимуществу в технике фрески.

комнаты на все это беспристрастно взирал слуга, как и положено слугам во время ссоры хозяев.

Но герр изменил свой ритм и сделал совсем иной жест, махнув рукой, что Дитрих без особого труда расценил как сигнал об уступке в том, о чем бы ни велся спор. Его собеседник запрокинул голову назад и развел руки, а герр Увалень один раз резко щелкнул боковыми челюстями, после чего тот уселся на свое место.

Дитрих не мог понять, что именно произошло. Очень похоже на спор. Первое создание бросило вызов своему господину – и каким-то образом одержало верх. Каково же тогда было положение сидевшего существа? Готовность принять вызов подразумевала, что противоположная сторона обладала честью, которой не мог обладать простой смертный. Итак, может, священник? Влиятельный вассал? Или человек другого господина, которого Увалень не хотел оскорбить? Дитрих решил называть его «Скребун» из-за того жеста, который он сделал руками.

Увалень отклонился к стене, а Скребун вернулся на свое место. Затем, глядя на Дитриха, он начал щелкать челюстями. Сквозь жужжание насекомого послышался голос:

– Здравствуй.

Дитрих вздрогнул и обернулся посмотреть, не вошел ли еще кто в комнату.

Голос вновь повторил:

– Здравствуй. – Он, несомненно, исходил из небольшой коробочки на столе! Через легкое колебание ткани, натянутой через ее переднюю часть, Дитрих смог различить цилиндрическую голову. Этим существам удалось поймать внутрь *Heinzelmannchen* ?⁸³ Он попытался заглянуть за занавесь – он никогда в действительности не видел домовых, – но голос произнес:

– Садись.

Приказ было столь неожиданным, что Дитрих бездумно подчинился. Рядом было нечто вроде стула, и он с трудом утвердился на нем. Сиденье было неудобным, предназначенное по форме к иному сидалищу, нежели его.

Теперь голос произнес в третий раз:

– Здравствуй.

На сей раз Дитрих просто ответил:

– Здравствуй. Как поживаешь, друг домовый?

– Хорошо. Что означает слово «домовой»? – Слова произносились монотонно и падали подобно ударам маятника.

Это шутит эльф? Маленькие человечки охочи до проказ, и, хотя некоторые, например домовые, считались просто шаловливыми, другие, подобно гнурру, могли быть мелочны и злокозненны.

– Домовой – это существо наподобие тебя, – ответил Дитрих, гадая, куда может завести этот диалог.

– Тогда тебе известны другие, такие как я?

– Ты первый, кого я встретил, – признался Дитрих.

– Откуда же тебе известно, что я «домовой»?

Ох, умница! Дитрих мог убедиться, что это противостояние двух умов. Может, странные творения поймали домового и нуждались теперь в услугах Дитриха, чтобы поговорить с ним?

– Кто еще, – объяснил он, – может сидеть внутри такой очень маленькой коробочки, как не очень маленький человечек?

На этот раз с ответом возникла заминка. Герр Увалень вновь издал свое «уа-уа», на что Скребун, буравящий Дитриха взглядом, примирительно махнул. Он щелкнул губами, и эльф сказал:

⁸³ *Heinzelmannchen* – домовый (нем.).

- Здесь нет маленького человечка. Коробка говорит сама. Дитрих улыбнулся.
- Как это возможно, – спросил он, – если у тебя нет языка?
- Что означает «язык»? Забавляясь, Дитрих высунул язык.

Скребун протянул свою длинную руку, прикоснулся к рамке картины, и та превратилась в портрет самого Дитриха, в точности изображенного в объеме и показывавшего язык. Каким-то образом язык на портрете блестел. Дитрих спросил себя, не ошибся ли он насчет демонической сущности этих созданий.

- Это ли язык? – спросил домовой.
- Да, это и есть язык.
- Большое спасибо.

* * *

– И когда оно поблагодарило меня, – рассказывал Дитрих Манфреду позднее тем же вечером, – я начал подозревать, что это машина.

– Машина... – Манфред поразмыслил над этим. – Ты имеешь в виду, как коленчатый вал Мюллера?

Они стояли вдвоем у стола близ камина в большом зале. С него уже убрали остатки обеда, дети вместе с няней были отправлены в постели, жонглера поблагодарили и отпустили с пфеннигом, а остальных гостей Гюнтер проводил до дверей. Зал был теперь заперт, и даже слуги были посланы прочь, за исключением Макса, сторожившего дверь.

Манфред собственноручно наполнил вином два *maigeleins*.⁸⁴ Он пригубил из обоих, и Дитрих выбрал тот, что слева:

- Благодарю вас, мой господин. Манфред коротко усмехнулся:
- Должен ли я подозревать, что вы все тоже механизмы и шестеренки?
- Простите, я слышу в ваших словах иронию. – Они подошли вместе к жертвеннику и встали у огня. Тлеющие угли шипели, и их время от времени облизывало пламя.

Дитрих водил пальцем по стеклянным узорам своего бокала, размышляя.

– Голосу не были присущи *модуляции*, – определился, наконец, он. – Или, скорее, его модуляции были механическими, без риторических изысков. В нем отсутствовало презрение, любопытство, *ударение*... запинание. Он сказал «большое спасибо» с тем же выражением, с которым челнок делает свою работу в ткацком станке.

- Улавливаю, – сказал Манфред, и Дитрих поднял указательный палец вверх:
- Еще один довод. Мы с вами понимаем, что под «улавливаю» вы подразумевали нечто иное, чем простое физическое действие. Как сказал Буридан, во фразе заключен больший смысл, чем смысл конкретных заключенных в ней слов. Но «домовой» не понимал образных высказываний. Раз узнав, что язык является частью тела, он смутился, когда я упомянул о «немецком языке». Он не понимает *метонимии*.

- Для меня это китайская грамота, – сказал Манфред.
- Мой господин, я имею в виду, что... Я думаю, что они могут не знать поэзии.
- Не знать поэзии... – Манфред нахмурился, покрутил бокал в руках и сделал из него глоток. – Подумать только! – На миг Дитриху показалось, что хозяин Хохвальда сказал это с сарказмом, но тот удивил его, продолжив и беседуя больше с самим собой: – Не знать «*Короля Потера*»?⁸⁵ Не знать «*Энеиды*»? – Манфред поднял свой бокал и продекламировал:

Свой Олифан Роланд руками стиснул,
Поднес ко рту и затрубил с усилием.

⁸⁴ *Maigeleins* – стеклянный бокал для вина.

⁸⁵ «*Король Потер*» – немецкая эпическая поэма XI–XII вв. так называемого «шпильманского эпоса».

Высоки горы, звонок воздух чистый.
Протяжный звук разнесся миль на тридцать...⁸⁶

– Ей-богу, я не могу слышать этих строк без трепета. – Он обернулся к Дитриху: – Ты готов поклясться, что этот «домовой» всего лишь механизм, а не настоящий домовой?

– Господин, Бэкон описывал подобную «говорящую голову», хотя он и не знал, как ее можно соорудить. Тринадцать лет назад миланцы на своей ратушной площади установили механические часы, которые отбивают время *без вмешательства человека*. Если механическое устройство может сообщать время, то почему более изощренный механизм не способен сообщать что-либо другое?

– Твоя логика когда-нибудь доведет тебя до беды, – предостерег Манфред. – Но ты сказал, что он уже знал не некоторые фразы и слова. Как это произошло?

– Чтобы слушать нашу речь, они разместили механизмы вокруг деревни. Один такой мне показали. Он не крупнее моего большого пальца и выглядит словно насекомое, поэтому я назвал их «жучками». Из того, что они слышали, «домовой» усвоил некоторые значения; например, «как дела?» означает приветствие, а «свинья» обозначает одно конкретное животное и так далее. Однако домовой ограничен тем, что видели и слышали механические жучки, а многого и сам не понял. К примеру, он знал, что свиней иногда называют «сосунками» и «однолетками», но не смог понять, в чем разница, не говоря уже о первенцах, двухлетках и трехлетках или о различии между племенной и главной свиноматкой, – из чего я заключил, что этот народ не пасет свиней.

Манфред хмыкнул:

– Но ты по-прежнему называешь его «домовым». Дитрих пожал плечами:

– Это название подходит так же, как и любое другое. Но я придумал, как будет звучать на греческом термин, обозначающий разом и домового, и жучков.

– Ну и как же..

– Я назвал их *автоматами*, потому что они *действуют сами*.

– То есть как мельничное колесо.

– Очень похоже на мельничное колесо, вот только я не знаю, что за поток придает им импульс.

Глаза Манфреда бежали залу:

– Могут ли «жучки» слушать нас даже сейчас? Дитрих пожал плечами:

– Они разложили их накануне Дня св. Лаврентия, прямо перед вашим прибытием. Они незаметны, но я сомневаюсь, что им удалось проскользнуть в Гоф или Бург. Дозорные могли быть не особо бдительными, но они, вероятно, заметили бы притаившегося кузнечика ростом в пять футов.

Манфред загоготал и хлопнул Дитриха по плечу:

– Кузнечик ростом в пять футов! Ха! Да уж, такого они бы наверняка заметили!

* * *

В своем домике у церкви Дитрих тщательно исследовал все комнаты и наконец отыскал «жучка». Не больше мизинца, тот примостился на лапе креста, смастеренного Лоренцом. Хорош шесток. *Автомат* мог обозревать всю комнату целиком и, выкрашенный в черный цвет, оставаться незаметным.

Дитрих оставил его в покое. Если чужестранцы намеревались выучить немецкую речь, то, чем скорее это произойдет, тем быстрее Дитрих сможет объяснить им необходимость отъезда.

– Я достаю новую часовую свечу, – объявил он подслушивающему инструменту. Затем,

⁸⁶ «Песнь о Роланде», CXXXII; перевод Ю. Б. Корнеева.

вынув одну из ларца, он подытожил: – Я достал часовую свечу. – Он держал свечку так, чтобы *жучок* мог ее видеть. – Это называется часовой свечой. Она состоит из... – он отколупнул кусочек –...пчелиного воска. Каждая пронумерованная отметка отмеряет одну двенадцатую часть дня, от восхода до заката. Я сужу о времени по тому, как сильно оплавилась свеча.

Поначалу Дитрих говорил смущенно, затем все более на манер того, как художник делает набросок. И все же его слушал не класс школяров, а бэконовские говорящие головы, и он задался вопросом, в какой мере аппарат его понимает, и имело ли понимание в данном случае вообще какое-нибудь значение.

VI

Август, 1348

Стигматы св. Франциска. 14 сентября

Они называли себя *крэнками*, или как-то иначе, человеческий язык просто не мог точнее передать слово; но был ли этот термин так всеохватен, как «человек», или так узок, как «житель Черного леса», Дитрих сразу разобраться не смог.

– Они и впрямь *выглядят* больными, – сказал Макс после одного из посещений и засмеялся над каламбуром, ибо «крэнк» звучало на немецком как «больной». И в самом деле, учитывая веретенообразность их тела и серость кожи, имя не могло не поразить Дитриха как нечаянное проявление. Божественной прихоти.

Терезия хотела отправиться к ним со своими травами.

– Так поступил бы Благословенный Господь, – сказала она, устыдив Дитриха, который больше тревожился об их отъезде, нежели о выздоровлении; и, хотя он и допускал, что помощь поспособствует этой цели, следовало признаться, что оказывал он ее ради собственного блага, а не просто ради блага другого. И все же он противился тому, чтобы Терезия узнала о крэнках. Существа столь странной наружности и силы неминуемо привлекли бы интерес, навсегда нарушив установленную Дитрихом изоляцию, а четверо – это и так уже слишком много для того, чтобы хранить все в тайне. Он успокоил Терезию, сославшись на распоряжения герра, но та завалила Дитриха своими снадобьями. Похоже, крэнкам от их использования не становилось ни лучше и ни хуже, как и большинству людей.

Пока лето шло на убыль, Дитрих посещал лагерь каждые несколько дней. Иногда он приходил один, иногда с Максом и Хильдой. Хильда меняла повязки и промывала медленно заживающие раны, а Дитрих учил с помощью говорящей головы Скребуна и Увальня немецкому в достаточном объеме, чтобы те поняли, что должны удалиться. Их ответом до сих пор был осторожный отказ, но осознанный или по недопониманию, было неясно.

Макс иногда сидел вместе с ним на этих уроках. Муштра была знакомым ему делом, а потому он был полезен в повторении или демонстрации жестами чего-либо, необходимого для передачи значения многих слов. Чаше сержант присматривал за Хильдой в качестве ее ангела-хранителя и, когда ее непривычная миссия завершалась, провожал назад в Оберхохвальд.

«Домовой» быстро осваивал немецкий, ибо говорящая голова, однажды усвоив смысл того или иного слова, никогда его не забывала. У него была поразительная память, хотя свои в понимании забавляли. «День» он усвоил, слушая разговоры в деревне, но «год» привел его в полнейшее замешательство, пока значение этого слова не было объяснено. И все же как могло человеческое племя, как бы далеко ни была его родина, не заметить обращения вокруг Земли Солнца? Так же обстояло дело со словом «любовь», которое механизм путал с греческим «эросом» по причине некоторых нечаянных скрытых наблюдений, в суть которых Дитрих счел за благо не углубляться.

– Он представляет собой сочетание шестеренок и рычагов, – объяснил Дитрих сержанту после одного из занятий, – и тут же осознает любое слово, которое само по себе является символом – отсылающее к какому-либо существу или действию, но спотыкается

там, где идет обозначение видов или взаимодействий. Поэтому термины «дом» или «замок» ему понятны, а вот «жилище» потребовало разъяснений.

Макс только усмехнулся:

– Возможно, он не так хорошо учился, как вы.

* * *

В сентябре, утомленный страдой, сельскохозяйственный год делал паузу и переводил дух перед посевом озимых, отжимом вина и забоем скотины на зиму. Воздух становился все прохладней, и лиственные деревья дрожали в ожидании стужи. Этот промежуток между летними и осенними работами очень подходил для завершения ремонта после Большого пожара и для свадьбы Сеппля и Ульрики.

Бракосочетание состоялось на деревенском лугу, где вокруг пары могли собраться свидетели. Там Сеппл объявил о своем намерении, и Ульрика, одетая по свадебной традиции в желтое, заявила о своем согласии, после чего все проследовали на Церковный холм. Латеранский собор требовал, чтобы все свадьбы были публичными, но не обязывал Церковь к участию в них. Несмотря на убытки от пожара, Феликс заказал венчальную литургию по случаю замужества своей дочери. Дитрих прочитал проповедь об истории и развитии брака и объяснил, как образ Христа повенчан с Его Церковью. Он уже далеко углубился в противопоставление *muntehe*, или семейного союза, и *friedehe*, брака по любви, благословляемого Церковью, когда заметил растущую нетерпеливость прихожан и вожделение брачующейся пары, и завершил свое выступление торопливым и нелогичным выводом.

Друзья и родственники прошествовали с парой от церкви до приготовленного для них Фолькмаром дома и проследили, как они укладываются в постель, давая все это время и в последнюю минуту ценные советы. Затем соседи удалились и стали поджидать подокном. Дитрих, оставшийся в церкви, даже с вершины холма слышал непрерывные крики собравшихся и стук по горшкам. Он обернулся к Иоахиму, помогавшему ему разбирать украшения алтаря:

– Удивительно, что молодые вообще женятся публично, с учетом того, что им приходится перенести.

– Да, – сказал Иоахим из-под капюшона, – брак под покровом леса имеет свои преимущества.

Замечание Минорита было сдобрено изрядной порцией иронии, и Дитрих удивился, что тот хочет этим сказать. Единственное преимущество данной с глазу на глаз клятвы заключалось в том, что от нее потом можно было с легкостью отказаться. Без свидетелей кто может сказать, какое обещание прозвучало и было ли дано согласие. Брак, обещанный в приливе страсти, мог увянуть вместе с самой страстью. Для борьбы с этим злом Церковь настаивала на публичных бракосочетаниях. И так многие пары по-прежнему обменивались клятвами в лесу – или даже в самой постели!

Дитрих сложил покрывающую алтарь скатерть вчетверо. Он решил, что Иоахим хотел шутивно поддержать его собственное утверждение, и сказал лишь:

– *Doch*,⁸⁷ – на что Минорит быстро бросил на него пристальный взгляд и снова потупился.

* * *

Отстроенные заново дома были освящены на день поминания папы Корнелия,⁸⁸ о

⁸⁷ *Doch* – и все-таки (нем.).

⁸⁸ 16 сентября.

котором помнили как о друге всех нищих и потому подходящем покровителе для подобного освящения. Лютер Хольцхакер во главе отряда мужчин оправился в Малый лес под Церковным холмом и срубил там ель где-то в двадцать футов высотой, которую они с большой помпой доставили на деревенский луг. Мужчины наполовину очистили ствол, оставив нетронутыми верхние ветви, распространяющие терпкий запах хвои девственного леса. Оставшиеся ветви украсили венками, гирляндами, множеством цветных флагов и другими украшениями, затем установили дерево в подготовленную яму на углу дома Аккерманов.

Потом были песни, танцы, кружки пива и куски зажаренной свиньи, которую Аккерман и братья Фельдманы преподнесли совместно в качестве подарка своим соседям. Гулянье выплеснулось из домов на единственную улицу деревни, до самого колодца, печи и на прилегающий к мельничному пруду луг.

Стражники, помогавшие бороться с пожаром, тоже спустились из замка, чтобы присоединиться к торжествам. Они расхаживали с самодовольным видом, выглядели старше своих лет и обладали той мужественностью, по сравнению с которой деревенская молодежь казалась совсем неоперившейся. Не одна девушка оказалась зачарована рассказами о дальних странах и ратных подвигах, и не один солдат оказался очарован прекрасной девушкой. Отцы взирали на все это с подозрением, а матери с осуждением. Такие люди редко владели собственной землей, а значит, не были подходящей партией для крестьянской дочери.

После торжественного освящения дерева и домов Дитрих встал в сторонке и оттуда наблюдал за гуляньями, отвечая на приветствия проходящих мимо. Ему нравилось предаваться уединению и размышлениям – одна из причин, по которой он прибыл в эту отдаленную деревню. За это пристрастие Буридан порой подвергал его суровой критике. «Ты слишком часто живешь в собственной голове, – говорил учитель, – и, хотя иногда это очень интересная голова, в ней, должно быть, немного одиноко». Шутка очень повеселила гостя из Оксфорда, который, прослышав, что Дитрих раздумывает над своей тетрадью в уединенных уголках вокруг университета, принял за правило называть его *doctor seclusus*.⁸⁹ Из тех, с кем приходилось когда-либо сталкиваться Дитриху, Оккам обладал самым блестящим умом, но его увлеченность часто оборачивалась неприятностями. Человек, столь умный в обращении со словами, он вскоре обнаружил, что мир состоит не только из слов, ибо был вызван в Авиньон, где предстал перед судом.

– Они сочтут вас неприветливым, – сказал Лоренц, вырвав его из воспоминаний. – Вы стоите здесь у дерева, тогда как все там. – Он махнул в ту сторону, откуда доносились звуки скрипки, свирели и волынки; какофония из знакомых песен, приглушенная расстоянием и ветром, слышались только обрывки мелодий.

– Я охраняю дерево, – произнес Дитрих с крайней торжественностью.

– Охраняете? – Лоренц задрал голову к ярким украшениям, трепетавшим на верхушке ели. Ветер развеивал флаги и гирлянды, так что дерево, казалось, тоже пританцовывало. – Кто может украсть такую вещь?

– Грим, быть может, или Экке. Лоренц засмеялся:

– Что за выдумки.

Кузнец опустился на корточки и прислонился к стене дома Аккермана. Он не был крупным человеком – по сравнению с Грегором настоящий карлик, – но он был закален подобно тому металлу, который ковал: устойчивый перед сильнейшими ударами и гибкий, как знаменитая дамаская сталь. У него были черные, как у итальянца, волосы, а кожа прокопчена дымом кузнечного горна. Дитрих иногда называл его Вулканом по всем очевидным причинам, хотя черты лица Лоренца были чрезвычайно изящными, а голос более

⁸⁹ *Doctor seclusus* – доктор запирающийся (лат.).

высоким, чем можно было ожидать от мужчины с таким прозвищем. Его жена была красивой женщиной, солиднее и старше его, с крупными чертами лица и скромного поведения. Господь не благословил их союз ребенком.

– Я всегда любил эти истории, пока был молод, – признался кузнец, – Дитрих Бернский и его рыцари. Побеждающие Грима и прочих гигантов; обводящие вокруг пальца гномов; спасающие Снежную королеву. Когда я воображаю себе Дитриха, он всегда выглядит как вы.

– Как я?!

– Иногда я сочиняю истории о новых приключениях Дитриха и его рыцарей. Думаю, я мог бы записать их для себя, будь я обучен грамоте. В одном из них он отправляется во времени на подвиги против короля Этцеля – я думаю, она особенно хороша.

– Ты всегда можешь пересказать свои сказки детям. Тебе не нужно быть грамотным для этого. Знаешь ли ты, что настоящим именем Этцеля было Атилла?

– Да ну? Но нет, я никогда не осмелюсь пересказать свои истории. Они не настоящие, а только фантазии, которые я выдумал.

– Лоренц, все рассказы о Дитрихе – фантазии. Шлем-невидимка Лорина, заколдованный меч Витта, русалкин браслет, который носил Вильдебер. Драконы, великаны и гномы. Ты когда-нибудь видел своими глазами все это?

– Ну, я всегда полагал, что в это подлое время мы позабыли о том, как ковать заколдованные мечи. А что до драконов и великанов – да ведь Дитрих и остальные герои их всех извели.

– Их всех извели! – засмеялся Дитрих. – Да, это бы сохранило верность гипотезы.

– Вы сказали, что Этцель существовал на самом деле. А готские короли – Теодорих и Эрманарих?

– Тоже. Они все жили во франкскую эпоху.

– Так давно!

– Да. Именно Этцель убил Эрманариха.

– Ишь ты. Вы видели?

– Видел что?

– Если *они* были на самом деле – Этцель, Герман и Теодор – почему тогда не карлик Лорин и не великан Грим? Не смейтесь! Я встретил однажды коробейника из Вены, и он рассказал мне, что, когда там возводили собор, строители обнаружили в земле огромные кости. Так что великаны были на самом деле – *и их кости были сделаны из камня*. Они из-за этого называли портал собора «Воротами великанов». Они не сделали бы этого, будь это все только выдумками. Священник почесал голову:

– Альбрехт Великий описывал такие кости. Он, как и Авиценна, полагал, что они превратились в камень в результате какого-то минерального процесса. Но они могли быть и останками огромных животных, погибших во время Потопа, а не великанов.

– Возможно, тогда костями дракона, – предположил Лоренц с лукавым видом, наклонившись поближе и заговорщицки положив ладонь на руку Дитриха.

Дитрих улыбнулся:

– Ты так думаешь?

– Ваша кружка пуста. Я схожу за еще одной. – Лоренц поднялся на ноги и, после секундных колебаний, сказал вполборота: – Здесь болтают...

Дитрих кивнул:

– Здесь это обычное дело. О чем?

– Что вы слишком часто уходите в лес с фрау Мюллер. Дитрих прищурился и посмотрел в свою пустую глиняную кружку. Эта сплетня неожиданно удивила его.

– Говоря прямо, мой друг, герр учредил *лазаретто*...

– ...в Большом лесу. Разумеется! Но насчет фрау Мюллер мы знаем, откуда ветер дует, и если она в самом деле заботится о прокаженных, значит, тут что-то *должно* быть не так.

Дитриха самого удивляло, что эта эгоистичная и спесивая женщина столь упорна в своем милосердии.

– Поспешное суждение – это грех, Лоренц. Кроме того, с нами часто ходит Макс Швейцарец.

Кузнец пожал плечами:

– Двое мужчин в лесу с его женой – это едва ли утешит мельника. Я всего лишь сказал о том, что слышал. Я знаю... – Он остановился и перевернул кружку вверх дном. Взгляд опустел, словно глаза покинула душа. Остатки пива капали в грязь. – Я знаю, что вы за человек, и потому я верю вам.

– Ты мог бы попытаться верить с большей уверенностью, – резко сказал Дитрих, так что Лоренц повернул к нему удивленное лицо, а затем поспешил отправиться по своему поручению. Кузнец был добрым человеком – даже удивительно добрым с учетом его силы, – но он испытывал женскую страсть к сплетням.

К нему пришли Феликс и Ильзе, чтобы отдать пару кур за освящение дома. Дитрих и хотел бы отказаться, но уже близилась зима, а даже священнику нужно есть. Яйца – вещь ценная, а потом и жаркое можно сделать. В ответ Дитрих порылся в заплечном мешке, достал оттуда деревянную куклу и отдал ее их малышке. Он остругал фигурку, чтобы очистить от подпалины и заменил обгоревшие ручки и ножки свежими палочками, какие отыскал. Волосы срезал с собственной головы. Но Мария уронила подарок в грязь и закричала:

– Это не Анна! Это не Анна!

И она убежала в отстроенный заново дом, оставив Дитриха согбенным в пыли.

Вздыхнув, он убрал куклу обратно в мешок. Дело не в ней, подумал он. Кукла – всего лишь фигурка из палочек и тряпья. В них не было ничего ценного.

Он поднялся и взял деревянную клетку с кудахчущими курицами.

– Пойдемте-ка, кумушки-куры, – сказал он, – я знаю тут одного петуха, который жаждет встретиться с вами.

Починка любой вещи, подумал он, вернувшись в свой домик, никогда не превращает ее в прежнюю. Какие части ни замени, воспоминания заменить невозможно.

* * *

За два года до смерти, когда святой Франциск Ассизский истово молился на горе Альверне, на его теле неожиданно проступили священные раны Христовы. Спустя три четверти столетия папа Бенедикт XI, болезненный, образованный, миролюбивый человек, которому приходилось нелегко за пределами его доминиканского ордена, в качестве жеста доброй воли по отношению к соперникам, учредил праздник в честь этого события. Поэтому, хотя то и был день памяти святой Хильдегарды из Бингена, Дитрих прочел мессу *Mihi autem* в честь Франциска в качестве братского жеста к гостю его дома. Это, возможно, разочаровало Терезию, поскольку она особо почитала аббатису Хильдегарду, авторессу знаменитого медицинского трактата; но, даже если так, Терезия ни словом не выказала протеста;

Едва закончилась месса, как Иоахим бросился ниц на свежeweымытые каменные плиты перед алтарем. Дитрих, убирающий сосуды, счел эту демонстрацию неподобающей. Он захлопнул шкаф для хранения церковной утвари и, обходя церковь, устроил целое представление, пытаясь не наступить на простершегося ниц: монаха.

– В послании к галатам, – сказал он, – апостол Павел говорит нам, что неважно, несем ли мы на себе видимые отметины, коль скоро становимся новыми людьми.

Молитва Иоахима резко оборвалась. Через мгновение монах поднялся с колен, осенил себя крестным знаменем и обернулся:

– То ли это, о чем ты думаешь?

– В Галатии евреи, не принявшие Христа, упрекали тех, кто это сделал, поскольку галатские язычники, спасшиеся Словом Божьим, не следовали Закону Моисееву. А потому еврей-христиане побуждали галатов-христиан к обрезанию, надеясь этим внешним

признаком успокоить своих обвинителей. Но галаты ужаснулись при мысли о том, что придется увечить собственные тела; и произошло большое смятение.

Иоахим сжал губы, и Дитрих подумал, что тот намерен сказать в ответ что-нибудь резкое; но, помедлив, Минорит поднялся и разгладил рясу:

– Я молился не об этом.

– О чем же тогда?

– За тебя.

– За меня?!

– Да. Думаю, ты добрый человек, но холодный. Ты скорее помыслишь о благом, чем сделаешь это, и находишь более приятным спорить об ангелах и игольном ушке, нежели вести жить а бедности, как истинно подобает спутнику Господа, – вот что бы ты узнал, если бы поразмыслил над подлинным смыслом послания Павла.

– Так, значит, ты воистину праведен в таком случае? – с некоторой горячностью спросил Дитрих.

– В людских сердцах не всегда таится то, что на устах, я познал это всем сердцем – *ja*, с самого детства! Многие *гробы* повапленные славят Иисуса устами своими⁹⁰ и распинают его своими руками и телом! Но в Новом мире Святой Дух поведет Нового человека к совершенствованию в любви и духе.

– Разумеется, – ответил Дитрих. – «Новый мир». Кто там должен был дать ему начало, Шарль Анжуйский или Педро Арагонский? Я позабыл.

Новый мир был предвещен еще одним Иоахимом – из Флоры.⁹¹ Париж счел его мошенником и «дилетантом в вопросах грядущего», ибо его последователи предсказывали, что Новый мир начнется в 1260 году, затем в 1300-ом, как только политические ветра в королевстве Обеих Сицилий поменялись. Учение Иоахима Флорского о том, что св. Франциск – живое воплощение самого Христа, поразило Дитриха и как нечестивое, и как ушербное с точки зрения логики.

– «Но как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне»,⁹² – процитировал Иоахим. – О, у нас много врагов: папа, император, доминиканцы...

– Я полагаю, среди врагов достаточно числить папу с императором, и о доминиканцах можно забыть.

Иоахим надменно поднял голову:

– Смейся. Церковь этого мира, столь развращенная Петром с еврейскими фальсификациями, всегда преследовала чистую церковь духа. Но *Петр* падет, и возлюбленный *Иоанн* явится! Смерть бродит по земле; *горят мученики*! На смену мира отцов придет мир братьев! Папа уже низвергнут, а императоры правят лишь номинально!

– Осталось только разобраться с доминиканцами, – сказал сухо Дитрих.

Иоахим опустил руки:

– Слова подобно покрывалу застят твоё понимание. Ты подчиняешь дух природе, а *Самого Господа* – разуму. Бог не сущее, но *высшее* сущее. Он всегда и повсюду, во временах и пространствах, которые мы не можем постичь, иначе как заглянув внутрь себя. Он во всех

⁹⁰ Матфей 23; 27: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь гробам повапленным (окрашенным), которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты».

⁹¹ *Иоахим Флорский* {1135–1202} – мистик, теолог, эзотерик. Разработал концепцию трех эпох: Века Отца (время Ветхого Завета, когда люди полностью подчинялись Богу); Века Сына (с вознесения Христа до 1260 года, когда человек стал Сыном Божиим) и Века Святого Духа, когда человечество вступит в прямой контакт с Господом и наступит царство полной свободы. Его воззрения ссудил Фома Аквинский в «Сумме теологии», а Данте, напротив, изобразил Иоахима Флорского в раю. В 1263 г. писания Иоахима были признаны еретическими.

⁹² К галатам 4; 29.

вещах, поскольку в Нем все совершенство, за пределами всякого понимания. Но когда мы смотрим за пределы такого сотворенного совершенства, как «жизнь» и «мудрость», то все, что останется, и есть Бог.

– Что вовсе не кажется за пределами понимания и сводит Господа к простому *residuum*.⁹³ Ты проповедуешь учение Платона, слегка подогретое, словно вчерашняя овсяная каша.

Юноша помрачнел:

– Я грешный человек. Но когда молю о том, чтобы Господь предал забвению мои грехи, разве плохо, если поминаю и твои тоже?

Он склонился и поднял веточку орешника, которая выпала из корзины с травами Терезии. Оба расстались без единого слова.

* * *

Дитрих неизменно находил свои встречи с крзнками пугающими.

– Все дело в неподвижности их черт, – сказал он Манфреду. – Они не способны улыбаться или хмуриться, не говоря уже о более изощренных выражениях лица; не позволяют они себе и проявление чувств или жестов, и это придает им угрожающий вид. Они подобны ожившим статуям.

Последнее особенно пугало его с детства. Дитрих помнил, как сидел подле матери в кафедральном соборе Кельна, не сводя глаз со статуй в нишах, и помнил, как мерцающий свет свечей приводил их в движение. Он думал, что если будет смотреть на них слишком долго, то они рассердятся, сойдут со своих мест и придут за ним.

Дитрих понял, что говорит не сам «домовой», а – посредством него – Скребун и сообразил, что огромный кузнечик проделывает сложный трюк с говорящей головой – хотя коробка ли говорила, кузнечик ли – это все равно было чудом. Он рассказал обо всем Скребуну, который объяснил, что коробка запоминает слова как числа.

– Число может быть выражено словом, – ответил Дитрих. – У нас есть слово *eins*, чтобы обозначать число один. Но как *слово* может быть выражено *числом*? А... Вы имеете в виду шифр. Механики и имперские агенты прибегают к этому методу, чтобы хранить свои послания в секрете.

Скребун подался вперед:

– Вы обладаете этими знаниями?

– Знаки, которые мы используем для обозначения сущего и отношений, произвольны. Например, французы и итальянцы используют иные слова-знаки, чем мы; потому только цифровые обозначения не станут в принципе новыми. И все же, как «домовой»... А-а, я понимаю. Он представляет алгебру как некоего рода код. – Затем он объяснил, что такое алгебра и кто такие сарацины.

– Понятно, – сказал, наконец, Скребун. – Но в числах «домового» используются только два значения: *ноль* и *один*.

– Какой бедный выбор чисел! Но ведь часто требуется больше, чем одна из разновидностей.

Скребун поскрежетал руками.

– Послушай!.. Субстанция-которая-течет... Жидкость? Большое спасибо. Жидкость, которая приводит в действие говорящую голову, течет через неисчислимо мелкий мельничный лоток. *Один* велит «домовому» открыть шлюз, чтобы поток мог течь через отдельный лоток. *Ноль* приказывает оставить ворота закрытыми. – Существо быстро забарабанило по крышке стола, но Дитрих не был уверен в том, какое настроение это выражает. У человека это могло означать нетерпение или разочарование. Было ясно: Скребун пытался сообщить мысли, плохо соответствовавшие словарю, который

⁹³ *Residuum* – остаток (лат.).

предоставляла говорящая голова, так что Дитрих должен был извлекать значение из слов подобно тому, как нить вытягивают из шерсти.

Герр Увалень прислушивался к беседе со своего обычного места, небрежно прислонившись к дальней стене. Теперь он зажужжал и защелкал, и говорящая голова поймала обрывок из того, что он сказал, посредством автомата для «тихих звуков», которому Дитрих дал греческое название *mikrofoneh*.

– Какой толк от этой дискуссии? Скребун ответил:

– Любое знание всегда полезно.

Дитрих думал, что высказывание было предназначено не для его ушей, и не выказал никаких эмоций – хотя и непроницаемые лица могли сказать о многом такому сдержанному на эмоции народу, как крэнки. Слуга, который обслуживал говорящую голову, слегка повернулся, и, хотя по его огромным граненым глазам нельзя было понять, куда именно они глядят, Дитрих почему-то решил, будто слуга смотрит именно на него, чтобы увидеть реакцию Дитриха. Мягкие верхние и нижние губы слуги сошлись вместе и разомкнулись в медленной, беззвучной вариации того, что священник распознал как крэнковскую улыбку.

Я совершенно уверен, что только что видел, как один из них улыбается. Мысль сама собой возникла и оставила его со странным чувством утешения.

– Двоичное число – наименьшая частица знания, – наставлял его Скребун.

– Я не согласен, – сказал Дитрих. – Это не знание вовсе. Знание может содержать предложение, может даже слово. Но не число, которое обозначает всего лишь звук.

Скребун потер руками, что выглядело как его произвольная привычка, и Дитрих подумал, что это движение сродни почесыванию или потиранию подбородка человеком.

– Жидкость, которая приводит в действие говорящую голову, – сказал Скребун мгновение спустя, – отличается от той, что приводит в действие вашу мельницу, но мы можем узнать что-то об одном явлении в процессе исследования другого. У вас есть слово для обозначения этого? Аналогия? Большое спасибо. Слушай тогда такую аналогию. Ты можешь разбить горшок на черепки, а эти черепки на осколки, а осколки в пыль. Но даже пыль может быть разбита на мельчайшие из возможных частиц.

– А-а, ты, должно быть, имеешь в виду *атомы* Демокрита

– У вас есть слово для этого? – Скребун повернулся к герру Увальню и заметил: – Если им известно о подобных вещах, тут все же могут оказать помощь.

Но герр запротестовал:

– Нет, не надо говорить.

Услыхав это, Дитрих с любопытством взглянул на слугу.

– Аналогия, – сказал Скребун, – в том, что двоичное число – это «атом» знания, поскольку ты, по крайней мере, можешь сказать о вещи, что она есть, – и это будет соответствовать *единице* – или что ее нет – что означает *ноль*.

Дитрих не был убежден. Само существование некоторых вещей могло являться их исчерпывающей характеристикой, ибо существовали они исключительно по милости Божьей. Но делиться своими сомнениями Дитрих не стал.

– Давайте тогда возьмем термин *bißchen*⁹⁴ для этого вашего двоичного числа. Оно означает «маленький кусочек» или «очень маленькое количество», поэтому также может означать и маленький кусочек знания. Никто ведь никогда не видел атомов Демокрита.

Метафора с «кусочком» позабавила его. Он всегда рассматривал знание как нечто, что можно пить – «источники знания», – но оно оказалось также чем-то, что приходилось грызть.

– Расскажи мне еще, – попросил Скребун, – о своих числах. Применяете ли вы их в реальном мире?

– Если это целесообразно. Астрономы высчитывают положение небесных сфер. А

⁹⁴ *Bißchen* – немного, немножечко {нем.}. Далее автор обыгрывает созвучие английских слов *bite* (кусочек (пищи)) и *byte* (единица информации, равная восьми битам), звучащие одинаково как «байт»; а также слова *bit*, означающего «кусочек», «частица» и «бит» как обозначение двоичной единицы информации.

Уильям Хейтсбери, калькулятор из Мертон-колледжа,⁹⁵ применил цифры к изучению *локального* движения и показал, что, начиная с нулевой отметки, скорость, взятая в определенный интервал, при условии, что она обязательно оканчивается и либо увеличивается, либо понижается, будет соотноситься со средним вектором скорости. – Дитрих потратил много часов на чтение «Правил для разрешения софизмов» Хейтсбери, которую Манфред подарил ему, и обнаружил убедительные примеры верности теорий философа у Евклида. Скребун почесал руками.

– Объясни, что это значит.

– Говоря просто, движущееся тело, приобретая или теряя скорость, пройдет дистанцию абсолютно равную тому, что прошло бы за равный отрезок времени, если бы двигалось равномерно со средней скоростью. – Дитрих замялся, а затем добавил: – Так пишет Хейтсбери, если я правильно помню его слова.

Наконец Скребун произнес:

– Наверное, имеется в конечном итоге следующее: расстояние равно половине конечной скорости, деленной на время. – Он написал что-то на грифельной доске, и Дитрих увидел, как на экране «домового» появились символы. Его сердце глухо забилося, поскольку Скребун присвоил расстоянию, скорости и времени по символу. В этом была идея Фибоначчи: использовать буквы для изложения положений алгебры столь сжато, что целые параграфы можно было выразить в одной короткой строчке. Дитрих вытащил палимпсест из своего заплечного мешка и записал увиденное углем, используя немецкие буквы и арабские числа. Ах, насколько более ясно это могло быть выражено! Картина перед ним расплылась, и он промокнул глаза. *Благодарю тебя, о Господь, за этот дар.*

– Ныне мы видим плоды Святого Духа, – сказал он, наконец.

– «Домовой» не уверен. «Дух» – это когда вы выдыхаете? И как это согласуется с движением?

– В этом кроется большой вопрос для нас: участвует ли человек в большей или меньшей мере в неизменности Духа или же Дух сам усиливается или ослабевает в человеке. Мы называем это «интенсией и ремиссией качеств», которое по аналогии можно применить к любому движению. Точно так же, как последовательность качеств различной интенсивности объясняет усиление или снижение насыщенности цветом, так и последовательность новых положений, приобретаемых в ходе движения, может рассматриваться как последовательность качеств, представляющих собой новые степени интенсивности движения. Интенсивность обращения увеличивается с увеличением скорости не меньше, чем спелость яблока усиливается с его созреванием.

Гигантский кузнечик шевельнулся на своем месте и обменялся взглядами со слугой, сказав что-то, не донесенное *mikrofoneh* на этот раз. Спор нарастал, голоса становились все громче. Слуга наполовину привстал со своего места, и Скребун стукнул рукой по столу, в то время как герр Увалень взирал на все происходящее, не меняя положения, лишь медленно скрешивая уголки губ.

Дитрих уже привык к этим необузданным ссорам, хотя те и пугали его своей внезапной яростью. Они были подобны разрядам грома, возникая ниоткуда и так же быстро завершаясь. Крэнки были расой холериков, подобно итальянцам, или же их что-то сильно беспокоило.

Когда Скребун восстановил душевное равновесие, он произнес:

– Это сказал другой. – Дитрих понял, что он имеет в виду слугу. – Ты произнес слово. «Домовой» повторил его на нашем языке. Но то ли ты имел в виду?

– Это серьезная проблема философии, – согласился Дитрих. – Знак не то, что он означает, равно как и не может он передать все значение.

⁹⁵ Уильям Хейтсбери (1313–1372) – философ и логик, один из оксфордских калькуляторов из Мертон-колледжа. Разрабатывал теории о мгновенной и средней скорости. Оксфордские калькуляторы – группа английских философов, применявшая общий логико-математический подход («учение об интенсии и ремиссии качеств») к рассмотрению как физических, так и метафизических качеств.

Скребун дернул назад головой – жест, в суть которого Дитрих пока не проник.

– Теперь мы это слышим, – пожаловался крэнк. – Бедный «домовой» безмолвен. Что такое «проблема»? Что такое «философия»? Как созревание фрукта или ваше «святое дыхание» может быть подобно скорости падающего тела?

Слуга вновь заговорил, и на сей раз ящик передал его слова:

– «Ящик-который-говорит» считает, что слово «философия» не из немецкого языка.

– Философия, – объяснил Дитрих, – это греческое слово. Греки – это еще один народ, подобно немцам, но более древний и ученый, хотя дни его величия давно прошли. Слово означает «любовь к мудрости».

– А что значит «мудрость»?

Внезапно Дитрих почувствовал жалость к Ахиллу Зенона, вечно бегущему за черепахой – приближающемуся к ней все ближе, но так и не способному ее догнать.

– Мудрость – это... Возможность нахождения ответов на великое множество вопросов. Наши «философы» – это те, кто ищет ответы на такие вопросы. А «проблемой» является тот вопрос, на который пока никто не знает ответа.

– Как хорошо нам известна подобная ситуация. Увалень отшатнулся от стены, а Скребун повернулся к слуге, и Дитрих по всему этому понял, что именно слуга задавал ему последний вопрос, и что ему же принадлежит последнее высказывание. Кто именно, Увалень или Скребун, закричал: «Молчать!» – было неясно, но слуга остался невозмутим.

– Ты можешь спросить его.

При этих словах герр Увалень одним прыжком пересек комнату. Он прыгнул молниеносно, перемахнув через мебель, и, прежде чем Дитрих успел осознать, что произошло, герр принялся бить слугу своими скрежещущими руками, оставляя рубцы после каждого удара. Скребун тоже обратил свой гнев на слугу говорящей головы и угощал того пинками.

На мгновение Дитрих остолбенел, затем, не помня себя, закричал: «Остановитесь!» – и бросился разнимать дерущихся. Первого же удара, пришедшегося откуда-то сбоку в его голову, хватило, чтобы лишить его сознания, так что дальше он уже ничего не чувствовал.

* * *

Дитрих очнулся в той же комнате, лежа на полу там, где упал. Увальня со Скребуном и след простыл. Однако подле него сидел слуга, поджав свои огромные длинные ноги. Если человек в подобной ситуации мог положить подбородок на свои колени, то колени крэнка оказались выше его головы. Кожа слуги уже покрылась темно-зелеными синяками, характерными для его народа. Когда Дитрих зашевелился, слуга застрекотал что-то, и ящик на столе заговорил:

– Зачем ты принял удары на себя?

Дитрих потряс головой, чтобы избавиться от стоящего в ушах звона, но тот не прошел. Он положил руку на голову:

– Это не было моей целью. Я хотел остановить их.

– Но зачем?

– Они били тебя. Я подумал, что это не очень хорошо.

– «Подумал»...

– Когда мы произносим фразы в наших головах, которые никто не может услышать.

– А «хорошо»?..

– Я сожалею, друг кузнечик, но у меня в голове слишком сильно шумит, чтобы ответить на такой сложный вопрос.

Дитрих попытался подняться на ноги. Слуга даже не шевельнулся, чтобы помочь ему.

– Наша повозка разбита, – сказал слуга. Дитрих дотронулся до своего плеча и поморщился:

– Что?

– Наша повозка разбита, а ее господин мертв. И мы должны остаться здесь и умереть, так никогда больше и не увидев нашу родину. Распорядитель повозки, который ныне правит, сказал, что открыть это – значит показать нашу слабость и тем самым спровоцировать нападение.

– Господин не стал бы...

– Мы слышим слова, которыми вы говорите, – сказал крэнк. – Мы понимаем то, что вы делаете, и всеми словами для этого «домовой» овладел. Но слова для того, что здесь... – и создание положило тонкую шестипалую руку поперек живота –...этих слов нет у нас. Возможно, нам так и не удастся понять их, ибо вы такие странные.

VII

Сентябрь, 1348

Явление Богородицы. 24 сентября

Вид синяков, полученных пастором от рук тех, кому он пытался помочь, вызвал в деревне бурю негодования и решимость изгнать «прокаженных» из Большого леса; но герр Манфред фон Хохвальд объявил, что никто не может вступить в пределы его леса иначе как по его милости. Он выставил отряд солдат на дороге в Медвежью долину, чтобы отправлять назад любого, кто, ради любопытства или мести, будет искать *лазаретто*. В последующие дни люди Швайцера вернули назад Оливера, сына пекаря, с несколькими другими деревенскими юношами; Терезию Греш с ее корзиной трав; и, к изумлению Дитриха, фра Иоахима из Хербхольцхайма.

Мотивы юного Оливера и его друзей выяснить было нетрудно. Подвиги рыцарей заменяли им хлеб и пиво. Оливер отрастил волосы до плеч, подражая кумирам, и носил нож за поясом, словно меч. Любовь к хорошей свалке будоражила их, а отмщение за своего пастора предоставляло самый что ни на есть благовидный повод помахать кулаками и дубинками. Дитрих устроил им разнос и сказал, что, коль скоро он простил тем, кто поднял на него руку, то и юношам следует сделать то же.

Причины, приведшие Терезию к Большому лесу, были одновременно и более очевидными, и более неясными, поскольку в корзину с травами она положила руту, тысячелистник и календулу, некоторые ядовитые грибы и острый нож, который обычно использовала для того, чтобы пускать кровь. Дитрих расспросил Терезию обо всем содержимом, когда люди Швайцера вернули ее в домик священника, и нужные ответы, конечно, можно было отыскать в «Физике» аббатисы Хильдегарды;⁹⁶ и все же Дитрих спрашивал себя, не имела ли Терезия на уме что-то другое. Эта мысль не давала ему покоя, но он не мог найти логических доводов расспросить женщину, пока не установил ее цель.

Что до Иоахима, то монах сказал только, что бедные и бездомные люди нуждаются в Слове Божьем больше, чем кто бы то ни было. Когда Дитрих ответил, что прокаженные больше нуждаются в лечении, нежели в проповеди, Иоахим рассмеялся.

* * *

Когда Макс и Хильда отправились в *лазаретто* на день св. Евстахия,⁹⁷ Дитрих

⁹⁶ Здесь имеется в виду «Книга о внутренней сущности различных природных созданий» Хильдегарды Бингенской. Первая часть данного труда, «Книга о простой медицине», также известная как «физика», повествует о лечебных свойствах растений, минералов, деревьев, животных и металлов.

⁹⁷ 20 сентября – начало осеннего охотничьего сезона, так как св. Евстахий покровительствовал охоте. В этот день мужчины охотились, а женщины готовили «походный» охотничий завтрак и обед.

сказался слишком слабым и остался долечиваться в рефектории⁹⁸ пастората, где Терезия накормила его овсяной кашей. Сама она села застол напротив него и принялась вязать. Помимо каши, он отведал отваренную грудку рябчика, натертую шалфеем, приправленную хлебом и небольшим количеством вина. Несмотря на все это мясо оказалось жестким, и каждый раз, впиваясь в него зубами, он испытывал боль, ибо челюсть припухла, а один зуб сбоку шатался.

– Настойка, сделанная на гвоздике, помогла бы зубу, – сказала Терезия, – не будь гвоздика так дорога.

– Как приятно слышать о лекарстве, которого не достать, – пробормотал Дитрих.

– Время должно стать лекарем, – ответила она. – А до той поры – только каши и супы.

– Да, «о, доктор Тротула».⁹⁹

Терезия оставила без внимания его сарказм:

– Моих трав и костоправства для меня достаточно.

– И твоего кровопускания, – напомнил Дитрих. Она улыбнулась:

– Иногда кровь необходимо пустить на свободу. – Когда Дитрих выразительно посмотрел на нее, добавила: – Это вопрос баланса «соков» в организме.

Дитрих не мог проникнуть в подтекст ее высказывания. Задумывала ли она отмщение крэнкам? Кровь за кровь? Берегись гнева кротких и мирных, ибо он тлеет еще долго после того, как пламя погаснет.

Он откусил еще кусок рябчика и схватился за щеку:

– У крэнков тяжелая рука.

– Вы должны поставить припарку, это поможет от ушиба. Они ужасные люди, эти ваши крэнки, что обошлись так с вами, дорогой отец. – Слова тронули его сердце. – Они заблудились и напуганы. Такие люди часто срываются. – Вязание замерло в руках Терезии. – Я думаю, что брат Иоахим прав. Я думаю, им нужен другой род помощи, чем та, которую вы – и жена мельника – оказывали им.

– Если я смог простить их, сможешь и ты.

– Значит, вы простили им?

– Ну разумеется.

Терезия отложила вязание на колени:

– Это не так естественно – простить. Естественно отомстить. Ударь дворнягу, и она укусит. Расшевели осиное гнездо, и осы тебя ужалят. Вот зачем был нужен наш благословенный Господь – чтобы научить нас прощать. Если вы простили этих людей, почему же не вернулись, как солдат и жена мельника?

Дитрих отложил в сторону недоеденную грудку. Буридан доказывал, что не может быть действия на расстоянии, а прощение было действием. Так может ли тогда прощение быть на расстоянии? Хороший вопрос. Как он сподобится заставить крэнков отбыть восвояси, если не придет к ним? Но жестокость крэнков пугала его.

– Надо еще несколько дней отдохнуть, – сказал он, откладывая принятие решения. – Сходи, принеси сладких пирожков с огня, и я почитаю тебе из *De usu partium*.¹⁰⁰

Его приемная дочь просияла.

– Я так люблю слушать, как вы читаете, особенно книги по врачеванию.

⁹⁸ Рефектория – трапезная.

⁹⁹ Тротула – женщина-врач, преподававшая в медицинской школе итальянского города Салерно в XII в., автор ряда медицинских трактатов.

¹⁰⁰ «*De usu partium corporis humani*» («О назначении частей человеческого тела») – обширный труд античного медика Клавдия Галена (129/131 – ок. 200).

На праздник явления Богородицы Дитрих приковылял на поля, чтобы присутствовать при пахоте десятинных земель, которые он сдавал в аренду Феликсу, Гервигу Одноглазому и другим. Началась вторая пахота, и мычание волов да ржание лошадей смешивались со звоном упряжи и ваги, руганью пахарей, ударами мотыг о комья земли. Гервиг разрыхлил поле в апреле и теперь пахал более глубоко. Дитрих коротко поговорил с людьми и остался доволен их трудом.

Он заприметил Труду Мецгер за плугом на соседней пашне. Ее старший сын Мельхиор тянул на поводу вола, тогда как младший, совсем малец, размахивал мотыгой с себя ростом. Гервиг, поворачивая упряжку в сторону непаханого конца поля, изрек мудрость в том духе, что пахать – это занятие для мужчин.

– Опасно такому маленькому мальчику тянуть вола, – сказал Дитрих своему арендатору. – Именно так задавило ее мужа.

Раскат отдаленного грома эхом разнесся с вершины Катеринаберга, и Дитрих взглянул в безоблачное небо. Гервиг сплюнул в грязь.

– Гроза, – сказал он. – Хотя я и не чуял дождя. Но Мецгера задавила лошадь, а не вол. Жадный дурак слишком долго натруждал животное. И по воскресеньям тоже, хотя мне и не следует говорить плохое о покойнике. Возьми вот вола, он тянет медленно, а лошади может взбрести в голову и взбрыкнуть. Вот почему я запрягаю волов. Хэй, Жакоп! Хейсо! Тяни!

Жена Гервига подстегнула Хейсо, головного в упряжке, и та сдвинулась с места. Плуг отбрасывал в стороны жирную, тяжелую глину, образуя гряды по обе стороны борозды.

– Я бы помог ей, – сказал Гервиг, кивнув в сторону Труды. – Да только язык у нее не легче, чем был у мужа. А мне еще пахать и собственный манс, после того как я закончу с вашим, пастор.

Это было вежливым приглашением уйти; поэтому Дитрих перешел через межу на землю Труды, где ее сын все еще пытался повернуть упряжку. Каждый раз, когда вол дергался с места, Дитрих боялся, что парень будет раздавлен под его копытами. Младший же сел на гребень борозды и ревел от усталости, выронив мотыгу из онемевших и кровоточащих пальцев. Труды тем временем нахлестывала вола плетью, а сына – словами.

– Тяни его за нос, ленивое отродье! – кричала она. – Влево, болван, влево! – Увидев Дитриха, она обратила свое перепачканное грязью лицо к нему: – А вы что здесь делаете, пастор? Хотите дать еще несколько бесполезных советов, как старый Одноглазый?

Мецгер был хмурым человеком, склонным к выпивке и крайностям, хотя и хорошим пахарем. Труды не могла похвалиться такой, как у него, ловкостью в обращении с плугом, но унаследовала изрядную долю его угрюмости.

– У меня пфенниг для тебя, – сказал Дитрих, копаясь в заплечном мешке. – Ты можешь нанять батрака для работы за плугом вместо себя.

Труды стащила с головы чепец и провела рукой по рыжим бровям, оставив грязный след.

– А почему я должна делиться своим богатством с каким-то безземельным?

Дитрих поразился, как быстро его пфенниг стал ее богатством.

– Для этой работы можно нанять Никела Лангермана, и он достаточно силен, чтобы обращаться с плугом.

– Так почему же никто другой не нанял его? «Потому что у него такой же скверный характер, что и у тебя», – подумал Дитрих, но благоразумно промолчал. Труды, заподозрив, вероятно, неминуемое возвращение пфеннига обратно в мошну священника, выхватила монету из пальцев Дитриха и сказала:

– Я поговорю с ним завтра. Он живет в хижине рядом с мельницей?

– Точно. Клаус использует его на мельнице, когда есть работа.

– Увидим, так ли он хорош, как вы говорите. Мельхиор! Ты выровняешь упряжку или нет? Ты хоть что-то можешь сделать как надо? – Труды бросила поводья, устремила вперед

и вырвала уздцы из рук сына. Навалившись всем телом на них, резко выправила упряжку и сунула поводья Мельхиору. – Вот как это делается! Нет, подожди, пока я возьму плуг в руки! Боже Всевышний! За что у меня такие уродились? Петер, ты пропустил несколько комьев. Подбери мотыгу.

Петер вскочил на ноги, прежде чем мать смогла дернуть его за ухо так же, как до этого дергала быка.

Дитрих отыскал тропинку к дороге и вернулся в деревню. Он подумал, что ему следует нанести визит Никелу и предупредить его.

– У вас не особо счастливый вид, – возвестил Грегор, когда Дитрих проходил мимо двора каменотеса. На козлах у него была огромная каменная плита, и Грегор с сыновьями ее отесывали.

– Я разговаривал с Трудой в поле, – объяснил Дитрих.

– Ха! Иногда я думаю, что старый Мецгер сам бросился под лошадь, чтобы спастись от нее.

– Я думаю, он был пьян и упал случайно. Каменотес невесело ухмыльнулся:

– Первопричина в любом случае остается та же. – Он подождал, чтобы убедиться, что Дитрих оценил его обращение к философским терминам, а затем засмеялся. Его сыновья, не понимая, что такое первопричина, сообразили, что отец отпустил остроту, и засмеялись вслед за ним.

– Я как раз вспомнил, – добавил Грегор. – Вас искал Макс. Герр хочет поговорить с вами там, в замке.

– Он не сказал о чем?

– О лепрозории.

– А-а...

Грегор обрабатывал камень, нанося сильные точные удары молотком по долоту. Во все стороны летели осколки. Грегор присел на корточки, погладив поверхность, чтобы определить, насколько она ровная.

– Не опасно ли, что прокаженные так близко? – спросил он.

– Проказа распространяется при прикосновении, как писали древние. Вот почему прокаженные должны жить отдельно.

– А, неудивительно, что Клаус так не в духе. – Грегор выпрямился и вытер руки о тряпку, засунутую за кожаный фартук. – Он боится прикасаться к Хильде. Или что-то вроде того, как я слышал. – Каменотес взглянул на него из-под нахмуренных бровей. – И так же бояться и все остальные. Она уже месяц ни с кем не кувыркалась, бедняжка.

– Разве это плохо?

– Полдеревни может взорваться от вожделения. Разве не Августин писал, что можно примириться с меньшим злом, чтобы избежать большего?

– Грегор, я все-таки сделаю из тебя богослова. Каменотес перекрестился:

– Да сохранят нас Небеса от этого.

* * *

Послеполуденное солнце еще не заглянуло в узкие окна, а потому скрипторий Манфреда наполовину был окутан мраком, отчасти рассеиваемым пламенем факелов. Дитрих сел перед письменным столом, в то время как Манфред разрезал яблоко и предложил ему половинку.

– Я мог приказать тебе вернуться в *лазаретто*, – сказал властитель.

Дитрих откусил кусок от яблока и ощутил на языке кислоту. Он взглянул на подсвечники, на серебряную чернильницу, на зверей, злобно глядящих на него с ручек высокого кресла Манфреда.

Манфред подождал секунду, затем отложил нож и подался вперед:

– Но мне нужен твой ум, а не покорность. – Он засмеялся. – Теперь они достаточно

долго побыли в моих лесах, чтобы с них можно было получить за это плату.

Дитрих попытался представить себе Эверарда, собирающего оброк с герра Увальня. Он передал Манфреду слова слуги: что их повозка сломана и они не могут уехать. Властитель Хохвальда в задумчивости потер подбородок:

– Возможно, это к лучшему.

– Я думал, вы хотели, чтобы они ушли, – осторожно сказал Дитрих.

– Так оно и было, – ответил Манфред. – Но нам нет нужды слишком спешить. Есть еще кое-что, что я должен узнать об этом странном народе. Ты слышал гром?

– Весь день. Приближается гроза.

Манфред отрицательно покачал головой:

– Нет. Это грохот от *pot de fer*. Они были у англичан в Кале, а потому я знаю, какой звук они издают. Макс со мной согласен. Я думаю, что у твоих «прокаженных» есть черный порох или же им известен секрет его изготовления.

– Но в этом нет никакого секрета, – сказал Дитрих. – Брат Бертольд¹⁰¹ открыл его во Фрайбурге еще во времена Бэкона. Ему было известно об ингредиентах от Бэкона, хотя и не о пропорциях, которые он выяснил путем проб и ошибок.

– Именно ошибки меня и заботят, – сказал Манфред сухо.

– Бертольда называли Черным из-за того, что он часто бывал обожжен своим порохом. – Оккам подарил Буридану копию рукописи Бэкона, снятую монахами Мертон-колледжа непосредственно с оригинала, и Дитрих с жадностью ее прочел. – Именно селитра производит взрыв, насколько я помню, вместе с серой, чтобы заставить ее гореть и... – Дитрих остановился и посмотрел на Манфреда.

– ...И уголь, – мягко закончил Манфред. – Уголь из ивы лучше всего, как я слышал. А мы недавно лишились своих углежогов, не так ли?

– Вы рассчитываете, что эти крэнки изготовят черный порох для вас. Но зачем?

Манфред откинулся назад к каменной стене. Он сцепил пальцы под подбородком, опершись локтями на ручки кресла.

– Затем, что ущелье является естественным путем между Дунаем и Рейном, а Соколиный утес сидит подобно затычке в бочке. Торговый поток иссяк до тонкой струйки – а вместе с ним и мои сборы. – Он улыбнулся. – Я хочу разрушить Соколиный утес.

* * *

Дитрих был согласен с тем, что на фон Фалькенштайна, грабителя паломников и монахинь, давно нужна управа. И все же он спрашивал себя, понимает ли Манфред, что черного пороха, достаточного для того, чтобы обрушить Соколиный утес, было более чем достаточно для того, чтобы стереть с лица земли замок Хохвальд. Дитрих пришел к выводу, что это будет сложным замыслом, который потребует безошибочного расчета. Если крэнки смогут благополучно управиться с адской смесью и Манфред узнает ее состав от них, сколько времени потребуется для того, чтобы об этом узнал весь христианский мир? Чего тогда будут стоить замки и крепостные стены?

В его воображении строй крестьян нес по полю битвы «огнеметатели» Бэкона, а закованные в броню боевые телеги Вигевано изрыгали каменные ядра из огромных *pot de fer*. Бэкон описывал небольшие пергаментные трубки, которые его друг Гийом Рубрук¹⁰² привез

¹⁰¹ Бертольд Шварц, или Бертольд Черный (нем. *Berthold Schwarz*, лат. *Bertholdus Niger*, настоящее имя Константин Анклитцен), – немецкий францисканский монах, живший в XIV в. и считающийся изобретателем пороха. «Открытие» он совершил предположительно в 1330-м (притом что подобная пороховая смесь была известна и до Шварца).

¹⁰² Гийом де Рубрук, или Вильгельм де Рубрукус (*Guillaume de Rubrouck*, букв. «Гийом из Рубрука») (ок. 1220 – ок. 1293) – фламандский монах-францисканец, путешественник. В 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам. Автор книги «Путешествие в восточные

из Китая и которые взрывались с оглушительным шумом и ослепительной вспышкой. «Если сделать их крупнее, – писал Бэкон в своем „*Opus tertius*“, – никто не сможет противостоять шуму и ослепляющему свету, а если пергамент заменить металлом, сила взрыва станет еще большей».¹⁰³ Бэкон был человеком огромного и пугающего предвидения. Подобные штуки, расставленные на поле сражения, могли уничтожить кавалерию целой нации.

Вернувшись в свой дом, Дитрих увидел, что часовая свеча погасла. Он насыпал немного трута в зажигательную коробку и запалил его от кремня. Возможно, однажды какой-нибудь ремесленник смастерит достаточно компактные механические часы, чтобы они умещались в комнате, – тогда вместо того, чтобы забыть зажечь свечу, он забудет поднять противовес. С помощью фитиля Дитрих перенес пламя к часовой свече. Огонь разогнал сумрак по углам комнаты. Дитрих наклонился, чтобы посмотреть который час, и с удовольствием обнаружил, что, судя по положению солнца, времени было потеряно немного. Свеча, должно быть, погасла совсем недавно.

Он выпрямился – и сотни огоньков затанцевали, отразившись в углу комнаты в сферических глазах крэнка. Дитрих ахнул и отступил на шаг.

Крэнк протянул свою неестественно длинную руку со свисающей с нее сбруей, которую носили многие их слуги. Дитрих не шелухнулся, и тогда крэнк яростно затряс ею и постучал себя по голове, чтобы показать такую же на себе. Затем он положил упряжь на стол и отступил назад.

Дитрих понял. Он натянул на себя сбрую и, после того как гость продемонстрировал, как ее следует носить, затянул ремешок.

Головы у крэнков были меньше по размерам, и потому сбруя на Дитрихе сидела плохо. Не были должным образом расположены и уши этих созданий, так что, когда Дитрих вставил в свое «ракушку для слуха» – он увидел, как это проделал крэнк, – другая часть сбруи, *mikrofoneh*, не оказался у его рта. Крэнк одним махом перепрыгнул стол и схватил Дитриха.

Дитрих попытался вырваться, но хватка крэнка была слишком крепкой. Он несколько раз быстро коснулся головы Дитриха – однако не бил, – и, когда существо отступило в сторону, священник обнаружил, что теперь ремешки подогнаны более удобно.

– Хорошо ли теперь сидит сбруя – вопрос, – спросил голос в его ухе.

Почти непроизвольно Дитрих повернул голову. Затем он понял, что штучка в ухе должна таить в себе даже еще меньшего по размерам «домового», чем ящик в крэнковом жилище. Он повернулся и пристально посмотрел на своего гостя:

– Ты говоришь в свой *mikrofoneh*, и я слышу тебя из этой ракушки.

– *Ja, doch*,¹⁰⁴ – сказала существо.

Поскольку не может быть действия на расстоянии, здесь, верно, присутствовало что-то, посредством чего передавался импульс. Но если бы голос распространялся по воздуху, он бы услышал звук напрямую, а не через этот механизм. Следовательно, должен существовать эфир. Неохотно Дитрих прервал свои рассуждения:

– Ты пришел, чтобы передать сообщение, – догадался он.

– *Ja*. Тот, кого ты называешь Скребуном, спросил, почему ты не вернулся. Герр Увалень беспокоится, поскольку думает, что знает причину. Они не поверили в то объяснение, которое предложил я.

страны».

¹⁰³ Роджер Бэкон (пр. 1220–1292) – английский философ и естествоиспытатель, францисканец. Призывал к опытному изучению природы; целью всех наук считал власть человека над природой. В своих работах, в том числе и в «Третьем сочинении» («*Opus tertius*») сделал ряд предсказаний, в частности предвосхитил возможность появления автомобилей, самолетов и механических кораблей. Утверждал, что Земля – это сфера.

¹⁰⁴ *Ja, doch* – Именно! Разумеется! (Нем.).

– Ты слуга. Тот самый, которого они попытались избить.
Воцарилась тишина, пока крэнк размышлял над ответом.
– Возможно, не «слуга» в вашем употреблении, – сказал он наконец.
Дитрих позволил себе оставить это без ответа:
– А чем ты объяснил им мое отсутствие?
– Тем, что ты боишься нас.
– И это выбило Скребуна из колеи? У *него* -то синяков нет.
– «Выбило его из колеи...»
– Это образное выражение. Был так удивлен, что упал, как спелый плод.
– Ваш язык странен, однако картина в голове яркая. Но подожди. Скребун понаблюдал за твоими... Твоими занятиями? Да. Он заметил, что ты такой же натурфилософ, что и он. Поэтому он отверг мое предположение.
– Друг кузнечик, ты, очевидно, думаешь, что объяснил этим что-то, но я теряюсь в догадках о том, что же именно.
– Те, кого бьют, принимают милость быть избитыми – как следует знать любому натурфилософу.
– Так у вас это обычное дело? Я могу вообразить себе и большие милости.
Крэнк махнул рукой:
– Возможно, «милость» неподходящее слово. Ваши понятия странны. Увалень видит, что нас мало, а вас много. Он произнес фразу в своей голове, что вы нападете на нас – и вот почему вы держитесь от нас подальше.
– Если мы держимся от вас подальше, как можем мы напасть?
– Я сказал ему, что наши «жучки» не заметили военных приготовлений. Но он ответил, что все жучки в замке были тщательно удалены, что говорит в пользу военных приготовлений.
– О, чего Манфред не любит, так это когда за ним шпионят. Нет, он далек от мысли о нападении. Герр предлагает, чтобы вы стали его вассалами.
Крэнк смешался:
– Что означает «вассал» – вопрос.
– То, что он дарует вам *лен* и доход с него.
– Ты объясняешь одно неизвестное понятие другим. Принято ли это у вас – вопрос. Ваши слова бесконечно кружат, подобно тем огромным птицам в небе. – Крэнк медленно поскреб своими руками. Раздражение, спросил себя Дитрих? Нетерпение? Разочарование?
– *Лен* – это право использовать или владеть тем, что принадлежит герру, в обмен на денежную ренту или службу. Взамен он... он заслонит вас от ударов ваших врагов.
Крэнк оставался недвижим, пока тени в углах комнаты сгущались, а небо на востоке в окне окрасилось малиновым, цветом. Вершина Катеринаберга сияла в солнечном свете, все еще не закрытая наползающей тенью от Фельдберга. Дитрих уже начал беспокоиться, когда существо медленно подвинулось к окну, чтобы взглянуть... на что? Кто может знать, на чем были сфокусированы эти необычные глаза?
– Зачем вы делаете это – вопрос, – спросил крэнк наконец.
– У нас считается благом помогать слабому, греховным – притеснять его.
Странное создание обратило на него свои золотистые полусферы:
– Глупость.
– С мирской точки зрения – возможно.
– «Дары плодят рабов», как говорится у нас. Герр помогает, чтобы показать свою силу и власть и получить услуги от тех, кем он правит. Слабый подносит дары сильному, чтобы приобрести его снисхождение.
– Но что есть сила?
Крэнк ударил рукой по подоконнику.
– Вы играете с вашими словами, – прошептал голос «домового» в ухе Дитриха, в тот момент показавшийся жутким, словно исходил от бестелесного духа у него за плечом. –

Сила – это способность сокрушить другого. – Крэнк вытянул свою левую руку, медленно сжал шесть пальцев в кулак, затем поднял и резко выбросил сжатую в кулаке руку в пол.

Существо подняло голову и посмотрело в упор на Дитриха, который не мог ни пошевелиться, ни издать звук при виде такой ярости. Ему не следует возвращаться в *лазаретто*, чтобы не рисковать быть избитым этим необузданным народом. Крэнки были вполне способны прийти в деревню и воздерживались пока от этого только потому, что считали себя слишком слабыми. Позволь им только осознать свою мощь, кто знает, к какой непреднамеренной жестокости они могут прибегнуть?

– Есть... – начал священник, но не смог завершить предложение под этим взглядом василиска и потому отвел глаза на распятие Лоренца над аналоем, – Есть и другой вид силы, – сказал он. – И она заключается в способности жить перед лицом смерти.

Крэнк выразительно щелкнул боковыми челюстями.

– Ты смеешься над нами.

Дитрих понял, что это выразительное щелканье напомнило ему, – пару ножниц, отрезающих что-нибудь. Он вспомнил, что, когда в прошлый раз был явлен этот жест, второй спорщик подставил для удара свою шею. Рука Дитриха сама по себе потянулась к горлу, и он подвинулся, чтобы между ним и странником вновь оказался стол.

– У меня и в мыслях не было насмехаться. Скажи, чем я тебя задел.

– Даже теперь, – ответил крэнк прямо ему в ухо, хотя их и разделяла комната. – Даже теперь – и я не могу сказать почему – ты кажешься дерзким. Я должен постоянно напоминать себе, что ты не крэнк и не знаком с надлежащим поведением. Я говорил тебе: наша повозка разбита, мы заблудились и потому должны умереть здесь, в этой далекой стране. А ты говоришь нам «жить перед лицом смерти».

– Тогда мы должны починить вашу повозку или найти вам другую. Циммерман умелый колесный мастер, а Шмидт может выделать любые необходимые металлические детали. Лошади боятся вашего запаха, а селяне не могут обойтись без своих волов; но, если у вас есть серебро, упряжный скот мы можем купить где угодно. Если нет, то, поскольку дорога уже известна, путь, проделанный неустанно пешком... – Голос Дитриха угас, поскольку крэнк принялся неритмично колотить руками по стене.

– Нет, нет, нет. Там нельзя пройти пешком, и ваши повозки тоже не способны проделать этот путь.

– Ну, Гийом Рубрук дошел до Катая и вернулся, и Марко Поло со своими людьми проделал то же самое намного позже, а в этом мире нет места более далекого, чем Катай.

Крэнк вновь пристально посмотрел на него, и Дитриху показалось, что желтые глаза того светились как-то особенно ярко. Должно быть, из-за сумерек и пламени свечи.

– Нет места более далекого в этом мире, – сказала создание, – но существуют и другие миры.

– Это и впрямь возможно, но путешествие туда – дело необычное.

Крэнк, и так всегда безжизненный в проявлении эмоций, казалось, окаменел еще больше.

– Тебе... известно о подобных путешествиях – вопрос.

«Домовому» пока так приходилось передавать выражение. Скребун говорил Дитриху, что для передачи настроения, вопроса или иронии в языке крэнков использовался скорее ритм, а не тональность. Поэтому Дитрих не мог быть уверен, действительно ли в переводе машины ему послышалась надежда.

– Путешествие на небо... – подсказал Дитрих, чтобы убедиться, что он понял правильно.

Крэнк указал наверх.

– Небо там наверху – вопрос.

– *Ja*. За небесной твердью с неподвижными звездами, даже за кристальной орбитой, находятся неподвижные эмпиреи. Но путешествие туда совершают наши внутренние сущности.

– Как странно, что вы знаете об этом. Какое слово вы употребляете, когда хотите сказать: земля, звезды и все остальное – вопрос.

– Мир. Космос.

– Тогда слушай. Космос действительно искривляется, и звезды, и... мне приходится сказать «семьи звезд» погружены в него, как в жидкость. Но в другом измерении, не в ширине, не в глубине, не в высоте, находится обратная сторона небесной тверди, которую мы уподобляем мембране или коже.

– Шатер, – предположил Дитрих; но ему пришлось объяснять значение этого слова, поскольку «домовой» никогда не видал упомянутого предмета.

Крэнк наконец сказал:

– Натурфилософия достигает разного прогресса в разных областях, и, возможно, вы, люди, усвоили понятие «о другом мире», оставаясь... недалекоими в иных вопросах. – Он вновь посмотрел в окно. – Если бы только спасение было возможно для нас...

Последняя реплика, как подозревал Дитрих, предназначалась не для его ушей.

– Это возможно для каждого, – заметил он осторожно. Крэнк поманил своей длинной рукой:

– Подойди, и я объясню, хотя у говорящей головы для этого, возможно, и нет подходящих слов. – Когда Дитрих нерешительно приблизился, крэнк указал на темнеющее небо. – Там находятся иные миры.

Дитрих медленно кивнул:

– Аристотель полагал это невозможным, поскольку каждый мир естественным образом стремился бы к центру другого; но Церковь установила, что Господь может создать столько миров, сколько пожелает, как доказал мой учитель в своем девятнадцатом вопросе о небесах.

Крэнк медленно поскреб руками.

– Ты должен тогда познакомить меня со своим другом, Господом.

– Я сделаю это. Чтобы существовали другие миры, за этим миром должна быть пустота, и эта пустота должна быть бесконечной, чтобы вместить в себя множество центров и окружностей, необходимых для существования этих миров. Однако «природа не терпит пустоты» и будет стремиться заполнить ее, как в сифоне или в опорожняемом сосуде.

Крэнк помедлил с ответом.

– «Домовой» колеблется. Да, есть множество центров, но что значит «окружностей» – вопрос. Если только это не то, что мы называем солнечным водоразделом. В пределах солнечного водораздела тела падают вовнутрь и вращаются вокруг солнца; за его пределами тела падают наружу, пока не будут подхвачены вращением вокруг другого солнца.

Дитрих засмеялся:

– Но тогда каждое тело будет обладать двумя разнонаправленными свободными падениями, что невозможно, – И все же он задумался. Будет ли тело, помещенное за пределы выпуклой «окружности» перводвижителя, обладать *сопротивлением* своему свободному падению вниз? Однако создание также предложило солнце в качестве центра мира, что было невозможным, поскольку тогда бы с земли наблюдалось смещение неподвижных звезд, вопреки практике.

Но в голову Дитриха закралась и более тревожная мысль.

– Ты хочешь сказать, что вы выпали из одного из этих миров через «солнечный водораздел» и рухнули в наш? – Именно так это происходило с Сатаной и его приспешниками.

«Эти крэнки не сверхъестественны», – напомнил он себе. В этом была убеждена его голова, сколь бы ни тряслись поджилки.

Дальнейшая беседа прояснила определенные нюансы, хотя и запутала в остальном. Крэнки не свалились из другого мира, а скорее каким-то образом пропутешествовали сквозь эмпирию. Пространства за небесной твердью были подобны морю, и инсула, хотя и представляя из себя повозку, была также подобна кораблю. Как это было возможно, ускользнуло от понимания Дитриха, ибо у инсулы не было ни весел, ни парусов. Но он

понял, что она не была ни лодкой, ни галерой, а только *подобна* лодке или галере; и она плыла не по морским волнам, а только по чему-то *подобному* волнам.

– *Эфир*, – произнес Дитрих в изумлении. Когда крэнк поднял голову, Дитрих пояснил: – Некоторые философы выдвигали предположение о том, что существует пятый элемент, сквозь который движутся звезды. Другие, в том числе мой учитель, сомневались в необходимости *квинтэссенции* и наставляли, что небесное движение может быть объяснено теми же элементами, которые мы обнаруживаем в подлунном мире.

– Вы либо очень мудры, – сказал крэнк, – либо чрезвычайно невежественны.

– Или и то и другое, – с готовностью допустил Дитрих. – Но там применимы те же законы природы, не так ли?

Создание обратило свой взор к небу:

– Верно, наша повозка движется через неоощуаемый мир. Отсюда вы не можете ни увидеть его, ни уловить его запах, ни прикоснуться к нему. Мы должны пройти сквозь него, чтобы вернуться домой на небеса.

– Как должно и всем нам, – согласился Дитрих, и его страх перед этим созданием сменился жалостью.

Крэнк тряхнул головой и издал причмокивающий звук мягкими губами, весьма непохожий на небрежное пошлепывание их смеха. Через несколько минут он сказал:

– Но мы не знаем, которая из звезд отмечает наш дом. В силу самого нашего путешествия по закручивающейся спирали мы не можем знать этого, поскольку внешний вид небесной тверди отличается в каждом из мест, и одна и та же звезда может казаться окрашенной в другой цвет и может занимать иное положение на небесах. Жидкость, которая несла наш корабль, неожиданно всколыхнулась и вынесла в неверный мельничный лоток. Некоторые предметы сгорели. Ах! – Он резко потер руками: – У меня нет слов, чтобы высказать это; как и у вас нет слов, чтобы правильно понять.

Слова странного создания завели Дитриха в тупик. Как могли крэнки прийти из *другого* мира и в то же время утверждать, что они прибыли со звезды, которая была заключена в восьмой сфере *этого* мира? Он спросил себя, правильно ли «домовой» перевел понятие «мир».

Но его мысли были нарушены шуршанием башмаков по гравии за дверью.

– Мой гость возвращается. Будет лучше, если он тебя не увидит.

Крэнк прыгнул к открытому окну.

– Сохрани это, – произнес он, постучав по своей упряжи. – Используя ее, мы сможем разговаривать на расстоянии.

– Подожди. Как мне позвать тебя? Как твое имя? Огромные желтоватые глаза обратились на него.

– Как тебе будет угодно. Мне будет занятно узнать о твоём выборе. «Домовой» рассказал мне, что значат «увалень» и «скребун», но я не позволил ему перевести эти имена на наш язык в соответствии с их прямым значением.

Дитрих засмеялся:

– Ага. Значит, ты ведешь собственную игру.

– Это не игра. – И с этими словами создание испарилось, бесшумно скользнув из окна в Малый лес под Церковным холмом.

VIII

Октябрь, 1348

От Дня св. архангела Михаила до *Feriae messis*.¹⁰⁵ 29 сентября – 1 ноября

¹⁰⁵ Римский праздник сбора урожая (дословно с лат.: «отдых от жатвы»), В католическом календаре: День Всех Святых – 1 ноября.

Наступил День архангела Михаила, а вместе с ним и ежегодный суд, который герр устраивал на лугу под старой, желтоватой липой. Дерево трепетало на осеннем ветру, а женщины плотнее кутались в шали. К юго-востоку над долиной Визена собрались черные тучи, но в воздухе не чувствовалось приближения дождя, а ветер дул в другую сторону. Фояькмар Бауэр предсказал по этим признакам бесснежную зиму, и разговор обратился к посадке озимых. По случаю суда все облачились в свои самые лучшие наряды: рейтузы и блузы, тщательно заштопанные и почти чистые, но изношенные на фоне пышных нарядов Манфреда и его свиты.

На скамье под огромным деревом председательствовал Эзерард, а подле него сидели присяжные заседатели, чтобы следить за соблюдением обычаев манора. Сельский староста Рихард вынес *вайстюмер*, общинные постановления деревни, записанные на пергаменте и сшитые в книгу, и время от времени обращался к перечисленным там правам и привилегиям. Это было непростым делом, поскольку с годами права скапливались подобно хламу в сарае, и один и тот же человек мог обладать разными правами на разные наделы земли.

Седовласый фогт Юрген предъявил свои палочки с насечками о сумме долгов и бечеву с узелками и отчитался о барщине за последний сельскохозяйственный год. Свободные общинники слушали чтение фогта с напряженным интересом, сравнивая доходы господина с собственными, прибегая к тому виду арифметики, который ограничивается числом пальцев на руках. Филимер, господский конторщик-бухгалтер, сам всего несколько лет как откупившийся от работы в поле, записывал все аккуратным убористым почерком на свиток склеенных друг с другом пергаментных листов. Он посчитал сумму на счетах и возвестил, что герр должен Юргену двадцать семь пенсов, чтобы уравновесить баланс.

После этого старый Фридрих, конторщик управляющего, принялся вести подсчет штрафов и податей. Как и Филимер, он записывал суммы арабскими цифрами Фибоначчи, но переводил их в римский аналог для чистовой копии. Все это создавало высокую вероятность ошибки, поскольку старый Фридрих был немногим более сведущ в римских цифрах, нежели в латинской грамматике, где он часто путал аблатив с дативом.¹⁰⁶ «Коль скоро я пишу слова на латыни, – объяснил он однажды, – то и цифры должен записывать тем же языком».

Первой выплатой был *бутейль* ¹⁰⁷ за старого Рудольфа из Лфорцхайма, умершего в Сикстов день. К герру перешло владение «лучшим из животных» покойного – свиноматкой по кличке Изабелла – и, естественно, все мужчины принялись спорить, действительно ли та была «лучшим животным» Рудольфа, причем в споре не было даже двух согласных меж собой.

Феликс Аккерман поднялся, чтобы уплатить *меркет* ¹⁰⁸ за свою дочь, но Манфред, разбиравший дела со своего кресла под липой, возвестил смягчение подати «ввиду убытков человека при пожаре». Этот жест вызвал восторженный шепот собрания, расположение которого, как счел Дитрих, было слишком дешево куплено. Герр мог быть щедрым в мелочах.

Труда Мецгер поразила всех, уплатив *меркет* за саму себя ради позволения сеньора «выйти замуж по своему усмотрению». Женская половина живо принялась сплетничать, и подозрения пали на всех без исключения одиноких мужчин. Глубоко заинтригованный Манфред даровал свое согласие.

И так продолжалось до полудня. Генриха Альтенбаха присудили к выплате четырех

¹⁰⁶ *Аблатив, датив* – некоторые из падежей в латыни.

¹⁰⁷ *Бутейль* (нем. *buteil*.) – получаемая феодалом часть наследства крепостного.

¹⁰⁸ *Меркет* (англ. *merchet*) – по средневековым обычаям, плата, которую получал сеньор от лично зависимого крестьянина, если дочь последнего выходила замуж.

пфеннигов *шеважа* ¹⁰⁹ за то, что жил вне манора без позволения господина. Петронелла Люрм подбирала колоски на господских полях «вопреки осеннему запрету». Сын Фалька Альбрехта украл зерно. Кое-кто позволил себе другие труды во время сбора урожая. Присяжные подробно опросили свидетелей и, получив представление о сторонах процесса, рекомендовали уплату штрафа.

Оливер Беккер поднял крик по поводу поведения Бертрама Унтербаума в прошедший Майский праздник, обвинив того в проявлении злобы при домогании Анны Кольман. Рейнхардт Бент присвоил три борозды от всех примыкавших к его земле наделов. По предъявлении данного обвинения поднялся крик со всех сторон, ибо для крестьянина манса не было большего преступления, чем присвоить борозду соседа.

Сам Манфред предъявил иск двенадцати батракам, которые во время июльского сенокоса отказались грузить стоги сена на телеги. Никел Лангерман утверждал, что в прежние годы это выполнялось «из любви к господину», но никогда в действительности не предписывалось *вайстюмером*. Он попросил, чтобы фригольдеры разобрали это дело, и Эверард назначил жюри из числа присяжных.

На этом суд сделал перерыв, чтобы перекусить хлебом и элем за счет сеньора.

– Лангерман воображает себя старостой, – сказал Лоренц, когда люди гурьбой собрались у столов. – Он постоянно находит постановления, гласящие о том, что он не должен работать.

– Еще пара таких находок, – ответил Дитрих, – и никто больше не наймет его, после чего он лишится работы вовсе.

Появился Макс Швайцер и отозвал Дитриха в сторонку.

– Герр поручил мне разузнать о черном порохе, – приглушенным голосом сказал он.

– Их алхимик опознал уголь по образцу, – сказал ему Дитрих, – равно как и серу по ее свойствам и внешнему виду; но «домовой» не знает, какое слово у крэнков обозначает селитру, а потому мы в тупике. Я сказал ему, что обычно ее находят под кучами навоза, но их испражнения отличаются от наших.

– Возможно, они приятнее пахнут, – предположил Макс. – А что, если мы дадим им образец? Я имею в виду селитры. Алхимики могут определить и неизвестные вещества, разве нет?

– Да, но кажется, что крэнки не склонны тратить на это усилия.

Макс вздернул голову:

– Я не думаю, что их склонности имеют значение.

– Их волнует прежде всего то, как починить свой корабль и вернуться на родину.

Дитрих посмотрел туда, где стоял Манфред со своей свитой. Мужчины над чем-то смеялись, а Кунигунда, чью мантию охватывал белый пояс, расшитый *orfrois* ¹¹⁰ сценами охоты на оленя и зайца, решала трудную задачу – как бы сохранить подобающее даме достоинство в присутствии Ойгена и в то же время догнать свою младшую сестру, которая только что дернула ее за чепец. Манфред думал удержать крэнков помимо их воли, чтобы выведать их сокровенные секреты.

– Герр достаточно мудр, чтобы не торопить это дело, – сказал священник.

– На своей земле? Почему нет?

– Потому что следует проявлять крайнюю осторожность а принуждении тех, кто может обладать черным порохом.

* * *

¹⁰⁹ *Шеваж* (фр. *chevage*) – в Средневековье ежегодная подушная подать, которую платили сервы в знак личной зависимости. Также плата за право жить вне юрисдикции сеньора.

¹¹⁰ *Orfrois* – золотое шитье (фр).

После перерыва жители деревни избрали дегустаторов пива, присяжных, старост и других ответственных лиц для предстоящего сельскохозяйственного года. Седовласый Юрген отклонил честь – и потенциальные расходы – быть избранным еще на один срок фогтом, и его преемником стал Фолькмар Бауэр. Клаус вновь был избран *майером*.

Сеппл Бауэр, стесняясь, впервые проголосовал, подняв руку за Клауса наряду со всеми прочими домовладельцами. Или, вернее, почти со всеми, ибо Труда Мецгер громогласно выразила свое несогласие и, как хозяйка своей мансы, подала единственный голос за Грегора.

– Каменотес, быть может, и дурак, – объявила она, – но он не вор, намачивающий муку, Грегор, оборотившись к Дитриху, сказал:

– Она имеет на меня виды, вот и умасливает меня. Лоренц с противоположной стороны помахал пальцем:

– Помни, Грегор, ежели надумаешь жениться вновь, то она уже выплатила *меркет* за себя, так что это будет выгодным дельцем.

– И будет стоить каждого пфеннига.

– Тело всего лишь оболочка, – промолвила Терезия Греш, нарушив молчание, которое она хранила на протяжении всего дня. – Она сверкает, только если внутри таится подлинная красота. Оттого и кажется невзрачнее, чем есть на самом деле.

– Возможно, ты единственный, кто может зажечь в ней свет, – подхватил Лоренц.

Грегор нахмурился, встревоженный, теперь не на шутку тем, что его друзья задумали женить его повторно.

– Для этого потребуется целый костер, – буркнул он.

* * *

Дитрих назвал своего ночного гостя Иоганном фон Штерном – Иоанном-со-звезд. Пастор возобнови свои визиты в *лазаретто*, и постепенно к нему вернулась уверенность. Когда он приходил, странники бросали взгляда; его сторону, замирали, а затем спокойно возвращались к своим делам. Ничто ему не угрожало.

Некоторые прилежно колдовали над кораблем. Дитрих видел, как они опаляли огнем отдельные швы, распыскивали жидкости и размазывали разноцветную массу по поверхности. Воздух, без сомнения; также использовался в ремонте; ибо иногда глубоко в недрах сооружения он слышал шипение газов.

Остальные посвящали себя натурфилософии, предаваясь хаотичным и причудливым прыжкам, уединенным прогулкам и безделью. Некоторые взгромождались на деревья, подобно птицам! Когда осенний лес засверкал яркими красками, они стали использовать замечательный инструмент – *fotografia*, – чтобы снимать миниатюрные «световые рисунки» листьев. Однажды Дитрих заметил алхимика по его особому одеянию – тот присел на землю, характерно задрал колени выше головы, и наблюдал за бегущим по склону ручьем. Пастор поприветствовал его, но существо, погруженное в какие-то размышления, не ответствовало ему, и, подумав, что оно молится, Дитрих тихонько удалился.

Дитриха все больше расстраивала медлительность крэнков.

– Я видел, как ваших плотников отрывали от работы, – сказал священник Скребуну в один из визитов, – чтобы набрать жуков или цветов для ваших философов. Других я видел играющими в мяч или скачущими туда-сюда без видимой иной цели, кроме как нагишом заниматься физическими упражнениями. Ваша самая неотложная задача – починить корабль, а не выяснять, почему наши деревья меняют цвет.

– Каждый, кто занимается делом, занят делом, – возвестил Скребун.

Дитрих подумал, тот имеет в виду, будто философы несведущи в кораблестроении, что само по себе не было поразительным открытием.

– И все-таки, – настаивал он, – здесь может найтись какая-нибудь нехитрая работа,

которая окажется вам по силам, хотя бы в качестве подмастерьев.

Усики Скребуна замерли, а черты его лица, и без того ничего не выражающие, еще более окаменели. Ганс, занимавшийся в сторонке каталогизацией изображений растений и до того не обнаруживавший видимого внимания к разговору, выпрямился на своем стуле, занеся руки над набором символов, при помощи которых он наставлял «домового». Глаза Скребуна пригвоздили Дитриха к своему месту, и священник в безотчетном страхе вцепился в подлокотники кресла.

– Подобный труд, – сказал Скребун наконец, – предназначен для тех, кто его исполняет.

Утверждение звучало как поговорка и, подобно многим поговоркам, страдало лаконичностью, сводившей его к тавтологии. Он вспомнил о тех философах, которые выросли, опьяненные размышлениями античных мыслителей с присущими тем предрассудками против физического труда. Дитрих не мог вообразить, что, оказавшись в числе потерпевших кораблекрушение, он не пожелал бы помочь своим товарищам в необходимом ремонте. В таких обстоятельствах даже человек благородного происхождения предложил бы свои руки ради общего дела.

– В труде, – подчеркнул Дитрих, – кроется свое достоинство. Наш Господь был плотником и призвал к Себе рыбаков и прочий простой народ. Папа Бенедикт, да покоится он в мире, был сыном мельника.

– Если я понял высказывание правильно, – сказал Скребун, – плотник может стать господином. Бва-ва-уа-уа. Может ли камень стать птицей – вопрос. Или же все ваши повелители подлого происхождения – вопрос.

– Я согласен с тобой, – кивнул Дитрих, – в том, что человек редко поднимается выше того положения в обществе, в котором родился, и все же мы не презираем труженика.

– Тогда мы не столь сильно различаемся, твой народ и мой, – сказал Скребун. – Ибо и у нас наше положение записано... я думаю, ты сказал бы, что оно записано «на атомах нашей плоти». У нас есть такое выражение: «Какие мы есть, такие и есть». Было бы глупым презирать кого-то за то, что он таким рожден.

– «Атомы плоти»?.. – начал было Дитрих, но его прервал «домовой»:

– «Редко» иногда значит больше, чем «никогда», – вопрос, восклицание.

Скребун обратил несколько быстрых стрекотаний Гансу, по окончании которых тот выгнул шею и затем вернулся к своему письму значками. Философ вновь обратился к этому примечательному явлению – цветным деревьям.

– Известна ли тебе причина этого – вопрос. Дитрих, не будучи уверен в том, что означала эта ссора,

и не желая провоцировать гнев Скребуна, ответил, что Господь Бог устроил изменение цвета для того, чтобы предупредить о приближающейся зиме, тогда как вечнозеленые растения сохраняли надежду на то, что вслед наступит весна, и таким образом смена времен года разом давала людям и печаль, и надежду. Это объяснение поставило Скребуна в тупик, и он спросил, является ли верховный господин Манфреда искусным лесником. На это *non sequitur*¹¹¹ Дитрих отчаялся дать объяснения.

* * *

Церковь отмечала начало каждого сезона молитвами за благополучную посевную, или о летних дождях, или о добром урожае. *Feriae messis* открывали сезон сбора винограда, и после этого мессу *Exsultate Deo* ждали как никакую другую. Южный склон Катеринаберга был усеян виноградниками, дававшими хороший урожай, который бойко расходился на рынках Фрайбурга и обеспечивал Оберхохвальд одним из немногих источников серебряной

¹¹¹ *Non sequitur* – нелогичное заключение (лат.).

монеты. Но прошлый год вновь выдался холодным, и ныне всех тревожило, что вина получится немного

Во время оффертория Клаус пожертвовал несколько гроздей спелых ягод, собранных с собственного виноградника, и в ходе консекрации Дитрих раздавил одну из виноградин, чтобы смешать ее сок с вином в чаше для Святого причастия. Обычно прихожане болтали меж собой или даже слонялись в притворе, пока их не собирал колокол, зовущий к мессе. Сегодня же они следили за ритуалом с глубоким вниманием, увлеченные не памятью о жертве Христа, а надеждой, что обряд принесет добрый урожай – как если бы месса была простым колдовством, а не поминовением о Великой жертве.

Вздымая чашу для причастия высоко над головой, Дитрих увидел горящие желтые глаза крэнка, угнездившегося на винтовой лестнице под верхним рядом окон.

Остолбенев, Дитрих так и замер с воздетыми руками, пока нарастающий гул паствы не привел его в чувство. Недавно набрало силу суеверие, что, пока хлеб и вино подняты кверху, распахиваются врата из чистилища в Царство Небесное, и верующие иногда жаловались, если священник держал чашу слишком мало. Несомненно, сейчас пастор освободил великое множество душ, к пушему освящению урожая вина.

Дитрих вернул чашу на алтарь и, преклонив колени, промямлил заключительные слова, которые внезапно потеряли всякий смысл, Иоахим, стоявший на коленях рядом с ним и державший в одной руке край ризы, а в другой колокол, тоже бросил взгляд на стропила, но если и заприметил создание, то вида не подал. Когда Дитрих осмелился еще раз воздеть глаза кверху, нежданный гость уже растворился в полумраке.

* * *

После службы Дитрих встал на колени, перед алтарем, сложив руки перед собой. Над ним, вырезанный из цельного огромного куска красного дуба и за сотни лет потемневший от курящегося воска, парил распятый на кресте Христос. Изнуренная фигура – нагая за исключением лоскута ткани для приличия, скрученная в агонии, с раскрытым в последнем жалком упреке ртом: «Почему Ты оставил меня?» – как бы вырастала из дерева самого креста, так что орудие пытки и сама жертва представляли собой одно целое. Этот способ умерщвления был жестоким и унижительным. Намного менее гуманным, нежели костер, петля или топор палача, которые ныне облегчали путь в мир иной.

Дитрих слышал приглушенное гроыхание телег, звон ножей для обрезки веток и садовых ножниц, крики ослов, неразборчивые слова, брань, щелканье кнутов, скрип колес – это свободные селяне и крепостные заканчивали приготовления перед отправкой к виноградникам. Мало-помалу воцарилась тишина, нарушаемая только, помимо привычного бормотания стен, отдаленным и неравномерным лязгом из кузницы Лоренца у подножия холма

Удостоверившись, что Иоахима нет нигде поблизости, Дитрих поднялся с колен.

– Ганс, – тихо позвал он, надев крэнкову упряжь и нажав символ, пробуждавший «домового». – Тебя ли я видел на хорах во время мессы? Как ты забрался так высоко никем не замеченный?

Под стрехой зашевелилась тень, и голос сказал ему прямо в ухо:

– Я надел упряжь, которая позволяет летать, и проник внутрь через колокольню. У меня было суждение понаблюдать за вашей церемонией.

– Мессой? Но зачем?

– Была фраза о том, что вы владеете ключом к нашему спасению, хотя Скребун и высмеял ее, а Увалень не захотел даже выслушать. Оба они сказали, что мы должны отыскать собственный путь назад на небеса.

– Это ересь, в которую впадают многие, – согласился Дитрих, – то, что небес можно достичь без посторонней помощи.

Слуга-крэнк помолчал, прежде чем ответить.

– Я думал, что ваш ритуал дополнит картину о тебе в моей голове.

– И как?

Дитрих услышал резкий стрекот с балок над головой и выгнул шею, чтобы отыскать, где крэнк уселся теперь.

– Нет, – сказал голос у него в ухе.

– Я сам себя до конца не знаю, – признался Дитрих.

– В этом проблема. Ты хочешь помочь нам, но я не вижу в этом для тебя никакой выгоды.

От мерцающего пламени свечей пробегали тени, не столь густые из-за красных и желтых отблесков. Два маленьких огонька светились среди балок. Может быть, глаза крэнка, в которых отражалось танцующее пламя, а может, лишь металлические детали, скрепляющие бревна.

– Разве во всем, что я делаю, должна быть выгода для меня? – спросил Дитрих сумрак, с неловкостью осознав, что выгода, к которой он стремился, заключалась в охране своего уединения и свободе от страха.

– Живые существа всегда действуют ради собственной выгоды: добыть пищу или возбудить органы чувств, завоевать признание в стае, сократить усилия, необходимые для обладания всем этим.

– Я не могу сказать, что ты неправ, друг кузнечик. Все люди ищут благ, и определенно к таковым относятся еда, плотские удовольствия и освобождение от труда, иначе мы бы к ним не стремились. Но я не могу сказать также, что ты и абсолютно прав. Какую выгоду извлекает Терезия с ее травами?

– Признание, – последовал быстрый ответ крэнка. – Свое место в деревне.

– Ну, этим сыт не будешь. В поисках пищи человек может осушить болото – или же присвоить борозду соседа; в поисках удовольствий – может любить свою жену, а может совокупляться с чужой. Дорога на небо – не в *частных* благах, а только в *совершенном* Благе. Помогать другим, – сказал Дитрих, – само по себе благо. Иаков, брат Господень, писал: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»¹¹² и «Чистое и непорочное благочестие есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях».¹¹³

– Двоюродный брат Манфреда не имеет никакой силы над крэнком. Он не наш господин, да и Манфред не так силен, как того боялся Увалень. Когда его собственный народ бросил ему вызов из-за стогов сена, он не покарал их, как они того заслуживали, а позволил – своим слугам – решить вопрос об этом за него. Это проявление слабости. И они вернулись, его собственные ничтожные слуги, и сказали, что батраки правы. Долг обязывает их собирать сено Манфреда, но не грузить стога на телеги.

Дитрих кивнул:

– Так записано в *вайстюмере*. Таков обычай манора. Крэнк забарабанил по стропилам и так низко склонился в круг света, отбрасываемый оплывающими свечами, что Дитрих подумал, что тот свалится.

– Но в следующем году из-за этого стога останутся стоять на полях, – сказал Ганс, – тогда как крепостные будут ждать в курии, чтобы разгрузить телеги. Это бессмысленно.

По губам Дитриха пробежала легкая улыбка, когда он вспомнил, какая неразбериха воцарилась в суде вслед за оглашением жюри добытых сведений.

– Мы получаем небольшое удовольствие от парадоксов. Это форма развлечения, подобно пению и танцам.

– Пению...

– В следующий раз я объясню это.

¹¹² Соборное послание святого апостола Иакова. 4:6.

¹¹³ Соборное послание святого апостола Иакова. 1:27.

– Тому, кто правит, опасно показывать свою слабость, – настаивал Иоганн. – Если бы ваш Лангерман потребовал того же от герра Увальня, то был бы наказан.

– Я не отрицаю того, что Увальень холерик по натуре, – сухо сказал Дитрих. Не обладая настоящей, кровью, крэнки не могли должным образом уравновесить свою желчь с сангвиническим темпераментом. Вместо этого у них был желто-зеленый гной; но не будучи доктором медицины, Дитрих не знал наверняка, как гной может управлять нравом. Возможно так, как Галену было невдомек. – Но не волнуйся, – сказал он Гансу, – на следующий сенокос стога сена будут погружены на телеги вновь, но батраки сделают это не из *долга*, а из *charitas* ¹¹⁴ – или же за вознаграждение за неурочный труд.

– Любовь к ближнему.

– Да. Стремиться к благу другого, а не своему собственному.

– Ты так делаешь – вопрос.

– Не так часто, как велит нам Господь Всемиловитый, но да, делаю. Это зачтется нам на небесах.

– Правильно ли «домовой» перевел – вопрос. Высшее существо спустилось с небес, стало вашим господином и повелело вам исполнять эту «любовь к ближнему».

– Я бы сказал по-другому...

– Тогда все сходится.

Дитрих подождал, но Ганс больше ничего не добавил. Молчание затягивалось и становилось гнетущим, и Дитрих начал было подозревать, что его невидимый гость улизнул – крэнки не обременяли себя долгими формальностями приветствия и прощания, – когда Ганс заговорил вновь:

– Я скажу одну вещь, хотя она и свидетельствует о нашей слабости. Мы – смешанный народ. Некоторые относятся к кораблю, и капитан был их господином. Капитан погиб при кораблекрушении, и ныне правит Увальень. Другие образуют школу философов, в чьи задачи входит изучение новых земель. Именно они наняли корабль. Скребун не их господин, но остальные философы позволяют ему говорить от их имени.

– *Primus inter pares*, – предположил Дитрих. – Первый среди равных.

– Примерно так. Дельная фраза. Я передам ему. В третьей группе – те, кто путешествует, чтобы увидеть диковинные и далекие места, места, где жили знаменитые или где случались великие события... Как вы называете подобный народ – вопрос.

– Паломники.

– Так вот. Корабль должен был посетить несколько мест ради паломников, прежде чем доставить философов к недавно обнаруженным землям. Команда корабля и школа философов всегда говорят, что в подобных путешествиях в неизвестное может и не быть возврата. «Так случилось; так случится не раз».

– Ты прав, – сказал Дитрих, – При жизни моего отца несколько францисканских ученых монахов вместе с братьями Вивальди отплыли на поиски Индии, которая, согласно карте Бэкона, располагалась совсем недалеко на запад через океан. Но с того момента, как они миновали мыс Нун, ¹¹⁵ о них ничего не было слышно.

– Тогда у вас та же фраза в голове: *Новый путь может вести только в одну сторону*. Но в головах паломников этот путь всегда ведет домой, и причина того, что мы не смогли достичь нужного неба, должна заключаться в чем-то... Я думаю, на вашем языке это будет «грех». Итак, некоторые паломники возлагают ответственность за нашу теперешнюю неудачу на слабость Увальня, и некоторые из числа команды корабля даже говорят, что он и в подметки не годится тому, кто был капитаном прежде. Кто-то, считающий себя сильным,

¹¹⁴ *Charitas* – любовь к ближнему, милость (греч.).

¹¹⁵ Экспедиция братьев Вивальди была послана на поиски морского пути в Индию в 1291 г. Судьба ее неизвестна.

может попытаться встать на его место. И если так случится, то Увалень, вероятно, вытянет свою шею, и у меня есть суждение, что он считает так же.

– Это серьезное дело, – сказал Дитрих, – опрокидывать установленный порядок, ибо кто может поручиться за то, что результат этого не будет еще хуже? Двенадцать лет назад у нас было такое же восстание. Армия крестьян опустошила страну, сжигая помещичьи дома, убивая господ, священников и евреев.

И Дитрих вспомнил с внезапной невыносимой отчетливостью пьянящее упоение увлеченностью чем-то большим и более властным, более правым, чем ты сам, безнаказанностью и самонадеянностью толпы. Он вспомнил о знатных семьях, принесенных в жертву в их собственных домах; о ростовщиках-евреях, сполна расплатившихся за все в петле или на костре. Среди них был проповедник, и он наставлял толпу словами Иакова:

«Горе вам, богатые! Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью.

Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас!

Вот плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; питали сердца ваши, как бы на день заклания».¹¹⁶

И армия «кожаных рук» – они называли себя армией, имели самозванных капитанов и носили кожаные нарукавники в качестве отличительного знака – потные, неистовые от похоти, алчущие добычи, предчувствующие свой собственный смертный приговор; эта армия собралась до последнего часа, так что клич «День заклания!», с хрипом вырывающийся из тысячи глоток, был последним, что множество сеньоров или евреев слышали в своей жизни. В небе стояло зарево от горящих помещичьих домов, так что по Рейнланду можно было путешествовать ночью, словно днем. Обозы купцов грабили прямо на дорогах. Странствующих корабейников, приравненных при облавах к евреям-ростовщикам, разрывали на части. Бюргеры вольных городов, бежавшие под защиту древних стен, наблюдали оттуда за тем, как горят их ратуши и мастерские.

Но стены Бургов устояли перед недисциплинированными толпами, и ярость сменилась осознанием того, что впереди их ждет виселица. Из каменных цитаделей потекли стальные реки: властители и рыцари, солдаты, цеховая милиция и рекруты из числа крепостных; пики, алебарды и арбалеты, кромсающие и пронзающие плоть и кости. Охотники, более скорые, чем самые ярые из охотничьих соколов. Вдоль дорог грудами валялись брошенные сельскохозяйственные инструменты, дубинки, ножи и секачи. Кованная в железо кавалерия топтала копытами крестьян, у которых не было даже штанов под рубашками, так что большие дороги были перепачканы зловонными кучами и лужами, свидетельствами их предсмертного ужаса, и оставались неприкрытыми сморщенные гениталии, когда мятежники болтались на каждом суку в Эльзасе и Брейсгау.

Дитрих прервал затянувшееся молчание: – Тысячи погибли.

Крэнк по-прежнему безмолвствовал. В тишине лишь тяжело, вздыхали деревянные стены церкви. Дитрих позвал:

– Ганс?..

– Скребун ошибался. Наши народы очень сильно отличаются друг от друга. – Ганс поскакал по стропильным балкам в другой конец церкви, а затем прыгнул в одно из раскрытых слуховых окон.

– Ганс, подожди! – закричал Дитрих. – Что ты имеешь в виду?

Причудливое создание замерло в проеме и оборотило свой взор к Дитриху:

– Ваши крестьяне убивали своих господ. Это противоестественно. Мы – те, кто мы есть. У нас эти суждения в головах от животных, бывших нашими предками..

Дитрих, ошарашенный этой брошенной походя фразой, с трудом обрел дар речи:

– Вы... числите животных среди ваших предков? – Он вообразил себе отвратительные

¹¹⁶ Соборное послание святого апостола Иакова. 5:2–5.

совокупления с животными. Женщин, лежащих с собаками. Мужчин, совокупляющихся с ослицами. Что могло уродиться от подобных союзов? Что-то, что нельзя выразить словами. Что-то чудовищное.

– В древности, – ответил крэнк, – жили твари, подобные вашим пчелам. Не по форме, а по способу разделения труда. У них не было фраз в голове, которые бы говорили о том, что должно. Суждения были записаны на атомах их плоти, и те при спаривании самцов и самок передавались их потомству и так, столетия спустя, нам. Так что каждый из нас знает о своем месте в огромной паутине. «Так было, так есть».

Дитрих затрепетал. Все живое, стремясь к положенному ему пределу, подвижно к нему самой природой. Так камень, будучи землей, естественным образом стремится к земле; а человек, возлюбивший добро, так же естественно движется к Богу. Но в животных склонности управляются оценочной способностью, которая действует деспотически, тогда как люди направляются силой размышления, которая действует политически. Так, овца оценивает волка как врага и бежит от него без малейшей мысли; но человек спасается бегством или сражается, как подсказывает ему разум;¹¹⁷ Однако если крэнками управляют *instinctus*, то в них могли отсутствовать разумные устремления, поскольку возвышенное обязательно движет низшим.

Это означало, что крэнки были животными.

В голове замелькали воспоминания о говорящих медведях и говорящих волках, заманивающих детей на погибель. То, что существо на стропилах у него над головой было не более чем *говорящим животным*, ужаснуло Дитриха безмерно, и он бежал от Ганса.

А Ганс бежал от него.

3

В наши дни: Шерон

Иногда Шерон казалось, что в действительности они с Томом жили не вместе, а только рядом, объединенные лишь крышей над головой. Все происходило по инерции. Она никогда ему этого не говорила, а сам Том не отличался особой чувствительностью. Потому все дурные предчувствия, даже если они и были ошибочными, Нэги оставляла при себе. Вместо этого она почти интуитивно решила подстроить для него пару тестов, которые он, по всей видимости, должен был провалить. После своего грандиозного прорыва Шерон захотела отметить столь невероятное событие, но, так как праздновать в одиночку трудно и бессмысленно, она приготовила, как часто делала это в прошлом, обед на двоих.

Шерон мало понимала в домашнем хозяйстве. Том однажды охарактеризовал ее как лишь полуудомашненную особь. Она не была искусным гастрономом, но и Том в еде не привередничал, так что все обычно срабатывало.

Однако она слишком привыкла к тому, что Том вечно путается под ногами, поэтому его с недавнего времени участившиеся отлучки еще не зафиксировались в ее сознании. Ей и в голову не пришло предупредить его. В итоге ничего не подозревавший Том опоздал к обеду.

Деликатность не входила в перечень достоинств Тома, но дело было не в деликатности. Еда остыла, и, что еще хуже, ее пришлось подогревать в микроволновой печи. А потому, несмотря на работающее отопление, в комнате ощутимо похолодало.

– Как мило, что ты пришел, – сказала Шерон, многозначительно гроыхнув тарелками. Она часто произносила эту фразу в более душевные мгновения, но Том знал, что сейчас – не тот случай. Жалобно звякнувшие столовые приборы были тому подтверждением.

¹¹⁷ Дитрих здесь размышляет в соответствии с положениями Фомы Аквинского (см. «Сумма теологии»; вопрос 81 «О силе чувственности»), вплоть до примера с овцой (см. Раздел 3. «Повинуются ли силы раздражительности и пожелания разуму»).

Том извинился. Он вечно за все извинялся. Шерон подозревала, что раскаяние было стратегией, к которой он прибегал осознанно, и это лишь разжигало ее раздражение. В той легкости, с которой он вечно просил прощения, она усматривала что-то покровительственное.

– Несколько старых манориальных записей, предоставленных на время из Гарварда, – сказал он. – Подлинники. Мы должны были закончить с ними сегодня, чтобы отослать назад. Ты же знаешь, как легко забываешь о времени, когда целиком и полностью поглощен чем-то.

Шерон достала из холодильника две салатницы и выставила на стол, уже без подчеркнутого грохота, тут она его понимала.

– «Мы», – только и сказала она.

– Мы с библиографом. Я рассказывал тебе, что она помогает исследованию.

Шерон ничего не ответила.

– Кроме того, – добавил он, – это ведь ты подсказала мне прошерстить подлинные рукописи.

– Знаю. Я не думала, что ты будешь заниматься этим ежедневно.

– Вообще-то через день. – Он пустил в ход оправдания и факты, но напрасно. Дело было не в частоте его уходов. – Напомни, я рассказывал тебе об Эйфельхайме? То есть про то, почему не мог ничего отыскать о нем?

– Это будет в тысячу первый раз.

– Ох. Я догадываюсь, что повторяюсь. Теперь-то это ясно. Ну ладно. *Luchshe pozdno, chem nikogda.*

– Почему ты не можешь просто сказать это по-английски?

Он выглядел озадаченным, и Шерон решила не обратдать на это внимания. Она помешкала мгновение, после чего оба уселись за стол. Она задумывала праздничный обед и была полна решимости сделать так, чтобы таковым он и оказался.

– Я раскусила геометрию Джанатпурова пространства, – сказала она. Она воображала, что воскликнет это от всей души, победным гласом с городских крыш. А получилось угрюмо, в паузе неловкого молчания.

Своей реакцией на новость Том, верно, спас себе жизнь. Он поднял бокал с вином и отсалютовал ей, воскликнув:

– *Sauwobl!*¹¹⁸

И радость Тома была настолько искренней, что Шерон вспомнила: а ведь она уже много лет любит его. Они чокнулись и выпили.

– Расскажи мне об этом, – попросил Том. Он чувствовал себя обязанным за этот неожиданный обед. Он ненавидел угадывать ответы на незаданные вопросы. И все же был явно рад ее успеху, и его просьба не была вызвана лишь желанием перевести разговор с его опоздания на что-нибудь другое.

– Ну, все сошлось совсем внезапно. – Шерон начала медленно, почти неохотно, но по ходу рассказа все больше воодушевлялась. – Поливерсум и Вселенная внутри воздушного шара. Скорость света. Вот почему я так благодарна тебе, даже если твоя помощь была нечаянной.

Том отставал от ее рассуждений на две-три фразы.

– А-а... «Внутри воздушного шара»? Она не слышала его.

– Ты знаешь, как это происходит, когда два не связанных между собой фрагмента информации вдруг сходятся? Когда внезапно обретает смысл масса совершенно разных вещей? Это... Это...

– Божественно?

– Да. Божественно. Та штука о том, что скорость света замедляется? Я проверила, и ты оказался прав.

¹¹⁸ *Sauwobl!* – Чертовски хорошо! {Нем.}

Том опустил бокал на стол и уставился на нее:

– Я шутил. Я всего лишь спускал пар.

– Знаю, но иногда пар проделывает полезную работу. Гери де Брей подметил эту тенденцию в 1931 году, а Стен фон Фризен упомянул о ней в «Заседаниях Королевского общества» в 1937 году. Несколькими годами позже статистик по фамилии Шьюхарт показал, что результаты экспериментов с 1874 по 1932 год статистически не соотносились с константой. Халлидей и Ресник обнаружили, что это все еще верно в 1974 году.

– Я предполагал, что все дело в уточнении измерений.

– Как и я, поначалу. Взгляни на разброс данных Михельсона–Морли.¹¹⁹ Но уточнения бессистемны. Нет постоянно действующей тенденции. Однако использование различных методов...

Том яростно закивал:

– «Измерение определяется операциями, осуществленными в его процессе». Поэтому различные методы дают разные цифры. Это скверно даже в клиологии...

– Верно, – оборвала Шерон Тома, прежде чем он успел лишиться ее удовольствия от триумфа. – Отчасти разноречивость в данных объясняется тем, что физики находили более точные методы. Галилей использовал закрывающиеся заслонками фонари на двух башнях, удаленных друг от друга на милю, и пришел к выводу, что скорость света бесконечна. Но часы тогда не были достаточно точными, и его исходная точка была слишком близка по *расстоянию*. Используя звездную аберрацию, установили, что средняя скорость составляет 299 882 км/с. Но, используя вращающиеся зеркала, среднее значение...

– Михельсон – Морли!

– Среди прочих. Эй, а ты знал, что Михельсон никогда не доверял собственным результатам и позднее, вместе с Галем, утверждал, что обнаружил эфир? При использовании вращающихся зеркал величину скорости света определили в 299 874 км/с; при использовании электронно-оптических дальномеров – 299 793 км/с; при использовании лазеров – 299 792 км/с, предел. Но изменения метода измерения происходили последовательно; в какой мере изменение результатов было обязано методу, а в какой – измеряемому объекту?

На это Том среагировал единственным доступным для него способом:

– Ммм...

– С 1923 по 1928 год в пяти обнародованных измерениях, рассчитанных методами звездной аберрации и многогранных зеркал, средняя скорость света колебалась от 299 840 до 299 800 соответственно.

К этому моменту Том был глубоко погружен в состояние «у меня глаза – на лоб!». Обычно его завораживали вопросы статистики, но слово «завораживали» сегодня не подходило. Его «mmm» перешло в «угу?».

– Но есть небольшая подсказка, – сообщила Шерон. – Ван Фландерн заметил отклонения между орбитальным периодом Луны и атомными часами и выдвинул утверждение, что атомарный феномен замедляется. Но его назвали чудачком,¹²⁰ и никто не воспринял его заявления всерьез. Возможно, что Луна разгоняется. Даже допуская все это, они казались монотонно убывающим рядом, чья асимптота равнялась постоянной Эйнштейна. – Она триумфально сияла, хотя пока она раскрыла только курьез, а не объяснение.

Том перестал уподобляться рыбам:

¹¹⁹ Эксперимент *Михельсона – Морли* (1887) был поставлен Альбертом Михельсоном и Эдвардом Морли и считался наиболее удачным провальным экспериментом, так как он стал первым серьезным свидетельством против теории светового эфира.

¹²⁰ Буквально: крэнком (англ. *crank* – чудак, оригинал).

– Ммм. Поправь, если ошибаюсь, но разве не было достаточных оснований для того, чтобы скорость света *считалась* постоянной? Тот парень, Эйнштейн? Я хочу сказать, я не очень много знаю об этом, но вырос, веруя в маму, яблочный пирог и постоянную «с».

– Вопрос шкалы, – объяснила Шерон, размахивая перед его носом наколотым на вилку огурцом. – Дюгем писал, что закон, удовлетворительный для одного поколения физиков, может оказаться неудовлетворительным для следующего, по мере возрастания точности измерений. Угол наклона сопряжен с массой измерительных погрешностей, так что «с» постоянна «во всех практических нуждах». Черт, для большинства практических нужд мы по-прежнему можем пользоваться физикой Ньютона... Но если мы вернемся к Большому взрыву и вооружимся ею при рассмотрении линейности или проблемы горизонта... Знаешь, – резко вдруг перескочила она, – Дирак пришел почти к тому же, но с другой стороны.

– Не была ли она другой *дифракцией*!

Шерон и вправду была мрачным созданием, и Том спонтанно прибегнул к дешевому юмору, который мог наэлектризовать ее, подобно тому, как кошачья шкурка наэлектризовывается янтарем.

– Не дури, – сказала она. – Дирак обнаружил, что отношение силы электрического взаимодействия к гравитационной энергии пары электрон – протон примерно равно отношению возраста Вселенной ко времени, которое потребуется свету, чтобы пересечь атом.

Том засмеялся:

– Ловлю на слове. – Он снова наполнил вином бокалы. – Хорошо, но возраст Вселенной не постоянен. Он увеличивается...

– Со скоростью одна секунда в секунду. Кто сказал, что путешествие во времени невозможно? Проблема лишь в том, чтобы определить скорость и направление. – У Шерон было чувство юмора. Оно было еще более бесстрастным, нежели чувство юмора Тома. Братья Маркс были более бесстрастны, чем Том. Вино уже порядочно ее разогрело. Не отличаясь особенной деликатностью и чуткостью, Том все же был отзывчивым и доброжелательным; на таких людей бессмысленно сердиться долго, – Возьми еще рыбы, – сказала она, – она полезна для мозгов.

– Тогда две порции...

Они не смеялись вместе уже несколько недель, и разрядка была очевидной. Проблемы порой поглощают нас, но, что еще хуже – они могут разъединять. Было славно соединиться вновь.

– Итак, существует только один момент, когда соотношения Дирака сравниваются, – подсказал Том.

Шерон кивнула:

– Обычно все объясняли совпадением. Антропный принцип гласит, что возраст Вселенной таков, сколько она существует, ибо Вселенной потребуется именно столько времени, чтобы собрать физиков, способных оценить ее возраст. Но подумай... Если пространство и время могут искажаться ради одной-единственной цели поддержания постоянного соотношения – скорости света, – то почему и другие параметры не могут вступать во взаимодействие?

– А? – переспросил Том. Не самый содержательный вопрос, но ей и не нужны были вопросы. Шерон переживала счастливые мгновения. Ничто, как вино, не делало речь столь гладкой, так что слова сами собой вылетали все быстрее:

– Дирак уравнивал две свои пропорции и решил ее для ускорения свободного падения; но его теория о постепенно испаряющейся гравитации в конце концов была опровергнута экспериментально.

– Так ты... решила его уравнение для «с», – догадался Том. Она кивнула.

– А «с» является функцией обратного корня времени, который...

– Который дает уменьшающуюся скорость света, – закончил фразу Том. – Но

асимптота равна нулю, а не постоянной Эйнштейна, *ne c'est pas* ?¹²¹

Шерон махнула рукой:

– Еще не рассчитала все да конца, но коэффициент зависит от массы покоя электрона и протона.

– Что это означает?

– Что коэффициент тоже не является постоянной. Сокращение Лоренца – Фицджеральда. Если «с» сокращается, то что происходит с массой?

– Посрами меня.

– Брось, это же из школьной программы. С увеличением скорости относительно скорости света масса увеличивается. Это же каждый знает. А теперь переверни уравнение. Что изменится, если «с» будет уменьшаться по отношению к скорости?

– Хмм, ничего, я полагаю.

– Верно, Следовательно, масса Вселенной растет. Том похлопал себя по животу:

– А я-то думал, все дело в твоей стряпне

Шерон бросила на него многозначительный взгляд, но Том расплылся в улыбке, заставив ее улыбнуться в конце концов тоже.

– О'кей, я соединю все звенья цепочки. – Она отодвинула от себя тарелку и наклонилась вперед, положив руки на стол. – Скорость равна расстоянию, деленному на время, так? Учебник физики за пятый класс.

– Это где-то сразу за той ерундой Лоренца – Фицджеральда.

– Прекрати острить.

– Ничего не могу с собой поделать.

– Хорошо, Вселенная расширяется.

Он уже хотел было снова похлопать себя по животу, но вовремя спохватился.

– Большой бум. Вселенная сначала была величиной с небольшой мячик, а затем взорвалась, верно? И по сей день расширяется.

– Нет! Это не верно! Это наука в изложении популярных журналов. Ур-блок «взорвался!». Ур-блок «взорвался!». В чем он взорвался, чтобы об этом так громко кричать? Тебе представляются звезды и галактики, разлетающиеся в пространстве; но Ур-блок и был пространством. Галактики стремительно разлетаются *друг от друга*, а не от общего эпицентра. Они не разлетаются дальше в пространстве, это пространство увеличивается *между* ними. Космологическая среда. Улавливаешь? – В глубине души Шерон понимала, что она, пожалуй, выпила уже слишком много вина. Шерон понесло, она и рада была бы остановиться, но не хотела, ибо была чертовски, возбуждающе *счастлива*.

Том покачал головой:

– Космологическая среда... – Внезапно пространство Вселенной представилось ему глазами Аристотеля как нечто полное, а не пустое.

Шерон напирала, пытаясь заставить его понять, ибо ей хотелось приобщить его к своей радости:

– Смотри, вообрази себе галактики в виде точек, нарисованных на оболочке воздушного шара...

Том с торжествующим видом хлопнул по столу:

– Я знал, что в конце концов мы придем к воздушному шару!

– Вообрази себя небольшой плоской букашкой где-то на поверхности воздушного шара. *Это* должно быть нетрудно. Теперь представь, что воздушный шар надувается. Что случится со всеми точками?

Том воздел глаза к висящей над обеденным столом люстре и подергал себя за губу:

– Могу ли я видеть кривизну шара? Шерон кивнула:

– Да. Но она изгибается в двухмерном мире, и ты не можешь заглянуть внутрь шара.

¹²¹ *Ne c'est pas?* – Не так ли? (Фр.)

Том закрыл глаза.

– Все точки разбегаются от меня, – решил он.

– А те точки, что дальше всего?

Он раскрыл глаза и посмотрел на нее с улыбкой:

– Они удаляются быстрее всего. Ай да сукин сын! Так вот почему...

– Астрономы используют скорость красного смещения спектральных линий для измерения расстояния. А теперь бухнись в какой-то другой части шара. Что ты видишь теперь?

Том пожал плечами:

– *Simil atque*,¹²² естественно.

Она взяла со стола небольшую перечницу и передвинула ее между ними. Шерон ткнула в нее пальцем.

– Так как может одна и та же галактика удаляться от точки А... – Шерон указала на себя. – ... И точки В? – Она указала на него.

Том прищурился на суррогат галактики.

– Мы живем на поверхности шара, *hein*?¹²³ Пространство между нами расширяется, так что мы кажемся друг другу разносящимися в разные стороны. – Он был даже более прав, чем думал сам.

– Трехмерное пространство очень причудливого шара. Я назову его «кажущейся вселенной». И твой поливерсум заключен внутри этого воздушного шара.

– Верно. Квантовые измерения – так они называются. Они буквально заключены внутри кажущейся вселенной. Я изучала их ортогональность по теории Джанатпура.

– И скорость света?

– Верно. – Она поставила солонку рядом с перечницей. – Отмерь километр на поверхности шара. Свету потребуется, уф, возможно, треть микросекунды, чтобы покрыть его. Километр, отмеренный на поверхности шара, и километр, воткнутый *внутри* шара, одинаковы. Надуй воздушный шар, и что произойдет?

– Хм. Расстояние *на* поверхности шара увеличится, а расстояние внутри – нет.

– А если скорость света постоянна в *поливерсуме*, какое расстояние прейдет свет за треть микросекунды?

– Ровно один изначально данный километр... Который стал короче твоей километровой отметки.

– Верно. Следовательно, лучу света потребуется больше времени, чтобы покрыть «то же самое» расстояние, что было прежде.

Том потянул себя за нижнюю губу и вновь воззрился на люстру:

– Остроумно.

Шерон подалась еще ближе:

– Все еще хитрей.

– Почему?

– Я могу рассчитать только половину расчетного уменьшения скорости света.

Том посмотрел на нее и прищурился:

– А куда девается другая половина? Она усмехнулась:

– Расстояние деленное на *время*, любимый. А что, если секунды становятся короче? «Постоянный» луч света покрывал бы меньшее число километров «за то же» количество секунд Вся эта ерунда с «палочками» и «часами»... Они не в особом положении, они не вне Вселенной. Когда я делю расширение пространства на сокращение времени и экстраполирую все это на Большой бум – я хочу сказать Большой взрыв – я получаю в конце концов... я

¹²² *Simil atque* – то же самое (*лат.*).

¹²³ *Hein*? – Так? (*Фр.*).

хочу сказать бесконечно долгую секунду и бес-ко-неч-но быструю скорость света – при делении; а это... палка о двух концах, благодаря кинематической теории относительности Милна. Э-спри-меи-льно... Экс-пи-ре-мен-т-льно, ты не сможешь отличить Милна от Эйнштейна. До настоящего времени. Все, пора. – На сей раз она отсалютовала сама себе, осушив остатки вина. Когда она перевернула бутылку, чтобы наполнить его вновь, то обнаружила, что бутылка пуста. Том покачал головой:

– Я всегда чувствовал, что, чем старше я становлюсь, тем быстрее летит время.

* * *

Шерон проснулась с головной болью и приподнятым, неопределенным настроением. Ей хотелось валяться в постели. Ей нравилось ощущать на себе руку Тома. Она чувствовала себя в безопасности. Но головная боль пересилила. Шерон выскользнула из-под Тома – только что-то сопоставимое с извержением Кракатоа могло разбудить его – и на цыпочках прошмыгнула в ванную, где вытряхнула себе на ладонь две таблетки аспирина.

– Ньютон, – сказала она таблеткам. Она потрясла ими в кулаке, словно игральными костями, изучая собственное отражение в зеркале – Чему ты улыбаешься? – Она была женщиной, которая держала себя с чувством собственного достоинства, а прошлым вечером она вела себя образом, который ее решительно не красил. – Ты знаешь, что тебе нравится, когда выпьешь слишком много, – выбрала она свое отражение.

«Конечно, ты знала, – ухмыльнулось зеркало. – Вот почему ты это сделала».

– Чепуха. Ты переставляешь местами причину и следствие. Я хотела отпраздновать свое открытие. Что случилось потом, было побочным результатом.

Ну да, точно. Она проглотила аспирин и запила его водой. Затем, раз уж она встала, Шерон отправилась в гостиную и принялась собирать свою разбросанную одежду. Тарелки в нише для обеденного стола упрекнули ее видом засохшей на них пищи. Теперь она вспомнила, почему не готовила чаще. Она ненавидела беспорядок. Теперь она потратит весь день на то, чтобы отмыть их, вместо того чтобы заниматься физикой.

Ньютон... Так с какой стати сэр Исаак не идет у нее из головы? Он устарел со своей физикой для старых заводных часов. Эйнштейн сделал его частным случаем, равно как она сделает частным случаем Эйнштейна. Но Ньютон говорил, что для изменения скорости требуется сила, которая объясняла бы это.

Итак, если время ускоряется...

Она резко выпрямилась, выронив всю собранную одежду:

– Ба! Ну до чего необычное место, эта Вселенная!

IX

Октябрь, 1348

Фрайбургский рынок

В течение двух недель, что последовали за ужасным откровением Ганса, Дитрих вновь избегал лагеря крэнков; и Ганс тоже не звал его по передающему голос на расстояние устройству, а потому временами он почти забывал о существовании этих тварей. Он попытался даже отговорить от посещений Хильду, но женщина, обретшая ныне непристойную гордость в своем служении, отказалась:

– Их алхимик желает, чтобы я принесла другую пищу, чтобы сравнить и отобрать более подходящее их вкусу. Кроме того, они смертные создания, хотя и омерзительные.

Смертные? Да. Но волки и медведи тоже были смертными созданиями, а никто к ним с легким сердцем не приближался. Он не думал, что Максуде удастся защитить ее, если крэнк возьмет да и ударит.

И все же, крэнки разговаривали и изобретали хитроумные инструменты, так что они явно обладали интеллектом. Могут ли они иметь душу и интеллект, но быть лишенными

воли? Все эти вопросы ставили его в тупик, и он написал запрос, который Грегор должен был доставить архидьякону во Фрайбург.

На День святого Аврелия¹²⁴ герр объявил, что снаряжает обоз на рынок Фрайбурга, чтобы продать вино и шкуры и купить ткани и прочие товары. С этим известием деревню охватила лихорадочная активность. Были выкачены огромные четырехколесные телеги, колеса и крепления осмотрены, упряжь починена, оси смазаны жиром. Селяне тем временем исследовали свои собственные закрома в поисках товаров на продажу и собирали партии шкур, жира, меда, медовухи и вина, как подсказывали им ум и размеры собственности. Клаус поручил Грегору везти общинный фургон.

Дитрих отыскал каменотеса на лугу – тот наблюдал за погрузкой телег.

– Посмотри внимательно, что бочонок привязан крепко, – предупредил Грегор сына. – Добрый день, пастор. У вас есть что-нибудь на продажу?

Дитрих вручил ему письмо:

– На продажу нет, а вот это нужно передать архидьякону Вилли.

Каменотес осмотрел пакет и красную сургучовую печать, на которой Дитрих оставил свой оттиск.

– Выглядит официально, – произнес каменотес.

– Всего лишь некоторые вопросы, которые я хотел ему задать.

Грегор засмеялся:

– Я думал, что вы как раз тот, у кого есть ответы! Вы никогда не идете в город с нами, пастор, Ученый человек, подобный вам, наверняка нашел бы там для себя много интересного

– Возможно, даже слишком много, – ответил Дитрих. – Известно ли тебе, что брат Петр из Апулии однажды ответил, когда его спросили, что он думает об учении Иоахима из Флоры?

Грегор залез под днище телеги и принялся смазывать ось»

– Нет, и что же?

– Он сказал: «Меня так же мало заботит Иоахим, как и пятое колесо в телеге».

– Что? Пятое колесо? Ха ха-ха! Ай, черт побери! – Грегор стукнулся головой о днище. – Пятое колесо! – повторил он, вылезая наружу. – Это смешно. О-ох.

Дитрих повернулся и увидел удаляющегося брата Иоахима. Он устремился было за ним, но Эверард, надзиравший за повозками поместья, поймал его за руку:

– Герр вызвал троих из своих рыцарей служить в качестве охранников, – сказал он, – но он желает, чтобы Макс возглавил отряд пеших воинов. Фалькенштайн не будет грабить обоз, идущий вниз по долине. На что ему мед – разве только подсластить свой нрав? Но возвращающийся обоз может оказаться слишком большим искушением. Все это серебро будет звенеть, словно колокол, созывающий на мессу, и его жадность может пересилить осмотрительность. Макс ушел в *лазаретто*. Возьмите одного из *palefridi* ¹²⁵ герра и поезжайте за ним.

Дитрих махнул в сторону удаляющегося гостя:

– Я должен поговорить с...

– Герр произнес слово «тотчас». Спорьте с ним, а не со мной.

Дитрих не хотел отправляться с визитом к говорящим животным. Кто знает, к каким поступкам приведут их звериные инстинкты? Он бросил взгляд на солнце:

– Макс, должно быть, уже на обратном пути. Эверард скривил рот:

– А может, и нет. Таковыми были указания герра. Никто более не имеет позволения идти туда, слава Всевышнему, чтобы общаться с... ними.

Дитрих запнулся:

¹²⁴ 15 октября.

¹²⁵ *Palefridi* (от *palefridus*) – маршевый конь, верховая лошадь (лат.).

– Манфред рассказал тебе, ведь так? О крэнках? Эверард избегал смотреть ему прямо в глаза:

– Я не знаю, что хуже: встретиться с ними лицом к лицу или только представлять себе их. – Он поежился. – Да, он рассказал мне о них, и Макс, который употребляет свою голову не только на то, чтобы носить шлем, божится, что они смертны. Что до меня, то я должен снарядить обоз. Не мешайте мне. Тьерри и прочие придут завтра, а я не готов.

Дитрих пересек долину к конюшням, где его уже поджидал Гюнтер с прекрасным маршевым конем.

– Мне жаль, – сказал Гюнтер, – что я не могу предложить вам дженет.

Дженет, или испанская порода низкорослых лошадей, разводилась как верховая для женщин и священников и унаследовала от мулов более флегматичный нрав.

Уязвленный, Дитрих проигнорировал подставленные руки Гюнтера и взлетел в седло со стремени. Приняв поводья у изумленного *maier domo*, он погарцевал на коне, чтобы дать понять ему, кто тут хозяин, затем ударил пятками в бока. На нем не было шпор – надевший их простолудин нарушил бы условия Швабского мира, – но конь усвоил урок и резво взял с места.

На дороге Дитрих пустил своего коня рысью, наслаждаясь ритмом движений животного и бьющим в лицо ветром. Давно он уже не ездил на столь прекрасном коне, и на какое-то время его мысли растворились в чистом физическом удовольствии. Но ему не следовало позволять своей гордыне одержать верх. Гюнтер мог озадачиться, как простой бедный священник научился так держаться в седле.

У Манфреда, без сомнения, были свои резоны, но Дитрих предпочел бы, чтобы он не говорил Эверарду о крэнках. Рано или поздно молва просочится наружу, но не было нужды сверлить в бадье все новые отверстия.

* * *

На том месте, где деревья были повалены, он заметил кобылу мельничихи, привязанную к пню, где Хильда оставляла пищу. Других лошадей рядом не было, но, поскольку

Макс не оставил бы Хильду одну, он, должно быть, прискакал на вороном сапожника. Дитрих спешился, стреножил коня и двинулся вперед по оставленным Максом зарубкам.

Хотя солнце и стояло еще высоко, вскоре его окутали зеленоватые сумерки. Сосны и ели вздымались до самого неба, тогда как более скромный по размерам орешник, с ободраным ныне одеянием, переплетался под ними голыми ветвями. Он еще не углубился далеко, как услышал отзывающиеся эхом среди деревьев приглушенные женские вздохи, как будто бы стонал сам лес. Сердце Дитриха заколотилось. Лес, и без того грозный, приобрел еще более зловещий вид. Стенающие дриады вот-вот обнимут его своими холодными голыми пальцами.

Я заблудился, подумал он и в панике стал озираться, ища отметки Макса. Дитрих повернулся, и по щеке больно ударила ветка. Священник ахнул, побежал и наскочил на белую березу. Он закружил, отчаявшись отыскать свою лошадь. Налетев на бугорок, он поскользнулся и упал. Дитрих вжал голову в ковер прошлогодней листвы и мха, ожидая, что лес схватит его.

Но ожидаемого прикосновения так и не случилось, и он понемногу осознал, что стенания прекратились. Подняв голову, он увидел под ним не просвет, где его ожидал конь, а ручей, у которого он и Макс с Хильдой остановились в первый раз. К чахлому дубу, что изгибался с берега потока, стояли привязанными две верховые лошади.

Там были Макс и Хильда, один – зашнуровывающий гульфик на панталонах, другая – одергивающая рубаху. Макс отряхивал листья, грязь и иголки с передника Хильды, лаская при этом ее грудь.

Дитрих отполз назад незамеченным. Макс был прав. В лесу звук разносится далеко.

Затем, приподнявшись, Дитрих пополз назад на четвереньках среди елей, продвигаясь на ощупь с опушек в заросли, пока фортуна не указала ему на зарубки, и, следуя по ним, он вышел к месту, где оставил иноходца.

Дженет, которого он видел здесь прежде, исчез.

* * *

Поскольку Макс уже возвращался в деревню, Дитрих тоже повернул своего коня к дому, радуясь, что ему не пришлось идти до *лазаретто*. Но, достигнув изгиба тропинки, животное заупрямилось. Дитрих сжал брюхо коня коленями, пока тот не сделал нескольких прыжков назад к печи углежогов. Затем конь немного успокоился, пока Дитрих нашептывал животному ласковые слова. Иноходец дико вращал округлившимися глазами и нервно дрожал.

– Успокойся, лошадка, – сказал он ей. Водрузив на место «упряжь для головы», он спросил: – Ганс? Ты на тропинке к печи?

У него в ушах звучал только шум елей и голых ветвей деревьев. Гул деревьев и неизбежный отдаленный стрекот крэнков, который звучал так естественно, что казался уже естественней для этого леса, нежели любовные крики Хильды Мюллер в объятиях Макса Швайцера.

– Не подходи, – сказал голос «домового» у него в ухе. Дитрих остался на месте. Солнце еще виднелось через серое с металлическим отливом кружево деревьев, но уже было ниже, чем ему хотелось бы.

– Ты загородил мне дорогу, – сказал Дитрих.

– Увальневы ремесленники нуждаются в медной проволоке длиной в две сотни шагов. Известно ли тебе искусство вытягивания проволоки – вопрос. Она должна быть вытянута до толщины булавки, без единого разрыва.

Дитрих поскреб подбородок:

– Лоренц – кузнец. Медь, должно быть, вне его искусства.

– Так. Где найти медника – вопрос.

– Во Фрайбурге, – ответил Дитрих. – Но медь дорога. Лоренц, может, и сделает это задаром, но только не член гильдии Фрайбурга.

– Я дам тебе слиток меди, которую мы добыли в горах неподалеку. Всю, что не уйдет на проволоку, кузнец может оставить себе.

– А эта проволока ускорит ваше отправление?

– Без нее мы не сможем уехать. Чтобы выплавить медь из руды достаточно только... тепла. У нас нет приспособлений, чтобы вытянуть ее в проволоку. Дитрих, у тебя нет фразы в голове делать это. Я слышал это с твоих слов. Ты не поедешь в вольный город.

– В том свой... риск.

– Так. Значит, этому твоему «милосердию», этому оброку, который вы должны вашему господину-со-звезд, есть свои пределы. Когда он вернется, он покарает тех, кто пренебрег его распоряжениями

– Нет, – сказал Дитрих. – Не так он властвует. Его пути неисповедимы для людей. – И эта беседа самое лучшее тому доказательство, подумал он. Он бросил взгляд на облака, как будто ожидая узреть в них смеющегося Иисуса. – Ну что ж. Дай мне слиток, и я прослежу, чтобы из него проволочили проволоку.

Но Ганс не стал приближаться к нему и оставил слиток на тропинке.

* * *

На следующий день повозки тронулись через плато к месту сбора, где к ним присоединилась телега из Нидерхохвальда. Тьерри фон Хинтервальдкопф командовал тремя рыцарями, а Макс – пятнадцатью копейщиками. Ойген нес знамя Хохвальда.

Остальные повозки присоединились к ним по дороге: одна с имперского поместья у Прыжка Оленя, а другая – из манора церкви Св. Освальда. Капитул обеспечил их еще двумя пехотинцами, а Эйнхард, имперский рыцарь, прислал своего юнкера с пятью солдатами. Тьерри, видя, как увеличилось его маленькое войско, довольно скалился.

– Клянусь кровью Господней, я уже почти обрадуюсь вылазке Фалькенштайна из Бурга!

* * *

С вершины ущелья Дитрих услышал жуткий шепот, которым разговаривают отдаленные долины – говор, образованный шумящим внизу в голых ветвях и вечнозеленых иголках елей ветром, струящимся по горным уступам ручьем, хором кузнечиков и прочих насекомых.

Колесный путь петлял серпантином вниз по склону Катеринаберга. Неприветливые полосы серого камня и бесплодной земли перемежались стволами истерзанных, обломанных ветром буков.

Дорога дальше лежала в каких-то нескольких сотнях шагов под ними, но виднелась через непреодолимо крутые скаты, так что Дитрих иногда различал идущий практически навстречу авангард. От дороги отходили тропинки, по которым не могли проехать фургоны. Он видел древние вырубленные в скале ступени и спрашивал себя о том, кто мог сделать их.

Вскоре они достигли подножия. Оно представляло собой пустынный овраг, заваленный ломаным хворостом, поваленными дубами и окаймленный по обеим сторонам огромными нависающими скалами и крутыми, поросшими лесом обрывами.

Стремительный горный поток, питаемый низвергающимися с вершин водопадами, с шумом и свистом разбивался о скалы, обращая в грязь то, что и до того мало походило на дорогу.

– Это Прыжок Оленя, – произнес Грегор, указывая на горную породу, выдававшуюся над ущельем. – Легенда гласит, что охотник преследовал оленя в окрестных лесах, и животное перепрыгнуло с того утеса на другую сторону Брайтнау. Вы видите, как сжимается здесь долина? И все же, говорят, это был чудесный прыжок. Охотник так увлекся погоней, что попытался последовать за зверем, но с менее счастливым результатом.

* * *

Бург Фалькенштайн, высившийся на одном из обрывов, крепко сжимал ущелье. Сторожевые башенки унизывали замковую стену, словно бородавки жабу, и прорезались крестообразными баллистрариями, открывая амбразуры для скрытых лучников. Между зубцами стен виднелись дозорные, их насмешки на расстоянии было неразличимы. Отряд излучал безразличие, но щиты невольно поднимались повыше, а руки крепче сжимали украшенные флажками пики.

– Эти собаки не осмелятся на вылазку против рыцарей, – сказал Тьерри, после того как войско миновало замок, подвергшись лишь незлобным колкостям. – Они достаточно искусны, чтобы ловить монахинь или жирных купцов, но не выстоят в настоящем сражении.

На выходе из ущелья поток успокоился и превратился в журчащий ручей, а узкая долина раздвинулась зелеными лугами. На горной вершине над сельской равниной нависала квадратная башня.

– Дозорная башня Фалькенштайна, – объяснил Макс. – Его бургграф шлет оттуда сигналы в замок, если в ущелье входит достойная грабежа добыча. Затем Фалькенштайн из замка преграждает едущим путь вперед, тогда как его люди из дозорной башни отрезают дорогу назад.

* * *

В более широкой, покато́й долине Кирхенгартнер путь из ущелья Фалькенштайна встречался с большой дорогой на Фрайбург. На ночь хохвальдцы поставили свои фургоны кругом и развели костры. Тьерри назначил людей в дозор.

– Здесь достаточно безопасно стоять лагерем, – сказал Макс Дитриху. – Если фон Фалькенштайн сделает вылазку сюда, он должен будет ответить перед графом Ураха, а это значит Пфорцхайма, и всей семьей правителей Бадена.

– В прежние времена, – сказал Дитрих Грегору за ужином, – все караваны были подобны этому. Торговцы вооружались луками и мечами и были скреплены между собой клятвой,

– Клятвой? – спросил Грегор. – Как рыцарский орден?

– Очень похоже. Это называлось *ганзой* или, на французском, «компанией», поскольку они «делили хлеб». *Schildrake* нес знамя во главе отряда – в точности как Ойген – и *hansgraf* правил над своими братьями-купцами.

– Как Эверард.

– *Doch*. За исключением того, что караваны в те дни были намного крупнее и путешествовали от ярмарки к ярмарке.

– На этих ярмарках, должно быть, было на что посмотреть. Иногда мне жаль, что я нежил в стародавние времена. Было ли тогда рыцарей-разбойников больше, чем ныне?

– Нет, но тогда с севера грозили викинги, мадьяры – с востока, а сарацины – из своей твердыни в Альпах.

– Сарацины в Альпах?

– В Гард-Френэ. Они хищничали среди купцов и паломников, курсировавших между Италией и Францией.

– А ныне нам приходится идти в Святую землю, чтобы сражаться с ними!

Тьерри повернул голову и проворчал без тени шутки.

– Если султану угодно напасть на меня, я знаю, как защититься, но, если он оставит меня в покое, я не буду его тревожить. Кроме того, если Бог повсюду, зачем идти к Иерусалиму, чтобы найти его?

Дитрих согласился:

– Вот почему мы ныне поднимаем просфору после консекрации. Так народ узнает, что Господь повсюду.

– Ну, в этом я несведущ, – продолжил Тьерри, – но если Иерусалим был столь свят, то почему так многие вернулись оттуда еще более порочными? – Он мотнул головой в сторону входа в ущелье. – Вы слышали легенду о нем?

Дитрих кивнул:

– Дьявол освободил его предка из сарацинского плена ценой его души.

Тьерри собрал кусочком хлеба соус по своей тарелке.

– К этому есть что добавить. – Рыцарь отставил блюдо в сторону, и юнкер подобрал его, чтобы вымыть.

Сидевшие у огня активно выражали любопытство, поэтому рыцарь вытер руки о колени, оглядел лица вокруг и начал свой рассказ:

– Первым из Фалькенштайнов был Эрнст фон Швабен, добрый рыцарь, отмеченный многими мужскими добродетелями – за исключением того, что Небеса отказывали ему в сыне, который мог бы сохранить его имя в последующих поколениях. Он принялся упрекать Небеса за это, чем тяжко печалил свою набожную супругу.

Во сне услышал он голос, и тот сказал ему, что для того, чтобы примириться с Небесами, он должен совершить паломничество на Святую землю. Гордый граф был напуган этой ужасной карой, но в конце концов подавил свои собственные желания и отправился с Барбароссой во второе великое королевское паломничество.¹²⁶ Перед отъездом он разломил

¹²⁶ Третий крестовый поход (1189–1192).

свое обручальное кольцо надвое и, оставив себе одну половинку, сказал жене, что если не вернется через семь лет, ей следует считать себя не связанной узами их брака.

Ну, германское войско хлебнуло горя, а Рыжебородый утонул; но Эрнст достиг Святой земли, где его меч обрел славу среди неверных. В одной из битв он был взят в плен султаном. На каждое новолуние его захватчик предлагал ему освобождение, достаточно только Эрнсту было перейти в магометанскую веру. Естественно, тот отказывался.

Так прошли годы до самого того дня, когда султан, впечатленный рыцарским духом и стойкостью Эрнста, не дал ему свободу. Эрнст брел через пустыню неустанно на заходящее солнце, пока одной ночью во сне к нему не явился дьявол.

– Ха! – сказал Грегор в отблесках костра. – Я знал, что где-то здесь скрывается дьявол. – Сервы, управлявшие помещичьими повозками, перекрестились при упоминании ужасного имени.

– Нечистый напомнил Эрнсту, что наутро пройдет седьмой год с его отплытия, и его жена выйдет замуж за его двоюродного брата. Но Сатана пообещал доставить его домой засветло, и притом он не потеряет свою душу – *при условии*, что он проспит все путешествие. Так он заключил свой договор с нечистой силой.

Дьявол оборотился львом и с рыцарем на спине взлетел высоко-высоко над землей и морем. Испуганный Эрнст закрыл глаза и заснул – пока соколиный крик не разбудил его. В страхе взглянул он вниз – а там стоит его замок. В замок входила свадебная процессия. С диким воплем злой дух ринул его на землю и исчез.

На пиру *графиня* Ида заметила сего странника, не сводившего печальных глаз с ее лица. Когда он осушил свой кубок, он вручил его слуге, чтобы передать госпоже. Она заглянула в чашу и увидела... половинку кольца.

Все испустили вздох удовлетворения. Тьерри продолжил:

– Запустив руку за корсаж, она достала вторую половинку кольца и радостно бросила его в кубок. Так две половинки соединились, а жена была заключена в объятия мужа. Год спустя она родила ему дитя. И вот почему на их родовом гербе появился сокол.

Эверард промолвил:

– Можно понять, как человек согласился заключить подобную сделку.

– Нечистый всегда предлагает нам меньшее благо, – сказал Дитрих, – в надежде отвернуть наши сердца от большего. Но человек не может потерять свою душу при помощи обмана.

– Кроме того, – добавил Тьерри, оглядывая с удовлетворением публику, – Эрнст, быть может, и был святым, а Филипп так и останется разбойником.

– То был романтический век, – предположил Грегор. – Эти рассказы, что я слышал о Рыжебородом и английском короле...

– Ричарде Львиное Сердце, – сказал Дитрих.

– Они знали толк в том, как называть своих королей тогда! И Людовик Святой.¹²⁷ И тот благородный сарацин, который был другом и противником Львиного Сердца, как его звали?

– Саладин.¹²⁸

– Благороднейший рыцарь, – прокомментировал Тьерри, – несмотря на то, что был неверным.

– И где они теперь? – сказал Дитрих. – Только имена в песнях.

Тьерри осушил свой кубок и передал его юнкеру, чтобы тот наполнил вновь.

¹²⁷ *Людовик IX Святой* – король Франции с 1226 по 1270 г. Канонизирован в 1297 г. буллой папы Бонифация VIII.

¹²⁸ *Салах ад-Дин* (1138–1193) – султан Египта и Сирии (1174–1193). Основал династию Айюбидов.

– И песни достаточно.

Грегор мечтательно запрокинул голову.

– Но это действительно было бы...

– Что?

Каменотес пожал плечами.

– Я не знаю. Славно. Освободить Иерусалим.

– Да, верно. – Дитрих замолчал на мгновение, так что Грегор оборотился к нему. – Первый, кто принял крест, сделал это из сострадания. Турки разрушили церковь Святого Гроба Господня и мешают нашим паломникам прикоснуться к святыням. Они не так терпимы как арабы, которые удерживали Святой Град до них. Но я думаю, что многие пошли также ради земли, и мираж вскоре потускнел. Легаты не могли найти достаточно добровольцев, а потому Земля за морем лишилась подкреплений. Регенсбуржцы нападали на тех, кто нашивал крест, а кафедральное собрание каноников в Пассау призвало к «священной войне» против папского легата, когда тот прибыл набрать добровольцев. Грегор запрокинул голову и засмеялся.

– Прыжок Оленя.

– Что?

– Ну, рыцари, изгнав сарацин из Альп, в охотничьем запале попытались допрыгнуть сразу до Заморья!

* * *

Хохвальдцы въехали во Фрайбург через Швабские ворота, уплатив сборщику дорожной пошлины обол за каждую шкуру и четыре пфеннига за каждую бочку вина. С меда Вальпургии взыскали четыре пфеннига *sauma*.

– Все облагается пошлиной, – бурчал Грегор, пока они проезжали под воротами, – за исключением доброго пастора.

Отряд въехал на маленькую площадь Оберлинден и направился к таверне под вывеской «Красный медведь», где Эверард уговорился насчет ночлега.

– Хотя вы, святой отец, вероятно, захотите остановиться в собрании каноников у церкви Пресвятой Богородицы.

– Как всегда придерживает каждый пфенниг, – воскликнул Грегор, спуская корзины с телеги и ставя их рядом с воротами на постоялый двор.

– Тьерри и Макс забрали своих людей в замок, – возразил управляющий, указывая на каменную твердыню, громоздившуюся на востоке города. – Достаточно и того, что приходится делить постель с подобными этому болвану, – показав большим пальцем на каменотеса, – но, чем меньше тел мы набьем в нашу комнату, тем с большим удобством мы расположимся. Грегор, отведи пастора к фрайбургскому мюнстеру и заплати цеху за место на рынке. Выясни, куда должны встать наши телеги. – Он бросил Грегору небольшой кожаный мешочек, и каменотес поймал его на лету, звякнув монетами.

Грегор засмеялся и, взяв Дитриха под локоть, увлек его за собой с постоялого двора.

– Я помню время, когда Эверард был всего лишь простым крестьянином, подобным всем остальным, – сказал Грегор. – Теперь же он чванится, – Он огляделся и указал на колокольню, возвышавшуюся над крышами скромных домов на северной стороне Оберлинден. – Сюда.

Они сразу попали в толпу. Торговцы, солдаты и цеховые мастера в богатых шубах из куницы; тут же подмастерья, несущиеся сломя голову по делам своих мастеров; шахтеры с Рудной горы, обеспечивавшей городу его доход с олова и серебра; провинциальные рыцари, глазающие с раскрытым ртом на здания и городскую суету; прядильщицы из Брейсгау, волочащие корзины ниток для ткачей; мужчины, пропитанные сырым запахом реки и с балансирующим на плече длинным шестом, с которого свисали гроздья капающей водой рыбы; «серый монах», пересекающий площадь по направлению к августинцам.

Город был основан во время великой серебряной лихорадки сто пятьдесят лет назад. Скрепленная клятвой группа купцов распродала земельные участки размером пятьдесят шагов на сто за ежегодную ренту в один пфенниг каждый, в обмен на которую каждый поселенец получал его в наследственное владение, а также право пользования общинными землями и торговли на рынке, освобождение от пошлин и право избирать *майера* и старост. Вольности привлекали зависимых и свободных со всей сельской округи.

С Соляной улицы по узкому переулку они прошли на улицу Сапожников, пропитанную едким запахом кожи и выделанных шкур. Небольшие ручейки текли по каналам вдоль улиц – успокаивающий и очищающий звук.

– Какой огромный город! – воскликнул Грегор. – Каждый раз, когда я сюда приезжаю, он кажется все больше.

– Не такой огромный, как Кельн, – сказал Дитрих, всматриваясь в лица прохожих: у кого первого расширятся глаза при узнавании его, – А тем более Страсбург.

Грегор пожал плечами:

– А по мне так в самый раз. Знали ли вы Авбереду и Розамунду? Нет, это случилось еще до вашего приезда. Они были сервами, совместно владевшими мансом близ Унтре-баха, который они сдавали батраку... – я забыл его имя. Он сбежал на «Дикий Восток», стал кюхкнехтом – погонщиком коров – на одном из тех больших перегонов скота. Я полагаю, он живет ныне в одном из «новых городов» по фламандскому праву и сражается со свирепыми славянами. О чем я говорил?

– Авберед и Розамунда.

– Ах да. Две ленивые работницы и шельмы. По крайней мере, Авберед была шельмой. Мой отец всегда пересчитывал свои пальцы после того, как жал ей руку. Ха-ха! Пока батрак возделывал их землю, они обрабатывали виноградники, принадлежавшие Хейсо – брату Манфреда, который тогда владел Хохвальдом. Они уговорили его даровать им во владение склад близ Обербеха, равно как и часть виноградников на паях в рост. Через несколько лет они достаточно преуспели, чтобы Хейсо даровал им все в качестве пожизненного дохода – манс, виноградник, склад, плюс ко всему телегу и несколько фламандских ломовых! Наконец, устав от работы на паях, они убедили Хейсо изменить договор об аренде. С доходов они купили дом во Фрайбурге, и в один прекрасный день перебрались туда без долгих прощаний.

– Выкупили ли они свою свободу? Каменотес пожал плечами:

– Хейсо так и не послал никого за ними, и через год и один день по заведенному обычаю они были свободны. Он сдал в аренду их наделы Фолькмару, что было в его праве, – в конце концов, это была господская земля; но женщины продолжали присылать своего работника возделывать арендуемый ими виноградник, так что я думаю, каждый был доволен тем, как все устроилось.

– Одним сервом меньше, – сказал Дитрих, – одним выморочным мансом, перешедшим к сеньору, больше. Деньги ценятся больше) чем ручной труд. Жители манора когда-то звались *familia*. Теперь все – вопрос денег и выгод.

Грегор хмыкнул.

– Денег всегда недостает, если вам угодно знать мое мнение. Вот она, Мюнстерплац.

На площади было шумно от звона молотков, скрипа шкивов, хлопанья парусины и ругани работников, воздвигающих рыночные павильоны. Над ними, над площадной суетой парил великолепный собор из красного песчаника. Его строительство началось вскоре после того, как был спроектирован город, и церковный неф был отстроен в стиле того времени. Алтарная часть храма и трансепт¹²⁹ были пристроены позднее в современном стиле,¹³⁰ но

¹²⁹ *Трансепт* – поперечный неф готического собора.

¹³⁰ Имеются в виду, видимо, романский и готический стили.

так искусно, что это не разрушало общего облика. Снаружи стены были украшены статуями святых под защитными каменными покровами. Под карнизом злобно глазели и разевали пасти современные горгульи, из которых во время дождей извергалась сбегающая с крыши вода. Колокольня вздымалась над их головами на три сотни шагов. Стены прорезали высокие, украшенные сверкающими витражами окна – столь многочисленные, что крыша, казалось, парила безо всякой опоры!

– Я думаю, как бы вся эта громада не рухнула под собственной тяжестью, – сказал Дитрих. – В Бове алтарный свод был всего сто пятьдесят шесть шагов в высоту, а он рухнул и погреб под собой строителей.

– Когда это произошло?

– Ох, лет шестьдесят назад, я думаю. Я слышал, как об этом толковали в Париже.

– То были более примитивные времена – да и каменщики были французские. Им нужен был весь этот свет потому, что галерея в прежнем стиле не справлялась с освещением внутреннего пространства. Но, как вы сказали, самой стены недостаточно, чтобы удержать на себе крышу. Поэтому они используют опорные колонны, чтобы подпереть стены и распределить вес купола. – Грегор указал на ряд внешних пилястр.

– Ты каменотес, – сказал Дитрих. – Я слышал, что парижане закончили свой огромный собор Богоматери три года назад. Я не думаю, что этот собор уже достроен. На башне не хватает шпиля. Рынок на той стороне площади? Я думаю, тебе следует сходить туда договориться, чтобы нам отвели место. В какой стороне находится монастырь францисканцев?

– Прямо через Соборную площадь на другом конце главной улицы. А зачем?

– У меня сделанный Лоренцем крест для них, и я думал заодно передать весточку об Иоахиме.

Грегор усмехнулся:

– Почему бы не передать им самого Иоахима?

* * *

Монахи храма Св. Мартина устраивали рождественские ясли в святая святых. Начало обычаю воздвигать рождественский вертеп положил Франциск Ассизский, и популярная традиция в конце концов докатилась и до германских земель.

– Мы начинаем размещать фигурки после Мартынова дня, – объяснил настоятель. Праздник св. Мартина отмечает в народном календаре начало рождественской поры, хотя и не в литургическом. – Сначала животных. Затем, на рождественскую всенощную – Святое семейство; на Рождество – пастухов и, наконец, на Елифанию – волхвов.

– Некоторые святые отцы, – сказал Дитрих, – относили Рождество к марту, что было бы логичней, чем декабрь, если пастухи пасли свои отары ночью.

Монахи прервали свои занятия, переглянулись и засмеялись.

– Значение имеет то, *что* случилось, а не *когда*, – пояснил настоятель.

Дитриху нечего было ответить. Подобная историческая ирония могла вызвать дискуссию у студентов в Париже, а он уже не студент, да и здесь не Париж.

– Календарь в любом случае неправилен, – сказал он.

– Как доказали Бэкон и Гроссетест, – согласился настоятель. – Мы, францисканцы, вовсе не отстали в натурфилософии. «Только человек сведущий в природе постигнет Святой Дух, ибо он раскрывает то, в чем таится Святой Дух, – в сердце природы».

Дитрих пожал плечами:

– Я хотел лишь пошутить, а не подвергнуть критике. Все говорят о календаре, но никто не может зафиксировать его. – На деле, поскольку вочеловечивание Иисуса Христа означало начало новой эры, оно символически выпадало на 25 марта, праздник Нового года, а 25 декабря неизбежно выпадало на девять месяцев позже. Дитрих кивнул на ясли: – В любом случае, милое представление.

– Это не «милое представление», – укорил его настоятель, – а грозное и торжественное предупреждение могущественным: узри Господа твоего – бедное и беспомощное дитя!

Держась несколько сзади, Дитрих позволил настоятелю и аббату сопровождать себя до вестибюля; процессия двигалась медленно, ибо аббат, пожилой человек с клоками седых волос, опоясывающих тонзуру, прихрамывал.

– Спасибо тебе, что донес до нас слово о брате Иоахиме, – сказал аббат. – Мы известим братство в Страсбурге. – Он остановился в задумчивости. – Благочестивый мальчик, насколько я помню. Я надеюсь, ты вразумил его опасностям невоздержанности. Спиритуалистам немного сдержанности не повредит. – Аббат искоса глянул на настоятеля. – Скажи ему, что примирение может быть достигнуто. Марсилиус мертв. Ты слышал, я полагаю. Они все мертвы теперь, за исключением Оккама, а он готов к примирению с Климентом. Он поедет в Авиньон и испросит прощения. Дитрих внезапно остановился:

– Оккам. Вам известно когда? – Он не мог себе представить Уилла, просящего у кого-либо прощения.

– Весной. Орден соберется и составит формальную просьбу. Климент найдет способ принять его назад в лоно Церкви, не делая излишне очевидным то, что глупый Иоанн должен был изгнать его. – Аббат покачал головой. – Михаил и прочие зашли слишком далеко, обратившись к императору. Наше дело не управлять делами королей, но лишь печься о бедных и смиренных.

– Это, – сказал Дитрих, – как раз может потребовать от вас управлять делами королей.

Старик помолчал чуть дольше обычного, после чего мягко спросил:

– Вразумлен ли *ты* об опасностях невоздержанности, Дитль?

* * *

Возвращаясь к собору Богоматери, Дитрих заметил, что одна из торговек рыбой, случайно взглянув на него, вдруг прервала свою работу и замерла. Он задрожал под порывом ветра, накинул капюшон и поспешил дальше. Когда он бросил взгляд назад, она завязывала палаточный трос. Скорее всего, ему лишь привиделся интерес в ее взгляде. Люди давно обо всем забыли.

Страсбургский диоцез охватывал Эльзас, Брейсгау и большую часть Шварцвальда; но архидьякон, живущий во Фрайбурге, говорил от имени епископа. Дитрих нашел его молящимся в часовне Искупления грехов человеческих и подумал, что это добрый знак – обнаружить человека столь высокого положения на коленях.

Когда архидьякон осенил себя крестным знаменем и поднялся, он заметил Дитриха и воскликнул:

– Дитрих, старина! Как поживаешь? Я не видел тебя с самого Парижа. – Он говорил мягким голосом, был учтив в обращении и смотрел с упорной настойчивостью.

– У меня теперь приход в Хохвальде. Не такой большой, как у тебя, Вилли, но зато тихий.

Архидьякон перекрестился:

– Видит Бог, ты прав. Здесь было слишком много волнений за последние несколько лет. Сначала сражающиеся за корону Людвиг и Фридрих, затем бароны – Эндиген, Юзенберг и Фалькенштайн, – опустошавшие Брейсгау в течение шести лет по одному Богу известной причине... – Он сделал жест рукой в сторону часовни Искупления грехов человеческих, которую бароны построили в знак примирения. – ...Затем «кожаные руки», сокрушающие, жгущие и вешающие на своем пути. Так безумие передалось от верховных властителей к власти предрержащим и потом простому люду. Следует возблагодарить Господа за эти десять лет мира – Господа и Швабскую Лигу. Фрайбург и Базель навязали ныне мир баронам, а Цюрих, Берн, Констанц и Страсбург присоединились, как ты слышал, быть может. Пойдем пройдемся. Ты слышал что-нибудь об Ауреоли, или Буридане, или ком-либо еще? Пережили ли они чуму?

– Не слышал. Мне сказали, Оккам собирается примириться с папой.

Вилли усмехнулся и подергал за свою черную с проседью бороду:

– Пока не вяжется в новую ссору. Он, должно быть, дремал, когда его класс обсуждал «Благословенны мирные». Или, может быть, францисканцы не учат этому в Оксфорде.

В главном нефе купол над головой, казалось, бесконечно вздымался ввысь, и Дитрих понял, что Грегор имел в виду, когда говорил об освещении внутри храма. Подле входа в колокольню стояла прекрасная статуя Девы Марии с двумя ангелами по бокам, изваянная по канонам предшествующего столетия. Витражи в окнах были современными, за исключением небольших круглых витражей в южном трансепте, которые также были выполнены в прежнем стиле.

– Меня беспокоит один теологический вопрос, ваша милость.

– Должно быть, и впрямь беспокоит, если я вдруг стал «вашей милостью». В чем он заключается?

Дитрих передал ему пакет и кратко объяснил свои мысли относительно крэнков, которых он описал только как странников ужасной наружности, управляемых в большей мере инстинктами, нежели разумом. Может ли народ, управляемый таким образом, иметь душу?

– Если рискуешь ошибиться, – сказал Вилли, – то лучше склоняться к хорошему. Предполагай, что у них есть души, пока не подтвердится обратное.

– Но недостающий разум...

– Ты придаешь разуму слишком большое значение. Разум – и воля – всегда уязвимы. Подумай о том, как человек отдернет руку из пламени, не рассудив сперва *sic et non*.¹³¹ Подчинение привычкам и условиям не исключает у живого существа наличие души.

– А что, если существо имеет звериное, – рискнул Дитрих, – а не человеческое подобие?

– Звериное!

– Свины, например, или лошади, или... или кузнечика. Вилли засмеялся:

– Такой поверхностный спор! Звери обладают душой, подобающей им.

– А если звери могут говорить, создавать инструменты и... Вилли резко остановился и вздернул голову.

– К чему так беспокоиться, Дитль, из-за *secundum imaginationem*?¹³² Подобные вопросы составят хорошую школьную головоломку по логике, но они не имеют практического значения. Мы были сотворены по образу и подобию Божьему, но Бог не имел физического тела.

Дитрих вздохнул, и Вилли положил ладонь на его руку:

– Но ради прежних парижских дней я обдумаю этот вопрос. В этом проблема школ, знаешь ли. Они учат практическим наукам: магии, алхимии, механике. Вся эта диалектика подвешена в воздухе. – Архидьякон помахал рукой над головой, подрагивая кончиками пальцев. – Ну, народ ничего так не любит, как хороший спор. Помнишь толпы на еженедельных открытых диспутах? Я скажу, каковы мои первые суждения. – Архидьякон поджал губы и поднял вверх указательный палец. – Душа есть форма тела, но не так, как статуя имеет очертания *formation*¹³³ *terminatio materiae*,¹³⁴ ибо *форма* не существует

¹³¹ *sic et non* – да или нет (лат.).

¹³² *Secundum imaginationem* – рассуждения согласно воображению. Схоластический термин, обозначающий мыслительные эксперименты (лат.).

¹³³ *Formatio* – дословно: форма, формация (лат.).

¹³⁴ *Terminatio materiae* – дословно: окончание предмета, граница объекта (лат.).

отдельно от *материала*. Нет белизны без белого *объекта*. Но душа не форма в прямом значении этого слова, и, в частности, не очертание материи передает ее сущность. Следовательно, очертания сущего не воздействуют на его душу, ибо тогда что-то более низкое управляло бы чем-то более высоким, что невозможно.

– Венский собор постановил иначе, – подсказал Дитрих. – Девятый параграф провозглашал, что душа является формой, как и любая другая форма.

– Или представляется таковой. Бедный Петр Ауресли. Он так старался примирить это положение с учением отцов Церкви, но вот что происходит, когда ты позволяешь комитету любителей бесплодно проводить время над подобными предметами. А теперь, Дитль, обними меня, и я тебя оставлю, чтобы обдумать твою проблему.

Оба обнялись на несколько мгновений, потом облобызались.

– Да пребудет с тобой Господь, Вилли, – сказал Дитрих на прощание.

– Ты должен чаще навещать Фрайбург, – ответил архидьякон.

* * *

Выйдя из собора, Дитрих вытянул шею, рассматривая горгулий на карнизе, пока не отыскал ту, о которой упоминал Грегор: демон, уцепившийся за стены неестественно длинными конечностями и отставивший свой зад над площадью. На лапах были устроены стоки, которые направляли дождевую воду через его задний проход прямо на рыночную площадь внизу. В народе его прозвали «Сруном».

Смех Дитриха привлек внимание неопрятной дамы, торгующей копченой рыбой в близлежащей палатке на площади.

– Добрый 'те день, пастор, – сказала она с эльзасским акцентом, – Держу пари, там, откуда ты приехал, нет ничего похожего на собор Богоматери.

– Да. Ничего похожего. Но и здесь тоже нет ничего похожего на то, откуда прибыл я.

Женщина бросила на него многозначительный взгляд:

– Все наоборот, да? Я знавала одного такого мужчину, о да. Я могла показать ему прекрасную зарю, а он цитировал какое-то парижское светило, считавшее, что, быть может, это Земля вращается вокруг Солнца. На вещи всегда можно взглянуть с иной стороны. – Она вздернула подбородок и изучила лицо Дитриха. – Я видела 'тя прежде, и ты как-то помогал ему... Подойди, положи сюда свою руку. То, что я никогда не забуду, так это прикосновение его руки к моей груди.

Дитрих отшатнулся, и женщина засмеялась:

– Но он не был холоден как рыба, – сказала она. – Нет, он никогда не гнушался этих сладостей. Во всем их разнообразии, а? – Она засмеялась вновь, но смех ее постепенно угас. Когда Дитрих повернулся уйти, он успел сделать всего несколько шагов, прежде чем голос торговли пригвоздил его к месту: – Они ищут его, – сказала она. – Быть может, не так, как я, ибо они хотят его повесить, а я хотела совсем иного. В любом случае, он неподходящий мужчина для меня, он так изящно изъяснялся. Они уже ищут не так рьяно, но, быть может, все же повесят, если он попадется им в руки.

Дитрих поспешил пересечь площадь к Масляному переулку, где нырнул в лабиринт улиц, ведущих к Швабским воротам. В последний момент он бросил взгляд назад и увидел, что к торговке рыбой присоединился мальчик – темноволосый парень лет двенадцати, проворный и хорошо сложенный, в рыбацкой робе. Дитрих помедлил еще мгновение, но, хотя мальчик и заговорил с матерью, он не поднял на нее взгляда, так что Дитрих так и не увидел его лица.

* * *

В течение нескольких дней, пока шумел рынок, Дитрих избегал появляться на Соборной площади. Он условился с медником вытянуть из привезенного слитка нить.

– При условии, сказал ему Дитрих, – что вы вытянете ее достаточно тонкой, чтобы она прошла через вот это ушко. – И он передал предмет, который дали ему крэнки.

Кузнец присвистнул:

– Отверстие исключительно тонкое, но логично, что, чем тоньше будет нить, тем меньше меди я истрачу, так что у меня определенно будет стимул, – Он отрывисто засмеялся. Позади него на качелях сидел подмастерье с щипцами для протягивания проволоки и наблюдал, как торгуется его мастер.

– К какому сроку будет сделана работа?

– Я должен протянуть проволоку в несколько приемов, так, чтобы она не затвердела. Видите, сначала я размягчаю ее на огне и отбиваю кусок материала по волоочильному каналу. Затем мой подмастерье зажмет его щипцами и будет раскачивать туда-сюда, с каждым взмахом вытягивая проволоку через отверстие. Но я не могу вытянуть ее такой тонкой сразу, иначе струна лопнет. – Дитриха не интересовали подробности работы медника. – Ведь, если она порвется, концы не скуешь молотом воедино. – Медник взирал на слиток с тайной алчностью. – Две сотни шагов... Три дня.

Через три дня ярмарка завершится, и Дитрих сможет покинуть город, полный излишне любопытных глаз. – Это подходит. В назначенный срок я вернусь.

* * *

Он договорился также со стекольщиком о стоимости ремонта разбитых окон церкви, и тот пообещал весной подняться в горы.

– Я слышал, на вас там напала саранча, – сказал стекольщик. – Будет плохой урожай. Парень из монастыря Св. Блеза сказал, что по всему Катеринабергу он слышал стрекот саранчи. – Стекольщик поразмыслил еще немного и добавил, хитро подмигнув: – И он сказал, что монахи Св. Блеза изгнали демона. Тварь безобразного вида повадилась к ним в кладовые воровать еду. Так монахи одной ночью устроили ей западню и изгнали при помощи огня. Демон сбежал по направлению к Фельдбергу, но монахи таким же геройским образом спалили у себя полкухни. – Он расхохотался, запрокинув голову. – Сожгли полкухни у себя. Уф. Твои живут недалеко от Фельдберга, Ты не видал, там эта тварь гнездышко не свила?

Дитрих отрицательно покачал головой:

– Нет, ничего такого мы не видели, Стекольщик подмигнул:

– Я думаю, что монахи отмечали праздник сбора урожая. Под этим делом я и сам полно демонов перевидал.

* * *

Когда ярмарка завершилась, фургоны отбыли в Хохвальд с кошельками монет, кусками ткани и удовлетворенной улыбкой на устах Эверарда. Дитрих не уехал с ними, ибо обещание медника оказалось чересчур оптимистичным.

– Это просто требует другого способа волочения, – на стаивал мастер, – отверстие слишком маленькое, так что проволока постоянно рвется. – К такой завуалированной просьбе согласиться на более толстую нить Дитрих остался глух.

Ему не нравилась эта задержка, однако без проволоки крэнки останутся здесь навсегда, а он уже ясно мог себе представить, что это будет означать. *Они, быть может, все же повесят его, если он попадется им в руки.* Он жил в доме у часовни при соборе, обедал с Вилли и другими священниками, но никогда не выходил через южные ворота и не рисковал приближаться к реке Дрейзам, где вдоль высохшего по осени потока тянулись рыбацкие хижины. Он молился за женщину и ее мальчика – и за ее мужа, если она нашла себе такого, – и еще о том, чтобы он мог, по крайней мере, вспомнить ее имя. Время от времени он спрашивал себя, не ошибся ли в сути скабрёзных шуток торговли. Все это как будто

произошло не с ним. Все это похоронено под руинами стен Страсбурга, раздавлено копытами эльзасской кавалерии, вдали от Брейсгау. Потребовалось бы слишком много совпадений, что привели бы ее сюда. Слишком безжалостен тогда должен быть Господь.

* * *

Наконец, на день поминания св. Пирмина с Райхенау¹³⁵ проволока была готова, и Дитрих покинул город с партией шахтеров, направлявшихся к Рудной горе. Он сопровождал их, пока их дороги не разошлись у поворота на север к долине Кирхгартнер. Здесь он обнаружил караван из Базеля, ведомый евреем по имени Самуэль де Медина, состоявшим на службе герцога Альбрехта.

Дитрих считал де Медину скользким и надменным, но у того был большой отряд вооруженных телохранителей, нанятых во Фрайбурге и шествующих под командой капитана Габсбургов с охранной грамотой, подписанной Альбрехтом. Дитрих проглотил свою гордость и поговорил с управляющим еврея, Элеазаром Аболафией, который, как и его хозяин, говорил на испанском, сильно перемешанном с ивритом.

– Я не запрещаю вам идти с нами, – сказал ему тот с видимым раздражением, – но, если вы не сможете поспеть за нами, мы вас бросим.

* * *

Караван выступил на следующее утро, сопровождаемый звоном упряжи и скрипом колес повозок. Де Медина ехал верхом на подходящем его туше дженете, тогда как Элеазар сидел на облучке фургона, везущего массивный дубовый ларец. Впереди отряда ехало два тяжеловооруженных всадника, и столько же его замыкали. Остальные – пешие воины – шли вперемешку с другими путешественниками, время от времени поглядывая на фургон. Отряд включал в себя торговца-христианина из Базеля, доверенное лицо торговца солью из Вены и некоего Ансгара из Дании, паломника, облаченного в одежды с вышитыми символами тех святынь, которые он посетил. Он возвращался в Данию из Рима.

– Чума опустошила Святой град весь без малого, – сказал Ансгар Дитриху. – Мы бежали на холмы по первому знаку болезни, и Небеса сжалились над нами. Флоренция опустошена, Пиза...

– Бордо тоже, – сказал Элеазар с вышины повозки. – Чума появилась вокруг доков, и *майер* Бискайи предал квартал огню. Это было... – Он принялся загибать пальцы: – ...На второе сентября. Но пожар спалил большую часть города, включая мастерскую моего хозяина – а также Шато дель Амбриеро, где остановились англичане. Принцесса Джованна должна была выйти замуж за нашего принца. Она уже скончалась от чумы, как мне говорили, но огонь поглотил ее тело.

Дитрих и паломники перекрестились, и даже евреи выглядели безрадостными, ибо чума косила христиан, евреев и сарацин с одинаковым равнодушием.

– Чума не проникла к швейцарцам, – отозвался Дитрих.

– Да, – ответил еврей. – Базель был чист, когда мы покинули его. Так же как и Цюрих – хотя это и не остановило горожан от того, чтобы изгнать мой народ, ибо они думали, что мы *можем* занести ее.

– Но... – произнес шокированный Дитрих, – его святейшество дважды осудило это верование. Элеазар только пожал плечами.

Дитрих отстал от фургона и оказался рядом с базельским торговцем, ведущим под уздцы своего валашского скакуна.

– Что евреи не скажут тебе, – забормотал тот, – так это то, что швейцарцы добились

¹³⁵ Отмечается 3 ноября.

признания. Еврей по имени Агимет признался в том, что отравлял колодцы вокруг Женевы. Он и подобные ему были подсланы каббалистами с тайными указаниями.

Дитрих понимал, что эта история, передаваемая из уст в уста, не была абсолютно достоверной. Если бы христианский мир обладал переговорными механизмами крэнков, одна и та же история могла бы быть рассказана всем. Это, быть может, и не гарантировало, что люди узнали бы правду, но, по крайней мере, все слышали бы одну и ту же ложь.

– Подтвердил ли этот Агимет свое признание впоследствии?

Купец пожал плечами:

– Нет, он все отрицал, а значит – лгал. Поэтому его подвергли пыткам во второй раз, и все подтвердилось.

Дитрих покачал головой:

– Подобные признания неубедительны.

Базелец вскочил на своего мерина и с высоты коня спросил:

– Так ты любитель евреев?

Дитрих ничего не ответил. Опасность миновала, ныне ядовитые испарения унесло за Париж, но страх цеплялся за те города, что недуг пощадил. Паника питала слухи, а погребальные костры разжигали панику.

Дитрих оказался столь погружен в свои мысли, что, только налетев на спину паломника-датчанина, он обнаружил, что караван остановился, и мнимые охранники, к которым присоединились рыцари под знаменем сокола, окружили его с обнаженными мечами.

На земле с аккуратно перерезанным горлом лежал их капитан. Дитрих вспомнил, что он прибыл с евреями из Базеля, тогда как остальные стражники были наняты охранять сундук во Фрайбурге. На накидке мертвого было изображение орла Габсбургов, но только это Дитрих и успел заметить, как его и остальных пленников погнали подобно столь многим овцам до них по тропе к воротам Соколиного утеса.

Х

Ноябрь, 1348

День поминания Флорентия Страсбургского. 7 ноября

Паломник, купец, священник, еврей – все были едины для властителя Фалькенштайна. Его интерес всецело был связан с сундуком. Но возможность выкупа поодиночке усиливала сладость его операции, поэтому он допросил своих пленников. Когда наступил черед Дитриха, стражники привели его пред высокий трон и швырнули священника под ноги его владельца без особого почтения к духовному сану.

Филипп фон Фалькенштайн был смугл, волосы колечками спадали на его плечи. На нем был длинный по щиколотку темно-зеленый далматик, затянутый на поясе, а поверх него – парчовая накидка с хохолком сокола. У него была борода клинышком, и Дитриху показалось, что лицо Филиппа имело отсутствующее выражение пустого человека.

– Что ты предложишь за свою свободу? – сказал Филипп. – Что у *тебя* есть самого ценного?

– Что ж, моя бедность, мой господин. Если вы заберете ее у меня, я это переживу.

Стражники, выстроившиеся вдоль огромного зала, переступили с ноги на ногу. Камень замковых стен был влажен, холоден и отдавал селитрой. Фалькенштайн пронзительно посмотрел на него, и красный полумесяц медленно прорезал его бороду. По этому сигналу по залу пробежала волна угодливых хихиканий. Герр Филипп молвил:

– Кто твой господин, и что он сделает, чтобы выкупить тебя?

– Мой господин Иисус Христос, и он уже выкупил меня своей кровью.

На этот раз Фалькенштайн не улыбнулся.

– Я дарую каждому право на одну шутку. Две показали, что ты умен. Теперь отвечай прямо. Кому ты служишь?

Стражники немного напряглись, когда Дитрих запустил руку в свой заплочный мешок, хотя его нож вместе с медной проволокой у него уже забрали. Ему была оставлена только «упряжь для головы» крэнков, которую ошибочно приняли за что-то, требуемое католическим обрядом. Дитрих сжал печать, как он делал вновь и вновь с момента захвата.

— Господин фон Фалькенштайн, — сказал он отчетливо. — Я Дитрих, пастор Оберхохвальда, деревни во владении герра Манфреда фон Хохвальда.

— Заплатит ли он, чтобы вернуть тебя назад? Нравятся ли ему умные священники, которые отпускают шутки за его счет? — Он повернулся к своему секретарю и шепнул какие-то указания.

— Герцог не отнесется благожелательно к этой краже, — предположил Дитрих.

Филипп вскинул голову:

— Какой краже?

— Не требуется особой премудрости понять, что сундук хранил нечто ценное для Альбрехта. Серебро, я полагаю.

Филипп кивнул, один из стражников шагнул вперед и наотмашь ударил Дитриха по лицу.

— Фрайбург по праву мой, — сказал ему Филипп. — Не Урахов, не Габсбургов. Я беру то, что мне причитается.

После этого он отправил Дитриха обратно в темницу.

* * *

На день Флорентия небо за окном приобрело зловещие очертания, и в темницу ворвался свежий ветер. Далеко в небе Дитрих заметил лениво парящего хищника. Черные тучи собирались на юго-западе, в воздухе ощущалась металлическая жесткость. Клины аистов летел на юг.

Фалькенштайн был жаден, а это часто свидетельствовало о глупости, но Филиппу нельзя было отказать в коварстве. В Вене должны хватиться серебра, а герцог Габсбургов, чьи вассалы проживали от Истрии до Швейцарии, был не из тех, с кем следовало шутить. Фалькенштайн, должно быть, надеялся, что подозрение падет на евреев. Ни одна душа, которой было известно обратное, никогда не покинет Соколиный утес.

Дитрих прильнул к баллистрарии и увидел внизу отвесные стены донжона, опирающиеся на неровное основание обрыва. Фалькенштайну не нужно было опасаться чьего-либо побега.

Далекая птица приблизилась, и Дитрих увидел, что у нее нет крыльев. Прежде чем он успел до конца осознать это, привидение устремилось к его окну, и Дитрих узрел крэнка с особой упряжью на теле. Зависнув, создание прилепило на узкое стекло нечто вроде глины, в которую оно вдавило небольшой светящийся цилиндр. Дитрих услышал крики наверху и топот кованых сапог по камням. Он выдернул упряжь для головы из своего мешка и натянул на уши.

— ...прочь от окна. Отойди прочь от окна. Быстро. Дитрих побежал в дальний угол камеры, как сразу же

раздался гром, и воздух швырнул пастора к двери. Его осыпали осколки каменной кладки, в щеки впилась каменная крошка. В ушах звенело, руки и ноги стали ватными. Сквозь пыль он увидел, что узкое оконце превратилось в зияющие ворота. В этот момент часть балюстрады за ним обрушилась со скрежетом вниз, а мимо парящего демона с пронзительным криком камнем рухнул беспомощно размахивающий руками стражник.

— Быстро, — сказал голос в упряжи. — Я должен унести тебя. Не разжимай свою хватку. — Крэнк проник в помещение и молниеносным движением опоясал Дитриха чем-то вроде гирлянды, которую он защелкнул в кольцо на своей упряжи. — Сейчас мы узнаем, выдержит ли она вес, как о том хвалился ее создатель. — Крэнк устремился к провалу в стене и прыгнул прямо в небо. Дитрих поймал взглядом искаженные ужасом лица на укреплениях,

затем их подхватил ветер, и его спаситель воспарил ввысь сквозь свист стрел.

Когда Дитрих посмотрел вниз, он познал ужас первого из Фалькенштайнов, перенесшегося на спине льва через далекие моря. Дома, поля, замки превратились в игрушечные кубики. Деревья стали размером с кусты, леса подобны коврам. У Дитриха закружилась голова. Ему почудилось, что земля над ним. Его желудок опорожнился, а глаза застила мгла.

* * *

Он очнулся на краю сжатого поля, около Большого леса. Поблизости годовалый поросенок с кольцом в пяточке рылся под гнилой колодой. Дитрих рывком сел, заставив свинью взвизгнуть и убежать. Ганс сидел прямо на опушке леса, задрав колени выше головы и обхватив ноги руками. Дитрих сказал ему:

– Ты пришел за мной.

– У тебя была медная проволока. Дитрих покачал головой:

– Фалькенштайн забрал ее.

Ганс сделал дрожащий жест руками.

– Я мог бы попросить медника вытянуть еще из того, что осталось от слитка, но то была его плата. Ему потребуется новый кусок.

Ганс запнулся. Затем он сказал:

– Меди больше нет. Все силы потребуются на то, чтобы заделать тот маленький шов. – Он поднялся и указал вдаль. – Ты сможешь дойти отсюда, – сказал он посредством «домового». – Подлететь поближе означало бы выдать себя.

– Ты выдал себя перед стражниками в Бурге.

– Они мертвы. Те, кто не погиб под обрушившейся стеной, пали от моего... *pot de fer*.

Итак, легендарное оружие Макса наконец раскрыто. Дитрих не стал просить показать его.

– Что с остальными пленниками?

– Они не имеют значения.

– Каждый имеет значение. Каждый из нас драгоценен в глазах Господа.

Ганс указал на свои выпуклые глаза:

– Но не в наших. Ты один был бы полезен нам.

– Даже без проволоки?

– У тебя была упряжь для головы. С ней мы смогли отыскать тебя, Дитрих... – Ганс оторвал кусок коры от ели и раскрошил ее между пальцами. – Насколько станет холоднее?

– Насколько холоднее?... Скоро, вероятно, пойдет снег.

– «Снег» – это что?

– Когда потеплеет, он станет водой.

– Ах. – Ганс поразмыслил над этим. – Так сколько же будет тогда этого снега?

– Возможно, досюда. – Дитрих показал по пояс. – Но он вновь растает весной.

Какое-то время Ганс глядел на него неподвижно, словно статуя; затем, без единого слова, крэнк понесся в лес.

* * *

Дитрих направился напрямик к Манфреду и обнаружил властителя замка в птичнике. Он осматривал птиц вместе со своим сокольниковым. На его руке с завязанными глазами сидела пустельга. Манфред обернулся:

– Ах, Дитрих! Эверард сказал мне, что ты бездельничаешь во Фрайбурге. Я не ждал твоего возвращения так скоро.

– Мой господин, я был пленен Фалькенштайном. Брови фон Хохвальда поползли вверх:

– В таком случае я не ждал бы твоего возвращения вовсе.

– Я был... спасен. – Дитрих бросил взгляд на сокольничего, стоявшего неподалеку. Манфред поймал его выразительный взгляд и сказал:

– Это все, Герман. – Когда слуга ушел, он произнес: – Спасен *ими*, как я понимаю. Каким образом?

– Один из них явился в своей летательной упряжи и обмазал глиной оконный проем. Затем последовал раскат грома, стена обрушилась, после чего мой спаситель подхватил меня и донес сюда.

– Ха! – Манфред непроизвольно взмахнул свободной рукой. Пустельга вскрикнула и захлопала крыльями. – Громовая глина и летательная упряжь?

– Ничего сверхъестественного, – заверил его Дитрих. – Во франкские времена английский монах по имени Эйлмер приделал крылья к своим рукам и ногам и прыгнул с верхушки башни. Он пролетел по ветру на расстояние фуллонга.

Манфред скривил губы:

– Я не видел английских летунов в Кале.

– Порыв ветра и его страх перед высотой привели к тому, что Эйлмер упал на землю и переломал ноги, так что навсегда остался хромым. Он приписал свою неудачу недостатку хвостового оперения.

Манфред засмеялся:

– Ему нужны были перья на заднице? Ха-ха!

– Мой господин, со мной были и другие пленники, нуждающиеся в спасении. – Он рассказал все о караване двух евреев и серебре Габсбургов.

Манфред в задумчивости потер подбородок.

– Герцог ссудил фрайбургцам денег, чтобы выкупить назад свои вольности, которые они продали Урахам во время войны с баронами. Я подозреваю, что сокровища были платой по этому займу. Попомни мое слово, однажды Габсбурги будут владеть Брейсгау.

– Остальные пленники... Манфред отмахнулся:

– Филипп освободит их – коль скоро он забрал все, что у них было.

– Не захвати он серебро Габсбургов. Безопасность Фалькенштайна зависит от их молчания. Альбрехт может предположить, что евреи сбежали с сокровищницей.

– Коль скоро ты спасся, он ничего не выиграет от их молчания. А *де Медина* не позарился бы на такую сумму. Альбрехту это известно.

– Мой господин, моток исключительно тонкой проволоки, что изготовили во Фрайбурге по моему заказу для крэнков... Фалькенштайн забрал его.

Манфред поднял свою перчатку и залюбовался на пустельгу, взъерошивая ее перья указательным пальцем.

– Какая славная птица, – сказал он. – Обрати внимание на заостренные крылья, изящный хвост и восхитительное оперение каштанового цвета. Дитрих, что ты хочешь, чтобы я сделал? Атаковал Соколиный утес ради возвращения мотка проволоки?

– Если крэнки помогут, используя громовую глину, летательную упряжь и *pot de fer*.

– Я скажу Тьерри и Максу, что нашел нового капитана, чтобы советовать мне. Почему бы крэнкам не наплевать на Соколиный утес?

– Проволока им нужна, чтобы отремонтировать свой корабль.

Манфред хмыкнул, нахмурился и погладил головку птицы, прежде чем вернуть ее на жердочку.

– Тогда эта потеря к лучшему, – сказал он, закрывая клетку. – Крэнки, должно быть, обладают массой полезных знаний, которые могут передать нам. Я буду рад, если у них появится причина задержаться у нас еще на некоторое время.

* * *

Когда Дитрих позже позвал Ганса в свой *mikrofoneh*, вместо того ответил Скребун:

– Тот, кого ты зовешь Гансом, сидит в донжоне Увальня, – сказал ему философ. – На

его вылазку против Бурга в долине герр Увалень не отдавал приказа.

– Но он сделал это, чтобы спасти проволоку, которая вам так нужна!

– Это не имеет значения. Что значат вещи? Ртуть падает.

Алхимики связывали ртуть с планетой Меркурий, которая также была очень быстрой, и Дитрих подумал, что Скребун хочет сказать, что эта самая планета упала с неба. Но у него не было возможности это выяснить, ибо предводитель крэнковых философов завершил аудиенцию.

Дитрих сидел за столом в своем домике и накручивал ныне безмолвную «упряжь для головы» на палец, пока, наконец, не швырнул ее на столешницу. Уже три месяца прошло, как крэнки жили в лесах, и среди фрайбургцев стали распространяться невероятные слухи. А проволока, которая была нужна для полета, пропала.

* * *

В течение следующих двух недель крэнки препятствовали появлению Макса и Хильды у них в лагере. Странники вновь валили деревья, сказала ему Хильда, и разводили костры. Дитрих предположил, не надвигается ли их очередное светопреставление, как на День св. Иоанна, коль чужих не подпускают.

– Дело не в этом, – сказал Макс. – Они замышляют что-то. Мне кажется, они напуганы.

– Но чем?

– Я не знаю. Чутье солдата.

* * *

День памяти св. Катарины Александрийской¹³⁶ занялся зарей и принес с собой холод, свинцовое небо с тяжелыми облаками и дуновением пока еще не сильного ветра. Селяне, отпраздновав *Kirchweihe*¹³⁷ в память об основании их церкви, выходили толпами из храма на утренний свет. Они жаждали побегать наперегонки и предаться прочим забавам, традиционным в праздник, и замирали ошеломленно при виде снежных сугробов, перекатывающихся к белому горизонту. За время всеобщей бесшумной снежной покрывки земля была толстым слоем.

После минуты благоговейного трепета дети разом закричали, и вскоре стар и млад принялись бросаться снежками и возводить снежные крепости. На другой стороне долины из замка показался отряд воинов. Дитрих подумал сначала, что они намереваются присоединиться к снежным забавам, но те повернули и замаршировали в ускоренном темпе вниз по Медвежьей долине.

Снежок ударил Дитриха в грудь. Иоахим осклабился и бросил еще один, но промахнулся.

– Вот так твои проповеди поражают некоторых людей, – крикнул Минорит, и те, что были в снежной крепости, засмеялись. Исключение составил только Лоренц, обрушивший огромную глыбу снега на голову Иоахима. Грегор, организовывавший сопротивление, принял это за сигнал к атаке, и жители деревни на дальней стороне церковного двора ринулись вперед в общую свалку.

В разгар этой кутерьмы появился Ойген на своем коне, выбивая из-под копыт снег и призывая к тишине, пока юноша не добрался, наконец, до Дитриха. Только Терезия и дети продолжали кричать, не замечая появления всадника.

– Святой отец, – сказал Ойген, стараясь говорить спокойно. – Жители деревни должны

¹³⁶ Отмечается 25 ноября.

¹³⁷ *Kirchweihe* – освящение храма (нем.).

отправиться в замок.

– С какой стати? – крикнул Оливер Беккер. – Мы не сервы, чтобы нами командовать! – Он приготовился метнуть снежок в юнкера, но стоявший подле него Иоахим остановил руку юноши.

Дитрих вопросительно взглянул на Ойгена.

– На нас напали? – Он представил себе Филиппа фон Фалькенштайна, ведущего своих людей на снежный приступ, чтобы схватить сбежавшего священника. *Нам следовало построить снежную крепость повыше...*

– Про... прокаженные... – и здесь голос Ойгена изменил ему. – Они покинули леса. Они идут к деревне!

4

В наши дни: Том

В Средние века, в молебственные дни, крестьяне обходили границы своего манора и бросали детей в ручьи или набивали им шишки о конкретные деревья, чтобы самые маленькие могли усвоить границы своей жизни. Если бы Том изучал нарративную историю, он знал бы об этом.

Взять те звонки, которые поступали Тому от Джуди Као – найденная или исследованная рукопись, недавно обнаруженная ссылка или одобрение на плату за доступ к разнообразным архивам или базам данных. Эти звонки оказывали своеобразный опьяняющий эффект, подобно тому, как совершающий восхождение в горах может чувствовать возбуждение при приближении к вершине – не оттого, что он увидел лежащий под его ногами мир, а потому, что увидел обещание того, что горизонт раскроется сразу за ней. Для Тома постоянный поток информации от Джуди был подобен холодному роднику в пустыне, и если человек и мог опьянеть от воды, то маленькими глотками.

В его папке «Эйфельхайм» регулярно появлялись все новые сообщения – перевязанные ленточками и породистые, словно на собаководческой выставке. Джуди была дотошным исследователем. Она систематизировала монастырские анналы, извлекала на свет манориальные отчеты, раскапывала соблазнительные противоречия и зацепки – сохранившийся вразбивку дейтрий исчезнувшего мира. «Документы повседневности», на которые можно было всецело полагаться, ибо они создавались на потребу дня, а не для передачи последующим поколениям.

✓ Из рагу «Бэконалии» в Оксфорде: *aide memoire* ¹³⁸ местного рыцаря Хохвальда, передающий беседу с «пастором церкви Св. Екатерины» относительно теорий фра Роджера Бэкона: сапогах-скороходах, летающих машинах и говорящих механических головах.

✓ Сохранившееся в бумагах Людвига Баварского в музее Фюрстенфельда: соблазнительная отсылка в трудах Уильяма Оккама к «моему другу, *doctor seclusus* в Оберхохвальде».

✓ Погребенное в люксембургской коллекции Карлова университета в Праге: упоминание о «сире Манфреде фон Оберхохвальд» среди соратников короля Богемии в битве при Креси.

✓ Комментарий в анналах монастыря Св. Блеза о том, что «Фельдбергский демон», улизнув от попыток поймать его при помощи огня, «скрылся в направлении Хохвальда», после того как устроил большой пожар, почти целиком поглотивший монастырь.

✓ Подать, датированная 1289 годом, в Генеральном архиве Бадена, взысканная маркграфом Баденским Германом VII с Уго Хейсо из Оберхохвальда в числе шести с половиной пехотинцев и полутора всадников.

✓ Схожая подать от 1330 года, взысканная австрийским герцогом Фридрихом IV

¹³⁸ *Aide memoire* – памятная записка, меморандум (фр.).

Габсбургом с Манфреда.

✓ Копия епископального послания в архивах собора Богородицы во Фрайбурге-им-Брейсгау, адресованного пастору Дитриху, отстаивающего ту мысль, что «физическая внешность не отражает состояния души».

✓ Анонимный компендиум, MS. 6752, в Национальной библиотеке в Париже, о натурфилософии, «необычный своим широким кругозором и систематической организацией», атрибутированный по сноске на листе № 237 как «моего бывшего студента, *Seclusus*», предположительно оставленной великим мастером искусств Жаном Буриданом.

Если человек не может упиваться такими глотками, он обречен на вечную трезвость. Ведь вопрос о том, как вассал мог поставить своему сеньору шесть с половиной солдат, достоин внимания целого кружка иезуитов.

Шерон была счастлива за него, ибо этот неиссякающий источник в лице Джуди означал, что он будет меньше отвлекать на себя ее внимание, и она, следовательно, сможет больше времени уделять физике и реже мыть голову. Ей казалось, что именно этого она желала, и сейчас она переживала нечто вроде долгожданного и наконец наступившего удовольствия. Главным недостатком, с ее точки зрения, было то, что Том немедленно делился с ней каждой искрой информации, что приводило ее в расстройство и иногда возмущение. Она сознавала, что информация была по-своему захватывающей, но, подобно головке сыра или свинине в кукурузной муке, удовольствие от ее потребления было делом привычки.

Однажды вечером, за обедом в близлежащем итальянском ресторанчике Том «поделился» с ней рождественским пирогом фактов, на которые Джуди натолкнулась в одной докторской диссертации, посвященной жизни средневековой деревни. Среди цитировавшихся документов некоторые относились к Оберхохвальду 1330-х годов. Большей частью это были те селяне, которым не посчастливилось предстать перед манориальным судом, но отдельные более счастливые случаи касались пожертвований и пожалований. Почти тотчас как он завершил разговор по мобильному телефону и прежде чем красный сок моллюсков мог окрасить его губы, Том пересказывал подробности.

Он выучил имена реальных людей, живших в «его» деревне. Приученный к широким абстракциям клиологии, он редко сталкивался с кем-либо из реально живших за пределами его уравнений и моделей. Он еще этого не осознавал, но уже был совращен Джуди Као. Он начал получать удовольствие от нарративной истории.

Так, некто Фриц Аккерман был оштрафован в 1334 году на три пфеннига «за отказ от общей печи господина» – это означало, что он осмелился выпекать собственный хлеб дома. А в 1340 году некой Терезии Греш было пожаловано право собирать растения на общинном лугу и в господских лесах.

Шерон сочла штраф в три пфеннига признаком тирании феодализма и высказала это с большим возмущением, чем того заслуживал размер взысканного, и, на деле, ее эмоции, вероятно, были острее тех, что выразил Аккерман при его уплате. Том подумал было поправить ее в том, что она приравнивает феодализм к манорализму, но сказал только:

– Попробуй купить спиртное на той стороне моста в Нью-Джерси, и ты узнаешь, какой штраф властители Пенсильвании взыщут за нарушение их монополии, если поймут тебя на этом

Но равнодушный прием его добрых вестей был чем-то вроде сурдины и воспринимался Томом так, как если бы кто-то бесцеремонно толкнул его в холодную воду.

Что еще иногда раздражало Шерон в звонках Джуди, так это их нерегулярность. Они могли раздаться в любое время суток. Эта девица *никогда* не спит? И, конечно же, Том вскакивал, чтобы ответить на звонок Неважно, что он при этом делал. Мыл посуду? Посуда может подождать. Вел машину? Для этого Господь и создал мобильные телефоны. Шерон была из числа тех, кто смотрел на демонстрацию чрезмерного усердия как на вещь неуместную. *Расслабься* или *остынь*, обычно говорят они и думают этим оказать поддержку.

Сияющий вид Тома начал ее утомлять. Немного *gravitas* ¹³⁹ не повредило бы.

Однажды вечером, когда Том углубился в туристический справочник, посвященный обычаям и легендам Черного леса – никогда не знаешь, где может таиться золотая жила, – перед его глубоким креслом появилась Шерон, помахивая мобильным телефоном.

– Твоя новая герлфренд, – сказала она. – Опять.

Том заложил книгу пальцем. Иногда он не был уверен, как следует понимать Шерон. Он вслух признавал это время от времени, после нескольких кружек пива и если поблизости не было Шерон. Они часто разыгрывали друг друга, но иногда ему приходила мысль, что ее замечания заострены – вроде тонкого и острого лезвия, поскольку он не всегда сразу чувствовал оставленный ими порез.

– Она не моя герлфренд, – сказал он.

Он и Шерон были вместе дольше, чем многие женатые пары; между ними за это время выросли определенные привычки, подобно мху на влажной скале или плющу, опутавшему стены священных зал. Они давно условились, что в их отношениях не будет места чувству собственности, и потому взирали на его проявления с чем-то вроде ужаса. Но так было в теории. На практике все немного иначе, ибо и слишком мало собственности было связано с риском. Мох, быть может, и мягок, и удобен для того, чтобы на нем растянуться, но он очень однообразен, а наслаждение его цветами требует определенной тонкости восприятия. Тому хотелось, чтобы Шерон была немного более раскованной, а Шерон – чтобы Том стал немного более постоянен.

Шерон, не вкладывавшая в свое замечание серьезного смысла, поиграла немного телефоном в руке, оценивая его реакцию.

– Переведи его на вибровозвон, – передала она наконец трубку Тому – И держи при себе. В этом весь смысл *мобильного* телефона. – Не добавив больше ни слова, Шерон направилась к своему дивану и свернулась на нем подобно скрытым измерениям многомерного пространства. Она обнаружила, что ей трудно на первых порах сконцентрироваться на Джанатпуровом пространстве, что было приписано ею нарушенному звонком строю мыслей. Том подчинился указанию, махнув про себя рукой.

– Ты слышала это, Джуди? – спросил он зернистое изображение на экране мобильного. – Шерон думает, что ты моя новая возлюбленная.

Джуди нахмурилась и сказала:

– Возможно, мне не следует звонить тебе домой. Иногда немного трудно понять, с чего более молодое поколение все время дуется.

– О, Шерон не против, чтобы ты звонила – Том произнес это, понизив голос, чтобы не беспокоить физика на диване. – Все замечательно. У тебя что-то есть для меня? – По правде сказать, он ждал этих разговоров. Джуди унимала зуд его любопытства. «*Она и я подходим друг другу – заявил он как-то Шерон. – Она знает методику исторического исследования, какую именно базу данных запрашивать, с каким архивистам связаться Она знает, что я ищу, так что мне не приходится объяснять дважды*».

И Шерон ответила: «*Она настоящее сокровище, верно*».

– Мне кажется, я знаю, почему изменилось название деревни, – возвестила Джуди.

– *Das gibt ja wie's Katzenmachen!*¹⁴⁰ – воскликнул Том – что помешало физику на диване и стоило клиологу выразительного взгляда, которого он, впрочем, не заметил, – *Meine kleine Durchblickerin! Schau mir diesen Knallfekt!*¹⁴¹

¹³⁹ *Gravitas* – серьезность, степенность (лат.).

¹⁴⁰ *Das gibt ja wie's Katzenmachen!* – Проще простого; раз плюнуть! (Нем.)

¹⁴¹ *Meine kleine Durchblickerin! Schau mir diesen Knallfekt* – Моя маленькая прорицательница! Порази меня! (Нем.)

Джуди уже привыкла к подобному образу общения. Она понятия не имела, что именно только что сказал Том, но прекрасно знала, что ему было нужно, а потому перевод не требовался. Она что-то сделала за пределами экрана, и на нем вместо ее лица появилось изображение рукописи.

Из шезлонга невозможно выбраться одним прыжком, однако Тому это удалось. Он поспешил к *CLIODEINOS*, где он вставил телефон в предназначенное для него гнездо, и манускрипт открылся на мониторе в более читаемом виде. Почерк относился к XIV веку. Латынь была ужасна; ее вид заставил бы Цицерона рыдать.

– Я использовала «Саундекс», чтобы посмотреть варианты произношения, – объясняла Джуди голосом за кадром, пока Том бегло просматривал документ – Конечно, пришлось забрасывать петлю пошире и дольше разбираться в... в...

– *Krempl*. Хламе. Что это у меня на экране?

– Булла 1337 года против Братьев свободного духа.¹⁴² Похоже, изначально новым названием Оберхохвальда было не Зйфельхайм, а...

– Тойфельхайм. – Взгляд Тома скользнул по тексту и он легонько ткнул пальцем в экран напротив названия: «Обитель дьявола». Он погрыз костяшку пальца, обдумывая это. Что за люди жили здесь, спросил он себя, если заработали такое имя у соседей? – «Остерегайся творений Сатаны, – прочитал он вслух, – как остерегаемся мы нечестивой земли Тойфельхайма. Пастор Дитрих был искушен и не выдержал испытания. Да не окажись искушен и ты, пораженный ересью и колдовством». И так далее и тому подобное. – Том откинулся на стуле. – Автор не особенно жалуется нашего старину Дитриха. Интересно, что он сделал такого ужасного – помимо надувательства медника. – Том сохранил файл на жесткий диск, и на экране вновь появилось лицо Джуди.

– Связь, мне кажется, ясна, – сказала она.

– Да. К чему поминать Дитриха в следующем предложении, если бы Тойфельхайм не был Оберхохвальдом. Хотя... – Он потер пальцами мочку уха. – Вообще-то в Швабии, я полагаю, могло быть и два Дитриха.

– Доктор Вегнер с отделения иностранных языков сказал, что искажение «Тойфельхайма» до «Эйфельхайма» естественно с точки зрения лингвистики.

– *Ja, wenn man spricht an dem Teufel, er kommt*.¹⁴³ – Том вывел на экран карту местности и дважды кликнул по иконке деревни, чтобы добавить новые комментарии.

Этот вариант карты показывал фактическую географию, с оттененным рельефом местности. Деревня сидела на гребне Фельдберга в глубоком ущелье, ведущем в Холленталь. И что вело к «Обители дьявола» лучше всего, как не «Адова долина»? В нижней части долины находилось не что иное, как *Himmelreich* – «Царство небесное». Получалась своего рода иерархия «шиворот-навыворот», где дьявол сидел наверху горы, а небеса были под ним.

Том сохранил полученные данные, но слабое ощущение разочарования, похожего на легкое похмелье, не оставляло его.

– Мы так и не знаем, почему это место было заброшено, но я полагаю, мы продвинулись на шаг вперед к отгадке.

– Но мы знаем, – возразила Джуди. – Демоны. «Обитель дьявола».

Том не был убежден.

– Нет, – сказал он. – Это всего лишь еще одно место в Шварцвальде, названное в честь дьявола. Вроде *Teufelsmuhle* ¹⁴⁴ близ Штауфенберга, или Дьяволов помост... Есть даже два

¹⁴² *Братья свободного духа* – мистическая секта XIII–XIV вв. Иногда так же называли аскетическое движение спиритуалистов.

¹⁴³ *Ja, wenn man spricht an dem Teufel, er kommt* – Да. Когда говорят о дьяволе, он является (нем.).

¹⁴⁴ *Teufelsmuhle* – чертова мельница (нем.).

Дьяволовых помоста, один под Баден-Баденом, а второй – на Книбесе. Плюс Ведьмина долина и Адова долина и...

– Но ты помнишь описание демонов, которых якобы вызвал Дитрих?

Он не читал тогда весь документ, поэтому открыл файл и на сей раз углубился дальше комментария к названию.

– Уродливые сукины дети, не так ли? – сказал он, отыскав отрывок. – Желтые выпученные глаза. Неразборчивые заклинания. Сводят людей с ума. Плясали голыми, но не обнаруживали мужского естества. – На хорошо отрегулированном мониторе было заметно, как порозовели щеки Джуди. – Я не думаю, чтобы демоны вообще когда-либо выигрывали конкурсы красоты.

– Они еще летали. Вот, должно быть, откуда пошла эта людская молва о крэнках.

– Несколько строчек буллы? Нет, автор повторяет уже имеющую широкое хождение историю. Он рассчитывает, что его читатели понимают, на что он ссылается, равно как рассчитывает и на то, что они знают, кто такой «пастор Дитрих». Не удивлюсь, если *Krenkl* произошло от *Kranklein* – южные немцы редуцируют «*lein*» в «*l*».

– Я подумала...

– Что?

– Ну, описания демонов такие подробные, такие яркие... Их наружность. Даже то, как вели себя селяне. Некоторые «спаслись и спасли свои души». Другие «подружились с демонами и приняли их в самые свои сердца».

Том отмел предположение Джуди, даже прежде чем она могла собраться с духом его озвучить.

– Все, что для этого нужно, – немного воображения и капельку истерии. В Средние века люди без удержу верили во всяких мифических существ. До них долетали обрывки рассказов о носорогах, и они воображали себе единорогов. Степные наездники превратились в кентавров. Вокруг них были кобольды и гномы... Я видел миниатюру в одном псалтыре в Балтиморе, в галерее Уолтерс, которая изображала двух фантастических созданий – одно как олень, другое – словно большой кот, – идущих на задних лапах и несущих вдвоем похоронные дроги, затянутые драпировкой. А в крипте фрайбургской Францисканенкирхе есть фреска, которая изображает гигантских кузнечиков, пирующих за столом, – вероятно, метафора о том, как саранча может пожрать весь урожай. А резной дверной косяк в музее Клойстерс в Нью-Йорке изображает...

– Все правильно!

Горячность, с которой это было произнесено, удивила его. После секундной паузы он сказал ровным голосом:

– Ныне не Средние века, знаешь ли. Всегда есть естественное объяснение «сверхъестественным явлениям».

* * *

Разговор закончился, а Том так и остался сидеть за компьютером, дергая себя за губу. Если бы причудливые видения были причиной для табу, то проклятые Тойфельхаймы стояли бы плотной стеной по всему течению Рейна.

Средневековая катастрофа породила такое количество ужасов, что они могли опустошить тысячи Эйфельхаймов. Вслед за голодом 1317и1318 годов, когда непрекращающиеся дожди затопили посевы, распространился каннибализм. «И детям грозила опасность от собственных родителей», – как писал один хронист. Банды крестьян бродили по округе, исповедуя бедность и свободную любовь, грабя маноры и монастыри и линчуя евреев ради этой цели. Но те, кто бежал, вскоре вернулись – даже евреи. Столетие войны и разбои во Франции разрушили мистику рыцарей, турниров, менестрелей и куртуазной любви. На смену надежде и вере в добро пришли цинизм и отчаяние. Черная магия и ереси; флагелланты и чума. Жуткий культ смерти с его пляшущими скелетами.

Абсурдизм, нигилизм и в конце концов лагерь смерти. Столь замкнутый, параноидальный, репрессивный новый мировой порядок, столь *потрясенный* бессмысленными смертями, что люди совершенно забыли, что когда-то прежде был иной и более открытый мир.

Так почему среди всего этого хаоса только Эйфельхайм остался проклят?

Том вытащил папку с документами и отнес ее на кухонный стол. Он разложил распечатки, просматривая каждую так, словно мог извлечь ответы из них одним только усилием внимания. Содержание папки составляли манориальные записи вассалов маркграфов Баденских и прежних герцогов Царингена; рыцарский *memoire*, религиозный трактат о «внутреннем мире» с причудливо украшенными заглавными буквами; сеньориальные одобрения свадеб и выбора профессий, штрафов и пожалований; жалованные грамоты на Оберхохвальд и феодальные сборы с его рыцарей; газетная вырезка, которую прислал Антон; экстатическая молитва, упоминающая «восемь тайных путей оставить эту землю печалей» и приписываемая «святому Иоганну из Оберхохвальда»; епископальное письмо, адресованное пастору Дитриху.

Здесь были также обычные монастырские хроники – из Фрайбурга, монастырей Св. Петра, Св. Блеза и других – об урожаях, ярмарках, слухах и благородных деяниях. Одно примечательное событие – молния, ударившая в августе 1348 года и охватившая огнем несколько акров леса (и немало также суеверных умов). К тому времени чума уже продвигалась с побережья на север, и удар молнии в ретроспективе был подан как пришествие Люцифера. (Сгорела ли деревня? Нет, документ «*Moriuntur*» и дело с кузнецом относятся к более позднему времени.)

Разрозненные обрывки и куски складывались в более полную мозаику, или, по меньшей мере, схематичный набросок Манор Оберхохвальд был одним из двух маноров во владении рыцарей (второй был в качестве дара австрийского герцога). Последнего рыцаря, что владел этим леном, звали Манфред, а его отец носил имя Уго. Ко времени гибели деревни ее приходского священника звали Дитрих, который, возможно, был тем самым «*doctor seclusus*», о котором упоминал Оккам, и который составил *compendium*, хранящийся во Французской национальной библиотеке. Жила там врачевательница травами по имени Терезия (Том воображал ее седовласой каргой с лицом, изрезанным морщинами, как был изрезан горами сам Черный лес), крестьянин по имени Фриц, кузнец по имени Лоренц и несколько прочих, чьи имена фигурировали в той докторской диссертации. Сними с луковицы исследования еще один слой, локализуя источники, которые использовались в диссертации, и весьма вероятно, что на поверхность всплывет еще несколько имен.

Я уже мог бы написать чуть ли не полную историю этой деревни, подумал он. Записи о сборе урожая и податях позволили бы ему оценить ее экономическое и демографическое развитие. Манориальные записи показывали, как она была включена в местную феодальную структуру. *Memoire* рыцаря и письмо епископа позволяли даже заглянуть в интеллектуальную жизнь селения, в том виде, в котором она там существовала.

На самом деле, мрачно осознал Том, в истории деревни отсутствовала только та часть, ради которой эту историю и стоило писать, – почему она так внезапно и бесповоротно подошла к концу.

А что, если об этом вообще ничего нет? – задумался он. Что, если документ, проливающий свет на загадку, утрачен? Сгорел дотла в сражениях между фон Мерси и герцогом Бернардом¹⁴⁵ в конце Тридцатилетней войны; или же во время отступления Моро по Адовой долине; или в кампаниях Людовика или Наполеона, или дюжины других напыщенных потенциальных завоевателей мира. Съеден мышами или плесенью, поглощен

¹⁴⁵ Барон Франц фон Мерси – командующий баварской армией, один из последних выдающихся католических военачальников на заключительном этапе Тридцатилетней войны. Погиб в сражении при Нердлингене (1645) (недалеко от Фрайбурга).

Герцог Бернгард Саксен-Веймарский – командовал армией немецких протестантов, участвовал в военных походах шведского короля Густава-Адольфа.

пожаром, дождем или наводнением, рассыпавшись в небрежении. Что, если он вообще не был написан?

– Том, что-то случилось? Ты такой бледный.

Он поднял глаза. В арочном проеме стояла Шерон с чашкой свежесваренного чая. По комнате разнесся аромат шиповника и ромашки.

– Ничего, – сказал Том. Его внезапно ошеломила мысль, что он уже держал в руках ключ к разгадке, что он уже несколько раз читал этот документ, но так ничего и не понял.

* * *

И так в дело вступил я, хотя поначалу и по касательной. Я все еще преподавал в университете Альберта-Людвига, и Том прислал мне е-мэйл с просьбой найти манориальные записи Оберхохвальда. Предполагалось, что они находятся в собрании нашего университета. Я спросил в ответ, было ли это персональной суппозицией, материальной суппозицией или простой суппозицией?¹⁴⁶ А Том ответил, не понял шутки. Он приложил список ключевых слов и запрос на исследование наших рукописей и инкунабул на предмет упоминаний, относящихся к Оберхохвальду, что я счел достойным возмездием за мои потуги в средневековом юморе. Учение о суппозиции вовсе не смешно, особенно по той причине, что мы не знаем, что она в действительности означает. Они использовали многие из тех слов, что и мы – движение, интуиция, реализм, естественный, оккультный, – но их значение часто не совпадало с тем смыслом, что вкладываем в эти слова мы. И все же я пообещал покопаться хорошенько в меру своих сил и недель позже отправил ему то немногое, что отыскал.

XI Ноябрь, 1348 Кермес¹⁴⁷

Крэнки шли в деревню.

От этого известия у Дитриха перехватило дыхание, словно его ударили в живот. Он вцепился в уздечку коня Ойгена. Они намеревались захватить деревню. Учитывая холерический темперамент крэнков, иного и быть не могло. Но почему сейчас, тая это намерение столько месяцев? Он взглянул на юнкера, чье лицо было бело, как земля под ногами. Парень *знал*.

– Герр выслал копейщиков, чтобы встретить их, я надеюсь.

Ойген сглотнул.

– Им было сказано. Они выстоят.

Господь удостоил Дитриха видением того, что произойдет вслед за тем. Картины разворачивались перед его глазами с ужасающей ясностью, как если бы они уже случились – уже *factum est*.¹⁴⁸ Зловещие ряды странных созданий метают снаряды, начиненные в их *pots de fer*, воспаляют свою гром-глину. Они пронзают мужчин, разрывают их на куски. Крэнки пикируют сверху, чтобы поразить людей с воздуха.

Люди Макса кричат в ужасе, но на страх отвечают ударами. Крэнки пускают в ход свое

¹⁴⁶ Элементы «учения о суппозиции» в философии Уильяма Оккама. Теория суппозиции занимается возможными замещениями терминов в предложении, т. к. термины, кроме собственных свойств, имеют свойства места, занимаемого в пропозиции.

¹⁴⁷ Праздник местного святого у голландцев и немцев.

¹⁴⁸ *Factum est* – стали фактом (лат.).

магическое оружие, но палаши косят их так же легко, как и людей. И, увидав это, прежде напуганные солдаты обрушиваются на уцелевших в еще более кровавой ярости, ибо ярость их родилась из страха; мечи разрубают и крошат на куски тех, кого он называл Гансом, Увальнем и Скребуном.

Как бы ни развивалась схватка, слишком многие умрут, чтобы оставшиеся уцелели. Она будет доведена до конца. Не выживет ни один человек. Или ни один крэнк.

Но если крэнки были лишь говорящими животными, какое ему дело? Напавших зверей сразят, и это положит конец его тревогам.

И все же...

Ганс пролетел через дождь стрел и презрел донжон Увальня, чтобы спасти Дитриха из замка Фалькенштайна. Какой бы трезвый расчет ни двигал им, он заслужил большего, нежели меч в ответ. Никто не убивает пса, который выручил однажды, как бы свирепо он теперь ни лаял.

Внезапно Дитрих взглянул на мир глазами крэнка – заблудшего, оказавшегося вдали от дома, окруженного зловещими незнакомцами, которые могли задумать убийство своих господ – немыслимое, даже звериное деяние, с их точки зрения. *Для Ганса Дитрих был говорящим животным.*

Дитрих поймал ртом воздух и дернул за поводья в руках Ойгена:

– *Быстро.* Скачи к Манфреду. Скажи ему: «Они твои вассалы». Он поймет. Я встречу его на мостках через мельничный ручей. А теперь – вперед!

Селяне тараторили. Некоторые слышали, что речь шла о прокаженных, и Фолькмар сказал, что они принесут с собой в деревню проказу. Оливер крикнул, что он один прогонит их прочь, если понадобится. Терезия ответила, что их следует с радушием принять и позаботиться о них. Хильдегарда Мюллер, которая одна среди всех осознавала, что именно надвигалось на них по дороге из Медвежьей долины, застыла на месте, закрыв ладонью разинутый рот.

Дитрих помчался к церкви, где захватил с собой распятие, кропило и окликнул создание по имени Ганс посредством упряжи для переговоров.

– Поверните назад, – молил он. – Еще не поздно. – Дитрих накиннул на шею епитрахиль. – Чего вы хотите?

– Спасти от оцепенения этого холода, – ответил крэнк, – ...очаги... на нашем корабле не зажгутся, пока мы не починим... движущую силу огня.

Уж лучше бы летом построили уютные и теплые дома, вместо того чтобы собирать бабочек и цветы. Но подобное порицание было уже бессмысленным.

– Макс собрал силы, чтобы повернуть вас назад.

– Они побегут. У Увальня была эта фраза в голове. Наше оружие и наша наружность заставят их бежать, и тогда мы возьмем ваши очаги и не будем чувствовать этот холод.

Дитрих подумал о горгульях и монстрах, украшавших стены церкви Св. Екатерины.

– Вы, быть может, и напугаете этих людей, но они не побегут. Вы погибнете.

– Тогда мы в любом случае не будем чувствовать этот холод.

Дитрих уже сбегал с Церковного холма, накинув на плечи шубу.

– И все же может быть и иной путь. Скажи Увальню поднять белое знамя, и, когда Макс преградит вам путь, вытяните руки, показав, что у вас в них ничего нет. Я встречу вас на деревянном мосту.

* * *

Так и свершилось. Дрожащая толпа крэнков – обмотанная в ту смесь одеяний, какую они смогли соорудить, и сопровождаемая людьми Макса, трясущимися и с округлившимися глазами, – приблизилась к властителю Хохвальда. Герр Увальень, великолепный в своем красном кушаке, в штанах и желтом жилете, слишком тонких по такой погоде, выступил вперед и, по подсказке Дитриха, преклонил одно колено перед сеньором, сложив перед собой

дрожащие руки. Манфред, после зримого колебания, заключил эти руки в свои, возвестив для всех, кто осмелился приблизиться:

– Этого... человека... мы нарекаем нашим вассалом, получающим во владение Большой лес, дабы изготавливать для нас уголь и порох для *pots de fern* научать искусствам своей далекой родины наших людей. Взамен мы даруем ему и его народу пищу и кров, одежду и тепло и покровительство нашей сильной, справедливой десницы. – Произнося это, Манфред поднял свой меч, держа его рукоятью вверх, наподобие креста. – Тем мы клянемся перед Господом и *famllia* замка Хохвальд.

Затем Дитрих освятил собрание и окропил святой водой кропилом с золотой ручкой. Селяне, на которых пала вода, осеняли себя крестным знамением, таращась во все глаза на монстров. Некоторые крэнки, подметив этот жест, повторили его – под одобрителный шепот толпы. Дитрих возблагодарил Господа за то, что тот сподвиг крэнков на это неосознанное подражание.

Дитрих сунул распятие для крестного хода в руки Иоганна фон Штерна.

– Веди нас медленно к церкви, – сказал ему Дитрих, – шагом, вот так.

И все двинулись от моста через деревню к Церковному холму. За крестом следовал Дитрих, за ним – Манфред и Увальень.

– Да поможет нам Бог, – шепнул Манфред на ухо Дитриху.

Церемония успокаивает человеческое сердце. Импровизированная речь Манфреда, смиренный жест Увальня, благословение Дитриха, крест и процессия умилили ужас в сердцах простолюдинов, так что крэнков, по большей части, встречало изумленное молчание и отвисшие челюсти. Мужчины сжимали рукоятки мечей или ножей или же падали на колени в снег, но никто не осмелился сказать слово против того, к чему так очевидно сочувственно отнеслись господин и пастор. Неподвижный морозный воздух пронзило только несколько криков, и некоторые неуклюже заковыляли по снегу в пародии на бегство. Двери с грохотом захлопывались. Лязгали засовы.

Многие бы бежали, будь бегство проще, подумал Дитрих и стал молить Всевышнего о снеге. *Завали дороги; замети тропинки; сохрани это, демоническое пришествие в пределах Хохвальда!*

Когда крэнкам открылся вид «деревянного собора», они застрекотали, стали показывать на него пальцами и останавливаться, чтобы поднять приспособления для *fotografia* и запечатлеть резные украшения. Процессия скучилась у врат церкви.

Кто-то воскликнул: «Они боятся войти!» Другой закричал: «Демоны!» Манфред обернулся, положив руку на эфес.

– Загони их внутрь, живей, – сказал он Дитриху. Пока Дитрих загонял крэнков в церковь, он сказал Гансу:

– Когда они увидят красную лампу, пусть встанут перед ней на колени. Ты понял? Скажи им.

Хитрость сработала. Селяне вновь успокоились, когда странные создания прошли внутрь и изъявили покорность перед образом Божьим. Дитрих позволил себе немного перевести дух.

Ганс стоял подле него с распятием в руках.

– Я объяснил, – сказал он в *mikrofoneh*. – Что, когда ваш верховный господин-с-неба явится вновь, мы будем спасены. Знаешь ли ты, когда это свершится?

– Ни через день, ни через час.

– Только бы он пришел скорей, – произнес Ганс. – Только бы он пришел скорей.

Дитрих, удивленный таким религиозным рвением, мог только поддержать этот призыв.

* * *

Когда селяне и крэнки вместе столпились в церкви, Дитрих взошел на амвон и рассказал обо всем, что произошло с самого Сикстова дня. Он описал положение странников

в самых жалостливых выражениях и устроил так, чтобы дети крэнков со своими матерями за спиной встали перед прихожанами. Хильдегарда Мюллер и Макс Швайцер выступили свидетелями того, что создания были смертны и страдали от ран, и описали то, как они помогали размещать покойников в специальных склепах на борту корабля крэнков.

– Когда я окропил их святой водой на мосту, – подытожил Дитрих, – они не проявили никакого беспокойства. Следовательно, они не могут быть демонами.

Хохвальдцы переминались с ноги на ногу и поглядывали друг на друга. Затем Грегор спросил:

– Они турки?

Дитрих едва не рассмеялся:

– Нет, Грегор. Они прибыли из более далеких стран. Иоахим протолкался вперед.

– Нет! – закричал он так, чтобы все могли услышать. – Они *и есть* самые настоящие демоны. Одного взгляда достаточно, чтобы в этом убедиться. Их пришествие большое испытание для нас... и от того, как мы справимся с ним, может зависеть спасение наших душ!

Дитрих вцепился в перила кафедры, а Манфред, занимавший *Sedalia*,¹⁴⁹ обычно предназначенную для предстоятеля, зарычал:

– Я признал этого властителя крэнков как своего вассала. *Ты* хочешь выступить против меня?

Но если Иоахим и услышал эти слова, он не обратил на них внимания; скорее, он обращался к *familia*.

– Вспомните Иова, – сказал он им, – и то, как Господь испытывал его веру, посылая демонов мучить его! Вспомните, как Господь сам, явившись во плоти, страдал от всех человеческих страданий – даже смерти! Разве не может тогда Он заставить страдать демонов, как обрушил Он их на Иова и даже Сына Своего? Осмелимся ли мы отрицать свободу действий Господа и сказать, что *этого* Господь сотворить не мог? Нет! Господь пожелал, чтобы эти демоны страдали скорбями плоти. – Он понизил голос. – Но почему? Почему? – Это он произнес так, словно бы размышлял вслух, так что собрание замерло, чтобы расслышать его слова. – Ничто не творится Им без цели, хотя Его помыслы и могут быть скрыты от нас. Он обрел плоть, чтобы спасти *нас от* греха. Он облек этих демонов во плоть, чтобы спасти от греха *их*. Если ангелы могут пасть, то и демоны могут возвыситься. *И мы те, через кого они обретут спасение*¹. Узрите, как страдали они по воле Божьей... И сжальтесь над ними!

Дитрих, у которого перехватило дыхание, испустил вздох изумления. Манфред убрал руку со своего меча.

– Покажите этим существам, что есть христианин, – продолжал Иоахим. – Примите их у своих очагов, ибо они замёрзли. Дайте им хлеба, ибо они голодны. Приютите их, ибо они вдалеке от дома. Так, вдохновленные нашим примером, они расскаются и обретут спасение. Вспомните слова Великого суда: «Господи! когда мы видели *Тебя* алчущим, когда мы видели *Тебя* нагим?»¹⁵⁰ *Как своего ближнего!* А кто есть наш ближний? *Всякий, кто может пересечь наш путь!*» – Тут он указал пальцем прямо на толпу бесстрастных крэнков, стоящих в северной части нефа. – Заключенные во плоти, они не могут иметь демонической власти. Христос всемогущ. Всеблагодать Христа всемогуща. Он торжествует над всем мелочным, подлым и преступным, Он торжествует даже над преступлением столь древним, как сам Люцифер. Ныне мы можем узреть, как *Он торжествует над самой Преисподней!*

Прихожане ахнули, и даже Дитрих ощутил, как по его коже пробежала дрожь. Иоахим продолжил проповедовать, ко Дитрих его более не слушал. Вместо этого он подметил, как

¹⁴⁹ *Sedalia* – скамья (лат.).

¹⁵⁰ Евангелие от Матфея, 25:37–У.

безропотно слушали хохвальдцы; услышал, как прищелкивают языками Ганс и некоторые другие, когда они повторяли перевод говорящей головы. Дитрих не сомневался, что в словах монаха не было ни логики, ни ортодоксии, но их эффективность он не мог не признать.

Когда Иоахим закончил – или, возможно, всего лишь прерывался, – Манфред поднялся со своего места и возвестил для тех, кого не было на мосту, что предводитель крэнков отныне нарекается бароном Гроссвальдом¹⁵¹ и будет жить вместе со своими *ministeriales* ¹⁵² в замке в качестве гостя, и что остальные странники будут расквартированы так, как постановит его совет.

Перспектива этого вызвала большое замешательство – пока вперед не выступил Клаус и, уперев руки в бока, не пригласил *майера* пилигримов погостить у него. Предложение изумило Дитриха, но он предположил, что после того, как его жена заботилась об их ранах, мельник не мог отстать от нее в гостеприимстве. После этого некоторые открыли двери и своих домов, тогда как иные бормотали: «Лучше ты, чем я!»

Манфред предупредил крэнков насчет их нрава.

– Я понимаю, что ваш кодексе чести требует скорого физического возмездия. Ну и прекрасно. Другая страна, другие нравы. Но вы не должны так обращаться с моими людьми. Правосудие покоится только лишь на мне, и преступить его значит бросить тень на мою честь. Если любой из вас преступит законы и обычаи манера, вы должны будете ответить перед *моим судом*, когда он соберется весной. В иных случаях правосудие среди вас и по вашему обычаю будет вершить барон Гроссвальд. Пока же мы желаем, чтобы герольды носили такую упряжь на головах, которую могут предоставить крэнки, так чтобы когда бы ни возникла необходимость поговорить одному с другим, герольды могли перевести.

В тишине, последовавшей за этим выступлением, Иоахим начал петь – сначала чуть слышно, а затем все громче, задрав подбородок и вознося слова к балкам и стропилам, как будто движимый каким-то внутренним пламенем. Дитрих узнал мотет *Christus factus est pro nobis* ¹⁵³ и со следующей строчкой присоединил свой голос к *duplum*, ¹⁵⁴ на что Иоахим сначала запнулся, а лотом продолжил. Дитрих взял «подхватывающий голос», или *tenor*, а Иоахим октавой выше, и их голоса свободно переливались от одного к другому, причем Иоахим иногда выдерживал двенадцать нот на одну ноту Дитриха, Дитрих осознал, что крэнки перестали стрекотать и застыли, словно статуи в нишах церкви. Не один из них поднял *mikrofonai*, чтобы уловить звуки.

Наконец, голоса обоих слились в унисон на «освежающем фа», где заканчивался пятый лад, и на несколько мгновений притихшая церковь оставалось безмолвной, пока резкое «Амный» Грегора не вызвало хор восклицаний. Дитрих благословил паству, сказав:

– Да преуспее с Божьей волей сие начинание, и укрепитесь наша решимость в нем. Мы молим об этом Господа нашего Иисуса Христа, во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь.

Затем он безмолвно вознес молитву, чтобы согласие, чудодейственным образом установившееся благодаря неожиданной проповеди Иоахима, не разрушилось по здоровом

¹⁵¹ Назначен *Гроссвальдом* – т. е. бароном Большого леса, где и приземлился корабль крэнков.

¹⁵² *Ministeriales* – «состоящие на службе», министерялы, слуги (от *позднелат.*).

¹⁵³ *Motem* (фр. *motet*, уменьшительное от *mot* – слово, изречение, заповедь) – музыкальное произведение для многоголосого исполнения. Первоначально был рассчитан на два голоса и основан на том или ином изречении из Библии. В данном случае Иоахим исполняет мотет, основанным на стихе из послания к филиппинцам (2:8–9). *factus est pro nobis obediens usque ad mortem, mortem autem crucis. Propter quod et Deus exaltavit illum et dedit illi nomen, quod est super omne nomen.*

[(Он) смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени.]

¹⁵⁴ *Duplum* – верхний голос (*лат.*).

размышлении.

* * *

Когда Дитрих позднее привел в свой домик Ганса и Скребуна, он обнаружил, что Иоахим уже развел огонь в камине в большой комнате и помешивал железной кочергой потрескивающие поленья. Оба крэнка издали непередаваемые говорящей головой восклицания и устремились в комнату, поближе к пламени. Иоахим отступил назад с кочергой в руке и принялся их рассматривать.

– Это те двое, что будут гостить у нас, – предположил он.

– Того, на ком надеты странные меха, зовут Скребун, потому что, когда я встретил его, он скрежетал своими руками.

– И ты назвал их господина Увальнем, – сказал Иоахим с легкой улыбкой. – Знает ли он, что это означает «неотесанный глупец»? А кто второй? Я видел эти одеяния прежде, под стропилами церкви во время *feriae messis*.

– Ты видел его тогда – и ничего не сказал? Иоахим пожал плечами:

– Я постился. Это могло быть видением.

– Его имя Иоганн фон Штерн. Он слуга, который присматривает за говорящей головой.

– Слуга, и ты наградил его частичкой «фон». Я не ожидал, что у тебя есть чувство юмора, Дитрих. Но почему на нем короткие штаны и камзол, тогда как второй закутан в меха?

– В их стране теплее, чем у нас. Они оставляют свои ноги и руки открытыми, поскольку во время говорения требуется иногда скрестить ими. Поскольку их корабль держал курс на такие же теплые страны, ни пилигримы, ни команда не взяли с собой теплой одежды. Взяли только люди Скребуна, планировавшие исследовать неизведанные земли.

Иоахим лязгнул кочергой о камни камина, чтобы отбросить угли.

– Он мог бы тогда поделиться мехами, – произнес Минорит, вешая кочергу на крюк.

– Это никогда не придет ему в голову, – ответил крэнк Ганс. И, помолчав, добавил: – Так же как и мне.

* * *

Дитрих и Иоахим отправились в кухонную пристройку готовить постели для странников; там большой по размерам очаг давал больше тепла. На тропинке в снегу между двумя зданиями Иоахим произнес:

– Ты хорошо пел сегодня в церкви. *Organum purum* трудно исполнить.

– Я учился в Париже по методу д'Ареццо.¹⁵⁵ Он включал в себя запоминание гимна *Ut queant laxis* и использование первых слогов каждой строчки гексахорда: ут, ре, ми, фа, соль, ля.

– Ты пел как монах, – заметил Иоахим. – Я не удивлюсь, если ты когда-то прошел постриг.

Дитрих погладил затылок:

– Я обзавелся плешью еще на общем курсе. Иоахим засмеялся, но прикоснулся к руке Дитриха:

– Не бойся. Мы справимся. Мы спасем этих демонов для Христа.

– Они не демоны. Ты убедишься в этом в свое время, как убедился я.

¹⁵⁵ Гвидо д'Ареццо (990 – 1050) – монах бенедиктинского монастыря в Ареццо (Тоскана). Ему приписывается старинный метод облегчения чтения нот – «гвидонова рука». Все звуки звукоряда условно размещались в определенном порядке на суставах и кончиках пальцев левой руки. Название ступеней 6-ступенчатого звукоряда Гвидо д'Ареццо взял из гимна св. Иоанну «*Ut queant laxis*» (по первым слогам гимна: ut, re, mi, fa, sol, la). Впоследствии для удобства пения слог «ut» преобразовался в «do».

– Нет, они погрязли в грехе. Философ отказался делить теплую одежду со своим слугой. У философов всегда найдутся логические обоснования уклоняться от добра – и эти доводы всегда будут покоиться на их страсти к материальным благам. Человек, располагающий малым, не сомневается поделиться им; но тот, кто владеет многим, будет цепляться за богатство и на смертном одре. Это приспособление... – Иоахим указал на шнурок головной упряжи, которая была на Дитрихе. – Объясни, как оно работает.

Дитрих не знал этого, но повторил то, что ему рассказывали о неосязаемых волнах в воздухе, «чувствуемых» приспособлениями, которые он называл «усиками», или *antennae*. Но Иоахим рассмеялся:

– Как часто ты говорил, что мы не должны воображать новые сущности для объяснения того, что можно объяснить уже имеющимися. И все же ты допускаешь то, что в воздухе существуют неосязаемые волны. Определенно, это приспособление демоническое, – и эта гипотеза намного проще.

– Если это приспособление и демоническое, то оно не причинило мне вреда.

– Дьявольское ремесло не может повредить доброму христианину, что говорит в твою пользу. Я боялся за тебя, Дитрих. Твоя вера холодна, как снег, и не греет. Подлинная вера подобна огню, дающему жизнь...

– Если под этим ты имеешь в виду, что я не кричу и не стенаю...

– Нет. Ты говоришь – и, хотя слова твои всегда правильны, они не всегда верны. В тебе нет радости, только поросшая быльем печаль.

Дитрих, пребывая в большом неудовольствии, распорядился:

– Там амбар для сбора церковной десятины. Принеси соломы для постели.

Иоахим замялся:

– Я думал, что ты уходил в леса, чтобы лежать с Хильдегардой. Я думал, что лепрозорий это выдумка. Верить в это было грехом поспешного суждения – и я молю твоего прощения.

– Это была правдоподобная гипотеза.

– О каком правдоподобии может идти речь? У мужчины нет основания лезть в постель шлюхи. – Он нахмурился, и его густые брови сошлись вместе. – Эта женщина блудница, искушительница. Если ты не уходил в лес, чтобы быть с ней, определенно тогда, что она шла в лес, чтобы быть с тобой.

– Не спеши судить *и ее тоже*.

– Я не философ, чтобы смягчать слова. Если мы боремся с врагом, позволь нам по крайней мере назвать его. Такой мужчина, как ты, – вызов для женщины, подобной ей.

– Такой мужчина, как я?..

– Давший обет безбрачия. О, как сладки гроздьи, что нельзя достать! Насколько они более желанны! Дитрих, ты не даровал мне прощения.

– Ах да, конечно. Я скажу словами молитвы Господа. Я прощаю тебе, как ты прощаешь ей. На лице монаха отразилось изумление.

– За что я должен простить Хильде?

– За то, что ее пышные формы не дают тебе покоя по ночам.

Иоахим побледнел и заиграл желваками. Затем он посмотрел на снег:

– Я думаю о них. Я представлял себе, как они отзываются на мои объятия. Я презренный грешник.

– Как и все мы. Вот почему мы заслуживаем любовь, а не порицание. Кто из нас достоин первым бросить камень? Но давай хотя бы не обвинять другого в своих собственных слабостях.

* * *

На кухне Дитрих обнаружил Терезию, забившуюся в тесный угол между очагом и стеной.

– Отец! – закричала она. – Отошли их прочь!
– Что беспокоит тебя? – Он протянул ей руку, но она не вышла из своего укрытия.
– Нет, нет, нет! – повторяла она. – Дьявольские, нечестивые создания! Отец, они пришли за нами, они хотят забрать нас глубоко-глубоко в ад. Как мог ты им позволить прийти? Ох, огни! Мама! Отец, пусть они уйдут прочь! – Ее глаза не узнавали Дитриха, а как будто видели перед собой иное.

Он давно не видел ее такой.

– Терезия, эти крэнки – всего лишь страдающие пилигримы из лесов.

Она вцепилась в рукав его рубашки:

– Разве ты не видишь, сколь они безобразны? Они застили твои глаза?

– Они такие же слабые создания из плоти и крови, как и мы.

В дверь кухни вошел монах со снопом соломы, покачивающимся у него на плече. Он бросил его на пол и устремился к алькову, где опустился на колени перед Терезией.

– Крэнки напугали ее, – сказал ему Дитрих. Иоахим протянул к ней руки:

– Выйди, позволь нам отвести тебя в твой дом. Там тебе нечего бояться.

– Она не должна бояться их, – возразил Дитрих. Но Иоахим напустился на него:

– Ради Бога, Дитрих! Сначала успокой, потом уже жонглируй своей диалектикой!

Помоги мне вытащить ее оттуда.

– Ты хороший мальчик, брат Иоахим, – сказала Терезия. – *Он* тоже был хорошим. Он пришел с демонами и огнем, но он заплакал и унес меня и спас меня от них. – Она сделала было еще пару шагов, поддерживаемая с двух сторон Иоахимом и Дитрихом, как снова завизжала. В дверь кухни вошли Ганс и Скребун.

– Я хотел бы понаблюдать за этой женщиной, – сказал Скребун механическим голосом говорящей головы. – Почему некоторые из вашего племени реагируют так?

– Она не является жуком или листочком, чтобы ее исследовать и разделять на сорта и виды, – ответил Дитрих, – Страх пробудил в ней старые воспоминания.

Иоахим взял Терезию под руку, заслонив женщину от крэнков, и поспешил с ней к двери.

– Заставь их исчезнуть! – просила Терезия Иоахима. Ганс щелкнул своими ороговелыми губами и произнес:

– Твое желание сбудется.

Он не просил Дитриха перевести замечание девушке, и священник решил, что это невольное восклицание не было предназначено ни для чьих ушей.

* * *

В тот вечер Дитрих побрел в Малый лес и нарубил еловых веток, которые затем сплел в рождественский венок перед наступающим воскресеньем. Заглянув на кухню, он увидел, что дрожащее тело Иоганна Штерна было укрыто стеганым одеялом Иоахима на гусином пуху.

XII

Январь, 1349

Перед утренней службой, Крещение Господне. 6 января

Зима словно накинула на землю саван. Едва успел осесть под лучами тусклого солнца первый снег, как поверх него выпал второй, и пастбища и тропинки стали неразличимы. Мельничный ручей и пруд промерзли до самого дна, так что сквозь ледяное стекло можно было увидеть изогнувшуюся рыбу. Крестьяне в своих домиках, занятые починкой одежды и мелким ремонтом, подбрасывали в огонь лишнее полено и зябко потирали руки. Внешний мир опустел, и над безмолвием деревни висела пелена сероватого древесного дыма.

Крэнки жалко ежились подле хозяйских очагов, редко осмеливаясь выйти наружу. Снег прервал все помыслы о починке их корабля. Вместо этого они говорили о том, как они

когда-нибудь починят его.

Но со временем прекратились даже разговоры.

На вечернюю св. Сатурния налетел сильный ветер, бивший в оконные ставни домика приходского священника. Сквозь щели между досками проникал тихий шелест. Ганс ушел в пристройку приготовить особую крэнковскую пищу для себя и Скребуна. Над столом рефектория согнулся Иоахим – под критическим взглядом Скребуна он вырезал из ветви черного дуба волхва Валтасара, чтобы добавить того к статуэткам рождественского вертепа.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался алхимик. Одним прыжком он тут же занял местечко у огня, распахнул меховую шубу Грегора и принялся нежиться в тепле.

– В Германии, – сказал Дитрих, отошедший закрыть дверь, – есть обычай стучать в дверной косяк и ждать позволения войти.

Но алхимик, которого они называли в честь Арнольда Виллановы, ничего на это не ответил. Он отщелкал какое-то известие Скребуну, и оба погрузились в оживленную дискуссию, которую «домовой» не перевел.

Дитрих снял варочный котелок, который до этого медленно кипел на огне, и подал Иоахиму. Крэнки были грубым и неучтивым племенем. Неудивительно, что они так часто ссорились между собой.

Из пристройки вернулся Ганс с двумя тарелками в руках. При виде алхимика он замер, а затем передал одно блюдо пришедшему, а другое – Скребуну. Сам он уселся за стол напротив Иоахима.

– То был благой поступок, – заметил Иоахим, снимая еще одну стружку со спины Валтасара.

Ганс махнул рукой: – Останься хоть один кусочек, он бы предназначался Арнольду.

Дитрих заметил, что даже Увалень считался с алхимиком, хотя Арнольд явно был в числе его подчиненных.

– Почему? – Он отчерпал немного супа в деревянную миску и передал ее Гансу вместе с тонким кусочком хлеба.

Вместо ответа Ганс подхватил фигурку Христа-младенца, вырезанную прежде Иоахимом:

– Твой брат сказал мне, что она изображает вашего господина-с-неба; но философия вероятности событий учит тому, что народ из иных миров должен обладать иными формами.

– Философия вероятности событий, – повторил Дитрих. – Это интригует.

– Хотя и менее чем то, – сухо сказал Иоахим, – как божественная сущность обрела плоть. Сын Божий, Ганс, обрел человеческое подобие во время своего вочеловечивания.

Ганс молча прислушивался к своей упряжи на голове.

– «Домовой» сообщил мне, что «вочеловечивание» на языке ваших церемоний означает «обретение плоти».

– *Ja, doch.*

– Но... Но это изумительно! Никогда мы не встречали народа, способного принимать форму другого! Был бы ваш господин существом из... Нет, не огня, а из той сущности, что дает импульс материи.

– Дух, – догадался Дитрих. – Его греческое название – *energia*, что означает принцип, который «работает внутри» или приводит в движение.

Крэнк поразмыслил над этим:

– У нас есть... взаимосвязь между духом и материальными вещами. Мы говорим, что «дух равен материи, умноженной на скорость света и еще раз на скорость света».

– Интересное заклинание, – сказал Дитрих, – хотя и оккультное в своем значении.

Но крэнк отвернулся в сторону, чтобы прервать своих сотоварищей непереуловленным восклицанием. Среди них возникла яростная дискуссия, которая завершилась тем, что алхимик надел на голову собственную упряжь и обратился к Дитриху:

– Расскажи нам об этом господине из чистой *energia* и о том, как он обретает плоть. Подобное существо, когда оно вернется, может все же спасти нас!

– Аминь! – отозвался Иоахим.
Но Скребун щелкнул уголками своих губ:
– Обретение плоти? Атомы плоти не подойдут. Может ли хохвальдец оплодотворить крэнка? Уа-бва-уа.

Арнольд сделал легкий жест рукой:

– Существо из чистой *energia* может знать искусство обитания в чужом теле. – Он присел за столом. – Расскажи мне, скоро ли он придет?

– Сейчас время Адвента, – сказал Дитрих, – и мы ждем его рождения на Мессу Христа.

Алхимик затрепетал:

– А когда и где он обретет плоть?

– В Вифлееме, в Иудее.

Остаток вечера прошел в катехизических наставлениях, которые алхимик прилежно заносил в удивительную доску для письма, которую каждый крэнк носил в своей суме. Арнольд просил Иоахима перевести Мессу на немецкий, так чтобы «домовой», в свою очередь, мог перевести ее на крэнкский. Дитрих, знавший как плохо могут подходить выражения на одном языке к другому, мог только задаваться вопросом, какая часть смысла уцелеет в этом путешествии.

* * *

На всенощное бдение пришли даже те жители деревни, которых по другому поводу редко видели в стенах церкви. Вместе с ними прибыл крэнк Арнольд. Некоторые, включая Терезию, при виде этого необычного нового катехумена,¹⁵⁶ тихо выскользнули наружу. Когда завершилась литургия оглашенных и брат Иоахим, держа высоко над собой Евангелие, вывел крэнка Арнольда вперед за наставлением, часть прокралась назад на литургию верных. Но Терезии не было среди них.

После службы Дитрих набросил накидку и, зажав в руке факел, взял путь к подножию холма, где стоял домик Терезии. Он постучал в дверь, но она не ответила, притворяясь спящей, и потому ему пришлось удвоить свои усилия. На шум вышел Лоренц из кузницы; он сонно посмотрел на священника, потом оценивающе взглянул на звезды, после чего вернулся к прерванному сну.

Наконец Терезия открыла верхнюю створку двери.

– Почему ты не даешь всем спать? – спросила она.

– Ты сбежала с мессы.

– Пока присутствуют демоны, там не может быть настоящей мессы, поэтому я не нарушила Христов закон литургии. А ты, отец, нарушил, потому что отслужил не настоящую литургию.

Как-то уж слишком мудрено для Терезии.

– Кто тебе сказал об этом?

– Фолькмар.

Семейство Бауэров в полном составе тоже покинуло церковь.

– А разве Бауэр богослов? Придешь ли ты к заутрене? – Ему никогда не приходилось еще задавать этот вопрос. Прежде его дочь посещала все три Христовы мессы.

– А они там будут?

Обычаи и церемонии деревни интересовали Скребуна, так же как и многих севших на мель паломников. Некоторые из них наверняка будут присутствовать со своими *fotografia* и *mikrofonai*.

– Возможно.

Она помотала головой:

¹⁵⁶ Катехумен – готовящийся принять крещение.

– Тогда я не должна. – Девушка захотела было закрыть дверь.

Дитрих выставил руку, чтобы помешать ей:

– Подожди. Если «во Христе нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского»,¹⁵⁷ как во имя Христа я могу препятствовать кому-то быть подле алтаря?

– Потому что, – ответила она простодушно, – эти демоны ни мужчины, ни женщины, ни греки, ни иудеи.

– Ты упрямая женщина!

Терезия захлопнула верхнюю створку.

– Ты должен отдохнуть перед утренней службой, – услышал он ее слова из-за двери.

Вернувшись в пасторат, Дитрих поделился своими заботами с Иоахимом и спросил, может ли он запретить крэнкам появляться на некоторых литургиях, чтобы Терезия и прочие могли их посещать.

– Простой ответ – нет, не можешь, – ответил монах. – И, как часто завещал Христос, простого ответа достаточно. Только схоласт отягощает себя подобной игрой словами. – Он перегнулся через стол и взял Дитриха за руку. – Нам выпала чудесная миссия, Дитрих. Сможем мы вырвать этих язычников из лап Сатаны и привести их к Господу, и Царство Небесное может быть не за горами. А когда настанет третья эпоха мира – эпоха Святого Духа – наши имена будут записаны золотыми буквами.

Но когда Дитрих прилег вздремнуть перед заутреней, он подумал, *будет ли имя Терезии записано рядом с их именами?*

* * *

Как это часто случается, страх порождает не только желание уединиться, но и враждебность. Терезия, прознав про особую чувствительность крэнков к холоду, бросала в них снежки, где бы с ними ни повстречалась.

– Конечно, холод беспокоит их, – сказала Терезия Дитриху, когда он упрекнул ее в этом. – Они привыкли к огням адовым.

Однажды ее ледяной снаряд больно ударил ребенка крэнков. После этого некоторые крэнки, зная, ЧТО ТОЛЬКО одного их вида достаточно, чтобы привести ее в исступление, в качестве небольшого возмездия стали отваживаться выходить на холод, лишь бы показаться под окнами ее дома. Барон Гроссвальд применил дисциплинарные меры в своем духе к этим нарушителям – не из любви к Терезии Греш, а ради поддержания, хрупкого мира – и тепла, – который он черпал из расположения герра Манфреда.

Даже Иоахим был вынужден выразить свое разочарование:

– Если ты спросишь меня, кто в этой деревне сядет пред лицом Господа, – сказал он одним вечером, когда по своему обыкновению латал очередную прореху, – я бы назвал имя травницы. Лоренц сказал, что она была немой, когда пришла с тобой.

Подметавший пол Дитрих замер от нахлынувших внезапно воспоминаний:

– И потом еще два года. – Он бросил взгляд на висящее на стене распятие, на котором в муках изгибался Христос. *За что, о Господи, ты наказал ее так? Иов, по крайней мере, был богатым и потому мог заслужить невзгоды, но Терезия была всего лишь ребенком, когда ты забрал все у нее.* – Ее отец был господином в Эльзасе, – сказал он вслух, – и «кожаные руки» сожгли поместье, убили ее отца и братьев и надругались над ее матерью.

Иоахим перекрестился:

– Упокой Господи их души.

– Единственно за то, что они были богаты, – добавил многозначительно Дитрих. – Я не знаю, был ли ее отец жестоким властителем или добрым, были ли его помещичьи земли

¹⁵⁷ Послание к галатам святого апостола Павла, 3:28.

обширны или лишь клочком бедного рыцаря. Подобные различия ничего не значили для той армии. Безумие охватило их. Они почитали греховным весь *класс*, а не конкретного человека.

– Как ей удалось спастись? Не говори мне, что толпа!.. – Иоахим побледнел, его губы и пальцы задрожали.

– Был человек среди них, – вспомнил Дитрих, – который прозрел, но отчаялся покинуть их компанию. К тому же он был предводителем и не мог ускользнуть незамеченным. Поэтому он потребовал девчонку, как если бы хотел лечь с ней. К тому времени восстание было разгромлено. Они были ходячими трупами и безо всякого суда, а потому какое большее преступление можно было к этому прибавить? Остальные подумали, что он только забрал ребенка в какое-то уединенное место. К утру он уже был во многих лигах пути оттуда. – Дитрих погладил свои руки. – Именно от этого беззаконника девочка попала ко мне, и я привез ее сюда – в место, не затронутое безумием, где она могла обрести немного покоя.

– Благослови Бог этого человека, – перекрестился Иоахим.

Дитрих обернулся:

– Благослови Бог? – закричал он. – Он резал людей и приказывал резать другим. Божье благословение было далеко от него.

– Нет, – спокойно настаивал монах. – Оно всегда было рядом с ним. Он должен был только принять его.

Дитрих молчал.

– Трудно простить такого человека, – сказал он наконец, – какие бы благие намерения ни двигали им в итоге.

– Трудно людям, быть может, – парировал Иоахим, – но не Господу. Что стало с этим человеком потом? Схватил ли его герцог Эльзасский?

Дитрих отрицательно покачал головой:

– Никто не слышал о нем вот уже двенадцать лет.

* * *

Время между всенощной и Богоявлением было самым длинным праздником в году. Жители деревни уплачивали дополнительную подать, чтобы уставить праздничный стол господина, но были освобождены от всякой физической работы, а потому всех охватил дух праздника. На лужайке вновь была поставлена ель, увешанная флагами и украшениями, и даже в самом скромном доме нашлось место остролисту, ели или *мистели*.¹⁵⁸

В увеселениях не участвовали только крэнки. Слишком буквальный перевод *пришествиям* язык крэнков заставил потерпевших кораблекрушение путешественников ожидать подлинного явления давно обещанного господина-с-неба, а потому их разочарование было горьким. Хотя Дитриха и радовало то, что странники так ждут наступления Царства Небесного, он предостерег Ганса от наивного буквализма.

– Спустя тринадцать столетий после того, как Христос вознесся, – объяснял Дитрих после поминальной мессы в честь св. Себастьяна,¹⁵⁹ когда Ганс помогал ему чистить священные сосуды, – его последователи так же думали, что вскоре он вернется, но они ошиблись.

– Возможно, их сбило с толку сжатие времени, – предположил Ганс.

– Как! Время можно отжимать, как виноград? – Дитриха это одновременно изумило и позабавило. Он даже чмокнул губами в улыбке на манер крэнков, ставя чашу для святого причастия в сервант и запирая его. – Если время можно «сжать», то, значит, оно сущее, на

¹⁵⁸ *Мистель* – спиртованное до забраживания виноградное сусло.

¹⁵⁹ 20 января.

которое можно действовать, а *сущее* состоит из объекта и положения в пространстве. Движимый предмет меняет свое положение, сначала он *здесь*, затем он *там*; то *здесь*, то *там*. – Дитрих помахал туда-сюда рукой. – Движения суть четыре вида: субстанциональное, например, когда полено обращается пеплом; изменение качества, когда яблоко созревает от зеленого к красному; изменение количества, когда тело растет или уменьшается; и изменение местоположения, которое мы называем «локальное движение». Очевидно, что для того, чтобы время «сжалось» – было *длинным*, стало *коротким*, – должно произойти изменение количества и отсюда *движение* времени. Но время – *мера* движения в изменяемых предметах и не может измерять себя само.

Ганс не согласился:

– Дух перемещается так же быстро, как и движение света, когда нет воздуха. На таких скоростях время бежит быстрее, и то, что для Христа-духа моргнуть, для вас – многие годы. Так что ваши тринадцать столетий могут казаться ему лишь несколькими днями. Мы называем это сжатием времени.

Дитрих с минуту обдумывал предположение:

– Я допускаю два вида длительности: *tempus* ¹⁶⁰ для подлунного мира и *aeternia* ¹⁶¹ для небес. Но вечность не является временем, равно как и время – не часть вечности, ибо не может быть времени без изменения, для которого требуется начало и конец, а у вечности нет ни того ни другого. Сверх того, движение является свойством изменяемых сущностей, тогда как свет – свойство огня. Но одно свойство не может быть присуще другому, ибо тогда второе свойство должно быть сущностью, а мы не должны увеличивать число сущностей без нужды. Таким образом, свет не может быть движением.

Ганс поскрежетал руками:

– Но свет *является* вечностью. Он представляет собой волну, подобно ряби на мельничном пруду.

Дитрих рассмеялся остроте крэнка:

– Рябь на воде является не *вечностью*, а свойством воды, вызванным ветром, рыбой или брошенным в воду камнем. Что является средой, в которой свет «разбегается кругами»?

Ганс ответил:

– Такой среды нет. Наши философы доказали, что...

– Может ли быть рябь без воды? – вновь рассмеялся Дитрих.

– Хорошо, – сказал Ганс. – Свет только *подобен* ряби, но состоит из... очень маленьких тел.

– Частиц, – подсказал нужное слово Дитрих. – Но, если бы свет состоял из частиц – утверждение, вытекающее из того, что «рябь пробегает не в среде», – их тельца воздействовали бы на наше осязание. Ганс всплеснул руками:

– С этим нельзя поспорить. – Он медленно потер ладонями, но из-за меховых варежек скрежета никто не услышал. – Когда «домовой» переводит «движение» или «дух», – сказал он наконец, – значение терминов на крэнском, которые я слышу, может отличаться от немецких терминов, которые произносишь ты. Для меня в «движении» находится падающая скала, а не горящее полено. Когда я говорю это, нажимая определенный символ на говорящей голове, я освобождаю дух из накопительных цилиндров и так оживляю предмет, я знаю, что я сказал, но не то, что ты услышал. Ты закончил мыть? Хорошо. Давай вернемся к огню в доме. Здесь для меня слишком холодно.

Пока Дитрих натягивал на себя накидку и от холода запахивал потуже воротник, крэнк продолжил:

– Однако ты говорил правду. Время действительно неотделимо от движения –

¹⁶⁰ *Tempus* – время (лат.).

¹⁶¹ *Aeternia* – вечность (лат.).

длительность зависит от степени движения – и время имеет свое начало и конец. Наши философы сделали вывод, что время началось тогда, когда соприкоснулись этот и иной миры. – Ганс хлопнул руками для наглядности. – То было начало всего. Придет день, они снова хлопнут, и все начнется заново.

Дитрих согласно кивнул:

– Наш мир и впрямь возник при соприкосновении с иным; хотя говорить о «хлопке ладонями» – значит использовать всего лишь метафору для того, что суть чистый дух. Но чтобы сжать что-либо, на него должна давить какая-то сила, поскольку нет движения там, где нет движителя. Как мы можем давить на время?

Ганс открыл церковные врата и изготовился в несколько прыжков по холоду достичь пастората.

– Вернее сказать, – ответил он уклончиво, – что время давит на нас.

* * *

Обычаи манора требовали, чтобы во время церковных праздников герр Манфред устроил жителям деревни пир в замке, и потому, согласно *вайстюмеру*, он отобрал определенные хозяйства из списка манора. Для Оберхохвальда традиционным числом было двенадцать, в память о двенадцати апостолах. Те, кто подобно Фолькмару и Клаусу владели несколькими мансами, сидели со своими женами подле господина и ели-пили с господских приборов. Батраки тоже были приглашены, хотя приносили с собой собственные скатерти, чаши и деревянные подносы.

Гюнтер выставил голову сыра, пиво, натертую горчицей свинину, рябчиков, сосиски и колбасы, а также тушеных цыплят. Манфред велел барону Гроссвальду выставить для соплеменников угощение из своих запасов. *Charitas* была противна натуре крэнков, и большинство того, что выставил Увалень, было немецкой пищей, дополненной только небольшими порциями особой крэнковской провизии. Дитрих приписал мизерные порции присущему Гроссвальду эгоизму.

На пиру Петер Рейнхаузен, миннезингер Манфреда, исполнил отрывок из «Книги героев», выбрав историю, в которой отряд рыцарей короля Дитриха напал на розовый сад вероломного карлика Лаурина, чтобы спасти сестру Дитлиба, их товарища. Один из подмастерьев Петера играл на виоле, тогда как второй отбивал ритм на небольшом тамбуре. Спустя какое-то время Дитрих заметил, что гости-крэнки пощелкивают своими челюстями в такт лютне. Именно так незаметно проявлялась их человеческая сущность, и он покался перед Господом, что когда-то держал их всего лишь за животных.

После пира крестьяне могли забрать домой всю оставшуюся пищу, какая только могла поместиться в их салфетках. Лангерман принес для этих целей особенно большую тряпицу.

– Стол господина уставлен плодами моего труда, – объяснил батрак, когда почувствовал на себе взгляд Дитриха, – так что я лишь забираю назад немного из того, что однажды было моим. – Никел явно преувеличивал, ибо особым трудолюбием не отличался; самому же Дитриху такая расчетливость была не по нутру.

Затем слуги сдвинули столы с середины зала, чтобы расчистить место для танцев. Дитрих отметил, как крэнки и оберхохвальдцы медленно разделились по углам, словно вода и масло, налитые в один сосуд. Некоторые, например Фолькмар Бауэр, избегали странных созданий и посматривали на них со злобой, смешанной со страхом.

Мастер Петер заиграл музыку для танца, и хохвальдцы разбились по парам: Фолькмар и Клаус со своими женами, Ойген с Кунигундой, выступая в такт, тогда как прочие гости взирали на это со стороны, столпившись у камина.

Манфред повернулся к знатым крэнкам, стоявшим подле него: Гроссвальду, Скребуну и Пастушке, которая была *майером* пилигримов.

– Есть одна история о танцах на всенощную в замке *Альтхорнберг*, – сказал он, указывая широким жестом на наполненные до краев вином *Kraustrunk*, за чью рифленую

поверхность пьющим было надежней взяться, нежели за гладкое стекло. – В разгар веселья некоторые танцоры обули освященные хлеба как башмаки. Ну, осквернение хлеба вызвало Божий гнев, так что разразилась гроза. Служанка пыталась остановить танцы, но Альтхорнберг счел гром за Божье одобрение и приказал танцорам продолжать, на что молния спалила замок. Только одна служанка уцелела – и иногда в эти дни ее видят на дорогах вокруг Штайнбиса.

Дитрих парировал историей о монастыре озера Титизее,

– Никто не допускался туда за исключением прекрасных наследниц, занимавших очень высокое положение благодаря своему богатству. Однажды ночью, когда за окнами бушевала гроза, а в монастыре набирала ход хмельная пирушка, в ворота раздался стук, и сестры отправили ответить самую молодую из послушниц. Выглянув наружу, она увидела утомленного с дороги старика, который молил приютить его на ночь. Чистая сердцем, она попросила матушку настоятельницу оказать радушие путнику, но та лишь подняла тост за его здоровье и отослала прочь. В ту же ночь дождь затопил долину, и весь монастырь ушел под воду, за исключением юной послушницы, которую спасла лодка, управляемая старым пилигримом. И так было положено начало озеру Титизее.

– Так оно и было? – спросила Пастушка.

– *Doch*, – торжественно подтвердил Манфред. – Историю можно проверить двояко. Во-первых, можно заглянуть в глубь озера и узреть колокольни погибшего монастыря. Другой путь – это нырнуть в воду. И если ты нырнешь «глубже, чем даже промерит лот», то услышишь перезвон монастырских колоколов. Но никто из тех, кто осмелился на это, не вернулся, ибо Титизее бездонно.

Чуть позже Ганс оттащил Дитриха в сторону и спросил:

– Если никто так и не вернулся из бездонного озера, то откуда же известно, что можно услышать колокола?

Но Дитрих лишь рассмеялся:

– Смысл легенды – преподать урок, – вразумлял он крэнка, – а не запечатлеть быль. Но заметь, что наказание последовало за то, что к путнику не было проявлено милосердие, а не за какое-то языческое суеверие из-за хлебов.

Маленькая Ирмгарда улизнула из детской, как часто поступают дети, когда взрослые празднуют; но Клотильда, ее няня, раскрыв побег, пустилась за ней в погоню, и дитя вбежало с визгом в зал, лавируя среди высокого леса ног, пока, оглянувшись на свою преследовательницу, не налетело на Пастушку.

Предводительница пилигримов, которая получила свое имя по той причине, что массу времени тратила на то, чтобы собрать детей и отогнать куда-нибудь, взглянула вниз на маленькое создание, которое едва не сбило ее с ног, и в помещении моментально повисла тишина. Танцоры замерли на месте. Кунигунда, увидев, что наделала ее сестра, сказала «Ой» совсем слабым голосом, ибо всякому было известно о вспыльчивой натуре странников.

Ирмгарда посмотрела выше, затем еще выше, и ее ротик раскрылся. Она уже видела странных созданий в отдалении, но впервые столкнулась с ними вблизи.

– Ой, – сказала она в восторге, – какой большой кузнечик! Ты умеешь прыгать?

Пастушка легонько кивнула головой, когда ее упряжь на голове повторила слова; затем, едва согнув колени, она подпрыгнула к стропилам зала – под восхищенное хлопанье в ладоши Ирмгарды. В верхней точке своего прыжка Пастушка поскребла голеньями друг о друга, очень похоже на то, как человек щелкает каблуками. Прежде чем она коснулась каменных плит пола, подпрыгнул второй крэнк, и вскоре уже несколько скакало, неритмично скрежеща руками и щелкая челюстями.

Ага, подумал Дитрих, *так вот что они почитают за танец*. Однако прыгуны не пытались двигаться дружно, как и не следовало какому-либо ритму поскрипывание и щелканье.

Но вопрос Ирмгарды и реакция Пастушки сломали повисшее в воздухе безмолвное напряжение. Хохвальдцы начали улыбаться, наблюдая за прыжками крэнков, поскольку

Ирмгарда тут же присоединилась к ним с детским ликованием. Смягчилось даже хмурое лицо Фолькмара.

Мастер Петер, пытаясь поймать своей лютней подобающий происходящему ритм, остановился на французском *motetus* ¹⁶² из «Зеркала Нарцисса». Это не оказало никакого эффекта на хаотичные телодвижения крэнков, но побудило Ойгена и Кунигунду возобновить замысловатый и схематичный танец. Петер запел: *Dame, je sui cilz qui vueil endurer*, и его ученики подхватили вслед за ним. Игравший на тамбурине взял *triplum* ¹⁶³ и запел мольбу возлюбленного – *ляг со мной, иль я умру*, тогда как тот, что играл на виоле, подхватил *tenor* и изобразил любовные муки.

– Нравится? – спросил Дитрих Ганса по слышимому только им двоим каналу связи, к которому они иногда прибегали для общения друг с другом. – Танец – еще одна нить между нами.

– Еще одно препятствие. Эта ваша особая способность показывает, насколько мы разные.

– Наша особая способность?

– Я не знаю, как это назвать. Выполнять одно действие, совершая для этого одновременно несколько различных действий. Каждый поет сейчас разные слова, каждый на свой лад, однако они сливаются странным, но приятным для наших ушей образом. Когда ты и твой брат спели, чтобы поприветствовать нас на вашем празднике, пилигримы несколько дней только об этом и говорили.

– Вам не известна гармония или контрапункт? – Но еще прежде, чем завершить фразу, Дитрих осознал, что это действительно так. Этому народу был известен только ритм, поскольку они дышали иначе, нежели человек, и потому не могли модулировать голосом. Все это им заменяло шелканье и поскребывание.

Ганс указал на прыгающих крэнков:

– Стадо без пастуха! Когда деревня чествовала строительство новых домов, один человек бил по натянутой коже, другой дул в трубу, третий выдавливал воздух из пузыря, а четвертый царапал палочкой по струнам. И все соединялось в звук, под который танцоры притопывали своими деревянными башмаками и хлопали по своим кожаным штанам – *никем не направляемые*.

– Никто не направляет и твоих сородичей сейчас, – сказал Дитрих, указывая на прыгунов.

– И они не прыгают... «сообща», «домовой» теперь мне подсказал нужное слово. Нам неизвестно, что такое «сообща». Каждый из нас наедине с собой, с одной-единственной мыслью: «Мы смеемся и прыгаем, ибо мы умрем».

* * *

Насколько буквальный смысл Ганс вкладывал в эту поговорку, стало ясно лишь после того, как на Крещение Господне растопило снег. Дитрих был разбужен Вандой, женой Лоренца, которая потащила его вниз с Церковного холма прямо к тому месту, где столбовая дорога минует кузницу. Там в молчании уже собралась небольшая толпа жителей деревни, дрожащих, согревающих дыханием руки и бросающих неуверенные взгляды по сторонам. Лоренц нарушил молчание:

– Алхимик умер.

И в самом деле, в раскопанной в снегу яме на боку лежал Арнольд, скрючившийся, подобно тем телам, которые иногда находили в оставшихся с незапамятных времен

¹⁶² *Motet* – вокальное многоголосное произведение полифонического склада.

¹⁶³ *Triplum* – исполнение на три голоса в средневековых мотетах (лат.).

могильных холмах. Его нагота изумила Дитриха, так как крэнки страдали от холода даже кутаясь в меха. В руке он сжимал кусок пергамента, на котором были нацарапаны слова-символы крэнков.

– Ванда заметила торчащую из сугроба ногу, – сказал Лоренц, – и мы откопали его голыми руками. – Он показал свои ладони, влажные и красные, как если бы Дитрих мог усомниться в его словах и требовал доказательств. Ванда вытерла нос и отвела глаза от тела.

– Он уже преставился к тому моменту, когда меня разбудили, – сказал Грегор.

Сепплъ Бауэр глупо ухмыльнулся:

– Одним демоном меньше, чтобы смущать нас Дитрих обернулся и вlepил ему хорошую затрещину.

– Могут ли демоны умереть? – закричал он. – Кто это сделал? – Он переводил взгляд с одного лица на другое, – Кто из вас убил этого мужчину?

Со всех сторон он получал отрицательные ответы, а Сепплъ потирал ухо и бросал сердитые взгляды.

– Мужчину? – вполголоса буркнул он. – А где его «кукарекающий петух»? Что выдает в нем мужчину?

И в самом деле, создание обнаруживало не больше признаков мужчины, чем евнух.

– Я думаю, он зарылся в снег и замерз, – сказал Лоренц.

Дитрих теперь внимательней исследовал лежащее перед ним тело и признал, что нигде не было едкого гноя, который заменял гостям кровь, как и следов синяков. Он вспомнил, что Арнольд был особенно меланхоличен даже для крэнка и склонен к уединению.

– Кто-нибудь вызвал барона Гроссвальда из замка? Нет? Сепплъ, сейчас же отправляйся. Да, *ты*. Приведи Макса тоже. Кто-нибудь, скажите Клаусу. – Дитрих повернулся и увидел, что фра Иоахим пришел из пастората, чтобы воззриться на тело в унынии.

– Он был моим лучшим катехуменом, – сказал монах, увязая по колено в снегу. – Я думаю, он был бы первым, кто присоединился к нам.

– А какой демон, – мрачно изрек Фолькмар, – смог бы жить с этим?

С Иоахимом пришли Скребун и Ганс. Взгляд философа застыл на теле друга, а Ганс шагнул вперед и вытащил пергамент из рук алхимика.

– О чем там говорится? – спросил Дитрих, но он мог бы с тем же успехом спросить резную фигуру св. Екатерины, ибо Ганс долгое время стоял неподвижно.

Наконец Ганс передал пергамент Скребуну.

– Это часть вашей молитвы, – сказал он. – Вот тело мое. Который бы ни съел его, будет жить.

При сем свидетельстве благочестия брат Иоахим не скрыл слез и с тех пор поминал имя Арнольда в *Memento etiom*¹⁶⁴ во время мессы.

Ганс и Скребун не проронили ни слова.

XIII

Январь, 1349

Плужный понедельник

Понедельник после Богоявления – называвшийся женщинами Понедельником юбок, а мужчинами Плужным понедельником – знаменовал конец рождественских церковных праздников. Как правило, мужчины деревни состязались в том, кто сможет пропахать фарлонг быстрее всех, но на укрытой снегом земле гонки не проводились. Однако Понедельник юбок отмечался полным ходом, и женщины Оберхохвальда весело ловили мужчин и держали их до выкупа. Название увеселения было обязано каламбуру, ибо слова

¹⁶⁴ *Memento etiam* – «Помяни также...», молитва за усопших.

юбка и месьт в немецком звучали очень похоже.

Дитрих попытался – и безуспешно – объяснить смысл веселья Гансу и другим крэнкам; но удовольствие от перемены ролей ускользало от тех, кто был привязан к своему положению инстинктом. Когда Дитрих объяснил, что на День дураков батрак может быть избран править как господин, они взглянули на него с недоумением – и едва ли не ужасом.

Ванда Шмидт поймала Клауса Мюллера и держала его в мужниной кузнице до выплаты выкупа, которого пришлось ждать долго. Некоторые говорили, что они были хорошей парой, ибо мельник и жена кузнеца были одного телосложения и чуть ли не равной силы.

– Верхний и нижний жернов, – пошутил Лоренц, когда его уводила Ульрика Бауэр. – Они бы усердно поработали над подобным мне, окажись таковой между ними.

Все мужчины деревни, в свою очередь, старались быть пойманными Хильдегардой Мюллер. Жена мельника, однако, попросила только пожертвования в пользу нуждающихся. Труда Мецгер увела Никеля Лангермана – ко всеобщему веселью, ибо никто не забыл, что она уже уплатила сама за себя *меркет*.

Когда Анна Кольман поймала Бертрама Унтербаума, произошла драка. Оливер Беккер, мнивший для себя подобную участь, сбил Бертрама с ног и разбил ему нос. Но вместо того, чтобы побежать за победителем, как, без сомнения, полагал Оливер, Анна бросилась к поверженному юноше и, положив его голову себе на колени, обрекла себя на годы пребывания в чистилище теми эпитетами, которые она обрушила на сына пекаря. Оливер побледнел и бежал от ее языка, как некоторые говорили, расплакавшись сам.

Время спустя, когда Якоб и Берта не могли отыскать своего сына, чтобы затопить печь, обнаружилось, что Оливер вместе со своими скудными пожитками исчез, и Якоб разбил юношу как *bummer*.¹⁶⁵

Дитрих боялся, что парень может разнести вести о крэнках до Фрайбурга, но Манфред отказался организовать погоню.

– В *такой* холод, по *таким* сугробам? Нет, он дурак, что сбежал, и, вероятно, давным-давно уже мертвый дурак.

После сего укора Дитрих простоял на коленях в церкви три вечера подряд, наказав себя самого за то, что беспокоился за собственную судьбу, а не за судьбу потерявшего голову юноши.

* * *

На службу третьего часа, в память о Присцилле Катакомбной,¹⁶⁶ Скребун позвал Дитриха и Лоренца в зал к Манфреду, чтобы встретиться с Гансом и третьим крэнком. Дитрих его не знал, но заметил, что на поясе у него висело много любопытных инструментов. Крэнки расстелили на столе пергаменты, густо испещренные замысловатым узором с символами. Изображение было очень четким, но ему не доставало цветистости и великолепия работ французов и богатства ирландцев. «Стебли» расходились под резкими углами и были усыпаны занятыми геометрическими «плодами» в форме кругов, квадратов и треугольников, некоторые с подписями. Дитрих подумал, что даже Иохим, не имеющий склонности к живописи, мог бы с легкостью набросать более изящный рисунок.

– Это изображение, – объяснил Ганс, – представляет собой... Как вы называете то, что начинается и возвращается в свое начальное положение?

– Кругообращение, подобное тому, как Эверард совершает опись владений герра.

– Большое спасибо. Эта опись помогает вести наш корабль по закручивающейся внутрь

¹⁶⁵ *Bummer* – глупый, глупец (нем.).

¹⁶⁶ День памяти 18 января.

спирали в иные миры. Или наподобие того, как говорит «слуга эссенции». – С этими словами Ганс указал на третьего крэнка, который носил имя Готфрид. – Его наиболее хитроумные приспособления разбились при кораблекрушении и не могут быть починены, но вот это примитивное устройство может послужить заменой. Эссенция бежит из этой точки, *движителя*, и возвращается назад по обмотке медной проволоки, оживляя тем самым наши машины.

Эссенция содержится в... «емкостях для хранения», но способность этих емкостей удерживать эссенцию все более снижается из-за отсутствия генерирующей силы. Это приспособление может помочь сохранить необходимый уровень.

Дитрих воззрился на рисунок:

– Это устройство ускорит ваше отбытие? Ганс не повернул головы.

– Оно может и не сработать, – признался он. – Однако попытаться необходимо, или же мы все будем «спасены на манер алхимика».

При сем сказанном Скребун резко щелкнул своими челюстями, а слуга эссенции онемел. Ганс склонился над «описью». Дитрих уже заметил, какое сильное воздействие на его странных гостей произвело самоубийство алхимика. Они стали более подавленными и чаще огрызались друг на друга.

– Эта эссенция, что проходит по меди, – вслух спросил Дитрих, – земля ли она, вода, огонь или воздух?

Ганс промолчал, поэтому ответил Скребун:

– Мы называем это... «четырьмя подобиями материи». Огонь, я полагаю. Она может гореть.

– Это потому, что атомы огня по форме четырехгранники, со множеством острых концов. Она должна двигаться очень быстро, эта сущность, имеющая свойства огня.

Ганс, до сих пор внимательно изучавший испещренный рисунками манускрипт, при этих словах поднял голову и изогнул мягкие губы в крэнковской улыбке:

– Да, в самом деле очень быстро.

– Огонь всегда стремится к своему естественному состоянию, двигаясь вверх к четвертой подлунной сфере.

– Ну, этот вид огня стремится вниз, – сказал Ганс, – или к своей «потенциальной возможности», как я думаю, сказали бы вы.

– Тогда в нем должно быть также что-то от воды, которая стремится к нижней сфере, – хотя огонь и воду, являющиеся полными противоположностями, нелегко смешать. Итак, ваша огонь-вода должна, следовательно, течь по каналам меди, как вода течет по мельничным лоткам и приводит в движение колесо мельницы Клауса от реализующейся потенциальной возможности. Эти плоды на стеблях обозначают машины? *Ja*? Но для того, чтобы привести машину в действие, необходим сильный поток. Огромное значение имеет высота запруды, поскольку, чем с большей силой падает вода, тем большая совершается работа.

– Потенциальная «сила воды» в этом контуре очень велика, – сказал Готфрид, слуга эссенции, – равно как и ее ток. Мы достали остаток слитка, оставленный кузнецу во Фрайбурге. Он не восполнит *все* потери, но его будет достаточно, чтобы создать это устройство.

– Как? – вскричал Дитрих. – Это же было платой меднику за работу!

Ганс махнул рукой:

– Нам она нужней. «Жучок», который путешествовал с тобой, сообщил, где располагается его мастерская. Мы слетали туда ночью и забрали слиток назад.

– Но это кража!

– Это вопрос выживания. Разве блага не распределяются по потребностям, как ты читал из своей книги?

– Распределяются, но не отбираются силой. Ганс, присущая вашему народу гордыня сбивает тебя с пути истинного. Ты видишь какую-то вещь, и, если ты желаешь ее и имеешь

достаточно силы взять, ты берешь.

– Если мы останемся здесь, то умрем. Поскольку жизнь есть высшая ценность, она требует величайших усилий; а потому все во благо нашего спасения не может быть названо излишним.

Дитрих вздрогнул:

– Но жизнь – это только величайшее из *тленных* благ; а потому она не является самым большим благом из всех, которое мы называем Богом. Желать того, что имеет другой, – это значит любить себя больше, чем ты любишь другого, а это противно *Charitas*.

Но Ганс отмахнулся:

– Иоахим верно обрисовал тебя. – Затем он повернулся к кузнецу. – Лоренц, можешь ли ты вытянуть проволоку достаточного диаметра?

– Медь требует более слабого огня, чем железо, – ответил Лоренц, – и дальше нужный диаметр – это лишь вопрос величины пропускного отверстия. – Он ухмыльнулся ничего не выражающим лицам крэнков. – Не беспокойтесь. Я начну работу, как только мы вступим под влияние Венеры.

– Венеры... – Ганс вскинул руки в жесте, выдававшем неуверенность.

– Эта планета благоприятствует работе с медью, – ответил кузнец на очевидное замешательство крэнка. – Ведь медь сначала шла с Кипра, – словоохотливо добавил Лоренц.

Свое позволение начать предприятие Манфред даровал со зримой неохотой. Однако не потому, что сомневался в благоприятном исходе, а как раз наоборот.

– Если они починят этот свой корабль, – признался он потом Дитриху, – крэнки от нас попросту улизнут, поскольку я сомневаюсь в том, что Гроссвальд понял смысл присяги на верность. Когда ему это окажется угодно, он отбросит ее безо всяких сомнений в собственной правоте.

– И будет в этом очень сильно отличаться от остального человечества, – добавил с иронией Дитрих.

* * *

И затем Лоренц обратил слиток в проволоку, а Готфрид устроил ее на доске, повторяющей рисунок «описи» при помощи магического жезла. Когда крэнк дотрагивался этим жезлом до катушек металла темно-серого цвета, *металл тек* и капал на проволоку и штыри, моментально вновь затвердевая и намертво скрепляя одно с другим. Мастера по металлу применяли подобный «металл для паяния», но они использовали огонь, чтобы расплавить его, здесь же Дитрих не видел никаких признаков огня. Жезл, который Готфрид позволил ему потрогать, не был даже теплым.

Работа требовала ювелирной точности, и, если она где-нибудь не соблюдалась, Готфрид колотил своих подмастерьев или сцеплялся с Гансом. Даже среди крэнков Готфрид выделялся буйным нравом.

Крэнки беспокоились по поводу «неизолированной» природы проволоки, но значение этого осталось таинственным, ибо в немецком языке не было соответствующего слова.

Когда «контур» наконец был готов, Готфрид испытал его при помощи устройства, которое носил на своем поясе, и – после долгой дискуссии с Гансом, Скребуном и бароном Гроссвальдом – объявил о том, что он удовлетворен.

* * *

На следующий день в неподвижном воздухе закружился снег. Вся компания собралась во внутреннем дворе замка. Закутанный в меха Готфрид затянул на себе ремни упряжи для полетов, к которой в специальном мешке было прикреплено созданное им устройство. Его подмастерье Виттих, вдоволь настрадавшись во время ремонта, теперь должен был доставить к кораблю Лоренца. Кузнец испросил милости взглянуть на корабль своими

глазами; и барон Гроссвальд, по настоянию герра Манфреда, дал свое согласие.

Дитрих благословил их предприятие, и Лоренц опустился на колени на обледенелые камни, осеняя себя крестным знамением. Прежде чем подняться на башню, откуда должен был стартовать корабль, кузнец обнял Дитриха и похристосовался с ним.

– Помолитесь за меня, – попросил он.

– Закрой свои глаза, пока не окажешься на земной тверди.

– Я боюсь не высоты, а провала. Я не медник. Проволока не такая тонкая и ровная, как о том просил Готфрид.

Дитрих остался у подножия башни, тогда как остальные принялись карабкаться наверх по узким, бегущим по спирали ступеням. Сразу же на повороте винтовой лестницы крэнки начали спотыкаться. Ганс, оставшийся с Дитрихом, отметил явную безыскусность каменщика.

– Как раз наоборот, – сказал Дитрих. – Ложные ступени устроены так, чтобы «подставлять подножку» штурмующим башню. Ступени закручиваются по правую руку для той же цели. Вторгшиеся не смогут орудовать своим мечом; тогда как защитники, наносящие удар вниз, могут размахнуться со всей свободой.

Ганс покачал головой – жест, которому он научился у обитателей деревни.

– Ваша абсурдность всегда оказывается хитроумной. – Он указал на небо, хотя и не поднимал головы: – Они полетели.

Дитрих провожал летунов взглядом, пока они не превратились в черные точки. Дозорные на стене тоже следили за ними, хотя они уже достаточно насмотрелись на подобные полеты, и новизна трюка начала пропадать. Они даже видели, как летал Макс Швайцер, хотя и без особого успеха.

– Блицль полон оптимизма, – сказал Ганс.

– Кто такой Блицль?

Ганс указал на ту сторону леса, где скрылись летуны.

– Готфрид. Тех, кто занимается его ремеслом, мы называем «маленькими молниями». ¹⁶⁷ Во время грозы ваше небо рассекают огромные языки огненной жидкости, а Готфрид имеет дело с уменьшенными копиями того же рода.

– *Elektronikos!*

Лицо крэнка не могло изобразить изумления:

– Ты знал об этом? И ничего не сказал!

– Я вывел их подобие, исходя из философских принципов. Когда ваш корабль упал, огромная волна *elektronikos* пронеслась по деревне, причинив немалые разрушения.

– Скажи спасибо, что это была лишь легкая рябь, – сказал ему Ганс.

* * *

Впоследствии было трудно восстановить, что произошло. Готфрид находился в другом отсеке судна и не видел. Возможно, Виттих заметил ослабленный провод и попытался его поправить. Но в тот момент, когда он прикоснулся к «неизолированной» проволоке, Готфрид открыл затвор шлюза, пустив *elektronikos* свободно течь по каналу – и через Виттиха, – и те устремились, как и все жидкое, вниз.

– Лоренц схватил Виттиха за руку, чтобы оттолкнуть его в сторону, – рассказывал Готфрид на устроенном Манфредом расследовании, – и поток побежал и по нему тоже.

Как и по старику *Пфорцхаймеру*, подумал Дитрих. И по *Хольцбреннеру* и его ученику. Только сильнее, как если бы поток хлынул через человека. «Человек – дни его подобны траве, как цвет полевой, отцветают они, – подумал Дитрих. – Повеет над ним – и нет его, и

¹⁶⁷ От немецкого «блиц» (*Blitz*) – молния.

не узнает места его». ¹⁶⁸

– Человек по имени Лоренц не знал, что случится, когда он коснулся Виттиха? – спросил Гроссвальд. Он сидел подле Манфреда и Тьерри на судейской скамье, поскольку дело затрагивало его соплеменника.

– Он увидел, что Виттиху больно, – ответил Готфрид.

– Но *ты* знал? – настаивал Гроссвальд.

Слуга эссенции взмахнул руками, и все могли узреть ожоги на его ладонях.

– Я подоспел слишком поздно.

Барон Гроссвальд медленно проскрежетал:

– Ты не ответил на мой вопрос.

* * *

После того как обгоревшее тело бедного Лоренца упокоилось с миром, а Дитрих как мог утешил Ванду, Грегор пришел в пасторат принести свои соболезнования, «ведь вы оба были так близки».

– Он был милым и кротким человеком, – ответил Дитрих. – С ним было очень приятно говорить, при этом всегда оставалось ощущение, что еще больше осталось невысказанным. Дружба мелка, я думаю, если между двумя друзьями все может быть высказано. Я уверен, он хотел многое рассказать мне, но всегда было время отложить это на потом. Теперь «потом» не настанет. Но печаль Ванды, должно быть, намного тяжелей. Грегор пожал плечами:

– Он ей очень сильно нравился, но они жили как брат и сестра.

– Вот как! Я не знал об этом. Что ж, апостол Павел упоминал о таких отношениях в своих посланиях.

– О, она не давала клятвы целомудрия, отнюдь нет, пока ее мог посещать Клаус Мюллер. Что до Лоренца, то он, похоже, не имел склонности, ибо Ванда та еще *Walküre*, ¹⁶⁹ чтобы укротить любой мужской порыв.

– Клаус Мюллер и фрау Шмидт! Грегор понимающе улыбнулся:

– Почему нет? Какую радость Хильда принесла с собой в постель мельника?

Изумлению Дитриха не было предела. О распутстве Хильдегарды Мюллер было хорошо известно, но он не ожидал того же от Ванды, женщины отнюдь не миловидной. Он вспомнил теперь, как на Плужный понедельник Лоренц сравнил свою жену и Клауса с верхним и нижним жерновом. Кузнец знал, или, возможно, даже терпел неверность своей супруги?

Запыхавшийся фра Иоахим появился в дверях:

– Вы срочно нужны в церкви, святой отец! Встревоженный Дитрих вскочил на ноги:

– Что стряслось?

– Крэнк Готфрид. – Щеки юноши, красные с мороза, пылали на бледном лице. Черные глаза сверкали. – О, истинно, не одно имя не было так чудесно избрано! Он обратился к Иисусу, и нам нужно, чтобы ты провел обряд крещения.

* * *

Готфрид поджидал в баптистерии, но Дитрих сначала повел его в ризницу и поговорил наедине.

– Почему ты решил креститься, друг кузничик? – спросил он. – Любое таинство теряет смысл, если значение его не понято. В крещении главное воля, а не вода.

¹⁶⁸ Псалом 102 (пер. С. Аверинцева).

¹⁶⁹ *Walküre* – валькирия (нем.).

– Из-за Лоренца Кузнеца. – Готфрид медленно потер руками – жест, как заключил Дитрих, означавший глубокомыслие, хотя ритм потирания руками мог указывать на раздражение, замешательство или иное состояние мыслей. – Лоренц был ремесленником, как и я, – продолжил крэнк. – Человек низкого происхождения; к услугам тех, кто был выше его. «По справедливости поступает сильный, когда повелевает; по справедливости поступает слабый, когда повинуется».

– То же самое афиняне сказали мелосцам,¹⁷⁰ – вспомнил Дитрих, – но я полагаю, что слово «справедливость» у вас и у нас значит не одно и то же. Манфред не может обходиться с нами так, как с вами обходится барон Гроссвальд. Он ограничен обычаями и постановлениями манора.

– Как такое возможно? – спросил крэнк. – Если справедливость – это господская воля?

– Потому что есть один Господь над всеми нами. Манфред наш господин только «под Богом», и это означает, что его воля подчинена высшей справедливости Господа. Мы можем не подчиниться плохому господину и не следовать незаконному повелению.

Готфрид схватил руку Дитриха, и тот усилием воли сдержал дрожь от прикосновения шершавых пальцев.

– В этом все и дело! Ваши повелители имеют обязательства перед своими вассалами, а наши нет. Лоренц пожертвовал собственной жизнью, чтобы спасти Виттиха, а Виттих был всего лишь... Тем, кто исполняет все, что бы ни потребовалось, не обладая при этом особыми знаниями ремесленника.

– Батрак. Но если Лоренц увидел, что Виттих мучается, естественно, что он попытался помочь.

– Но у нас неестественно, чтобы высший оказывал помощь низшему. Ремесленник не стал бы помогать простому батраку, только если... Только если ваша *charitas* не двигала им,

– Если честно, – сказал Дитрих, – то Лоренц не знал, что он рискует собственной жизнью.

– Он знал, – сказал Готфрид, ослабляя хватку. – Он знал. Я предупредил, чтобы он не прикасался к проволоке, когда она приведена в действие. Я сказал ему, что поток может поразить человека подобно молнии. Именно так он понял, что грозит Виттиху. И все же он и не подумал стоять в стороне и смотреть, как тот умирает.

Дитрих пристально посмотрел на крэнка. – Так же, как и ты, – сказал он после паузы. Готфрид махнул рукой:

– Я крэнк. Разве я мог не сделать чего-то такого, что смог сделать один из вас?

– Позволь еще раз взглянуть на твои ладони. Дитрих взял Готфрида за запястья и повернул ладонями вверх. Кисти крэнка не походили на человеческие. Все шесть пальцев действовали как большой палец у человека, и они были слишком длинными по сравнению с ладонью, которая в итоге казалась не крупнее золотого *талера*. Огненный поток оставил ожоги на обеих ладонях, к чему физик-крэнк относился с какого-то рода смущением. Готфрид вырвал руки и щелкнул уголками губ:

– Ты сомневаешься в моих словах?

– Нет, – сказал Дитрих. Черные отметины были очень похожи на стигматы. – Имеешь ли любовь к Господу в своем сердце? – резко спросил он.

Готфрид скопировал человеческий кивок головы:

– Если я демонстрирую в своих поступках эту любовь-к-ближнему, то она у меня и в голове, разве нет?

– «По плодам их узнаете их», – процитировал Дитрих, думая одновременно о Лоренце и Готфриде. – Отвергаешь ли ты дьявола и все порождения его?

¹⁷⁰ «Мелосский диалог» изложен в конце пятой книги «Истории» Фукидида. Афинские послы доказывали жителям Мелоса, что рабство для них будет столь же полезно, как и владычество, так как «о богах мы предполагаем, о людях же из опыта знаем, что они по природной необходимости властвуют там, где имеют на это силу» (V, 105,2).

– А кто тогда этот «дьявол»?

– Великий искушитель. Тот, кто постоянно нашептывает нам любить себя, а не других и тем пытается отвратить нас от благодати.

Готфрид выслушал, что ему перевел «домовой».

– Если меня бьют, – предположил он, – я говорю в своей голове – думаю – ударить другого. Если берут мое, я думаю забрать у другого взамен. Если я хочу получить удовольствие, я не спрашиваю согласия другого. Это ли ты имеешь в виду?

– Да. Эти фразы идут от Сатаны. Мы всегда стремимся к благому, но никогда мы не должны использовать дурные средства для его достижения. Если другие делают нам зло, мы не должны отвечать новым злом.

– Это трудные слова, особенно для таких, как *он*.

Все голоса, пропущенные через «домового», звучали одинаково, но Дитрих понял, что это сказал кто-то другой. Он обернулся и увидел в проеме Ганса.

– Трудные, действительно, – сказал священник слуге говорящей головы. – Настолько трудные, что ни один человек не может надеяться в точности им следовать. Наш дух слаб. Мы подвержены искушению отплатить злом на зло, искать собственную выгоду за счет остальных, *использовать других людей* как орудия в своих целях. Вот почему нам нужна сила – благодать – Господа нашего Иисуса Христа. Бремя греховности слишком велико для нас, чтобы нести его в одиночку, и потому Он идет подле нас, как Симон из Киринеи однажды шел подле Него.

– А Блицль – Готфрид – сможет следовать этим путем? Крэнк, известный всем как буян?

– Я смогу, – сказал Готфрид.

– Значит, ты такой слабак? Готфрид вытянул шею:

– Да, слабак.

Костяные уголки губ Ганса растянулись, и его мягкие губы широко раскрылись.

– И это *ты* говоришь?

Но Готфрид поднялся и двинулся к дверям ризницы, пройдя мимо Ганса к алтарю. Дитрих взглянул на своего друга.

– Ему потребуются твои молитвы, Ганс.

– Ему потребуется одно из твоих чудес. Дитрих кивнул.

– Как и всем нам. – Затем он проследовал за Готфридом в баптистерий. – Крещение, – сказал он крэнку подле медной купели, – это омовение от греха, так же как простая вода смывает грязь. Всякий возникает из воды как заново родившийся, а заново родившемуся требуется новое имя. Ты должен выбрать христианское имя среди тех святых, что жили до нас. Готфрид само по себе хорошее имя...

– Я буду называться «Лоренц».

Дитрих помедлил из-за внезапной боли, защемившей его сердце:

– *Ja. Doch.*

Ганс положил свою руку на плечо Дитриха.

– А я буду зваться Дитрихом. Грегор Мауэр ухмыльнулся:

– Можно я буду крестным отцом?

5

В наши дни: Шерон

В Средние века имели обыкновение сжигать еретиков.

Ныне известно, что сжигали не так много и не так часто, как предполагалось. Существовали свои правила; приговоры нередко выносили оправдательные, и чаще всего наказание сводилось к паломничеству и другого рода обязательствам. Чтобы подвергнуться сожжению, человеку и впрямь требовалось постараться. А некоторые именно так и делали, что немало говорит о человеческой природе.

Шерон не знала, что она еретичка, пока не потянуло дымом.

Заведующий ее кафедрой поджег первую вязанку. Он спросил, правда ли, что она работает с теориями переменной скорости света, и она с невинностью и воодушевлением человека, преисполненного святым духом научного исследования ответила:

– Да. Похоже, что это должно разрешить множество проблем.

Она-то имела в виду космологические проблемы: плоскости, горизонта, лямбды. Но заведующий кафедрой – его звали Джексон Уэллс – был глух к духу и опирался на закон. В данном случае законом было постоянство скорости света. Так сказал Эйнштейн, он ему верил, и этого было достаточно. Поэтому он имел в виду совсем другой род проблем.

– Подобно Ноеву Потопу, я полагаю.

Сарказм сильно удивил Шерон. Можно сравнить это с тем, что она рассуждала бы об автомеханике, а он отпустил шуточку о пиковой даме и бубновом валете. Здесь было что-то не так, и она задумалась, пытаясь понять, что именно. Уэллс принял ее молчание за свидетельство того, что пущенная им стрела угодила в цель, и откинулся в кресле, сложив руки на животе. Он был худощавым мужчиной, закаленным беговой дорожкой, универсальными машинами и академической политикой. Он красил волосы с большим искусством, оставляя такое количество седины, которая выдавала бы в нем умудренность опытом, но не возраст.

Они сидели в его кабинете, и Шерон поразило, как просторно там было. В два раза больший в диаметре и в глубину, чем ее собственный; в нем было вполовину меньше беспорядка. Учебники, расставленные по полкам и выглядевшие как новенькие, фотографии и сертификаты, все строго на своих местах. На его классной доске не было и следа диаграмм, а лишь одни финансовые сметы и таблицы.

Дело было не в том, что Уэллс не думал вообще, просто он думал о других вещах помимо физики. Финансовые сметы, фанты, сроки пребывания в должности, продвижения, администрация кафедры. Кто-то должен думать об этих вещах. Наука *не случается* сама собой. Это человеческая деятельность, осуществляемая человеческими созданиями, а каждому цирку нужен свой укротитель. Когда-то, давным-давно, молодой Уэллс написал три исследования об исключительном благе, извлекаемом квантовой механикой из уравнений Максвелла, содержание которых по-прежнему побуждало к написанию докторских диссертаций по всему миру; поэтому не думайте, что он был *Krawattendjango* – «пижоном в галстук», как говорят наши детишки в Германии. Немногим дано написать даже одно такое исследование. Быть может, тоска по тем безрассудным денькам и понимание того, что четвертое такое исследование ему не светит, объясняло его реакцию.

– Извините, – сказала Шерон. – Но какое отношение ПСС имеет к Ноеву ковчегу? – Даже тогда она подумала, что это может быть какой-то заумной шуткой со стороны заведующего. Он умел шутить с каменным лицом, а Шерон больше привыкла к клоунам.

– Вы действительно думаете, что сможете доказать учение о недавнем сотворении мира?

Возможно, дело было в серьезном выражении его лица. В улыбке, играющей на его губах. Такое выражение лица, должно быть, было у инквизиторов, когда они передавали своих обвиняемых на милость светского суда. Но Шерон наконец осознала, что он был серьезен.

– Что за учение о недавнем сотворении мира? – спросила она.

Заведующий не верил в подобную невинность. Он думал, что каждый, как и он, приучен к причудам легислатур штата, попечительских советов и прочих источников безумия.

– О том, что Господь создал Вселенную только шесть тысяч лет назад. Не говорите мне, что вы не слышали об этом.

Шерон знала, как Том ответил бы на этот вопрос, и с трудом сдержалась, сказав вместо этого:

– Теперь, когда вы упомянули об этом, я вспомнила, что слышала. – Ей действительно

требовалось напоминание. Она потратила большинство из часов ее бодрствования в Джанатпуровом пространстве. Там и не пахло креационизмом, ни недавним, ни каким-либо еще. Это бы смутило их, и они бы провалились в одно из этих ее безымянных измерений.

– Теперь, когда вы упомянули об этом, – передразнил ее Уэллс. Он был известен своим сарказмом в высших сферах университетского образования. Деканы спасались бегством при его приближении. – Нет ничего столь надежно установленного, как постоянство скорости света.

Это было сказано напрасно не только потому, что на самом деле целый ряд вещей был гораздо лучше установлен, но и потому, что для неглупого ученого в опоре на *авторитетный аргумент* не было ничего надежного. Ни Уэллс, ни Шерон не были воспитаны в религиозном духе, и потому ни один из них не осознавал, что они прибегают к религиозному аргументу, но что-то атавистическое восстало в сердце Шерон.

– Такова нынешняя парадигма, – сказала она. – Но более тщательное рассмотрение данных...

– Вы хотите сказать, пока вы не *подгоните* данные, чтобы доказать то, что вы хотите! – Уэллс сказал это без малейшей иронии. Кун, возможно, был и неважным философом, но он был прав в отношении холодной, костлявой руки Парадигмы. – Я сам проверил, когда услышал, что вы замышляете, и обнаружил, что на протяжении нескольких десятилетий никаких изменений в вычислениях скорости света не было. – Он откинулся назад в своем кресле и вновь сложил руки у себя на груди, приняв ее молчание за признание сокрушительного характера его возражений.

– Прошу прощения, – произнесла Шерон лишь с легкой дрожью в голосе. – Пара десятилетий? Это все равно что измерять смещение континентов за несколько часов. Попробуйте пару столетий, как я. Вам необходима более длинная шкала, чтобы... – И тут ее мысли понеслись в неожиданном направлении, а память услужливо подавала нужные данные. Уэллс поднял брови во внезапно воцарившейся тишине. Информация была столь необычной и столь полной, что резанула его по ушам. Но, когда он раскрыл рот, Шерон предупреждающе вскинула руку: – Вы знаете, что, когда Бирге в «*Nature*» в 1934 году сообщил об уменьшении скорости света, он не нашел абсолютно никаких изменений в длине волны?

Уэллс, которому не было известно и первое, равным образом пребывал во тьме относительно второго.

– Вы имеете в виду, когда он сообщил об ошибке в своих измерениях...

– Нет, подождите, – оборвала его Шерон, – это действительно интересно. – Она забыла, что по сути вызвана на ковер в кабинет заведующего. Она обнаружила сверкающий самородок в рудной породе и хотела указать на него всякому, предполагая, что все будут в таком же восхищении, что и она. – Доберитесь до сути дела, Джексон. Скорость света равна частоте, умноженной на длину волны. Поэтому если величина c уменьшается, а длина волны постоянна, то частота тогда должна увеличиваться.

– И?.. – протянул Уэллс Он не был профаном. Он внезапно понял, к чему ведет Шерон.

– И, – сказала Шерон в растущем возбуждении, – атомная частота определяет скорость, с которой тикают атомные часы. Конечно, скорость света была постоянной, поскольку они начали использовать атомные часы для ее измерения. Инструмент регулировался одновременно с предметом, который он измерял! О Боже! Постоянная Планка таковой не является!

Так обычно и происходит с еретиками. Они начинают с того, что ставят под сомнение одну доктрину, а заканчивают тем, что оспаривают вообще все. Не удивительно, что их то и дело сжигали.

Тот скрежет, что слышал Уэллс, было изменением парадигмы. Но шестеренки заржавели.

– Доктор Нэги, – сказал он с гнетущей формальностью. – У вас должность, и я не могу ничего с этим поделать. Но на вашем месте я бы не удивился, если ваш грант не будет

возобновлен на следующий семестр.

Таково было предостережение трибунала. Покайся в своей ереси или будешь проклят. Но Шерон Нэги шла по следу чего-то в высшей степени необычного, а Джексону Уэллсу ничего не было известно о Эваристе Галуа. Зная о том, что наутро его ждет дуэль, Галуа потратил свою последнюю земную ночь на то, чтобы записать основы теории алгебраической группы. Ночь доброго сна, и он, возможно, уцелел бы на дуэли; но есть такой тип сознания, который ставит открытие выше самой жизни. Если смерть не устрасила юного Эвариста, что ужасного было в потере финансирования для Шерон? Она была не так молода, как он, но она знала, что такое стиснуть зубы.

* * *

Был уже поздний вечер, когда она покинула университет. Начался учебный год, и она должна была выставить оценки за работы и подготовить вопросы для обсуждения. В этом учебном заведении преподаванию уделялось очень много внимания, и даже его наиболее авторитетные ученые призывались в окопы. Шерон вела два аспирантских семинара и читала курс высшей ступени по структуре Галактики, на который студенты охотно записывались, хотя и считали ее сухарем. В понедельник она начинала в точности с того места, где заканчивала в предыдущую пятницу, и иногда это означало *in media res*,¹⁷¹ пока ее студенты, сонные после воскресной вечеринки, косились на лекционную доску и проекции из компьютера, пытаясь вспомнить, откуда были получены выводы.

Именно в процессе подготовки курса по галактической структуре она обратила внимание на еще одну аномалию.

– Эрнандо, – спросила она молодого постдока, который работал вместе с ней. – Почему все машины едут по шоссе на скоростях кратных пяти?

Эрнандо Келли был из Коста-Рики, «тико», как они себя называли. Он был загорелый, мучительно хорошо сложен и в порядке отдыха лазил по отвесным скалам. Учítывая, что одна рука у него была на перевязи, отвесные скалы иногда побеждали. Шерон посадила его перелопачивать базы данных и собирать результаты. Эрнандо почесал затылок и попытался сообразить, о чем вопрос был на самом деле.

– Кратных пяти... – повторил он, намекая на необходимость подсказки.

– Верно. Машины движутся со скоростью 50, 55, 60, 65 миль и так далее.

– Вы все же не достигли скорости на «Голубом потоке». – Под черными усами показались белые зубы, – То есть почему никто не едет со скоростью 62 мили, или 57, или чем-то в этом роде? – На утвердительный кивок Шерон он помотал головой: – Хорошо, я сдаюсь. Почему?

– Я не знаю, – жизнерадостно призналась она. – Я думала, ты знаешь, поскольку был единственным, кто сказал мне. – Она держала в руках таблицу распространения частоты, одну из дюжины, которые она распечатала в программе «*Minitab*» из базы данных «галактической империи». «Распределение галактического длинноволнового смещения», гласил заголовок над таблицей. – Замечаешь что-нибудь?

– Ну, да... Она гребневидная. Это означает, что разрешающая способность измерительного прибора ниже, чем масштаб чертежа, отсюда у вас появились пустые ячейки в гистограмме. Я изменю шкалу чертежа.

– Разрешающая способность измерительного прибора, – повторила она.

– Верно... – сказал он, немного насторожившись, ибо в ее голосе ему почувствовались маниакальные нотки.

– Угу-угу, – ответила она. – Квантованные. Длинноволновые смещения квантованы. Галактики разбегаются на определенных скоростях, в величинах этих есть закономерность.

¹⁷¹ *In media res* – прямо к делу, к самому важному, «брать быка за рога».

– Почему?

– Я не знаю, – с воодушевлением ответила она. – Это был бы только ответ, а я получила нечто намного более ценное. Я получила проблему.

Келли не видел в этом ничего особенно. Похоже на эту ерунду со скоростью света. Вот это была действительно тяжелая работа, поскольку не вся литература была одинаково ценна. В некоторых сообщениях не доставало исходных данных, некоторые перерабатывали прежние данные, некоторые их просто дублировали. Просто собери все данные, сказала ему Снежная королева. Ага, конечно, нет ничего проще.

Все это было погрешностями измерений, был убежден он. Скорость света, теперь красное смещение. Он видел гребневидные гистограммы, когда работал летом на заводе по обработке цветных металлов в Сан-Хосе. Датчик считывал с отступами в 0,002", а координатная сетка имела отступ в 0,001". Нечетные числа не использовались. Он надеялся, что слухи ошибочны, и доктор Нэги не потеряет грант из-за своей религиозной одержимости. Ему нравилось работать со Снежной королевой.

А всего несколько недель спустя Шерон нашла ответ, и весьма впечатляющий.

XIV

Февраль, 1349

От Сретенья до поста «Четырех времен»¹⁷² февраля

По обычаю, в Сретенье работали. К заутрене жители деревни собрались на лугу, и Иоахим раздал свечи всем, включая двух крещеных крэнков. Остальные пришельцы остались дома или наблюдали с кромки луга с устройствами для *fotografia*. Дитрих освятил свечи, пока Иоахим пел *Nunc dimittis*.¹⁷³ Когда все было готово, они образовали процессию. Клаус и Хильдегарда заняли свое привычное место сразу за Дитрихом, напомнив тому невольно притчу о тех, кто будет первым.

Запев антифон *Adórno thálamum tuum, Sion*,¹⁷⁴ Дитрих направил реку огней в утренней заре вдоль по главной улице и наверх по холму к церкви Св. Екатерины. Там он заметил Терезию, преклонившую колени на влажной траве подле храма. Но как только процессия приблизилась, она поднялась и убежала прочь. Дитрих запнулся и едва не сбил с нужной строчки, но все же пропел *obtulérent pro eo Dómino*,¹⁷⁵ минуя церковные врата, как и полагалось.

Позднее тем же днем слабое пение йодлем, отдающееся эхом от Фельдберга, возвестило о приближении всадника. Крэнки укрылись по просьбе Манфреда и не показывались до тех пор, пока гонец от епископа Страсбургского часом позже не возобновил путь на свежем коне.

Бертольд призывал властителей Эльзаса и Брейсгау собраться восьмого в Бенфельде и обсудить волнения в Швейцарии.

– Я уезжаю на неделю или больше, – объявил Манфред *ministeriales*, собравшимся в его церемониальном зале. – Будет слишком много сеньоров, чтобы надеяться на более короткий срок. – Назвав рыцаря Тьерри бургфогтом в свое отсутствие и отослав Бертрама Унтербаума

¹⁷² *Ember Days* – особые дни поста и покаяния, по три дня (среда, пятница, суббота) в каждом из времен года (англ.).

¹⁷³ *Nunc dimittis* – «ныне отпускаешь...». Описывается церемония освящения свечей и крестного хода как праздник Сретение Господне (лат.).

¹⁷⁴ *Adórna thálamum tuum, Sion* – «Укрась брачный чертог твой, Сион...» (лат.).

¹⁷⁵ *Obtulérent pro eo Dómino* – «Они принесли Господу в жертву...» (лат.).

в Швейцарию за отчетом о местной ситуации, Манфред отбыл со свитой на следующий день.

После его отъезда по округе поползли слухи. Говорили, будто еще в ноябре Берн отправил несколько евреев на костер за отравление колодцев и разослал послание имперским городам, побуждая их к тому же. Страсбург и Фрайбург не пошевелили и пальцем, но в Базеле восстала чернь, и, хотя Совет изгнал из города наиболее отличившихся гонителей иудеев, простой люд вынудил его изгнать также и евреев, разместив их на одном из рейнских островов во избежание неприятностей и насилия.

Дитрих посетовал на это перед теми, кто собрался в доме Вальпургии Хониг, чтобы отведать ее медово-пшеничного пива.

– Папа римский наказал нас уважать жизнь и собственность евреев. К подобным мерам не было никаких причин. *Чума так и не достигла Швейцарии.* Она пошла на север через Францию и в Англию.

– Быть может, именно *по той причине*, – предположил Эверард, – что скорые меры Берна отвадили отравителей.

В Берне действительно обнаружили яд, как говорили. Эверард слышал об этом от Гюнтера, который нечаянно подслушал епископского гонца. Отзар пауков, жаб и кожи василиска был зашит в тонкие кожаные бурдюки, которые раввин Пейрет из Шамбери дал торговцу шелком Агимету, дабы тот бросил их в колодцы Венеции и Италии. Не будь торговец пойман на обратном пути, он мог проделать то же самое и в Швейцарии.

Дитрих запротестовал:

– Его святейшество писал, что евреи не могут разносить чуму, *поскольку сами умирают.*

Эверард стукнул себя пальцем по носу:

– Но не так много, как мы, а? Почему, как вы полагаете? Потому что они качаются туда-сюда, когда молятся? Потому что каждую пятницу проветривают спальни? Кроме того, каббалисты презируют своих соплеменников так же, как и нас. Они такие же скрытные, как и масоны, и не позволяют другим евреям изучать тайные скрижали. А «тайные скрижали» могут быть чем угодно. Дьявольскими закланиями. Рецептами для отравления. Чем угодно.

– Нам следует поставить стражу вокруг колодца, – сказал Клаус.

– *Майер*, – сказал Грегор, – у нас здесь нет евреев.

– Но есть *они*. – И Клаус указал на Ганса, который, хотя и не пил пива, решил послушать, о чем говорят, и сидел рядом. – Как раз вчера я видел одного, по имени Захарий, он стоял у колодца.

Грегор фыркнул:

– Ты сам-то слышишь, что говоришь? *Стоял у колодца?* Мужчины так и просидели за столом, покрытым пятнами из-под пивных кружек, ничего толком не решив. Ганс же после сего заметил:

– Теперь я понимаю, как народ может прийти в возбуждение. – А затем, еще поразмыслив, добавил: – Вот, только если они попытаются изгнать крэнков, так же как евреев, я не поручусь за последствия.

* * *

На День святой мученицы Агаты¹⁷⁶ Дитрих прочитал мессу в одиночестве. Был повод помолиться за больных и увечных. Вальпургию Хониг лягнул осел. Старший сын Грегора, Карл, слег в горячке. А Франц Амбах обратился к нему с просьбой помолиться за упокой своей матери, прошлым месяцем отошедшей в мир иной. Дитрих попросил также заступничества св. Христофора за благополучное возвращение Бертрама из Базеля.

Священник вновь возблагодарил Господа за то, что чума ушла в Англию, а не в

¹⁷⁶ День памяти 5 февраля.

альпийские леса. Грешно было радоваться страданиям других, но от них зависела участь Оберхохвальда, и только потому он позволил себе подобные мысли.

– *Meménto étiam, Dómine*, – стал молиться он, – *famu-lórum famularúmque tu árum Lorenz Schmidt, et Beatrix Ambach, et Arnold Krenk, qui nos praecésserunt cum signo fidei, et dórmunt in somno pacis*.¹⁷⁷ – Он невольно спросил себя, прав ли в отношении алхимика крэнков. Тот определенно умер с зажатым в руках «символом веры», но самоубийство – всегда препятствие на пути в Царствие Небесное. Однако Господа могла разжалобить не сама трагедия, а скорее благо, произошедшее из нее. Видя, какое сильное воздействие на гостей оказала смерть их товарища, многие хохвальдцы, прежде остерегавшиеся или боявшиеся крэнков, теперь приветствовали их открыто, если не с теплотой, то с менее явной враждебностью.

Убрав на место священные сосуды, Дитрих решил пройтись до домика Терезии. Последнее время он все подыскивал подходящий повод для визита. Вчера она рассказала ему о ноге Вальпургии и о том, как вправила кость на место. Дитрих поблагодарил ее и уже хотел продолжить разговор, но Терезия только опустила голову и захлопнула ставни.

Теперь она, наверное, осознала, как ошибалась насчет крэнков. Если вспомнить ужас, обуявший его самого при первой встрече с ними, то было легко простить Терезии ее чуть затянувшийся страх. Она признает свою ошибку, вернется в пасторат и к своим хлопотам по хозяйству, а по вечерам, прежде чем ей отправиться домой, они будут как прежде вместе лакомиться сладкими пирогами, и он почитает ей из *De usu partium* или *Hortus deliciarum*.¹⁷⁸

* * *

Дитрих застал Терезию за перебором каких-то растений для засушки. Их она выращивала в глиняных горшках на подоконнике. Девушка коротко поклонилась священнику, когда тот вошел, но занятий своих не прервала.

– Как дела, дочка? – спросил Дитрих.

– Хорошо, – тихо прозвучал ответ.

Священник задумался о том, как перевести разговор на тревожащую его тему, чтобы это не звучало как упрек.

– Сегодня никто не пришел на мессу. – Но это как раз *и был* упрек, ибо прежде Терезия посещала службу ежедневно.

Она не подняла головы:

– А *они* были?

– Ганс и Готфрид? Нет.

– Хороших новых прихожан ты впустил в храм.

Дитрих уже открыл рот, чтобы возразить – в конце концов, мало кто вообще посещал дневную мессу, – но потом счел за благо заметить вместо этого, что погода теплеет. Терезия пожала плечами:

– Фрау Грюндзау не видела тени.

– Гервиг говорит, будет еще один холодный год.

– Старому Одноглазому каждый следующий год *кажется* холодным.

– Твои... Как поживают твои травы?

– Вполне неплохо. – Она прервалась и подняла взгляд. – Я молюсь за тебя каждый

¹⁷⁷ «Помяни еще, Господи, рабов и рабынь Твоих Лоренца Шмидта и Беатрису Амбах и крэнка Арнольда, которые предварили нас со знамением веры и почивают сном мира» (*лат.*).

¹⁷⁸ *Hortus deliciarum* – «Гортус делициарум»; с лат. «Сад утех» – иллюстрированный свод всяких достопримечательностей Геррады фон Ландсперг, настоятельницы Гогенбургского монастыря в Эльзасе.

день, отец.

– А я за тебя.

Но Терезия только тряхнула головой:

– Ты *крестил* их.

– Они желали этого.

– Это насмешка над таинством святого причастия! Дитрих протянул руку и схватил ее за рукав:

– Кто говорит тебе обо всем этом? Терезия вырвалась и отвернулась:

– Пожалуйста, уходи.

– Но я...

– *Пожалуйста, уходи!*

Дитрих вздохнул и повернулся к выходу, где застыл на секунду, положив руку на засов и словно чего-то ожидая, но Терезия не окликнула его. Ничего не оставалось как уйти, закрыв за собой дверь.

* * *

Манфред вернулся из Бенфельда на Сексагезиму,¹⁷⁹ угрюмый и неразговорчивый. Когда Дитрих появился в доме сеньора, то застал герра изрядно напившимся.

– Война может быть почетной, – сказал Манфред без предисловий, после того как Гюнтер захлопнул дверь скрипториума, и священник с господином сели поближе друг к другу. – Противники облачаются в доспехи, встречаются в приятном обоим месте, берут оружие, которым заранее договорились биться, и затем... Пусть Бог будет на стороне правого! – Он отсалютовал бокалом, осушил его до дна и наполнил вновь из кувшина превосходным вином. – Пусть Бог будет на стороне правого... Выпей со мной, Дитрих!

Священник принял бокал, хотя сделал всего лишь один маленький глоток:

– Что стряслось в Бенфельде?

– Черт знает что. Бертольд. Потерял всякое достоинство. Болтается по ветру. Епископ!

– Если хотите иметь более достойных епископов, позвольте Церкви избирать их, а не королям и князьям.

– Позвольте папе выбрать, хочешь ты сказать? Фи! Тогда при каждом дворе будет по французскому шпиону. Пей!

Дитрих придвинул стул и сел:

– Как Бертольд довел вас до такой неводержанности?

– *Это*, – Манфред наполнил свой бокал, – не неводержанность. Неводержанность – это как раз то, чего *не* проявил он. Он – правитель Страсбурга, но правит ли он? Всего несколько копий уладили бы дело. – Он хлопнул по столу ладонью. – Где этот парень Унтербаум?

– Ты отослал его в Швейцарию узнать истинное положение дел.

– Это было на День св. Блеза. Он уже должен был вернуться. Если этот болван сбежал...

– Он не сбежит от Анны Кольман, – мягко ответил Дитрих. – Возможно, его задержала плохая дорога. Он очень гордился тем, что надел одежду гонца, и не расстанется с ней так легко.

– Его рассказ уже не имеет значения, – сказал господин, внезапно переменившись в настроении. – Я узнал все в Бенфельде. Ты знаешь, что случилось в Швейцарии?

– Я слышал, базельских евреев собрали для изгнания.

– *Если бы* для изгнания. Толпа взяла гетто штурмом и предала его огню, а потому... Все погибли.

¹⁷⁹ Вторая неделя перед Великим постом.

– Боже милостивый! – Дитрих привстал, перекрестившись.

Манфред бросил на него угрюмый взгляд:

– Я не питаю особой любви к ростовщикам, но... не было ни обвинения, ни суда, а лишь обезумевшая чернь. Бертольд спросил Страсбург, что они намереваются предпринять в отношении евреев, и члены городского совета ответили, что они «не знают от тех никакого зла». И тогда... Бертольд спросил бургомистра, Петера Швабена, почему тот закрыл колодцы и убрал ведра. По мне, так это было чистой осторожностью, но поднялся большой шум по поводу лицемерия Страсбурга. – Манфред снова выпил. – Всякий в опасности, когда чернь срывается с цепи, еврей или нет. Дай только причину для недовольства – как тебе хорошо известно.

При этом напоминании Дитрих, в свою очередь, в несколько глотков осушил бокал, руки у пастора дрожали, когда он решил налить себе еще.

– Швабен и его совет держались стойко, – продолжил Манфред, – но на следующее утро монастырские колокола возвестили процессию «крестовых братьев». Епископ относится к ним с отвращением – как и все лучшие люди города, – но он не осмелился и слова сказать, потому что толпа симпатизирует им. Они – *ней, Дитрих, ней!* – Они шествовали по двое, эти флагелланты, опустив головы, в темных рясах, набросив капюшоны, с ярко-красными крестами спереди, сзади, на колпаках. Впереди шествовал их магистр и два лейтенанта со знаменами алого бархата и золотой парчи. И все в полном молчании. Полном молчании. Мне оно действовало на нервы, это молчание. Кричи они или танцуй, я бы, наверное, смеялся. Но это спокойствие внушало ужас всем смотрящим, ибо единственным звуком было шипящее дыхание двух сотен братьев. Я воображал их каким-то огромным змеем, извивающимся по улицам. На монастырской площади они запели свою литанию, и я не мог думать ни о чем, кроме одного.

– И о чем же?

– Как *плохи* были стихи! Ха! Проклятая мелодия до сих пор путает мысли. Мне нужен Петер миннезингер, чтобы изгнать ее. Жаль теперь, что я не смеялся. Это могло бы разрушить колдовство. Каноники собора, конечно же, все удрали. Два доминиканца попытались остановить процессию близ Майсена, но были побиты камнями за свои старания. И кто теперь осмелится выступить против них? Мне рассказывали, Эрфурт закрыл перед ними свои ворота, епископ Отто пресек шествие в Магдебурге. А тиран Милана воздвиг три сотни приветственных виселиц снаружи городских стен, и процессия пошла другой дорогой.

– Итальянцы – очень деликатный народ, – заметил Дитрих.

– Ха! По крайней мере, Умберто не согнул спину. Братья разделись по пояс и медленно выстроились в круг, пока по сигналу магистра пение не прекратилось и они не бросились ниц на землю. Затем поднялись и хлестнули себя бичом из кожаных ремней, а трое в центре поддерживали *tempus*, чтобы удары приходились в унисон. Все это время толпа стонала, тряслась и плакала от сочувствия.

– Эти братства не были столь неуживчивыми поначалу, – рискнул вступить Дитрих. – Для вступления туда мужчине требовалось согласие его жены...

– Которое, я полагаю, многие были просто счастливы дать!

– ...и располагать четырьмя пфеннингами в день на пропитание в пути. Он исповедовался во всех грехах и давал обет не мыться, не бриться, не переменять одежды, не спать в постели, хранить молчание и воздерживаться противоположного пола.

– Серьезный обет тогда, хотя от него и становишься волосатым и вонючим. И все это в течение тридцати трех дней и восьми часов, я слышал. – Брови Манфреда сдвинулись. – Почему именно тридцать три дня и восемь часов?

– По дню, – ответил ему Дитрих, – за каждый год земной жизни Христа,

– Правда? Ха! Жаль, что я не знал. Никто из нас не смог высчитать это. Но прежние вожди все умерли или в отвращении покинули ряды братьев. Ныне их магистры заявляют, что могут давать освобождение от грехов. Они отвергают материнскую Церковь, осуждают

евхаристию, искажают мессу и изгоняют священнослужителей из храмов, прежде чем разграбить их. Теперь туда принимают и женщин. Говорят, некоторые обеты ныне не соблюдаются в такой строгости. – Манфред накренил свой кубок, поболтал остатки вина и вздохнул. – Боюсь, меня настигает проклятие трезвости... Флагелланты прознали об упорстве совета и бросились в неистовстве на еврейский квартал, увлекая за собой горожан. Те бесчинствовали в течение двух дней, сместили Швабена и его совет и посадили на их место тех, кто им пришелся более по вкусу. В конце концов епископ, властители и имперские города согласились изгнать евреев. В пятницу, 13 числа, страсбургских евреев собрали вместе и на следующий день под стражей отогнали на иудейское кладбище в приготовленный им дом. Всю дорогу толпа глумилась над ними, кидалась отбросами и срывала одежду, чтобы найти спрятанные деньги, так что многие из евреев под конец оказались почти совершенно нагими.

– Произвол!

Манфред устался в осадок на дне бокала:

– Затем... Затем дом подожгли, и мне сказали, там погибло девять сотен человек. Чернь разграбила синагогу, где иудеи совершали тайные обряды, и обнаружила бараний рог. Никто не знал его назначения, и предположили, что посредством него предполагалось подать сигнал врагам Страсбурга.

– О, милостивый Боже, – простонал Дитрих, – это же *шофар*. Для празднования священных дней.

Манфред налил себе еще вина:

– Возможно, тебе следовало быть там, может, просветил бы их, но не думаю, что люди были в настроении для ученого наставления. Боже мой, я с легкостью убил бы девять сотен евреев, выступи они против меня с оружием и в доспехах. Но сжечь их всех... Женщин и детей... Человек чести *защищает* женщин и детей. Беспорядок терпеть нельзя! Если человек должен быть передан на костер или в руки палача, то пусть это будет после надлежащей инквизиции. *Людьми надлежит управлять!* В том был грех Бертольда. Он пресмыкался перед чернью, тогда как должен был отправить своих рыцарей *растоптать ее под копытами коней*. Я говорю тебе, Дитрих, вот что происходит, когда низкородные навязывают свою волю! Нам бы таких властителей, как Педро Арагонский или Альбрехт Габсбург!

– Или Филипп фон Фалькенштайн?

Манфред предостерегающе ткнул в священника указательным пальцем:

– Не искушай меня, Дитрих! Не искушай меня.

– Что случилось с теми евреями, которые спаслись? Господин пожал плечами.

– Наместник герцога объявил земли Габсбургов убежищем для них, так что полагаю, они во всю прыть несутся в Вену – или Польшу. Король Казимир, говорят, распространил такое же приглашение. О, подожди, – сказал Манфред, делая глоток вина. Он закашлялся и нетвердой рукой опустил бокал на стол. Дитрих поймал кубок, прежде чем тот успел опрокинуться. – Быть войне.

– Война? И вы доныне забыли упомянуть об этом?

– Я... пьян, – сказал Манфред – Пьют, чтобы забыть. Цеха Фрайбурга намереваются сокрушить Соколиный утес. Сокол изгадил свое собственное гнездо. Вольфрианна, опекуном которой он был, сбежала и вышла замуж за фрайбургского портного. Филипп выкрал этого человека, и, когда она пришла под стены замка молить об освобождении пленника, ее ревнивый попечитель вернул ей мужа – с самой высокой башни. Цех портных потребовал возмездия, а остальные будут сражаться из солидарности.

– И как это затрагивает тебя?

– Ты знаешь, какого я мнения Фалькенштайне... Но наместник герцога пообещал фрайбургцам помощь. Они выкупили свои свободы у Урахов с помощью герцогского серебра, и в их процветании теперь надежды Альбрехта на расплату по долгу. Фон Фалькенштайн украл у Габсбургов один из этих платежей. – Манфред кивнул Дитриху, как

бы напоминая. – Герцог не допустит, чтобы это повторилось.

– Так он призвал тебя под свои знамена?

– Как и Нидерхохвальд, – сказал Манфред, – но я рассчитываю, что маркграф Фридрих тоже присоединится. Тогда... Ха! Правители Оберхохвальда и Нидерхохвальда выступят бок о бок! – Он осушил свой бокал и запрокинул над ним кувшин, но безрезультатно. – Гюнтер! – загремел он, запустив посудой в дверь. – Еще вина! – Затем, шепотом, обращаясь к Дитриху: – Он принесет разбавленное, решит, что я не почувствую разницы.

– Итак, – сказал Дитрих. – Выходит, еще одна война. Манфред, сгорбившийся в своем высоком кресле, ударил ладонями по подлокотникам.

– Французская война была прихотью. Эта война – долг. Если не удастся преуспеть сейчас – с цехами Фрайбурга, герцогом и всеми остальными, – то дело тогда вообще неосуществимо. Но барон Гроссвальд на себя его не примет. – Манфред кивнул головой по направлению к двери, подразумевая южную башню, где размещались гостящие в замке крэнки. – Я переговорил с ним по возвращении, и он сказал, что не рискнет своими сержантами против Фалькенштайна. Какой прок от их волшебного оружия, если я не могу воспользоваться им?

– Крэнков мало, – предположил Дитрих. – Гроссвальд не хочет потерять еще кого-то из своего отряда, помня о тех, кто уже погиб. Последний их ребенок умер вчера. По возвращении домой его наверняка ждут неприятности и официальное дознание.

Манфред ударил по столу:

– Так он торгует своей честью ради безопасности? Дитрих обернулся к властителю во внезапной ярости:

– Честь! А война тогда что? Развлечение? Манфред вскочил на ноги и, опершись руками о стол, подался вперед:

– Развлечение? Нет, совсем не развлечение, священник. На войне мы постоянно давимся страхом и подставляем любую опасности. Плесневый хлеб или сухари, приготовленное или сырое мясо; сегодня еды вдосталь, завтра ничего, вина мало или совсем нет, вода из пруда или бочонка; дурные жилища, палатка в качестве пристанища или лишь ветви деревьев над головой; неудобная постель, беспокойный сон в полном облачении, тяжесть металла и близость врага на расстоянии полета стрелы. «Стой! Кто идет? К оружию! К оружию!» – Манфред яростно жестикулировал пустым *Krautstrunk*¹⁸⁰ в руке. – При первой дремоте: тревога. На рассвете: рожок. «На коня! На коня! Сбор! Сбор!» Часовой – неусыпно на чеку день и ночь. Фуражир или дозорный – сражаешься без доспехов. Стража за стражей, караул за караулом. «Вот они! Сюда! Слишком много. – Нет, не так много. – Новое донесение! Сюда. – Туда. – С этого края! – Тесни их здесь. – Вперед! Вперед! – Не уступать! – Стой!» – Герр замер, внезапно осознав, что кричит, вышагивает по зале и возбужденно размахивает руками, заставив Гюнтера остановиться в дверях, словно громом пораженного. Манфред повернулся назад к столу, взял свой бокал, заглянул в него и, обнаружив, что тот пуст, поставил обратно. – Таково наше призвание, – сказал он спокойнее, падая в свое кресло.

Повисло молчание. Гюнтер заменил пустой кувшин новым и осторожно удалился. Тогда герр поднял голову и пронзительно посмотрел на Дитриха:

– Но ведь и тебе ведомо что-то подобное, не так ли?

Пастор отвернулся:

– Вполне.

– У тебя есть друзья среди крэнков, – услышал он голос своего господина. – Объясни им, что значит слово *долг*.

* * *

¹⁸⁰ *Krautstrunk* – питьевой бокал особой формы с прилепами в виде оплывших капель (нем.).

На рассвете сервы, несшие службу посыльных, надели на себя плащи с гербом Хохвальда и понесли известия вниз по долине и к рыцарям-вассалам. С Церковного холма Дитрих наблюдал за тем, как кони танцуют на заметенных метелями дорогах.

Снег, лежавший толстым слоем всю зиму вокруг манора, как барьер, отделявший его от смятения внешнего мира, таял. Через него уже протоптали тропинки. Люди, разносившие вести, разнесут и слухи, по округе начнут ходить странные небылицы о гостях Оберхохвальда.

* * *

Ровно две недели спустя, в первый понедельник Великого поста, под стенами замка забили копытами в грязи и зафыркали паром в морозном мартовском воздухе кони. Хлопающие на ветру разноцветные знамена отмечали рыцарей, призванных от своих феодалов. Оруженосцы проверяли клинки и укладывали ношу для вылазки в долину. Скрипели повозки, кричали ослы, лаяли собаки. Дети орали от волнения или целовали отцов, ожидавших похода с торжественными лицами в пешем строю. Женщины стойко сдерживали слезы. Ожидаемый вызов от маркграфа прибыл, и герр Оберхохвальда собирался на войну.

Pafeфриdus ¹⁸¹ Манфреда был цвета воронова крыла и весь испещрен белыми крапинками, словно его недавно вымыли с мылом. Густую гриву скакуна зачесали на левую сторону, а оголовье уздечки щедро украшали цвета Хохвальда. Едва герр вскочил на коня, как тот встал на дыбы, радуясь тяжести своего хозяина в седле. Вокруг в возбуждении носились две гончие из своры замка, бегая вокруг жеребца кругами. Они были натасканы выслеживать зверя и думали, что предстоит охота.

Манфред накинул поверх доспехов плащ с гербом. Шлем, притороченный на время похода позади седла, переливался на солнце. Рукоять меча сияла золотом. На шее у герра висел горн в форме когтя грифона размером с половину человеческой руки, чей толстый конец расширялся раструбом, а тот, что зауживался к мундштуку, был украшен чистым золотом и удерживался замшевыми ремешками. Он сверкал как драгоценный камень, и, когда его прикладывали к губам, звук из него разносился дальше, чем самое звучное эхо на свете.

Оруженосец Манфреда восседал на не столь роскошно экипированном коне и вместо седла использовал старую торбу. Перекинув через правое плечо дорожный мешок господина, набитый разными походными принадлежностями, а на левое с помощью перевязи повесив щит хозяина, с копьём за спиной и колчаном в руке, он казался снаряженным куда более устрашающе, чем тот, кому служил.

— Вообрази, — сказал Манфред Дитриху, стоявшему подле вороного коня в разбитом копытами месиве грязи и талого снега. — Герцог призвал от меня шесть с половиной человек, а выбирать того, кто раньше отправится домой, — всегда такая морока. Они борются за привилегию, знаешь ли, но никогда в открытую. Тот, кто заслуживает эту милость, сразу становится врагом для остальных и чаще всего задерживается дольше, лишь бы его не сочли трусом. Зато теперь я могу взять полчеловека герцога и полчеловека маркграфа и получить, таким образом, целого, — герр запрокинул голову назад и расхохотался, а Дитрих пробурчал нечто невнятное. Манфред подмигнул ему: — Ты считаешь остроу неуместной? А что еще остается человеку, отправляющемуся навстречу возможной гибели?

— Здесь нет повода для смеха, — ответил ему Дитрих. Манфред хлопнул перчатками по левой ладони:

— Что ж, я покаюсь на исповеди после, как и подобает солдату. Дитрих, как бы ни хотел

¹⁸¹ *Paleфриdus* — иноходец. Так обычно обозначались лучшие породы скаковых лошадей, в противоположность к боевым коням.

я держать свой манор в мире, для мира требуется согласие всех, а войну может разжечь и один. Я поклялся защищать беззащитных и карать нарушителей спокойствия, даже если они будут людьми знатными. Вы, священники, учите прощать врагов своих. Это правильно, иначе можно до скончания времен мстить друг другу. Но если сравнивать того, кто не остановится ни перед чем, и того, кто не готов хоть на что-нибудь, то преимущество обычно на стороне первого. Язычники тоже бывают правы. Всепрошение – это ложный мир. Твой враг может счесть снисходительность за слабость и ударить первым.

– А как ты решаешь для себя этот вопрос? – спросил Дитрих.

Манфред усмехнулся:

– Ну, я должен сражаться со своим врагом... но честно. – Он повернулся в седле посмотреть, собралось ли его войско. – Эй, Ойген, знамя вперед!

Юнкер, верхом на белом валашском коне, под приветственные крики собравшихся проскакал галопом со знаменем Оберхохвальда, вставленным в стремя.

Кунигунда подбежала к коню Ойгена и, вцепившись в поводья, закричала:

– Обещай мне, что вернешься! Обещай! – Знаменосец подхватил платок девушки как знак милости, засунул его за пояс и объявил, что тот убережет его от всякого зла. Кунигунда оборотилась к отцу: – Обереги его, отец! Не позволяй никому причинить ему боль!

Манфред погладил дочь по щекам:

– Оберегу, насколько это позволит мой меч и его честь, радость моя, но все в руках Господа. Молись за него, Гюндл, и за меня.

Девушка убежала в часовню, прежде чем кто-либо смог увидеть ее слезы. Манфред вздохнул, глядя ей вслед:

– Она слишком много слушает миннезингеров и думает, что все прощаются как в романах. Если я не вернусь... – добавил он, но не договорил и спустя секунду продолжил уже спокойнее: – В ней вся моя жизнь. Я решил, что Ойген женится на ней, как только тот заслужил свои шпоры, и именно ему суждено оберегать Оберхохвальд от ее имени; но если он... Если ни один из нас не вернется... Если это случится, проследи, чтобы она удачно вышла замуж. – Он перевел взгляд на Дитриха: – Доверяю ее тебе.

– Но маркграф...

– Маркграф Фридрих оставит ее незамужней, чтобы доить мои земли и набить свой карман. – Манфред помрачнел. – Если бы мальчик выжил и Анна вместе с ним... А! Никто бы слова не сказал против, если бы *эта* женщина стала моим бургфогтом! То была жена, достойная мужчины! Часть меня умерла, когда я услышал вопль повитухи! Все эти годы – одна сплошная пустота.

– Так вот почему ты отправился на французскую войну? – спросил Дитрих. – Заполнить пустоту?

Манфред разозлился:

– Следи за своим языком, священник. – Он рванул уздечку на себя, но, посмотрев вверх, остановил коня. – Тпру! Что тут у нас такое?

По рядам ожидающих рыцарей и слуг пробежал шум. Некоторые на биваке указывали на небо и приветственно восклицали. Другие вскричали от ужаса, когда пять крэнков в упряжи для полетов опустились, словно опадающие листья, с небес на взрытое конями поле. Оки несли ручные *pot de fer*, висящие на перевязях, и длинные светящиеся трубки через плечо. Дитрих узнал Ганса и Готфрида – и ему показалось странным, что когда-то они все казались ему на одно лицо.

Среди тех, кто до сих пор не видал крэнков, прибыв из отделенных имений, поднялся вой. Маркитантка из Хинтервальдколфа принялась размахивать в воздухе ковчегом для мощей, который носила на шее. Другие пытались улизнуть, опасливо оглядываясь назад. Францль Длинноносый успел пройти жезлом по спинам нескольких убегающих маркитантов.

– Как, вы уже бежите от горстки кузнечиков? – смеялся он. Некоторые рыцари наполовину вынули свои мечи из ножен, а Манфред громовым голосом крикнул, что

незнакомцы – путешественники из далекой страны и явились помочь войску своим хитроумным оружием. Затем прибавил *sotto voce* ¹⁸² Дитриху:

– Благодарю тебя за то, что сумел убедить Гроссвальда. Дитрих, знавший, сколь безуспешны были его просьбы, промолчал.

Дружелюбие, с которым местный гарнизон приветствовал вновь прибывших, многих успокоило. Некоторые пробормотали о том, что «демонов приветствуете», но ни один из окрестных рыцарей не решился взять в галоп, пока их братья из замка стояли на месте, ничуть не тревожась. Когда Ганс и Готфрид склонили колени перед Дитрихом, осенили себя крестным знаменем и попросили благословения священника, шушуканье стихло, подобно тому как вода уходит в пересохшую землю. Многие из тех, кто больше всех волновался, невольно тоже перекрестились и взяли себя в руки, а то и вздохнули с облегчением при виде столь благочестивого жеста.

– Это что значит? – спросил Дитрих Ганса посреди всеобщей сумятицы. – Гроссвальд согласился?

– Мы должны вернуть медную проволоку, украденную фон Фалькенштайном, – сказал Ганс. – Она лучше подойдет, чем та, которую вытянул благословенный Лоренц. – Один из трех незнакомых крэнков запрокинул голову и прокомментировал сказанное жужжанием, но на создании отсутствовала упряжь для переговоров, Дитрих не понял его, а Ганс жестом велел своему товарищу молчать.

Манфред, надев собственную упряжь, приблизился и спросил, кто из них капрал.

Ганс выступил вперед:

– Мы прибыли восславить Гроссвальда, мой господин. С вашего позволения, мы полетим впереди колонны и будем сообщать о том, что предпринимает Фалькенштайн, посредством устройства, передающего голос на расстоянии.

Манфред потер подбородок:

– И будете вне поля зрения наиболее слабых духом среди нас... Есть ли у вас гром-глина? – Крэнк хлопнул по ранцу, перекинутому через туловище, и герр кивнул: – Очень хорошо. Пойдет. Полетите в авангарде.

Дитрих со смешанными чувствами наблюдал за тем, как крэнки растворяются в небе. Доводов против было два. Армия разболтает секрет без особых усилий, посеяв по всей округе изрядное волнение, а даже мимолетное появление Ганса и его спутников придаст молве плоть. *С другой стороны*, крэнки смогут вернуть проволоку и тем ускорить свое отправление. *Ergo...* Главный вопрос в том, что произойдет раньше – прибытие любопытных или отлет гостей. Конечно, к настоящему моменту слухи наверняка уже широко разошлись, так что рассказы солдат не слишком осложнят ситуацию. А вот насчет отбытия крэнков у Дитриха ответа не нашлось.

По дороге к Церковному холму священник проходил мимо домика Терезии и заметил ее лицо в раскрытом окошке. Они встретились взглядом, и он вновь увидел зачехленную, неспособную плакать девочку лет десяти, которую увез в леса. Взмахнул рукой, и что-то, кажется, дрогнуло в ее чертах, но девушка захлопнула ставни, прежде чем он смог в этом убедиться.

Дитрих медленно опустил руку и сделал еще несколько шагов по склону, а потом внезапно сел на валун и заплакал.

* * *

После полудня того же дня Дитрих и Иоахим кормили приходскую скотину. Воздух в сарае был теплым от тел животных и густым от запаха навоза и соломы.

– Я буду очень рад, – заметил пастор, бросая вилами силос в кормушку, – когда крэнки

¹⁸² *Sotto voce* – вполголоса (лат.).

отбудут, а Терезия вернется к своим обязанностям.

Иоахим, занятый более шумным делом у клеток с цыплятами, прервал свое занятие и отбросил ладонью прядь волос с бровей:

– Сосиску в свинью обратно не превратить.

Священник нахмурился и оперся на вилы. Корова замычала. Минорит повернулся и раскрошил корм птицам. Из пристройки доносился грохот горшков.

– Она всегда была мне словно дочь, – сказал Дитрих наконец.

Иоахим хмыкнул:

– Дети – проклятие отцов. Мне это говорил мой папаша. Имел в виду меня, конечно. Он потерял руку в войне баронов и вечно бесился от того, что больше не может кромсать других людей на куски. Хотел, чтобы я занял его место, стал наследником дяди, но я желал только, чтобы во мне пребывал Господь, а профессия мясника казалась мне не самой верной дорогой в Новый век. – Дитриха передернуло, и Иоахим кивнул. – Ты научил Терезию любви к ближнему, но, когда от нее потребовалось величайшее милосердие, его у нее не достало. Я так и записал в дневнике: «Даже подопечная пастора Дитриха подверглась испытанию и не выдержала его».

Дитрих покачал головой:

– Никогда не говори так. Это причинит ей боль. Скажи лучше: «Пастор Дитрих подвергся испытанию и не выдержал его», ибо я всегда ошибался в своих оценках других.

В сарай ворвался Скребун, жужжа, щелкая и потрясая поварешкой. Дитрих подпрыгнул от неожиданного вторжения и выставил перед собой вилы, но, когда увидел, кто перед ним, вытащил упряжь для переговоров из заплечного мешка и надел ее на голову.

– Где Ганс? – спросил крэнк. – Время прошло, а пища не приготовлена.

Иоахим открыл было рот, чтобы ответить, но Дитрих предостерегающе поднял руку.

– Мы не видели его с самого утра, – увильнул он от ответа.

На это крэнк стукнул кулаком по дверному косяку, пробормотал какое-то слово, которое «домовой» не перевел, и выскочил из сарая.

Дитрих стащил с головы ремешки и осторожно выключил устройство:

– Итак, он не знает. Значит, Гроссвальд не посылал их. – Пастор обеспокоился. Увалень заточил Ганса в тюрьму за похищение Дитриха из донжона замка Фалькенштайна. Какое наказание может последовать за этот новый проступок?

* * *

К службе третьего часа барон Гроссвальд узнал о случившемся и ворвался в пасторат, толкнув дверь так, что та хлопнула и отскочила от стены. Дитрих, готовивший проповедь, отшатнулся от аналая, уронив на пол часовник, у которого подогнулись страницы.

– Он покажет мне свою шею, когда вернется, – кричал Гроссвальд. – Почему Манфред позволил ему?

В комнату протолкнулись Пастушка и Скребун, и предводительница паломников задержалась на мгновение, чтобы прикрыть дверь от февральского холода.

– Господин барон, – сказал Дитрих. – Герр Манфред не оспорил присутствие Ганса на смотре по той причине, что ранее взывал к вашему долгу и решил, что те явились по вашей воле.

Гроссвальд забавными скачками мерил пространство перед светящимся камином; они напомнили Дитриху прыжки через скакалку, но явно выдавали сильное волнение предводителя крэнков.

– Мы и так потеряли слишком многих, – сказал тот, обращаясь не к одному только Дитриху, ибо на это откликнулась Пастушка:

– Трое погибли от холода, один из них ребенок, прежде чем ты хотя бы попытался... *войти* в деревню. И затем...

– Алхимик, – добавил Скребун.

– Не произноси его имя, – предупредил Гроссвальд главного философа. – Я не желаю видеть, как еще одна жизнь оборвется – причем так бессмысленно!

– Если жест Ганса напрасен, – возразила Пастушка, – зачем мы вообще заботимся о собственных жизнях?

Гроссвальд замахнулся на нее, но крэнкерин ловким движением отразила удар, словно рыцарь, парировавший выпад меча. Оба сдержались, но смотрели друг на друга искоса, насколько так можно было сказать об их чудных глазах.

– Неужели ты рассчитывал питаться от щедрот герра Манфреда, – настаивал Дитрих, – ничем не отблагодарив его? Разве не дал он тебе пищу и кров зимой?

– Ты смеешься над нами, – сказал Гроссвальд, стряхивая руку, которую Скребун предупреждающе положил на его плечо.

– Я не знал, что Ганс *мог* действовать вопреки твоим повелениям, – сказал Дитрих. – Разве покорность вышестоящему не записана в атомах вашей плоти?

Скребун, выдававший доселе свое возбуждение только покачиванием на месте, быстро протянул руку, сдерживая Гроссвальда.

– Я отвечу на это, Увалень. – Дитрих отметил про себя то, что тот использовал уменьшительную форму. Среди взрослых это означало либо проявление нежности, либо снисхождения, а крэнки, судя по наблюдениям пастора, особой нежностью друг к другу не отличались.

– Атомы нашей плоти, – пояснил философ, – предписывают нам... вкус... к покорности вышестоящим. Но голодный может поститься, а мы умерить страсть к покорности. У нас есть поговорка, которая гласит: «Подчиняйся приказу, пока ты не силен настолько, чтобы его послушаться». И другая: «Власть ограничивается пределами досягаемости».

Он совсем по-человечьи кивнул в сторону отошедшей в угол комнаты Пастушки.

– И очень многое зависит, – отозвалась та, – от того, кто отдает приказы.

Увалень окаменел на мгновение, затем внезапно ринулся наружу, да так, что дверные петли жалобно скрипнули.

– Понимаю, – сказал Дитрих, закрыв за ним дверь.

– Неужели? – сказала Пастушка. – Меня мучает вопрос. Может ли человек поститься вечно, или же голод в итоге повергнет его в отчаяние?

* * *

На следующий день, в день памяти св. Кунигунды,¹⁸³ среди крэнков вспыхнул мятеж. Они бросались друг на друга на главной улице и на грязном лугу, к изумлению как жителей деревни, так и гарнизона замка. Удары наотмашь, кулаками и ногами оставляли ужасные раны и издавали громкий стук, словно при фехтовании сухими деревянными палками.

Перепуганные хохвальдцы попрятались в церкви, домах и замке, вся работа в деревне замерла. Дитрих взывал к толпе дерущихся на лугу о перемирии, но сражение вихрем пронеслось мимо, словно водный поток, обогнувший камень.

К Церковному холму скачками пронеслась Пастушка, за ней еще четыре крэнка. Дитрих бросился вслед. Преследователи молотили по резным дубовым вратам церкви, оставляя своими зазубренными клешнями глубокие раны на деревянных фигурах. Такое увечье св. Екатерине не наносили даже ее римские мучители.

– Остановитесь ради Бога! – закричал он и бросился наперерез между толпой и драгоценными резными изображениями. – Это здание неприкосновенно!

Страшный удар рассек кожу на его голове, из глаз брызнули искры, и свет померк. Дверь за ним распахнулась, и он опрокинулся на пол, ударившись и без того раскалывающейся от боли головой о камень. Его подхватили чьи-то руки и втащили внутрь.

¹⁸³ 3 марта.

Дверь захлопнулась, заглушив шум беснующихся.

Он не знал, как долго пролежал в оцепенении, но, придя в себя, сел с криком:

– Пастушка!

– В безопасности, – отозвался Иоахим.

Пастор обвел взглядом полумрак церкви, увидел Грегора, зажигающего свечи, свет которых освещал Пастушку и нескольких селян. Жители деревни сторонились крэнкерин, прячась подальше в укромные уголки строения. Минорит помог Дитриху подняться на ноги.

– Хорошо сказал, – прокомментировал монах. – «Остановитесь ради Бога!» Ты позабыл о своей диалектике. – Грохотанье в дверь прекратилось, и он подошел к ней и отодвинул засов. – Они ушли.

– Какая муха их укусила? – подивился Дитрих.

– У них всегда был скверный характер, – сказал Грегор, поднимая шест, чтобы зажечь свечи высоко на стене. – Надменны, словно евреи или высокородные. Уже второй раз они ударили тебя.

– Прости им, Грегор, – ответил священник. – Они не ведают, что творят. Я оказался между их кулаками и мишенью. В противном случае они не обратили бы на нас никакого внимания.

Дитрих понимал, в нем сейчас говорит инстинкт. На уровне атомов плоти крэнки не считали людей ни друзьями, ни врагами.

Пастушка сидела на корточках, задрав колени выше головы и обхватив их длинными руками. Уголки ее губ ритмично пощелкивали, она походила на человека, бормочущего себе под нос.

– Миледи, – обратился к ней Дитрих, – что значит этот бунт?

– Тебе ли спрашивать? – ответила крэнкерин. – Ты и коричневая ряса тому причиной.

Иоахим оторвал полосу ткани от подола своего одеяния и замотал ею лоб Дитриха, чтобы остановить кровь.

– Мы тому причина? – переспросил монах.

– Если бы не ваши местные суеверия, Ганс не стал бы поперек естественного порядка вещей.

– Миледи, – возразил Дитрих, – Ганс действовал ради общего блага – вернуть проволоку. Для людей, как и для всех живых созданий, естественно стремиться к благу.

– «Всем живым созданиям» естественно *поступать как сказано* – сказано правителями или же самой природой. *Вот как* поступает «благой» человек. Но Ганс *сам* решил, какая цель благая. Не по своим обязанностям, не по велению стоящих над ним. Неестественно! Теперь же некоторые говорят, что он действовал по повелению – повелению вашего господина-с-неба, «чья власть даже выше власти герра Увальня».

– Благословенно имя Господне! – вскричал Иоахим. Дитрих жестом приказал ему молчать.

– Вся власть под Богом, – пояснил монах, – иначе она не знала бы меры, и справедливость бы стала волей господ. Но продолжай.

– Ныне среди нас раздоры. Слова разбегаются во все стороны, словно цыплята от когтей сокола, тогда как они должны бежать по положенным порядком каналам от техкто-говорит к тем-кто-слушает. Ибо вы не можете вообразить... *празднества-внутри-головы*... от осознания того, что трудишься на своем месте, и нити Гигантской Паутины связывают тебя с верхом и низом, со всем на свете, разное как вам не известна и *недостаточность-внутри-нас*, когда Паутина рвется. Скребун сравнил ее с голодом, но голод – ничто... – Она помолчала и мягко зажужжала: – Его можно с легкостью терпеть, пока он не станет невыносимым. Но недостаточность... Это словно сидишь на берегу раздувшейся от половодья реки и не можешь добраться до... до... вы называете это *возлюбленным*... до возлюбленного на другом берегу.

– Сердечная мука, – сказал неожиданно Иоахим. – То, о чем ты говоришь, называется сердечной мукой.

– *Doch?* Тогда сердечная мука.

Каменщик Грегор подошел и встал рядом с ними, а услышав, что сказал Иоахим, заметил:

– Они чувствуют сердечные муки? Тогда они явно меры не знают, показывая их.

– В нас сердечная мука по полноте Паутины, – сказала Пастушка, – и мы бросимся в беспокойную реку, чтобы восстановить ее. В нас сердечная мука по родной земле – вы называете это *Heimat* ¹⁸⁴ – и... и ее плодам.

– Но ныне вас охватили ереси, – догадался Дитрих. – Гроссвальд говорит одно, Ганс говорит другое. Быть может, ты, – предположил он, – говоришь третье.

Пастушка подняла неподвижное, похожее на маску, лицо:

– Ганс пошел против слов Увальня, но вина целиком на Гроссвальде, ведь он не смог произнести толком, чего хотел. Теперь он повернул дело так, что я тоже отвергаю естественный порядок, и толпа – как высшие, так и низшие – ополчилась на меня за это прегрешение. Но, когда двое в разладе, ошибаться могут оба – как Гроссвальд, так и Ганс.

– Тот, кто встает посередине, – поделился опытом Грегор, – часто получает удары с обеих сторон. Опасно пасти стадо на поле меж двух армий.

– Раздоры, – сказал Дитрих, – дело очень серьезное. Мы всегда должны стремиться к миру и согласию.

Иоахим засмеялся и процитировал:

– «Не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее». ¹⁸⁵ Так философы, играя словами, потеряли из виду их прямое значение, которое всегда начертано в сердцах.

– И здесь тоже раздор, – мягко заметил Грегор. Дитрих обратился к Пастушке:

– Скажи своим людям, что нельзя нападать на любого, кто придет в церковь или же ко двору Манфреда, ибо таков Мир во Христе; что воины не могут нападать на женщин и детей, крестьян, торговцев, ремесленников или животных, равно как на какое-либо религиозное или общественное здание. А по закону, да и по обычаю никто не может ударить другого в церкви или при дворе господина.

– И действенен ли этот Мир?

– Госпожа моя, люди по природе своей жестоки. Мир – это сито, и падает немало сквозь него, хотя, возможно, не так много, как могло бы.

– Дом-в-котором-никого-нельзя-ударить... – произнесла Пастушка странным голосом. Было непонятно, то ли она задумалась, то ли пришла в циничное настроение. – Новая мысль. Это здание скоро переполнится.

* * *

Дитрих попросил Тьерри положить конец дракам, но *бургфогт* отказался.

– У меня здесь только гарнизон, – объяснил он. – Пять рыцарей, восемь стражников, еще двое на воротах и один в надвратной башне. Я не буду рисковать ими, усмиряя этих... этих созданий.

– Зачем вас оставили здесь, сэр, – спросил Дитрих – как не для поддержания порядка?

Тьерри переносил наглость с меньшим спокойствием, чем Манфред.

– Фалькенштайн не тот человек, который будет терять время понапрасну, ожидая нападения врагов. Он не может ударить по Фрайбургу или по Вене, но способен легко опустошить Хохвальд. Если он сделает вылазку, мне будет нужно, чтобы каждый мужчина был здоров, на чеку и при оружии. Всякий крэнк, что будет искать здесь убежища, получит

¹⁸⁴ *Heimat* – Родина (нем.).

¹⁸⁵ Евангелие от Матфея, 10:35.

его, но я не буду разнимать дерущихся. Это дело Гроссвальда, и я не собираюсь вставать между ним и его вышедшими из повиновения вассалами.

Неудовлетворенный этим решением, Дитрих взял лошадь из конюшни замка и отправился к Соколиному утесу, где надеялся добиться вмешательства Манфреда. Пастор спешил, как мог, но приходилось осторожно выбирать путь зигзагами по склону Катеринаберга, через заросли и другие препятствия в ущелье. Он уже далеко углубился в сумерки ущелья, когда услышал глухой раскат грома и увидел султан черного дыма над другим концом долины.

* * *

Дитрих добрался до Соколиного утеса после полудня, устав не столько от езды, сколько от тревожных мыслей, и принялся искать знамя Хохвальда в раскинувшемся без особого порядка или системы военном лагере. Дворянские гербы развевались повсюду, словно на праздничном дереве. Здесь двуглавый орел Габсбургов; там золотой пояс маркграфа и красно-белые полосы Урахов. Дальше – каждый на своем укреплении – гербы ткачей, серебряных дел мастеров и других цехов Фрайбурга. Фон Фалькенштайн жестоко просчитался в том, как долго члены гильдий будут терпеть его пошлины. Теперь ремесленники и лавочники встали со скамьи, чтобы наконец встряхнуть камень из башмака.

Прислуга праздновала, и Дитрих увидел причину этого, достигнув кромки лагеря. Ворота замка Фалькенштайн были разбиты, а надвратная башня обвалилась, словно разmozженная дубиной Сигенота. Лязг оружия и крики сражающихся едва доносились сверху. Гром-глина крэнков позволила проникнуть в замок, но путь оказался узким, а, как известно, пролом в крепостной стене можно удержать, если стоять насмерть. И верно: на нагромождении каменных обломков в лучах заходящего солнца мерцали доспехи людей и упряжь лошадей.

Наконец, Дитрих отыскал палатки Хохвальда, но шатер герра пустовал, а его оруженосцев нигде не было видно. Честь увлекла Манфреда в пролом, и, возможно, сейчас он уже покоился среди лежащих около стены тел. Дитрих вернулся в шатер, заметил оттоманку в турецком стиле, уселся на нее и стал ждать.

* * *

Поздний вечер сменился ночью, звуки битвы угасли, давая знать о том, что последних «твердолобых» или убили, или взяли в плен. Оружие и доспехи доставались победителю, многие рыцари сражались насмерть – не столько из любви к сеньору, сколько в стремлении избежать бедности и позора. Штурмующие ручейками возвращались обратно в лагерь; они гнали перед собой пленников, за которых можно было получить выкуп, и несли на себе добычу, богатства Соколиного утеса, коих там немало скопилось за годы разбоя на большой дороге.

Дитрих от скуки взял было в руки книгу из клади Манфреда; но она оказалась посвящена соколиной охоте, тоску не развеяла, а Дитрих вместо этого лишь рассердился из-за почерка переписчика и качества иллюстраций. Когда он услышал неровный грохот кованых сапог снаружи, то отложил том в сторону и вышел из шатра.

Слуги разводили костры, Макс Швайцер как раз выбирал лучшее место для своих солдат. Он с удивлением выпрямился:

- Пастор! Что случилось? Вы ранены! Дитрих дотронулся до повязки:
- В деревне была драка. Где Манфред?
- В палатке костоправа. Драка! На вас напали? Мы думали, они сбежали к Брайтнау.
- Нет, крэнки дрались между собой – и Тьерри ничего не предпринял.
- Макс сплюнул в костер.
- Тьерри искусен в защите. Пусть Гроссвальд улаживает свои проблемы сам.

– Гроссвальд сам хорош и сыграл в этом не последнюю роль. Дело должен решить Манфред.

Макс нахмурился:

– Ему это не понравится. Андреас, прими командование. Пойдемте тогда, пастор. Вам нипочем не найти костоправа в этом лабиринте. – Он припустил скорым шагом, Дитриху пришлось рвануть с той же прытью, чтобы не отстать.

– Рана серьезная? – спросил священник.

– Герр получил удар, который стоил ему щеки и нескольких зубов, но думаю, лекарь пришьет все на место. Щеку, естественно.

Дитрих перекрестился и молча помолился за здоровье Манфреда. Этот человек на протяжении многих лет был предупредительным, хотя и не понятным до конца другом, с необычным складом характера. После смерти жены у него появилась склонность к размышлениям, хотя герр по-прежнему отличался грубостью вкусов, что одновременно не мешало ему глубоко смотреть на вещи. Манфред был одним из немногих, с кем Дитрих мог обсудить чуть ли не все, за исключением самых мирских вопросов.

Но священник неправильно понял Макса. Ойген, а не Манфред сидел привязанным на стуле в палатке лекаря.

*Dentator*¹⁸⁶ удалял один за другим раскрошенные зубы при помощи пеликана – французской новинки, вошедшей в употребление совсем недавно. Мускулы *dentator* вспухли от напряжения, а Ойген сдерживал крики при каждом рывке. Лицо юнкера почернело от удара. Кровь залила лоб, нос, подбородок и окрасила зубы, торчащие сквозь висящую лоскутьями щеку, отвратительно алым. Челюсти скалилась сквозь рану. Рядом, ожидая своей очереди, заляпанный кровью хирург читал книгу с загнутыми краями страниц.

Манфред, желая поддержать парня, стоял подле стула. Заметив появление Дитриха, он знаком показал, что с разговором следует повременить. Пастор беспокойно ходил вокруг палатки, чувствуя тяжесть предстоящего разговора.

Поблизости стоял покрытый пятнами стол, над которым обычно трудился костоправ, а рядом с ним корзина сухих губок. Заинтригованный, Дитрих наклонился поднять одну из них, но лекарь остановил его:

– Нет-нет, *надре!* Очень опасно брать. – Его говор, в котором перемешивались французские и итальянские слова, выдавал в нем уроженца Савойи. – Они пропитаны вытяжкой опиума, коры мандрагоры и корней белены; яд может попасть вам на пальцы. Тогда... – Он изобразил, что слюнявит палец, как будто собираясь перелистнуть рукопись. – Вы понимаете? Очень плохо.

Дитрих отпрянул от внезапно оказавшихся зловещими губок.

– Для чего вы их используете?

– Если боль, и такая сильная, что нельзя резать без риска, я смачиваю губки, освобождаю пары и держу под носом у человека – вот так – пока он не заснет. Но... – Лекарь вытянул руку в кулаке, оставив большой палец и мизинец, и помахал ею. – Слишком много *fumo*,¹⁸⁷ и человек не проснется, так ведь? Но, когда раны особенно ужасны, может, и лучше, если он упокоится в мире, а не в муках, так?

– Можно я взгляну на книгу? – Дитрих указал на фолиант в руках хирурга.

– Э, она называется «Четыре мастера». Описывает самое ценное – опыт древних, сарацин и христиан. Мастера из Салерно составили ее много лет назад – прежде чем сицилийские *famiglie*¹⁸⁸ убили всех анжуйцев. Эта книга, – добавил он с гордостью, –

¹⁸⁶ *Dentator* – дантист (лат.).

¹⁸⁷ *Fumo* – испарения, дым, пар (итал.).

¹⁸⁸ *Famiglie* – семьи, семейства (итал.).

копия непосредственно с экземпляра мастера, но я уже кое-что в нее добавил.

– Искусная работа, – сказал пастор, возвращая книгу. – Так в Салерно, значит, обучают хирургии?

Савояр засмеялся:

– Черт возьми! Штопать раны – это искусство, а не *schola*.¹⁸⁹ Ну, в Болонье есть *schola*, учрежденная Анри из Лукки. Но хирургия – занятие для искусных рук, – лекарь пошевелил пальцами, – а не для смысленных умов.

– *Ja*, слово «хирург» на греческом означает «ручная работа».

– *Oho*, да ты ученый, я вижу...

– Я читал Галена, – признался Дитрих, – но то было много...

Савояр сплюнул на землю:

– Гален! В Болонье де Лукка вскрывал трупы и обнаружил, что представления Галена – чушь собачья. Гален резал лишь свиней, а люди не свиньи! Я сам был учеником во время первого публичного вскрытия – о, лет тридцать назад, я думаю, – мой учитель и я, мы делали вскрытия, а он, важный *dottore*,¹⁹⁰ описывал увиденное студентам. Ха! Нам не нужен был лекарь, мы и так все видели собственными глазами. Черт возьми! У тебя рана на голове! Можно мне взглянуть на нее? Ага, глубокая, но... Промыл ли ты ее *vino*,¹⁹¹ как предписывают де Лукка и Анри де Мондевилль? Нет? – Он промокнул порез губкой. – Прокисшее вино лучше всего. Теперь, я все просушу и соединю края вместе, как делают ломбардцы. *La Natura*,¹⁹² она скрепит края липкой жидкостью без ниток и иголки. Я приложу к ране коноплю, чтобы снять жар...

Dentator тем временем завершил свою работу, и словоохотливый *dottore* занял его место над щекой Ойгена. Тот, весь мокрый от пота и обессиленный после манипуляций с челюстью и зубами, наблюдал за ножом в руке хирурга с явным облегчением. Ножи он понимал. Пеликан же слишком сильно смахивал на орудие пыток.

* * *

– Он справится, – начал рассказывать Манфред по дороге к шатру. – Удар, что принял Ойген, предназначался мне. Этот шрам он может носить с гордостью. Сам маркграф заметил его подвиг и тут же согласился, что парень заслужил акколаду.¹⁹³ Твой Ганс тоже вел себя как храбрец, я обязательно обращаю внимание Гроссвальда на это.

– Из-за него я и приехал. – Дитрих поведал, что случилось в деревне. – Одна часть крэнков заявляет, что Ганс поступил правильно, несмотря на волю своего господина. «Спасает нас от алхимика», как выразились они.

Манфред, восседая на походном стуле, сложил руки под подбородком.

– Понимаю. – Он хлопком подозвал слугу и взял конфету с поднесенного ему подноса. – А крэнки Гроссвальда? – Он махнул слуге в сторону Дитриха, но священник отказался от угощения.

– Они кричат, что Ганс своим неповиновением нарушил естественный порядок, а это противно им превыше всего. Я подозреваю, что есть и другие точки зрения. Пастушка

¹⁸⁹ *Schola* – школа (лат.).

¹⁹⁰ *Dottore* – доктор, врач (итал.).

¹⁹¹ *Vino* – вино (лат.).

¹⁹² *La Natura* – природа (итал.).

¹⁹³ *Акколада* – посвящение в рыцари.

разгневана на Ганса, но употребит свое влияние на то, чтобы свергнуть Гроссвальда, которого считает виновным в бедственном положении, в котором очутились пилигримы.

Манфред хмыкнул:

– Они изворотливы словно итальянцы. Как обстояли дела к моменту твоего отъезда?

– С того времени, как они уяснили себе значение Мира во Христе, многие из низкородных бежали в церковь Св. Екатерины или в замок, чем привели в замешательство своих обидчиков, которые опасаются вашего гнева в случае вторжения в убежища.

– Хорошо, – сказал Манфред. – Не могу сказать, что мне нравится, когда нарушается естественный порядок вещей, но Ганс оказал мне сегодня огромную услугу, и ради чести своей я прослежу, чтобы его наградили, а не наказали.

– Что это была за услуга, мой господин? Смягчит ли она Гроссвальда?

– Гроссвальд, – человек непредсказуемого нрава. – Манфред не договорил, криво улыбнувшись. – Мы так привыкли к этим созданиям за зиму, что я думаю о нем, как о человеке. Ганс и его крэнки налетели на стены в тот момент, когда защитники смотрели только за проломом, сбросили оттуда лучников, а затем взяли штурмом главную башню и сокровищницу!

– Герр, – сказал Дитрих, охваченный дурными предчувствиями, – а их видели?

– Издалека несколько человек в лагере, я так думаю. Я наказал крэнкам не слишком-то высовываться, естественно, насколько им позволяет их честь. Лучники на стенах, конечно, разглядели нападавших хорошо, как и солдат из надвратной башни, сидевший в *meurtriére*.¹⁹⁴ Его крэнки прикончили раньше, чем он успел вылить кипящее масло на наши головы, спасая тем самым многих от смерти и страшных увечий. Люди Фалькенштайна подумали, что демон, повелитель их господина, наконец-то явился по его душу. Наружность крэнков посеяла панику нам на пользу. Небылицы появятся, но этому уже не помешаешь, и потом, возможно, люди сочтут, что демоны были не наши, а Фалькенштайна.

– В этом есть нечто поэтическое, – согласился Дитрих, – он так долго использовал легенды, чтобы напугать других, а теперь они обернулись против него. Змей укусил собственного заклинателя.

Манфред засмеялся и отхлебнул вина из кубка, который был наполовину заполнен застывшей смолой, чтобы придать напитку сладковатый аромат.

– Крэнк, который нес гром-глину – его звали Герд, – показал себя с самой лучшей стороны. Он подлетел ночью к основанию воротной башни, прилепил к ней заряд, а наутро зажег его в тот самый момент, когда Габсбурги открыли огонь из своих *pots de fer*, чтобы всем показалось, будто именно они нанесли такой урон. Представляешь, как удивился капитан герцога! Герд воспользовался устройством для передачи голоса на расстояние. Пресвятая Богородица, казалось, будто он приказал глине, и та подчинилась! Дитрих, готов поклясться на своем мече, что грань между искусным ремеслом и демонической силой тоньше волоса. Ганс повел своих соратников в главную башню на поиски серебра Габсбургов, убивая или раня всех, кто оказался на его пути. По ступеням лестницы текли реки крови – хотя большинство защитников и бежали при одном виде крэнков.

Дитрих невольно подумал, насколько же рыцари склонны к преувеличениям в описании ратных подвигов. Из человеческого тела может вытечь немалое количество крови, но простейший расчет доказывает полную невозможность «рек крови», особенно если «большинство защитников бежали».

– Нашли ли они медь? – сменил тему пастор.

– Ганс решил, что сокровищница находится там, где будет наибольшее сопротивление, поэтому устремился в самую гущу битвы. Но, – Манфред запрокинул голову и расхохотался, – здравый смысл ему не помог, а проволоку вашу он нашел по чистой

¹⁹⁴ *Meurtriére* – дыра-убийца; специальное отверстие над воротами или проходами, сквозь которое защитники крепости могли поливать огнем или кипящим маслом противника, вошедшего в замок.

случайности. Фалькенштайн держал покои своей супруги постоянно натопленными – изразцовую печь использовал, кстати! – и крэнков туда просто потянуло. Там и лежала проволока. Муж отдал медь жене, может, хотел украшений изготовить. Полагаю, вы, философы, сделаете какой-нибудь вывод из такого совпадения. Например, что здравый смысл имеет свои пределы.

– Или что Господь предназначал Гансу отыскать ее. – Дитрих закрыл глаза и прочитал короткую благодарственную молитву за то, что теперь крэнки смогут продолжить починку своего корабля.

– Но слушай, – сказал Манфред. – У фрау Фалькенштайн был телохранитель, и, когда крэнки ворвались в ее покои, он махнул своим мечом и зарубил Герда с одного удара. И что сделал наш маленький капрал – заслонил своего товарища и отбивался от противника, пока остальные вытаскивали тело! Сначала он отмахнулся стулом, парировал, затем метнул снаряд при помощи своего *pots de fer*, который ударил в шлем врага по касательной, отчего тот упал без сознания. Затем, о благородный поступок! Он осенил крестным знаменем солдата и скрылся.

– Выходит, он его пощадил? – спросил Дитрих в изумлении, зная характер крэнков.

– Прекрасный жест. А фрау Фалькенштайн все это время визжала от ужаса перед демоном. Но теперь она говорит, что ее телохранитель сражался геройски и сам Сатана признал его доблесть.

– Ах. Так множатся легенды. Манфред поднял голову:

– Что может быть лучше легенды о том, как противники вершили геройские поступки, встретившись лицом к лицу? По всему, солдат должен был обделаться при виде Ганса; но он стоял и сражался, хотя мог сбежать. Этот человек еще внукам своим станет рассказывать, как он обменялся ударами с демоном и уцелел – если только герцог не вздернет его раньше на виселице. Однако серебро Габсбургов возвращено – и уже на пути в Вену вместе с евреями и отрядом охраны из надежных людей. Остальных пленников также освободили.

– Слава Богу. Господин, не призовете ли вы к себе Ганса, чтобы предупредить о гневе его повелителя?

– Боюсь, слишком поздно. Как только я вернул сокровища герцога, то позволил Гансу отнести павшего товарища в склеп крэнков.

Дитрих вскочил во внезапной тревоге:

– Как! Тогда мы должны поспешить назад, пока не поздно. Манфред скривил губы:

– Сядь, пастор. Только дурак решится ехать этой тропой ночью. Что бы ни было на уме Гроссвальда, оно уже свершилось. Однако клянусь честью, если с Гансом обошлись неподобающе, Гроссвальд за это заплатит!

Дитрих не был уверен в том, что Манфреду по силам наказать Гроссвальда, если тот того не пожелает. Крэнки боялись зимних холодов; но, чем теплее становилось, тем более распалялось их высокомерие, а клятвы таяли вместе со снегом.

* * *

Дитриху не спалось. Он не рассчитывал на то, что перемирие продлится долго, ибо порядки крэнков требовали покорности, а не равновесия. Их «Паутина» соткана не из клятв и взаимных обязательств, а из власти и безропотности; она зависела больше от желаний и эмоций, нежели от разума и воли.

Стояло новолуние; то и дело проваливаясь в дремоту, пастор наблюдал, как Орион и его псы преследуют Юпитера. Охотники, утомленные погоней, скрылись за пиками Брайтнау, а над гребнем горы осталась желтеть лишь Собачья Звезда, самая яркая из всех. Дитрих читал Птолемея в Париже, когда проходил квадравиум. Тот писал, что Сириус красного цвета. Возможно, грек ошибался, или же в текст по вине переписчика закралась ошибка, но Ганс говорил, что звезды могут меняться, и Дитрих спросил себя, не является ли это одним из доказательств тленности небес.

Он покачал головой. Согласно Вергилию, Сириус приносит смерть и бедствия. Дитрих наблюдал за звездой, пока яркая точка не скрылась из виду. Хотя, может, священник просто заснул.

XV

Март, 1349

Служба шестого часа, среда поста «Четырех времен»

Домой Дитрих ехал мимо яровых полей и удивился, узнав, что арендаторы и сервы заняты привычными делами. Некоторые выкрикивали приветствия; другие, опираясь на черенки лопат, смотрели ему в след. Гервиг Одноглазый, обрабатывая надел близ дороги, испросил благословения для урожая. Пастор быстро и несколько небрежно исполнил его просьбу, а потом спросил крестьянина:

– Какие новости о крэнках?

Со стороны деревни доносился лязг молотов из кузницы и аромат свежего хлеба.

– Никаких со вчерашнего, когда они немного утихомирились. Большинство сидят в церкви. – Гервиг усмехнулся. – Я полагаю, уж лучше проповеди монаха, чем тумак.

– Так с теми крэнками, что отправились вместе с господином, ничего не случилось?

Собеседник Дитриха пожал плечами:

– Так они и не возвращались.

Дитрих поскакал к св. Екатерине. В церковном нефе крэнки расположились неровными рядами. Некоторые стояли, другие сидели в своей характерной позе. Трое взгромоздились на стропила. Иоахим стоял за кафедрой, в то время как какой-то кряжистый крэнк в соответствующей упряжи переводил для тех, у кого ее не было.

– Где Ганс? – спросил Дитрих в тишине, встретившей его появление.

Иоахим помотал головой:

– Я не видел их с того дня, как армия отправилась в поход.

Один из присевших на корточки пришельцев зажужжал, и кряжистый произнес в *mikrofoneh*:

– Беатке спрашивает, жив ли Ганс. Это, – добавил он с крэнковской улыбкой, – важный для нее вопрос.

– Ваш отряд доблестно сражался в битве, – сказал ему Дитрих, – только один из них пал, и Ганс отомстил за него самым христианским образом. Пожалуйста, извините меня, я должен отыскать его.

Он повернулся уйти, когда Иоахим спросил:

– Дитрих!

– Что?

– Кого из них убили?

– Его звали Герд.

Эта новость, переведенная на крэнкский, вызвала немало щелканий и жужжания. Один из крэнков принялся яростно тереть одной рукой о другую. Остальные потянулись к нему, поглаживая быстрыми, словно нерешительными прикосновениями, как будто слегка похлопывая по плечу, стараясь привлечь внимание. Иоахим тоже спустился с кафедры и повторил их жест.

– Блаженны плачущие, – услышал Дитрих его слова, – ибо они утешатся. Печаль – лишь мгновение, тогда как радость – радость вечная быть пред лицом Господа.

Выйдя из церкви, Дитрих вновь вскочил на лошадь и дернул за поводья:

– Ну-ка пойдем, сестрица, послужи мне еще раз.

Ударив ее пятками под ребра, он поскакал к Большому лесу по раскисшей дороге в Медвежью долину, взметая копытами комья грязи.

* * *

Он обнаружил Ганса на корабле крэнков. Четверо уцелевших членов отряда сгрудились в небольшой комнате, где вдоль обожженных стен стояли металлические ящики. На каждом виднелись ряды маленьких, забранных стеклом окошек, внутри которых горели огоньки – ярко-красные или тускло-синие. Некоторые, пока Дитрих наблюдал за ними, поменяли свой цвет. Другие окошки вообще не светились, а сами ящики в этом случае явно пострадали от пожара, который привел к крушению корабля. Одна из коробок оказалась полностью разрушена, панели погнулись и искорежились. Пастор увидел внутри большое количество проволоки и каких-то маленьких штучек. Именно над ней Готфрид колдовал своим волшебным жезлом.

Дитрих, наверное, шевельнулся, ибо крэнки резко обернулись. Их глаза, как уже понял священник, особенно чувствительно отзывались на движение. Когда человек вытащил упряжь для головы из заплечного мешка, Ганс одним прыжком пересек комнату и выбил *mikrofoneh* из рук священника. Затем, схватив Дитриха за запястье, потащил его вверх по трапу в комнату, где они повстречались впервые. Там Ганс привел в действие «рупоры».

– Увалень контролирует «волны-без-воды», – сообщил ему крэнк, – но эта голова разговаривает только в этой комнате. Как ты узнал, что нас следует искать здесь?

– Тебя не оказалось в Фалькенштайне, никто не видел ебя в деревне. Куда еще ты мог податься?

– Значит, Увалень пока не знает. Голосовые каналы попали под запрет, но нас успели предупредить об опасности. А мы должны были похоронить Герда и установить проволоку. – Ганс тряхнул своей длинной рукой. – Здесь холодно, но... я знаю теперь, что ваш народ называет «жертвой». Ты ездил на поле сражения?

– Твои соотечественники рассорились из-за твоего поступка, и я хотел предупредить тебя. Боялся, тебя посадят в темницу или того хуже. – Дитрих поколебался. – Сеньор сказал, ты простил человека, который убил Герда.

Ганс дернул рукой:

– Нам нужна была проволока, а не его смерть. Вот эта, изготовленная настоящим медником, возможно, лучше подойдет для дела. Не в упрек благословенному Лоренцу. Медь не была его призванием. Пойдем, вернемся вниз. Помни, если что, положиться можно только на Готфрида. Фридрих и Мехтильда присоединились ко мне только из страха перед алхимиком, не из-за любви-к-ближнему.

* * *

Какое-то время Дитрих наблюдал за тем, как четверо крэнков прикрепляли проволоку и касались ее талисманами – может, хотели освятить чьими-то мощами? Раз или два они, как показалось, спорили и справлялись по светящимся манускриптам «круговорота *elektronik*». Священник попытался определить, которая из двух Мехтильда, но, хотя и рассматривал их вблизи, заметить каких-то телесных различий не смог.

Заскучав, он отправился прогуляться по кораблю и зашел в комнату, которую Скребун однажды назвал ходовой рубкой. В ней не было ни одного окна, только панели мутного стекла, частично почерневшие, словно от огня, а потому понять, как рулевой мог держать курс без какого-либо обзора, не представлялось возможности. Одна из панелей ненадолго замерцала, отчего крэнки внизу сразу застрекотали.

Мягкое кресло в центре, наверное, было тронем капитана, с него он отдавал приказания своим полководцам. Дитрих задумался, что бы произошло, если бы этот достойный муж выжил.

Капитан, в отличие от Увальня, не наделал бы столько ошибок. Однако, будучи более компетентным, разве не мог он из-за типично гневливого нрава крэнков решить избавиться от малейшей опасности, уничтожив всех, кто мог их увидеть?

Господь всякому положил свою цель. Чему служили события, соединившие священника-ученого уединенного прихода с причудливым созданием, наставляющим говорящие головы?

Дитрих покинул рубку и вышел через дверь наружу вдохнуть свежего воздуха. Далекий крик заматался эхом в окрестных деревьях, и пастор решил поначалу, что это ястреб. Но звук оказался слишком протяжным и не прекращался. Священник узнал в нем ржание испуганной лошади.

Он развернулся и бросился по трапу, едва не запутавшись в полах рясы, спеша вниз по ступеням.

– Увалень идет! – закричал он, но крэнки даже не взглянули на него, человеческий голос говорил им не больше, чем их чириканье ему. Поэтому Дитрих схватил Ганса за руку.

Рефлекторно крэнк оттолкнул его в сторону, но обернулся, и пастор не смог придумать ничего лучше, как указать по направлению к трапу и закричать: «Увалень!» – надеясь, что странники слышали это имя достаточно часто и поймут его без перевода.

Это, похоже, сработало, ибо Ганс замер на секунду, прежде чем излить поток щебета на своих товарищей. Фридрих и Мехтильда отложили инструменты в сторону и метнулись к трапу, вытаскивая из мешков *pots de fer*. Готфрид прервал работу с магическим жезлом и, разогнав пар, махнул рукой Гансу. Тот помедлил немного, резко запрокинул голову назад, а затем рванул вверх по трапу.

Дитрих оказался один на один со своим первым крещеным крэнком – если не считать случай самостоятельного причащения алхимика. Готфрид продолжил приделывать проволоку к крохотным шестам скрепляющим металлом, но явно знал, что за ним наблюдают. Он положил жезл на подушечку, сплетенную из металлических волокон, и, воспользовавшись инструментом для отворачивания винтов, вынул небольшую коробочку из «контура», которую бросил Дитриху. Тот волей-неволей поймал ее, и пришелец поставил на освободившееся место какое-то большее по размерам устройство, словно собранное из обломков.

Осмотрев извлеченное приспособление, Дитрих увидел, что внутри вместо медной проволоки были волокна тоньше волоса, казалось, заключавшие в себе свет.

Готфрид щелкнул челюстями и указал сначала на устройство в руках Дитриха, а потом на более *schlampig*¹⁹⁵ конструкцию, которую поставил на его место. Он развел руками совсем как человек и несколько раз потряхнул головой. Крэнк явно сомневался в том, что *elektronikos* потечет по медной проволоке с той же легкостью, как... свет?.. некогда бежавший по подобным волосу волокнам.

Беззвучно поделившись сомнениями, Готфрид перекрестился и, склонившись над прибором, отослал Дитриха взмахом руки.

* * *

Ганс с двумя другими крэнками скрючился за какими-то металлическими бочками. Он схватил Дитриха за рясу и подтащил к себе; размокшая земля намочила рясу священника и леденила ноги. Пришельцы явно дрожали от холода, хотя день выдался умеренно прохладный. Пастор развязал тесемки плаща и накинул на плечи Гансу.

Тот поднял голову и в упор посмотрел на человека, затем передал плащ существу, присевшему рядом с ним. Мехтильда – решил Дитрих – приняла одежду и плотнее запахнулась в нее, зажав ворот потуже на горле. Третий крэнк выглядел из-за бочек, сидя на корточках. Человек бы на его месте вертел головой, наблюдая за окрестностями, этот же держал ее неподвижно, словно горгулья. Наверное, так лучше улавливаются движения в лесу, предположил Дитрих. Время от времени крэнк рассеянно проводил пальцем по шее.

¹⁹⁵ *Schlampig* – неряшливый, небрежный (нем.).

Лошадиное ржание прекратилось, животное, вероятно, убежало – если только Увалень его не прикончил. Дитрих высунул голову, решив взглянуть на деревья, и тут мимо словно пронесся громко жужжащий шмель, через мгновение с кромки леса донесся резкий треск, а по кораблю сзади ударил камень. Ганс вновь притянул Дитриха в грязь и щелкнул челюстями на расстоянии большого пальца от лица священника. Смысл был ясен: не делать резких движений. Пастор взглянул на Фридриха и заметил, что левый усик того слегка наклонился, указывая направление к чему-то в лесу. Ганс медленно перевел свой *pot de fer* в положение, из которого мог пустить снаряд в неприятеля.

Он поднял страшный стрекот, в ответ донеслось схожее гудение со стороны деревьев. Дитрих достал упряжь для переговоров из своего мешка и потряс ею перед крэнком, прежде чем водрузить на место.

– Я сказал ему, – объявил Ганс, тоже натянув ремни упряжи, – что снаряды повредят наше единственное средство спасения. Но он меньше беспокоится о спасении, чем о моей покорности. Когда человек ничего не может сделать, подобная гордыня – все что ему остается.

Из-за того, что его личный канал связи оставался под запретом, Ганс говорил по общему, более не заботясь о том, что его могут услышать. Увалень прорычал в ответ:

– Я здесь приказываю, еретик. Твое дело служить.

– Верно, я был рожден служить. Но я служил *всем* в путешествии, а не только тебе. Ты так боишься лишиться хотя бы одного из нас, что потеряешь в итоге всех. Если ты и командуешь здесь, то твои приказы приведут к плачевному итогу – мы все тут умрем. Ты был левой рукой капитана, но без головы руки не знают, за что уцепиться.

В ответ в них полетел еще один снаряд. На этот раз он не звякнул, а издал чавкающий звук, похожий на то, когда нога попадает в густую грязь. Дитрих посмотрел через плечо и ахнул, ибо корабль крэнков светился мягким, немигающим светом без какого-либо источника, и теперь *сквозь него можно было разглядеть деревья с другого борта!* Пастор торопливо перекрестился. Может ли неодушевленный предмет иметь душу? Прямо на глазах судно, казалось, сжималось, словно готовясь к рывку.

Прочие крэнки также увидели это. Фридрих и Мехтильда жужжали, а Ганс сказал, как будто про себя:

– Осторожнее, Готфрид... Держи прямо... – Затем обратился к Увальню: – Где наш рулевой? Он должен быть здесь, чтобы взять шлем!

– Твоя ересь разбила Паутину. Захарий не придет. Неужели ты доверишь свою жизнь вот такому ремонту, сделанному на скорую руку? Даже если корабль выйдет в иной мир, то сможет ли он оттуда выбраться?

– Ну, теперь у нас, по крайней мере, есть выбор, как умереть, а это уже немало.

Ужас сжал сердце Дитриха, его волосы на голове и руках начали шевелиться. Корабль крэнков вдруг снова стал ясно видимым, вернувшись в свои прежние размеры. По его корпусу и росчисти пронеслась волна *elektronikos*, так что на шестах, пиках и других металлических предметах затанцевали огни святого Витта.

Желтые искорки в глазах Ганса, казалось, потускнели.

– Эх, Готфрид! – вздохнул пришелец.

Тот, кого звали Фридрихом, повернулся к нему с *pot de fer* наперевес, прощелкав какую-то фразу. Дитрих услышал только ответ.

– Маленький прыжок – начало большого путешествия. – Фридрих поколебался, а затем опустил оружие. Он сказал еще что-то, но Ганс ему не ответил.

Без предупреждения в дверном проеме корабля появился Готфрид и поскакал через открытую поляну к тому месту, где, скрючившись, сидели Ганс и Дитрих. На нем уже виднелась переговорная упряжь.

– Я должен был попросить вашего благословения для поворотного устройства, отец. Возможно, доставало только его.

Ганс положил ладонь ему на руку и сказал:

– Дело потерпело неудачу из-за самой малости.

– Бва! То же сказал охотник у Прыжка Оленя, – ответил Готфрид. Затем он вскочил на бочки, за которыми они прятались и, разведя руки в стороны, закричал: – Вот мое тело!

Ганс рванул Готфрида вниз за мгновение до того, как над ними пролетел рой пущенных снарядов.

– Вот идиоты! – рассвирепел он. – Если они повредят стены, судно вообще больше не поплывет. Мы должны... Мы должны... – Его тело загудело, словно концертино, ибо у крэнков на теле было множество маленьких ртов. – А! Неужели теплее так и не станет?

– Лето приходит всегда, – сказал Дитрих и, обращаясь к Готфриду, добавил: – Ты не должен отчаиваться и отказываться от жизни из-за первой неудачи.

– То был акт не отчаяния, – сказал Ганс пастору, – а надежды. – Затем он собрался с духом, подавил секундную панику и сделал вывод: – Мы должны сместить герра Увальня.

– Тебе это проще сказать, чем нам, – возразил Готфрид. – Ты служишь Скребуну, и не «связан клятвой» с мастером корабля, как мы. И все же, хотя мне и не хочется его унижать, но, похоже, придется.

– Скольких он привел?

– По всей видимости, всех, за исключением Захария.

Вслед за тем развернулся странный и замедленный бой. Привыкший к рыцарским турнирам и рукопашным свалкам, Дитрих нашел его исключительно необычным, ибо во время схватки сражающиеся подолгу оставались совершенно неподвижными.

Его спутники за бочками казались статуями, но статуями, которые незаметным глазом образом двигались. Каждый раз, когда пастор смотрел на Ганса, слуга говорящей головы принимал другое положение. Подобный стиль идеально подходил для народа, чьи глаза были столь восприимчивы к движению, ибо совершенная неподвижность делала противников почти невидимыми друг для друга. Однако они подверглись бы большой опасности, решив сражаться с кем-либо, полагавшимся в атаке на скорость. Дитрих понял, что если бы Увалень и Манфред сошлись в бою на Кермес, то каждый оказался бы чрезвычайно уязвимым. Оставаться неподвижным перед лицом атаки – верная смерть; впрочем, мчаться во весь опор на существ с повышенной реакцией на движения явно не лучше.

Тем временем хлопок *pot de fer* положил начало неустанному движению, и тогда крэнки показали, что они и в самом деле способны двигаться очень быстро. Снаряды с воем ударялись о бочки или обдирали сучья деревьев. Сражающиеся около корабля заняли отдельные позиции далеко друг от друга, с которых вели огонь. Дрожание кустов и хруст сучьев во мраке леса указывали на то, что люди Увальня делали то же самое. Размеренность их действий раздражала Дитриха, он невольно поймал себя на желании увидеть стремительную атаку и услышать крики ярости.

С немалым ужасом священник осознал, что один из крэнков появился на самой поляне. Неподвижный, словно скала или дерево, тот припал к земле у столика и стульев, где странники в теплую погоду утоляли жажду. Какими незаметными перебежками пришелец туда добрался, Дитрих не понимал, и, когда взглянул в ту сторону еще раз, фигура исчезла.

Посмотрев налево, он увидел странного крэнка подле себя. Дитрих едва не закричал от неожиданности и ужаса и чуть не выпрыгнул из-за укрытия на свою погибель, если бы Ганс крепко не схватил его за плечо.

– Беатке с нами, – сказал он и обменялся с новоприбывшей нежными прикосновениями коленей.

Лес, казалось, заполнила саранча, обе стороны кричали друг на друга, хотя Дитрих слышал только те диатрибы, что проходили через «домового». Слова Увальня были подобны меду, выставленному перед постыщимся: он взывал к врожденной потребности еретиков подчиняться.

– Ты использовал свою власть, Увалень, – отвечал Ганс, – и преступил черту. Если мы рождены служить, а ты повелевать, то тогда твои приказы должны вести к всеобщему благу.

Мы не отвергаем своего места в Паутине. Это ты из нее выпал.

Другой крэнк, тоже с упряжью на голове, хотя Дитрих его не знал, крикнул:

– Мы – те, кто трудится, – да будем услышаны. Ты говоришь «сделай это» и «сделай то», хотя сам не делаешь ничего. Ты отдыхаешь на спинах других.

Внезапно Дитрих осознал, что к Гансу уже присоединилось около дюжины пришельцев. Ни у одного из них не было *pot de fer*, только разнообразные инструменты и устройства. Они разместились на деревьях, позади валунов, и даже в овраге, опоясывавшем рощищу.

– Но Пастушка говорила, что послушание сродни голоду, – сказал Дитрих.

Его сетование попало в общий канал и кто-то, кого он явно не знал, ответил:

– Так и есть, но голодный может возмутиться против того, кто кормит его гнильем.

Вслед за этим с той части рощицы, на которой находился Дитрих, поднялась яростная трескотня. Все вокруг него превратились в статуи, при каждом взгляде менявшие свое положение, отчего Дитрих внезапно почувствовал себя маленьким мальчиком. Он стоял подле своей матери в Кельнском соборе и видел, как горгульи и святые с суровыми лицами медленно оборачиваются на него. «Кожаные руки» вернулись, на сей раз в образе крэнков.

Опасно пасти свое стадо на поле меж двух армий, говорил Грегор Мауэр.

Дитрих выскочил из-под защиты бочек на поляну, разделявшую противников.

– Остановитесь! – закричал он, в любую секунду ожидая, что сейчас в него разрядят с десяток *pot de fer*, и поднял вверх руки. – Во имя Иисуса Христа я приказываю вам опустить оружие!

Удивительно, но никто не выстрелил. Какое-то время все оставались неподвижны. Затем сначала один, а затем и все остальные крэнки стали подниматься из своих укрытий. Ганс мотнул головой назад:

– Ты устыдил меня, Дитрих из Оберхохвальда, – он бросил свой *pot de fer* на землю. В этот момент из леса появился герр Увалень.

– Ты прав, – сказал он. – Это дело касается только нас с Гансом, и цена ему – наша шея.

Гроссвальд шагнул вперед, а Ганс, обменявшись легкими прикосновениями с Беатке, прыгнул на поляну ему навстречу.

– Что значит, «цена ему – наша шея»? – спросил Дитрих.

– А ведь правильно, – произнес Увалень, – что, очутившись в таком мире, мы вспоминаем об обычаях прародителей. – Он сорвал с себя одеяние, стряхнул на землю изношенный, выцветший кушак, куртку и встал, дрожа на холоде мартовского полудня.

Ганс подошел к пастору:

– Помни, что лучше умереть одному человеку, чем целому народу, и если это восстановит согласие... – Затем он обратился к герру: – Вот мое тело, за многих отдаю его.¹⁹⁶

Цена ему – наша шея. Дитрих внезапно понял, что Ганс не будет защищаться.

– Нет! – воскликнул он.

– Разве уже дошло до этого? – спросил Увалень. И Ганс ответил:

– Арнольд всегда знал, что дойдет.

– Ну и оставайся тогда со своими бессмысленными суевериями!

Но, прежде чем Увалень прыгнул на несопротивляющегося Ганса, Дитрих услышал песнь рога, и звук этот показался ему самым прекрасным на всем белом свете.

* * *

– Все очень просто, – сказал Манфред, пока Макс и его солдаты вели ставших вдруг сговорчивыми и покладистыми крэнков назад в Оберхохвальд. – Когда я возвращался в

¹⁹⁶ Послание к галатам, глава 5, стих 15.

деревню, крестьяне сказали мне, что ты словно безумный пронесся галопом к Большому лесу, а вскоре за тобой проследовали крэнки. Я приказал солдатам ускорить шаг. Мы, конечно, были вынуждены оставить лошадей за хребтом, но на марше носят лишь половину доспехов, бросок оказался не таким сложным. Часть из того, что здесь происходило, я слышал по общему каналу. А в чем причина?

Дитрих скользнул взглядом по росчисти, по грудам инструментов, по беспорядку и прокомментировал:

– Крэнки изголодались по послушанию, а Гроссвальд – на редкость дурной кашевар.

Манфред запрокинул голову и расхохотался.

– Если они изголодались по подчинению, – сказал повелитель Оберхохвальда, – то поваром стану я.

* * *

Позже, в большом зале, Ганс и Готфрид пожали друг другу руки, и Манфред возложил на них свои ладони. Крэнки отреклись от клятвы, принесенной барону Гроссвальду, и приняли герра Манфреда как своего сеньора. В знак признания доблести Ганса под Соколиным утесом его новый господин пожаловал ему рубиновое кольцо на правую руку. Увалень не слишком обрадовался такому повороту дел, но согласился на манер Никодима, что это решает проблему неповиновения.

Пастушка также отпустила двух пилигримов, когда те решили поселиться в маноре и креститься.

– Попадая в диковинные земли, путешественники часто перенимают местные грубые обычаи. У нас есть определение для этого, которое переводится как «пойти по стопам аборигенов». Они думают, таким образом все заботы останутся позади. А потом жалеют, но раскаяться приходит слишком поздно. Ты умен, священник, и снял с Ганса и его еретиков часть их ноши, но мою оставь мне. – Она внимательно посмотрела на герра Увальня в другой стороне зала. – И все же, думаю, Ганс не избавился от бремени. Ваш герр Манфред не позволит нам уехать, а это то, чего Ганс желает больше всего.

– Разве вы все не хотите того же?

– Тщетно жаждать невозможного.

– «Надежда» – вот нужное слово, моя госпожа. Когда Готфрид чинил «контур», то дал мне понять, что его ремонт не столь искусен, как работа первоначального создателя. И все же он подошел к задаче со всем рвением, и я не могу не восхищаться им за это. Каждый дурак способен надеяться, когда успех не за горами. Требуется настоящая сила духа, чтобы верить, когда дела безнадежны.

– Бессмыслица!

– Если проявлять настойчивость, Господь в конце концов вознаградит усилия, а отчаянием *того же* никогда не достичь. Госпожа, что бы вы сделали, если бы свергли барона Гроссвальда?

Предводительница паломников улыбнулась в свойственной крэнкам манере, которая всегда казалась Дитриху немного глумливой.

– Приказала бы Гансу поступить так, как он поступил.

– И, тем не менее, осуждаете его поступок!

– Без приказов? Да.

Дитрих повернулся, чтобы взглянуть на Пастушку в упор:

– Это *вы* послали Увальня в Большой лес.

– В моей стране мы играем, расставляя камни в определенном порядке. Некоторые из них неподвижны, и мы называем их... «домовой» советует «ульями», но я лучше скажу «замками». Оттуда камни-воины делают вылазки и передвигаются с места на место по определенным правилам. В игре состязаются трое.

Священник понял:

– Так, значит, вы играете в камни.
Пастушка изогнула уголки губ с расчетливой изысканностью:
– Каждый занимает свое время как умеет. Хитросплетения игры помогают мне забыть. Мы смеемся и прыгаем,
ибо умрем.
– Ну, – сказал Дитрих, – Ганс вышел из игры. Он теперь вассал Манфреда.
Крэнкерин засмеялась:
– Есть правила и для четырех участников.

XVI Март, 1349 Великий пост

С мартом пришел новый год. Сервы и селяне обрезают виноградную лозу и срубали колья, ремонтируя покореженные снегом заборы. После того как герр Манфред объявил перемирие, страсти охладились, многие крэнки вернулись на постой в свои прежние дома в деревне. Ганс, Готфрид и некоторые другие разбили лагерь на месте кораблекрушения. Становилось все теплее, и Циммерман с племянниками поставил для них сарай с печью из плитняка. В результате странники могли не отрываться от починки корабля, да и встречи их с недавними противниками свелись к минимуму. Герлах-егерь, который часто забирался далеко в лес, охотясь на волков, рассказывал, что по вечерам иногда видел, как те пытаются исполнить свой скачущий танец «сообща»:

– Получается у них не очень. Они забываются, и дальше каждый скачет как хочет.

Дитрих часто навещал лагерь Ганса и обыкновенно прогуливался с ним по ныне хорошо размеченным лесным тропинкам, обсуждая натурфилософию. Деревья вновь начали зеленеть, и некоторые нетерпеливые цветы раскрыли свои объятия, призывая пчел. На крэнке поверх кожаных штанов красовался овчинный жилет, ибо собственная одежда пришельцев давно истрепалась.

Дитрих объяснял, что, хотя французы и начинают год Господень на Святки, немцы полагают правильным принимать за начало календарного отчета Вочеловечение Христа. Светский год начинается, разумеется, в январе. Ганс не мог понять такого непостоянства.

– На нашей родине, – говорил он, – время меряют не только годами, но и каждым часом дня и даже одной двухсоттысячной частью дня.

– Скребун делит ваш час на двенадцать дюжин минут и каждую минуту на двенадцать дюжин мигов. Что можно совершить так быстро, что понадобился «миг» для измерений?

– «Миг» – это ваше слово. Оно для нас ничего не означает.

Может ли человек узреть усмешку в золоченых граненых полусферах, улыбку на ороговелых губах? С высокой ели раздался стук дятла. Ганс защелкал, словно отвечая, затем рассмеялся:

– Мы находим подобные интервалы полезными для измерения свойств «моря *elektronik*», чьи... приливы... поднимаются и спадают бесчисленное число раз за один миг.

– Вот как, – сказал Дитрих, – волны, что катятся без воды. А что для вас этот самый «миг»?

– Я должен справиться у «домового».

Дальше оба шли в тишине, которую нарушал только хор пеночек и соек. Дитрих остановился у прогалины, заросшей ясенником. Он сорвал один из бледно-розовых цветков и поднес поближе к глазам. Из корней растения получалась хорошая красная краска, а остальное могло пригодиться Терезии для снадобий. С тех пор как в Большом лесу появились крэнки, она сюда больше не ходила, а потому пастор выкопал несколько цветков и положил в свой мешок.

– Один миг, – возвестил Ганс наконец, – это две тысячи семьсот четыре мириады¹⁹⁷ волн невидимого света из... особой субстанции, которая вам неизвестна.

Дитрих какое-то мгновение неподвижно смотрел на крэнка, прежде чем осознал абсурдность ситуации, и расхохотался.

* * *

Когда они возвратились в лагерь, Ганс спросил о Скребуне. Дитрих принялся рассказывать ему об их многочисленных схоластических диспутах по различным вопросам натурфилософии, но пришелец прервал его:

– Почему он не пришел в наш лагерь?

Дитрих внимательно посмотрел на своего спутника:

– Быть может, он придет. Он жалуется на слабость. Ганс внезапно замер, и Дитрих, думая, что крэнк заметил кого-то в лесу, тоже остановился и прислушался:

– Что такое?

– Боюсь, мы слишком строго придерживаемся Великого поста.

– Великий пост – это трудное время, – сказал Дитрих. – Мы ждем Воскрешения Господня. Но ведь Скребун не крещен, так почему же он тоже постится?

– Из чувства товарищества. Мы находим в этом утешение. – Более Ганс ничего не сказал, и остаток пути прошел в молчании.

* * *

В лагере к Дитриху подошла крэнкерин Ильзе:

– Верно ли, пастор, что те, кто присягнул на верность вашему господину-с-неба, будут жить вновь?

– Doch, – заверил ее Дитрих. – Их души станут жить вечно среди святых, дабы соединиться со своими телами в Судный день.

– Твой господин-с-неба – существо из *energia*, а потому не сможет ли он найти *energia* моего Герда и вернуть ее в его тело?

– Ах, Герд... Так, значит, ты – его жена?

– Еще нет, хотя мы и говорили о том, что найдем... по нашем возвращении. Он был членом команды, а я всего лишь совершала паломничество, но он казался столь... столь властным... в своем корабельном наряде и таким красивым с виду. Именно ради меня – чтобы мне не пришлось пить бульон алхимика – он выступил против герра Увальня и присоединился к еретикам. Если ваш небесный господин соединит нас в новой жизни, я тоже принесу ему свою клятву.

Дитрих ничего не сказал о том, что Герд не принял крещения. Он не был уверен, что сможет все правильно объяснить. Закон любви гласил: никто не может быть осужден за отсутствие веры, которую он не имел возможности обрести; но, с другой стороны, только через Иисуса человек мог попасть на небеса. Возможно, Герда допустят в небесный предел, предназначенный для праведных язычников, место совершенного естественного счастья. Но если так и если Ильзе примет Христа, то они не воссоединятся. Непростой вопрос, но Дитрих пообещал подготовить наставление для нее и двух других в лагере, обратившихся к нему с тем же.

Его порадовал их интерес и заодно сильно заинтересовало упоминание о некоем «бульоне алхимика».

* * *

¹⁹⁷ Мириада здесь – 10 000.

Произведение юнкера в рыцарское достоинство – дело накладное, ведь рыцарская честь требовала, чтобы празднества соответствовали поводу: торжества, пиры, дары, выступление миннезингеров и *bohorts* ¹⁹⁸ – состязания на копьях. Поэтому герры часто проводили сразу несколько акколад, уменьшая расходы. Когда Манфред объявил, что собирается посвятить Ойгена, Тьерри решил даровать титул Имайну.

Циммерманы соорудили трибуну со скамьями, с которых народ мог наблюдать за состязаниями; звуки молотков и пил заглушили ворчание по поводу сверхурочной работы. Серв по имени Адольф так разозлился из-за дополнительной работы, что сбежал – или во Фрайбург, или в один из новых городов на неизвестном Востоке. Имущество его стало выморочным и перешло Манфреду, тот сдал надел в аренду на паях Гансу и Готфриду.

– Земля крепостная, – предупредил Дитрих новых арендаторов, – так что придется вам за нее батрачить на Манфреда, но сами вы – свободные арендаторы. – Он посоветовал нанять Фольмара Бауэра для пахоты надела и жатвы в обмен на половину урожая. Тот, естественно, стал жаловаться, дескать, завален работой на своих наделах и тех, что арендовал у герра, но, в конце концов, оказался человеком предусмотрительным, ведь его отпрыскам однажды могли понадобиться лишние фарлонги. Заключили соглашения, по которым различные обязательства с этих земель передали другим, условия договоров засвидетельствовал сельский староста и записал в *вайстюмер*. Хотя после сделки фогт не стал относиться к крэнкам дружелюбнее, она, по крайней мере, сгладила его неприкрытую враждебность.

Весь день накануне церемонии, которая пришлась на третье воскресенье великопостной Четыредесятницы, юнкеры постились с рассвета до сумерек. Затем, нарушив пост на закате, они надели рясы из белой чистейшей английской шерсти и провели всенощную на коленях в часовне. Рана Ойгена заживала, как и обещал савояр, хотя шрам бросался в глаза; улыбка парня навеки приобрела зловещий оттенок. Имайн сражался отважно, но остался без увечий и теперь наблюдал за косой ухмылкой соседа чуть ли не с завистью.

– Мне грустно смотреть на столь убогое торжество, – признался Манфред Дитриху в тот вечер, когда осматривал трибуны для зрителей. – Ойген заслуживает большего, но пока приходится скрывать наших вассалов-крэнков. Эйнхардт будет страшно раздосадован, что я не пригласил его состязаться на копьях.

Эйнхардт был имперским рыцарем, жившим близ Прыжка Оленя.

– Подозреваю, старик уже наслышан о сплетнях, – предположил Дитрих, – но слишком галантен, чтобы поддаться любопытству.

– И хорошо. Моей дочери он не нравится из-за запаха. Он редко пользуется мылом, хоть с детства знает, как подобает мыться. Считает это «французской чепухой». Думаю, у всех его побед одна причина – противники не выдерживают и бегут прочь от вони. – Манфред запрокинул голову и расхохотался.

– Мой повелитель, – сказал Дитрих. – Заклинаю вас, не делайте так, не показывайте шею... Среди крэнков это жест покорности – и приглашение вышестоящему перерубить ее надвое.

Манфред удивленно поднял брови:

– Вот как! А я-то думал, чего они смеются.

– Каждый человек видит то, что подсказывает ему опыт. Вы не наказали Гроссвальда за нарушение мира. Для нас терпение – это добродетель, а для них слабость.

– Ха. – Манфред сделал несколько шагов, заложив руки за спину. Затем обернулся и склонил голову. – На Соколином утесе Ганс пощадил врага... Означает ли и это слабость?

– Мой повелитель, не знаю, но его пути отличаются от наших.

¹⁹⁸ *Bohorts* – рыцарские поединки, начинавшиеся без какой-либо подготовки, где мог участвовать каждый.

– Тогда они должны усвоить *наши* пути, если хотят остаться в моем маноре.
– Если останутся. Отчаянное желание достичь родных берегов – вот что толкнуло Ганса на неповиновение.

Манфред задумчиво взглянул на пастора:

– Но с чего такое отчаяние? Человек скучает по родине, по семье, возлюбленной или... или жене, но тоска в конце концов угасает. Почти всегда.

* * *

На следующий день юнкеры появились из часовни и были выкупаны в знак чистоты, после чего оделись в льняные нательные рубахи, вышитые золотой нитью туники, шелковые чулки и разукрашенные башмаки. На их плечи накинули малиновые плащи, и собравшиеся ахнули от удовольствия, когда юноши возвратились в церковь. Крэнки запечатлели множество картин своей *fotografia*.

Капеллан служил мессу, тогда как Дитрих и брат Иоахим хором пели *Media vita in morte sumus*.¹⁹⁹ Выбор подходящий, ибо слова напоминали молодым людям, что смерть всегда подстерегает их на избранном пути, а тональность четвертого лада умирляла желчь раздражения, которую воину пристало сдерживать.

После мессы шло *schwerleite*.²⁰⁰ Ойген и Имайн положили мечи на алтарь и пообещали служить Господу. В своей проповеди отец Рудольф наставлял их подражать рыцарям стародавних времен:

– В наши развращенные времена рыцари обращаются против помазанника Господа и опустошают вотчины Креста, обируют «нищих во Христе», угнетают обездоленных и удовлетворяют желания за счет страданий других. Они бесчестят свое призвание, долг сражаться меняют на жажду наживы и невинных дев. Вы же, наоборот, должны всегда помнить о честном имени, справедливости, щедрости и особенно выдержке, избегая всякой неумеренности. Почитайте священников, защищайте бедных и карайте преступников, как встарь.

Дитрих задался вопросом, были ли рыцари в прежние времена так безупречны и честны, как о них вспоминали теперь.

Может, Роланд, Руодлиб и Артур – всего лишь люди, не лучше и не хуже Манфреда? Или фон Фалькенштайна. И все же, разве не правильно стремиться к идеалу, невзирая на то, как плохо дела обстоят в действительности; подражать *безупречному* Роланду, а не несовершенному смертному, каким тот, возможно, был?

Отец Рудольф освятил оба меча. Затем Манфред надел на Ойгена кольчугу с панцирями на груди и на спине, башмаки с железными кольцами, *тонфхельм*.²⁰¹ с забралом и щит с гербом: белой розой, перекрещенной с чертополохом. Как только Тьерри схожим образом экипировал Имайна, оба юноши преклонили колени перед алтарем, Манфред взял по очереди меч каждого и ударил им плашмя по плечу посвящаемого. Прежде церемония совершалась ударом ладони по лицу, но новый французский обычай недавно стал популярен и в германских землях.

После этого в главном зале накрыли *банкет*. Во дворе на вертеле зажарили быка, и слуги спешили взад-вперед с огромными блюдами, заваленными грудями филейного мяса и сосисок. На стол выставили перченую капусту, дичь, сваренную в меду и запеченную в тесте, яйца, засоленные в красной свекле, печеный окорок в черном уксусе, тертую сладкую

¹⁹⁹ *Media vita in morte sumus* – «Посреди жизни нас встречает смерть». Средневековый распев XI в. (лат.).

²⁰⁰ *Schwerleite* – обряд подпоясывания мечом – посвящение в рыцари (нем.).

²⁰¹ *Тонфхельм* – большой горшководный шлем.

свеклу и морковь с изюмом; подавали мороженое и шербет, sprysnutye черным уксусным соусом. На пиру выступали жонглеры, мимы и певцы. Петер миннезингер исполнил отрывок из «Эрека» Гартмана фон Ауэ, где друзья героя разгневались на графа, который избил свою молодую жену. Дитрих задался вопросом, не заказал ли Манфред этот отрывок специально, в качестве многозначительного намека суженому своей дочери.

После полудня настал черед *bohorts*. Претенденты и их дамы прошествовали вокруг поля, а зрители восхищались их разноцветными мантиями и нарядами. Ойгена отметили особо, ибо его любили. Жители деревни яростно освистали Имайна, когда два юных рыцаря заняли позиции на противоположных сторонах поля.

Дитрих наблюдал за всем этим с трибуны вместе с Максом и Гансом, на достаточном удалении, чтобы лошади не почуяли крэнка.

– Мы развлекались подобным образом в Париже, – заметил пастор.

– Как! – вскричал Макс. – Вы? На копьях?

– Нет, мы любили игру «согласен или нет». Один студент назначался ловчим, а другой ответчиком. Первый должен был в ходе диспута загнать соперника в ловушку противоречия. Второй же всячески избегал подобной возможности. Развивали находчивость и остроумие.

Макс хмыкнул:

– Ха, едва ли ваши споры были таким великолепным зрелищем, как это! – Он обвел рукой вокруг.

– Но Церковь не одобряет подобные зрелища, – ответил священник.

Ганс щелкнул челюстями:

– Неудивительно! Рисковать жизнью ради забавы!

– Дело не в этом, – возразил ему Дитрих. – Подобные игрища – демонстрация тщеславия и гордыни.

– Вы возблагодарите Господа за эти тщеславие и гордыню, – ответил Макс, – когда вам придется вверить жизнь и имущество умениям, которое рыцари оттачивают здесь.

– Именно из-за их умений мы обычно и лишаемся жизни и имущества, – возразил Дитрих. – Я думаю, однажды люди с большей благодарностью отнесутся к навыкам ученых, практикующих натурфилософию.

Кунигунда, выбранная королевой любви и красоты на празднике, взмахнула платком, и оба рыцаря с криками пришпорили коней навстречу друг другу, опуская копья наперевес при приближении к противнику. Имайн ловко отклонил удар взмахом щита и нанес свой. Ойген перелетел через круп лошади и ничком распростерся на земле, пока слуги не унесли его прочь.

Кунигунда хотела броситься к нему, но Манфред удержал дочь, положив ей руку на плечо.

– Бва! Нам, крэнкам, могла бы понравиться такая забава, – воскликнул Ганс, – если бы вы не придерживали удары.

– Времена изменились, – сказал Макс. – Раньше толпа кричала бы «Не унывай!» и аплодировала каждому удачно обернувшемуся бою. Имайн славно управился со своим щитом в этом заезде. Очень мило проделано. Но теперь вы услышите, как они кричат «Бей, коли!» – Макс подкрепил свои слова соответствующим жестом. – Выдави ему глаза! Отсеки ногу!

Ганс махнул рукой в сторону трибун:

– Они не кричат ничего подобного.

Макс подался вперед, наблюдая, как в состязание вступают Тьерри и Ранаульф:

– Нет, но в остальных местах это так. Здесь рыцарский дух еще не предан забвению.

* * *

В тот вечер Дитрих рискнул выбраться в Малый лес под Церковным холмом, решив собрать корешки и стебли растений, – и он, и луна пребывали в нужном расположении.

Кое-какие травы уже откликнулись на весеннее тепло, хотя до цветения лютиков оставалось еще несколько месяцев. Некоторые растения он оставил целиком. Другие нарезал на части и сварил, чтобы приготовить мазь. Третий растер пестом в порошок и завязал в муслиновые мешочки для приготовления настоек. Все снадобья пастор хотел отдать Терезии, рассчитывая, что девушка обрадуется неожиданному подарку, пригласит его в дом поговорить, все станет как прежде.

Дитрих готовил мази и бальзамы в кухонной пристройке, Иоахим тут же взирал обед, а Скребун грелся у огня. Философ с любопытством и дотошностью расспрашивал Дитриха о свойствах каждого растения, и священник рассказывал ему, какое снадобье оказывало очистительное воздействие, а какое помогало при горячке. Крэнк подобрал один еще не вымытый корень.

– Наш алхимик, – сказал он, – думал о будущем одновременно и слишком много, и слишком мало. Он никогда не исследовал эти субстанции, а только то, что вы предлагали нам в качестве пищи. Может, в одной из них кроется наше спасение.

– Ваше спасение, – сказал ему Дитрих, – кроется в хлебе и вине.

– *Ja*, – сказал Скребун, все еще осматривая корешок. – Но хлебе *из какого зерна!* Вине *из какого плода!* Если бы Арнольд не умер, то, возможно, нашел бы ответ в этом малообещающем дереве.

– Сомневаюсь, – ответил Дитрих, – это мандрагора, яд.

– В чем мы все убедимся, – отозвался Иоахим из-за котелка, – если ты опустишь ее в мою стряпню.

– Яд, – повторил Скребун.

– *Doch*, – сказал Дитрих, – я недавно узнал, что мандрагора погружает в сон и облегчает боль.

– Однако, что убивает вас, может поддержать нас, – сказал Скребун. – Арнольду следовало продолжить свои опыты. У нашего врача нет таких познаний в алхимии.

– А что искал Арнольд? Скребун медленно потер руки:

– Что-нибудь, что могло бы поддержать нас до спасения.

– Слово Божье, значит, – отозвался монах от очага.

– Наш хлеб насущный.

Дитрих подумал, что совпадение слишком уж точное, ведь слова Скребуна – всего лишь аналогии, которые «домовой» подыскивал щелканью и жужжанию крэнков.

– Что ты имеешь в виду под словом «спасение»? – спросил он странное создание.

– То, что нас должны забрать из этого мира в соседний, к нашему дому за звездами, когда на Пасху наконец придет ваш господи н-с-неба.

– Вера бесплодна, – сказал Иоахим, – без любви к ближнему. Ты должен следовать путем Христа – приюти бездомного, прикрой нагого, утешь страждущего, накорми голодного...

– Если бы мог я накормить голодных! – закричал Скребун. – Понимаете, есть пища, что питает, и та, что всего лишь наполняет. – Он провел руками друг о друга, раздался звук, словно от работающих жерновов. Крэнк прыгнул к двери, верхняя половинка которой была приоткрыта во мрак вечера, и бросил взгляд на Малый лес. – Я никогда не был... – сказал философ спустя какое-то время. – На вашем языке есть слово «женат», хотя у нас для этого требуются трое. Я не был женат, но есть коллеги и братья по гнезду, которых я бы хотел еще раз увидеть, но теперь не увижу.

– Трое! – воскликнул Иоахим.

Скребун задумался, слегка раздвинув челюсти, словно собирался что-то сказать, а затем произнес:

– На нашем языке они называются «сеятель», «несушка» и... «домовой» не переводит это слово. Назовите ее «нянькой для икры», хотя она и нянчит *до* рождения. Бва-уа-уа! У нас и в самом деле есть три рода: «он», «она» и «оно»! Смотреть за тем, как мальки ползают в зобе у кормилицы, говорят, чрезвычайно трогательное зрелище... Ах, я слишком быстро

состарился, а это дело для молодых. Никогда больше я не увижу своих братьев по гнезду.

– Ты не должен терять надежду, – сказал Иоахим. Скребун уставился огромными желтыми глазами на монаха:

– Надежда! Одно из ваших «внутренних слов». Я знаю, что вы подразумеваете, когда говорите «свинья», «иноходец» или «*Schloss*»,²⁰² но что есть «надежда»?

– Это то, что можно сохранить, – сказал Иоахим, – когда все остальное потеряно.

* * *

Дитрих постучался. Сначала все было тихо, затем послышался вороватый шорох за ставнями, и лишь после этого открылась верхняя половинка двери. Дитрих неуклюже вытащил из мешка суму с приготовленными снадобьями и протянул женщине, бывшей ему единственной дочерью.

– Вот, – сказал он. – Я приготовил их для тебя. Там есть снотворное из корня мандрагоры, для которого требуется небольшая инструкция.

Терезия не приняла подарок:

– Что еще за искушение? Я не ведьма, чтобы иметь дело с ядами.

– «Яд создается дозой». Тебе это известно. Я учил тебя.

– Кто дал тебе этот яд? Демоны?

– Нет, врач-савояр, который лечил Ойгена. – Всего лишь хирург, но Дитрих не упомянул об этом. Он потряс сумой. – Возьми ее, прошу тебя.

– Яд? Я не прикоснусь к нему.

Дитрих забрал губки, пропитанные смесью, изготовленной по рецепту итальянца.

– Лучше бы ты не делал этого. Ты никогда не брался за отравы, пока не появились *они*.

– Это был савояр, говорю я тебе.

– Он – всего лишь их орудие. О, отец, я ежедневно молюсь о том, чтобы ты освободился от их чар. Я попросила помочь тебе.

По коже Дитриха пробежал озноб.

– Кого ты попросила?

Терезия забрала у него суму с оставшимся содержимым:

– Я помню, как увидела тебя впервые. Все не могла вспомнить, но теперь вспомнила. Я была очень маленькой, а ты казался огромным. Твое лицо все почернело от дыма, а вокруг кричали люди. Там была красная борода... Не твоя, но... – Она тряхнула головой. – Ты подхватил меня на плечо и сказал: «Пойдем со мной». – Она начала затворять верхнюю створку двери, но Дитрих потянул ее назад:

– Я думал, мы можем поговорить.

– О чем? – И она плотно захлопнула дверь. Дитрих молча стоял перед домом.

– О... чем-нибудь, – прошептал он. Он так тосковал по ее улыбке. Она всегда радовалась даримым им лекарствам. «Отец! – кричал ребенок в его воспоминаниях. – Я так тебя люблю!» – И я тебя, – произнес священник вслух. Но, если за дверью и слышали его слова, она не отворилась, и Дитрих едва успел утереть слезы, прежде чем добрался до вершины холма.

* * *

На Святой вторник незадолго до вечерни прибыл герольд из Страсбурга. Он доставил пакет – перевязанный лентами, с гербом епископа, оттиснутым на ярко-красном сургуче. Глашатай отыскал Дитриха в церкви, тот готовился к завтрашней литургии преждеосвященных даров, единственному дню, когда не проводилась Консекрация.

²⁰² *Schloss* – замок (нем.).

Предупрежденные по передающему известия устройству, Ганс и прочие крещенные крэнки, помогавшие укрывать кресты и статуи черной тканью, заблаговременно запрыгнули на стропила и попрятались в царящей под крышей темноте.

Дитрих исследовал печати и не увидел следов излома. Взвесил пакет на ладони, как будто вес свертка мог рассказать о его содержимом. То, что августейшему Бертольду II было известно его имя, напугало пастора без меры.

– Известно ли тебе, о чем оно? – спросил священник герольда.

Тот сказался несведущим, хотя и бросал по сторонам настороженные взгляды. Иоахим, также помогавший по убранству церкви, прокомментировал:

– Я думаю, слухи достигли ушей епископа. Того человека отправили передать послание, а также велели смотреть в оба.

Крэнки спустились вниз и вернулись к своему занятию. Готфрид, спрыгнувший последним, спросил:

– Так, может, пусть что-нибудь увидит? – и удалился, посмеиваясь.

Дитрих сломал печать и развернул конверт.

– Что там? – осведомился монах.

Внутри оказалось обвинение епископального суда в том, что он крестил демонов. Если послание и стало неожиданностью, то исключительно потому, что с ним тянули так долго.

Пастору внезапно пришло в голову, что именно в этот вечер, почти в этот самый час Сына Человеческого предал один из его близких. Придут ли так же за ним наутро?

Он прочитал документ вторично. Ему даровали месяц отсрочки, чтобы ответить на обвинение.

* * *

– Месяц отсрочки, – повторил Манфред, когда Дитрих явился в скрипторий с новостями.

– Согласно закону, – ответил Дитрих. – И я должен представить список своих врагов, чтобы ведущий расследование магистрат мог решить, не выдвинуты ли обвинения по злему умыслу. Для суда нужны, по меньшей мере, *два* свидетеля. Булла не упоминает их имен, и это очень необычно.

Манфред, сидя в кресле у стола, покрутил пальцами под подбородком:

– Итак. Насколько же велик список твоих врагов?

– Мой господин, до сих пор я не верил, что они вообще есть.

Манфред кивнул на предъявленное обвинение:

– По меньшей мере два. Клянусь колесом святой Екатерины, ты слишком наивен для священника! Я сам могу назвать дюжину здесь, в деревне.

Дитрих невольно подумал о тех, кто возражает против крещения Ганса, кто боится крэнков выше всякой меры. Наказания за лжесвидетельство были очень суровы. Отец, назло обвинивший сына в ереси за непослушание, остаток своих дней провел в колодках. Дитрих подошел к узкому окошку и вдохнул вечерний воздух. Внизу в окнах домов мерцал свет огней. Под слабо светящимся от звезд небом шумел Черный лес.

Как он мог назвать ее и обречь на подобную участь?

6

Наши дни: Том

Том и Джуди встретились в «Скворечнике», чтобы обсудить ее последние находки за парочкой больших сэндвичей с мясом, сыром и помидорами. В поисках пастора Дитриха «червь» Джуди нарыл тонны *klimbim*.

– Ты знаешь, сколько немцев в Средние века носили имя Дитрих? – Она закатила глаза, но втайне прекрасно знала, как много труда уходит на одно озарение. Путь в тысячу миль

действительно начинается с одного шага, просто он на нем не заканчивается. – Не тот век, не то королевство. Саксония, Вюртемберг, Франкония... Дитрих в Кельне, даже Дитрих в Париже. Их я легко исключила. Самые трудные случаи – когда имена не связаны с конкретным годом или местом. Их пришлось просматривать одного за другим. А вот это? – Она помахала в воздухе распечаткой. – Эти идиоты не догадались включить Оберхохвальд в указатель. Иначе бы документ выскочил давным-давно. – Джуди свирепо впилась в свой сандвич и пробурчала: – Болваны.

Она говорила о выдержке из книги. В 1970-е инициативная группа либералов опубликовала книгу под названием «Толерантность сквозь века», содержимое которой должно было продемонстрировать просвещенные нравы в разные времена и в разных странах. Наряду со знаменитой речью Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта...» и «Кровавым догматом» Роджера Уильямса здесь было и письмо пастора Дитриха к епископу.

* * *

Св. преп. Вильгельму Ярлсбергу, архидьякону Фрайбурга-им – Брейсгау.

Молю представить с вашей помощью эту апологию вместе с моими скромными молитвами Его Высокопреосвященству Бертольду II, епископу Страсбургскому.

Я смиренно хранил молчание, пока недоброжелатели мои, надеясь отвлечь сердце ваше, выдвинули против меня обвинение перед трибуналом Святой Палаты. Разум и истина восторжествуют, я полагаю. И все же последний инцидент с флагеллантами в Страсбурге заставляет меня спросить, ужель разум более не почитается высоко в христианском мире?

Мои обвинители сказали вам, что мы в Оберхохвальде приютили демонов в домах наших. С вашего наимилостивейшего позволения я отвечаю на это следующим образом.

Вопрос. Правда ли, что пастор Дитрих из Оберхохвальда вступил в сношения с демонами и чародеями и оскорбил святое таинство крещения из безумного подозрения в ереси?

Основание 1. Может показаться, что я имею сношения с демонами, ибо мои гости используют разные невероятные устройства и практикуют искусства, неизвестные христианам.

Основание 2. Может показаться, что я имею сношения с демонами, ибо мои гости, как говорят, сверхъестественным образом летают. И эти полеты, говорят, похожи на полеты ведьм, что собираются на горе, называемой Кандел.

Основание 3. Может показаться, что я имею сношения с демонами, ибо мои гости необычны по своей наружности.

Возражение. Истинно, что Христос умер во спасение всех людей. Следовательно, в крещении не может быть отказано стремящемуся к нему новообращенному, и только принуждением или искажением воли разрушается благодать таинства сего. Более того, Canon Episcoporum¹ ясно говорит о том, что колдовство, будучи светским преступлением, не является ересью. Таким образом, навет моих хулителей не соотносится ни с богословием, ни с законом.

Ответ на Основание 1. Земные вещи либо естественны, либо неестественны. Но что-либо называется неестественным тогда, когда оно противно натуральному течению природы, а не тогда, когда связано с невероятным. Так, говорят, что камень, подброшенный вверх, являет нам неестественное движение, ибо не склонен к подобным явлениям по своей природе. Ныне искусственные предметы преодолевают ограничения природы подобного рода, у нас есть даже такие механические устройства, как часы или очки. Говорят, травница, использующая тайные свойства растений, прибегает к магии, ибо подлинная сущность тех еще не раскрыта, а только эффект известен. Но «тайный» не означает неизвестный вовеки, ибо эти свойства, будучи реальными, исследуемы. Нелепо, коли сама природа обладала бы потенциально постижимыми явлениями, кои нельзя было бы в действительности постичь. Как только же о любом

естественном процессе становится общеизвестно ученым, он перестает быть сверхъестественным. Например, ныне мы постигаем Слово Божье посредством чудесных очков. Они – всего лишь изобретения механики, но многие в народе относятся к ним с недоверием. Мои гости используют устройства сродни описанным Роджером Бэконом,

¹ *Canon, Episcopi* – «Епископский канон»: сборник церковных установлений и законов, относящийся примерно к X в. Определял колдовство как почитание дьявола, но объявлял, что этот культ не более чем глупый предрассудок.

которые обычно рассматриваются как вещи этого мира, хотя их сущность и остается сверхъестественной.

Ответ на Основание 2. *Canon Episcopi* заявляет, что ведьмы не летают на свои шабаши иначе как во снах, навеванных белладонной и другими пагубными растениями. Верить же в обратное – грех. Следовательно, мои хулители заблуждаются, когда утверждают, что мои гости передвигаются сверхъестественным образом. Полет, если и будет возможен, свершится либо по воле Господа, либо посредством искусства хитроумных ремесленников.

Ответ на Основание 3. Демоны не могут вынести прикосновения святой воды. Однако крещальная вода не причинила им неудобства, в частности тому, кто принял христианское имя Иоанн. Следовательно, он не демон.

Таким образом, я доказал несостоятельность своих обвинителей. «Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне».²⁰³ Я помог странникам, заблудшим и голодным, а некоторым из них – тяжело увечным, когда те появились здесь прошлым летом. Допустим, фра Иоахим нашел их уродливыми и назвал демонами, несмотря на их очевидные смертные страдания, ибо странники сии действительно смертны. Они забрели к нам издалека, и народ там естественным образом выглядит иначе; но если папа Климент имеет право своей изумительно разумной буллой открыть дворец в Авиньоне для евреев, то и бедный приходской священник, верно, может приютить беспомощных путников, невзирая на цвет их кожи и форму их глаз.

С Господом пребываем в году 1348 от Рождества Христова. Написано мной собственноручно в Оберхохвальде в маркграфстве Баден на день поминания Григория Назианзина.

Дитрих

– Весьма примечательная личность, – сказал Том, складывая распечатку.

– Да, – тихо сказала Джуди. – Я бы с удовольствием познакомилась с ним. Мои родители тоже были «беспомощными путниками». Они три года жили в лодке на воде, пока их «пастор Дитрих» не нашел им дом.

– Ой. Извини.

Она пожала плечами:

– Это было давно, а я родилась тут. Американская история.

Том постучал пальцем по странице:

– Брат Иоахим, с другой стороны, выглядит мракобесом, донесшим инквизиции на Дитриха и называвшим людей демонами.

– Возможно, Дитрих не знал, кто были его хулители.

– Анонимный донос? Вполне в духе инквизиции. – Ну... Том поднял голову:

– Что?

– Поначалу слишком много обвинителей погибло – их убивали еретики, – потому им обещали анонимность, а за ложные обвинения ввели суровые наказания.

Том прищурился:

– У инквизиции были правила?

– О да. Более жесткие, чем у королевских судов, на самом деле. Например, по делу

²⁰³ Матфей 25; 40.

готовили обзор, где все имена меняли на латинские псевдонимы, и этот документ представляли группе людей, выбранных из-за высокой репутации в общине – *boni viri*, добрые люди, – которые могли рассмотреть все обстоятельства беспристрастно. Известны случаи, когда обвиняемые сознательно совершали богохульство, чтобы из юрисдикции королевского суда их передали в руки инквизиции.

– И все же они применяли пытки, не так ли?

– При допросе, но никогда в качестве наказания. Но тогда *все* применяли пытки. Трибуналы разрешили их использование, причем далеко не сразу, уже после того, как имперские суды ввели в обычную практику. В наставлении для инквизиторов пытки назывались «обманчивыми и неэффективными» и допускались только в качестве последнего средства или когда вина становилась очевидна по другим свидетельствам. Тогда признание подозреваемого было необходимо. Они не могли вынести приговор, основываясь лишь на чужих показаниях. Пытка допускалась только один раз и, согласно правилам, не могла привести к потере конечности или поставить под угрозу жизнь преступника. Все сказанное во время нее требовало подкрепления клятвой, которую обвиняемый приносил уже после.

Том не сдавался:

– Но опытный обвинитель всегда мог найти лазейку.

– Или продажный. Несомненно. Инквизиция больше походила на современный следственный совет присяжных, нежели на суд.

– Ты уверена? Я всегда думал...

– Этому была посвящена моя диссертация по нарративной истории.

– Ой. Так вот откуда, значит, ты выучила латынь?

По правде говоря, Тома часто удивляли мелкие детали истории. Он работал с общей картиной, и в результате частности зачастую сводились к безликим стереотипам.

Том изучил распечатку заново. Сколько же еще информации скрывалось в черном лесе слов толщиной в семь столетий?

– Думаю, это были китайцы. Гости Дитриха. Замечание о цвете кожи и форме глаз. Выходцы с Востока, точно.

– В XIV веке предпринимались подобные путешествия, – согласилась Джуди. – Марко Поло с отцом и дядей. А еще Гийом Рубрук, друг Роджера Бэкона.

– А как насчет противоположного направления? Кто-нибудь из Китая на Запад не путешествовал?

Джуди не могла сказать наверняка, но в «Скворечнике» был беспроводной доступ в Сеть, поэтому она достала ноутбук, залезла в Интернет и несколько минут спустя кивнула:

– Нам известно о двух китайцах-несторианах, которые отправились на Запад. Хм! В то же самое время Поло отправился на Восток. Они могли встретиться друг с другом по дороге. Одного из них тоже звали Марко. Странно. Марко и Саума. Когда они добрались до Ирака, то Марко избрали *Catholicos*,²⁰⁴ несторианским папой, и он отправил Сауму с посольством к римскому папе, английскому и французскому королям.

– Значит, Дитрих мог приютить подобную миссию, – сказал Том, дергая себя за нижнюю губу, – миссию, попавшую в беду. Может, на нее напали феодалы-разбойники, например. Дитрих говорит, некоторых ранили.

– Возможно, – согласилась Джуди. – Только...

– Что?

– Китайцы не настолько отличаются от нас. И летать не могут. Так зачем же называть их летающими демонами?

– Если их прибытие совпало со вспышкой галлюцинаций из-за отравления спорыньей, то в народном сознании два события могли соединиться.

Джуди поджала губы:

²⁰⁴ *Catholicos* – католикос.

– Если так, то Дитрих обратился, по крайней мере, одну галлюцинацию в католичество. Иоганн. Как полагаешь, это не тот самый Иоганн фон Штерн, вопрос о крещении рассматривался в епископальном суде?

– Думаю, да. А это было ответом Дитриха. Помнишь документ «*Moriuntur*»?

– Да. Полагаю, это отрывок из дневника пастора Дитриха.

– *Bestimmt*.²⁰⁵ В такой маленькой деревушке, как Оберхохвальд, священник, вероятно, был единственным грамотным человеком. Вот. Пришло от Антона по электронной почте сегодня утром. – Том передал ей распечатки нескольких *pdf*-файлов. – Он откопал их во Фрайбурге.

Джуди жадно пробежала листки глазами. Конечно, она была научным сотрудником, но это не означало, что сам процесс расследования не приносил ей радости. Дойдя до конца, она положила листки на стол и слегка нахмурилась. Затем пролиставала их вновь и перечитала некоторые отрывки.

– Ты обратила внимание на ту часть, где говорится об их именах? – спросил Том. – «Его зовут Иоганном, потому что его настоящее имя слишком труднопроизносимо для нашего языка». Он же никогда не слышал языка не индоевропейской группы. Джуди рассеянно кивнула:

– Он, наверное, изучал иврит, если был тем самым *doctor seclusus*, о котором упоминает Оккам. И, вероятно, слышал арабский. Но...

– Ты читала тот раздел, где Иоганн и некоторые его товарищи помогают жителям деревни во время чумы? – Том вырвал листки у Джуди, та еще какое-то время не отрывала взгляд от места, где они были. Клиолог послунывил палец и зашуршал страницами. – Вот. «Ганс и трое его соотечественников ежедневно навещали больных и хоронили мертвых. Как печально, что те, кто прятались при их виде, не восстанут засвидетельствовать их подлинную христианскую любовь к ближнему. – Том отпил газировки. – Так Иоганн и я молились, желая укрепить силы друг друга и дать утешение тем пилигримам, что все более падали духом».

И тут Джуди пришла идея. Всего лишь интуиция, и ей трудно было ее сформулировать. Она забрала распечатки у Тома, пролиставала их и отчеркнула ногтем строку.

– Что ты думаешь об этом? – Резкость в ее голосе заставила Тома бросить на нее любопытный взгляд, прежде чем он прочел указанный абзац.

– Я не очень понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал он, закончив чтение. – Дитрих однажды встретил Ганса, тот сидел в одиночестве и смотрел на звезды. Они поговорили немного, и пилигрим спросил, сможет ли он когда-нибудь найти путь домой. Ностальгия путешественника, *ne c'est pas*?

– Нет, Том. Он пишет, что Ганс указал на звезды и спросил, сможет ли найти путь домой.

– И что? Люди в те дни путешествовали, ориентируясь по звездам.

Она отвела взгляд, оттолкнула тарелку в сторону.

– Я не знаю, – сказала она. – Это всего лишь предчувствие. Записи Дитриха. Они значат нечто другое... Не то, что мы думаем.

Том не ответил. Он прожевал кусок хлеба и отложил сэндвич недоеденным. Несмотря на обилие обнаруженных ими материалов, они не приблизились к объяснению причины, почему в Оберхохвальде так никто и не поселился. Вот над чем стоило поразмыслить.

Остерегайся их, как остерегаемся мы нечестивой земли Тойфельхайма. В последний год своего существования это была обычная деревушка. И всего поколение спустя ее назвали Обителью дьявола.

Он не осознавал этого, но сейчас с головой погрузился в тайну – суть дела оставалась сокрытой, – а чтобы найти отгадку, ему понадобится немного магии.

²⁰⁵ *Bestimmt* – определенно (нем.).

XVII
Апрель – Май, 1349
Неделя литании.²⁰⁶ 25 апреля

К весне казалось, что крэнки жили здесь всегда. Они освоились с интригами, ритмом, дружбой и завистью, с тонкостями бытия деревни и манора, начали участвовать в церемониях и пирушках. Странники лишились общества себе подобных, и теперь, подчиняясь *instinctus*, они таким образом искали уюта. Когда Франция Длинноносого ранили рыцари-разбойники, засевшие в пещере под Фельдбергом, два крэнка вызвались выследить преступников в своей летающей упряжи, хотя и безуспешно.

– Это люди фон Фалькенштайна, – сказал Макс Дитриху позднее, – перебравшиеся в леса после падения Утеса. Я думал, они бежали к Брайтнау.

Тщательно спланированный *соир*²⁰⁷ Пастушки пришелся на Фомино воскресенье.²⁰⁸ Многие крэнки, из-за слишком буквального перевода, думали, что долгожданный господин-с-неба явится и спасет их, и после того, как этого не произошло, пришли в величайшее уныние. Пастушка (не толковавшая все так дословно) аккуратно обрабатывала своих подопечных, ожидая только момента этого разочарования. Она втерлась в общество Манфреда, всегда пребывая между устами Увальня и ушами герра, и рассчитывала, что Манфред все больше станет прислушиваться к ее советам, вдобавок – а потом и вместо – к решениям Гроссвальда. Правда, рыцарь, не чуждавшийся интриг вассалов, прекрасно понимал все ее маневры.

– Она думает сместить его, – сказал он Дитриху однажды вечером, прогуливаясь в компании с ним и Максом по стенам замка, – словно моя клятва защищать его ничего не значит.

– Пастушка рассказывала мне, – отозвался Дитрих, – что у крэнков есть игра, в которой маневрируют и удерживают позиции. Я думаю, ей скучно, а интриги – способ развеяться хоть отчасти. Любопытный народ.

– *Терпеливый* народ, – ответил Макс. – Господь, наверное, создал их для засад и караульной службы; но, что касается интриг, самый бестолковый итальянец обдерет крэнков как липку.

Пастушка, похоже, оскорбилась, когда Манфред отверг ее притязания на власть и приставил охрану к Гроссвальду. Дитрих не был уверен в том, насколько большим препятствием стали бы охранники, доведи Пастушка свой замысел до конца, но крэнки, похоже, не желали сердить своего хозяина. Большинство пилигримов и один из философов Скребуна объявили о своей преданности Пастушке, настоявшей в итоге на отделении.

Увальень свыкся с ролью «господина крэнков» и любил «побряцать кимвалом», как говорили в народе, даже несмотря на то, что выход из-под его власти сначала Ганса с товарищами, а затем Пастушки с пилигримами сильно подорвал положение барона. Большая часть команды корабля, тем не менее, осталась верна ему, и, возможно, он убедил себя в том, что именно здесь и проходит справедливая и привычная граница его власти. Рано по утрам Гроссвальда видели на парапете замка, где крэнк сидел, застыв изваянием, взирая сверху на мир огромными желтыми глазами и думая невесть о чем. Дитриху так и не удалось

²⁰⁶ Воскресенье накануне Вознесения. Часть молебственных дней Римской католической церкви, в которые возносятся специальные молитвы об урожае. Большая литания приходится на 25 апреля, малая – за три дня до Вознесения.

²⁰⁷ *Соир* – удар (Фр.).

²⁰⁸ Следующее воскресенье после Пасхи.

проникнуть в мысли этого жестокого и заносчивого властителя.

* * *

Май заблагоухал со щедрот апреля, луга и горные леса покрылись полевыми цветами. Густой аромат поднимающихся соков и запах клевера миропомазали воздух. Трудлюбивые пчелы запорхали между цветками, проснулись от своей спячки жадные медведи. Но в вековой борьбе за мед человек поддерживал равновесие, ибо разводил первых и охотился на вторых.

На Вальпургиеву ночь вершины холмов осветило пламя костров, отпугивающих ведьм от шабашей. Как требовал обычай, Манфред провел этот день, играя с незаконнорожденными отпрысками жителей деревни, в то время как те же самые крестьяне танцевали вокруг украшенных шестов и прыгали через костры, обеспечивая на будущее обильный приплод таких детей.

Дитрих и Ганс сидели на лужайке перед церковью, взирая сверху на празднества.

– Говорят, древняя раса людей с рыжими волосами, когда-то владевшая этими землями, разводила подобные костры, отмечая середину весны.

– Народ, который вы называете язычниками, – сказал Ганс.

– Нет, всего лишь одно племя. Римляне, например, со временем покончили с такими фривольностями, что стало одной из причин падения их империи. Она была слишком серьезной, чтобы сохранить жизнеспособность.

– И тогда христиане переняли обычаи у язычников.

Дитрих отрицательно помотал головой:

– Нет, это язычники *стали* христианами и просто сохранили свои традиции. Поэтому, подобно римлянам, мы дарим подарки на Рождество, а как немцы – украшаем деревья по случаю праздников.

– И, подобно народу рыжеволосых, зажигаете костры и танцуете вокруг шестов. – Ганс улыбнулся. – Наблюдение за вашими обычаями – великая задача Скребуна, и мне кажется, этот пример его порадует. Наверное... – Он замер на мгновение. – Наверное, я навещу его.

Под ними среди празднующих философ усердно трудился над своим устройством для *fotografia*.

* * *

На неделю литании Ганс и другие крэнки, которым пожаловали надел, присоединились к селянам в ежегодном обходе манора. После мессы Дитрих возглавил процессию, облаченный в украшенную вышивкой, свободно ниспадающую накидку, и нес святую воду в медном ведре, на котором было выгравировано изображение ручья, брызжущего из-под горы. За ним, в порядке старшинства, шествовали Клаус и Хильда, затем Фолькмар с родственниками, следом остальные *ministeriales* того года, а далее остальные жители деревни, числом около двух сотен. Все болтали, смеялись; вокруг носились дети, стремительные, как стрелы, и жужжащие, словно пчелы на лугу. Ганс и Готфрид шли подле Дитриха, причем первый держал в руке кропило, а второй – ведро.

Пастор вспомнил, как маленькая Терезия скакала с тем же самым зажатым в кулаке кропилом, а Лоренц тащил ведро и держал накидку. Взял ли Готфрид обязанности Лоренца на себя, как принял его имя? Ныне Терезия от страха держалась в самом конце процессии.

Манфред сопровождал их верхом на белом иноходце, чью гриву заплели в косы, надушенные свежими фиалками.

Рядом с ним ехали Ойген, Кунигунда и – верхом на маленьком белом пони – малышка Ирмгарда с длинными, до самой талии, развевающимися на ветру волосами, подпоясанная кружевным кушаком, символом целомудрия. Кунигунда, теперь замужняя женщина, накрыла волосы мантилей. Эверард шагал широким шагом вместе со своей женой

Ирмгардой и сыном Витольдом в нескольких шагах позади отряда герра.

– Как тащиться по господскому навозу, так все благородство куда-то пропадает, – шепнул Клаус жене, достаточно громко, так что Ирмгарда нахмурилась и крепче сжала руку мужа.

Дитрих ранее объяснил Гансу, что это была церемония только для *familia*, потому Иоахим и солдаты крепости остались дома. Тем не менее Скребун и несколько крэнков-пилигримов увязались за ними со своими устройствами для *fotografia*.

Земля еще не просохла после дождей на предыдущей неделе, и вскоре штаны и башмаки идущих пешком испачкались, а конь Манфреда перемазался грязью по колено. Там, где процессия подходила к границе манора, староста Рихард делал знак, и родители кидали своих детей вон в *тот* ручей или стукали головой об *это* дерево. Стояло всеобщее веселье, нередко раздавались крики: «А давай-ка их еще разок!»

– Любопытный обычай, – заметил Ганс. – Однако действенный. Нельзя любить весь мир. Он слишком велик. Но частица земли, которую видит глаз, может стать дорожкой всего на свете.

После остановок на обед и посещения любопытными корабля крэнков селяне оказались на восточной стороне Большого леса, где земля резко уходила вниз к дороге на Медвежью долину. Манфред уже взял было лошадь под уздцы на отроге горы, желая спуститься, как вдруг поднял вверх ладонь.

– Тихо! – Болтовня крестьян постепенно сошла на нет после громких окриков «Тише, там!» и «Господин хочет тишины!».

В конце концов, в воздухе остался только шорох веток деревьев у них за спинами. Эверард хотел что-то сказать, но властитель Хохвальда жестом приказал ему молчать.

Наконец, они услышали. Издалека доносился размеренный набат.

Колокол бил на одной ноте, спокойно, не сбиваясь с ритма, едва слышно, словно лист, кружащийся в порывах ветра.

– Уже Анжелюс? – спросил кто-то.

– Нет, солнце еще высоко.

– Слишком низкий звук для колоколов Св. Екатерины. Может, это со Св. Петра?

– Св. Вильгельма, я думаю.

– Нет, там три колокола.

Затем ветер переменился, и чуть слышный звон стих. Манфред послушал еще немного, но звук пропал.

– Чьи это колокола? – спросил он Дитриха.

– Я не разобрал, мой господин. В монастыре Св. Блеза есть басовый колокол, называемый Патерностер, но этот звучит выше. Я думаю, эти дальше тех, что мы обычно слышим, и порыв ветра донес их звон до наших ушей.

Неожиданно закричал Ганс:

– Дым! И пять всадников.

Эверард вскочил на выступающий из земли валун и прикрыл от солнца глаза:

– Монстр прав. Хутор Альтенбаха горит! Облако пыли движется на северо-восток. Те пять всадников скрыты за ним, – добавил он, соскакивая с камня. – Я подтверждаю слова жукоглазого.

Манфред отдал приказание сервам помочь потушить пожар. Ганс призвал других крещеных крэнков. После клананий и жестикуляций он и Беатке запрыгали скачками по направлению к ферме Альтенбаха, тогда как Готфрид с еще одним пришельцем устремились в лес, к поврежденному кораблю. Пятый остался на месте в нерешительности.

– Как они могут делать такие большие скачки? – подивился Клаус, впервые увидевший, как крэнки передвигаются в чистом поле. – На них что, сапоги-скороходы?

Клаус хмыкнул, не слишком-то убежденный, и припустил за остальными. Дитрих схватил Терезию за запястье:

– Пойдем, Альтенбахам, может, потребуются твои мази. Но она вырывалась из его рук:

– Нет, пока *они* там! Дитрих протянул руку:

– Не одолжишь ли *мне* тогда свою сумку? – Поскольку Терезия не пошевелинулась, он прошептал: – Что и требовалось доказать. Сначала ты отвратилась от странников без всякого на то основания; теперь не желаешь помогать собственным сородичам. Этому ли учил тебя я с детства?

Терезия резко опустила короб ему на руки:

– На! Забирай! – И она разрыдалась. – Присмотри за Грегором. Этот большой дурак рискует своей душой.

Как только Дитрих поспешил за остальными, над его головой пронеслись Готфрид и крэнк Винифрид в летательной упряжи, с которой свисали какие-то странные металлические ведра. Бросив взгляд назад, он заметил небольшую кучку селян, оставшихся на месте. Терезия. Фолькмар Бауэр и его родичи. Аккерманы. И один из крэнков. Впрочем, чтобы справиться с одним горящим домом, не нужно две сотни человек! И все же бок о бок с ним бежали вприпрыжку Никел Лангерман, Фальк, сын Альбрехта, – и даже Клаус Мюллер! Никел ухмылялся:

– Альтенбах будет обязан мне за это. А иметь в должниках зажиточного крестьянина никогда не помешает.

– Не болтай, – сказал ему Фальк, – и поспеши, а то пожар потуг ат, прежде чем мы туда доберемся.

Когда, запыхавшись, Дитрих достиг хутора, его в воротах встретил Манфред.

– Он нуждается в причастии, пастор, – произнес герр жестким, как кремь, голосом.

Дитрих вошел в дымящийся дом, где крэнки сбивали пламя пеной, которую выкачивали из диковинных ведер. На утрамбованном земляном полу сидел Альтенбах, сложив руки на животе, как будто после сытного обеда. Подле него плакала женщина. При виде Дитриха лицо крестьянина исказила гримаса.

– Благодарение Господу, вы прибыли вовремя, – промолвил он. – Я рад, что не оставляю ее в этом путешествии одну. Отпустите мне грехи, но поспешите.

Дитрих увидел, что между пальцами Альтенбаха сочится кровь.

– Это от удара меча! – воскликнул он. – *И смертельного...* – Последнего священник не сказал, хотя подозревал, что Генрих и так об этом знает.

– Я думал, будет больней, – сказал тот. – Но я лишь чувствую холод, словно в животе настала зима. Святой отец, я переспал с Хильдегардой Мюллер и однажды ударил Герлаха-егеря в гнев... – Дитрих склонился поближе, чтобы остальные не услышали покаяния. По большей части прегрешения исповедующегося оказались всего лишь отражениями мимолетных страстей. За ним не было никакого преступления, только закоренелая гордыня, которая толкнула его жить обособленно. Дитрих осенил его крестным знамением, смочив пальцы собственной слюной, прочел слова Божьего прощения.

– Спасибо вам, святой отец, – прошептал Генрих. – Мне было бы грустно оставить ее одну на небесах. Она же *будет* с Господом, ведь так, пастор? Ее грех не порочит ее.

– *Ее* грех?.. – Дитрих обвел глазами комнату в поисках жены Альтенбаха и понял, что до этой минуты слышал плач

Хильды Мюллер. Герда Альтенбах лежала подле нее с перерезанным горлом и сорванной одеждой, хотя ее естество сейчас прикрывала простыня.

– Нет, – сказал он умирающему. – Она не содеяла греха, ибо грех совершили над ней, так учил святой Фома.

Лицо раненого просветлело.

– Бедный Оливер, – сказал он.

– Твоих сыновей зовут Якоб и Гаспар, разве нет?

– Храбрые мальчики, – прошептал тот. – Защищают свою мать... – И с этим он испустил дух. Когда его руки безвольно упали, внутренности вывалились наружу.

– Все мертвы, – сказал Манфред в дверях, Дитрих обернулся к нему. – Мальчики лежат во дворе. – Рыцарь скользнул взглядом по Герде и остановился на Генрихе. – Выжил только

батрак. Он называет себя Нимандусом. Спрятался за поленницей и видел все. Пытался улизнуть от меня, наверняка сбежал из чьего-то манора. «Нимандус», в самом деле! У меня будто других забот нет, как отсылать его обратно. Парень видел пятерых в доспехах, они были явно не в самой лучшей форме, какие-то побитые. Наверное, те самые бандиты, сбежавшие с Соколиного утеса, на которых наткнулся Длинноносый. Они надругались над женой Альтенбаха, убили его и сыновей и удрали с цыплятами и свиньями. Думаю, еду искали. Нимандус говорит, их предводитель – рыжий, похож на бюргфогта Фалькенштайна с дозорной башни. – Герр тяжело вздохнул и вышел во двор. Дитрих последовал за ним.

– Я отправил за ними Макса, – сказал Манфред, – но в этих холмах слишком много ложбин и лугов, и небольшой отряд надолго может укрыться от чужих глаз... Дитрих... – Он замялся. – Сын пекаря был с ними.

– Ну! Так вот, что имел в виду Генрих.

– Нимандус слышал, как главный бандит окликнул парня по имени. Дуралей обеспечил себе петлю на шею. Осталось только его поймать и найти крепкую веревку.

– Дурные спутники сбили его с пути...

– Они привели его к виселице. Старший сын Альтенбаха – Якоб, так ведь? – подравнял идиота серпом и вспорол ему щеку. – Он помолчал, думая, вероятно, о похожей ране, которую гораздо более достойным образом получил Ойген. – Именно Оливер его и зарубил.

Дитрих увидел обоих парней, лежащих во дворе на том месте, где они упали, и окровавленный серп, зажатый в руке старшего. Может, сын пекаря вообразил себя рыцарем, сражающимся в битве? У него было живое воображение, способное настолько преобразить мир вокруг. Теперь он стал убийцей детей. Дитрих прошептал слова молитвы – за Якоба и Гаспара, за Генриха и Герду – и за Оливера.

– *Ja*, – сказал Манфред, заметив его жест. – Я не знаю, видел ли бедный Альтенбах, как они умерли. Надеюсь, он умер с мыслями о том, что сыновья продолжат его род.

В тишине, нахлынувшей за этими словами, вновь донесся звон далекого колокола. Дитрих и Манфред переглянулись, но ни один из них не поделился мыслями о том, предвестием чего служит этот звон.

XVIII

Июнь, 1349

Служба третьего часа

День поминания Ефрема Сирийца. 9 июня

Наступил июнь, и в бесконечной череде времен года с озимых собрали урожай, поля под паром подняли под засев на сентябрь. По меньшей мере половина пахотных дней отводилась на господские земли, потому, хотя *вайстюмер* и призывал к отдыху от трудов после наступления сумерек, свободные арендаторы работали на собственных наделах, наверстывая упущенное время. Один из волов Труды Мецгер умер от ящура на предыдущей неделе, ей пришлось пристегнуть к упряжке корову безо всякого видимого энтузиазма со стороны последней.

Дитрих и Ганс наблюдали за селянами с гранитной плиты у кромки Большого леса. В расщелине каменной породы Дитрих приметил большие красные цветы кандыка и решил сообщить Терезии об их местонахождении. Неподалеку ручей, бежавший мимо лагеря крэнков, устремлялся вниз в долину.

– Какую пищу вы выращиваете в вашей стране? – спросил Дитрих. – Она, верно, отличается от той, что растим мы?

Ганс замер, словно стал частью гранитной плиты, на которой сидел. Эта абсолютная неподвижность, в которую иногда впадали крэнки, более не пугала Дитриха, но он так еще и не разобрался, что же она означает.

Затем усики Ганса дернулись, и он сказал:

– Я не могу правильно перевести названия, но мы выращиваем растения, очень

похожие на ваши виноград, бобы, репу и капусту, А вот «пшеница» – нечто непривычное нам; хотя у нас достаточно всякого, что будет для вас очень необычно. Большелист! Двенадцатистебельник! Ах! Как же я соскучился по их вкусу!

– Возможно, ты их скоро отведаешь. Готово ли ваше судно к отплытию?

Крэнк мягко улыбнулся:

– Ты устал от моего общества?

– Ничего подобного, но здесь будут... проблемы, если вы задержитесь надолго.

– Да. Я слышал, ты якшаешься с демонами. – Ганс осклабился, и он сделал угрожающий жест. – Может, мне стоит наведаться в этот Страсбург и взять епископа на испуг?

– Заклинаю, не делай этого.

– Будь спокоен. Скоро «демоны» не будут тебя тревожить. – Он сгорбился, как если бы изготовился к прыжку, и протянул вперед руку. – Я вижу движение на дороге из Медвежьей долины.

Дитрих заслонил глаза от солнца, всматриваясь в даль,

– Пыль, – сказал он наконец. – Воспользуйся своим рупором и предупреди барона Гроссвальда. Боюсь, ему придется снова прятать своих людей.

* * *

Поначалу путешественники казались лишь пятнышком в лучах заходящего солнца; и Дитрих, сидя на коне, слышал только топот утомленных копыт и плаксивые жалобы тележной оси, прежде чем смог разобрать очертания странников. Когда они приблизились, он увидел человека верхом на осле, одетого в отделанный бахромой *талит*,²⁰⁹ с длинными седеющими волосами, завивающимися искусными колечками. Даже без желтой звезды на плаще можно было легко сказать, какого он роду-племени. Второй мужчина, одетый попроще, более скуластый и смуглый, с прической в виде двух толстых кос, сгорбился на передке со смирением слуги. Тележный навес защищал от солнца двух женщин, закрытых покрывалами.

Еврей заметил облачение Дитриха и сказал, едва заметно кивнув головой:

– Мир моему господину.

Дитрих знал, что иудеям, строго придерживавшимся своего Закона, запрещалось приветствовать или отвечать на приветствия христиан, и потому под «моим господином» путник имел в виду своего раввина, а не Дитриха. Это была искусная уловка, благодаря которой он мог соблюсти бесчисленные законы своего племени и нормы вежливого обращения.

– Я – Малахай бен Шломо, – сказал старик. – Ищу земли герцога Альбрехта. – Его речь отдавала испанским акцентом.

– Герцог владеет вотчиной поблизости, называемой Нидерхохвальд, – ответил ему Дитрих. – Это дорога на Оберхохвальд. Я доведу вас до него, если угодно.

Старик провел пальцами по волосам – жест, говоривший «веди», – и Дитрих повернул коня к деревне.

– Вы приехали из... Страсбурга? – спросил он.

– Нет. Из Регенсбурга.

Пастор оборотился в седле с удивлением:

– Если вы ищите земли Габсбургов, то поехали неверной дорогой.

– Я поехал по той дороге, по которой смог, – ответил старик.

Дитрих привел еврея ко двору Манфреда, где чужестранец поведал о своей судьбе. Кровавый навет вызвал волнения по всей Баварии, как видно, и дом Малахая сожгли,

²⁰⁹ *Талит* – молитвенное покрывало у евреев.

имущество разграбили, а сам он едва сумел спастись.

– Сие постыдно! – воскликнул Дитрих. Малахай склонил голову:

– Я подозревал это, но благодарю за подтверждение.

Дитрих пропустил мимо ушей сарказм, и Манфред, сильно впечатленный бедами странника, одарил и лично сопровождал его до Нидерхохвальда, где Малахай остался ждать отряда герцогской стражи, который мог бы обеспечить ему безопасность во время путешествия через Баварию до Вены.

* * *

Единственным местом в Оберхохвальде, где евреи точно не могли появиться, была церковь Св. Екатерины, а потому многие крэнки спрятались именно там. Дитрих, войдя внутрь, чтобы подготовиться к мессе, заметил, как светятся глаза странников, устроившихся на стропилах. Он направился в святая святых, Ганс со Скребуном последовали за ним.

– Где остальные? – спросил их Дитрих.

– В лагере, – ответил ему Ганс. – Хотя ныне и тепло, они изнежились за последние месяцы и находят лес не слишком-то приятным местом, в отличие от деревни. Мы, в свою очередь, посчитали не слишком приятной их компанию, а потому пришли сюда. Скребун спрашивал, когда им можно выйти.

– Евреи отправляются в сторону Малого леса сегодня вечером. Твой народ может вернуться к своим занятиям наутро.

– Вот и славно, – сказал Ганс. – Труд – отец забвения.

– Суровый отец, – отозвался Готфрид, – когда так мало пищи, чтобы поддерживать силы.

Дитрих сильно удивился, ибо Великий пост давно окончился. Но Ганс жестом призвал своего товарища молчать. Он скакнул к окну, из которого открывался вид на деревню:

– Расскажи мне об этих евреях и... их особой пище.

Готфрид отвернулся к церковным облачениям и, казалось, внимательно их изучал, но по его склоненной набок голове было видно, что он тоже внимательно слушает.

– Мне мало известно об иудейской пище, – ответил пастор. – Например, они не едят свинины.

– Прямо как мы, – встрял Готфрид, но Ганс снова шикнул на него.

– А есть ли иная пища, которую *они* едят, а вы нет?

По тому, как замерли крэнки, Дитрих понял, что вопрос для них очень важен. Замечание Готфрида, с его намеком на подражание иудаизму, обеспокоило священника.

– Мне не известно ни об одной такой, – сказал он осторожно. – Но сами они очень отличаются от нас.

– Так же сильно, как и Готфрид от меня? – Тот прервал свой тщательный осмотр одеяний для литургии и прищелкнул.

Священник ответил:

– Я не вижу различий между вами.

– И все же его народ пришел однажды в наши земли и... Но то случилось в незапамятные времена, теперь все изменилось. Ты, может, заметил, что и Пастушка говорит немного иначе. На ее *Heimat* мало употребляют великокрэнкский, если говорить вашими словами, так что «домовому» приходится делать двойной перевод. Для нас ты и Малахай кажетесь почти одинаковыми, за исключением волос, одеяния... и пищи. Однако ж, мы слышали, твой народ нападает на них, изгоняет из домов и даже убивает. Дело не может быть в ростовщичестве, о котором я слышал. Бессмысленно уже само по себе убивать человека за то, что должен ему денег, и вдвойне бессмысленно убивать человека за то, что должен кому-то другому.

– Слухи об отравителях колодцев обгоняют чуму, а люди от страха творят безумства.

– Люди творят глупости. – Ганс провел пальцем по кромке оконного стекла. – Разве

убийство ближнего воспрепятствует «маленьким жизням», переносящим заразу? Станет ли моя жизнь длиннее, если я укорочу век другого?

– Папа Климент писал, – сказал Дитрих, – что христианское благочестие должно распространяться на евреев, потому эти расправы – дело рук грешных и непокорных. Он настаивал, что вероучения евреев и христиан составляют одно целое, которое он называл «иудеохристианским». Наша вера вышла из Израиля, как ребенок рождается от матери, а потому мы не должны предавать их анафеме как еретиков.

– Но ты же недолюбливаешь их, – заметил Ганс. – И показываешь это.

Пастор кивнул:

– Они отринули Христа. Задолго до явления Спасителя Господь избрал евреев быть светочем для остальных народов, дал им многие законы в знак сего. Но с того дня, как явился Христос, их миссия окончилась, свет пришел ко *всем*, как и пророчествовал Исайя. Законы, прописывающие исключительность иудеев, потеряли свою силу; ибо если все народы призваны Богом, то между ними не может быть различий. Многие евреи уверовали в это, но прочие уцепились за старые порядки. Они подговорили римлян убить нашего благословенного Господа. Убили Иакова, Стефана, Варнаву и многих других. Посеяли раздор в наших общинах, извратили нашу службу. Их военачальник Бар Кохба расправился с евреями-христианами и многих из них изгнал. Позднее они предали христиан римским гонителям. В Александрии выманили их из домов, крича, что храм их в огне, и затем атаковали; а в далекой Аравии, где правили как цари, вырезали тысячи христиан в Наджране. Так что вражда наша давняя.

– А те, что творили эти деяния, все еще живы?

– Нет, они давно обратились в прах. Ганс потряс рукой:

– Виноват ли человек в том, что совершено не им? Вижу, у этой вашей *charitas*, которую ты проповедуешь на пару с Иоахимом, есть свои пределы, и иногда за зло расплачиваются злом. – Он принялся колотить по оконной раме ладонью. – *Но если отмщение – закон, зачем я оставил Скребуна?* – Готфрид и Дитрих встретили непривычную вспышку чувств молчанием. Ганс обернулся к ним: – Скажи мне, что я не сваял дурака, священник.

Готфрид передал Дитриху подризник из белого льна. Надевая его, пастор вспомнил, что именно в это одеяние Ирод облачил Господа, пытаясь выставить того на посмешище.

– Нет, – сказал он Гансу. – Конечно, нет. Но евреи были нашими врагами на протяжении многих поколений.

Ганс посмотрел на него совсем как человек:

– Кто-то сказал однажды: «Возлюби врагов своих». Готфрид вновь повернулся к столу и спросил:

– Отец, в последнее время ты носишь белую ризу. А эти тоже следует выложить?

– Да-да. – Дитрих отвернулся от Ганса и не мог собраться с мыслями. – Св. Ефрем – учитель Церкви, потому белый. Ведь этот цвет – сумма всех цветов, символизирует радость и чистоту души.

– Как будто этот ритуал что-то значит, – сказал Иоахим, входя в комнату. – У тебя появилось два помощника, как я погляжу. Хорошо ли им известны их обязанности? Знают ли они, какими пальцами прикасаться и поддерживать священные латы, дабы ты смог выйти на битву с дьяволом и триумфально повести народ к вечному Отечеству?

– Слишком неуклюжий сарказм, брат мой, – сказал ему Дитрих. – В следующий раз для нужного эффекта будь более деликатным. Люди жаждут церемоний. Такова наша натура.

– *Изменить* человеческую натуру – вот зачем Иисус оказался среди нас. «Вечное Евангелие» Иоахима из Флоры отвергает всякую необходимость в знаках и покровах. «Когда пришел тот, кто совершенен, формы, традиции и законы исполнили свое предназначение». Мы должны путешествовать в собственных душах.

Дитрих повернулся к двум крэнкам:

– И все из-за того, должен быть подризник белым или зеленым! Ради всего святого,

Иоахим! Подобные *minutiae*²¹⁰ завладели тобой куда больше, чем мной.

– Об этом нам ничего не известно, – сказал Ганс. – Он прав в том, что касается закручивающихся спиралью измерений. Чтобы отыскать наш дом небесный, мы должны совершить путешествие не в длину, не в ширину, не в высоту и не через время, которое имеет протяженность.

– Мы всегда можем уйти, – сказал Готфрид, чмокнув губами, но Ганс щелкнул челюстями, и его товарищ тут же прекратил смеяться, продолжив: – Мы оторваны от своего дома, от племени. Так давай не будем отрываться друг от друга.

* * *

На следующий день Дитрих наткнулся на человека, пристально осматривавшего стены церкви. Схватив его за плащ, он обнаружил, что это был слуга-еврей.

– Что ты здесь делаешь? – с подозрением осведомился пастор. – Зачем тебя сюда послали?

Неожиданно пойманный взмолился:

– Не говори хозяину, что я здесь был. Не говори, прошу! Его отчаяние было столь очевидным, что священник счел его слова искренними.

– Почему?

– Потому что... Для нас греховно ходить поблизости с домом... *tilfah*.

– Правда? Так почему же это не порочит *тебя*? Слуга склонился в раболепной позе:

– Досточтимый, я низкородный плут, не так чист и свят, как мой хозяин. Что может опорочить меня?

Не ирония ли слышалась в этом голосе? Дитрих едва сдержал улыбку:

– Объяснись.

– Я слышал о них, резных украшениях, от слуг в поместье и решил взглянуть. Нам запрещено творить изображения, но меня тянет к прекрасному.

– Во имя ран Христовых, я верю, ты говоришь правду. – Дитрих выпрямился и отпустил рукав собеседника. – Как тебя зовут?

Мужчина стянул с себя шляпу:

– Тархан Азер бен Бек.

– Слишком длинное имя для такого маленького человека, как ты. – Под грубым плащом тот носил украшенный кисточками наплечник, а толстые косы волос отличались от изящно закрученных локонов его хозяина. – Ты не испанец.

– Мой народ с востока, за литовскими землями. Быть может, ты слышал о Киеве?

Пастор отрицательно покачал головой:

– Он далеко отсюда, этот твой Киев? Тархан печально усмехнулся:

– На самом краю земли. Когда-то он был могущественным городом моего народа, тогда еще существовала Золотая империя. А теперь кто я, чьи отцы были царями?

В Дитрихе проснулось любопытство:

– Я бы пригласил тебя к своему столу и расспросил о Золотой империи, но боюсь, не осквернит ли тебя мое предложение.

Тархан скрестил руки на груди:

– Могущественные иудеи, как мой хозяин, столь чисты, что даже малое может загрязнить их. Ныне он думает, что за ним следит златоглазый демон, и чертит печать Соломона вокруг своих покоев. Что до меня, то какая разница? Кроме того, учтивые манеры не могут нанести вреда.

Упоминание о златоглазых демонах моментально лишило священника дара речи. Неужто крэнки пробрались в Нижние леса, чтобы подглядеть за необычным странником?

²¹⁰ *Minutiae* – мелочи, малости (лат.).

– Я... Думаю, у меня есть овсяная каша и немного пива. Я не могу определить твой акцент.

– У моего акцента нет места. В Киеве живут евреи и русы, поляки и литовцы, турки и татары. Удивительно, что я сам себя понимаю. – Он последовал за Дитрихом к домику.

Иоахим как раз выставил на стол две миски каши. Он вытаращил глаза, Тархан приветствовал монаха с осторожной улыбкой:

– Ты тот проповедник, о котором я слышал.

– Я не друг евреям, – ответил Минорит.

Тархан развел руками в притворном изумлении. Иоахим не сказал ни слова, но достал третью миску и принес немного хлеба с кухни. Все это он выставил на стол так, чтобы гость даже ненароком не коснулся посуды.

– Неудивительно, – пробормотал бен Бек, пока Дитрих накладывал ему еду, – что иногда вы нас сжигаете.

– Остерегайся излишнего остроумия, – прошептал Дитрих в ответ.

Каждый прочитал благодарственную молитву на свои манер. Когда деревянные ложки застучали по мискам, Тархан продолжил беседу:

– Господские слуги говорят, вы человек ученый, много поездили по свету, природу изучаете.

– Я учился в Париже. У Буридана. Но о твоём Киеве мне ничего не известно.

– Киев. Купеческий город. Многие приезжали и уезжали, и еще мальчишкой я всем этим интересовался. Теперь служу бен Шломо, он путешествует, ну и я посещаю множество мест. – Бен Бек развел руками. – Кстати, я знаю, он запрещает маймонизм.²¹¹ Говорит, совет раввинов постановил сорок лет назад, что *scientia* ненадлежащее занятие для еврея. Один Талмуд должен служить руководством всему. А как мне об этом узнать? Я спрашиваю, где в Талмуде это записано, а он отвечает, только чистые могут читать Талмуд – я к ним не отношусь, естественно, а! – Он поднял глаза к небу в немой мольбе – или упреке. Иоахим хмыкнул:

– Твой хозяин прав относительно суетности мирского знания, но заблуждается в том, какая книга дает ответы.

Еврей зачерпнул еще одну ложку каши:

– Куда бы я ни приезжал, везде слышу одно и то же. Вот в землях мусульман, например, вся истина в Коране, лишь его следует изучать.

– Мусульмане когда-то были замечательными учеными, – заметил Дитрих. – И я слышал о вашем Маймониде – таком же великом ученом, что и наш Фома и Аверроэс у сарацин.

– Хозяин называет последователей Маймонида еретиками еще худшими, чем самаритяне. «Разрушь, сожги и искорени их», – говорит он. Вот, наверное, самое популярное учение. Для всех. – Тархан пожал плечами. – Э! Все преследуют евреев. Почему бы их не преследовать и другим евреям? Маймону пришлось бежать из Кордовы, испанские раввины хотели с ним расправиться. А ведь, пока хозяин мне о нем не рассказал, я ничего и не знал. Должно ли следовать за учителем, о котором никогда не слышал?

Пастор фыркнул:

– Для еврея ты остроумен. Улыбка сошла с лица бен Бека:

– Да. «Для еврея». Но я вижу, так во всех землях. Кто-то умен, кто-то глуп; некоторые злы, другие добры. У кого-то соединяется все сразу, в других эти качества проявляются лишь время от времени. Я скажу, что христианин спасается своей религией, как еврей – своей, а мусульманин – своей. – Он помедлил. – Хозяин никогда не скажет вам этого, но мы сумели выбраться из Регенсбурга только потому, что гильдии взяли в руки оружие и сражались с

²¹¹ *Маймонизм* – направление в иудейской философии, названное по имени Маймонида (1135–1204), философа-талмудиста, врача и систематизатора еврейского Закона. Среди прочего его целью было объединение веры и разума, а также иудаизма и учения Аристотеля, которого он ценил выше всех других философов.

убийцами евреев. Во всем городе набралось двести тридцать семь праведных гоев.

– Благослови Бог этих людей, – сказал Дитрих.

– Аминь.

– Теперь, – сказал Дитрих, когда трапеза закончилась, – давайте сядем у огня и послушаем рассказ о Золотой империи.

Еврей опустил на стул, пока священник ворошил поленья, разжигая пламя. Снаружи завывал ветер, уже темнело, на окна набегали тени от облаков.

– Это давняя история, – начал Тархан, – а потому правдивая ли? Но она хороша, поэтому неважно. Давным-давно на севере Персии жили «горные евреи», Симеоново племя, оттесненные туда ашшурцами. Они позабыли многие законы, пока царь Иосиф не отыскал Талмуд вновь. Этот народ знал об Элии и Амосе, Мике и Нахуме, но иудеи с равнин из Вавилона принесли им весть о новых пророках: Исае, Иеремии, Иезекиле. Затем и нечестивые турки обратились к Единому Богу. Вместе мы создали Золотую империю.²¹² Наши купцы доходили до Стамбула, Багдада и даже Китая.

– Торгаши, – сказал Иоахим, притворявшийся, что не слушает. – Значит, у вас тогда было много золота.

– У турок каждая ветвь племени имеет свой цвет. Южные турки – белые, к западу – золотые, а хазары жили дальше всех на востоке. Хан Итиля назначал семерых судей. Двое судили мой народ по Талмуду; двое – христиан; двое – мусульман согласно законам *sharia*.²¹³ Седьмой судил язычников, поклонявшихся небу. Много лет наш хан сражался с арабами, булгарами, греками, русами. Я видел в древней книге изображение иудейского рыцаря в кольчуге верхом на коне.

Дитрих воззрился на него в изумлении:

– Я никогда не слышал о подобной империи!

Бен Бек ударил себя в грудь:

– Как и всех возвысившихся в гордыне, Господь покарал нас. Русы взяли Киев и Итиль. Все это случилось давным-давно, и большинство уже обо всем забыло. Только некоторые любители древних преданий вроде меня помнят. Ныне той землей правят монголы и поляки; а мне, чьи праотцы когда-то правили империей, приходится служить испанскому ростовщику.

– Ты недолголюбишь Малахая, – догадался пастор.

– Его собственная мать не любит. Испанские евреи спесивы, их обычаи странны. Есть рисовые лепешки на Песах!²¹⁴

* * *

Тархан собрался уходить, и уже в дверях Дитрих спросил его:

– Стемнело. Сможешь ли ты найти дорогу к Нидерхохвальду?

Еврей пожал плечами:

– Ишак найдет. Я поеду с ним.

– Я бы хотел... – Пастор опустил голову, затем бросил взгляд на ночное небо. – Я бы хотел поблагодарить тебя. Хотя я и не желал никогда вашему народу зла, я никогда не

²¹² Речь идет о Хазарском каганате (650–969) и его столице г. Итиль. «Тарханы» относились к высшему сословию родовой аристократии в государстве. «Бек» (в рус. традиции – «царь») – второе лицо государства, фактически наместник при «кагане», исполняющем верховные сакральные функции. Правящая династия исповедовала иудаизм.

²¹³ *Sharia* – шариат.

²¹⁴ *Песах* – иудейская Пасха.

относился к вам как к равным. Всегда было так: «Еврей есть еврей!»

Тархан нахмурился:

– Верно. А для нас греки ли, римляне, все едино – *notzrim*.²¹⁵

Священник вспомнил, какими ему в первый раз показались крэнки, и подытожил:

– Это все с непривычки. Как деревья в отдаленном лесу сливаются в одно неразличимое целое, так и черты чуждых нам смешиваются, если их наружность или обычаи далеки от привычных.

– Возможно, ты и прав, – сказал бен Бек. – Хозяин путешествует много лет, но видит вокруг одну только скверну. Хотя он считает, что видел тебя прежде, когда был намного моложе.

Последние слова нежданного гостя чрезвычайно обеспокоили пастора. Он возблагодарил Господа за то, что Малахай не станет выходить из замка и не увидит его вновь до своего отъезда в Вену.

* * *

В полдень на праздник св. Варнавы²¹⁶ одинокий наездник верхом на муле, облаченный в коричневую рясу францисканца, показался на пути из Санкт-Вильгельма и въехал в замок.

– Я не вернусь, – усмехнулся Иоахим, когда Дитрих рассказал ему о незнакомце. – Ни за что, пока в предстоятелях Страсбурга раболепствующий конвентуал, совершенно забывший о смирении, которому учил Франциск.

Позднее, когда они отправились выместить церковь, он указал на ложбину, отделявшую два холма:

– Он едет сюда. Если он конвентуал, я не поцелую его волосатую...

Странный монах исследовал вершину Церковного холма и замер, поймав на себе взгляды двух наблюдателей. Казалось, под капюшоном нет лица, одна черная пустота, и в голове Дитриха мелькнула непрошенная мысль о том, что к ним, проделав утомительный путь по горам в его поисках, явилась сама Смерть, запоздавшая на двенадцать лет. Затем в тени ткани мелькнуло белое лицо, и священник понял, что его страхи – всего лишь порождение непривычного угла, под которым на путника падали лучи солнца. Правда, одно опасение немедленно сменило другое: всадник вполне мог быть *exploratore*, посланным страсбургским епископом для допроса.

Его беспокойство росло по мере того, как упрямый мул тащился на вершину холма. Здесь всадник откинул капюшон, открыв узкое лицо с вытянутым подбородком, увенчанное лаврами белых спутанных волос. В его лице словно смешались черты лиса и оленя, застигнутого охотником, а губы скривились, как у человека, желавшего отведать молодого вина и вместо этого хлебнувшего из фляги винного уксуса. Хотя время состарило его, сделало еще более сухопарым, чем прежде, и избородило пятнами бледную кожу жителя севера, двадцать пять лет слетели с путника в одно мгновение, Дитрих ахнул от неожиданности и восторга.

– Уилл! – воскликнул он. – Ты ли это?

И Уильям Оккам, *venerabilis inceptor*,²¹⁷ склонил голову в наигранном смирении.

* * *

²¹⁵ *Notzrim* – назаряне.

²¹⁶ Отмечается 11 июня.

²¹⁷ *Venerabilis inceptor* – досточтимый инцептор – прозвище Уильяма Оккама в Оксфорде, где он занимал должность инцептора, или бакалавра, преподавателя низшего ранга (*лат.*).

Примирившись с частыми вторжениями незнакомцев в Оберхохвальд, крэнки ушли с людных мест; но, может, от скуки, теперь они стали играть в прятки – опасную забаву – скрываясь от посторонних глаз, но не улетая в Большой лес.

Когда Дитрих шел с гостем по деревне, то заметил краем глаза, как один из пришельцев внезапно перепрыгнул из одного укрытия в другое.

Стены церкви заставили неутомимый язык Уилла Оккама приумолкнуть – сей подвиг пока не удалось совершить ни одному папе. Он постоял какое-то время перед ними, пока не двинулся вокруг здания, восклицая от удовольствия при виде *блемий*, отпуская похвалы изображению райского древа и дракона.

– Восхитительное язычество! – объявил философ. Какие-то элементы Дитрих решил пояснить: пепельный человечек из лесов Зигмана или гнурр из долины Мург, вылезающий на свет божий, казалось, прямо из дерева. Дитрих перечислил имена четырех великанов, поддерживавших крышу:

– Грим и Хильда, Сигенот и Экке – великаны, убитые Дитрихом Бернским.

Оккам дернул головой:

– Дитрихом?

– Популярным героем наших сказок. Обрати внимание на гнома Альбериха, вот он стоит на пьедестале Экке. Он показал королю Дитеру берлогу, где жили Экке и Грим. Великаны не любят гномов.

Оккам какое-то время обдумывал услышанное:

– Думаю, они их даже не замечали. – Еще какое-то время он не отрывал взгляд от гнома. – Сначала я решил, он гримасничает, пытаюсь удержать на себе великаншу. А теперь вижу, он смеется, потому что вот-вот опрокинет ее. Умно. – Уильям исследовал кобольдов под карнизом. – Слушай, но вот тут у вас какие-то исключительно уродливые горгульи!

Дитрих проследил за его взглядом. Пятеро крэнков без всяких одежд сидели под самой черепицей, застыв в той противоестественной неподвижности, в которую иногда впадали, и делали вид, что поддерживают крышу.

– Пойдем, – заторопился пастор, уводя Оккама прочь. – Иоахим, верно, уже приготовил нам поесть.

Поташив гостя за собой, он оглянулся и увидел, как мягкие губы одного из крэнков разошлись в характерной для них улыбке.

* * *

Дитрих и Оккам провели вечер за ужином из ржаного хлеба и сыра с разумным количеством пива. Новости огромного, необъятного мира доходили в Оберхохвальд через горные леса на устах путешественников, а Оккам находился в самом центре этого мира.

– Мне сказали, – молвил Дитрих, – ты собираешься примириться с Климентом.²¹⁸

Уилл пожал плечами:

– Людвиг мертв, а Карл не хочет ссориться с Авиньоном. Ныне, когда все остальные

²¹⁸ Здесь и далее речь идет о жизни Уильяма Оккама с 1323 г., после того как канцлер Оксфордского университета Иоанн Люттерелл обвинил того в ереси. Еще до того, в 1314 г., Оккам вступил в ряды ордена миноритов. В конце 1324 г. философа привезли в Авиньон, где тот провел в тюрьме четыре года. Комиссия из шести магистров во главе с Люттереллом признала 29 тезисов Оккама из общих 51 еретическими, а 22 – ошибочными. В 1328 г. Оккам, генерал ордена францисканцев Михаил Чезенский и юрист Беренгаций бегут из Авиньона и присоединяются к Людвигу IV Баварскому, в то время воюющему с папой. Оккам оседает в Мюнхене, где «защищает императора Людвигу словом», утверждая, что в светских вопросах папы должны подчиняться императору, а в духовных – церковному собору. В 1342 г. умирает Михаил Чезенский, и Оккам рассматривается сторонниками как возможный генерал ордена францисканцев, но в 1347 г. от апоплексического удара умирает Людвиг Баварский, и на момент описываемых событий Уильям Оккам остался фактически без поддержки.

мертвы – Михаил, Марсили²¹⁹ и другие, – к чему делать вид, что мы были подлинным Капитулом? Я отослал печать ордена назад, ту, что Михаил захватил с собой, когда мы бежали. Капитул собрался на Троицын день и сообщил Клименту о моем жесте, а тот послал в Мюнхен, предложив лучшие условия, нежели Жак де Кагор. Так что мы поцелуемся и сделаем вид, что все в порядке.

– Ты имеешь в виду папу Иоанна?

– Кайзер называл его не иначе как Жак де Кагор. Он был очень набожным человеком.

– Людвиг – набожным!

– А как же? Он сотворил себе собственного папу. Трудно проявить большую набожность. Но слова «охота», «пиры» и «*bohorts*» обрисовывают сущность этого человека. Ах да, не забудем о благополучии семьи. Простой человек, с легкостью направляемый своими более ловкими советниками, – он никогда не пошел бы в Италию, если бы не лесть Марсили, – но об его упрямство разбивались самые изощренные доводы. Карл, с другой стороны, много занимается искусством и хочет основать в Праге университет, который мог бы соперничать с Монпелье и Оксфордом, если не с самим Парижем. Место свободное от жесткой ортодоксальности признанных авторитетов.

Он имел в виду – свободное от томистов и аверроистов.

– Место, где можно будет развивать номинализм? – подразнил Дитрих.

Оккам нахмурился:

– Я не номиналист. Проблема в преподавании Нового пути, современного метода философствования, в том, что ученые небольшого ума, взбудораженные самим фактом новизны, редко даже пытаются понять суть моих представлений. Как бы я хотел, чтобы с некоторых уст никогда не срывалось мое имя. Скажу тебе, Дитль, в наше время человек чаще провозглашается еретиком не за свои труды, а за то, что о его трудах думают другие. Но я переживу всех своих врагов. Лжепапа Жак мертв, так же как и старый идиот Дурандус.²²⁰ Надеюсь, гнусный Люттерелл скоро последует за ними. Попомни мои слова. Я еще спляшу на их могилах.

– «Решительный доктор» едва ли был старым идиотом, – осмелился возразить Дитрих.

– Он заседал в составе трибунала, который осудил мои сочинения!

– Дурандус сам однажды предстал перед трибуналом, – напомнил ему пастор. – Такая оценка – судьба всех стоящих философов. А он использовал свое влияние в пользу двух твоих положений.

– Из пятидесяти одного! Столь убогая милость оскорбляет больше, нежели честная враждебность мерзостного Люттерелла. Дурандус выбрал стезю сокола, который решил никогда не летать, и был бы гораздо меньшим дураком, не обладай он столь блестящим умом. Никто не осуждает камень за то, что тот падает вниз. Но сокола? Ну, кого еще мы знали по Парижу?

– Петра Ауреоли... Нет, подожди. Его произвели в архиепископы, и он умер за год до твоего приезда.

– А архиепископское звание часто столь фатально? – спросил Оккам с любопытством. – Ты и красноречивый доктор имели много общего. Он брился твоей

²¹⁹ Марсили²¹⁹ Падуанский (между 1270 и 1275–1343) – сторонник Людвига Баварского, автор трактата «Защитник мира» (1324), где одним из первых выдвинул идею возникновения государства в ходе общественного договора. Считал, что для познания мира достаточно одного разума, так как вера не опровергает и не дополняет выводов, сделанных разумом. Высшей властью на земле признавал светскую.

²²⁰ Дурандус (Вильгельм Durandus, или же Дуранд из Сен-Пурсена, родился примерно между 1270 и 1275 гг., умер в 1322 г.) – ученый-схоластик, доминиканец, прозванный *doctor resolutissimus* за последовательное отстаивание своих взглядов, во многом казавшихся новыми его современникам; был епископом. Сначала поклонник Фомы Аквинского, выступил затем против его учения; аргументация его характеризует собою переход схоластики от реализма к номинализму, разработанному затем Оккамом.

бритвой. А Вилли ныне архидьякон во Фрайбурге. На прошлой ярмарке мы с ним даже побеседовали.

– Вилли Ярлсбург? Тот, с надутыми губами? Да, я помню его. Посредственный мыслитель. Он будет хорошим архидьяконом, ибо ему никогда не придется говорить ничего оригинального.

– Ты слишком суров. Он всегда относился ко мне с добротой.

Оккам внимательно посмотрел на пастора, но уже через секунду отвел взгляд.

– Как и полагается людям его сорта. Но добрый человек может, тем не менее, обладать посредственным интеллектом. Данное утверждение – не оскорбление. Второсортность – это и так намного больше того, чего достигает большинство ученых.

Дитрих вспомнил об искусстве Оккама скрываться за точностью собственных слов.

– Сеньор привез мне трактат ныне преподающего в Париже молодого ученого, Николая Орезма, выдвинувшего новые доказательства в пользу суточного движения Земли.

Уильям фыркнул:

– Так ты все еще обсуждаешь философию природы?

– Природу не обсуждают: ее постигают в опыте.

– Ах да, конечно. Кстати, Жан из Мирекура²²¹ – ты не слыхал о нем? Его еще называют белым монахом. Капуцин, как нетрудно догадаться. Его положения осудили в Париже в прошлом году – нет, это было в сорок седьмом. Нынче это стало той акколадой, благодаря которой можно сразу определить первоклассного мыслителя. Он показал, что опыт – *evidentia naturalis* ²²² – низший род свидетельств.

– Эхо Парменида. Но Альбрехт говорил, в исследовании природы опыт – единственно надежное руководство.

– Нет. Опыт – плохой советчик, ибо завтра он может стать совершенно иным. Только тех положений, чья противоположность сводится к противоречию – *evidentia potissima* ²²³ – можно придерживаться со всей определенностью. – Оккам развел руками, приглашая поспорить.

– Противоречие в терминах, – отозвался Дитрих, – не единственный род противоречий. Я знаю, что трава зелена, из опыта. Противоположное может быть подделано с помощью *experientia operans* ²²⁴

Уильям проложил ладонь к уху:

– Слова произносишь ты, но я слышу голос Буридана. Кто может поручиться, что в каком-нибудь далеком месте трава не окажется желтого цвета?

Пастор не нашелся с ответом, вспомнив, что на родине крэнков трава и впрямь желтая, нахмурился, но предпочел промолчать.

Оккам вскочил на ноги:

– Пойдем, давай проверим свое положение на опыте. Земля вертится, ты сказал.

– Я не говорил того, что она *вертится*; только то, *loquendo naturale* ²²⁵ что *может*. Небесное движение будет тем же самым в любом случае.

– А тогда зачем искать другое объяснение? Какой от него прок, даже если оно верно?

²²¹ Жан из Мирекура – последователь Уильяма Оккама, развивавший субъективистские положения окказизма. В основе его концепции лежал агностицизм в вопросе о существовании внешнего мира.

²²² *Evidentia naturalis* – естественная очевидность (лат.).

²²³ *Evidentia potissima* – важнейшая очевидность (лат.).

²²⁴ *Experientia operans* – деятельным опытом (лат.).

²²⁵ *Loquendo naturale* – говоря естественно (лат.).

– Астрономия упростилась бы. Поэтому, прибегая к твоему собственному принципу самого простого основания...

Оккам рассмеялся:

– Ага. Аргумент в виде лести! Это куда более веско. Но я никогда не писал о сущностях в природе. Господь не связан простотой и мог решить сотворить одни вещи элементарными, а другие сложными. Моя бритва применима только к порождениям разума. – Англичанин зашагал к двери, а Дитрих поспешил за ним.

Оккам, запрокинув голову, изучал небо цвета индиго.

– С какой стороны восток? Очень хорошо. Давай обратимся к нашему опыту. Сейчас, если я быстро махну рукой, вот так, то почувствую сопротивление воздуха. Следовательно, если двигаться на восток, в теории ощутишь, как восточный ветер обдувает лицо, а я... – он закрыл глаза и раскинул руки, – ветра не чувствую.

Иоахим, взбирающийся по Церковному холму, остановился на полдороге и воззрился на ученого, который, казалось, принял позу Распятого.

Оккам повернулся к Нижнему лесу:

– Теперь, если посмотреть на север... Я не чувствую никаких изменений ветра, в какую бы сторону ни глядел. – Он пожал плечами и выжидающе замолчал.

– Опыт следует проводить так, – настаивал Дитрих, – чтобы учитывалось все, способное повлиять на окончательный вывод, именно это Бэкон называл *experientia perfectum*

226

Оккам развел руками:

– Ага, так, значит, здравого смысла недостаточно для столь особого опыта.

Сияя, как будто одержал победу в диспуте, он вернулся в пасторат. Дитрих по пятам следовал за ним, а следом вошел Иоахим, запер дверь и налил себе кружку пива. Монах уселся за стол подле священника, отломил от каравая кусок хлеба и принялся слушать, не скрывая ухмылки.

Пастор выдвинул аргумент:

– Буридан рассмотрел опровержения тезиса о вращении земли в «Вопросах к четырем книгам о небе и мире» и отыскал ответ на каждое, за исключением одного. Если весь мир движется, включая землю, воду, воздух и огонь, мы бы чувствовали не большее сопротивление ветра, чем лодка, скользящая по течению, ощущает движение реки. Единственным непреодолимым доводом остался следующий: стрела, пущенная вертикально вверх, не падает к западу от стрелка, как происходило бы, если бы земля под ней перемещалась, ибо стрела движется так быстро, что *прорезает* воздух и потому не увлекается вместе с ним.

– И этот самый Орезм разрешил такую проблему?

– *Doch*. Рассмотрим стрелу в состоянии покоя. Она не источник движения. Следовательно, она начинает свой ход уже вместе с движением земли и, выпущенная из лука, обладает двумя движениями: вертикальным – вверх и вниз, и круговым – по направлению к востоку. Магистр Буридан писал, что тело, которому придано движение, совершает его, пока импульс, импетус, не рассеется под тяжестью тела и других сил сопротивления.

Оккам покачал головой:

– Сперва движется земля, затем вместе с ней люди, что объясняет, почему они не спотыкаются постоянно; тогда и воздух должен двигаться, что является ответом на второе опровержение; затем стрела, чтобы ответить на следующее, и так далее. Дитль, *простейшее* объяснение того, почему кажется, что звезды и солнце вращаются вокруг земли, заключается в том, что они *действительно вращаются* вокруг земли. И мы не чувствуем движения земли из-за ее неподвижности. Ах, брат Анжелюс, зачем ты расходуешь свои силы на такие

пустяки!

Дитрих разозлился:

– Не называй меня так!

Оккам оборотился к Иоахиму и пояснил:

– Он обычно сидел за книгами еще до утренних колоколов и читал при свечах после вечерних, поэтому остальные студенты прозвали его...

– С тех пор прошло много времени! Англичанин запрокинул голову.

– Тогда можно я буду по-прежнему звать тебя *doctor seclusus*? – Он крякнул и решил налить себе еще пива. Дитрих замолчал. Он-то думал поделиться с другом невероятной идеей, а Уилл каким-то образом превратил все в *disputatio*.²²⁷ Впрочем, ему следовало помнить об этом со времен Парижа. Иоахим переводил взгляд с одного на другого. Оккам повернулся к столу:

– Пиво кончилось.

– На кухне есть еще, – ответил Дитрих.

Они обсудили «вычисления» по Мертону и смерть аббата Ричарда Уоллингфорда, изобретателя новой «треугольной» геометрии и квадранта – инструмента, которым часто пользовались мореплаватели.

– Кстати о мореплавателях, – добавил Дитрих, – испанцы отрыли новые острова в море-океане. – Рассказ об этом он узнал от Тархана, а тот, в свою очередь, услышал о нем от доверенных лиц хозяина. – Они лежат у берегов Африки и примечательны большими стаями канареек.²²⁸ Так что, может, найден «новый путь» через океан, ведущий к «заморским землям» на карте Бэкона.

– Земли Бэкона с легкостью можно объяснить воображением картографа и обилием пустого места, – улыбнулся Оккам и добавил: – Так же как твои деревенские резных дел мастера заполнили стены церкви гигантскими кузнечиками и всякими разными тварями.

Иоахим жевал в этот момент ломоть ржаного хлеба и едва не подавился, не помоги Дитрих поперхнувшемуся запить хлеб пивом. Философ поднялся со словами:

– Я схожу принесу еще пива из кухни. Но Иоахим через силу выдавил:

– Нет, там вас поджидает гигантский кузнечик.

Не понимая, в чем шутка, озадаченный Оккам отрывисто рассмеялся.

XIX

Июнь, 1349

Служба девятого часа. Поминание Бернарда Аостийского 15 июня

Манфред устроил застолье в виде «симпозиума» и обещал диспут между Дитрихом и Оккамом в качестве послеобеденного развлечения. Но поскольку такая потеха не всякому по вкусу, пение Петера, выступление карлика-акробата и представление жонглера с тарелками и ножами остались традиционной частью программы. Дрессированная собака карлика заставила Уилла Оккама лишь скривить губы; зато Оитен и Кунигунда смеялись до упаду, особенно когда пес стащил с лилипута штаны, обнажив его голый зад. Эйнхард, как и Манфред, больше внимания уделил пению.

– Эйнхард обиделся на меня, – признался герр пастору чуть раньше, – за пропущенные *bohofs*, и это моя попытка примириться.

Дитрих быстро убедился, что люди не ввали про знаменитую вонь достославного рыцаря, и возблагодарил небеса за то, что между ними сидела дородная супруга последнего.

Стол заставили дичью и вяленой олениной; неиссякаемый поток слуг нес новые блюда,

²²⁷ *Disputatio* – диспут, спор (лат.).

²²⁸ Речь идет о Канарских островах.

убирал пустые подносы и рассыпал по полу стружки вперемежку с цветами, источающими свежий аромат. Подле каждого стула бдил паж, ловивший каждое пожелание обедающего. Тархан бен Бек, вычищенный и расчесанный для благообразия, прислуживал своему хозяину, ибо обряды Малахая не позволяли ему вкусить от щедрот Манфреда, а предписывали есть пищу лишь из собственных припасов, приготовленную под его надзором. Обычно по комнате бродили две гончие герра, подбирая упавшие со стола куски, но из уважения к чувствам еврея животных убрали с празднества. Их жалобное завывание ясно доносилось с псарни по соседству.

Ойген сидел по правую руку от Манфреда, а Кунигунда по левую. Подле них расположились Дитрих и Уилл, а иудей Малахай – по правую руку от Оккама. Жена еврея и дочь остались в уединении, к разочарованию Ойгена, предвкушавшего вид завернутых в покрывало женщин. Леди Розамунда едва ли была им компенсацией.

Слева от Эйнхарда, на противоположной стороне стола, восседал Тьерри фон Хинтервальдскопф. Рыцарь уже отслужил положенный ему срок, но Манфред надеялся убедить его остаться еще на несколько дней и помочь изловить разбойников.

В углу подле камина вместе с двумя помощниками приютился Петер миннезингер.

– Если угодно моему господину, – сказал он, настраивая струны на своем инструменте, – я спою что-нибудь из «Парцифалья».²²⁹

– Только не эту ужасную французскую сказку! – заворчал Эйнхард.

– Ни в коем случае, господин, – Петер откинул волосы и утвердил лютню у себя на коленях. – Я исполню вариант Вольфрама фон Эшенбаха, как всякому известно, наидостойнейшее переложение этой истории.

Манфред махнул рукой:

– Лучше сыграй что-нибудь полегче, – сказал он. – О любви. «Песнь о соколе», например.

Приверженец Нового искусства, Петер часто жаловался на любовь герра к старомодному исполнению, где все держалось на образах и символах, сам предпочитая современную лирику о реальных людях в жизненных ситуациях. «Песнь о соколе», однако, была выполнена очень искусно и являла пример гармонии и стройности. О ее авторе, безвестном, как и большинство поэтов стародавних времен, ныне знали только то, что он происходил из Кюренбурга.²³⁰

Этот сокол ясный был мною приручен.
Больше года у меня воспитывался он.
И взмыл мой сокол в небо, взлетел под облака.
Когда же возвратится он ко мне издалека?
Был красив мой сокол в небесном раздолье:
В шелковых путах лапы соколы,
Перья засверкали – в золоте они.
Всех любящих, Господи, ты соедини!²³¹

Слушая, пастор вновь подивился тому, как Господь неожиданно и внезапно являет свое присутствие, ибо «Песнь о соколе» дала ему ответ свыше на проблему Ильзе и Герда. Неважно, что она крещена, а он нет, Бог соединит влюбленных вместе.

²²⁹ «Парцифаль». Более известен французский вариант названия «Парсифаль».

²³⁰ *Фон Кюренберг* (в русской традиции иногда встречается как *дер фон Кюренберг*) – самый древний известный миннезингер. Принято считать, что он жил примерно в середине XII века.

²³¹ Перевод Микушевича В. Б.

И не только их. Разве Дитрих не вырастил Терезию как собственную дочь? Разве она не «взлетела под облака»? Разве он не видел с той поры ее красоту? Несомненно, Господь соединит их вновь. Слеза скатилась по щеке пастора, и Кунигунда, всегда внимательная к людям вокруг себя, заметила это и положила ладонь на руку священника.

* * *

Постепенно, под стук столового серебра и кружек, застольный разговор обратился к делам прозаическим. Оккам поведал гостям, что дом Перуджи обанкротился вслед за домом Барди,²³² а Малахай добавил, что серебро становится все большей редкостью.

– Оно течет на Восток, к султану, в оплату за шелк и специи.

Дитрих отозвался:

– В трактате о деньгах, который герр дал мне, юный Орезм пишет, что деньги можно понять так же, как радугу или магнетизм. Он утверждает: «Если князь устанавливает содержание благородного металла в монете, которое отличается от стоимости серебра или золота на рынке, недооцененная монета исчезнет из обращения, и в ходу останется лишь переоцененная».

– Философия денег? – спросил Оккам.

– На серебро и впрямь можно купить больше золота на Востоке, – поддержал пастора Малахай, подергивая себя за бороду.

– Потому оно улетает столь далеко! – засмеялась Кунигунда.

– А может, Господь делает так, что оно прилипает к рукам тех, кто серебро любит, – добавил Тьерри, лукаво взглянув на еврея.

– Чуть! – воскликнул Эйнхард. – Тогда князь просто устанавливает цену на серебро и золото на рынке, чтобы уравнивать их с ценой монеты.

– Вероятно, нет, – ответил пастор. – Жан Оливи утверждает, что цена вещи проистекает из мнения тех, кто хочет купить ее, – вне зависимости от требований купцов, или постановлений князей, или количества труда, ушедшего на ее создание.

Оккам рассмеялся:

– Это пагубное влияние Буридана. Орезм – его ученик, каким являлся и брат Анжелюс, присутствующий здесь. – Он кивнул на Дитриха. – И еще один из Саксонии, его звали маленький Альберт,²³³ о котором сейчас много говорят. Ах, Дитль, тебе следовало остаться в Париже. О тебе говорили бы не меньше.

– Я оставляю славу другим, – сухо ответил священник.

* * *

Разговор обратился к политике, и Оккам рассказал о постыдном распространении влияния двора Виттельсбахов в Италии в предшествующие двадцать лет, когда они сожгли чучело папы римского.

– В конце концов, – сказал он, – какое право голоса имеет француз при избрании кайзера Священной Римской империи?

– *Sauwohl!* – воскликнул Эйнхард, салютуя своим кубком.

– Я думал взять эту тему для диспута, – заметил Манфред и, не выпуская из рук куска оленины, приказал слуге налить вина. – Выскажи свои аргументы, брат Оккам, если они не

²³² Банкротство в начале 1340-х г. крупнейших банковских домов Флоренции, Перуджи и Барди, тесно связанных с папским престолом, ознаменовало тяжелейший финансовый кризис, отразившийся на всей Европе и повлекший за собой разорение папской курии, Неаполитанского королевства, Кипра и других стран, связанных с ними.

²³³ *Альберт Саксонский* (ок. 1316–1390) – средневековый философ, математик и естествоиспытатель. В своем трактате «Вопросы к четырем книгам Аристотеля о земле и небе» сформулировал шесть доводов в пользу движения Земли, хотя сам был на стороне Аристотеля.

только в том, что ты ешь со стола Людвига?

Философ оперся подбородком о ладонь, проведя пальцем по уху.

– Мой господин, – начал он миг спустя. – Марсилиус писал, что *никто* не может отринуть властителя своей земли. Конечно, он имел в виду то, что Жак де Кагор не может отринуть Людвига – что очень понравилось последнему. А еще в действительности он хотел сказать этим лишь то, что винит папу за всякое зло, случившееся в Италии, а сам хранит верность партии гибеллинов.

– «Гибеллинов», – отозвался Эйнхард. – Почему итальянцы не могут просто сказать «Вайблинген»?²³⁴

Герр, словно не обращая внимания на разговор, изучал тыльную сторону руки:

– А ты не согласен?

Оккам осторожно продолжил:

– Я считаю, что *in extremis* ²³⁵ и если князь стал тираном, то законно будет другому князю – даже папе – вторгнуться в его страну и свергнуть его.

Эйнхард с шумом выдохнул, а Тьерри окаменел. Даже Манфред замер.

– Как властители Брейсгау, – быстро вставил замечание Дитрих, – свергли фон Фалькенштайна.

Эйнхард хмыкнул:

– Разбойника, *значит*. Внезапное напряжение спало.

Манфред с любопытством взглянул на Дитриха, потом швырнул кость от куска оленины на пол и обернулся к Уильяму:

– А как узнать, когда князь становится тираном?

Паж наполнил кубок англичанина, и тот сделал глоток, прежде чем ответить.

– Все вы слышали максиму: «Что угодно князю, то имеет силу закона». Но я дополню ее: «Что угодно князю *обоснованно и справедливо и происходит ради общего блага*, имеет силу закона».

Манфред внимательно посмотрел в лицо своему гостю и потер щеку:

– Князь всегда печется об общем благе. Оккам кивнул:

– Конечно, князь, правящий с Божьим законом в сердце, поступает именно так, но люди грешны, а князья те же люди. Потому люди обладают определенными естественными правами, дарованными им Господом, которые не могут быть отчуждены господином. Первое такое право: человек имеет право на жизнь.

Ойген взмахнул ножом:

– Но его может убить враг, или он может пасть от чумы или иного недуга. Какое право на жизнь имеет человек, тонущий в реке?

Оккам поднял вверх указательный палец:

– То, что человек обладает естественным правом на жизнь, означает одно: защита им своей жизни *законна*, но необязательно должна быть *успешной*. – Он развел руками. – Что касается прочих естественных прав, я числю среди них право на свободу от тирании и право собственности. От последнего можно отказаться, *если, поступая так, ты хочешь найти счастье*. – Философ отрезал кусок от сосиски, которую положил перед ним паж. – Как верующие поступают, подражая бедности Господа и апостолов Его.

Тьерри рассмеялся:

– Хорошо. Нам больше останется. Оккам махнул рукой:

– Но со смертью Людвига каждый должен действовать по собственному усмотрению,

²³⁴ *Вайблинген (Waibllngen)* – название родового замка Гогенштауфенов, которые от него получили название Вайблингенов (итал. Гибеллины). Гибеллины в XII–XV вв. в Италии – партия приверженцев императора Священной Римской империи, противники гвельфов, сторонников римского папы.

²³⁵ *In extremis* – в крайнем случае (лат.).

поэтому я и направляюсь в Авиньон примириться с Климентом. Эта сосиска и впрямь заслуживает высшей похвалы.

Эйнхард хлопнул по столу:

– Ты тощ для монаха, но вижу, аппетит у тебя им под стать. – Затем, повернувшись к Ойгену, он произнес: – Расскажи теперь, как ты получил этот шрам.

Зардевшись, юный рыцарь поведал о своих деяниях при бургундском Фалькенштайне. По завершении рассказа имперский рыцарь отсалютовал Ойгену кубком и воскликнул:

– За старые шрамы, что носят с гордостью!

Они с Манфредом пустились в воспоминания о битве при Мюльдорфе, где Эйнхард сражался на стороне Людвига Виттельсбаха, а Манфред за Фридриха Габсбурга, когда те боролись за имперскую корону.

– Людвиг был ладно скроен, – пропыхтел Эйнхард. – Ты, наверное, заметил это, Оккам, ведь знал ты его, так? Замечательное тело, высок и строен. Как он любил танцевать и охотиться на оленей!

– Наверное, по этой причине, – парировал Манфред, – имперское достоинство не слишком-то его обременяло.

– Недостаточно *gravitas*! – Эйнхард сделал огромный глоток вина. – Хорошо, твои Габсбурги серьезны. Охотно признаю. Старый граф Альбрехт не мог передать солонку за обеденным столом, не придав сему деянию политического смысла. Ха! Ты тогда еще не родился, я думаю. Я сам был всего лишь юнкером. «Тверд как алмаз» – вот как говорили о нем в народе.

– Да, – сказал герр, – взгляни на то, что «алмаз» сделал в Италии.

Рыцарь прищурился:

– Альбрехт ничего не делал в Италии. Манфред захохотал и хлопнул ладонью по столу:

– Именно. Однажды он сказал: «Италия – это логово льва. Много дорог ведут туда, ни одна оттуда». – Весь стол разразился хохотом.

Эйнхард покачал головой:

– Никогда не понимал, зачем туда влез Людвиг. Южнее Альп нет ничего, кроме итальянцев. Разве нельзя просто забыть о них?

– По настоянию Марсилия, – сказал Оккам. – Тот надеялся, император покончит с гражданскими войнами.

Манфред отщипнул ягоду из вазы с фруктами и, подбросив, поймал ее ртом:

– Зачем проливать немецкую кровь ради того, чтобы уладить итальянские раздоры?

Старый рыцарь заметил:

– Ну, вот о Люксембургах, например, очень любят щебетать миннезингеры. Карл держит мощну открытой для певцов, потому, полагаю, о нем мы тоже услышим немало славословий. Вот почему я следовал за *Людвигом*. В отличие от твоих угрюмых Габсбургов и ветреных Люксембургов, Виттельсбахи – откровенные, любящие пиво немцы, простые, как эта сосиска.

– Да, – сказал Манфред, – простые, как сосиска. Эйнхард улыбнулся:

– Ну, они были дураками, что вообще решили взять корону себе. – Его внимание на секунду отвлекло блюдо с бланманже, которое слуга поставил перед ним. – Вот это, должен я заметить, больше походит на Люксембургов.

– Раз разговор зашел обо всем этом, – поинтересовался Тьерри, – что произошло со старой Большеротой?²³⁶

– Мы слышали в Регенсбурге, – ответил еврей Малахай, – что графиня Маргарита хранит верность новому мужу, и восстание в Тироле окончено.

– На ней нет за то вины, – сказал Тьерри. – Ее первый муж оказался идиотом, к тому же

²³⁶ *Большеротая* – прозвище Маргариты Маульташ, графини Тироля в 1335–1365 гг., последней правительнице независимого Тирольского графства, известной также как «Безобразная герцогиня».

никуда не годился на супружеском ложе. Жена может вынести либо одно, либо другое, но никак все вместе.

– Хе! – крикнул Манфред, поднимая свой бокал. – Славно сказано!

– Супружество – это святое таинство, – возразил Дитрих. – я знаю, ты защищаешь Людвига в этом вопросе, Уилл, но даже император не может расторгнуть узы брака.

Эйнхард наклонился к пастору через супругу и помахал вилкой:

– Нет, брак – это *союз*. Большие династии, – сказал он, постукивая себя по виску, – планируют все на десятилетия вперед – десятилетия! – передвигая своих детей, словно шахматные фигуры по брачным ломам империи. Но это как раз то, в чем был так умен Людвиг – для человека, простого, как сосиска. Большеротая ненавидела Ганса-Генриха, но не могла расторгнуть брак-альянс с Люксембургом, не получив другого супруга равного достоинства. Поэтому Людвиг дал ей развод – *и затем выдал за своего собственного сына!* – Он грохнул ладонью по столу так, что запрыгали бокалы. – И раз! Люксембурги потеряли Тироля в пользу Виттельсбахов.

– Не такой уж умный шаг, – сказал Тьерри, – он кажется слишком очевидным.

– Поэтому, – продолжил рыцарь, – Людвиг делает второй ход. Он владеет Баварией, а его сын теперь правит Тиролем *и* Бранденбургской маркой, Богемия окружена со всех сторон – на случай, если Люксембург станет баламутить, *ja?* Поэтому, когда остальные династии принялись жаловаться на кумовство, он отбирает у Тироля Каринтию, это ничего не меняет, но удовлетворяет всех.

– И заметь, – добавил Манфред, – Каринтия отошла Габсбургам – им даже не пришлось целовать Безобразную герцогиню.

Вновь раздался хохот. Эйнхард пожал плечами:

– Какая разница? Люксембурги ныне правят Европой. Ты не увидишь вновь Габсбургов на имперском престоле.

Манфред улыбнулся, рассматривая *бланманже*:

– Возможно, и нет.

– Три голоса в кармане Люксембургов.

– При необходимых четырех, – встрял Тьерри. – Разрешили они спор в Майнце?

Рыцарь покачал головой:

– Новая болонка папы – как его? – Он щелкнул пальцами.

– Герлах фон Нассау, – подсказал Оккам.

– Он самый. Говорит всем, что он – новый архиепископ, но Генрих не откажется от своего престола. Вы видите, как это все умно? Герлах никто. Кто испугается, когда Нассау завладеет Майнцем?

– Если сможет изгнать графа Генриха, – уточнил Тьерри.

– Итак. – Эйнхард принялся загибать пальцы. – Карл голосует сам за себя от Богемии, а его брат Болдуин – архиепископ Трирский. Это два. И когда Люксембурги говорят «лягушка», архиепископ Валдрих спрашивает одно: как высоко он должен подпрыгнуть. Правда, он-то считает себя королем лягушек. Ха-ха-ха! Поэтому голос Кельна – это три. Что до Виттельсбахов... Хорошо, Людвиг-младший владеет Бранденбургом, как я уже говорил, а его брат Рудольф – граф Палатина, что составляет два голоса. Притом судьба Майнца неопределенна, оба семейства обхаживают другого Рудольфа, герцога Саксен-Виттенбургского. Ха! Дом Вельфов удерживает равновесие!

– Равновесие нарушится раньше, чем курфюрстам потребуется голосовать вновь, – мягко сказал герр. – Однако... Никто же не думал, что Людвиг вдруг так неожиданно умрет.

– Свита кайзера охотилась в лесах вокруг Фюрстен-фельда, – предался воспоминаниям Оккам. – Я был в охотничьем домике вместе с остальными, когда принесли тело. Крестьянин нашел его лежащим в поле подле коня, словно князь всего лишь заснул.

– Человек в расцвете лет к тому же, – сказал Эйнхард. – Паралич, я слышал.

– Слишком много сосисок, – предположил Манфред.

– От голода он не страдал, – согласился Уильям.

– Как и я, – отозвался Эйнхард. – Превосходный стол, Манфред. Жаль, не все из нас могут насладиться им. – Он бросил многозначительный взгляд на Малахая. – Ну, я тут слышал о гостящих у тебя демонах. Что происходит?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что все сразу замолчали.

– Я организовал лазарет в Большом лесу, – небрежно ответил Манфред. – Прокаженные там безобразны своей наружностью, но так же смертны, как ты или я. – Тьерри ухмыльнулся, Ойген принялся сосредоточенно изучать бокал. Леди Кунигунда смотрела на отца. Оккам слушал с напряженным интересом. Малахай беспрестанно дергал себя за бороду, и от его глаз ничто не ускользало.

– Ха. Тогда некоторые из твоих людей распространяют небылицы, – ответил Эйнхард. – Говорят, ты привел их под стены Соколиного утеса. – Старик повернулся к жене и сказал: – Видишь, дорогая? В этих рассказах нет ничего.

Леди Розамунда, женщина дородная и вспыльчивая, повернулась к хохвальдцам:

– Тогда как насчет *того*, что видела я? Две недели назад я услышала странную трескотню из розария, а когда посмотрела, то увидела... Я не знаю, что. Чудовищные желтые глаза, огромные руки и ноги... Существо походило на гигантского кузнечика. Оно одним прыжком выпрыгнуло из сада прямо в небо и *улетело*, улетело прочь в этом направлении. К тому же кто-то пожевал мои розы и выплюнул их на землю!

– Гигантский кузнечик... – медленно повторил Малахай. Эйнхард похлопал супругу по руке:

– Какие-то животные забрели в сад, дорогая. Вот и все. Вот только, несмотря на мягкость тона, взгляд его, обращенный на Манфреда, казался довольно неприятливым.

* * *

На следующий день Дитрих проводил Оккама до самого поворота на дорогу, ведущую в Оберрайд. Философ вел под уздцы коренастого коня, которому дал имя «Малая гипотеза», и то и дело останавливался, дергая за повод. Англичанин сбросил капюшон, и в утренней заре его растрепанные волосы, казалось, занялись пламенем от восходящего солнца. Он заметил:

– Ты позволил зарости тонзуре, Дитль.

– Теперь я скромный приходской священник, – сказал Дитрих, – а не нищенствующий монах.

Оккам окинул его взглядом:

– Ты, быть может, и сложил с себя обет нищенства, но богатства явно не снискал.

– Жизнь здесь имеет свои приятные стороны.

– Если бы ты научился льстить императору, тебе не пришлось бы жить в лесной глуши.

– Если бы ты научился жить в лесной глуши, тебе не пришлось бы льстить императору.

Уильям чуть слышно засмеялся и посмотрел на восток, в сторону Мюнхена, Праги и Вены – столиц великих династий.

– Недурно, – сказал он и после секундного молчания продолжил: – Было во всем этом что-то возбуждающее; создавалось ощущение, что мы вершим судьбы мира. «Если вы защитите меня своим мечом, – говорил я Людвигу, – я буду защищать вас своим пером».

– Интересно, стал бы он это делать, если б дошло до того? Оккам пожал плечами:

– Людвиг находился в более выигрышном положении. Но люди будут помнить меня тогда, когда о нем давным-давно позабудут.

– Разве так уж плохо, – спросил Дитрих, – просто кануть в забвение?

Англичанин отвернулся и подтянул подпругу под седлом:

– Так расскажи мне о демонах и кузнечиках.

Дитрих видел, как схоласт осматривал крышу церкви, и знал, что тот отметил отсутствие «горгулий». К этому времени его друг наверняка сопоставил свои собственные наблюдения с описанием госпожи Эйнхард.

Пастор вздохнул:

– Есть земли, что лежат даже дальше «островов канареек». Сами звезды на небосклоне суть далекие острова, и на них живут...

– Кузнечики, – подсказал Оккам, – а не канарейки. Дитрих покачал головой:

– Существа во многом такие же, как ты или я, но внешним обликом походящие на кузнечиков.

Англичанин засмеялся:

– Я бы обвинил тебя в том, что ты плодишь сущности без нужды, если бы только... – Он вновь бросил взгляд на стрехи церковной крыши. – Откуда ты знаешь, что они живут на звезде?

– Гости так сами мне сказали.

– Как ты можешь быть уверен, что они говорят правду? Кузнечик может сказать что ему угодно и заслуживает доверия не более чем человек.

Дитрих порывлся в своем мешке:

– Не хочешь ли поговорить с одним из них сам? Оккам окинул взглядом упряжь для головы, которую протянул ему священник. С опаской коснулся ее пальцем, потом резко отдернул руку:

– Нет. Я, пожалуй, предпочту знать поменьше.

– А, – Дитрих отвел глаза в сторону, – Манфред рассказал тебе об обвинении.

– Он спросил, не могу ли я замолвить за тебя слово перед ведущим следствие магистратом.

Пастор хмыкнул.

– Да, как будто слово еретика имеет в *их* глазах какой-то вес. Но если кто-нибудь спросит о дьявольщине во время моего пребывания здесь, я смогу правдиво ответить, что ничего такого не видел.

– Спасибо, старый друг. – Они обнялись, и Дитрих подставил ладони, помогая Уиллу влезть в седло.

Оккам уселся:

– Я боюсь, ты понапрасну растратил свои годы в этой дрянной деревушке.

– У меня были на то причины.

И причины оставаться тоже. Дитрих, пришел в Оберхохвальд, ища убежища, но теперь тот стал его уголком мира, он знал здесь каждое дерево, камень и ручей, как если бы в детстве набивал о них шишки. Пастор больше не смог бы жить в Париже. Когда-то ему казалось там лучше лишь потому, что он был моложе и не познал еще удовлетворения жизнью.

* * *

После того как «досточтимый инцептор» уехал прочь, Дитрих вернулся в деревню, где столкнулся со своим арендатором, Гервигом Одноглазым, направлявшимся в поля.

– Уехал с глаз долой, святой отец, – загоготал старик. – И пусть катится.

– Вот как? – спросил пастор, дивясь, что за обиду успел затаить Гервиг на Оккама.

– Уехал из Нидерхохвальда сегодня утром, с телегой, гаремом и всем остальным. Отправился во Фрайбург с первыми петухами.

– Еврей? – Внезапно на июньском солнце Дитриха пробил холодный пот. – Но он же собирался в Вену.

Гервиг потер подбородок:

– Не могу сказать, мне плевать. Он дрянной человек. Курт-свинопас, муж моей кузины, слышал, как старый еврей говорил, что покончит с Анжелюсом. Какая мерзость! Без колоколов как простой народ узнает, когда прекращать работу?

– Анжелюс, – повторил Дитрих.

Гервиг подался вперед и понизил голос, хотя никто здесь и не мог услышать их:

– И эта тварь, похоже, увидела мельком кого-то из ваших необычных гостей. Курт слышал, как тот восклицал о нечистых животных и летающих демонах. Курт, он сразу бросился сюда, поскольку хотел поспеть с новостями первым. – Гервиг харкнул и сплюнул в грязь, но относилось ли это на счет еврея, вкуса кухни в вопросе избранников, или старик просто прочищал горло, Дитрих не стал выяснять. Он устремился в пустую церковь, где, посреди образов страдающих святых и заморских чудовищ, пал на колени и принялся вновь молить о прощении грехов, как делал более десяти лет назад.

XX

Июнь, 1349

От дня памяти св. Герве. 17 июня

Там его, распростертым ниц на каменных плитах, и нашел Манфред. Он сел на ступенях алтаря рядом с Дитрихом:

– Я послал Макса и его людей перехватить еврея, – сказал он. – Здесь всего лишь несколько дорог, по которым можно проехать, к тому же с телегой. А люди Макса на конях. Он привезет его назад.

Дитрих встал на колени:

– А затем?

Манфред откинулся назад на локтях:

– А затем посмотрим. Я импровизирую.

– Ты не можешь держать его вечно.

– Разве? Увы, полагаю, герцог начнет задавать вопросы. Семья, находящаяся под опекой сеньора, не может просто так испариться. Но нас заботит одно и то же, Дитрих, – добавил господин. – У Фридриха появятся претензии и ко мне. Я укрыл тебя.

Я могу бежать, подумал Дитрих. Однако куда на этот раз? Какой властитель примет его? Новые города на Диком Востоке нуждаются в поселенцах, и там не задают вопросов о прошлом человека. Дитрих вернулся к молитве, но его тревожило самолюбие. Потому он стал повторять одни и те же строчки, надеясь, что мысли последуют за словами. Спустя какое-то время Манфред поднялся и вышел из церкви.

* * *

Солнце уже клонилось к закату, когда началась суматоха, оторвавшая пастора от молитвы. Он вышел на улицу и увидел отряд, возвращавшийся по седловине между церковным холмом и замком. Это был Макс со своими людьми и связанным пленником с мешком на голове, лошадь которого вели под уздцы. Народ стекался из домов или бежал с яровых полей узнать, что стряслось.

Иоахим вышел вслед за Дитрихом:

– Это еврей? Почему он связан? Что Манфред намерен с ним делать?

Он планирует убийство, подумал Дитрих. Герр не может держать Малахая в заточении, ибо герцог выслал эскорт сопроводить того до Вены, как и не может отпустить на волю, поскольку маркграф накажет Манфреда за укрывательство Дитриха в течение последних двенадцати лет. Священник вспомнил фразу Макса о службе двум господам. Но несчастный случай... Смерть будет более подходящим решением для всех.

За исключением самого Малахая, конечно.

– Куда ты собрался? – спросил Дитриха Иоахим.

– Спасать Манфреда.

* * *

Он обнаружил герра в дальней части замкового зала восседающим под знаменем

Хохвальда. Войдя в зал, Дитрих услышал, как с треском захлопнулись ворота Главной башни, и увидел, что Манфред при этом тяжело вздохнул.

– Мой господин! – закричал пастор. – Вы должны освободить еврея!

Манфред, подпиравший кулаком щеку, удивленно поднял голову:

– Освободить его! – Он откинулся в кресле. – Известно ли тебе, что за этим последует?

Дитрих сжал кулаки:

– *Ja. Doch.* Известно. Но грех требует наказания, а не еще одного греха. Еврей сотворен по образу и подобию Господа, так же, как и крэнки, и последние из них однажды обретут спасение. Господь примет Малахая за его веру в прежний Промысел, *ибо его Завет передается из колена в колено.* Бог дал Его народу Завет, и Господь не сложил с себя клятвы. Малахай искал защиты у нас, и я клянусь так же, как в Рейнланде тогда, когда вы нашли меня: ни одному из тех, кто придет ко мне, не позволю я причинить вреда. Я клянусь, даже если этот обет поставит меня между ним и вами.

Лицо Манфреда стало непроницаемым:

– Ты задеваешь мою честь. Любишь ли ты пламя настолько, что будешь лить слезы над тем, кто подносит к тебе факел?

– У него достаточно на то оснований. Герр хмыкнул:

– И ты принимаешь искупление, которое последует за этим?

Во время восстания маркграфом был старый Рудольф Баденский, но Фридрих, возможно, унаследовал обиды отца так же, как и его земли. Дитриха передадут из ведения светского суда в руки суда церковного, если он попросит, но тот сможет лишь заменить петлю костром. И все же Карино убил своего инквизитора, Петра из Вероны,²³⁷ и закончил жизнь в великой святости в обители Форли – где настоятелем служил родной брат Петра.

– Я не прошу о снисхождении, – ответил пастор. Манфред обратил взгляд в угол залы:

– Ты слышал, что он сказал?

– Я слышал.

Дитрих повернулся. Слева от него стоял старый еврей со следами побоев, а подле него растрепанный Тархан бен Бек. Малахай приблизился к Дитриху и в упор посмотрел ему в глаза. Тот вздрогнул, но затем покорно замер под пристальным взглядом иудея.

Наконец, Малахай отступил в сторону.

– Я ошибся, – сказал он Манфреду. – Это не тот человек. – Затем резко повернулся на каблуках и устремился к выходу. – Я буду ждать эскорта в Нидерхохвальде – и доверюсь до того времени своим заклинаниям.

Тархан последовал за ним, но задержался подле Дитриха, шепнув:

– Ты – счастливец. Тебе *очень* повезло, ибо хозяин никогда не ошибается.

* * *

Дитрих отыскал Макса в общей казарме донжона, где Терезия обрабатывала его раны. Макс поднял голову, когда вошел пастор, и осклабился:

– Вашим евреям повезло. Если бы мы не гнались за ними по пятам, они были бы уже мертвы, а женщины и того хуже. Ранаульф с разбойниками напали на них в двух лигах от Малого леса, где дорога на Оберрайд проходит через ту узкую лощину в Темном лесу. Хорошее место для засады. Я еще тогда его приметил. Это вино, женщина? Вино для питья, а не для ран! – Он выхватил чашу из ее рук и сделал добрый глоток.

– Тьфу! – Макс выплюнул все на пол. – Это же винный уксус!

– Прошу прощения, солдат, – сказала Терезия, – но, как мне известно, эта практика рекомендована папскими врачами и итальянскими докторами.

²³⁷ Имеется в виду убийство гонителя манихеев, мученика *Петра из Вероны* в 1252 г. Карино зарубил его топором, когда тот шел вместе со своим братом Домиником из Комо в Милан.

– Итальянцы пользуются ядом. Но это и к лучшему, что разбойники выбрали теснину, – продолжил он рассказ, – ибо они не увидели погони за евреями, пока мы не напали на банду с тыла. Их дозорные бросили свой пост, чтобы присоединиться к грабежу добычи. Господь был с нами и... – Макс оглядел казарму и понизил голос: – У этого его слуги в котомке оказался меч с огромным изогнутым лезвием, как у турок, он принял участие в драке и сильно нам помог.

Я наметил себе противника: безобразного мерзавца, вся шкура – одни сплошные шрамы. Парень явно знал, как обращаться с кинжалом, и пошел на меня, зажав оружие рукояткой вверх. Я встал в позицию, называющуюся «расшатанная лестница». – Швейцарец принялся размахивать руками, пытаюсь изобразить все сидя, доставив немало хлопот Терезии. – Но будь я проклят, он неожиданно перехватил клинок и изменил направление удара. Умный трюк.

Вот только кинжал хорош и удобен, если нужно проникнуть между звеньями кольчуги, а резать им несподручно. Я парировал квиллоном, а потом, вместо того чтобы защищать предплечье, полоснул негодя по животу. У него, однако, были быстрые руки. Отдаю ему должное. Кинжальщику всегда нужно больше ловкости, чем силы.

Терезия запричитала, перевязывая его руку:

– Ах, несчастный! Макс нахмурился:

– Этот «несчастный» и его дружки убили двенадцать человек, с тех пор как сбежали с Соколиного утеса, включая Альтенбаха и всю его семью.

– Он был злым человеком, в том я уверена, – ответила она, – но у него теперь нет шанса исправиться.

– У него теперь нет шанса убить еще кого-нибудь. Ты слишком мягка, женщина.

Слишком мягка, подумал Дитрих, и все же иногда тверже кремня; а порой резче осколка стекла.

* * *

Пастор остался с Максом, когда Терезия вышла.

– Манфред сказал, ты не стал брать пленных, только Оливера.

Макс какое-то время молчал.

– Все-таки блокировать удар кинжала собственным телом – не самый лучший маневр. В следующий раз буду об этом помнить. – Он пошевелил плечом и поморщился. – Надо помолиться, чтобы рука не утратила подвижности. Не скажете Господу обо мне на мессе? Я заплачу семь пенсов. Пастор... – Солдат вздохнул. – Пастор, с Оливером следовало поступить как со своим. Остальные – падаль, но он-то один из нас, и мы должны повесить его собственными руками.

Так и произошло.

Манфред созвал судей во дворе замка, где батрак Нимандус поклялся, что Оливер был среди разбойников и убил мальчишку Альтенбаха. Юноша ничего не ответил, лишь прошептал:

– Я ездил на коне и носил меч. Я раздавал удары за бедных, в честь королевы любви и красоты.

«Нет, – подумал Дитрих, – ты убивал бедных потому, что твоя королева любви и красоты выбрала другого». Он спросил себя, почему остальные стали разбойниками. Может, тоже воображали себя свободными людьми, не повинующимися деспотичным сеньорам?

Никто не высказался в защиту Оливера, даже его отец принародно отрекся от сына, крича, что такова участь всех превозносящих себя над остальными. Но после он вернулся в пекарню и несколько часов сидел, не отрывая взгляда от холодной печи.

Только Анна Кольман пролила слезы над юношей:

– Это все из-за меня. Он всего лишь хотел завоевать мое сердце храбрыми подвигами. А вместо того сломал себе шею.

– Мой господин, – обратился Дитрих к герру, когда тот спросил, не хочет ли кто-нибудь высказаться, – если вы повесите его, у него не будет возможности встать на путь раскаяния.

– Ты заботишься о следующей жизни, – ответил Манфред. – Я должен заботиться об этой.

Крэнки, толпившиеся во дворе, прострекотали свое одобрение наравне со всеми прочими хохвальдцами, когда судьи вынесли вердикт, и Манфред огласил смертный приговор. Увалень фон Гроссвальд и Тьерри фон Хинтервальдкопф, сидевшие на скамье по обе стороны от герра, согласились с ним. Крэнк так просто щелкнул ороговелыми губами.

Посему на рассвете следующего дня заключенного со связанными руками и кляпом во рту, истекающего кровью из дюжины ран, с почерневшим от бесчисленных ударов лицом, вывели из замка. Его глаза бегали, словно мыши, над куском тряпки, закрывающей рот, в поисках спасения, в поисках поддержки, но не встречали ничего, кроме холодного презрения со стороны всех вокруг. Собственный отец плюнул в Оливера, когда того вели по улице к липе для исполнения приговора.

* * *

Позднее, когда Дитрих направился к домику Терезии, решив справиться, как она поживает, то столкнулся у ее дверей с Грегором – тот прижимал к себе и баюкал свою руку.

– Дело в мизинце, я думаю, – сказал каменщик. – Надо наложить шину. Я защебил его между двух камней.

Дитрих постучал по дверному косяку, Терезия отворила верхнюю створку и, увидев Грегора, широко улыбнулась в первый раз на памяти священника с тех пор, как крэнки пришли в деревню, и только потом заметила Дитриха.

– Да прибудет Господь с вами, святой отец, – сказала она, прежде чем повернуться и поприветствовать Грегора. – А как ты поживаешь, каменотес?

Грегор поднял окровавленную ладонь в немом призыве, Терезия ахнула и потащила его внутрь. Пастор вошел за ними, оставив верхнюю створку открытой ради свежего воздуха. Он увидел, как девушка промыла рану и привязала конопляной веревкой к руке шину, хотя Дитриху до этого казалось, что каменщик не из тех, кто пасует перед такими небольшими травмами. Только закончив с Грегором, Терезия обратилась к священнику:

– Так у вас тоже рана, святой отец? *Да*, подумал он.

– Я зашел проведать, как у тебя дела.

– Все хорошо, – ответила она, отводя глаза. Дитрих помедлил, не скажет ли девушка что-нибудь еще, но ничего не дождался и потому взял ее за плечи и поцеловал в лоб, как часто делал, когда Терезия была ребенком. Она неожиданно расплакалась:

– Если бы их вообще никогда не было!

– Готфрид-Лоренц заверил меня, они скоро отправятся домой.

– В свой дом или какой-то иной, – отозвался Грегор. – Еще двое умерли на прошлой неделе. Я думаю, они умирают от тоски по дому.

– Никто не умирает от тоски по дому, – возразил пастор. – Холод убил некоторых – алхимика, детей, – но уже наступило лето.

– Мне Арнольд говорил, – настаивал каменотес. – Он сказал: *«Мы умрем, ибо мы не дома»*. И еще добавил: *«Здесь мы едим вдоволь, но не насыщаемся»*.

– Это бессмыслица, – ответил Дитрих.

Каменотес нахмурился, бросил взгляд на Терезию, затем на раскрытую створку двери, сквозь которую доносились звенящие в утреннем воздухе трели птиц.

– Это и меня озадачило, – признал великан. – Ваш друг Скребун сказал однажды, что хотел бы иметь хоть половину той надежды, что была у Арнольда. Однако алхимик убил себя, а Скребун нет.

– Их говорящая голова не понимает таких слов, как «надежда» или «отчаяние».

– Какая разница, – сказала Терезия, – умрут они или уедут?
Дитрих обернулся и вложил ее руку в свои, и она не стала вырываться.
– Все умрут. В глазах Господа важно то, как мы обращались друг с другом при жизни. «Возлюби Господа всем сердцем и всей душой и возлюби ближнего своего, как самого себя». Это наставление связывает нас друг с другом и спасает, не позволяя попасть в тенета мщения и жестокости.
– Среди христиан нет недостатка в мстительности и жестокости, – заметил Грегор.
– Люди есть люди. «По плодам их узнаете их», а не по тому, как они себя называют. Внезапная милость может снизойти даже на самого ужасного человека. *Ja*, даже на самого ужасного человека... Я сам... Я сам был свидетелем тому.
Терезия подняла руку и смахнула слезу с его щеки. Каменщик сказал:
– Вы имеете в виду Готфрида-Лоренца. Гроссвальд называл его вспыльчивым, а ныне он самый смиренный из всех крэнков.
– *Ja*, – сказал Дитрих, посмотрев на него. – *Ja*. Я имел в виду такого, как Готфрид-Лоренц.
– Но я думаю, Гроссвальд не считает это большой заслугой. – Терезия была расстроена и встревожена.
– Нет, не считает, – ответил он. – Для него осторожность и прощение лишь слабость и глупость. Тот, за кем сила, пользуется ею; тот, у кого ее нет, подчиняется. Но я верю – всякий жаждет справедливости и сострадания, что бы ни было записано на «атомах его плоти». Мы спасли шестерых из них – может, семерых, но в отношении алхимика я не уверен.
– Справедливость *и* сострадание? – переспросил Грегор. – И то и другое разом? В этом-то и кроется загадка.
– Отец, – внезапно спросила Терезия, – можно ли одновременно любить и ненавидеть одного человека?
Пчела отыскивала путь в дом и старательно засновала между цветков, которые девушка растила в небольших глиняных горшочках на подоконнике.
– Я думаю, – сказал Дитрих наконец, – что это может быть скорее не один человек, а сразу два: тот, каков он сейчас, и тот, каким был прежде. Если грешник искренне раскается, то умрет в момент покаяния, и родится новый человек. В этом смысл прощения, ибо бессмысленно обвинять одного человека в том, что содеял другой.
Он испугался, не став развивать мысль далее, и вскоре покинул дом травницы вместе с Грегором. Снаружи каменотес рассеянно потирал свой ушибленный палец.
– Она прекрасная женщина, хотя и простоватая. И, возможно, она не очень-то ошибается насчет демонов. Может, как сказал Иоахим, это испытание свыше. Но кого испытывают? Или мы направим их к смирению, или же они нас направят к отмщению? Зная людей, боюсь, более вероятно второе.

* * *

За завтраком на следующее утро Скребун откупорил фляжку, лежавшую в его мешке, и вылил оказавшийся внутри мутный бульон в овсяную кашу. Он вставил пробку на место, но сидел, застыв с фляжкой в руке какое-то время, прежде чем вернуть ее в мешок. Крэнк поднес ложку к губам, замер, затем вылил все обратно в миску и оттолкнул кушанье от себя. Дитрих и Иоахим обменялись недоуменными взглядами, и монах поднялся со скамьи проверить кашу в котелке на вкус.

– Наполняет, но не насыщает? – спросил пастор в шутку, вспомнив о словах Грегора.

Скребун ответил неподвижностью, в такие мгновения его племя, казалось, обращалось в камень. Дитриха всегда беспокоило это состояние, но внезапно он понял его смысл. Некоторые животные замирают подобным образом, реагируя на опасность.

– Что не так? Скребун перемешал кашу:

– Мне не следует говорить об этом. – Священник ждал, а Иоахим, нахмурившись, озадаченно взирал на них. Он зачерпнул каши в миску, и, хотя ему пришлось тянуться через Скребуна, крэнк не пошевелился.

– Я слышал, как некоторые из вас, – сказал, наконец, крэнк, – говорили о голоде, который случился много лет назад.

– Около тридцати лет назад, да, – уточнил Дитрих. – Я только что прошел рукоположение, а Иоахим еще даже не родился. На протяжении двух лет лили сильные дожди, и урожай пропал на полях от самого Парижа до болот Польши. Непродолжительный голод случался и прежде, но в те годы нигде в Европе не было хлеба.

Скребун с усилием, медленно потер ладони друг о друга.

– Мне говорили, люди тогда ели траву, – продолжил он. – Хотели набить желудок – но трава не насыщала их.

Дитрих бросил есть и уставился на крэнка.

– Что? – спросил Иоахим, опускаясь на скамью. Дитрих почувствовал направленный в его сторону взгляд существа, внешне остававшегося погруженным в свои мысли, и спросил:

– На сколько еще хватит ваших собственных запасов?

– Мы перебивались ими кое-как поначалу, но капля по капле однажды опустошит даже самое большое море. Некоторые питаются «надеждой», но их путь труден, возможно, слишком труден для некоторых из нас. Приятно, – добавил он, – что ваша «весна» наступила до того, как все закончится. Я буду скучать по виду ваших распускающихся цветков и оживающих деревьев.

Дитрих посмотрел на своего гостя с ужасом и жалостью:

– Ганс и Готфрид, может, все же починят... Скребун заскрежетал:

– Та корова со льда не стронется.

* * *

Выпросив лошадь у Эверарда, священник поспешил в лагерь крэнков. Он нашел Ганса, Готфрида и четырех остальных в нижнем помещении странного корабля – те столпились вокруг изображения «контура» и яростно чирикали.

– Правда ли, – спросил Дитрих, ворвавшись внутрь, – что ваш народ скоро умрет с голоду?

Крэнки замерли, и Ганс с Готфридом, на которых была упряжь для переговоров, повернулись лицом к двери.

– Кто-то сказал тебе, – произнес Ганс.

– У кого-то «рот не на замке», – прокомментировал Готфрид.

– Но это правда? – настаивал пастор.

– Правда, – подтвердил Ганс. – Есть определенные... вещества – кислоты, на языке ваших алхимиков, – которые необходимы для жизни. Может, восемьдесят из них встречаются в природе – а нам нужна двадцать одна для того, чтобы жить. Наши тела производят естественным образом девять, остальные мы должны получать из еды и питья. В вашей пище есть одиннадцать из двенадцати. Недостает единственной, и наш алхимик не нашел ее ни в одном из исследованных им продуктов. Без этой особой кислоты, речь идет о... я бы сказал «первенце», так как это первый строительный кирпичик тела, хотя, полагаю, он должен носить одно из ваших греческих названий.

– *Proteios*, – выдохнул Дитрих. – *Proteioi*.²³⁸

– Что ж. Меня всегда ставит в тупик, почему вы пользуетесь разными «языками», говоря о разных предметах. Греческий – для натурфилософии; латинский – для всего,

²³⁸ *Proteioi* – белок, белки, протеины. Буквально означает «удерживающий первое место», «первоначальный» (греч.).

касающегося вашего господина-с-небес.

Дитрих схватил крэнка за руку. Грубые шипы, бежавшие по предплечью Ганса, прокололи ему ладонь, выступила кровь.

– Это неважно! – закричал он. – Так что с этим *протеином*?

– Без этой кислоты не могут образовываться *протеины*, а при его недостатке наши тела постепенно разрушаются.

– Значит, мы должны найти ее!

– Как, мой друг? Как? Арнольд днями и ночами искал ее. Если она ускользнула от его зоркого глаза, что сможем сделать мы? Наш врач искусен, но он практик, а не ученый-исследователь.

– Так поэтому вы жевали розы у Прыжка Оленя? Поэтому ограбили монастырь Св. Блеза?

Взмах руки.

– Думаешь, эту кислоту можно определить на вкус? Да, некоторые из наших пробовали то и это. Но лучший источник *протеина* находится в конце нашего пути. Недостающая кислота содержится в нашей пище, ею мы перебивались, добавляя к той, что дали нам вы. – Ганс отвернулся. – Корабль уплывет, прежде чем голод станет нестерпимым.

– Что в бульоне, который не стал есть Скребун?

Ганс не повернулся, но его голос зашептал в ухе Дитриха, словно крэнк стоял рядом:

– Есть еще один источник, содержащий тот самый *протеин*, его запас пока не иссяк.

Дитрих довольно долго не мог понять, что он имеет в виду. Готфрид пояснил:

– Сие есть тело мое, которое за вас предается. Твои слова вселили в нас надежду... – и тогда весь ужас положения странников обрушился на священника, чуть не раздавив своей тяжестью.

– Вы не должны!

Ганс снова повернулся к Дитриху:

– Неужели должны умереть все, если *некоторые* смогут выжить?

– Но...

– Ты учил, что хорошо отдавать свое тело ради спасения остальных. У нас есть изречение: «Сильный пожирает слабого». Это условность, *метафора*, но в прошлом, когда наступал великий голод, так случалось на самом деле. Ты спас нас. Ведь не еда спасает, а предложение, жертва, ибо сильный соглашается пожертвовать собой ради спасения слабых.

* * *

Дитрих, потрясенный, вернулся в Оберхохвальд. Может, он ввел крэнков в заблуждение? Это было небезосновательно. «Домовой» не понимал значения слов и связывал знаки, основываясь на опыте и употреблении. *Evidentia naturalis*, подумал он.

И все же Скребун явно был опечален этой мыслью. Настолько, что даже не попробовал бульона. Дитрих вновь содрогнулся при воспоминании. Из кого сделали жидкость? Из Арнольда? Из детей? *А может, ускорили чью-нибудь смерть ради перегонки?* Подобная мысль ужасала больше всего. Не пошли ли крэнки добровольно в котел, повинувшись инстинктам?

Арнольд пожертвовал собственной жизнью. «Сие есть тело мое», завещал он другим крэнкам в предсмертной записке. Ужасная пародия, осознал Дитрих. Не отыскав неуловимую кислоту, он отчаялся и отказался от борьбы. И все же у него оставалась, словно легендарный ящик Пандоры, одна шаткая надежда – Ганс и Готфрид смогут починить корабль и увезут пришельцев назад, к их небесному дому. Увеличение запасов нужного провианта давало больше времени для ремонта корабля. Алхимик сам не желал следовать тому, что считал необходимым, а потому избрал единственный путь из всех возможных ради спасения остальных.

И, получается, все-таки умер как христианин.

Всадник носил одеяние Страсбургского епископства; Дитрих наблюдал за его приближением с утеса, откуда открывался вид на дорогу, ведущую в Оберрайд. Ганс, предупредивший его, присел на корточки рядом, уцепившись каким-то образом за скалу так, что, хотя и свешивался далеко над обрывом, вниз не срывался, как сорвался бы человек. Другой центр тяжести, сказал он однажды Дитриху, продемонстрировав ему трюк с соломинкой, пфеннигом и чашей.

– Везет ли он постановление о твоём аресте? – спросил крэнк. – Мы будем сражаться, чтобы уберечь тебя от их рук.

– «Вложи меч в ножны», – почти инстинктивно продекламировал Дитрих. – Ваше нападение едва ли ослабит те страхи, которыми питаются они.

Ганс засмеялся и застрекотал в «рупор» предупреждение всем остальным.

Пастор увидел, как герольд свернул коня на дорогу, ведущую к церкви Св. Екатерины.

Оглянувшись, Дитрих осознал, что Ганс без единого звука исчез, в свойственной крэнкам жутковатой манере словно растворяться в воздухе. «Я должен держать гостя подальше от пастората», – подумал священник, ибо внутри дома лежал слабеющий Скребун. Дитрих подобрал рясу и оказался у тропинки одновременно с герольдом, заставив того резко остановиться.

– Мир тебе, посланец, – сказал Дитрих. – Какое поручение привело тебя сюда?

Человек бросил взгляд по сторонам, посмотрел даже над собой и запахнул плащ потуже, хотя день выдался тёплый.

– Я привез бумагу от его высокопревосходительства Бертольда II, Божьей милостью епископа Страсбурга.

– Я и впрямь заметил его герб на твоём плаще. – Если они приехали за ним, то почему отправили только одного человека? Однако ж, если в послании есть приказ возвратиться в Страсбург вместе с гонцом, он послушно это исполнит. В далеких полях некоторые крестьяне замерли над пашнями, обратив взгляды к церкви. У подножия холма неритмичный стук молотка Ванды Шмидт стих, пока она наблюдала за разворачивающимися над ней событиями.

Герольд вытащил пергамент, сложенный в несколько раз, перевязанный лентами и запечатанный. Этот сверток он бросил на землю к ногам Дитриха.

– Прочтите это во время мессы, – произнес всадник и затем с некоторым колебанием добавил: – Мне надо объехать еще много приходов, и потому я был бы не прочь выпить кружку пива, прежде чем уехать.

Спускаться с коня человек явно не намеревался. Его лицо осунулось и казалось болезненным. Сколько приходов посланник уже объехал и сколько еще лежало впереди? Дитрих только сейчас заметил другие свертки в мешке гонца.

– Вы можете попросить коня у герра Манфреда, – сказал он, махнув рукой поперек долины.

Посланник ничего не ответил, лишь посмотрел на священника с подозрением. Дверь пастората заскрипела, со стрехи дома внезапно сорвалась птица, отчего лицо незнакомца исказилось от ужаса.

Но это оказался всего лишь Иоахим, несущий пиво. Наверное, подслушал у окна. Епископский слуга окинул Минорита подозрительным взглядом и презрительно усмехнулся:

– Неудивительно обнаружить здесь одного из них.

– Я мог бы смочить губку в котелке и предложить тебе пиво, настоящее на семени иссопа,²³⁹ – сказал Иоахим, так и не дав всаднику выпить.

²³⁹ *Иссоп* – многолетнее сильно пахучее растение. Иоахим с иронией намекает на то, что при распятии Иисуса воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его (Иоан. 19:29).

Герольд наклонился, выхватил чашу из рук монаха и, осушив ее до дна одним глотком, швырнул в грязь. Иоахим опустился на колени, чтобы поднять сосуд с дороги.

– Я оскорбил моего господина, – сказал он, – не предложив ему золотую чашу, унизанную изумрудами и рубинами.

На него не обратили внимания. Всадник указал на лежащий в пыли конверт:

– В Страсбург пришла чума.

Иоахим забыл подняться с колен, а Дитрих перекрестился и прошептал:

– Господи, помоги всем нам.

XXI

Июнь, 1349

Рождество Иоанна Крестителя. 24 июня

Месса *Recordâre, Domine* ²⁴⁰ была объявлена на девятый час, и церковь Св. Екатерины заполнилась любопытными жителями. Пришли все из замка и деревни, прилетели даже некрещенные крэнки, ибо все знали, что до пастора дошло какое-то зловещее известие. Манфред и его семейство, предупрежденные, встали в первых рядах, дабы подать пример. Дитрих служил литургию вместе с капелланом, отцом Рудольфом, тщеславным и надменным человеком, всецело поглощенным мыслью о своем высоком сане. Однако сейчас он смертельно побледнел и, подобно руинам римского храма, внушал жалость. Дитрих напомнил ему о словах Спасителя: «Я с вами во все дни до скончания века».

Епископское послание, оглашенное вслух, не сжимало сердца так, как скупые слова герольда. Пока лишь у нескольких жителей появились роковые отметины на теле; о бедствии, равном парижскому или, годом ранее, итальянскому, речи не шло. Однако всем приходам наказали подготовиться. Особые молитвы были испрошены за Страсбург – и за Базель и Берн, ибо, как стало известно, чума пришла в феврале в Берн и в мае в Базель.

При этом известии Анна Кольман в слезах бросилась на каменные плиты, и успокоить ее никто не смог.

– Бертрам! – кричала она. – Ах, Бертрам! Манфред, отправивший юношу в Берн, перенес известие стоически.

В этом смятении из дальнего конца нефа приползла крэнкерин Ильзе. Как и Скребун, она сильно ослабела, отказываясь пить эликсир, и передвигалась только при помощи странным образом устроенных костылей, но сейчас отбросила их, приблизилась к Анне на четвереньках и принялась ее пихать. Некоторые воскликнули от ужаса, посчитав это за нападение. Но Иоахим протолкался сквозь толпу и, встав над обеими, закричал, что так крэнки выражают ласку.

– Я знаю, какая фраза у тебя в голове, – сказала Ильзе Анне, ее слова разнеслись по упряжам тех, кто с ними пришел. – Я умерла, когда Герда убили. Но он пал при исполнении долга ради общего блага, и я увижу его вновь, когда моя энергия вступит в земли господина-с-неба. – Иоахим повторил эти простые слова веры для собравшихся прихожан. Те принялись одобрительно перешептываться и кивать головами, но Анна Кольман почти не обратила внимания на речь Ильзе.

После службы Дитрих и отец Рудольф убрали в ризнице.

– Епископ пишет, что она только *может* прийти сюда, – сказал капеллан. – Всего лишь *может*. Не о том, что она *придет*. – Он, казалось, находил большое утешение в грамматике. – И Страсбург от нас далеко. На эльзасской границе с Францией. Не так далек, как Париж или Авиньон, но...

Дитрих сказал только, что в подобных известиях факты часто преувеличивают.

²⁴⁰ *Recordâre, Domine* – «Вспомни, Господи...» (лат.).

* * *

Несколько дней после мессы жители сидели по домам за закрытыми ставнями или говорили друг другу, что чума не поднимется высоко в горы. Ядовитые испарения тяжелы, заявил с убежденностью Грегор, и всегда стремятся вниз. Терезия сказала, что болезнь – орудие в руках Господа и только покаяние сможет остановить Его руку. Манфред же подошел к делу более вдумчиво:

– Те колокола, что мы слышали на молебственные дни, – сказал он Дитриху. – Они звонили в Базеле. Полагаю, звук донесло до нас порывом ветра. Предупреждение Господне.

Ганс решил отмечать время и место вспышек хвори на карте земли, под которой, по мнению Дитриха, он имел в виду *portolan*.²⁴¹ Но, поскольку ни одной такой в деревне не оказалось, а большинство карт имели символический характер, предложение пропало втуне. Крэнки не знали местной географии в таком объеме, чтобы составить, как ее называл Ганс, «подлинную карту». К тому же все знали, путь из Базеля или Берна в Страсбург пролегал через Фрайбург, то есть через дороги по горным лесам. Поворот на восток и... Таким образом, шанс на спасение, пусть и небольшой, существовал.

* * *

Крэнкерин Ильзе умерла через несколько дней после мессы по чуме, и Дитрих отслужил по ней в Св. Екатерине заупокойную литургию. Ганс, Готфрид и другие крещеные крэнки принесли в церковь похоронные дроги и поставили их перед алтарем. Молча присутствовала и Пастушка, поскольку Ильзе была одной из ее пилигримов. Она с неподдельным вниманием следила за церемонией, но, из уважения или же простого любопытства, Дитрих не смог бы ответить.

Большинство селян еще ютились по домам, но некоторые все же пришли: Норберт Кольман и Конрад Унтербаум с семьями, а также, удивительным образом, Клаус и Хильда. Последняя расплакалась при виде тела Ильзе, и супруг долго не мог ее успокоить.

Потом крэнки унесли свою спутницу на корабль, решив положить в холодный ящик, пока не потребуются ее плоть.

– Я перевязывала ее раны, – сказала Хильде, когда хохвальдцы провожали взглядами процессию гостей, направившуюся по дороге в Медвежью долину. Дитрих посмотрел на женщину. – Она пострадала при кораблекрушении, – пояснила та, – и я перевязывала ее раны.

Клаус положил ей руку на плечи со словами:

– Моя жена такая отзывчивая. – Но Хильда, дернувшись, вырвалась из его объятий:

– Отзывчивая! Это было сущим наказанием, возложенным на меня! Ильзе *воняла*, одним щелчком челюстей могла перекусить мне запястье. Почему я должна плакать по ней? Ее смерть лишь облегчила ношу моей епитимьи. – Жена мельника утерла лицо носовым платком, повернулась и выбежала вон, едва не столкнувшись с Пастушкой.

– Объясни, Дитрих, – спросила та. – Все эти декламации над телом! Всю эту разбрызганную воду, весь этот дым, что развеивался и кружился! Чего ты достиг? Какая польза Ильзе? Какая польза? Какая польза? Что я скажу тем, кто дал ей жизнь?

Крэнкерин запрокинула голову и защелкала боковыми губами так быстро, что жужжание стало почти музыкальным; Дитриха приятно удивило осознание того, что тон – это высокая частота щелчков. Пастушка прыжками умчалась прочь, но направилась не к

²⁴¹ *Портолан* – морская навигационная карта, употреблявшаяся с XIII в. в связи с торговым мореплаванием в Средиземном море. Для определения и прокладки пути корабля на портолане в ряде точек наносились компасные сетки, указывавшие положение сторон света и промежуточные направления, а также помещались (впервые) линейные масштабы.

опрятному домику Клауса и Хильды, где жила на постое, а через поля под паром в сторону Большого леса. Конрад Унтербаум вымолвил:

– До сего дня я никогда не думал, что они похожи на нас. Но сейчас я знаю, что у нее на сердце, это точно.

* * *

Иоахим сидел на небольшом стуле подле койки Скребуна и маленькими ложечками вливал ему в рот кашу. Снаружи метались флюгеры, а темные облака налетали друг на друга, проносясь по небу. Далекая туча, висящая над равнинами, сверкала молниями. Дитрих стоял у раскрытого окна и вдыхал запах дождя.

– Ваша погода радует, – голос в упряжи казался таким здоровым, что Дитриху потребовалось какое-то время, чтобы отождествить его со Скребуном. В таком состоянии полагалось говорить прерывисто и слабо, но искусство «домового» не простиралось так далеко. – Изменения в воздухе ласкают кожу. У вас нет такого чувства. Вы не чувствуете давления. Но этот ваш язык! Такой гибкий орган! Мы не чувствуем вкуса остро, как вы. Как же все удачно сложилось! Я вернусь сюда вновь со школой философов. Со времен птичьего народа Мира утесов я не знал ничего более пленительного, чем вы.

Скребун бредил, когда говорил о возвращении, поскольку становилось все более очевидно, что он не покинет этот мир, – а если и уйдет, то как все люди. Дитрих почувствовал к нему острую жалость и встал у постели, пытаясь хоть как-то облегчить участь необычного создания.

Потом очень осторожно Дитрих рассказал ему об Ильзе. Философ отвернулся к стене.

Каждый день пастор и Иоахим готовили пищу для слабеющего Скребуна, испытывая разные ингредиенты и надеясь, что найдут вещество, которого жаждало тело крэнка. Они готовили похлебки из необычных плодов, заваривали чай из сомнительных трав. Ничто не могло навредить ему хуже, чем бездействие. Философ убрал фляжку с ужасным варевом из алхимика, так и не попробовав его, и каждый день ороговевшая кожа больного покрывалась все большим числом пятен.

– Он истекает кровью внутри, – объяснила лекарь крэнков; когда Дитрих спросил у нее совета. – Если не будет пить бульон, я ничем не смогу ему помочь. Но даже если бы пил, – добавила она, – это лишь продлило бы агонию. Все наши надежды связаны с Гансом, а Ганс сошел с ума.

– Я буду молиться о его душе, – сказал Дитрих, но врачевательница махнула рукой: о душе, о жизни, о смерти, о надежде – все равно.

– Ты можешь верить в то, что *energia* способна жить без подпитывающего ее тела, – ответила крэнкерин, – но не требуй подобной глупости от меня.

– Вы ставите плуг впереди быка, доктор. Именно дух питает тело.

Но лекарь была материалистом и не стала слушать его. Как и весь ее народ сведущая в деталях, она рассматривала тело крэнка всего лишь как машину, подобную мельничному колесу, и не давала себе труда задуматься о той воде, что заставляла его вращаться.

* * *

Прошла неделя, новых известий не последовало, страх перед чумой начал ослабевать, и люди стали смеяться над теми, кто так боялся ее прежде. К Рождеству Иоанна праздника выгнали всех из домов. Арендаторы отправляли десятину мясом в пасторат и жгли костры на холмах и даже на Катеринаберге так, чтобы всенощная казалась рябой от рыжих всполохов. Ребятня бегала по деревне, яростно очерчивая дуги факелами, отпугивая драконов. В конце концов на церковном лугу запалили огромное колесо из досок и веток и пустили вниз с холма. Громкий вздох разочарования сорвался с сотен губ, когда оно завалилось на бок, прокатившись лишь половину пути. Дети кричали от восторга при виде пламени и

неожиданного поворота дел, но взрослые закудахтали о дурном предзнаменовании. Огненное колесо обычно докатывалось до самого подножия, говорили старики, кивая друг другу без лишних слов, хотя память и могла подсказывать им обратное.

– Наблюдение за вашими обычаями было главным занятием Скребуна, у меня есть фраза в голове, что этот пример может его порадовать, – прокомментировал происходящее Ганс. – Он умирает.

– И, умирая, заслуживает радости. – Дитрих умолк, но некоторое время спустя спросил: – Ты любил своего хозяина?

– Бва-уа! Как мог я не любить? Это записано на атомах моей плоти. Тем не менее еще один кусочек знаний, питающий мозг, порадует его. – Вдруг он замер. – Готфрид-Лоренц зовет. Есть проблема.

* * *

Готфрид надел венок из цветов и сбросил кожаные рейтузы, прыгая среди гуляк. Мало кто отныне замечал это, ибо у него не было срамных частей для показа. По крайней мере, ничего, что женщины смогли бы признать за таковые. Каким-то образом, в кутерьме, он ударил Сеппля Бауэра по венку своей зазубренной дланью, и молодой человек теперь лежал ничком среди мерцающих факелов. Некоторые в толпе улюлюкали. Другие собрались только сейчас, спрашивая, что произошло.

– Монстр напал на моего сына! – заявил Фолькмар. Он обвел рукой соседей. – Мы все это видели.

Кое-кто кивнул и забормотал в знак согласия. Другие отрицательно покачали головой. Некоторые закричали, что это была случайность. Беременная Ульрика вскрикнула, увидев неподвижно лежащего мужа.

– Ты животное! – закричала она на Готфрида. – Ты животное!

Дитрих видел гнев, смущение, испуг, недвусмысленные жесты. Краем глаза заметил, как в темноте вокруг собралось множество крэнков, и один из них, носивший ранг сержанта и известный потому как Прыгающий Макс, расстегнул застежку на мешке, в котором держал рог *de fer*.

– Грегор, – подозвал Дитрих каменотеса. – Беги, приведи Макса из замка. Скажи ему, у нас есть дело для господского суда.

– Суда маркграфа, ты хочешь сказать! – завопил Фолькмар. – Убийство требует более высокого суда.

– Нет. Гляди! Твой сын дышит. Нужно только зашить рану и дать ему отдохнуть.

– Но ты к нему не притронешься, – ответил Фолькмар. – Твое мягкосердечие в отношении этих демонов позорно.

Неизвестно, что могло произойти, не прибудь Макс с полудюжиной солдат и не навязав им господский мир. Когда приехал Манфред, весьма раздраженный из-за столь позднего часа, то счел произошедшее несчастным случаем и повелел рассмотреть мнения всех сторон на ежегодном суде в День св. Михаила.

Толпа угрюмо разошлась; некоторые ободряюще хлопали Фолькмара по плечу, другие смотрели на него с отвращением.

– Фолькмар – неплохой человек, – сказал Грегор Дитриху, – но часто болтает, не подумав. И говорит обо всем с такой уверенностью, что не может потом отказаться от своих слов, не прославив глупцом.

– Грегор, иногда я думаю, ты – умнейший человек во всем Оберхохвальде.

Каменотес перекрестился:

– Видит Бог, это не слишком-то большое достижение.

* * *

Когда гуляки разошлись, и пастор остался наедине с крэнками, Ганс сказал:

– Герр – умный человек. Через три месяца, когда соберется суд, все вопросы уже отпадут.

Готфрид прикоснулся к плечу Дитриха, отчего тот вздрогнул.

– Отец, я согрешил. Сеппл насмеялся надо мной, и я, не подумав, ударил его.

Священник посмотрел на новообращенного.

– Вина может соразмеряться с обстоятельствами, – допустил он. – Если *instinctus* взял верх над тобой...

– Мой грех не в том, что я его ударил.

– В чем же тогда?

– После... Я был счастлив.

– Ах вот что! Это действительно серьезно. Чем он спровоцировал тебя?

– Он насмеялся надо мной. Радовался, что мы скоро уйдем.

Дитрих склонил голову:

– Из-за голода? Он надеется, вы умрете?

– Нет, Сеппл имел в виду корабль. Я не подумал. Может, он всего лишь хотел так попрощаться. Ему же неизвестно о нашей неудаче.

Дитрих остановился и схватил Готфрида за руку, а тот застыл, еле подавив инстинктивный удар в ответ.

– Неудача? – спросил пастор. – Что это значит?

– Проволока не сработает, – ответил крэнк. – Есть предел... Тебе известно, как лопаются веревка, если на нее повесить слишком большой груз? Так же может разорваться и наша *электроника*, хотя и иным образом. С каждой попыткой она становится все менее прочной. Мы произвели вычисления и...

Готфрид замолк, и Ганс несколько раз прикоснулся к нему.

– Но учение о случайном, брат, – сказал он Готфриду, – не так категорично. Есть еще шанс на успех.

– Есть шанс, что и Фолькмар Бауэр приласкает меня, – парировал тот. Он посмотрел прямо в лицо Дитриха, на человеческий манер. – Электроника ослабла настолько, что наш корабль может провалиться в бездну между мирами, но, вероятно, не найдет сил выкарабкаться на противоположный берег. Тяжелая судьба.

– Или наоборот, легкая, брат, – возразил Ганс. – Разве оттуда кто-то возвращался и рассказывал, какая она?

Готфрид дернулся, смахнув руку друга, и запрыгал вниз с холма. Дитрих смотрел ему вслед, затем оборотился к Гансу:

– Ты всегда знал, что вас ждет неудача. Глаза крэнка казались непроницаемыми.

– С таким *schlampig*²⁴² устройством? С проволокой, вытянутой щипцами мальчишкой на качелях? Без оболочки, задерживающей флюиды? Мы работали очень тщательно, но на ней больше обрывков и заплат, чем на одеянии шута при дворе Манфреда. Я с самого начала предполагал вероятность провала.

– Тогда... к чему притворяться?

– Потому что ты был прав. Когда алхимика постигла неудача, мой народ не видел перед собой ничего, кроме отсроченной до поры до времени смерти. Мы дали им что-то еще на эти пять месяцев. Надежда иногда важнее, чем правда.

* * *

Возвратившись в пасторат, Дитрих обнаружил Скребуна лежащим на соломенном тюфяке. Его мягкие губы беззвучно открывались и закрывались, слишком медленно, чтобы списать это на смех. Священник вспомнил, как однажды Ганс вел себя так же. *Он плачет*. Дитрих задумался и неожиданно расчувствовался из-за того, что у крэнков, как и у людей,

²⁴² *Schlampig* – небрежным, сделанным халтурно (нем.).

плач внешне так походил на смех.

Скребун был материалистом. Отчего же тогда слезы? Все люди естественным образом боятся смерти. И все же материалист, думая о том, что за порогом смерти он просто исчезнет, наверное, боится переступить его больше других.

Пастор склонился над тюфяком крэнка, но лишь увидел собственные бесчисленные отражения в этих странных золотистых глазах. Они не плакали, просто не могли, но, если так, откуда истекает этот меланхолический дух?

Крэнкам не было равных в проявлениях чувств; настроения усиливались постоянной сдержанностью, словно черный порошок в бумажных трубках Бэкона. Они плакали горше, сердились яростней, праздновали неистовой и повесничали безмятежней любого лентяя. Но они не знали поэзии и не пели песен.

Возможно, человек считал себя счастливым, пребывая в неведении, когда существование было тяжелей, чем ныне, до появления водяных колес, очков и механических часов. Так же и крэнки могли жить в довольстве, пока не очутились в Хохвальде.

Дитрих отправился в кладовку, решив набрать крупы для каши. На подоконнике над мешком стояла фляжка Скребуна, сделанная из белого, полупрозрачного материала, крэнк называл его «горным маслом». В лучах солнца, проникающих сквозь окно, затянутое бычьим пузырем, хорошо был виден уровень содержимого внутри. Пастор взял фляжку в руку.

Он не ошибся. Жидкости в ней явно стало меньше.

Вернувшись в дом, Дитрих пристально посмотрел на философа. *Я знаю, отчего ты плачешь, друг мой.* Дух желал одного, но плоть слаба, и страх заставил Скребуна откупорить сосуд, отвращающий все чувства.

– Ты знаешь, что он пил? – спросил священник монаха, склонившегося в молитве.

Бормотание Иоахима прервалось, и Минорит коротко кивнул:

– Вот с этой самой ложки я кормил больного. Я вливал в него его друзей и товарищей. Пути Господа неисповедимы. Тело всего лишь оболочка, истинен лишь дух. Мы чтим наше тело как созданное по образу Божьему, но *их* тела не подобны Ему и, следовательно, могут употребляться недопустимым для нас образом.

Дитрих не стал оспаривать казуистику и просто наблюдал за тем, как монах соскребает с кожи прищельца яркие темно-зеленые гранулы, выступившие на теле, и сыпает их в мусорное ведро.

– Но если тело проглочено, – спросил пастор, – что останется для воскрешения умершего?

Иоахим начисто протер кожу странного создания:

– Что остается, когда тело съедают черви? Не ограничивай волю Господа. Для Него все возможно.

* * *

Вскоре после Рождества Иоанна Крестителя со стороны Медвежьей долины на ослах, навьюченных всяким добром, приехал коробейник. Он попросил дозволения герра на несколько дней поставить свою палатку на деревенской лужайке. Смуглый, с густыми усами, браслетами на запястьях и золотыми кольцами в ушах, мужчина развел огонь под лудильным тиглем и посулил людям чудеса починки. Торговец выставил на продажу украшения, которые приобрел на Востоке, и назвал себя Имре, утверждая, что в нем течет венгерская кровь. Пошла бойкая торговля всяческими безделушками и чинеными кастрюлями и сковородками.

На следующий день, ближе к Анжелюсу, Дитрих подошел к нему, когда торговец собирал свое добро на ночь.

– Вы хотите что-нибудь починить? – спросил человек.

– Вы далеко от дома, – предположил священник. Вопрос заставил того весело пожать плечами:

– Тот, кто сидит дома, не коробейник, – ответил собеседник Дитриха. – Разве что Сопрон-лавочник. Торговать с соседями, какая выгода? Что делаю я, то делают и они. А видели ли вы что-нибудь подобное? – Он с головой нырнул в сундук и вытащил белую ленту, украшенную рыбами и крестами, с красной и синей окантовкой. – Видели когда-нибудь такой прекрасный *паллий*?²⁴³

Дитрих сделал вид, что оценивает ткань на ощупь:

– Вы бы получили за него большую цену в Вене или Мюнхене, чем в маленькой горной деревушке.

Венгр облизнул губы и бросил взгляд по сторонам. Потянул себя за ус:

– Городские цеха не жалуют коробейников, но здесь их встретишь не часто, так?

– Чаше, чем вы думаете, друг Имре. До Фрайбурга совсем недалеко. – Дитрих не стал говорить о том, что с недавних пор рассказы о демонах заставляли всех держаться отсюда подальше. Мысль же о том, что коробейник мог выслеживать неосторожных крэнков, Дитрих отбросил сразу же. – Теперь, если ты мне вернешь брошь Фолькмара, я дам тебе один совет. Подмена металла – роковой шаг для такой маленькой деревни, где жители знают свои безделушки куда лучше, чем горожане. – Имре ухмыльнулся, порылся в мешке и достал украшение. Дитрих проверил застежку, та оказалась починена с большим искусством. – Человек твоего ремесла не должен пускаться на такие ничтожные кражи. – Он отдал крошечный предмет, который подменил коробейник. – Если тебя хоть раз уличат в воровстве, кто будет торговать с тобой?

Имре бросил брошь в мешок, безмятежно пожав плечами:

– Умелому человеку тоже надо есть. Думайте, будто фогт хотел, чтобы я продал за него брошь во Фрайбурге. Надури жену, сохрани деньги.

– Тебе лучше уехать, – сказал ему Дитрих. – Фолькмар скажет остальным.

Тот снова пожал плечами:

– Коробейник приезжает, коробейник уезжает. Иначе какой из него коробейник?

– Но не иди в Страсбург или Базель. Там появилась чума.

– Ого... – Венгр посмотрел на восток, в сторону Медвежьей долины. – Что ж. Тогда я не пойду туда.

* * *

Торговец вернулся в Оберхохвальд через три дня, хотя Дитрих узнал только после полудня. Манфред отправился на прогулку с Ойгеном и одним из рыцарей замка и наткнулся на венгра по дороге в Нидерхохвальд. Имре заявил, что должен поговорить с герром наедине, и тот отвел его в сторонку. Ойген не спешил и находился поблизости. Услышав, как господин ахнул, и подумав, что на того предательски напали, юноша лишил коробейника чувств, плашмя ударив мечом, чем совершил большую несправедливость, как, среди прочего, объявил Манфред на совете, торопливо собранном вскоре после этого в приемном зале.

– В Брейсгау чума, – сказал он без лишних промедлений.

XXII

Июнь, 1349

До службы девятого часа. День поминовения первомучеников Римской церкви. 30 июня

²⁴³ *Паллий* – элемент литургического облачения папы римского и старших епископов католической церкви. Представляет собой узкую ленту из белой овечьей шерсти с вышитыми шестью черными, красными или фиолетовыми крестами.

«Чума подкрадывается к нам», – подумал Дитрих. Она шаг за шагом приближается все ближе, от Берна к Базелю, от Базеля к Страсбургу, теперь повернула к Фрайбургу. Двинется ли она в горы? Болезнь перемахнула Альпы, и вскарабкаться на Катеринаберг будет для нее делом нетрудным.

– Этот Имре доехал до просеки у Церковного сада, – продолжил Манфред, – где столкнулся с отрядом фрайбуржцев, несущихся *кентером*¹ по направлению к ущелью. Их было около дюжины: купец, судя по накидке, его супруга, служанки и слуги в ливреях, и еще несколько человек. Они бы затоптали коробейника, не поспеши тот оттащить ослов к краю дороги. С одной из навьюченных лошадей упал тюк, когда они проезжали мимо, и купец приказал слуге приторочить груз на место, тогда как сам даже не остановился. Слуга исполнил приказание в величайшей спешке, роняя одеяния и другое добро на землю и подбирая все непослушными пальцами. Имре помог ему закрепить поклажу.

– Скорее, это он дернул за тюк, когда те проезжали мимо, – сказал Клаус, и некоторые присутствующие нервно захихикали.

Кентер – легкий галоп.

Манфред даже не улыбнулся:

– Именно тогда слуга сказал ему о чуме и о том, что во Фрайбурге ежедневно умирают сотнями.

– Проверил ли он правдивость этих рассказов, мой господин? – настаивал Эверард. – Возможно, человек преувеличивал. Слуги – всем известные лгуны.

Манфред снисходительно посмотрел на него:

– Имре посчитал, что если такой ученый человек, как гильдейский купец, полагает разумным спастись бегством на восток, то тем большей глупостью будет продолжать ехать на запад. Слуга с вьючной лошастью быстро оторвался от Имре, однако вскоре тот наткнулся на его груз, рассыпанный вдоль дороги в ущелье. Венгр предположил, что из-за неровностей пути поклажа опять отвязалась, а без окрика хозяина слуга на сей раз все бросил и сбежал. Коробейник посчитал, что ткани слишком хороши, и не оставил их валяться, а добавил их к своему товару.

– Я не сомневаюсь, – сказал Клаус, – что тюки упали не без помощи этого мошенника. – Он сказал это слишком торопливо и резко, потирая руки, обводя глазами собравшихся.

– Еще чуть дальше, – мрачно продолжил Манфред, – Имре наткнулся на тело жены купца, лежавшее там, где она свалилась с лошади. Ее лицо посинело и раздулось в агонии, изо рта сочилась черная желчь. При падении она сломала шею.

На сей раз Клаус не нашелся что ответить. Эверард побледнел. Юный Ойген закусил губу. Барон Гроссвальд не пошевелился. Дитрих перекрестился и помолился за незнакомую ему женщину.

– И ее муж не остановился помочь ей? – спросил он.

– Как и слуга. Имре говорит, что из жалости накрыл тело одной из простыней из того узла, не осмелившись ни на что более. Но, – Манфред немного сгорбился в высоком кресле, – я сказал еще не все. Коробейник признался, отчего бежал на запад. Чума пришла в Вену еще в мае, а этим месяцем в Мюнхен, но он молчал из страха, что мы прогоним его.

На сей раз в восклицаниях не было недостатка. Эверард выбрал торговца. Клаус воскликнул, что Мюнхен, в конце концов, находится далеко отсюда, зараза скорее могла направиться на север в Саксонию, нежели на запад в Швабию. Ойген выразил опасение, что болезнь окружает их с востока и запада. Пастор озабочился судьбой евреев, которые отправились туда в сопровождении людей герра.

Барон Гроссвальд, до сих пор безмолвный, повысил голос

– Болезнь порождается бесчисленными созданиями, слишком маленькими для того, чтобы о них помыслить, и переносящимися различным способом – прикосновением, дыханием, с дерьмом или мочой, даже с ветром. Неважно, в какую сторону он дует.

– Какая глупость! – вскричал Ойген.

– Вовсе нет, – сказал Дитрих, уже слышавший эту теорию от Ганса, равно как и от врача крэнков. – Марк Варрон однажды предположил ровно то же самое в «*Dererustica*» ...²⁴⁴

– Это все очень интересно, пастор, – прервал его Клаус высоким, неестественным голосом, – но чума не похожа на остальные недуги и потому может не распространяться так, как заболевания монстров. – Затем обратился к Увальню: – Можете ли вы поклясться, что сказанное вами о *своих* «маленьких жизнях», верно и для *нас*? Я не раз слышал, как ваши соплеменники говорили о различиях между нами.

Увальень махнул рукой:

– Что может быть, то может быть; но, что есть, то будет. У меня иные заботы, чем этот ваш «*дурной воздух*». Вы выживете или умрете, хотя и отрицаете последнее, тут уж как повезет с «маленькими жизнями». А вот мы можем только умереть. – Из-за бесстрастности тона говорящей головы от его заявления повеяло холодом. Дитрих хотел сказать монстру, что его доказательство неверно, а выведенное следствие неправильно. Что *должно быть*, будет; но чего не должно, то не обязательно, ибо может измениться по воле Божьей.

Тут Манфред ударил по столу рукоятью своего кинжала. Дитрих заметил при этом, как побелели костяшки пальцев герра.

– Разве твой доктор не может приготовить для нас лекарства? – спросил он. – Если чума естественна, то и лечение ее естественно, а у нас в деревне нет противоядия.

Увальень покачал головой почти как человек:

– Нет. Наши тела – и ваши, как я предполагаю, – натуральным образом имеют внутри себя множество «маленьких жизней», с которыми мы живем в равновесии. Следует осторожно направить соединение антижизни²⁴⁵ так, чтобы оно поразило только вторгнувшихся извне. Ваши тела слишком странны для нас; мы не сможем различить, кто среди «маленьких жизней» друг, а кто враг, даже если нашему врачу и знакомо это искусство. Немалое умение требуется, чтобы создать соединение, которое выследило бы и уничтожило вторгнувшиеся «маленькие жизни». Создать чисто умозрительно новое вещество для живых существ, чье строение ему неизвестно, – это выше его сил.

Повисла тишина, и Манфред какое-то время сидел неподвижно под взглядами своих вассалов. Затем оперся обеими руками о стол и рывком поднялся, заставив глаза всех, за исключением Увальня, обратиться на него.

– Вот как мы поступим, – возвестил Манфред. – Всякому известно, что иметь контакт с больным смертельно. Мы должны оградиться и не иметь никаких связей с внешним миром. Никто не должен воспользоваться дорогой, идущей через деревню. Всякий, кто придет сюда из Фрайбурга или откуда-либо еще, должен обойти нас стороной, через поля. Всякий, кто попытается войти в деревню, будет остановлен – силой оружия, если потребуется.

Дитрих медленно вздохнул, не отрывая взгляда от рук, затем перевел его на Манфреда:

– Нам завещано проявлять милосердие к больному. Тихий вздох пробежал вокруг стола. Кто-то потупил глаза, устыдившись, остальные бросали на него свирепые взгляды. Манфред стукнул костяшками по столу:

– Это не проявление немилосердия, ибо мы ничем не сможем им помочь. *Ничем!* Мы всего лишь позволим чуме проникнуть сюда.

Это заявление вызвало громкое одобрение со стороны всех присутствующих, за исключением Дитриха и Ойгена.

– Ходят слухи, – добавил Манфред, – что мы дали пристанище демонам. Очень хорошо. Пусть знают. Пусть крэнки летают, где им вздумается. Пусть их увидят в

²⁴⁴ Варрон (Varro), Марк Теренций (116 – 27 гг. до и. э.), – римский ученый-энциклопедист и писатель, автор трактата «О сельском хозяйстве».

²⁴⁵ Речь идет о микробах и антибиотиках.

монастырях Св. Блеза и Св. Петра, во Фрайбурге и в Оберрайде. Если народ будет бояться прийти сюда, нам, возможно, удастся не подпустить... смерть.

* * *

В тот же вечер Дитрих организовал покаянную процессию на завтра, чтобы вознести молитвы о заступничестве святой Деве Марии и святой Екатерине Александрийской. Процессия пойдет босиком, в лохмотьях, кающиеся грешники посыплют головы пеплом. Циммерман возьмет большой крест с алтаря, а Клаус понесет распятие на спине.

– Немного запоздало, пастор! – пожаловался Эверард, когда ему об этом рассказали. – Вас послали сообщить нам Господню волю! Почему вы раньше не предупредили нас о Его гневе?

– Это конец мира, – спокойно произнес Иоахим, возможно, даже с удовлетворением. – Конец среднего века. Но новый грядет! Петр сходит, Иоанн заступает! Кто будет достоин жить в эти времена?

Правда, эсхатология монаха, скорее всего, стоила столько же, сколько жалобы Эверарда, шутки Клауса или суровость Манфреда.

Покончив с приготовлениями, Дитрих преклонил колени в молитве. *Не забывай, о Господи, о завете Твоем и накажи ангелу карающему: удержи свою руку, и не предай опустошению землю, и да не оставь ее без единой живой души.* Когда священник поднял глаза, то увидел странный железный крест Лоренца и вспомнил о кузнеце. Станный и кроткий человек, в котором Господь смешал разом силу и мягкость; человек, который умер, пытаясь спасти безобразного чужестранца от невидимой угрозы. В чем заключался здесь Промысел Божий? И в чем состоял замысел Господа, когда он заставил несдержанного и сердитого крэнка принять имя Лоренца – и вместе с ним вобрать столько кротости, сколько могла принять природа пришельца?

Поднявшись с аналая, Дитрих увидел сидящего позади него на корточках Ганса. Натянув упряжь на голову, он пожурил гостя:

– Ты должен хоть как-то давать знать о себе, когдаходишь, друг кузничик, или у меня однажды случится разрыв сердца от неожиданности.

Мягкие губы создания чуть разошлись в мимолетной улыбке.

– Для нас шум – признак бестактности. В атомах нашей плоти записано не издавать звуков, и те, кому это удастся лучше всего, вызывают восхищение и считаются самыми привлекательными. Когда наши предки были животными без разума и речи, их преследовали ужасные летающие создания. И потому в языческую эпоху мы поклонялись пикирующим, вселяющим ужас богам. Смерть была освобождением от страха и единственной наградой.

– «Не бойся». Наш Господь говорил это чаще всего остального.

Ганс щелкнул уголками губ:

– У вас действительно суждение в голове, что завтрашняя процессия остановит чуму и преградит путь «маленьким жизням» в горные леса?

– Если формулировать так, как ты сказал, то нет. С тем же успехом можно молитвой пытаться остановить несущуюся галопом лошадь. Но мы молимся не за этим. Господь – не дешевый фокусник, чтобы играть за пфенниг.

– Зачем тогда?

– Затем, чтобы направить помыслы к самому важному. Все люди умирают в свой черед, как и крэнки. Но значение имеет то, как встретишь смерть, ибо получаем загробную жизнь по заслугам нашим.

– Когда ваш народ выражает покорность, то преклоняет колени перед герром. У нас же принято садиться вот так, как сейчас видишь.

Дитрих согласился с этим и, помолчав, спросил:

– А зачем ты молился?

– Поблагодарить. Я должен умереть, но, по крайней мере, жил. Мои спутники погибли,

но я знал их. Если мир жесток, то я хотя бы испытал его доброту. Я должен был оказаться на другом конце неба, чтобы вкусить ее, но, как ты говоришь, мир полон чудес.

– Значит, у вашего народа нет надежды?

– Только одно лишает всех шансов на смерть – сама смерть. Послушай меня, Дитрих, я расскажу тебе о суждении, которое познал мой народ. *Тело может укрепиться с помощью упражнения духа*. Понимаешь? Можно приветствовать смерть и поэтому найти ее.

Другой может желать выжить, и в одной только воле подчас таится разница судеб. Если молитвы и процессии питают вашу *energia*, вы сможете лучше сопротивляться проникновению «маленьких жизней» в тело. Я же нашел ответ своим молитвам.

– И каков он?

Ганс не стал отвечать. Он скакнул к ложу умирающего Скребуна и прикрепил к стене перед глазами философа яркую красочную картинку с пейзажем луга, которую Дитрих впервые заметил на «демонстрационной доске» Скребуна. Затем Ганс сел на корточки и замолчал, заговорив только спустя несколько минут:

– У каждого крэнка есть суждение в голове, что он должен вновь увидеть гнездо, где родился. Вы называете это *Heimat*. Куда бы он ни держал путь через мир-внутри-мира, какие бы диковинки ни находил в далеких краях, для него существует только один дом. – Ганс резко встал: – Наш корабль отплывет через неделю-другую. Не больше. – Не прибавив ни единого слова, он покинул пасторат.

* * *

После покаянной процессии всю неделю в Оберхохвальде царила странная и любопытная атмосфера. Люди часто смеялись и веселились, а друг другу говорили, что Мюнхен и Фрайбург слишком далеко, и все случившееся никак не затронет горные леса. Народ забросил бороны ради состязаний в поле. Фолькмар Бауэр дал Никелу Лангерману мясной пирог, а его жена стала присматривать за маленьким Петером, заболевшим ящуром, от которого уже умерла его мать. Якоб Беккер обошел деревню и оставил по каравая хлеба на пороге каждого дома и по два перед каждой хижинкой, а после навестил могилу сына.

Грегор с сыновьями привели Терезию Греш на мессу по случаю пятой седмицы сошествия Святого Духа. Эту литургию посетило больше прихожан, чем обычно, и Грегор после нее сказал, что если бы люди испытывали страх почаше, то их деревня превратилась бы в райское место, и засмеялся, словно удачно пошутил.

Дитрих возблагодарил Небеса за вновь обретенное согласие, но, когда за неделю так ничего и не случилось, жизнь в деревне медленно вернулась в привычное русло. Свободные арендаторы вернулись к надменному обращению с батраками и сервами; конные состязания в полях прекратились. Пастор задался вопросом, не покаянное ли шествие укрепило дух селян перед дурными испарениями, как то предполагал Ганс; но Иоахим в ответ на такое предположение лишь рассмеялся:

– Насколько искренним было покаяние, что выветрилось так быстро? Нет, подлинное раскаяние должно быть дольше, шире, глубже, ибо грех так давно на нас.

– Но чума – это не кара, – настаивал Дитрих. Монах отвел глаза.

– *Не говори так*, – яростно прошипел он в замкнутом пространстве деревянной церкви. Статуи, казалось, отозвались в ответ потрескиванием и стонами. – Чума слишком страшна, чтобы не иметь дополнительного смысла.

* * *

Той ночью тихо скончался Скребун. Иоахим плакал, ибо философ так и не принял Христа и умер вне лона Церкви. Ганс сказал только одно:

– Теперь он знает.

Дитрих, чтобы утешить слугу говорящей головы, сказал, что Господь может спасти тех,

кого пожелает, и что на небесах есть лимб, уготованный для праведных язычников, место естественного счастья.

– Испытываю ли я то, что вы называете «скорбью»? – печально рассуждал крэнк. – Мы не *плачем* так, как это делаете вы; потому, возможно, и не *чувствуем* так, как вы. Но в моей голове есть суждение, что больше я не увижу Скребуна, теперь он не даст мне наставлений и не ударит за проступок. Уже давно я не проявлял *почтения* к нему – я пользуюсь вашим выражением – и с той поры взглянул на него по-иному. Не так, как слуга смотрит на хозяина, но как

слуга смотрит на другого слугу, ибо разве мы оба не принадлежим высшему Господину? В моей голове есть суждение, что это каким-то образом порадовало бы его, ведь даже невыносимо от мысли, что я его разочаровал.

Он отвернулся к окну, глядя с Церковного холма на деревню и дальше на Большой лес.

– Он не пил, а я... Силы, от которых отказался Скребун, дали мне возможность починить корабль. Кто из нас прав?

– Я не знаю, друг мой, – сказал Дитрих.

– А Увалень пил *и ничего не делал*.

Пастор не ответил. Губы крэнка медленно шевелились.

Какое-то время спустя пришла врачиха с двумя другими пришельцами, и они унесли бранные останки философа на корабль, чтобы приготовить из него пищу для остальных.

* * *

В пятницу, на день поминовения первомучеников Римской церкви, крэнки покидали горные леса. Манфред устроил прощальную церемонию в приемном зале манора, пригласив предводителей чужестранцев и тех, кто приютил их. Пастушке он приподнес жемчужное ожерелье, барону Гроссвальду – серебряную корону, чтобы отметить его ранг. Возможно, впервые, подумал Дитрих, Увалень расчувствовался. С величайшей осторожностью он возложил почетный знак себе на голову и, хотя Пастушка и раскрыла губы в крэнковской улыбке, рыцари и воины приветствовали его оглушительным «Хох!», чем немало перепугали пришельцев. Манфред призвал к себе Дитриха, Хильду и Макса: – У меня не хватило духу запретить им. Ветрила их корабля полностью починены, и у них нет более причин задерживаться здесь. – Он помедлил. – Если они останутся, то последуют за бедным Скребуном в могилу. Так как вы были первыми, кто встретил их, я отправляю вас освятить их судно. Надеюсь на их скорое возвращение – теперь, когда им известно, какие ветры принесли их сюда. Барон Гроссвальд пообещал вернуться с искусными докторами и аптекарями, которые могут помочь нам против чумы.

– Герр, – сказал Дитрих, – их ветрила... – Он не смог продолжить и сказал только: – Я тоже желаю им попутного ветра и спокойного моря.

Они поскакали на конях Манфреда мимо золотых полей к прогалине, на которой лежал корабль крэнков. Священник предложил оставить коней у печи углежогов и пройти оставшийся путь пешком, чтобы близость стольких крэнков не напугала животных. Дитрих заметил, что ныне на поясе Макс носил суму, в которой покоился ручной *pot de fer*.

– Ты, в конце концов, заполучил один из них, как я вижу. Тот ухмыльнулся и аккуратно вытащил механизм:

– Прыгающий Макс дал его мне, прежде чем они отбыли на корабль.

– А что ты станешь делать, когда кончатся снаряды? Макс пожал плечами:

– Я так похож на дурака? Они научили нас безопасно получать черный порох, и этого достаточно. Чтобы изготовить пули для этого устройства, требуются такие познания в механике, которыми мы не обладаем. Снаряды для наших метательных орудий не подходят ни по размеру, ни по форме. Но это чертовски искусно выкованная вещица, и я сохраняю ее ради красоты и как напоминание обо всех тех невероятных событиях, что произошли за этот год.

– Вчера вечером Иоахим просил Пастушку и остальных остаться.

Макс дернулся:

– Он так их ненавидит? Если они останутся, то умрут.

– Он верит, что нашей великой задачей было обратить этих созданий к Христу, и только эта задача отвращала чуму от селения. Если крэнки уедут некрещеными, говорит он, придет чума.

Макс засмеялся:

– Монах по-прежнему называет их демонами? Я помогал отвозить тела слишком многих чужестранцев, чтобы еще верить в это.

Хильда присоединилась к ним у подножия отрога. Она передала Дитриху узел с его облачением. Макс нес ведро и кропило.

– Я буду рада, когда они уедут, – призналась женщина, – и все пойдет своим чередом.

Дитрих взял спутников за руки:

– Ваши гости сказали вам хоть что-то об этом путешествии? Пастушка? Август? Кто-нибудь?

– А что? – спросил Макс. – Что-то не так? Дитрих разжал руки:

– Я не знаю, ужасный ли это грех или деяние надежды. Пойдемте.

С этими словами он повел их вверх и вниз по отрогу, где крэнки готовились к отправлению. Их было меньше, чем прежде, и многие пребывали в крайней стадии своей необычной болезни, когда вся кожа покрывалась пятнами. Большая их часть стояла или сидела на корточках в одиночестве, но некоторые поддерживали совсем ослабевших под руки или несли их на соломенных матрасах. Все молчали. Барон Гроссвальд поставил стол и разместил на нем хитроумные устройства, дабы повторить на языке крэнков слова Дитриха.

– Ты должен поспешить, – сказал он по закрытому каналу связи, – иначе наша решимость может поколебаться.

Дитрих кивнул в знак понимания и облачился в пурпурные одежды, используемые на мессе, – дело касалось странников и богомольцев. Конечно, он не служил литургию, но по такому случаю молитвы были более чем уместны.

Пастор перекрестился.

– *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti...* ²⁴⁶ – Несколько крэнков повторили жест за ним. Ветер зашумел, сгибая ветви и заставляя присутствующих наклоняться. – Призри на меня, Господи, – начал Дитрих, – и помилуй меня, как поступаешь с любящими имя Твое. Утверди стопы мои в слове Твоем и не дай овладеть мною никакому беззаконию. Господи Иисусе Христе, Боже наш, истинный и живой Путь, странствовавший с Иосифом и с Пречистой Твоей Матерью девой в Египет, возжелавший идти с Лукой и Клеопой в Эммаус! И ныне смиренно молим Тебя, Владыко Пресвятой, с рабами Твоими Твоей благодатью пребудь. И, как рабу Твоему Товии, ангела-хранителя и наставника пошли, сохраняющего и избавляющего их от всякого злого действия видимых и невидимых врагов и наставляющего к исполнению заповедей Твоих, в мире же и благополучии и здравии сохраняющего и невредимыми и благополучными возвращающего. И даруй им все благое свое намерение во славу Твою исполнить. Ибо Ты волен миловать и спасать нас, и Тебе славу воссылаем со Безначальным Твоим Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Пастор двинулся вокруг корабля, окропляя его святой водой, которую Макс нес в ведре, и закончил ритуал начертанием крестного знамения над собравшимися крэнками и словами «идите с Богом». После этого пилигримы, храня молчание, стали подниматься на борт судна. Некоторые из них, проходя мимо, кланялись или опускались на колени перед Дитрихом, хотя он и думал, что это не более чем проявление вежливости.

– Прощайте, крэнки мои, – говорил священник вновь и вновь. – Да пребудет с вами

²⁴⁶ *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti...* – Во имя Отца и Сына и Святого Духа... (Лам.)

Господь.

Одна из них сказала по закрытому каналу:

– Я унесу с собой домой твое слово о любви-к-ближнему. – Дитрих дал ей особое благословение, хотя и не спускал глаз с проходящих мимо прищельцев.

– Что вы ищете? – спросил его Макс.

– Лицо. – Однако странным образом, хотя он и научился распознавать их, стоящие рядами крэнки снова походили друг на друга, как это было тогда, когда он увидел их впервые. Как будто накануне своего отправления они снова стали неразличимы.

Возможно, Ганс и члены его группы уже находились внутри.

Некоторые крэнки медлили перед трапом, часть даже оборачивалась назад. Таких оруженосцы Увальня подгоняли ударами и толчками. Среди этих стражников оказался Фридрих, вставший на сторону Ганса и Готфрида, когда те бросили вызов Гроссвальду. Заметив взгляд Дитриха, он замер, а затем бросился сквозь толпу паломников на корабль.

Пастушка и Гроссвальд поднялись на корабль последними. Капитан корабля замер и, казалось, хотел что-то сказать, но лишь улыбнулся на свой манер.

– Возможно, чудеса случаются.

Пастушка шла позади всех. Она остановилась на полпути по трапу и обвела взглядом прогалину.

– Станный мир, странные люди, – сказала она. – Прекрасный, но убийственный. Есть и другие опасные берега, но нет других столь же мучительных. – Она повернулась, когда Дитрих протянул ей три упряжи для переговоров.

– Они больше не нужны нам, – сказал он, хотя теперь Пастушка не могла его понять.

Но она лишь прикоснулась кончиком пальца к *mikrofoneh* и оттолкнула устройства к Дитриху, вместе со своей упряжью. На верхней ступеньке трапа Пастушка прочирикала напоследок так и не переведенные слова, затем скрылась внутри. Дверь за ней захлопнулась, а трап с лязгом втянулся в предназначенный для него проем.

Дитрих хотел посмотреть, как корабль скроется из вида, его снедало любопытство. Ганс настаивал на том, что корабль движется на подушке магнетизма по направлению «внутрь всех направлений». Пастор читал в Париже *Epistola de magnetis* ²⁴⁷ Пьера Марикурта и помнил, что магниты имеют два полюса, отталкивающиеся друг от друга; значит, сказанное Гансом допускалось натурфилософией. Но что крэнк имел в виду, когда говорил о том, что «внутренние направления» убывают вне зависимости от положения наблюдателя? Марикурт – «Мастер Петр» Бэкона – писал: исследователь «усердный в применении своих рук... скоро устранит ошибку, на исправление которой ушла бы вечность, прибегни он к одним лишь познаниям натурфилософии и математики». И потому Дитрих решил наблюдать за отправлением корабля крэнков, а если он, Макс и Хильда будут делать это с разных точек, то удастся проверить утверждение Ганса, что корабль станет удаляться во всех направлениях одновременно.

Однако после того, как пастор объяснил свой *experientia* ²⁴⁸ и Макс с Хильдой разошлись в указанные точки, несколько крэнков набросились на них и, схватив своими длинными зазубренными руками, потащили за гребень горы.

* * *

Крэнки пригвоздили их к глинистой земле и обездвижили. Макс орал и тщетно пытался дотянуться до своего *pot de fer*. Хильда пронзительно кричала. Сердце Дитриха билось о ребра, словно птица в клетке. Крэнк, прижимавший его к земле, сомкнул уголки своих губ,

²⁴⁷ *Epistola de magnetis* – «Письма о магните» (1269).

²⁴⁸ *Experientia* – опыт, эксперимент (лат.).

но Дитрих не мог ничего разобрать без упряжи на голове. Хильда начала всхлипывать.

– Ганс? – спросил Дитрих, поскольку на державшем его пришельце были надеты кожаные рейтузы и свободная, неуклюже сидящая домотканая блуза. Крэнк открыл жвала, может, хотел ответить, а может, перекусить ему шею пополам, когда внезапный порыв ветра согнул верхушки берез и елей. Сучья затрещали, в воздух поднялись птицы. Сквозь кусты молнией промчался олень. Странное напряжение сдавило Дитриха, он втягивал в себя воздух и ждал. То же самое творилось тем утром, когда крэнки прибыли, только не так сильно.

Ужас и беспокойство пробежали по его телу, подобно потоку по мельничному колесу. Ветер завыл, а молнии стали прочерчивать огненные кресты, ударяя в деревья и воспламеняя ветви. Раскаты грома эхом отдавались о Катерина-берг, нагромождаясь друг на друга и медленно затихая вдали.

Непродолжительная буря стихла. Деревья какое-то время еще гнулись, затем замерли. Крэнки, прижимавшие Дитриха и его спутников к земле, выпрямились и стояли совершенно неподвижно, только их усики качались из стороны в сторону. Дитрих тоже втянул в себя воздух и почувствовал слабый металлический и едкий запах. Головы кузнечиков чуть повернулись, и Дитрих понял, что они смотрят друг на друга. Ганс что-то прощелкал, а Готфрид тронулся со своего места среди деревьев с несколькими большими ящиками и разнообразным снаряжением, карабкаясь вверх по склону.

Оттуда он что-то коротко и жарко протрещал, и двое, державшие Макса и Хильду, как и четверо прочих, поджидавших в лесу, понеслись к гребню отрога, где, после нескольких громких восклицаний, принялись тыкать друг в друга застывшими пальцами.

Дитрих и Макс поднялись на ноги. Секундой позже к ним присоединилась Хильда. Они последовали вслед за восьмью крэнками на вершину хребта.

Прогалина под ними была пуста.

После отплытия корабля остались только многочисленные пни, обломки деревьев и разбросанные клочки всего, что бросили или забыли при отправлении. Крэнки поскакали со склона, остановившись внизу в совершенном безмолвии.

Один из них наклонился и поднял какой-то предмет с земли, держа его с отсутствующим видом, но Дитрих, наблюдавший за всем с гребня, знал, что крэнк внимательно рассматривал эту вещь, поскольку он повернулся сначала в одну сторону, затем в другую. Именно так пришельцы вели себя, когда хотели получше рассмотреть что-нибудь своими странными глазами.

– Это устройство, – сказала Хильда, и Макс с Дитрихом разом повернулись к ней, – я часто видела его в руках их детей. Это какая-то игрушка.

Под ними крэнки опустили на корточки, задрав колени выше голов.

7

В наши дни: Шерон

Она слышала его голос откуда-то издалека, тоненький, словно стрекот насекомого, зовущий ее по имени. Но универсум был невероятным местом, чтобы просто уйти. Нет, не *уни-версум*, а *поли-версум*. *Двенадцать* измерений, а не одиннадцать. Триплет триплетов. Теперь стали понятны группы вращений и метаалгебра. Отклонение от нормы скорости света тоже подходит. Она сжала поливерсум, и ее пульс участился. Шустрый малый, этот Эйнштейн. Он понял все совершенно верно. Поворот. Калуца и Кляйн²⁴⁹ тоже не болваны. Изгиб и... Здесь! Если бы она скрутила его вот так...

²⁴⁹ В начале 1920-х гг. польский физик *Теодор Калуца* и шведский физик *Оскар Кляйн* допустили, что пространство-время имеет скрытое пятое измерение. Эта дополнительная размерность не является бесконечной, как другие измерения; она замыкается на себе, образуя окружность. В 1978 г. Эжен Краме, Бернар Жуля и Жоель Шерк в Париже установили, что супергравитация не только допускает существование до семи дополнительных измерений, но и наиболее четко описывается в 11-ти измерениях пространства-времени.

В подобные моменты человек погружается в измененное сознание, словно ускользающее в иной мир. Все вокруг отдаляется; само время, кажется, замирает. Движение останавливается. Солнце застывает. В такие моменты знаменитые математики делают таинственные пометки на полях.

Взгляд Шерон стал осмысленным, и она увидела, как на нее таращится Том.

– Я поймала! – сказала она. – Это было прекрасно. Я почти поймала его! Где мой блокнот?!

Он появился в ее руках, словно по волшебству, раскрытый на чистой странице. Шерон выхватила ручку из пальцев Тома и принялась яростно строчить. Походя изобрела новое вращение. *«Пожалуйста, дай мне вспомнить, что это значит»*. Пометила уравнение звездочкой и подписала: *«Верно!!»* Вздохнула и захлопнула книгу.

– Подожди, я скажу Эрнандо, – сказала она.

– Какому Эрнандо?

Шерон сердито посмотрела на Тома:

– Не знаю, злиться ли на тебя из-за того, что прервал ход моих мыслей, или радоваться, что ты притащил мой блокнот. Как догадался-то?

– Ну, обычно ты не выливаешь чай в яичницу. Только теперь она вспомнила, что завтракала. Перевела взгляд вниз и застонала:

– Наверное, я схожу с ума.

– В этом нет никаких сомнений. Я понял, что дело пахнет блокнотом, как только ты стала тупо пялиться в пустое пространство. – Он отправил ее тарелку в раковину, смыв пищу в мельницу для кухонных отходов. – Можешь взять яйца «в мешочек».

Шерон содрогнулась:

– Не понимаю, как ты можешь есть это. – Она стащила с его тарелки ломтик бекона.

– Я заметил, между прочим. Хочешь чая? Нет, я налью. Вскоре она прихлебывала «Эрл». Том поставил чайник на стол.

– Так что это было за Великое Открытие? Я никогда не видел, чтобы ты настолько отключалась от реальности.

– Ты же не разбираешься в теории великого объединения.²⁵⁰

А Шерон ничего не смыслила в клиологии; но Том знал нечто, о чем понятия не имела она, хотя еще и не понимал этого. Когда же говоришь и слышишь сам себя, мозг словно заново прополаскивает слова и чуть прочищает их суть. Когда Том пытался что-то объяснить Шерон, его ход мыслей становился более четким.

– Ты начни, – сказал он. – А я сяду, буду ласково улыбаться и кивать в нужных местах.

– Я не знаю с чего начать.

– С начала.

– Ну... – Она пригубила чай, как будто передумав. – Ладно. При Большом взрыве...

Том засмеялся:

– Постой! Когда я сказал «с начала», то не имел в виду Начало всего.

Шерон попыталась снова:

– Смотри. Почему яблоко упало на Ньютона?

– Он сел слишком близко к яблоне? Она резко отодвинулась от стола:

– Забудь.

– Ладно-ладно. Гравитация, верно?

Она помолчала, пристально оглядывая его.

– Ты интересуешься моей работой или нет?

– Разве я не держал блокнот наготове?

Держал. Как там принято говорить? «Не по словам судят, а по делам». И даже к

²⁵⁰ Теории великого объединения, GUT, – в физике элементарных частиц группа теоретических моделей, описывающих единым образом слабое электромагнитное и ядерное взаимодействие. Предполагается, что они являются частью единого силового поля и при чрезвычайно высоких энергиях объединяются.

лучшему, ведь его слова иногда так раздражают. Шерон перегнулась через стол и шлепнула его по руке.

– Ты прав, Том. Но я сейчас пытаюсь разобраться в этой проблеме, а потому не надо сбивать меня остроумными замечаниями. – Она едва не сказала «идиотскими».

Том пожал плечами и откинулся на стуле, явно поняв, какое слово имелось в виду на самом деле.

– Хорошо. Яблоко упало из-за силы притяжения. Разве это уже не открыли?

– А почему течет ток?

– Электромагнетизм. Я выиграл? – В его голосе послышалась мрачность.

– Почему бежит время?

Он уже открыл рот, потом закрыл и задумался.

– Из-за какой-то силы, – медленно произнес Том почти про себя.

«Попался!» – подумала Шерон. На этот вопрос ни один всезнайка не ответит.

– Именно. Для ускорения нужна сила. Так сказал дядюшка Ньютон. Взгляни на проблему с этой стороны. Мы не двигаемся вперед во времени; мы падаем вниз, притягиваемые временной гравитацией. Я называю ее «хронотацией».

«Притягиваемые чем? – спросила она себя. – Чем-то, находящимся в конце времени? Прямо по Аристотелю! Джексон бы взбесился. Или чем-то у начала времени. Богом. Ха! Нет, уж лучше тогда Большим взрывом. Нет смысла топтаться по больным мозолям завкафа».

– Или, может, нас что-то отталкивает, – продолжила она. – Я еще не решила, положительное или отрицательное значение у этой силы.

– Итак, – задумался Том. – В итоге, все-таки *tempus fugit*.²⁵¹

Конечно, он пообещал обойтись без остроумных реплик. И не нарушил слова.

Шерон вздохнула. На него было невозможно сердиться долго. Когда его дела шли хорошо, он вечно пребывал в отвратительно жизнерадостном настроении.

– Я знаю, мои формулы верны, – стала рассуждать вслух Шерон. – Мне надо узнать, соответствуют ли они действительности.

* * *

Многим следовало бы разделять эти два понятия. Одно дело – держать синицу в формуле; совсем другое – ухватить ее руками. Факт – это реализация, *factum est*. По-немецки *deedmatter*. Том, в последнее время больше читавший на латыни и средневековом немецком, чем на английском, сразу понял, что она имела в виду.

Но легче предположить наличие скрытых сил, таящихся за стенами мира, чем обнаружить их. В конце концов, не могла же Шерон просто снести эти стены?

Не могла, ведь так?

Никогда не стоит недооценивать решительно настроенную женщину. В ее руках вселенные становятся довольно хрупкими.

* * *

– ЦЕРН²⁵² может выделить мне время примерно через четыре месяца, – объявила Шерон Тому неделю спустя, хлопнув дверью, весьма довольная собой. – То есть они высидят мне цыплят, если я снесу им яйца.

Том кивнул, решив, что такой жест вызовет правильную реакцию. Он сидел за рабочим

²⁵¹ *Tempus fugit* – время летит (лат.).

²⁵² ЦЕРН (CERN, от фр. *Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire*) – Европейская организация по ядерным исследованиям, крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий.

столом, читая копию маноориальных отчетов Оберхохваляда, которую я отправил ему из Фрайбурга. В них недоставало многих страниц, и они обрывались за несколько лет до того самого момента; но, кто знает, где может таиться золото?

– Это пока все предварительно, конечно, – продолжила она. – ЦЕРН не может вернуться во времени достаточно далеко.

Он хотел кивнуть и на это тоже, но фраза явно требовала большей реакции.

– То есть?

– По-настоящему большие ускорители воссоздают условия, которые существовали через несколько секунд после Большого взрыва. Мы можем засунуть нос в шар и увидеть мир, в котором секунды были длиннее, а километры короче.

– И это поможет в?..

– Хронотация. Мне нужно подтвердить ее существование. А я не могу, пока мыслю настоящим, где все силы заморожены. Понимаешь, пятая сила опрокидывает парадигму. Силы классифицировались по двум осям: сильные – слабые и большого радиуса действия – малого радиуса действия. План казался настолько четким, все считали, что их может существовать только четыре.

– Эй, похоже на четыре элемента по Аристотелю, о которых мне рассказывала Джуди. У него друг другу противостояли теплое – холодное и влажное – сухое. Соединение теплого и сухого давало огонь...

В квартире жили только двое. Как Джуди удалось сюда протиснуться?

– Сейчас не Средние века, – огрызнулась Шерон. – А мы – не пленники суеверий!

– Чего? – переспросил Том, не понимая столь бурной реакции.

Шерон поставила портфель на рабочий стол, открыла его, замерев на мгновение, с отсутствующим видом уставившись на бумаги внутри. Спустя какое-то время клиолог спросил:

– Ну и какая сила, гм, самая сильная и имеет большой радиус действия?

Она взяла блокнот, обернулась с рассеянным видом и ответила:

– Электромагнетизм. А слабая с большим радиусом – гравитация.

– Может, я толстею, но по мне гравитацию трудно назвать хиленькой.

– Да, но тебе нужна целая планета, чтобы почувствовать ее, верно?

Том засмеялся:

– Хорошо. Гол в мои ворота.

– Малым радиусом характеризуются сильные и слабые ядерные взаимодействия.

– Подожди, – сказал Том. – Я сам догадаюсь, какая из них сильная.

Шерон швырнула блокнот на стол. Она ничего не сказала, но ее молчание прозвучало громче сердитых слов.

– Хорошо-хорошо. Так как хронотация входит в эту схему? – спросил ее Том.

– Она заново определяет границы. Большой и малый радиусы применимы только для трех пространственных координат. Остальные силы могут распространяться по скрытым измерениям. Понимаешь, силы искривляют пространство. Эйнштейн доказал, что гравитация – это искривление, вызванное существованием материи. Я имею в виду, Земля вращается вокруг Солнца, верно?

Том последнее время не вылезал из средневековых документов, и этот вопрос показался ему странно противоречащим фактам. Земля находилась в центре, а Солнце вращалось на четвертом небе. Отсутствие заметного смещения неподвижных звезд развенчало гелиоцентризм столетия назад. Но теперь он знал, как избегать «всезнайских» ответов, и если бы чаще помнил об этом, то его жизнь стала бы намного легче.

– Правильно...

– Так откуда Земля знает, что Солнце именно там? На расстоянии нет действия, так ведь? Ответ: Земля понятия не имеет о Солнце. Она всего лишь идет по пути наименьшего сопротивления и катится вдоль кромок туннеля. И если гравитация – это искривление пространства-времени, то что тогда электромагнетизм?

Том был не дурак. Он знал, когда его кормили с ложечки ответами, потому воззрился на настольную лампу, пытаясь представить, что это в действительности искривление пространства.

– Но чтобы это заработало, Калуге и Кляйну пришлось добавить Вселенной несколько дополнительных измерений. Затем мы открыли ядерные силы и попытались создать модели деформации для них. Когда дым наконец рассеялся, у нас на руках оказалось одиннадцать измерений.

У Тома отвисла челюсть.

– *Merde* !²⁵³ Ты хочешь сказать, физики добавляли воображаемые измерения всего лишь для того, чтобы согласовать полученные знания с метафорой искривленного пространства? Астрономы в таком случае могли бы выдумывать разные деференты и эпициклы для сохранения системы Птолемея.

– Эти измерения не более воображаемые, чем «силовые поля» Ньютона. Их не с потолка взяли. Определенные законы симметрии...

Том поднял руки:

– Хорошо-хорошо. Я сдаюсь.

Он вовсе не собирался сдаваться, и Шерон знала это.

– А давай без снисходительности! Это физика. Это *реально*. И это в черт знает сколько раз важнее того, почему забросили какую-то немецкую деревню в забытой Богом глуши, когда, очевидно, все в ней перемерли!

Она допустила серьезную ошибку, и дело было даже не в фактах. То, что случилось с людьми, может быть намного важнее, чем происходящее с физическими теориями. Но эти слова оказались дурными и с частной точки зрения. Шерон породила искривление в личном пространстве, и сила эта отталкивала.

Том поднялся:

– Мне надо сходить в библиотеку. У меня встреча с Джуди.

– Еще немного Эйфельхайма? – спросила Шерон, не поворачивая головы. Но смысл вопроса коренился не в этих трех словах. Английский и впрямь тоновый язык – если вы различаете интонации.

– *Tempus fugit* – произнес клиолог после паузы, отвечая совсем не на тот вопрос, который она задала. – *Quae fuerant vitia mores sunt*.²⁵⁴

Шерон не ответила. Он вытащил распечатки и запихал их в сумку, в которой носил ноутбук. Джуди казалась хорошенькой, особенно при нынешней моде на здоровых, активных и инициативных женщин. Не потому ли Том нашел ее привлекательной? Почему так допытывался про Эрнандо?

– Ты мне действительно нравишься. Том перекинул сумку через плечо:

– Хорошо бы, ты говорила мне об этом время от времени.

– Это непреложный факт, как гравитация. О нем не нужно постоянно напоминать.

Он серьезно посмотрел на нее:

– Напротив. Особенно когда стоишь у обрыва.

Она посмотрела в сторону, возможно ожидая увидеть пропасть. Том подождал какое-то время, но так ничего и не услышал в ответ и пошел к двери. Уже на выходе бросил взгляд назад, но Шерон даже не пошевелилась.

* * *

Она должна была поделиться с кем-то и рассказала все Эрнандо.

²⁵³ *Merde!* – Дерьмо! (Фр.)

²⁵⁴ *Quae fuerant vitia mores sunt* – Что было пороками, то теперь нравы (Сенека) (лат.).

– Попробую сформулировать, – сказал инженер-ядерщик: – У вас есть модель искривления для силы времени.

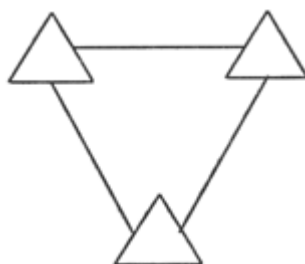
– Если я добавлю двенадцатое измерение. Но это разрушает принятые модели для остальных четырех.

– До сегодняшнего дня, – догадался он.

– Верно. Меня словно озарило. Видишь ли, субатомный зоопарк организовали согласно теории кварков в 1990 году. Выяснилось, что все эти частицы оказались производными от трех семейств трех частиц Ну, я выстроила свои двенадцать измерений схожим образом, три группы по три: Пространство, Время и что-то еще, чему я не дала обозначения.

– В сумме получается девять, – заметил он, не став говорить, что, вероятно, знал субатомный зоопарк лучше, чем она

– Плюс три метаизмерения, которые соединяют три триплета на более высоком уровне – Шерон машинально рисовала, пока рассказывала Треугольник с меньшими по размеру треугольниками в каждом углу. Конечно, все это было условно.

– Я называю это поливерсум. Наша Вселенная – подсистема, данная людям в ощущениях. Искривление поливерсума может различным образом пересекать ее, в зависимости от ориентации. Как и в случае со слепыми и слоном, мы думаем, будто видим действие разных сил, а они всего лишь разные «поперечные сечения» одного и того же искривления.

– Гм. Мы не можем видеть эти «скрытые измерения», верно?

– Верно. Дополнительные измерения сосредоточены внутри шара. Первоначальный моноблок был слегка асимметричен. Когда он расширился в процессе Большого взрыва, некоторые из его измерений свернулись. Они по-прежнему с нами: внутри кварков, внутри тебя, меня и всего остального.

– А может, – спросил Эрнандо, – существует простое объяснение того, что мы их не видим? Может, их просто нет.

* * *

Шерон попыталась исправить отношения за обедом. Она подождала, пока Том не вернулся из библиотеки – он, похоже, планировал прочесть там все, – и объявила, что угостит его гуляшом и омлетом с мясным фаршем в кафе «Бельварос». Том уже съел большой сандвич с мясом, сыром и помидорами, сидя в «Скворечнике» вместе с Джуди, но понимал, что иногда несколько лишних калорий предпочтительнее отказа от позднего ужина, и согласился, даже сумев изобразить воодушевление.

– Jo! – сказал он, приходя в хорошее расположение духа. – *Paprikas csirket kerek galuskdval es uborkdval Es palacsinta!*

Шерон даже позволила ему потрепаться о давным-давно умерших людях в городах-призраках. Суть рассказов сводилась к тому, что где-то в Черном лесу в конце XIV века небольшим орденом братьев «св. Иоганна Оберхохвальдского» для жертв чумы был учрежден госпиталь имени св. Лаврентия. Какое это имело отношение ко всему остальному, Шерон не узнала. Том начал показывать ей эмблему ордена, но явное безразличие остановило его. Вместо этого он спросил Шерон о работе.

Пришло время ее выхода:

– Что не так в последовательности чисел 19, 14 и 2?

– Гм... Разрыв между 14 и 2 слишком велик?

– Правильно. В Начале была одна лишь Суперсила, поскольку дополнительные величины еще не свернулись. Как только уровень энергии упал, поливерсум исказился и отдельные силы, э-э-э, «застыли» вне общего котла. Гравитация стала различима при энергии 10^{10} массы протона по шкале Планка; сильное ядерное взаимодействие – по шкале объединения, или 10^{14} массы протона; а слабое – по шкале Вайнберга-Салама, при энергии 90 масс протона, то есть приблизительно величине равной 10^2 .

Впервые в жизни Тому удалось забежать вперед ее рассуждений:

– И ты думаешь, что твоя хронотация «застыла» где-то между ними.

Она просияла:

– Я предполагаю – на величине 10^8 массы протона. Я назову это шкалой энергии Нэги, из-за врожденной скромности. ЦЕРН не может достичь этой отметки; но, есть шанс – ускоритель *L4*. Там еще в восьмидесятых годах умудрились найти бозоны Вайнберга-Салама.²⁵⁵ Они соединили слабое взаимодействие с электромагнетизмом и создали «электрослабое» взаимодействие.

– Подожди, я вспомнил. Именно этот прорыв дал нам антиядерный щит, верно?

– В конечном счете. Слабые взаимодействия управляют ядерным распадом. Как только нам удалось довести их до урона электромагнетизма, создание поля, подавляющего распад ядра, стало вопросом времени. Ах ты, черт!

Том прищурился. Похоже, последнее восклицание последовало за очередным озарением.

– Что?

– Мы знаем, как управлять электромагнетизмом. Если сможем объединить хронотацию с электрослабым взаимодействием... то получим возможность управлять силой времени.

– Путешествие во времени?

– Нет, нет. Но энергия шкалы Нэги поместит нас *внутрь шара*, и мы сможем... ну, перемещаться куда угодно. Скорость света по-прежнему останется верхним пределом; но, если мы продвинемся достаточно далеко в нужном направлении, километры станут очень короткими, а секунды очень длинными, и мы сможем двигаться с такой чертовой скоростью света, с какой только пожелаем! Конечно, прорваться сквозь оболочку шара будет топологически ловким трюком, все равно как бублик прыгнул бы в свою дырку, но кто знает? С нужной энергией, направленной в нужном направлении...

Он вновь подмигнул:

– Моментальное межзвездное путешествие? Она отрицательно покачала головой:

– Ничуть не похоже. Том, нам вообще не будут нужны космические корабли. *Мы сможем на автомобилях отправляться к звездам*. А в защитном костюме, вероятно, сможем перемещаться пешком! Одним-единственным шагом преодолевать межзвездные пространства.

– Сапоги-скороходы! Звучит так, словно ты открыла гиперпространство.

– Нет. *Гипо* пространство. Топология сохраняется. Восемь скрытых измерений находятся *внутри* универсума, помнишь? Чтобы путешествовать в другие миры, мы должны путешествовать *внутрь*. – Она засмеялась, но на сей раз клиолог почему-то затих. – Том?

Он встрепенулся:

– Ничего. У меня странное ощущение дежавю, вот и все. Как будто я уже слышал об этом прежде.

²⁵⁵ В 1968 г. Абдус Солам и Стивен Вайнберг независимо друг от друга построили теорию, объединяющую сильные и электромагнитические взаимодействия. Салам предсказал, что переносчиками слабого взаимодействия являются заряженные частицы W^+ , W^- , а также нейтральная частица Z^0 , открытые только в 1983 г. Их масса в сто раз больше массы протона.

XXIII

Июль, 1349

Праздник св. мученицы Маргариты Антиохийской 20 июля

Иоахим зазвонил в колокол Анжелюс, когда Дитрих покинул хижину Никела Лангермана. Там ему пришлось вскрыть ланцетом зловещие гнойники на руках Труды Мецгер и на тыльной стороне ладони маленького Петера. Пустулы обеспокоили его. «Болезнь чесальщиков шерсти»²⁵⁶ часто оказывалась смертельной. Погруженный в мысли, он наткнулся на толпу гомонящих жителей деревни, возвращавшихся с полей.

– Пришел навестить дочь, старик? – услышал он чей-то вопрос. – Эй, Клаус, Клаус! Сюда идет твой тесть!

– Нелегкий путь для такого старого человека, вы в порядке?

Перед ним стоял Одо Швайнфюрт из Нидерхохвальда, подслеповато шурящийся в лучах заходящего солнца. Старик обвел взглядом улицу, увидел мельницу и двинулся к ней.

– Нет, дом мельника в той стороне! – крикнул кто-то, и Одо в нерешительности обернулся.

Из-за суматохи на улицу выбежала Хильда.

– Мой отец здесь? – спросила она. И с радостью, более притворной, чем настоящей, воскликнула: – Папочка!

От того разило свиньями, которых он разводил, и она остановилась на некотором расстоянии. Клаус, не сняв покрытого мучной пылью фартука, встал за ней, пристально разглядывая старого батрака. Он не разделял плохо скрываемого отвращения жены, но навозный смрад, несущийся от старика, был действительно невыносим.

– Чего тебе надо, Одо? – спросил Клаус, ибо с недоверием относился ко всякому, кто переступал его порог без какой-нибудь надобности.

– Мертвы, – сказал старик.

– Еды? Разве Карл не кормит тебя? Какой неблагодарный сын! – засмеялся мельник. Брат Хильды был известным скрягой.

– Нет, – поправила та, вытирая руки о передник. – Он сказал «мертвы». Кто мертв, папочка?

– Все. Карл. Алисия. Гретль. Все. – Старик обвел взглядом толпу, словно ища кого-то. Хильда закрыла рот ладонью.

– Вся семья?

Одо бессильно опустил вниз, в грязь проезжей улицы:

– Я не спал три дня и не ел со вчерашнего утра. Дитрих выступил вперед, спросив:

– Что произошло? – «Милостивый Боже, – взмолился он про себя, – пусть это будет яшур».

– Синюшная болезнь, – сказал Одо, и те, кто стоял поближе, застонали. – Все в Нижнем лесу мертвы. Отец Конрад. Эмма Бауэр. Молодой Бахман. Все. Бог так жесток, убил моего сына и внуков у меня на глазах – и пощадил после этого меня, – Он обратил лицо к небу и стал потрясать кулаками. – Проклинаю тебя, Бог! Проклинаю того, кто совершил это!

Дитрих услышал, как по толпе подобно свисту стрелы пробежало:

– Чума! Чума!

Народ стал быстро расходиться.

Даже Клаус подался назад. Но мельничиха Хильда, бледная как полотно, взяла под руку своего отца и повела к дому.

– Он погубит нас, – предупредил ее муж.

²⁵⁶ Имеется в виду легочная форма сибирской язвы, которую было легко подхватить, работая с кожей и шерстью.

– Это мое искупление, – сказала она, потрянув головой.

– Дорога из долины внизу нелегка, – объявил Гервиг Одноглазый каждому, кто еще мог слышать. – Ядовитый воздух не сможет ее осилить. – Но никто ему не ответил, и всяк молча бросился к своему дому.

* * *

Наутро крэнкерин Элоиза пролетела над Нижним лесом и сообщила о двух женщинах, живущих под навесом на дальней кромке полей. Они развели небольшой костер и сбежали в лес, едва завидев ее. Там, похоже, прятался кто-то третий – когда Элоиза спустилась пониже рассмотреть все подробнее, в нее сразу пустили стрелу. В лучшем случае уцелели считанные единицы; если только остальные не бежали в Санкт-Петер или Медвежью долину.

Герр слушал доклад со своего высокого кресла, потирая старый шрам на тыльной стороне правой руки. Дитрих испытующе оглядел советников господина, сидевших вокруг дубового стола в парадном зале манора. Ойген, бледный и с округлившимися глазами, по правую руку; Тьерри, прискакавший из Хинтервальдкопфа по другому делу и сидевший теперь с мрачным видом слева от сеньора; Эверард с покрасневшими щеками и тускло сверкающими зрачками; Клаус, беспокойный и готовый сорваться в панику; Рихард, со своими бесполезными в этом деле кодексами, внимательно наблюдающий за каждым говорящим. Дитрих и отец Рудольф представляли духовную власть, а Ганс говорил за восьмерых крэнков.

– Испарились? – сказал, наконец, Манфред. – Половина моего состояния пропала, а *мы до сего дня ровным счетом ничего не знали?*

Эверард негромко отозвался со своего места, но так, чтобы его могли слышать:

– Когда у человека умирает семья, ваше состояние кажется ему не столь значимым.

Отповедь со стороны обычно столь подобоострастного вассала вызвала удивленные взгляды. От приказчика отдавало каким-то резким, едким запахом, который Дитрих не мог разобрать. *Пьян*, подумал священник, приняв во внимание румянец на щеках, заплетающийся язык и тусклый блеск глаз говорящего.

– Элоиза видела тело на тропинке, – продолжил донесение Макс. – Возможно, они отправили человека уведомить вас, но он умер на полпути.

– Тогда и к лучшему, что не добрался, – сказал Тьерри, сжав лежащие на столе руки в кулаки.

– Прощу милости моего господина, – сказал Клаус, – но отец моей жены говорит, что с момента первой смерти до его бегства минуло не более трех дней.

Манфред нахмурился:

– Я не забыл, майер, о том, что ты ослушался моего запрета.

– Моя *жена* просила приютить его... – Мельник выпрямился. – Прогнали бы вы прочь своего родного отца?

Сеньор подался к столу и размеренно произнес:

– В... мгновение... ока.

– Но... Он уже пробрался в деревню, прежде чем хоть кто-то узнал о его приходе.

– Кроме того, – отозвался сельский староста, радуясь тому, что дело коснулось законов и обычаев, – жители каждой из деревень имеют право посещать другую.

Манфред изумленно воззрился на юриста.

– Есть время прав и законов, – произнес он, – и есть время чрезвычайной осторожности. Я приказал: *никому* не позволено входить в деревню.

Рихард возмутился, Клаус пришел в полнейшее замешательство:

– Но... но это был всего лишь Одо!

Манфред провел рукой по лицу.

– *Никому*, майер. Возможно, он принес с собой чуму.

– Мой господин, – вмешался Ганс, – я несведущ в этих вопросах, но скорость, с

которой распространяется чума, говорит о том, что «маленькие жизни» быстро пожирают своих... Мы бы сказали «хозяев», хотя эти гости и непрошеные. Эти «маленькие жизни» действуют так быстро, что, если бы Одо нес их в себе, тому уже должны были проявиться свидетельства, а их нет.

Манфред хмыкнул, но его настрой оставался скептическим. Эверард хихикнул и сказал Клаусу:

– Ты дурак, мельник, и твоя жена ездит на тебе верхом. Как и на всяком мужике, на кого ей удалось взобраться.

Клаус почернел и вскочил с места, но Ойген предупреждающе поднял руку:

– Не за столом господина! Манфред, со своей стороны, рявкнул:

– Приказчик, пшел вон! – Когда же тот не пошевелинулся, он закричал: – Сию же секунду! – И Тьерри поднялся из-за стола, положив руку на эфес своего меча.

Но отец Рудольф заговорил жалобным тоном:

– Нет, нет, только не это. Только не это. Мы не должны драться между собой. *Мы* не враги друг другу. – И он взял Эверарда под локоть и помог тому подняться. Приказчик скосил взгляд на собрание, как будто только сейчас увидев присутствующих. Рудольф повел его к двери, и тот вышел вон неровной походкой, наткнувшись сперва на дверной косяк. Макс закрыл за ним дверь, прокомментировав:

– Он надрался.

– Он напуган, – ответил Дитрих, – и напился от страха. Взгляд Манфреда не смягчился:

– Мне не нужны извинения! Макс?

– Там, на церковном дворе, есть свежие могилы, – продолжил сержант, – но тела лежат где попало – на лугу, в полях, один человек умер прямо за плугом.

– Их не похоронили, ты хочешь сказать? – вскрикнул Дитрих. Неужели это настигло их *настолько* внезапно?

Манфред предупреждающе поднял указательный палец:

– Нет, пастор! Ты не пойдешь туда.

– Хоронить умерших – это одна из обязанностей, возложенных на нас Господом. – При мысли о том, что ждет его там, живот Дитриха сжался в ледяной комок.

– Если ты спустишься вниз, – сказал ему Манфред, – я не позволю тебе вернуться. Живые здесь нуждаются в твоём попечении.

Дитрих приготовился возразить, но вмешался Ганс:

– Нам будет проще слетать туда.

– Тогда вам тоже будет заказан путь назад, – сказал Манфред крэнку.

Губы Ганса изогнула мимолетная крэнковская улыбка:

– Мой господин, мне и моим спутникам «путь назад» заказан навеки. Чем станет эта ссылка по сравнению с вечностью? Но «маленькие жизни», пожирающие ваш народ, скорее всего не тронут мой. Как... Как вы называете то, когда изменяются виды?

– *Evolutum*, – предположил Дитрих. – Развертывание возможного в действительное. «Раскручивание» к своему концу.

– Нет, это неподходящее название... Но смысл в том, мой господин, что *ваши* «маленькие жизни» не знакомы с *нашими* телами, и поэтому у них нет... ключа, чтобы проникнуть в нашу плоть.

Манфред поджал губы:

– Очень хорошо. Ганс, тебе позволено похоронить умерших в Нидерхохвальде. Возьми с собой только крэнков. Когда вернетесь, подождите признаков чумы в своем прежнем *лазаретто* в лесу. Если отметины не появятся через... через... – он прикинул возможный срок, – через три дня, можете возвращаться в деревню. До той поры *никто* не вступит в пределы этого манора.

– А как быть с отцом моей жены? – настаивал Клаус.

– Он должен уйти. Звучит жестоко, мельник, но приказ необходимо исполнить. Каждый должен заботиться о себе.

* * *

Эверард лежал, уткнувшись лицом прямо в грязь, на тропинке близ ворот курии, Клаус засмеялся:

– Горького пьяницу вывернуло наизнанку.

Солнце стояло еще высоко, но ветер с Катеринаберга уже приносил достаточную прохладу. Розы взошли в положенное время, и их колючие побеги обвивались вокруг шпалер господского сада. Землю подле ворот полностью вытоптало бесчисленное количество неустанных ног, и желтые лепестки лютиков возникали из нее совершенно чудесным образом.

Среди этих ярких красок подергивалось тело Эверарда.

– Ему будет больно, когда он протрезвеет, – заметил Макс, – грохнуться так на землю.

– Он может задохнуться в рвоте, – сказал Дитрих. – Пойдемте, отнесем его к жене. – Пастор сделал несколько шагов вперед и опустился на колено подле господского приказчика.

– Мне кажется, ему вполне удобно там, где он лежит, – сказал Макс. Клаус засмеялся.

Блевота у тропинки была черной и тошнотворной, а от самого Эверарда несло невероятным смрадом. Его дыхание вырывалось с хрипом, словно из волынки; а щеки, когда Дитрих дотронулся до них, оказались горячими. Управляющий задержался от легкого прикосновения и закричал.

Дитрих резко вскочил на ноги, отпрыгнув на два шага назад.

Он налетел на мельника, который как раз подался вперед, крича:

– Проснись, пьянчуга! – Управляющий и *майер* уже много лет одновременно соперничали и сотрудничали, питая друг к другу беззлобное презрение, которое часто окрашивает подобную близость.

– Что это? – спросил сержант Дитриха.

– Чума, – ответил тот. Макс зажмурился:

– Господи Иисусе!

– Мы должны отнести Эверарда в его дом, – сказал Дитрих. Но сам при этом не пошевелился. Клаус, обхватив себя руками, отвернулся. Макс стал пятиться обратно к господскому дому со словами: – Об этом должен узнать господин.

Крэнк Ганс растолкал их плечами.

– Элоиза и я отнесем его. – Крэнкерин, уже собравшаяся улетать, присоединилась к нему.

На холме напротив Иоахим бил в полуденный колокол, возвещая время трапезы для работающих в полях. Клаус прислушивался к звону какое-то время, а затем сказал:

– Я думал, что все будет куда страшнее. Дитрих обернулся к нему:

– Что именно?

– Этот день. Я думал, он будет отмечен ужасными предзнаменованиями – нависшими тучами, зловещим ветром и раскатами грома. Однако сегодня самое обычное утро, и это пугает меня все больше и больше.

– Пугает только теперь?

– *Ja*. Дурные знамения означали бы Божественное провидение, каким бы таинственным ни казался Его промысел; гнев рассерженного Создателя можно было бы отвратить молитвой и покаянием. Но это просто случилось. Эверард заболел и свалился с ног. Не было предзнаменований; потому причина болезни могла быть естественной, как ты всегда и говорил. А против природы у нас нет прибежища.

В доме управляющего они смахнули книги и описи со стола, положив на него Эверарда, словно сервируя молочного поросенка. Его жена, Ирмгарда, уронила голову на грудь и крепко обхватила себя руками. Приказчик начал брыкаться и извиваться, а его лицо теперь на ощупь просто пылало. Дитрих стащил с мужчины рубашку, и все увидели нарывы на груди.

– Ящур, – с облегчением выдохнул Клаус.

Но Дитрих покачал головой. Сходство было велико, но все же это были не волдыри от «болезни чесальщиков шерсти».

– Клади ему на лоб смоченные холодной водой тряпки, – сказал он Ирмгарде. – И не касайся волдырей. Когда он захочет пить, не давай больше нескольких глотков. Ганс, Элоиза, давайте отнесем больного в постель.

Эверард завыл, когда его подняли со стола, и крэнки едва не выронили свою ношу.

– Элоиза останется с ним, – объявил Ганс. – Ирмгарда, не приближайся. «Маленькие жизни» могут путешествовать в слюне, другие – при прикосновении или дыхании. Мы не знаем, с каким случаем имеем дело здесь.

– Должна ли я отдать своего мужа заботам демонов? – спросила Ирмгарда. Она теребила свой платок, но не подходила к кровати. Ее сын, маленький Витольд, вцепился в юбку матери и широко раскрытыми глазами смотрел на извивающегося отца.

Выйдя из дома, Клаус повернулся к Дитриху:

– Эверард никогда не приближался к моему тестю. Ганс махнул рукой:

– «Маленькие жизни» могут разноситься ветром, подобно семенам некоторых растений. Или же могут передвигаться на других животных. Каждая разновидность перемещается по-своему.

– Тогда никто из нас не в безопасности, – запричитал мельник.

По двору застучали копыта, и мимо галопом пронеслись Тьерри со своим юнкером, пуская лошадей прямо через невысокие каменные ограды и рвы, окружавшие наделы. Клаус, Дитрих и Ганс смотрели, как они проносятся по деревне и дальше по полям, где отдыхающие крестьяне дивились зрелищу и, еще не зная причины, криками восхищения приветствовали искусство наездников.

Но с вечерним Анжелюсом известия слышали все. Люди, возвращающиеся с полей, без лишних слов бежали домой. Той ночью кто-то бросил камень в цветное стекло, которое Клаус некогда с такой гордостью вставил в окно. Наутро никто не рискнул и высунуться на свет Божий. Селяне выглядывали на пустынную улицу сквозь деревянные ставни, как если бы чума только и ждала, чтобы опалить своим отравленным дыханием всякого, кто осмелится показаться наружу.

* * *

После того как на следующее утро Дитрих отслужил мессу, которую слушали только Иоахим и крэнки, он отправился прогуляться к гребню холма, посмотреть на виднеющуюся в ночной мгле деревню. В кузнице под ним было темно и холодно. В утреннем воздухе раздавалось только ритмичное потрескивание – от медленно проворачивающегося вхолостую мельничного колеса Клауса. Петух криком поприветствовал восход солнца, а овца из пораженного мором стада жалобно заблеяла над павшими ночью товарами. Легкая мгла лежала на полях, белая и изящная, словно крученая кудель.

К нему присоединился Иоахим:

– Похоже на деревню мертвых. Дитрих осенил себя крестным знаменем:

– Да отвратит Господь твои слова.

Вновь настала тишина, пока монах не заговорил вновь:

– Нужна ли кому-нибудь помощь? Пастор махнул рукой:

– Какую помощь мы можем оказать? Он отвернулся, но Минорит схватил его.

– Утешение, брат! Телесные болезни – малейшие из невзгод, ибо все они закончатся со смертью, а смерть это пустяк. Но если погибает дух, то все пропало.

И все же Дитрих не мог двинуться с места. Он обнаружил, что боится чумы. *Media vita in morte sumus*. «Посреди жизни мы обретаемся во смерти», но *такая* кончина страшила. Он видел людей с выпущенными кишками после удара мечом в живот, кричащих, обхватывающих себя руками и пачкающих одежду. И все же всякий шел на битву,

предполагая, что сегодня его может ждать и такая судьба. Но болезнь не принимала во внимание риск или надежды и поражала кого и где угодно, сообразно своим желаниям. Элоиза рассказывала, как один из жителей Нидерхохвальда умер за плугом; а какой человек отправится на свое поле, смирившись с тем, что там его поджидает такая смерть?

Ганс положил руку на плечо Дитриху, и тот вздрогнул от прикосновения.

– Мы пойдем, – сказал крэнк.

– Демон, идущий по улице и выкликающий больных? Это утешит здешний народ.

– Так мы все-таки демоны?

– Испуганный человек может узреть беса в знакомом и направить свой ужас перед тем, что не воспринимается чувствами, на то, что зримо.

– Бессмыслица!

– Несомненно, но именно так народ и поступит.

Дитрих шагнул вниз по тропинке, остановился в нерешительности, затем нетвердой походкой проделал путь до конца. Когда священник подошел к домику Терезии, на его оклик отозвался пронзительный голос, который он едва узнал:

– Убирайся прочь! Твои демоны навлекли это на нас! Обвинение не поддавалось логике. Чума уже опустошила области, где в глаза не видели крэнков, но на Терезию доводы чистого разума никогда не действовали. Он продолжил путь к кузнице и там обнаружил Ванду Шмидт, уже разговаривающую с Иоахимом.

– Ты не обязан был приходить, – сказал Дитрих монаху, пока оба шли по противоположным сторонам улицы, но тот в ответ лишь пожал плечами.

И так они проверяли дом за домом, пока на самом краю деревни не достигли хижин батраков. Входя в домик Мецгер, Дитрих уверял себя, что Труда всего лишь заразилась ящуром. Черные прожилки на ее руке указывали на то, что яд уже распространился. Труда умрет, подумал он, стараясь не выдать мыслей ни жестом, ни словом, молясь о благословении за них.

Пастор вернулся на гребень, где сходились Церковный и Замковый холмы, и подождал Иоахима, переходившего луг по пути от домика мельника. Овцы заблеяли, когда Минорит прошел среди них.

– Они в порядке? – спросил Дитрих, указывая на дома, выстроившиеся в ряд по другую сторону луга, и монах кивнул.

Священник неожиданно почувствовал невыразимое облегчение:

– Значит, никто больше.

Иоахим отшвырнул ногой дохлую крысу с тропинки и посмотрел на вершину Замкового холма.

– Остается еще курия – именно там впервые показалась чума.

– Я спрошу Манфреда и его людей. – Порывисто он обнял монаха. – Тебе не было нужды подвергать себя опасности. Забота об этом стаде лежит на мне.

Иоахим пристально взглянул на издыхающую овцу, словно спрашивая себя, какое стадо Дитрих имел в виду.

– Фогт пренебрегает своими обязанностями, – сказал он. – Мертвое животное следует сжечь, или же мор выкосит все стадо. Овец моего отца однажды постигла эта участь, и два пастуха умерли вместе с ними. Это была моя вина, конечно же.

– У Фолькмара теперь есть иные заботы, нежели деревенские овцы.

Монах неожиданно улыбнулся:

– Зато у меня их нет. «Паси овец Моих», – сказал Спаситель, но не всякая пища есть хлеб. Дитрих, этот обход оказался непростым делом, но путешествие совершить легче, если есть спутник.

В конце концов, заболел только Эверард, который сейчас мирно спал. Дитрих даже понадеялся, что на этом все закончится. Ганс лишь щелкнул жвалами, но ничего не сказал.

Крэнки Готфрид и Винифред взяли две упряжи для полетов и слетали вниз в долину, похоронить несчастных жителей. Мертвых тел оказалось столько, что пришельцы решили использовать громовую глину для раскопки. Дитрих засомневался, подходящий ли это способ, но затем решил, что могила, появившаяся в одночасье, возможно, как нельзя лучше подходит для столь быстро вымершей деревни. Он произнес над ними слова молитвы, используя «рупор», который захватила с собой Элоиза.

После этого Ганс пополнил живительные емкости говорящей головы, развернув сделанный из стекла триптих. Тот обращал солнечный свет в эссенцию *elektronik*. С точки зрения натурфилософии один род огня мог превратиться в другой, но практическая алхимия процесса ускользала от понимания Дитриха.

– Почему чума пришла сюда? – внезапно спросил Дитрих. Крэнк наблюдал за символами на теле «домового», показывающими, насколько полны живительные емкости.

– Потому что она распространяется повсюду. Почему бы и не здесь? Но, Дитрих, друг мой, ты говоришь о ней словно о животном, которое ходит туда-сюда с какой-то целью. У нее нет цели.

– Это не утешает.

– Должно ли здесь искать утешения?

– Жизнь без цели не стоит того, чтобы ее прожить.

– Разве? Послушай, друг мой. Жизнь всегда стоит того, чтобы ее прожить. Мой... Ты бы сказал «дед». Мой «дед» провел много... месяцев... загнанным в заброшенное гнездо... город... разрушенный... разрушенный воздушным нападением. Его собраты по гнезду погибли в огне. Его кормилица умерла у него на руках от ужасного взрыва, более страшного, чем от черного пороха. Он не знал, где найдет завтра пищу. Но его жизнь стоила того, чтобы ее прожить, поскольку в таком положении поиск пропитания на завтра составлял цель; каждый следующий рассвет становился победой. Дед никогда не жил так, как в те месяцы, когда смерть постоянно маячила поблизости. Жестоким существование казалось уже моему выводку, который ни в чем не нуждался.

* * *

Когда забрезжила заря вторника и никто не заболел, селяне выползли из домов, заговорив друг с другом вполголоса. Из манора долетела весть, что Эверард успокоился, а его горячка, казалось, чуть спала.

– Может, деревня отделается только этим, – сказал Грегор Мауэр, когда Дитрих утром проходил мимо.

– Дай-то Бог, – ответил священник.

Они стояли на дворе каменщика, посреди пыли и щебня. Оба сына Грегора прохлаждались неподалеку в кожаных фартуках и толстых перчатках. Младший, нескладный отрок почти десяти стоунов²⁵⁷ веса, держал в руке отвес и рассеянно им покачивал.

– Пастор... – Грегор казался непривычно нерешительным. Он не поднимал глаз, рассматривая мусор под ногами, растирая пыль подошвой башмаков. Сердитым взглядом отослал сыновей прочь. Старший пихнул младшего брата локтем и ухмыльнулся, оглянувшись на отца.

– Никакого уважения, – вздохнул Грегор. – Я должен был отослать их за «школярство». – Пастор, я хочу взять в жены Терезию. Она ваша воспитанница, это в вашей власти.

Дитрих не ждал этого дня. Для него Терезия так и осталась заплаканной беспризорницей, с ног до головы покрытой копотью горящего дома.

²⁵⁷ Один стоун равен 6,35 кг.

– Знает ли она о твоём желании?

– Она согласна, – Дитрих промолчал, и Грегор добавил: – Она – чудесная женщина.

– Так и есть. Но её сердце встревожено.

– Я попытался объяснить ей насчёт крёнков.

– Дело сложнее. Я думаю, бесы вокруг – отражение её внутренних демонов.

– Я... я не понимаю.

– Ганс рассказал мне немного о душе. Крёнки создали о ней целую философию. Я называю её *«psyche logos»*.²⁵⁸ Они разделяют душу на части: сущность – которая говорит *«ego»*,²⁵⁹ сознание – оно стоит выше *«ego»* и управляет им; ниже находится первородный грех и, естественно, душа растительная и животная, о них писал ещё Аристотель. Крёнки говорят... – внезапно он разозлился на самого себя. – Но это неважно. Я имею в виду, что... – Пастор едва заметно улыбнулся. – В её прошлом есть то, о чём тебе неизвестно.

– Меня заботит больше её будущее, нежели прошлое. Дитрих кивнул.

– Так мы получим ваше благословение?

– Я должен обдумать это. Нет мужчины, за которого бы я охотнее выдал её, чем ты, Грегор. Но это решение на всю жизнь, и не следует принимать его по мимолетной причуде.

– Её оставшаяся жизнь, – медленно сказал будущий жених, – может оказаться весьма короткой.

Дитрих перекрестился:

– Не искушай Господа. Больше никто не заболел.

– Пока нет, – согласился каменотес, – но близится конец света, а на небесах нет ни женатых, ни замужних.

– Говорю тебе, мне нужно подумать над этим. – Дитрих повернулся, чтобы уйти, но возглас Грегора заставил его обернуться.

– Нам не нужно позволения, но она хочет вашего благословения.

Пастор кивнул, сгорбил и вышел со двора.

* * *

После всенощной Дитрих съел нехитрый ужин из хлеба и сыра, сдобренных пивом. Он отрезал несколько лишних кусков для Иоахима, но монах так и не появился. Ганс присел на корточки у раскрытого окна, слушая стрекот насекомых, поднявшийся с сумерками. Время от времени крёнк кусал хлеб, смоченный в живительном эликсире. Но, даже несмотря на это, несколько синяков уже проступило на его коже. Звезды, отражаясь в огромных глазах прищельца, казалось, мерцали у него в голове.

– У меня из разума не идет фраза, – сказал он, – что одна из них должна быть моим домом. Если Бог всеблаг, то он не оставит меня, даст понять, где же та самая. Эх, если бы я знал, которая. Может... – он вытянул руку, указывая длинным пальцем, – ...вон та. Она такая яркая. В том, что она такая яркая, наверное, заложен какой-то смысл. – Ганс прожужжал уголками губ, – Но нет. Она яркая, потому что рядом. Философия вероятности утверждает, моя родная планета непостижимо далека, в непостижимом направлении, и ни один из этих огней даже не сияет в небесах моей родины. Мне отказано даже в тонкой нити.

– Так, значит, небо столь глубоко? – спросил Дитрих.

– Неизмеримо глубоко.

Священник подошел к окну и воззрился на черный небосвод:

– Я всегда думал, что это свод, увешанный лампадами. Но ты говоришь, некоторые

²⁵⁸ *Psyche logos* (от *psyche* – душа и *logos* – учение, наука, слово). Дословно: «учение о душе», психология (греч.).

²⁵⁹ *Ego* – я (лат.).

близко, а некоторые далеко, и потому они кажутся ярче или тусклее? Что поддерживает их? Воздух?

– Ничего. В пространстве между звездами нет воздуха. Там нет понятия верха или низа. Если бы ты вознесся на небо, то поднимался бы все выше и выше, затем земля ослабила бы хватку, и тогда ты плыл бы вечно – или до тех пор, пока не попал под воздействие силы другого мира. Дитрих кивнул:

– Твоя теология верна. В какой же среде тогда плывут звезды? Буридан никогда не верил в *quintessence*.²⁶⁰ Он говорил, небесные тела всегда пребывают в том движении, которое придал им Господь, ибо ему нет противления. Но если небо не купол, держащий внутри воздух, то он должен быть заполнен чем-то другим.

– Должен? Был осуществлен знаменитый... *experientia*, – сказал ему Ганс. – Один крэнкский философ доказал, что если бы небеса заполнялись этим самым пятым элементом, то существовал бы «ветер», оставляемый движением нашего мира. Он измерил скорость света сначала в одном направлении, затем в другом, и не обнаружил разницы.

– Так юный Орезм заблуждается? Земля *не движется*? Ганс повернулся и шлепнул губами:

– Или же вокруг нее нет эфира.

– Или же эфир движется вместе с нами, как воздух. Здесь больше двух вероятностей.

– Нет, мой друг. Космос ничем не заполнен.

Дитрих засмеялся в первый раз с того дня, когда обнаружил Эверарда на тропинке.

– Как это возможно, если «ничто» – это не сущность, а отсутствие чего-то. Если бы небо пустовало, что-нибудь попыталось бы заполнить его. Само слово говорит об этом. *Vacuare*, значит «опустошать». Но *natura non vacuit*. «Природа не терпит пустоты». Для опустошения всегда требуется усилие.

– Не-е-т... – ответил Ганс нерешительно. – Правильно ли переводит «домовой»? Наши философы говорят: ничто содержит то, что мы называем «духом пустоты». Но я сомневаюсь, известно ли вашему народу об этом. Как бы ты сказал это на своем языке философии?

– Существительное от *vacuare* – *vacuum*, обозначает абстрактное действие как реальность: «то, что пребывает в состоянии опустошенности, пустота». Например: «*Energia vacuum*». Но в Книге Бытия сказано: «Земля же была безвидна И пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Возможно, вы отыскиали дыхание Господа в этой вашей «*vacuum-energia*». Но подожди. – Дитрих поднял вверх указательный палец. – Ваш корабль проплыл сквозь неразличимые направления, сокрытые внутри всего природного.

– *Ja*. Находящееся внутри сферы «неразлично» для тех, кто ощущает только ее поверхность.

– Тогда твоя родная звезда вовсе не так далека. Она всечасно пребывает внутри самого тебя.

Ганс застыл на мгновение, затем едва заметно разомкнул мягкие губы:

– Ты мудрый человек, Дитрих, или же глубоко заблуждаешься.

– Или и то и другое, – согласился пастор. Он высунулся из окна. – Иоахима ни слуху ни духу, а становится слишком темно, чтобы разгуливать без факела.

– Он в церкви, – ответил крэнк. – Я видел, как он в нее зашел примерно в девять часов.

– Вот как! И еще не вышел? Вечерня уже давно прошла. Встревоженный, Дитрих поспешил через церковный луг, чуть спотыкаясь на едва различимой в свете звезд земле, налетев в спешке на резной опорный столб северо-западного угла церкви. Великанша Экке сердито смерила его взглядом; карлик Альберих угрожающе сузил глаза. Завыл ветер, и они обрели голоса. Священник, шатаясь, поднялся по ступеням, остановился и мягко провел по волнистой фигуре св. Екатерины, по ее скорбной щеке. Мимо почти бесшумно пролетела сова. Он распахнул ворота, страшась того, что может обнаружить за ними.

²⁶⁰ *Quintessence* – эфир (лат.).

Сияние звезд, смягченное витражами, не разгоняло полумрак внутри церкви. Дитрих услышал звук приглушенных, медленных шлепков, идущий от алтаря.

Пастор вбежал в святая святых, споткнувшись о распростертое тело. В воздухе стояла знакомая вонь.

– Иоахим! – закричал он. – Ты в порядке? – Он вспомнил Эверарда, лежащего в собственной рвоте и испражнениях. Но здесь пахло острым, приторным запахом крови.

Дитрих ощупал тело и обнаружил, что оно по пояс обнажено, а гладкая юная плоть испещрена кровавыми бороздами.

– Иоахим, что ты наделал?! – Но все стало ясно, когда руки священника нащупали бич и вырвали его из пальцев Минорита.

То была завязанная узлами веревка, которую монах носил как пояс, теперь пропитанная кровью.

– Ах ты глупец, глупец!

Тело зашевелилось в его объятиях.

– Если я выпью чашу до дна, – прошептал слабый голос, – она может миновать остальных. – Голова монаха повернулась, и Дитрих увидел сверкающие в тусклом свете звезд глаза. – Если я страдал болью десятих, то смогу избавить от нее девятих. Почти, – он засмеялся, – алгебра, а, святой отец?

Стены церкви залил холодный голубой свет, исходящий от кренковской лампы вошедшего внутрь Ганса.

– Он поранился, – сказал странник, приблизившись.

– *Ja*, – сказал Дитрих. – Чтобы принять наши страдания на себя.

Хлестал ли он себя кнутом целых четыре часа с того момента, как Ганс видел его входящим в церковь? Дитрих сжал монаха крепче и поцеловал Иоахима в щеку.

– Он думал плетью остановить «маленькие жизни»? – удивился Ганс. – Это нелогично!

Дитрих взял тело на руки и поднялся:

– К черту логику! Перед ними мы все беспомощны. По крайней мере он пытался сделать хоть *что-то*!

* * *

В среду Манфред призвал Дитриха отслужить в часовне замка памятную мессу по кайзеру Генриху: справедливому правителю в те дни, когда в германских землях были и правители, и справедливость. – Добрый отец Рудольф, – объяснил герр, – взял моего коня серой масти и сбежал.

Пастору капеллан никогда не нравился, но эта новость изумила и расстроила его. Часовня господина наполнилась золотыми сосудами и шелковыми одеяниями, и служба в этом приходе была спокойной и приятной: обязанностей немного, а статус выше простого сельского священника. Рудольф был добрым человеком и почитал Господа, но в скрытых уголках его сердца крылось поклонение мамоне.

В часовне молча стояли Ойген и Кунигунда, ее сестра Ирмгарда, няня Клотильда, Гюнтер, Петер миннезингер, Вольфрам и их семейства, Макс и еще несколько человек из господской прислуги, погруженные в себя, ожидая начала мессы. Дитрих понизил голос до шепота:

– Он оставил свой бенефиций? – Сервы время от времени сбегали из манора. Намного реже сеньор мог бросить феода. Но ни одному человеку не подобало покидать свое сословие. – Куда он направился?

Манфред пожал плечами:

– Кто знает? Я даже не виню его за лошадь. Бегство дает шанс, а я не стану лишать человека права на него.

После службы Дитрих остановился в воротах курии и невидящим взглядом уставился на деревню, размышляя об отце Рудольфе. Затем повернулся на каблуках и направился к

дому Эверарда.

– Как поживает твой муж сегодня? – спросил он, когда Ирмгарда открыла верхнюю створку двери.

Та оглянулась:

– Лучше, я думаю, что... Он... – Она резко распахнула нижнюю створку. – Взгляните сами.

Дитрих осенил порог крестным знаменем. Сделал короткий вдох, опасаясь втянуть слишком много ядовитого воздуха в легкие.

– Мир сему дому. Где Элоиза?

– Кто? Демон? Я думала, у всех чертей еврейские имена. Я прогнала ее. Не хочу, чтобы она сидела тут наготове, желая заполучить душу моего мужа, случись той оставить его тело.

– Ирмгарда, крэнки живут с нами с самого кermеса...

– Они только ждут своего часа.

Дом Эверарда был разделен на главную комнату и спальню. Управляющий владел несколькими полосами земли, и богатство проявлялось в роскоши жилища. Сам больной лежал в спальне. Его лоб был сухим и горячим на ощупь. К волдырям на груди добавились пузыри в паху и подмышках. Один из них, под левой рукой, раздулся до размеров и цвета яблока. Дитрих отнес тряпицу к ведру, намочил ее, сложил и опустил на лоб мужчины. Эверард зашипел и сжал руки в кулаки.

Дитрих услышал, как Ирмгарда успокаивает плачущего ребенка. Приказчик открыл один глаз и произнес:

– Послушный мальчик. – Слова путались, так как его язык вывалился наружу и отказывался держаться за зубами, словно липкая, серая, мокрая улитка, пытающаяся спастись из раковины. – Хороший мальчик любит кашку, и птички поют, – повторил Эверард, вперив серьезный взгляд в Дитриха.

– Он сошел с ума, – сказала Ирмгарда, придвигаясь к кровати. Витольд с ревом выбежал из дома.

– Он в сознании, – ответил Дитрих, – и говорит. Это само по себе чудо. К чему требовать осмысленной речи?

Он попытался дать больному немного воды, но та струйкой сочилась по его подбородку, язык отказывался повиноваться. Эверард кашлял и стонал, но это казалось лучше, чем рвота и понос прежде. Отпускает, подумал Дитрих с облегчением.

* * *

С замкового холма священник направился по тропинке, бегущей вдоль мельничного ручья, к лугу. Там он наткнулся на Грегора и Терезию, сидящих на берегу и кидающих камешки в пруд. Он остановился, прежде чем они могли заметить его, и услышал поверх шума воды, падающей на мельничное колесо, колокольчики смеха Терезии. Затем кто-то перевел распределительный вал в рабочее положение, и огромные лопасти начали проворачиваться и стонать.

Когда-то этот звук улаждал слух Дитриха. Символ труда, снятого с плеч людей. Но сегодня в нем слышалась что-то жалобное. Из мельницы вышел Клаус посмотреть на то, как крутится колесо, и оценить напор потока. Удовлетворенный, он повернулся и, заметив Дитриха, издал приветственный возглас. Грегор и Терезия тоже заметили пастора, и тот приблизился к ним.

– Даю тебе мое благословение, – сказал он Грегору, прежде чем тот успел заговорить. Дитрих прикоснулся по очереди левой рукой ко лбам обоих, привычно творя крест правой. Прикосновение служило и другой цели: он убедился, что у обоих лоб холодный, хотя и не заговорил об этом.

– Она хорошая женщина, набожная, когда это позволяют ее внутренние страхи, а ее всеведение во врачевании – подлинный дар Господа. Что до страхов, не дави на нее, ибо она

жаждет утешения, а не расспросов. – Священник обернулся к Терезии, та заплакала. – Слушай Грегора, дочь моя. Он мудрее, чем сам думает.

– Я не понимаю, – сумела выдавить девушка, и Дитрих опустился подле нее на колени:

– Он достаточно мудр, чтобы любить тебя. Понимание даже единственно этого достойно уровня Аристотеля.

Грегор проводил его до мельницы:

– Вы передумали.

– Я никогда не противился этому. Грегор, ты прав. Каждый день может оказаться последним, и, много или мало отпущено нам, маленькие радости придают цену прожитому.

У мельницы Клаус отирал руки тряпичей, проводив взглядом каменотеса и травницу.

– Итак? – спросил он. – Получил ли Грегор то, чего желал?

Дитрих ответил:

– Он получил то, о чем просил. Молю Господа, чтобы желание и просьба совпали.

Клаус покачал головой:

– Иногда вы слишком умны. Знает ли она, что он хочет сделать с ней? Я имею в виду в браке. Терезия простодушна.

– Так ты занялся пшеницей? Мельник пожал плечами:

– Возможно, чума и убьет нас всех, но это не повод, чтобы в ожидании смерти помирять с голоду.

* * *

Так была явлена милость третьего дня.

XXIV

Июль, 1349

К заутрене. Поминание св. Аполлинария Равеннского. 23 июля

Занялась заря четверга, и с запада подул горячий ветер, завывая в черных елях и пригибая к земле недозрелую пшеницу. Небеса выгорели до столь блекло голубого, что стали напоминать алебастр. В отдалении, по направлению к Брейсгау, поднимались маленькие черные струйки дыма, указывая на пожары в долине. Воздух дрожал от жары, вызывая из небытия невидимых созданий, скитающихся по земле.

Дитрих сидел у постели Иоахима; юноша повернулся спиной так, чтобы ему могли смазать рубцы. Пастор опускал пальцы в миску и осторожными прикосновениями втирал приготовленную мазь в раны. Минорит вздрагивал от прикосновений.

– Ты мог умереть, – упрекнул его священник.

– Все умрут, – ответил Иоахим. – Вопрос только когда и как. Какая тебе в этом забота?

Дитрих отставил плошку в сторону:

– Я привык, что ты рядом.

Когда он поднялся, монах изогнулся, взглянув на него:

– Как идут дела в деревне?

– Уже три дня нет новых заболевших. Люди говорят друг другу, что чума прошла. Многие вернулись к работе.

– Тогда моя жертва не была напрасной. – Иоахим закрыл глаза и откинул голову на подушку. Через несколько мгновений он снова погрузился в сон.

Дитрих покачал головой. Как он мог сказать, что юноша ошибался?

* * *

Когда Дитрих вышел из пастората, готовя церковь к мессе, то увидел, как Гервиг Одноглазый, Грегор с сыновьями и прочие спешат на работу в поле, с мотыгами и косами на

плечах. Топилась печь Якоба, вращалось колесо мельницы Клауса. Только в кузнице царили тишина и холод.

Пастор вспомнил, как Лоренц стоял у наковальни, покрытый потом, в фартуке, и махал ему рукой. Наверное, Ванда наконец решила, что мужская работа слишком тяжела. А может, у нее кончился уголь.

Священник спустился с холма, проходя мимо отар овец. Тех практически не осталось, все слабые, с виду болезненные. Падеж деревенской живности едва заметили из-за большого страха перед чумой. Коровы и овцы падали от ящура. Дохли и крысы, хотя это было к лучшему. Собака Гервига залаяла, села и принялась яростно вычесывать блох.

Дитрих вошел внутрь кузницы с открытыми стенами, поднял лежавший на наковальне молот и, покачав инструмент в руках, удивился его тяжести. Лоренц орудовал им одной рукой, а пастор едва смог поднять. Кадка с подковами для быков и лошадей стояла поблизости. В бочонке для закаливания металла поверхность воды покрылась зеленоватой пленкой.

Карканье ворона привлекло внимание священника. Он увидел, как тот сделал круг, опустился в огород за кузницей и взмыл вверх. Затем все повторилось.

Уронив молот, пастор рванулся к задней калитке и обнаружил там Ванду Шмидт, распростертую на спине посреди бобов и капусты, воздевшую руки, словно пытаясь дотянуться до неба. Ее черный и распухший язык высунулся из сухих потрескавшихся губ. Ворон вновь спикировал вниз, и Дитрих прогнал его палкой.

– Воды, – выдохнула лежащая ничком женщина.

Священник вернулся в кузницу, нашел кружку возле бочонка с водой, наполнил ее, но, когда протянул больной, дергающиеся руки оттолкнули его прочь. Лицо Ванды покраснело от жара, поэтому он нашел тряпицу, намочил и положил ее на лоб женщины.

Та вскрикнула, выгнулась и забила руками, пока не спихнула ветошку прочь. Подняв лоскут, Дитрих обнаружил, что тот почти высох. Он скомкал его в руках, сев прямо на землю. «За что, Господи? – взмолился он. – За что?»

Священник прогнал нечестивую мысль. «Эта чума пришла не по воле Господа», – напомнил он себе. Эверард вдохнул ее, теперь и Ванда. Она давно не общалась с управляющим, поэтому теория крэнков о прыгающих с человека на человека «маленьких жизнях», похоже, оказалась ложной. И все же этому должна быть *причина*. Бог все расположил «мерой, числом и весом». Измеряя, взвешивая и отсчитывая, простой смертный мог постичь «вечные установления, которым Он подчинил движение звезд, приливы и отливы в море».

Ванда закричала, и Дитрих осторожно отодвинулся. Простой взгляд на больного мог заразить. Из глаз вырывается голубое пламя. В бегстве единственное спасение. Он вскочил на ноги и бросился обратно через кузницу на дорогу, где остановился, учащенно дыша.

Снаружи, казалось, все шло своим чередом. Пастор слышал визг пилы с бондарни Беттхера, далекий крик ястреба, кружащего высоко над озимыми полями. Видел, как свинья Амбаха ковыряется в мусоре вдоль дороги, как поднимается водяной пар над лопастями мельничного колеса. Почувствовал горячее дыхание ветра на щеке.

Ванда была слишком крупной женщиной, чтобы тащить ее одному. Нужно сбегать за подмогой, сказал он себе. Дитрих

побежал сначала к мастерской каменотеса, но Грегор захватил сыновей с собой складывать в стога сено. Затем, вспомнив, что Клаус и Ванда спали вместе, рванул на западную окраину деревни.

* * *

Одо отворил верхнее окошко двери, но посмотрел на Дитриха отсутствующим взглядом.

– Проклятие свершилось, – сказал старик, но ничего не стал пояснять. Дитрих просунул

руку и, отперев нижнюю створку, протолкался внутрь.

– Клаус! – крикнул он.

Старый Швайнфюрт стоял у раскрытой двери, уставившись на пустую улицу. Сверху раздался стон, и пастор вскарабкался по лестнице на верхний этаж, где находилась спальня.

Там он обнаружил мельника на трехногом стуле, придвинутом к постели. Кровать выделялась резным изголовьем, в ногах стоял дубовый ларь на железных петлях с изображением мельничного колеса. На набитом тиком матрасе лежала Хильда.

Ее золотистые волосы спутались и покрылись испариной, тело изнемогало от кашля. Глаза округлились настолько, что походили на глаза крэнков.

– Позови пастора Дитриха, – кричала она. – Дитрих!

– Я здесь, – сказал пастор, и Клаус подпрыгнул от этого почти шепотом сказанного слова, хотя прежде не реагировал на удары кулаками и крики. Не оборачиваясь, он сказал: – Она жаловалась на головную боль, когда проснулась, но я не придавал этому значения и пошел запустить колесо. А затем...

– Дитрих! – закричала Хильда. Тот встал на колени подле постели:

– Вот он я.

– Нет! Нет! Приведи ко мне пастора!

Дитрих мягко прикоснулся к ее плечу, но женщина резко отпрянула.

– Она обезумела, – сказал Клаус неестественно спокойным голосом.

– Волдыри появились? Майер покачал головой:

– Я не знаю.

– Позволено ли мне будет поднять ее рубашку, чтобы посмотреть?

Мельник какое-то мгновение смотрел на Дитриха, потом начал смеяться, раскатисто, громко хохотать, после чего неожиданно успокоился.

– Святой отец, – сказал он мрачно, – вы – единственный мужчина в этой деревне, кто испросил моего позволения, прежде чем заглянуть под ее рубашку. – Мельник отодвинулся.

Священник задрал ночную сорочку и с облегчением убедился в отсутствии волдырей у нее в паху, хотя красноватые точки близ сокровенного места показывали, где они появятся. Когда он попытался осмотреть грудь и подмышки, рубашка зацепилась, и женщина принялась извиваться.

– Макс! – позвала она. – Пошли за Максом! Он защитит меня!

– Будете ли вы ее отпевать? – спросил Клаус.

– Пока нет. Клаус... – он замаялся, но не сказал ни слова о Ванде. Мельник не оставит жену в таком состоянии. Когда Дитрих поднялся на ноги, Хильда схватила его за рясу, попросив: – Сходи за Дитрихом.

– *Ja, doch*, – ответил пастор, разжимая ее хватку. – Я сейчас же схожу за ним.

Снаружи он остановился перевести дух. Бог мудр. Дитрих бежал от чумы из одного дома и тут же нашел ее в другом.

* * *

Ганс и Готфрид помогли ему отнести Ванду в постель. Когда он вернулся в пасторат, Иоахиму хватило одного взгляда на его лицо.

– Чума! – сказал он. На кивок Дитриха монах откинулся на подушку и закричал: – О Господи, я подвел тебя!

Дитрих положил ладонь на его плечо:

– Ты никого не подвел. Минорит сбросил его руку:

– Крэнки вернулись в ад не исповедовавшись!

Когда священник решил уйти, Иоахим поймал его за рукав:

– Ты не можешь позволить умереть им в одиночестве.

– Я знаю. Я иду к Манфреду испросить его позволения на учреждение госпиталя.

* * *

Манфред сидел в большом зале, между ревущим камином и котлом, в котором тоже был разведен огонь. Все обитатели замка ютились здесь, даже Имре-коробейник. Слуги сновали туда-сюда, неся дрова и поддерживая пламя. Они выходили медленно и быстро возвращались.

Манфред, сидя за письменным столом и царапая пером по пергаменту, объяснил, не поднимая головы:

– Огонь помог твоему папе. Де Шолиак порекомендовал его, когда я разговаривал с ним в Авиньоне. Стихия огня каким-то образом уничтожает ядовитые испарения. – Он махнул небрежно пером. – Я оставляю науку тем, кто сведущ в ней. – Его взгляд метнулся по углам зала, как если бы он мог разглядеть притаившуюся там чуму. Затем хозяин замка вновь сгорбился над документом.

Огонь может и подействовать, подумал Дитрих, поскольку разреживает плотную массу ядовитых испарений и заставляет ее подниматься. Колокола тоже могут развеять заразные облака, сотрясая воздух. Но если чума разносится неисчислимыми *mikrobiota*, Дитрих не понимал, как от них мог помочь огонь – если только «маленькие жизни», подобно мотылькам, не слетаются на пламя и не сгорают в нем. Этих мыслей он не озвучил.

– Мой господин, Ванда Шмидт и Хильда Мюллер поражены чумой.

– Я знаю. Крэнкерин Элоиза предупредила меня по устройству, передающему слова на расстоянии. Чего ты хочешь от меня?

– Я прошу вашей милости на устройство госпиталя. Скоро, боюсь, слишком многие слягут и...

Манфред ударил пером по столешнице, обломав его кончик:

– Ты слишком держишься формальностей. Госпиталь. *Ja, doch.* Да будет так. – Он махнул рукой. – Если бы от этого была какая-то польза.

– Если мы не сможем спасти жизни, – сказал Дитрих, – то, по крайней мере, облегчим смертные страдания.

– Это, наверное, большое утешение. Макс! – Манфред присыпал пергамент и сложил лист вчетверо. На куске воска, налитого со свечи, оттиснул свою печать, после чего принялся внимательно осматривать кольцо, чуть поворачивая его на пальце. Затем взглянул на маленькую Ирмгарду, стоящую рядом с няней и сопящую сквозь слезы, и коротко ей улыбнулся. Вручил Максиму два письма. – Отвези их к дороге на Оберрайд и вручи первому заслуживающему доверия путешественнику. Одно для маркиграфа Бадена, другое – для габсбургского герцога. Фрайбург и Вена уже заняты своими проблемами, но они должны знать, что стряслось здесь. Гюнтер, взнуздай коня для него.

У Макса был несчастный вид, но он склонил голову и, вытащив перчатки из-за пояса, направился к дверям. Гюнтер последовал за ним с еще менее, если это было возможно, счастливым видом.

Манфред покачал головой:

– Боюсь, смерть уже поселилась в этом доме. Эверард свалился сразу же, когда вышел из зала. Как он?

– Лучше. Можно я перевезу его в госпиталь?

– Поступай так, как считаешь нужным. Не спрашивай на будущее моего позволения. Я забираю всех в замок. Я запретил кому-либо входить в деревню, и никто меня не послушал. Теперь Одо принес сюда чуму. За *шильдмауэром* я, по крайней мере, смогу оградить себя от незваных гостей. Каждый теперь должен заботиться о своем доме и своих родных. Дитрих сглотнул слюну:

– Господин, все люди – братья. Манфред состроил скорбную мину:

– Тогда у тебя впереди много работы.

* * *

Дитрих позвал Ульфа и Элоизу отнести Эверарда в госпиталь, устроенный наскоро в кузнице. Оба крэнка до сих пор не приняли Христа. Они остались, как предположил Дитрих, из-за ужаса перед смертью в «пропасти между мирами», превосходящего страх умереть от истощения. Но когда он спросил об этом Ульфа, крэнк только рассмеялся и бросил:

– Я ничего не боюсь. Крэнк умрет. Человек умрет. Умереть надо как должно.

– С любовью к ближнему в сердце. Последовал небрежный взмах рукой:

– Нет никакой «любви-к-ближнему», только отвага и честь. Умереть должно без страха, в презрении к Пикирующему. Никто не верит, конечно, в реального Пикирующего, просто так у нас говорят.

– Тогда почему же ты остался, а твой корабль отплыл, если не из страха перед «пропастью»?

Ульф указал на идущую впереди них крэнкерин:

– Потому что Элоиза осталась. Я обещал нашей супруге... Ты ведь знаешь, у нас есть мужчина, женщина и кормилица? Хорошо. Кормилица всегда остается в гнезде. Я дал ей... кровную клятву, что буду рядом с Элоизой. Некоторые из тех, кто ищут истину, говорят, что в «пропасти» нет времени, и смерть потому длится вечно. Элоиза боится этого больше всего на свете. По мне так всякая смерть одинакова, мне на нее челюстями щелкнуть. Я остался из-за своей клятвы.

* * *

В доме Эверарда стояло явственное зловоние. Управляющий лежал на постели обнаженный, за исключением сухой грязной тряпицы, покоящейся на лбу. Иссиня-черные линии расчертили конечности больного, начинаясь из паха и подмышечных впадин. Ирмгарды и Витольда след простыл. Дитрих склонился над приказчиком, думая, что тот преставился, но глаза мужчины раскрылись, он приподнялся на постели и закричал:

– Мать Божья!

– Я должен проткнуть бубоны, прежде чем мы увезем его, – сказал пастор Ульфу, осторожно прижимая управляющего к постели. Хотя, судя по черным рекам яда, бегущим из рук и ног, он уже опоздал. – Где твоя жена и ребенок? – спросил священник Эверарда. – Кто заботится о тебе?

– Мать Божья! – Управляющий бил себя кулаками, расцарапывал кожу ногтями и визжал. Затем внезапно он откинулся навзничь, учащенно дыша и ловя ртом воздух, как если бы отразил со стен приступ и теперь отдыхал перед новой атакой.

Священник уже омыл нож в уксусе, а Ульф посоветовал также нагреть лезвие на огне. Камин теплился темно-красными углями. Дров поблизости не оказалось. «Она сбежала, – подумал Дитрих. – Ирмгарда оставила своего мужа». Он спросил себя, знает ли об этом Эверард.

Бубоны были величиною с яблоко, кожа на них туго натянулась и блестела. Пастор выбрал один под правой рукой и прикоснулся к нему острием своего скальпеля.

Больной взвыл и замахал руками, ударив кулаком Дитриха и выбив скальпель из руки. Священник упал на колени, от удара в глазах у него двоилось, затем на ощупь стал искать лезвие. Когда он поднялся, Эверард лежал на боку, крепко обхватив себя руками и поджав ноги в коленях. Дитрих подошел к стулу возле кровати и какое-то время сидел на нем, потирая висок и раздумывая. Затем вызвал Ганса по устройству для разговоров.

– У меня в сарае есть корзина, помеченная крестом госпитальеров, – сказал он своему другу. – Принеси в дом управляющего одну из губок, которую найдешь в ней, – но бери осторожно. Она пропитана мандрагорой и другими ядами.

Ганс появился скоро и остался наблюдать вместе с двумя другими крэнками. Дитрих смочил губку водой в бочке за домом и вернулся, держа ее на вытянутой руке. Затем, как и наставлял савояр, поводил ею перед носом и ртом Эверарда, пока управляющий царапал ему

руки. Настолько долго, чтобы усыпить, говорил лекарь, но не настолько, чтобы умертвить. Эверард внезапно обмяк, и Дитрих швырнул губку в огонь. Не перестарался ли он? Но нет, грудь мужчины вздымалась и опадала. Священник перекрестился:

– Блаженный Иисус, направь мою руку. Прикосновение ножа не пробудило управляющего, но он застонал и начал сопротивляться. Ганс и Ульф прижали ему руки и ноги. Волдырь не поддавался, и Дитрих надавил острием посильнее.

Внезапно волдырь прорвался, и отвратительная, нагноившаяся черная скверна вытекла наружу, разнося омерзительную вонь. Пастор сжал зубы и приступил к остальным пустулам.

Когда он покончил с операцией, Элоиза передала ему тряпку, которую прокипятила и пропитала уксусом. Ею Дитрих стер грязь и очистил тело мужчины насколько смог.

– Я бы не притрагивался к гною, – посоветовал Ульф, впрочем, священник и не намеревался, а выбежал прочь и согнулся пополам, опорожнив желудок от съеденного за завтраком и жадно глотая горный воздух. Ганс, последовавший за ним, несколько раз легонько прикоснулся к нему. – Нехорошо?

Дитрих выдохнул:

– Очень плохо.

– Мои... – Ганс легонько коснулся своих усиков. – Я должен промыть их. – Затем произнес – Управляющий не выживет.

Пастор выдохнул:

– Мы должны надеяться, но... я думаю, ты прав. Его жена забрала сына и сбежала. У него нет никого, кто мог бы о нем позаботиться.

– Тогда это сделаем мы.

Они положили Эверарда на госпитальную повозку, которую смастерил Циммерман; Ульф с Элоизой взялись за ручки спереди и сзади. Дитрих шел рядом и придерживал носилки, когда они преодолевали холм, вспомнив, как св. Эфраим Сирийский смастерил три сотни носилок во время голода в Месопотамии. *Нам потребуется больше*, сказал он себе.

Ганс остался сжечь все тряпки и одежду и убить тем все «маленькие жизни», которым они могли дать пристанище. Ульф вызвал его:

– Сохрани порцию гноя на анализ.

– Зачем ты попросил об этом? – спросил Дитрих, когда они спускались с холма.

– Я работал с инструментами в лазарете нашего судна, – рассказал ему Ульф. – У нас есть устройство, которое оставил Увалень, оно позволит рассмотреть «маленькие жизни».

Дитрих кивнул, хотя ничего и не понял. Затем вдруг спросил:

– Почему ты помогаешь нам с больным, если не веришь в «любовь к ближнему»?

Крэнк-язычник махнул рукой:

– Ганс теперь господин крэнков, поэтому я следую за ним. Кроме того, это позволяет занять время.

Ответ, в котором отражалась вся натура крэнков.

* * *

Ванда Шмидт умерла утром, на День святого Матернуса Миланского. Она брыкалась, корчилась от боли и перекусила пополам свой язык. Черная кровь изливалась из нее и текла изо рта. Женщина не слышала слов утешения, которые говорил ей крэнк Готфрид; возможно, даже не чувствовала мягкие удары, которые почитались его племенем как своего рода ласка.

После Готфрид обратился к Дитриху с вопросом:

– Господин-с-неба не спас женщину блаженного Лоренца. Зачем мы молили о Его помощи?

Пастор покачал головой:

– Все люди умирают, когда Господь призывает их к себе. Крэнк спросил:

– Почему он не мог призвать ее более нежно?

Клаус и Одо принесли Хильду в госпиталь на носилках. Когда они положили ее на соломенный тюфяк в кузнице близ огня, разведенного в горне, Клаус велел старику вернуться в дом, и тот рассеянно кивнул, прибавив:

– Скажи Хильде, чтобы поторапливалась обратно и приготовила мне обед.

Клаус посмотрел ему вслед:

– Он сидит на стуле перед камином и таращится на золу. Когда я вхожу в комнату, смотрит на меня секунду, а потом возвращается к своему занятию. Я думаю, он уже мертв – вот здесь. – Мельник стукнул себя в грудь. – Все остальное пустая формальность. – Он опустился на колени пригладить волосы Хильды. – Животные тоже умирают. По пути я видел дохлых крыс, несколько кошек, старую гончую Гервига. Одноглазому будет не хватать его собаки.

«Боже милостивый, – взмолился Дитрих, – неужто ты решил очистить землю от всего живого?»

– Что это? – спросил он, указывая пальцем на рукав куртки Клауса. – Похоже на кровь. Ее рвало кровью?

Мельник скосил глаза на пятна и уставился на них, как будто никогда не видел их прежде.

– Нет. – Он прикоснулся к одному из пятнышек кончиком пальца, но на нем не осталось следов, поскольку жидкость уже высохла. – Нет. Я... Я следовал...

Но что мельник хотел сказать, так и осталось загадкой, ибо Хильда приподнялась со своей постели и вдруг неожиданно встала прямо. Сначала Дитрих счел это за чудо; но женщина начала кружиться и вертеться, напевая «ля-ля-ля» и молотя руками. Клаус вцепился в нее, но ее рука увесисто ударила его в щеку, едва не повалив с ног.

Священник подскочил к другой стороне матраса и попытался ухватить ее за одну руку, схватив ее за пояс и навалившись всем своим весом. Клаус держал ее за другую, сделав то же самое. Хильда продолжала извиваться из стороны в сторону, бессвязно напевая. Затем внезапно затихла. Голова Клауса вздернулась.

– Она?..

– Нет-нет, она дышит.

– Что это значит? Эти пляски. Дитрих покачал головой:

– Я не знаю... – Ее пустулы разрослись, но на руках не было прожилок яда. – Можно я осмотрю ее ноги? – Без лишних слов Клаус поднял подол платья женщины, и Дитрих внимательно изучил ее пах и бедра, с облегчением убедившись, что там тоже нет черных полос. – Готфрид, принеси старого вина.

Клаус уронил голову:

– *Ja, ja*, мне тоже надо выпить. Теперь она успокоится?

– Это не для того, чтобы пить. Я должен протереть ланцет. Клаус внезапно расхохотался, затем погрузился в мрачное молчание.

Крэнк принес горшок с уксусом, и Дитрих прополоскал в нем лезвие. Затем поместил его над огнем, пока ручка не стала горячей. Он решил не рисковать с усыпляющей губкой на сей раз, оставив ее для больных вроде Эверарда, чьи шансы на жизнь и риск смерти почти сравнялись.

– Держи чашу, – сказал пастор Готфриду, передавая тому глиняную миску. – Когда я проколю пустулу, гной должен течь в чашу. Ульф сказал, мы не должны допустить соприкосновение гноя с нашей плотью, но крэнки не думают, что им он может навредить, – добавил священник Клаусу.

– Есть только один способ проверить это, – сказал Готфрид.

– Так, значит, он умный демон. – Мельник оглядел крэнка. – Она заботилась о *них*, теперь *они* заботятся о ней. Первое для меня не ясней второго. – Он посмотрел на нож.

– Не бойся, – сказал Дитрих. – Де Шолиак сказал Манфреду, что эта процедура часто

приносит исцеление, если с ней не затянуть слишком долго.

– Режь тогда! Я не вынесу, если она...

Дитрих подправил ланцет оселком. Четким движением вскрыл пустулу. Хильда ахнула и прогнулась, хотя не кричала, как Эверард. Пастор твердо сжал ее руку, и гниль потекла в подставленную Готфридом чашку. Он взглянул, не примешивается ли к ней кровь, и с облегчением увидел, что нет.

Не такой ужасный, как у Эверарда, гной все же исторгал достаточное зловоние. Клаус сглотнул и усилием воли сдержал тошноту, отскочив, правда, в сторону.

Вскоре неприятная процедура завершилась. Дитрих полил на раны еще немного уксуса. Он не знал точно, по какой причине это полезно, но доктора учили так делать с великих времен Фомы Аквинского. Уксус обжигал; возможно, элемент огня сжигал «маленькие жизни».

* * *

Завершив процедуру, Дитрих вместе с Клаусом направились к дому Вальпургии Хониг и уселись на скамейку. Мельник постучал костяшками пальцев в оконные ставни, и мгновение спустя хозяйка пивной отворила и сунула кружку пива ему в руки. Она бросила взгляд на Дитриха и появилась вновь со второй; затем захлопнула ставень и громыхнула засовом. Внезапный шум напугал Атаульфа Кольмана, сидевшего в грязи на улице, и он стал звать маму.

– Все боятся, – сказал Клаус, взмахнув кружкой. Он сделал маленький глоток, а потом закрыл глаза и заплакал. Сосуд выпал из задрожавших нервно пальцев, и пиво вылилось в грязь. – Я не понимаю, – произнес он какое-то время спустя. – Разве она в чем-то нуждалась? Одного ее слова было достаточно, я все покупал. Парча, корсеты, мантильи. Шелковое белье однажды во Фрайбурге – итальянская работа, и разве не я все это приобрел? «Французскую краску» для лица. Я приносил пищу к столу, дал крышу над головой – и крышу не лачуги, как у ее отца. Нет, *деревянный* дом с *каменным* камином и дымоходом для обогрева спальни на чердаке. Я дал ей двух прекрасных детей, и, хотя Господу было угодно призвать к себе нашего сына совсем маленьким, я увидел, как Фию честь по чести выдали за фрайбургского купца. Одному Богу известно, что сейчас творится во Фрайбурге. – Клаус посмотрел на свои ладони и крепко стиснул руки. Потом обратил взгляд на восток, в сторону долины.

– И все же она искала себе других мужчин. Все знали об этом, лишь я изображал неведение – и в отместку обвешивал с мукой. Я засмеялся, когда поднял ей юбку для вас. Но теперь думаю, вы действительно – последний мужчина в Оберхохвальде, наслаждавшийся этим зрелищем; хотя одно время я думал иначе. Я думал, вы уходите в лес, чтобы быть с ней, святой отец. Хоть вы и священник, но все же мужчина. Поэтому однажды я пошел следом. Так впервые увидел монстров. Только это было не страшно; ужас я почувствовал, когда застал Хильду, распростершуюся на ложе из листьев, а в нее входил этот грубый сержант.

Дитрих вспомнил, как один из коней мельника стоял стреноженный у прогалины. Тогда он решил, это лошадь Хильды.

– Клаус... – сказал он, но мельник продолжил, даже знака не подав, что слышит пастора:

– Я проворен на супружеском ложе. Не так, как в молодости, но остальные женщины не жаловались. О да, я изменял ей с другими женщинами. Какой у меня был выбор? *Ваш* выбор? Нет, я горю, как Павел. Я не знаю, почему она отвратилась от меня. Другие мужчины вели слаще речи? Их губы были более приятны? – И теперь мельник поднял глаза и посмотрел в упор в лицо Дитриха. – Вы могли сказать ей. Вы могли указать на заповедь. Но... Я не желал ее покорности. Я хотел любви и не получал ее, и не знаю почему.

Я увидел ее впервые в свинарнике отца, она задавала корм. Стояла босиком в грязи, но в ней я разглядел принцессу. Тогда я учился у старого Генриха – отца Альтенбаха, то есть – тот держал господскую мельницу до меня, так что у меня были хорошие виды на будущее.

Беатриса умерла той ужасной зимой пятнадцатого года и все дети вместе с ней, так что мой род прервался бы, не женись я вновь. Я попросил ее руки, заплатил меркет, и господин дал свое позволение. Ни у какой женщины здесь не было прекрасней свадьбы, за исключением одной только Кунигунды! Я узнал той ночью, что она не девственница, но какая женщина невинна к этому возрасту? Меня тогда это не волновало. Возможно, напрасно.

Дитрих положил ладонь на плечо Клауса:

– Что ты будешь делать теперь?

– Он не был любезен с ней, эта свинья, сержант. Для него она – всего лишь еще одна *loch*.²⁶¹

– Ванда Шмидт умерла. Клаус медленно кивнул:

– Это очень страшно. Мы были добрыми друзьями. Нам недоставало одного и того же, но вместе мы все возмещали. Я знаю, это грех, но...

– Небольшой грех, – заверил его Дитрих. – Думаю, у вас не было злого умысла.

Клаус засмеялся. В уголках глаз выступили слезы, а его дородное тело затряслось, и Дитрих представил землетрясение в бочке.

– Как часто, – заговорил он, когда смех сменился меланхолией, – в ваших сухих, схоластических проповедях я слышал такие слова: «Зло – это недостаток добра». Так скажи мне, священник, – его глаза казались пустыми, – какому мужчине ее недоставало так, как мне?

Они погрузились в молчание. Пастор отдал мельнику свою кружку пива, и тот отпил из нее.

– Мои грехи, – сказал тот. – Мои грехи.

– Эверард тоже умер, – сказал ему Дитрих, Клаус кивнул. – И Францль Длинноносый из замка. Они выбросили тело за стены этим утром.

Мельник бросил взгляд на башни позади замковых стен:

– Как поживает Манфред?

– Я не знаю.

Клаус поставил кружки на подоконник, чтобы Вальпургия забрала их обратно.

– Интересно, узнаем ли.

– А Унтербаумы уехали, – продолжил Дитрих. – Конрад, его жена и оба их оставшихся ребенка...

– В Медвежью долину, я надеюсь. Только дурак сейчас направится в сторону Брейсгау, если во Фрайбурге чума. Где мать Атаульфа?

Они поднялись и направились к мальчику, ревящему в грязи.

– Что такое, мой маленький? – спросил пастор, опускаясь рядом с мальцом.

– Мапочка! – выл Атаульф. – Хочу к мамочке! – У него перехватило дыхание, рев перешел в мычание, завершившееся припадком надрывистого кашля.

– Где она? – спросил Дитрих.

– Я не знаю! Мапочка, *мне плохо!*

– Где твой отец?

– Я не знаю! Папочка, пусть это прекратится! – Он снова зашелся в кашле.

– А твоя сестра, Анна?

– Анна спит. Не буди ее! Мама сказала.

Дитрих и Клаус переглянулись. Затем они оба посмотрели на дверь дома. *Майер* стиснул зубы:

– Я полагаю, мы должны...

Клаус распахнул дверь и вошел внутрь; Дитрих, держа мальчика за руку, – следом.

Норберта и Аделаиды нигде не было видно, но Анна лежала на соломенном тюфяке с безмятежным выражением лица.

²⁶¹ *Loch* – дыра, отверстие (нем.).

– Мертва, – возвестил Клаус– Но на ней нет отметин. Не так, как с бедным Эверардом.
– Атаульф, – строго спросил Дитрих, – твоя сестра болела, когда вы легли спать вчера ночью? – Мальчик, все еще хныкая, помотал головой. Дитрих посмотрел на Клауса, тот произнес:

– Иногда ящур поражает людей вот так, когда проникает через дыхание, а не через кожу. Возможно, чума действует так же. Или же она умерла от печали по тому парню.

– Бертраму Унтербауму.

– Я был лучшего мнения о Норберте, – бросил мельник, – не думал, что он оставит мальчишку на погибель.

Разум подсказал ему бежать, подумал Дитрих. Если мальчишка умрет, к чему оставаться – и обрекать на смерть самого себя? Поэтому все разумные люди бежали – из древней Александрии, из зачумленной армии Константина, из Парижского госпиталя.

Клаус подхватил мальчика на руки:

– Я заберу его в госпиталь. Если выживет, будет мне сыном.

Клаус действовал против своего нрава, но предложение это не удивило пастора. Дитрих дал свое благословение, и они пошли каждый своим путем. Священник направился к дороге, которая вела из деревни в сторону Медвежьей долины.

Дверь дома распахнулась, и Ильзе Аккерман выбежала из него с Марией на руках.

– Моя маленькая Мария! Моя дочка! – вскрикивала она вновь и вновь.

Малышка перепачкалась рвотой, ее губы и язык посинели, изо рта струилась кровь. От нее исходил знакомый чумной дух. Прежде чем Ильзе успела сказать еще что-то, девочка задергалась и умерла.

Женщина закричала вновь и уронила дочь на землю, на которой та осталась лежать, словно почерневшая кукла, которую Мария спасла из огня. Чума, казалось, поразила все ее тело, заставив гнить изнутри. Это зрелище было еще ужасней, чем Хильда с ее бредом и даже Ванда с ее ворочающимся почерневшим языком. Дитриху предстала Смерть в самом устрашающем величии.

Женщина закрыла лицо ладонями и побежала в сторону озимых полей, где работал Феликс, так и не обернувшись на лежащую в грязи девочку.

* * *

Смерть со всех сторон наносила Дитриху стремительные удары. Эверард, Францль, Ванда, Анна, Мария. Мирно или в агонии; быстро или долго; со зловонным гниением или в безмятежном сне. Не было никакого порядка или закономерности. Пастор ускорил шаг. Чума, после трех дней покоя, удвоила свои усилия.

На липе, растущей на деревенском лугу, болтался отвратительный плод: под напором горячего июльского ветра покачивалась человеческая фигура. Одо, понял Дитрих, когда подошел поближе, и сначала подумал о самоубийстве. Но веревку привязали к стволу, и поблизости не было ничего, с чего бы старик мог спрыгнуть. Тогда священник понял. На пути к дому зятя Одо поймали и убили за то, что он принес с собой чуму.

Дитрих не выдержал и побежал. Прошлепав сандалиями по деревянным доскам мельничного мостка, пастор устремились в сторону Медвежьей долины. Дорогу нещадно палило солнце, тень омывала ее только между холмами. Здесь ручей размыл тропу, грязь забрызгала ноги Дитриха. На повороте священник наткнулся на одного из господских коней, серого, полностью взнузданного и покрытого попоной, тот щипал листья с одного из сочных кустов у дороги.

«Знак!» – подумал Дитрих. Господь послал ему знак. Схватив поводья, пастор вскарабкался на возвышение и вскочил в седло. Затем, не оборачиваясь, пустил упирающегося коня на восток.

В наши дни: Шерон

Подсознание – замечательная вещь. Оно никогда не спит, и неважно, чем оно занимается. Главное, оно никогда не прекращает думать. Нет разницы, чем занято в это время сознание. Шерон вела лекцию по структуре Галактики – семь аспирантов-физиков старших курсов, – когда, поворачиваясь после доказательства очередного положения, посмотрела на большую карту распределения красного смещения.

Ну конечно.

Она замолчала, и студент, секунду назад ответивший на ее вопрос, смущенно опустил на свое место, гадая, в чем ошибся. Он отрывисто постучал ручкой по крышке стола и оглянулся, прося помощи товарищей.

– Я хотел сказать... – Он помедлил, надеясь на намек.

Шерон повернулась:

– Нет, вы совершенно правы, Гириш. Но я только что поняла... Все свободны.

Ныне единственная разница между аспирантами и студентами заключается в том, что первые иногда недовольны подобной неожиданной милостью, ведь большинство из них сидели здесь, так как *хотели* этого, а не просто подчинялись требованиям общества. Потому они покинули семинарскую аудиторию, недовольно жужжа, тогда как Шерон бросилась в свой кабинет, где принялась яростно писать.

Когда Эрнандо полчаса спустя вошел к ней, зашвырнул кепку на книжную полку и уронил рюкзак рядом со столом, она так глубоко была погружена в свои мысли, что даже не заметила его. Он смотрел на нее какое-то время, а потом расположился рядом, приводя в порядок выписки перед лекцией по нуклеонике.

– Все потому, что время квантовано, – сказала Шерон, выведя Эрнандо из его размышлений.

– Что? Время квантовано? Да, полагаю. Почему нет?

– Нет, это я о красном смещении. Почему галактики разбегаются на дискретных скоростях. Вселенная распыляется.

Эрнандо повернул стул лицом к ней:

– Верно.

– Хорошо, энергия вакуума. Лямбда Эйнштейна, та самая – он еще называл ее своим самым большим промахом.

– Космический выдуманный фактор, который он вбросил, чтобы получить желаемый результат.

– Правильно. Поэтому Эйнштейн и был гением. Даже его ошибка оказалась блестящей. Лямбда все быстрее и быстрее разносит галактики друг от друга. Но количество энергии в вакууме зависит от скорости света – и наоборот.

– Похоже, именно это предполагает твоя теория. Она пропустила мимо ушей его сомнения.

– Если скорость света падает, возможное количество энергии, содержащееся в вакууме, сокращается. Так куда уходит излишек?

Эрнандо поджал губы и принял задумчивый вид.

– За пределы Вселенной?

– Нет, *внутри* Вселенной. В обычную радиацию и материю. В облака частиц и микроволны, звезды, планеты и галактики, в китов, птиц и профессоров колледжей.

Постдок присвистнул:

– Большой взрыв в себе...

– И без дурацкого поля инфлатона в качестве эпицикла. Квантованное время – единственное, что объясняет интервалы длинноволнового смещения.

– Разрешающая способность измерительных приборов? – предположил Эрнандо. – Ограниченное число примеров? Нерепрезентативные примеры?

– То же самое сказали Тиффту,²⁶² когда он открыл это. И... его оппоненты были во многом правы, но не смогли побороть ортодоксию, цепляясь за существующую догму. Смотри, *свет* квантован, *пространство* квантовано, почему время должно быть исключением? Оно – всего лишь другое измерение континуума.

– О, это убедительный аргумент. Кроме того, если ты права, то он не совсем континуум.

– И вот почему в красном смещении есть интервалы. То, что выглядит как непрерывная картинка кинофильма, на деле всего лишь серия кадров. Во вселенной есть «трещины».

Мужчина засмеялся:

– И что же в этих «трещинах»?

– Разве тебе не хочется это узнать? Целые вселенные, я думаю. Параллельные миры.

Эрнандо вздернул голову, задумался и, наконец, спросил:

– Объективные свидетельства? – А здесь твой выход.

– Мой? – Он явно встревожился, словно Шерон намеревалась отправить его в один из этих параллельных миров.

– Тебе нужно построить мне измеритель хрононов.

– Ну конечно, завтра после двухчасовой лекции я абсолютно свободен. Я полагаю, что хронон это...

– Квант времени.

Он поразмыслил над этим:

– Хорошенькое дельце. Но как вообще засечь нечто подобное?

– Ты и я, Эрнандо, нам предстоит это вычислить. Только подумай. Однажды ты сможешь прогуляться на другую планету или в параллельный мир.

Постдок фыркнул:

– У меня есть чем заняться в этот уик-энд.

Она откинулась на спинку стула, уверенная, что ей удалось зацепить его вечно сомневающийся разум. Каждый энтузиаст нуждается в скептике, иначе Шерон давно вышла бы из-под контроля.

XXV

Июль, 1349

Непраздничные дни

Лошадь не хотела бежать, и ее неохотный шаг стал компромиссом между жадой Дитриха сорваться в галоп и желанием скакуна никуда не двигаться. Когда они достигли площадки перед воротами на луг, где кусты уступали место открытому пространству, кобыла увидела распущенные, разбросанные ветром, наполовину сложенные копны сена и свернула с дороги, попытавшись мордой сбить веревочную петлю с воротного столба.

– Если ты так голодна, кума-лошадь, – сдался Дитрих, – то не выдержишь путешествия. – Наклонившись вниз, он снял запор, и животное затрусил на луг, словно ребенок, которому показали праздничный пирог.

В нетерпеливом ожидании, пока серая насытится, пастор поддался любопытству и направился к седельным сумкам, чтобы узнать, кому, помимо Господа, обязан этим даром. Покопавшись, священник обнаружил льняной орарь, выкрашенный в ярко-зеленый цвет и окантованный золотой нитью в виде крестов и христов. Под ним еще лежали другие церковные одеяния удивительной красоты. Дитрих сел в седло. Какого еще знака можно желать, что этот дар послан именно ему?

²⁶² Уильям, Г. Тиффут – астрономом Стюардской обсерватории Аризонского университета в Туксоне. Доказывал, что красное смещение «квантовано», то есть оно происходит только в определенных регулярных гармонических интервалах.

Когда кобыла наелась досыта, пастор направился под сень Большого леса. Там протекал ручей, где лошадь могла напиться, а балдахин из листьев давал облегчение в этой ужасной жаре.

Священник не входил в лес с самого отправления корабля крэнков, а лето изменило все вокруг. Воздух наполнился благоуханием ясенника и дикой розы. Жужжали пчелы. За молодой порослью стали не видны многие из зарубок Макса. И все же лошадь, казалось, стремилась к какой-то цели. Дитрих предположил, что она почуяла воду, и отпустил поводья.

Невидимые создания стремглав бросались с их пути, шурша в кустах и орешнике. Синекрылая птица наблюдала за его приближением, прежде чем улететь. Петрарка, как говорили, находил успокоение в природе и однажды забрался на гору Вентус близ Авиньона с одной лишь целью – полюбоваться видом с вершины. Возможно, необузданность его сочинений, искажения и оскорбления были отчасти связаны с любовью к диким местам.

Дитрих выехал на поляну, где ручей образовывал заводь, прежде чем довершить свой бег со склона горы. Лошадь опустила голову и начала пить. У пастора тоже пересохло в горле, он спешился и, стреножив кобылу, сделал несколько шагов выше по течению ручья, ища место, где мог зачерпнуть воды.

В заводь шлепнулся камень, Дитрих отскочил назад. Над ним, на горном перекаате, с которого поток падал в заводь, сидела на корточках Элоиза. Священник пробудил свою упряжь на голове и поприветствовал ее по личному каналу связи.

Крэнкерин пошарила рядом с собой и бросила в заводь еще один камень,
– Здравствуй, – отозвалась она. – Я думала, ваше племя избегает этих лесов.
– Здесь страшно, – согласился Дитрих. – Что привело тебя сюда?
– Мой народ находит «спокойствие-внутри-головы» в местах вроде этого. Они словно... как это по-вашему... *лабиринт*. Равновесие.

– Арнольд любил сидеть здесь, – сказал Дитрих, – Я подсмотрел за ним однажды.
– Вот как... Он тоже был с Большого острова. – Она бросила еще один камень в пруд, пустив по нему новые круги, которые уже начали замирать. Пастор подождал, но крэнкерин ничего не добавила, и он уже повернулся уйти.

– Когда ты стоишь неподвижно, – сказал Элоиза, – кажется, что исчезаешь. Я знаю, так устроены наши глаза, и Ульф пытался объяснить, насколько отличаются ваши; но он только... тот, кто работает-с-машинами-для-физиков, а не сам физик. – Она опять метнула камень. – Но это ничего не меняет. – Булыжник попал ровно в центр разбегающейся ряби, и Дитрих заметил, что каждый ее бросок приходится в одно и то же место. Ее целью было колебание воды? Люди оценивали расстояние вернее, нежели крэнки; но пришельцы куда точнее рассчитывали движение. Так Господь наделил каждый народ подходящим ему даром.

– Как поживает Ульф? – спросила крэнкерин. – Появились ли у него пятна? – И она вытянула руку, чтобы Дитрих смог разглядеть темно-зеленые синяки, которые предвещали странное голодание гостей.

– Нет, насколько я видел.

Она провела пальцем по большому пятну:

– Скажи мне, лучше умереть быстро или медленно?

Пастор наклонился, счищая грязь с ног:

– Все живые существа естественным образом стремятся жить, ибо смерть есть зло, и к ней никогда не рвутся ради нее самой. Но все живое также старается избегнуть боли и страха. Поскольку умереть быстро – значит преуменьшить последние, следовательно, это если не само «благо», то, по крайней мере, меньшее зло. Но быстрая смерть не оставляет шансов на раскаяние и искупление тем, кто заблуждался. Поэтому медленная смерть также может быть названа меньшим злом.

– Все, сказанное тобой, правда. – Пятый камешек последовал за остальными. – Ульф остался, поскольку Ганс воззвал к его особым знаниям, и он подчинился, как если бы тот был... тем, кто-поставлен-выше.

– Так он сказал тебе?

– Я не могла оставить его. И все же каждый день чувствую, что смерть подступает все ближе. Это неправильно. Она должна бросаться, словно ястреб; не выслеживать, словно ваши волки. «Так было, так будет».

– Смерть – это всего лишь врата в иную жизнь, – заверил ее Дитрих.

– Разве?

– И наш Господин, Иисус Христос, – врата к ней.

– И как же я пройду через эти ворота-которые-человек?

– Твоя рука уже лежит на засове. Путь – это любовь, а ты уже проявила ее в своих поступках.

Так же, как и ее муж. Дитриха поразило, когда он возвращался к лошади, что оба остались, поскольку считали это долгом другого. Так люди обращаются от заботы, потому что есть долг, а долг в результате превращается в заботу. Пастор вставил ногу в стремя и поднялся в седло.

– Приходи ко мне, когда вернешься в деревню, и мы еще поговорим. – С этими словами он натянул поводья и пустил серую по тропинке.

Лошадь и впрямь была знаком свыше, даже чудом. Она привела его сюда, где Господь смог мягко предостеречь словами из жвал пришельца. Чаша не могла миновать Элоизу, как и Сына Человеческого в Гефсиманском саду. Каким же высокомерием со стороны Дитриха было полагать, что она обойдет его самого!

– Господи, – принялся молиться он, – когда бы я видел Тебя больным или в нужде и не смог утешить Тебя? – Пастор нагнулся вперед и похлопал кобылу по холке, та заржала от удовольствия. – Ты чудесная лошадь, – сказал он, ибо Бог позволил ей приблизиться к крэнку без страха.

По пути назад священник прочел молитву за упокой души отца Рудольфа. Господь наградил Дитриха средством к бегству и вместе с тем предупредил о возмездии, поджидающем беглеца.

* * *

Страх во многом подобен ливневому шторму: сначала легкий дождь, затем период затишья, когда народ думает, что опасность миновала, затем вновь дождь и, наконец, буря. Селяне замкнулись в своих домах. В полях урожай гнил на корню, трава увядала нескошенной. Немногие присоединились к Дитриху и крэнкам в госпитале. Иоachim, когда оправился от своих ран, а также Грегор Мауэр, Клаус Мюллер, Герда Беттхер, Лютер Хольцхакер. Терезия Греш, хотя и не входила в кузницу, занималась своими травами, приготавливая снадобья, что облегчали боль или навевали сон.

Готфрид посвятил госпиталь св. Лоренцу, хотя Дитрих подозревал, что он имел в виду покойного кузнеца, а не диакона Сикста. Услышав от пастора рассказ о рыцарях-госпитальерах, крэнк облачился в плащ с крестом ордена, изображенным в верхнем левом углу.

Люди заболели медленно и внезапно; в припадках кашля и от бубонов. Гервиг Одноглазый, кажется, почернел прямо на глазах охваченного ужасом Дитриха, как если бы на его душу набежала туча. Маркус Беттхер умирал, как Эве-рард, в агонии и конвульсиях. Погибла вся семья Фолькмара Бауэра: его жена, Сеппл, даже Ульрика с младенцем. Только сам фогт выжил, да и его жизнь висела на волоске.

Дни походили один на другой: Маргариты Антиохийской, Марии Магдалены, Аполлинария, Иакова Созидателя, Бертольда Гаштейнского... Потеряв счет святым, Дитрих проводил безымянные будничные мессы.

Во время похорон люди выходили на улицу. Маркус Беттхер. Конрад Фельдман и обе его дочери. Руди Пфорцхаймер. Герда Беттхер. Труда и Петер Мецгеры. По каждому умершему Дитрих бил в колокол. Один раз за ребенка, два – за женщину и три за мужчину.

Кто услышит, спрашивал он себя и воображал, что перезвон разносится слабее по земле, лишенной жизни.

Погост был переполнен, они копали могилы в целине, а пастор освящал их, когда мог. *Не все умрут*, вновь и вновь говорил он себе. Париж уцелел и Авиньон. Даже в Нидерхохвальде несколько человек выжило. Хильда вроде шла на поправку, маленький Грегор и даже Фолькмар Бауэр.

Райнхард Бент больше не будет воровать борозды у соседей, не будет подбирать колосья с господских полей Петронелла Люрм. В одночасье скончалась жена Фалька, Констанца. Мельхиор Мецгер привел бредящего Никела Лангермана в госпиталь.

— Это нечестно, — юноша словно обвинял священника. — Он заразился ящуром и поправился. Зачем Господь опять заразил его?

— Дело не в зачем, — отозвался Ганс, сидевший у постели Франца Амбаха. — Есть один вопрос — как, а это никому не известно.

* * *

Ульф работал с приспособлением, которое увеличивало очень маленькие вещи, по причине чего Дитрих назвал его *mikroskopion*. Посредством этого прибора пришелец изучал кровь как пораженных болезнью, так и здоровых. Однажды, когда священник пришел в пасторат разбудить Иоахима на смену в госпитале, пришелец показал им доску для изображений с бесчисленными черными пятнышками разной формы и размеров, похожими на пылинки в луче солнца. Он ткнул в одну, необычной формы:

— Вот эта никогда не попадает в крови здоровых, но всегда есть в крови заболевших.

— Что это? — спросил еще не до конца проснувшийся Иоахим.

— Враг.

Но одно дело знать противника в лицо и совсем другое поразить его. Крэнку Арнольду, возможно, это бы удалось, по крайней мере, так сказал Ульф.

— Однако мы не обладаем его навыками. Мы можем лишь проверить кровь человека и сказать, проник ли враг в него.

— Тогда, — сказал Иоахим, — все, кто еще не несет на себе этой отметины дьявола, должны бежать.

Дитрих почесал щетину на подбородке:

— А больных следует удержать от бегства, иначе они разнесут «маленькие жизни» еще дальше. — Он бросил взгляд на Иоахима, но ничего не сказал о логике этих поступков. — *Ja doch*. Это немного, но уже что-то.

* * *

Макс идеально подходил на роль человека, способного вывести здоровых. Он лучше, чем кто-либо другой, знал леса, если не считать Герлаха, но охотник не умел так управляться с людьми.

Дитрих отправился в господскую конюшню, где взнуздывал лоснящегося вороного коня, затащил подпругу и уже накидывал уздечку, когда сзади раздался голос Манфреда:

— Я мог бы приказать выпороть тебя за гордыню.

Дитрих обернулся. Герр держал на левой руке огромную охотничью птицу и кивнул в сторону лошади:

— Только рыцарь может ездить на боевом коне. — Но когда пастор начал снимать уздечку, господин покачал головой. — Хотя какая разница? Я вышел только потому, что вспомнил о своих птицах и решил отпустить их, прежде чем они умрут с голоду. Я был в птичнике, когда услышал, как ты шаришь тут неподалеку. Кстати, я хотел отпереть псарню и конюшню, даже хорошо, что ты пришел именно сейчас. Полагаю, ты хочешь сбежать так же, как Рудольф.

Та легкость, с которой герр сказал это, рассердила Дитриха, ведь она едва не оказалось правдой, но он ничем себя не выдал:

– Я еду отыскать Макса.

Манфред погладил сокола, тот в ответ вытянул шею, переступил боком на толстой кожаной перчатке и заклекотал.

– Ты знаешь, что значит эта перчатка, не так ли, мой драгоценный? Ты жаждешь расправить свои крылья и улететь? Макс, скорее всего, тоже улетел, иначе уже вернулся бы. – Дитрих промолчал, а Манфред продолжил: – Но он вскормлен так, чтобы вернуться ко мне. Не Макс – этот красавец. Хотя мне только сейчас пришло в голову – Макс тоже. Он будет все кружить и кружить в поисках приветственной руки и не найдет ее. Правильно ли отпускать его, обрекая на такие муки?

– Мой господин, несомненно, птица приспособится сообразно новым обстоятельствам.

– Да, приспособится, – грустно ответил Манфред. – Забудет меня и то, как мы охотились бок о бок. Вот почему сокол символизирует любовь. Ты не можешь его удержать и должен отпустить. А затем он вернется по своей воле или же...

– Или улетит в другие страны.

– Ты знаешь это выражение? Изучал выноски ловчих птиц? Ты способный человек, Дитль. Парижский ученый. Однако тебе известно искусство верховой езды и, возможно, соколиная охота. Я думаю, ты знатного происхождения. И все же ты никогда не рассказывал о своем детстве.

– Моему господину известны обстоятельства, при которых вы нашли меня.

Манфред состроил гримасу:

– Сказано самым тактичным образом. Конечно, известны. И если бы я не видел, как ты остановил толпу в Рейнхаузене, то не оставил тебя здесь. И все же, в общем, все было к лучшему. Я записал многие из наших разговоров в свой мемуар. Никогда не говорил тебе об этом. Я не ученый, однако считаю себя практичным человеком и всегда находил удовольствие в твоих размышлениях. Знаешь ли, как заставить сокола возвратиться?

– Мой господин...

– Дитрих, после стольких лет мы можем обращаться друг к другу на «ты» и отбросить формальности.

– Очень хорошо... Манфред. Никто не может заставить сокола вернуться, зато очень легко помешать ему сделать это. Сокольник должен управлять своими чувствами и не совершать резких движений, которые могут отпугнуть птицу.

– Подобное искусство лучше всего известно влюбленным, Дитрих. – Он засмеялся, но резко остановился, лицо его вытянулось. – У Ойгена горячка.

– Спаси его Господь. Губы Манфреда дернулись:

– Его смерть станет концом моей Гюндль. Она не захочет жить без него.

– Да отринет Господь ее желание.

– Неужели ты считаешь, что Господь все еще слышит тебя? Наверное, Он удалился из этого мира. Я думаю, люди отвратили Его, и Он более не желает иметь с ними дела. – Герр вышел из конюшни и, взмахнув рукой, выпустил сокола. – Господь улетел в другие земли. – Какое-то время он смотрел птице вслед, восхищаясь ее красотой, после чего вернулся. – Мне неловко разрывать нашу клятву с ним подобным образом. – Он имел в виду сокола.

– Манфред, смерть – всего лишь сокол, отпущенный «лететь в другие края».

Господин невесело улыбнулся:

– Уместно, но, вероятно, слишком легковесно. Когда ты вернешься, дай вороному сена, но не загоняй в стойло. Я должен позаботиться о других животных. – Он повернулся, замер в нерешительности, затем развел руки в стороны. – Мы с тобой можем больше не увидеться.

Дитрих обнял его:

– Мы встретимся, если Господь наградит нас сообразно желанию наших сердец.

– А не по нашим заслугам! Ха-ха. Итак, мы расстаемся шутя. Что еще остается

человеку среди стольких горестей?

* * *

Поначалу Дитрих не заметил Макса, только услышал громкое жужжание мух на летнем солнышке. Пастор сгорбился и сполз со спины коня, аккуратно привязав его к стоящему поблизости дубу. Вытащив носовой платок, нарвал в него цветов и растер, надушив тряпицу их ароматом, прежде чем завязать ее на лице. Отломал ветку у орешника и, используя ее как веник, помахал над телом сержанта, разгоняя собравшихся к обеду насекомых. Затем, стараясь отключить эмоции и чувства, осмотрел бранные останки своего друга.

Анатомы Болоньи и Падуи изучали трупы, высушенные на солнце, поглощенные землей или утонувшие в реке, но Дитрих не думал, чтобы они когда-нибудь работали с телом в подобном состоянии. Священника вырвало прямо на него, еще одно оскорбление давно умершего человека. Отдышавшись и освежив «цветочную повязку», Дитрих убедился в том, что заметил прежде. Макса закололи в спину. Его куртка была разорвана в районе почек, и из раны текла большая лужа крови. Он упал лицом вперед, вытаскивая квиллон, его правая рука сжимала мертвой хваткой рукоять длинного кинжала, а лезвие было наполовину вытащено из ножен.

Дитрих взобрался на камень неподалеку – глыбу, которая бесчисленное количество лет назад сорвалась с кручи наверху. Здесь он заплакал – по Макс, по Лоренцу, по Гервику Одноглазому и всем остальным.

* * *

Пастор вернулся в госпиталь после вечерни. Какое-то время наблюдал за тем, как Ганс, Иоахим и остальные ходили между страдальцами, прикладывая намоченные холодные тряпки к пылающим лбам, вливая по ложечке пищу в безразличные рты, промывая повязки на язвах в бадьях с горячей мыльной водой и раскладывая их сушиться – практика, рекомендованная Гуго из Лукки и другими.

Наконец, Дитрих вошел внутрь. Неподалеку Грегор присматривал за своим больным сыном, бормоча:

– Все говорят, у него мое лицо. Может, это и так, когда он бодрствует и пытается походить на меня; но когда спит, то вспоминает, что был ее первенцем, и тогда ее тень проступает передо мной изнутри его сердца. – Он помолчал. – Я должен присмотреть за Сейбке. Они дрались, Боролись друг с другом, словно два медвежонка. – Грегор вытянул шею. – Грегерп не был набожным мальчиком, Он потешался над Церковью, хотя я и бранил его,

– То Промысел Божий, не наш, и Господь вершит не из мелочной злобы, а из безграничной любви,

Грегор обвел взглядом кузницу:

– Безграничная любовь. Вот это она?

– Это не утешает, – вставил Ганс, – но мы, крэнки, давно знаем. Мир не может быть устроен иначе, чтобы нести в себе жизнь. Это все... числа, Сила уз, связывающих атомы вместе; сила... эссенции *elektronik*; притяжение материи... А! – Он махнул рукой. – Фразы в голове блуждают, это не мое призвание. Мы доказали, что эти числа не могли быть другими. Малейшее изменение, и мир бы не возник. Все происходящее следует им: небо и звезды, солнце и луна, растения, животные и «маленькие жизни».

– «Бог все расположил, – процитировал Дитрих Книгу премудрости Соломона, – мерою, числом и весом».²⁶³

²⁶³ Книга премудрости Соломона, 11:21.

– *Doch*. И из этих чисел происходят также болезни и страдания, смерть и чума. Однако если бы господин-на-небе устроил мир иначе, в нем бы вообще не нашлось места жизни.

Пастор вспомнил, как мастер Буридан сравнивал мир с огромными часами, когда-то Господь завел их, и теперь они шли сами по себе.

– Ты прав, монстр, – подвел итог Грегор, – Это не утешает.

* * *

Крэнкерин Элоиза умерла на следующий день. Ганс и Ульф отнесли ее тело в церковь и положили на скамью, приготовленную Иоахимом. Позже Дитрих оставил их одних, уже смирившись с их обрядами. По прошествии времени Ганс поднес флягу к окну.

– Вот сколько всего осталось дней, – сказал он, показывая уровень пальцем. – Я не останусь с вами до самого конца.

– Но когда все кончится, мы снова увидимся, – сказал ему Дитрих.

– Возможно, – согласился крэнк. Он осторожно поставил сосуд на полку, затем вышел.

Дитрих последовал за ним и обнаружил его на краю скалы, где тот любил сидеть. Пастор опустился на траву рядом. Его ноги ныли, и он принялся массировать голени. Внизу тени удлинялись в лучах заходящего солнца, а небо на востоке уже потемнело до цвета синего кобальта. Ганс вытянул левую руку, указав на Ульфа.

Дитрих обратил взгляд вслед за его жестом в сторону поросших бурьяном озимых полей, где стоял, раскинув руки, пришелец. Его тень на бороздах лежала подобно копыту рыцаря, изломанная неровностью растений и земли.

– Он принял позу Распятого! Ганс прилепнул губами:

– Вероятно. Господин-с-неба часто принимает причудливые очертания. Но посмотри, как он обращает свою шею вверх. Он приглашает Пикирующего забрать его жизнь. Это давняя традиция, ее практикуют среди народа Ульфа на их далеком острове в Восточном море штормов. Народ Готфрида и мой одинаково считаем ее глупой и пустой, а народ Пастушки пытался покорить предков Ульфа. И правда, этот обычай давно вышел из практики, даже на Большом острове; но во времена опасности человек может воззвать к обычаям прародителей и встать напоказ в чистом поле.

Ганс привстал, зашатался и едва не свалился со скалы. Дитрих поймал его за руку и оттащил на безопасное расстояние. Крэнк засмеялся:

– Эх! Какой был бы недостойный конец! Пусть уж лучше заберет Пикирующий, чем случайно свалиться из-за собственной неуклюжести, хотя лично я предпочел бы тихо скончаться во сне. А! Что это?

Один из выпущенных Манфредом соколов опустился на вытянутую руку Ульфа! Птица отвесно спикировала, и Дитрих с Гансом слышали ее далекий крик. Но, не получив привычного лакомства, она расправила крылья и снова воспарила в вышину, где сделала еще три круга, прежде чем улететь.

Ганс внезапно упал навзничь и обхватил колени, раскрыв свои боковые челюсти. Далеко в поле Ульф подпрыгнул высоко в воздух на манер танца крэнков. Пастор в замешательстве переводил взгляд с одного на другого.

Ганс поднялся, рассеянно отряхнул с кожаных штанов траву и грязь, сказав:

– Ульф теперь примет крещение. Пикирующий пощадил его. А если *Он* может проявить милосердие, то почему бы не принести присягу самому господину милосердия?

* * *

– Пастор, пастор! – крикнул маленький Атаульф, который уже привык везде ходить за Клаусом и называть его папой. – Человек! На дороге в Оберрайд!

Это случилось на следующий день после того, как крестился Ульф, и Дитрих с мельником, Иоахимом и другими мужчинами рыли могилы на вершине Церковного холма.

Они подбежали к мальчишке на гребне холма, и Клаус подхватил того на руки.

– Возможно, они принесли весть, что чума прошла. Дитрих покачал головой. Чума никогда не пройдет.

– Судя по одежаниям, это герольд маркграфа и капеллан. Возможно, епископ отправил замену отцу Рудольфу.

– Он – полный глупец, раз приехал сюда, – предположил Грегор.

– Или сильно обрадовался, сумев покинуть Страсбург, – напомнил Дитрих.

– В любом случае, нам он не нужен, – проворчал Иоахим.

Но Дитрих успел сделать лишь несколько шагов вниз с холма, как конь герольда встал на дыбы и едва не сбросил всадника. Тот вцепился в поводья, а испуганное животное било копытами в воздухе и ржало. В нескольких шагах позади него лошадь капеллана тоже заупрямилась.

– Ну вот, – тихо произнес Грегор. – Дело и решилось. Оба наездника отступили в ложбину между холмами, после чего герольд развернул лошадь и, стоя в стремях, махнул правой рукой, Дитриху это напомнило жест крэнков, символизирующий отказ. Затем гребень холма скрыл всадников из виду, и остались только клубы пыли, тянущиеся вслед за ними.

Ганс стоял на открытом пространстве между кузницей и двором Грегора и смотрел в сторону дороги на Оберрайд.

– Я хотел предупредить их, – сказал он, слегка покачиваясь. – Забыл, что я не один из вас. Они увидели меня и...

Клаус, единственный из всех вокруг, положил руку на плечо крэнка и сказал:

– Но ты *и есть* один из нас, брат монстр. Готфрид выступил из тени лечебницы:

– Ну увидели они нас, что с того? Что они могут сделать, как не избавить нас от всего *этого*! Человек в изукрашенном плаще бросил какой-то предмет в грязь.

Грегор побежал по дороге поднять его. Ганс сказал:

– Мне жаль, я подвел тебя, Дитрих. Для нас неподвижность значит невидимость. Я забылся и замер. Привычка. Прости меня. – С этими словами он рухнул в дорожную пыль.

Клаус и Лютер Хольцхакер отнесли подергивающееся тело в госпиталь и положили там на соломенный матрас. Готфрид, Беатке и остальные выжившие крэнки собрались вокруг него.

– Он делился своей порцией с нами, – мрачно сообщил Готфрид. – Я обнаружил это только вчера.

Дитрих посмотрел на него:

– Он пожертвовал собой, как и алхимик?

– Нет, не как алхимик. Арнольд думал, дополнительное время позволит нам завершить ремонт. Ну, он не был человеком *elektronikos*, но кто скажет, что он надеялся напрасно? Ганс поступал так не из плотских чаяний, а из любви к нам, служившим ему.

Вошел Грегор с листом пергамента, перетянутым бечевой, и вручил его пастору:

– Вот то, что уронил герольд. Тот развязал нить.

– Как долго?... – спросил он Готфрида.

Слуга эссенции *elektronikos* пожал плечами, словно человек.

– Кто может сказать? Элоиза отошла на небо спустя всего несколько дней; Скребун продержался несколько недель. Это как с вашей чумой.

– О чем здесь говорится? – спросил Иоахим, и Дитрих вытащил из заплечного мешка свои очки.

– Если среди нас более не останется священника, – возвестил он, закончив чтение, – миряне уполномочены выслушивать исповедь друг друга. – Пастор поднял голову. – Чудеса.

– Что тут чудесного? – сказал Клаус. – Вот если я покаюсь в своих грехах каменотесу прямо здесь, это будет чудо.

– Ну уж нет, Клаус, – поспешно отреагировал Лютер. – Я наслушался твоих признаний после пары кружек пива Вальпургии.

– Архидьякон Ярлсберг пишет, что больше не осталось людей, которых бы он мог

прислать.

– И впрямь чудо, – хмыкнул Клаус.

– Половина бенефициев в диоцезе пустует – их священники не сбежали, подобно отцу Рудольфу. Они остались вместе с паствой и погибли.

– Как и вы, – заметил мельник. Дитрих даже рассмеялся над этим комментарием.

Грегор нахмурился:

– Пастор не мертв. Он даже не болен.

– Как ты и я, – нахмурился Клаус. – Пока.

* * *

Дитрих просидел у соломенного ложа Ганса весь день и здесь же провел ночь. Они беседовали о многом, он и монстр. Есть ли вакуум. Как может существовать множество миров, ведь тогда каждый будет стремиться к центру другого. Свод ли небо или безбрежное море пустоты. Можно ли из магнитов мастера Петра создать машину, которая, как тот утверждал, никогда не остановится. Обо всех философских вопросах, доставлявших такое удовольствие Гансу в более счастливые дни. Они говорили о Скребуне, и Дитрих лишний раз убедился, что если любовь и значила хоть что-нибудь в глубине сердца крэнка, то Ганс и Скребун любили друг друга.

Наутро, лязгая цепями, поднялась решетка замка и староста Рихард, клерк Вилфрид и еще несколько человек бешеным галопом устремились с Замкового холма и далее по дороге в Медвежью долину. Вскоре после этого в часовне замка один раз ударили в колокол. Дитрих все ждал и ждал, но второго удара не последовало.

* * *

В тот же день после полудня жители провели внеочередной сход под липами, и Дитрих спросил собравшихся, у кого из них Ульф не нашел «маленьких жизней». Примерно половина подняла руки, пастор заметил, что они сели, по большей части, на удалении от своих соседей.

– Вы должны оставить Оберхохвальд, – сказал он. – Если останетесь, то «маленькие жизни» поразят и вас тоже. Возьмите также тех, у кого спала горячка. Когда чума пройдет, вы сможете вернуться и зажить как прежде.

– Я не вернусь, – закричала Ютта Фельдман. – Это место проклято! Место демонов и колдовства. – Некоторые одобрительно заворчали, но другие, например Грегор и Клаус, покачали головами, а Мельхиор Мецгер, словно внезапно постарев, опустил на траву с мрачным видом.

– Но куда мы пойдем? – спросил Якоб Беккер. – Чума повсюду. В Швейцарии, в Вене, во Фрайбурге, Мюнхене, в...

Священник прервал его, прежде чем тот успел перечислить весь мир:

– Идите на юг и восток к предгорьям. Избегайте городов и деревень. Стройте укрытия в лесу, поддерживайте огонь и оставайтесь рядом с пламенем. Возьмите пшеничной муки или муки с отрубями, и у вас будет хлеб. Иоахим, ты пойдешь с ними.

Молодой монах уставился на него с раскрытым ртом:

– Но... Но что я смыслю в лесах?

– Лютер Хольцхакер знает леса. И Герлах-егерь исходил их вдоль и поперек, промышляя оленей и волков. – Охотник, сидящий на корточках немного в стороне от общей массы, остругивая ветку, поднял голову, сплюнул и процедил:

– Сам справлюсь, – и вернулся к прежнему занятию.

Все переглядывались между собой. Те, кто еще не заболел, но чья кровь уже дала пристанище «маленьким жизням», повесили головы, а некоторые встали и ушли. Грегор Мауэр пожал плечами и посмотрел на Клауса; тот махнул рукой совсем как крэнк.

– Если Атаульф поправится, – решил он.

Когда селяне разошлись, Иоахим устремился за Дитрихом к мельничному пруду, как раз над водосбросом к мельнице.

Колесо поворачивалось в сверкающих всплесках, но жернова безмолвствовали, значит, вал был отсоединен. Водяная пыль освежала, и пастор радовался избавлению от жары. Монах посмотрел на журчащий поток в том месте, где он устремлялся в шлюз, потому они стояли оборотившись спиной друг к другу. Какое-то время тишину нарушало только шипение воды да скрип колеса. Обернувшись, Дитрих увидел, как юноша пристально смотрит на яркие, перекрещивающиеся солнечные блики, преломляющиеся в переменчивом потоке.

– Что-то не так? – спросил он.

– Ты отсылаешь меня прочь!

– Ты ведь чист. У тебя еще есть шанс выжить.

– Но ты тоже...

Священник жестом остановил его:

– Это мое искупление... за грехи, совершенные в юности. Мне уже почти пятьдесят. Мне почти нечего терять! Тебе еще нет и двадцати пяти, и тем больше лет останется на службу Господу.

– Итак, – горько вздохнул молодой человек, – ты отказываешь мне даже в короне мученика.

– Я вручаю тебе пастырский посох! – рявкнул Дитрих. – Эти люди будут переполнены отчаянием, неверием в Господа. Если бы я мог дать тебе легкое дело, то оставил бы здесь!

– Но я тоже жажду славы!

– Какая слава в перемене повязок, прокалывании пустул, подтирании дерьма, мочи и гноя? *Господи Иисусе!* Мы призваны делать все это, но в этом нет ничего *славного*.

Иоахим отпрянул от такой диатрибы:

– Нет, нет, ты ошибаешься, Дитрих. Это самое славное деяние из всех! Более достойное, чем рыцарские подвиги» когда украшенные плюмажем рыцари насаживают людей на копья и бахвалятся этим.

Дитрих вспомнил песню, которую рыцари распевали после восстания «кожаных рук». «Крестьяне живут как свиньи / И не разумеют доброго обращения...»

– Да, – согласился он, – деяния рыцарей не всегда славны.

Они отплатили ненавистью на ненависть и оставили всякий намек на благородство, которым когда-то славились – если только оно не было всего лишь ложью на устах миннезингеров. Пастор бросил взгляд в сторону Замкового холма. Он спросил Иоахима однажды, где тот был тогда, когда здесь проходили «кожаные руки». Но никогда не спрашивал о том Манфреда.

– Мы не справились, – проронил Минорит. – Эти демоны должны были стать нашим испытанием, нашим триумфом! Вместо этого большинство сбежало некрещеными. Неудача обрекла на нас Божью кару.

– Чума повсюду, – отрезал Дитрих, – там, где никогда и не видывали крэнка.

– У каждого свои прегрешения, – возразил монах. – У кого-то богатство. У другого ростовщичество. У прочих – жестокосердие или обжорство. Чума поражает каждого, поскольку грех повсюду.

– И так Господь убьет всех, не дав людям шанса раскаяться? Где же здесь завещанная Христом любовь?

Глаза Иоахима поблекли и погрузнели.

– Отец вершит это, не Сын. Он Бог Ветхого Завета, *чей взгляд подобен пламени, рука – молнии и громам, а дыхание – буре!* – Затем, спокойнее, добавил: – Он похож на любого отца, сердящегося на своих детей.

Дитрих ничего не ответил, а юноша посидел молча, а какое-то время спустя сказал:

– Я так никогда и не поблагодарил тебя за то, что ты приютил меня.

- Монашеские раздоры могут быть жестоки.
- Ты сам был когда-то монахом. Брат Уильям называл тебя «брат Анжелюс».
- Я знавал его в Париже. Он так надо мной смеялся.
- Он один из нас, спиритуалист. А ты?
- Уилла не заботили спиритуалисты, пока трибунал не осудил его идеи. Михаил и прочие бежали из Авиньона тогда же, и он к ним присоединился.
- Иначе его сожгли бы.
- Нет, иначе его заставили бы изменить формулировки своих высказываний. Для Уилла это хуже смерти. – Дитрих слегка улыбнулся своей остроте. – Можно говорить все, что угодно, если это оформлено в виде предположения, *secundum imaginationem*.²⁶⁴ Но Уилл считал свои гипотезы непреложным фактом. Он встал на сторону Людвига в споре с папой, но для Людвига был всего лишь орудием.
- Неудивительно, что мы наказаны.
- Многие благие истины обращаются злыми людьми в свою пользу. А добрые люди сотворили немало зла в праведном рвении.
- «Кожаные руки». Дитрих смешался:
- Это один из примеров. Среди них были добрые люди. – Он оборвал себя, подумав о торговке рыбой и ее сыне на фрайбургском рынке.
- Одного из предводителей «кожаных рук», – медленно произнес Иоахим, – звали Анжелюс.
- Дитрих довольно долго молчал, а потом сказал:
- Тот человек мертв ныне. Но через него я постиг ужасную истину: ересь есть истина *in extremis*.²⁶⁵ Свет необходим для человеческого глаза, но, когда его слишком много, он ослепляет.
- Так ты примирился бы с пороком, как это делают конвенту алы?
- Иисус сказал: плевелы будут расти вместе с зернами до самого Судного дня, – ответил Дитрих, – потому в церкви можно отыскать людей как добрых, так и растленных. По нашим плодам узнают нас, а не по именам, которые мы себе даем. Я пришел к убеждению, что благодать скорее в том, чтобы сеять зерна, а не искоренять плевелы.
- То бы сказали и плевелы, будь у них дар речи, – сказал Иоахим. – Ты ловишь блох.²⁶⁶
- Лучше ловить блох, чем сразу рубить головы. Иоахим поднялся с валуна и пустил камешек по поверхности мельничного пруда.
- Я поступлю так, как ты просишь.

* * *

На следующий день восемьдесят жителей деревни собрались на лужайке под липами, приготовившись к отходу. Узлы с пожитками были заброшены на спину или свисали с шестов, перекинутых через плечо. У некоторых был ошарашенный вид скотины, загнанной на бойню, такие стояли неподвижно в тесноте, опустив глаза. Жены без мужей, мужья без жен. Родители без детей, дети без родителей. Люди, на глазах которых соседи иссохли и почернели в смрадном тлене. Некоторые уже пустились в одиночестве по дороге. Мельхиор Мецгер зашел к Никелу Лангерману, лежавшему на соломенном тюфяке в госпитале, и обнял того в последний раз, пока Готфрид не прогнал мальчика прочь. Больной метался в тяжелом

²⁶⁴ *Secundum imaginationem* – согласно предположению (лат.). Схоластический термин.

²⁶⁵ *In extremis* – в последний момент (лат.). Здесь в значении «доведенная до крайности».

²⁶⁶ Ловить блох – (перен.) заниматься казуистикой, спорить по пустякам. Буквально: «разрубать волосы».

бреду и все равно ничего не понимал.

Герлах-егерь стоял в сторонке и наблюдал за собравшимися с немалым неудовольствием. Он был невысоким, крепко сбитым мужчиной с узкой черной бородкой, и множество лет, проведенных в лесу, отпечатались на его лице. Охотник носил грубую одежду, за поясом держал несколько ножей. Все его походное снаряжение составляла толстая дубовая палка, обрезанная и оструганная по собственному вкусу. Он стоял, опершись о палку обеими руками и положив сверху подбородок. Дитрих заговорил с ним:

– Как думаешь, дойдут ли они благополучно? Егерь отхаркнул и сплюнул:

– Нет. Но я сделаю все, что в моих силах. Научу их ставить силки и капканы, один или двое здесь, возможно, даже знают, каким концом вставлять стрелу в самострел. Я смотрю, у Хольцхаймера лук. И топор. Это хорошо. Нам понадобятся топоры. Ах! Нам *не* понадобится корзина, полная *klimbim!* Ютта Фельдман, о чем ты думаешь? Мы пойдем через Малый лес и вверх на Фельдберг. Кто, по-твоему, потащит эту дуру? Господи, Владыка небесный, пастор, я не знаю, о чем думают эти люди.

– Они думают о печалях и страданиях, охотник. Егерь хмыкнул и какое-то время молчал. Затем поднял голову и взял в руку посох:

– Наверное, меня можно считать счастливым. Жены и детей нет, терять некого. Это удача, я полагаю. Но лес и горы не заботят печали, и не стоит спешить в глушь, едва помня себя. Я хочу сказать, им нет нужды брать с собой все. Чума пройдет, мы вернемся, и все это подождет нас здесь.

– Я не вернусь, – проворчал Фолькмар Бауэр. – Это место проклято. – Он сплюнул на землю для пущего эффекта, и хоть был бледен и еще некрепок, но стоял среди тех, кто уходил.

Другие подхватили вопль Фолькмара, и некоторые даже швырнули комьями грязи в Готфрида, тоже вышедшего посмотреть им вслед.

– Демоны! – кричали некоторые. – Вы навлекли это на нас!

И толпа зарычала и заволновалась. Готфрид щелкнул ороговелыми уголками губ, словно ножницами. Дитрих боялся, как бы воинственная натура пришельца не вырвалась наружу. Даже в ослабленном состоянии крэнк своими зазубренными дланями мог зарубить с десяток нападавших, прежде чем те задавили бы его одной массой. Егерь поднял посох, затряс им и закричал:

– Тихо тут у меня!

– Зачем он остался, когда его отродье сгнуло? – завопил Беккер. – Явить нам погибель нашу!

– Молчать!

Это был Иоахим, прибежавший к силе своего голоса. Он вышел на поляну, откинул капюшон и пристально взглянул на толпу:

– Грешники! Хотите ли вы знать, зачем остались они? Он указал в сторону крэнка:

– Они остались *умереть!* – Он позволил словам отозваться эхом от окрестных домов и мельницы Клауса. – *И* подать нам помощь! Ни один больной не остался без призрения, ни один умерший не остался без погребения! Разве поборовшие собственное упрямство не были вылечены ими? Ныне вам предложено то, что превосходит любую выдумку миннезингера. Вам предложено стать Новым Израилем, провести время в глуши и получить, как завещано, Землю обетованную. Мы войдем в Новый век! Недостойные, очистимся испытаниями в ожидании пришествия святого Иоанна. – Здесь он понизил голос, и перешептывающаяся толпа замолчала, стараясь не упустить ни слова. – Какое-то время мы будем разлучены, пока Петр сходит и Средний век завершается. Впереди множество испытаний, и некоторые окажутся неспособны справиться с ними. Мы претерпим лишения и жару, голод и, возможно, ярость диких зверей. Но это укрепит нас *ко дню нашего возвращения!*

Раздалось несколько нестройных возгласов приглушенного одобрения и восклицаний «аминь!», но Дитрих чувствовал: слушатели больше запуганы, чем убеждены.

Егерь перевел дух:

– Хорошо. Теперь, когда все здесь... Лютке! Якоб! – Изрядным количеством ругательств и парой ударов палкой он пустил в путь свое стадо и пробормотал: – Сыны Израилевы.

Дитрих ободряюще хлопнул охотника по плечу:

– Те тоже были капризным народом, я читал.

Когда остальные прошли мимо, Иоахим подошел к пастору и обнял его.

– Доброго пути, – напутствовал тот. – Помни, слушайся Герлаха.

Охотник в тот же миг разразился бранью на деревянном мосту:

– Ах ты, олух царя небесного! Иоахим слабо улыбнулся:

– Да не подвергну я искушению душу мою.

Все прочие двинулись обратно к деревне, и они остались наедине. Монах оглянулся на деревню, и словно тень набежала на его лицо, когда он обводил взглядом мельницу и пекарню, мастерскую каменотеса, кузницу, бург Хохвальд, церковь Св. Екатерины. Затем почесал щеку и сказал, поправив скатанное одеяло, висящее на плече:

– Я должен поспешить за ними. Иначе отстану и... Дитрих протянул руку и накинул капюшон ему на голову:

– День жаркий. У тебя может случиться солнечный удар.

– *Ja*. Спасибо тебе, Дитрих... Попытайся не думать так много.

Священник прикоснулся ладонью к щеке юноши:

– Я тоже тебя люблю, Иоахим. Береги себя.

Он стоял на лугу, глядя Минориту вслед; затем взошел на мост, бросив последний взгляд на уходящих, прежде чем те скрылись между озимыми полями и лугом. Люди сгруппировались, ибо дорога там была узкой, и Дитрих улыбнулся, воображая все сквернословие Герлаха по этому поводу. Когда процессия окончательно скрылась из виду, пастор вернулся в госпиталь.

* * *

Той ночью он вынес Ганса на улицу, чтобы крэнк мог видеть небесную твердь. Вечер выдался теплый и влажный – воздух достиг подобного состояния из-за разрушения элемента огня, ибо день измучил жарой и сухостью. Дитрих захватил свечу и требник почитать и уже утверждал очки на носу, когда вдруг понял, что не знает, какой сегодня день. Он попытался отсчитать время с последнего праздника, в котором был уверен, но все расплывалось в памяти, а время сна и бодрствования последнее время не всегда следовало за небесным круговоротом. Священник проверил положение звезд, но с вечера не отметил время заката, да и астролябии под рукой не оказалось.

– Что хочешь узнать, друг Дитрих? – спросил Ганс.

– Какой сегодня день.

– Хм... Ты ищешь день ночью?

– Друг кузнечик, думаю, ты открыл *synecdoche*. Я имею в виду дату, конечно. Движение небес могло дать мне подсказку, умей я читать их. Но я уже давным-давно не читал «Альмагеста»²⁶⁷ или ибн Куру.²⁶⁸ Припоминаю, кристаллические сферы сообщают дневное движение небесной тверди, которая располагается за седьмым небом.

– Сатурном. Я думаю, ты имеешь в виду его.

²⁶⁷ «Альмагест» – классический труд Клавдия Птолемея, появившийся около 140 г. и включающий полный комплекс астрономических знаний Греции и Ближнего Востока того времени. Полное название «Великое математическое построение по астрономии в 13 книгах» или, кратко, «Мэгистэ» (греч. «мэгистос» – величайший), что у арабов, донесших этот труд до Европы, превратилось в «Альмагест». Содержит в себе детальное изложение геоцентрической системы мира.

²⁶⁸ *Абу-л-Хасан Сабит ибн Курра ал-Харрани ас-Саби* – арабский астроном, математик и врач IX в.

– *Doch*. За Сатурном идет небесный свод со звездами, а выше него – вода, хотя и в кристаллической форме льда.

– Мы тоже находим пояс ледяных тел, окольцовывающий каждую мир-систему. Хотя, конечно, они вращаются с ближней стороны небосклона, а не дальней.

– Будь по-твоему, но я все равно не понимаю, что в таком случае препятствует льду-воде устремиться к естественному положению здесь, в центре.

– Презренный! – ответил Ганс. – Разве не говорил я тебе? Твоя картина неверна. Солнце располагается в центре, не Земля.

Дитрих поднял указательный палец:

– Разве не ты рассказывал мне, что небосвод... Как ты назвал его?

– Горизонт мира.

– *Ja, doch*. Ты утверждал, его теплота – это останки дивного дня сотворения, и за него никто не может заглянуть. Однако этот горизонт располагается во всех направлениях на одном и том же расстоянии, а каждый, читавший Евклида, скажет тебе, что это локус сферы. Следовательно, Земля на самом деле располагается в центре мира, *quod erat demonstrandum* 269

Дитрих широко улыбнулся Гансу, чем успешно разрешил этот вопрос, но пришелец окаменел и издал протяжный свист. Его руки взлетели вверх и поперек туловища, явив зазубренные края. *Защитный жест*, подумал Дитрих. Мгновение спустя крэнк медленно расслабился, и Ганс прошептал:

– Иногда тупая боль режет, словно нож.

– А я веду диспут, в то время как ты страдаешь. Неужели не осталось больше ваших особых лекарств?

– Нет, Ульф нуждался в них намного больше. – Ганс попытался на ощупь отыскать Дитриха. – Шевелись, дергайся. Я тебя едва вижу. Я охотно поспорю с тобой по серьезным проблемам. Непохоже, чтобы у тебя или у меня были на них ответы, но это слегка отвлекает от боли.

Мгла надвигалась вверх по дороге на Оберрайд. Священник поднялся:

– Может, тогда нужно заварить чая из ивовой коры. Она облегчает людям головную боль. Есть шанс, поможет и тебе.

– Или убьет. Или же я найду источник недостающего *протеина*. Чай из ивовой коры... Был ли он среди того, что испытывали Арнольд или Скребун? Подожди, посмотрю в памяти «домового». – Ганс прочирикал в *mikrophoneh*, послушал и вздохнул. – Арнольд пробовал его. Бесполезно.

– И все же, если оно притупляет боль... Грегор? – позвал Дитрих каменотеса, сидевшего подле старшего сына внутри кузницы. – У нас есть немного заваренного настоя ивовой коры?

Тот помотал головой:

– Терезия нарезала коры два дня назад. Мне сходить за ней?

Пастор отряхнул одежду:

– Я сам. – И, обращаясь к Гансу, добавил: – Отдыхай. Я вернусь со снадобьем.

– Когда я умру, – ответил крэнк, – а Готфрид с Беатке выпьют мою плоть в мою же честь, каждый даст свою долю другому из «любви-к-ближнему», и тем самым количество от этого обмена удвоится. Бва-ва-ва!

Смысл шутки ускользнул от Дитриха, он предположил, что у друга начинает мутиться рассудок. Священник пересек дорогу, помахал Сенеке, трудящемуся в мастерской отца. Тот вырезал могильные плиты. Дитрих уже говорил каменотесу не беспокоиться об этом, но Грегор возразил:

– Какой смысл жить, если люди забудут тебя после твоей смерти?

269 *Quod erat demonstrandum* – что и требовалось доказать (*лат.*).

Дитрих постучал по дверному косяку дома Терезии и, не получив ответа, крикнул:

– Ты не спишь? Нет ли у тебя заваренной ивовой коры? Пастор постучал снова, раздумывая, не ушла ли Терезия в Малый лес. Затем потянул за веревку на засове, дверь открылась.

Терезия босая стояла в центре земляного пола, в одной ночной рубашке, в руках она скручивала и мяла передник, а увидев гостя, закричала:

– Чего ты хочешь? Нет!

– Я пришел спросить ивовой коры. Прости за мое вторжение. – Он попятился назад.

– Что ты сделал с ними?

Дитрих остановился. Она имела в виду тех, кто ушел? Или тех, кто умер в госпитале?

– Не делай мне больно! – Ее лицо покраснело от гнева, зубы стиснулись.

– Я никогда не причинял тебе боль, *schatzi*. Тебе это известно.

– Ты был с ними! Я видела тебя!

Дитрих едва разобрал слова девушки, как ее рот раскрылся вновь; но на сей раз вместо криков страха оттуда извергся фонтан рвоты. Он был достаточно близко, часть попала ему на одежду, и омерзительная вонь быстро наполнила комнату. Пастора едва не стошнило.

– Нет, Господи! – закричал он. – Я запрещаю!

Но Бог не слушал, и Дитриха посетила безумная мысль: может, Он тоже заразился чумой и Его всеобъемлющая бестелесная сущность, «бесконечно протянувшаяся без предела или измерения», сейчас гнила в безбрежной пустоте Эмпирей, за хрустальными небесами.

Страх и ярость покинули черты Терезии, и она посмотрела на себя с изумлением.

– Папочка? Что случилось, папочка?

Дитрих раскрыл объятия, и девушка упала ему в руки.

– Вот так. Теперь ты должна прилечь. – Он порывлся в суме, вытащил оттуда мешочек с цветами и прижал к носу. Но то ли аромат цветов выветрился, то ли вонь оказалась слишком сильной.

Пастор отвел Терезию в постель, подумал, что она уже легка, словно бестелесный дух. Как земля по природе своей стремится к центру, так и воздух желает попасть на небеса.

Грегор вошел в дверь:

– Я услышал, ты кричала... Ах, Владыка Небесный! Терезия уже хотела идти ему навстречу:

– Входи, дорогой муж.

Но Дитрих твердо ее удержал:

– Ты должна лечь.

– *Ja, ja*. Я так устала. Расскажи мне сказку, папочка. Расскажи мне о великане и карлике.

– Грегор, принеси ланцет. Промой его в старом вине и поддержи над огнем, как показывал нам Ульф. Затем поспеши сюда.

Мужчина привалился к дверному косяку и провел ладонью по лицу. Поднял взгляд:

– Ланцет. *Ja, doch*. Как можно быстрее. – Он замялся. – Будет ли она?..

– Я не знаю. – Пастор уложил Терезию на соломенный тюфяк, сложив одеяло ей под голову взамен подушки. – Я должен проверить, нет ли пугал.

– Я больна?

– Увидим.

– Это чума.

Дитрих не сказал ни слова и задрал промокшую рубашку.

Пугало оказалось у нее в паху, огромная, черная и разбухшая, словно злобная жаба, гораздо крупнее той, что священник проткнул на Эверарде. Такое не могло нарасти за одну ночь. Когда болезнь вспыхивала внезапно, пораженный ею умирал тихо и быстро, безо всяких нарывов. Нет, эта росла несколько дней, если судить по примеру других.

Ворвался Грегор и опустился рядом с ним, сперва передав еще теплый от пламени ланцет, затем приняв ладонь Терезии в свои.

– *Schatzi*.

Глаза Терезии были закрыты. Теперь она раскрыла их и серьезно посмотрела на священника:

– Я умру?

– Пока нет. Мне нужно проколоть твою пустулу. Это причинит ужасную боль, а у меня нет губок.

Девушка улыбнулась, и из уголков ее рта потекла кровь, напомнив Дитриху рассказы о «Фройденштадском оборотне». Грегор где-то отыскал тряпицу и обтер ей лицо, но с каждым прикосновением алая жидкость сочилась вновь.

– Я боюсь открыть ей рот, – сдавленно сказал он. – Я боюсь, жизнь тут же покинет ее, Дитрих сел боком на ноги женщины.

– Грегор, прижми ее за руки и плечи.

Пастор наклонился к пустуле внизу ее живота, Когда острое едва лишь коснулось тугого, твердого покрова, Терезия вскрикнула:

– *Sancta Maria Virgina, ore pro feminis*!²⁷⁰

Ноги больной конвульсивно дернулись, едва не опрокинув священника. Грегор безжалостно вцепился в ее плечи.

Дитрих слегка надавил острием, прокалывая кожу, к прискорбию, это движение уже стало для него привычным. «Я опоздал, – подумал он. – Пустула слишком разрослась». Размером с яблоко, та переливалась темным, зловеще синим цветом.

– Еще вчера у нее не было никаких признаков! – воскликнул Грегор. – Клянусь.

Дитрих верил ему. Она скрыла следы, страшась, что ее положат среди демонов. Как же она их боялась, если это смогло затмить даже ужас перед болезненной смертью? *Не бойся*, завещал Господь, но люди нарушали все заповеди, так почему бы и не эту?

Кожа прорвалась, и густой, гниlostный желтый гной брызнул наружу, оросив ее бедра и капая с соломенного матраса. Терезия закричала и стала звать Деву Марию вновь и вновь.

Дитрих нашел еще одну пустулу, гораздо меньшую по размерам, с внутренней стороны бедра. Эту он проколол быстрее и выдавил тканью столько гноя, сколько смог.

– Проверь под руками и на груди, – приказал он каменщику.

Грегор кивнул и задрал сорочку как можно выше. Крики Терезии перешли во всхлипывания.

– Другой не был таким милым.

– Что такое, *schatzi*? Пастор, что она имеет в виду? Дитрих не посмотрел на него:

– Она бредит.

– У того тоже была борода, но ярко-красная. Папочка прогнал его. – Кровь стекала по ее подбородку, и Грегор безнадежно каждый раз обтирал лицо девушки тряпицей.

Дитрих вспомнил того человека. Иззо; его борода стала красной от его же собственной крови, когда Дитрих перерезал ему горло и стащил с девочки.

– Теперь ты в безопасности, – сказал он ей тогда, как повторил сейчас взрослой женщине. – Твой муж рядом.

– Больно. – Она зажмурила глаза.

Под ее правой рукой виднелась еще одна пустула, величиной с большой палец Дитриха. Эту проколоть оказалось сложнее. Как только он поднялся с ног Терезии, та засучила ими, словно маленький ребенок, не желающий спать, а потом обхватила колени и повторила: – Больно.

– Почему Господь оставил нас? – спросил Грегор. Дитрих попытался оторвать руку женщины от колен и

проколоть последний нарыв, хотя смысла это уже явно не имело.

– Господь никогда не оставляет нас, – с упорством сказал он, – но мы можем покинуть

²⁷⁰ *Sancta Maria Virgina, ore pro feminis*! – Святая Дева Мария-заступница! (*Лат.*)

Господа.

Каменотес обвел рукой вокруг, ослабив хватку на плече Терезии, и закричал:

– Так где же Он?

Терезия вздрогнула от этого рева, и мужчина немедленно смягчил голос, пригладил ей волосы своими большими, похожими на обрубки пальцами.

Священник перебрал в уме все разумные доводы из Фомы Аквинского и других философов. Спросил себя, что ответил бы на его месте Иоахим. Затем подумал, что Грегор не нуждается в ответе, не желает его, и единственным утешением сейчас для него послужит только надежда.

– Терезия, мне нужно проколоть пустулу под твоей рукой.

Она открыла глаза:

– Я увижу Господа?

– *Ja. Doch.* Грегор, поищи немного кухонного жира.

– Кухонного жира? Зачем?

– Я должен миропомазать ее. Еще не поздно.

Грегор моргнул, будто миропомазание стало для него неожиданной и незнакомой вещью и ее никогда не делали прежде. Затем отпустил Терезию, сходил в другой конец комнаты, к очагу, и вернулся с небольшой склянкой:

– Я думаю, это масло. Священник принял сосуд из его рук:

– Подойдет. – Его губы зашевелились в немой молитве, которой он освящал масло. Затем, смочив в нем палец, пастор начертал крест на лбу Терезии, затем мазнул по ее опущенным векам, молясь:

– *Illumina oculos meos, ne umquam obdormium in morte...* 271

Время от времени, когда Дитрих замолкал, вспоминая нужные слова, Грегор говорил сквозь слезы:

– Аминь.

Он почти закончил таинство, когда Терезия закашлялась, и комок крови с рвотой вылетел из ее рта. «Там „маленькие жизни“, – подумал Дитрих. Они попали на Грегора и меня». Однако его обрызгало уже не первый раз; а Ульф, в последний раз проверяя ему кровь, объявил, что та все еще чиста. *Но Ульф умер много дней назад.*

Закончив соборование, Дитрих отставил масло в сторону – оно скоро понадобится другим – и взял Терезию за руки. Они казались такими хрупкими, хотя кожа на них покраснела и потрескалась.

– Ты помнишь, – спросил он, – когда Фальк сломал палец, я учил тебя, как вправить перелом на место? – Ее губы, растянувшиеся в улыбке, были красными, словно ягоды. – Я не знаю, кто из нас троих больше испугался, ты, я или Фальк. – Пастор обратился к Грегору: – Я помню ее первые слова. Она была нема, когда я привез ее сюда. Мы гуляли в Малом лесу, искали пионы, всякие травы и корешки, я показывал ей, где их искать, когда ее нога застряла среди упавших веток, и она сказала...

– Помоги мне, – выдохнула Терезия, сжав руку Дитриха так крепко, насколько позволила ее слабость. Она кашлянула, затем еще и уже не смогла остановиться, пока огромный поток рвоты и крови не излился из нее, пропитав сорочку по пояс. Дитрих потянулся поправить ей голову, чтобы женщина не захлебнулась, но уже понял, возможно, оттого, что она стала легче, чем прежде, – его приемная дочь умерла.

* * *

Спустя немалое время он вернулся в госпиталь рассказать Гансу о произошедшем и

271 *Illumina oculos meos, ne umquam obdormium in morte...* – Просвети очи мои, да не усну я сном смертным (лат.). Псалом 12:4.

обнаружил, что крэнк умер в его отсутствие. Дитрих встал на колени рядом с телом, поднял огромные, длинные, зазубренные руки и молитвенно сложил их на покрытом пятнами торсе. Он не смог закрыть глаза, и те, казалось, все еще сияли, хотя в них, словно в дождевых каплях Теодориха, всего лишь отражались лучи заходящего за озимые поля солнца, отбрасывая на щеки Ганса радуги.

9

В наши дни: Том

Подсознание замечательная вещь Оно никогда не спит, чем бы ни был занят разум. И оно никогда не перестает размышлять. Вне зависимости от того, какую работу выполняет разум.

Том проснулся в холодном поту. Нет, это невозможно! Абсурдно, смешно. Но все совпадало. Все вставало на свои места. Или нет? Ответ на его дилемму, или же эта химера имела смысл только в беспокойном сне?

Он бросил взгляд на Шерон, спавшую прямо в одежде рядом с ним. Она, наверное, поздно вернулась из лаборатории и отключилась. Обычно Том просыпался, когда она входила в квартиру, неважно, который был час и как крепко он спал; ко этой ночью не помнил ее прихода. Женщина слегка повернулась, и на ее губах заиграла улыбка. Хрононы снятся, не иначе.

Он вылез из кровати и на цыпочках вышел из комнаты, осторожно прикрыв дверь. Сел за *CLEODEINOS* и открыл файл «Эйфельхайм». Тщательно проверил и пометил перекрестными ссылками каждый пункт, создавая связную картину. Информация заключается в установлении связи между фактами, а не в самих фактах. Свяжи их по другому; и – кто знает? – значение может стать совершенно другим.

Том расположил события в хронологическом порядке, размещая недатированные, исходя из контекста или логической связи, а это не всегда легко. В то время календарь еще не реформировали, да и год начинался в разное время. В империи его отсчитывали с праздника Воплощения, тогда как годы царствования, например Людовика IV,²⁷² начинались на светский Новый год. Тому это казалось абсурдным, но Джуди уже как-то высмеяла его за это: «Кесарево кесарю, Том. Папы и императоры, может, и пытались на протяжении веков возвыситься друг над другом, но никто не забывал, что области их полномочий различны».

В результате все происшествия с 1 января до 25 марта 1349 года в современном исчислении записывались просто как относящиеся к 1348 году нашей эры

Том вставил даты, когда «черная смерть» поразила Базель и Фрайбург, и внес все другие связанные по контексту события, которые могли дать актуальную информацию. Сведения оставались разнохарактерными и неполными. Если странники прибыли осенью, почему на протяжении шести месяцев или более слухи о колдунах и демонах в Оберхохвальде так и не появились? Неизвестно, когда Дитрих купил проволоку и когда «путешественники решили попытаться отправиться домой». Как сюда укладывается Оккам? Папа пригласил его в Авиньон на 8 июня 1349 года, но существовали сведения о том, что он покинул Мюнхен раньше, перед тем как там началась чума. Больше о нем никто не слышал. Историки полагали, схоласт умер от чумы по дороге. Его путь мог пролегать рядом с Оберхохвальдом. Остановился ли Оккам там повидать «друга, *doctor seclusus*»? Принес ли с собой чуму из Мюнхена? Не там ли он и умер?

Том покусал кончик светового пера. Он завидовал физикам. У них ответы всегда находились «в конце книги». Если физик был достаточно настойчив и умен, то мог заглянуть

²⁷² Людовик IV Баварский (ок. 1281/1282 – 1347) – император Священной Римской империи и германский король из дома Виттельсбахов. Ранее упоминался как Людвиг Баварский.

в нее, раскрытую во Вселенной. Клиологам везло меньше. Факты сами по себе не всегда сохранялись до наших дней; а те, что доходили до нас, выживали случайно, а не в соответствии со своей значимостью. Никакое упорство не могло восстановить запись, погибшую давным-давно в пожаре. Если ты не мог жить с этим – со знанием того, что в конце книги нет ответов, – то лучше было бы и не заниматься историей вообще.

Том тщательно исследовал свой список и диаграммы, время от времени справляясь по источникам, освежая в памяти детали. По карте проверил направление полета «Фельдбергского демона» из монастыря Св. Блеза «в сторону Фельдберга». На пути того лежал Оберхохвальд. В конце концов, он не видел другого объяснения; более того, сейчас спрашивал себя, почему же не заметил его раньше. Что он сказал Шерон в тот день в ресторане? Может, подсознание действительно умнее, чем мы думаем.

А может, и нет. Том откинулся в кресле и уставился в потолок, подергивая себя за губу. Сколь-нибудь явного изъяна в логике вроде не находилось, но какое это имело значение? Иногда очевидное – это когда всего лишь выдаешь желаемое за действительное. Ему нужно мнение со стороны. Того, на чье суждение – или рассудительность – можно положиться. Он скопировал файлы и добавил свои краткие выводы. Когда взглянул на старые настенные электронные часы с жидкокристаллическим монитором, те показывали 3.20. То есть 9.20 во Фрайбурге. Том глубоко вздохнул, помедлил и затем, прежде чем успел передумать, отправил все на мой электронный ящик в другом уголке мира. Файл сопровождал один-единственный вопрос: *Was glaubst du?* Что ты об этом думаешь?

* * *

Послание Тома разожгло мое любопытство. Я написал ему по электронной почте, что мне потребуется несколько дней, чтобы все проанализировать, и отправился в библиотеку университета Альберта-Людвига. Там отыскал некоторые из документов, о которых он спрашивал, и сравнил их с присланными. Затем нашел еще несколько, сдул с них вековую пыль и также внимательно изучил. После, уединившись, я закурил тяжелую резную *schwartzwalder* ²⁷³ трубку и в табачном дыму все взвесил. Мы берегли репутацию ради нашей старости и честно заработали все, чего добились в этом отношении. И все же Том едва ли был из тех, кто делает скоропалительные выводы или любит разыгрывать приятелей.

Но друг есть друг, и вы, возможно, заметили, что мы с ним *duzende* ²⁷⁴. Мы с ним были на «ты», а это серьезно.

Поэтому два дня спустя я отсканировал найденные документы, заархивировал их и проделал все те чудеса, что позволяет современная техника; затем прикрепил файлы к электронному письму. Осторожно – очень осторожно – набросал свое заключение. Даже если бы у Тома вместо головы был кочан капусты, он и то с легкостью прочел бы между строк. Именно для этого и существует «интеллект».

* * *

– Что ты здесь делаешь в такую рань?

Том резко вздрогнул, кресло чуть не выкатилось из-под него. Он ухватился за край стола и, обернувшись, увидел стоявшую в дверях спальни Шерон, протиравшую глаза.

– Не подкрадывайся так ко мне!

– Вот как? А как я *должна* к тебе подкрадываться? Кроме того, к тебе и грузовик может подкрасться, так ты сосредоточился на принтере. – Она зевнула. – Вот что разбудило меня.

²⁷³ *Schwartzwalder* – шварцвальдскую (нем.).

²⁷⁴ *Duzende* – обращаться к кому-либо на «ты» (нем.).

Принтер.

Она прошлепала босиком на кухню и включила электрический чайник.

– Все равно пора вставать. Ты чего вскочил в такую рань?

Том вытащил последний листок из принтера и быстро пробежал его глазами, прочтя мое послание, как только оно пришло.

– Я связался с Антоном. Мы с ним переписывались допоздна.

– Антон Ценгле? Как старик поживает?

– У него все хорошо. Хочет, чтобы я прилетел во Фрайбург. – Том пролистал пачку распечаток, отсчитывая пальцем. – Судя по всему, у него есть для меня хорошая приманка.

Шерон прислонила голову к арочному проему кухни:

– Фрайбург? Почему?

– Похоже, он пришел к тому же решению, что и я.

– О, прекрасно. Я рада, что ты все прояснил.

– Это займет много времени, – сказал Том, – и прозвучит абсурдно.

– Прежде тебя это не останавливало. – Она вытерла руки о кухонное полотенце, пересекла комнату и встала сзади, положив ему руки на плечи. – Том, я физик, ты помнишь? По сравнению со странными, прелестными кварками *ничто* не прозвучит смешным.

Том подергал себя за нижнюю губу. Мгновение спустя швырнул распечатки в корзину у письменного стола.

– Шерон, зачем священнику в средневековой глухомани могли понадобиться две сотни шагов медной проволоки?

– Зачем... Я не знаю.

– Я тоже, но он специально ее заказал. – Клиолог подался вперед и вытащил из кипы листок, густо подчеркнутый красным. – А летом 1349 года монахи монастыря близ Оберхохвальда слышали гром, когда в небе не было ни единой тучи. – Он положил листок – И *peccatores Eifelheimensis*, «грехи эйфельхаймцев». Антон нашел документ. Там опровергается еретическая идея о том, что могут быть обладающие душой люди, которые происходят не от Адама.

Шерон тряхнула головой:

– Я еще сплю. Не врубаюсь.

Том удивился, как нелегко оказалось высказать свои мысли вслух.

– Хорошо. Примерно семь сотен лет назад разумные инопланетные существа потерпели крушение близ Оберхохвальда в Черном лесу.

Вот. Он сказал это. Жестом остановил Шерон, у той от удивления раскрылся рот.

– Их корабль оказался неисправен. Думаю, они путешествовали по «гипопространству Нэги». Они не погибли, но этого оказалось достаточно, чтобы начался лесной пожар, и некоторые из них получили увечья.

К физику вернулся голос:

– Подожди минутку, подожди. Где *доказательства*...

– Дай мне закончить. Пожалуйста. – Том собрался с мыслями и продолжил: – Внезапное появление «пришельцев» из ниоткуда и их внешний вид – огромные выпуклые глаза например – перепугали многих жителей деревни, и те сбежали, разнося по окрестностям слухи о демонах. Другие, включая деревенского священника, пастора Дитриха, увидели, что инопланетяне – живые создания, которым нужна помощь. На всякий случай Дитрих получил осторожно сформулированное наставление епископа по поводу того, суть чего он мог передать на латыни, не раскрывая карт.

Пришельцы жили в Оберхохвальде много месяцев. В то время как фра Иоахим и другие обвиняли их в колдовстве и поклонении демонам, жители деревни пытались помочь им починить поврежденный корабль. Я делаю вывод об этом по эпизоду с медной проволокой. На что она была бы нужна, будь путешественники землянами? Они еще и летали. Были ли у этих созданий крылья?

Или имелись средства преодолеть гравитацию? Возможно, они отыскивали способ

использовать энергию вакуума, о которой ты говорила. В своем письме пастор Дитрих осторожно отрицает лишь то, что его гости летали *сверхъестественным* образом.

Том остановился перевести дух. Он попытался по лицу Шерон угадать ее реакцию.

– Продолжай, – сказала та.

– У инопланетян был иммунитет к чуме – другая биохимия – и они отплатили за доброту селян, заботясь о них. По крайней мере некоторые. Другие, я уверен, к тому времени уже впали в апатию. Дитрих даже обратил нескольких из них в христианство. У нас есть свидетельства о, по крайней мере, одном крещеном. Иоганн *Штерн*? О, он знал, откуда прибыли его гости. Он знал.

Пришельцы тоже начали умирать. Не от чумы, а от недостатка какого-то жизненно важного питательного вещества. Опять та же самая иная биохимия. «Они ели, но не насыщались», – так писал Дитрих

Когда его друг Ганс умер – время этого события мы можем лишь предполагать, – священник похоронил тело на церковном погосте и поручил вырезать лицо пришельца на камне на память будущим поколениям. Правда, он не мог представить себе, сколько поколений спустя это произойдет, или то, что сама деревня исчезнет.

Табу? Легко. Там действительно жили демоны. И вскоре после того, как Иоахим проклял это место, туда пришла чума. Вполне достаточно для суеверных крестьян. Действительно ли демоны умерли или всего лишь спят? Может, поджидают новых жертв? Люди избегали этих мест и передали запрет своим детям. Не будешь слушаться маму, летающие демоны придут и заберут тебя. Вскоре ярлык Иоахима «Тойфельхайм» заменили эвфемизмом «Эйфельхайм», а первоначальное название Оберхохвальд постепенно забылось. Остался только обычай не ходить туда да неопределенные сказки про летающих монстров и могильный камень с изображенным на нем лицом.

Вот так Все карты на стол. Многие из сказанного было лишь логически выведенным предположением. Например, не существовало источников по брату Иоахиму, но я отыскал для него мемуар аббата Страсбургского братства, в котором приводятся следующие слова монаха: «Великая неудача в Оберхохвальде обрушила на их головы страшнейшее из проклятий, о чем я неоднократно предупреждал». Кажется, вполне ясное свидетельство его отношения к произошедшему в Эйфельхайме.

* * *

Шерон уставилась на Тома, голова у нее шла кругом. Пришельцы? В средневековой Германии? Это было фантастично, невероятно. Может, это шутка такая? Она слушала, как он описывал собранные им данные. Его решение казалось еще более неправдоподобным, чем сама первоначальная проблема!

– И ты думаешь, этот сценарий верен? – спросила Шерон, когда клиолог закончил.

– Да. Антон тоже. – Он показал ей текст, пришедший вместе с распечатками. – А он совсем не дурак

Она быстро прочитала комментарий и подметила:

– Он вот так прямо об этом не говорит. Том ухмыльнулся:

– Я же говорю, что он не дурак

– Судить об этом лучше предоставить тебе, я полагаю. Но я хотела бы знать, почему ты притянул сюда «пространство Нэги». Если решил пустить прахом свою репутацию, не мог бы ты не впутывать сюда мою?

Том нахмурился:

– Поверь мне, в этом есть смысл. Я уверен, эта теория четко объясняет все факты. А если это так... – Его голос прервался.

Если это так... Шерон почувствовала, как участилось биение ее сердца.

– Я припел «пространство Нэги» в общую картину, поскольку ни Дитрих, ни кто-либо еще не описывают космический корабль.

– А могло быть наоборот? – заметила она. – Они понятия не имели о космических кораблях.

– Люди Средневековья не были глупы. В их время происходила самая настоящая техническая революция. Кулачковый вал, водяное колесо и механические часы... Они бы обозначили космический корабль как какого-нибудь рода транспортное средство, даже если бы назвали его колесницей Илии. Но нет. Дитрих, Иоахим и булла 1377 года – все указывают, что пришельцы «появились». Не так ли на днях ты описывала путешествия в гипокосмосе? Один-единственный шаг покрывает огромные расстояния. Неудивительно, что Дитрих так интересовался «сапогами-сороходами». И вот что имел в виду Иоганн, когда указывал на звезды и спрашивал, сможет ли когда-нибудь отыскать вновь путь домой. При путешествии таким образом он не имел понятия, с какой именно звезды прилетел.

– Появились. Ты слишком многое выводíš из одно-го-единственного глагола.

Он шлепнул ладонью по пачке отпечатанных листов.

– Однако он все связывает воедино. Принцип непротиворечивости, а не дедукция. Ни одной отдельно взятой логической цепочки не достаточно, чтобы поддержать вывод, но все воедино... Молитва, приписываемая Иоганну, говорит, что существует восемь тайных путей покинуть Землю. Сколько измерений в твоём «свернутом гипопространстве»?

– Восемь. – Слово вырвалось неохотно. Кровь стучала у нее в ушах. *Что, если?*

– А религиозный трактат, по косвенным данным приписываемый Дитриху, гласит: чтобы путешествовать к иным мирам, ты должен совершить путешествие внутрь. Ты говорила почти теми же самыми словами. Твоя геометрия двенадцати измерений превратилась в троицу Троицы. Автор упоминает о «временах и местах, которых мы не сможем узнать иначе – только заглянув внутрь самих себя».

– Но ведь это же религиозный трактат, не так ли? Я хочу сказать, под «другими мирами» подразумевались рай, ад и Земля, а «путешествие внутрь» означало раскрыть чью-либо душу.

– *Ja, doch.* Но эти идеи зафиксировали на бумаге только спустя семьдесят пять лет. Писцы записывали то, что слышали из третьих или четвертых уст, и толковали согласно привычной для них парадигме. На смену рационализму Средних веков приходит романтизм эпохи Возрождения. Кто знает, что сам Дитрих понял из объяснений Иоганна? Вот. – Он закрыл папку и передал всю кипу ей. – Прочти все от начала до конца, как это сделал Антон, и увидишь, есть ли в этом смысл.

Она посмотрела Тому прямо в глаза, принимая документы из его рук *Он в самом деле не шутит.* А значит, Том просто не мог примириться с неразрешимостью первоначальной проблемы.

Или же, возможно, его идея не так безумна, как звучит.

«Дай ему шанс. Он вполне заслуживает его, прежде чем я вызову людей в белых халатах», – подумала Шерон.

Она направилась к бескаркасному креслу, шлепнулась в него и принялась за чтение медленно и тщательно, полагаясь на его английский перевод Готику было слишком тяжело читать, а латынь оставалась для нее китайской грамотой. Краем глаза Шерон видела, как беспокойно ерзает Том.

Безумные, бессвязные обрывки. Но через них идет нить, связывая все воедино. Физик, наконец, перешла к трактату, который Том ей показывал прежде, и сразу узнала угловатую заглавную букву. Следующей шла эмблема ордена св. Иоганна, где каждая часть Троицы расположилась внутри маленьких треугольников, находящихся в углах большого треугольника. Любопытно, но Святой Дух оказался на вершине. Поразительно, но символ оказался почти идентичен ее собственной схеме «поливерсума».

Когда она закончила, то закрыла глаза и попыталась найти свой путь к ответу. Сложить вместе кусочки мозаики, как он. Если *это* увязывается с *тем*... Наконец, тряхнула головой, увидев ловушку, в которую попала, и вынесла решение:

– Все это случайность. Ни из одного документа твоя гипотеза не вытекает прямо, и ни

один ничего не упоминает о пришельцах или других планетах. – Засвистел чайник, и она пошла на кухню выключить его, положив материалы Тома на кухонный стол, где свалила собственные записи прошлой ночью. Раскрыла шкафчик над мойкой и вытащила пачку чая.

– Нет, упоминают, – упорствовал Том. – Они говорят это открытым текстом. В средневековых понятиях и выражениях. Нам легко рассуждать о планетах, обращающихся вокруг звезд; но они только начинали осознавать, что Земля вращается вокруг своей оси. «Мир» означает... Хорошо, он означает «поливерсум». А слово «планета» – «звезды, которые движутся». Мы можем толковать о многомерном пространственно-временном и каком угодно континууме. Но они не могли. Они только нащупывали понятие континуума – они называли это «насыщением и затуханием форм», – а Буридан только-только сформулировал первый закон движения. У них не было слов, чтобы дать этому определение. Вся информация, полученная от звездных странников, просеивалась через неподготовленное для восприятия услышанного *Weltanschauung*.²⁷⁵ Почитай как-нибудь Оккама или Буридана с Фомой Аквинским. Нам почти невозможно понять их, поскольку они смотрели на вещи иначе, чем мы.

– Люди есть люди. Я не убеждена.

Шерон пришло на ум, что это не она разыгрывала роль адвоката дьявола. В роли заступника бесов выступал Том. Ей захотелось поделиться с ним этой шуткой в его духе, но она решила, что сейчас не самое подходящее время. Он был ужасно серьезен.

– Все, что у тебя есть, можно прочесть иначе. Только когда ты сложил все факты вместе, стало казаться, что они образуют рисунок. Но правильно ли ты их сложил? Все ли твои кусочки от одного и того же пазла? Почему здесь вообще должна быть какая-то связь? Быть может, дневник вел не твой пастор Дитрих. Могли быть и другие Оберхохвальды – в Баварии, в Гессене, в Саксонии. «Деревушка высоко в горных лесах». Бог мой, да это такая же редкость в Южной Германии, как Мейн-стрит на Среднем Западе. – Она подняла руку, чтобы упредить возражения, как это прежде делал он. – Нет, я не издеваюсь над тобой. Я только лишь указываю на альтернативы. Может, удар молнии в самом деле был ударом молнии, а не выбросом энергии из поврежденного гипокосмолета. Может, Дитрих дал приют пилигримам из Китая, как ты думал прежде. Может, Иоахим отравился спорыньей, когда ему привиделись летающие монстры. И медная проволока вполне могла иметь иное предназначение, а не починку инопланетной техники.

– А как насчет описания скрытых, внутренних миров и троицы Троиц? Разве это не похоже на твое гипопространство?

Шерон пожала плечами:

– Или на средневековую теологию. Физика и религия одинаково звучат как тарабарщина, если тебе неизвестны базовые аксиомы. – Она налила в заварник кипяток и дала чаю настояться. Однако на кухонном столе не оказалось места. Все было завалено бумагами.

Она уронила со стола папку, и часть содержимого выскользнула на пол.

Распечатки Тома перемешались с ее собственными документами из лаборатории. Средневековые манускрипты – с электрическими схемами детекторов хрононов. Шерон выругалась и принялась поднимать все обратно. Том встал в дверном проеме.

– Знаешь, что мне кажется важным? – спросил Том. – То, как Дитрих отзывался о пришельцах.

– Если они были пришельцами, а не галлюцинациями.

– Хорошо. Если они были пришельцами. Он всегда называл их «существами», «созданиями», «моими гостями» или «путниками». Ни слова о сверхъестественном. Разве не Саган однажды сказал, что пришельцам придется быть осторожными, чтобы их не приняли за ангелов или демонов?

²⁷⁵ *Weltanschauung* – мировоззрение (нем.).

Она фыркнула:

– Саган был оптимистом. Способность пересечь космос не делает кого-либо более нравственным. Европейцы переплыли океан, но нравственное индейцев не стали. – Шерон раскладывала документы по разным папкам. – Я помню: его слова стали бы убедительным доказательством визита пришельцев. Он это говорил в книге, написанной вместе с Шкловским.²⁷⁶

– И что же?

– Набор схем какого-нибудь высокотехнологичного устройства. – И эта страница Тома. А эта ее... Нет, стой. Это же не схема электрической цепи, а раскрашенная заглавная буква Тома. Шерон внезапно застыла, у нее перехватило дыхание. – О, боже мой!

– Что? – Он отпрыгнул от стены. – Что это?

– Я не могу поверить! – Она схватила копию трактата и помахала прописной литерой перед его носом. – Взгляни сюда! Ягоды, листья и Троицы? Так это же электрическая цепь! Джозефсоновские контакты! Том... Эрнандо и я *построили* эту систему только на прошлой неделе.

* * *

Шерон пролистала бумаги, пока не нашла тот чертеж, который искала, положила его вплотную рядом с манускриптом и внимательно их сравнила. Одинаковы ли они? Рисунок был весь изогнут, словно настоящая лоза, не разбит геометрически. Она попыталась отождествить листья, узлы и гроздья ягод с загадочными ядерными символами. Только соединения в рисунке имели смысл, повторяла она себе, не длина или форма лозы-провода. Почти полностью, как ей показалось. Оба казались почти идентичными. Хотя и не совсем.

– Искажено в трансмиссии, – сказала она Тому. Искажено или теперь она просто хотела это видеть? – Это соединение невозможно... А здесь закоротит. А вот эти два компонента следует поменять местами. Или они?.. погоди минутку. – Шерон медленно провела по лозе пальцем. – Нет, все различия искажены. Это генератор, а не приемник Видишь здесь? И здесь? Это часть схемы генератора. Скорее всего. Часть их звездных ворот. Черт!

Она исследовала низ страницы.

– Что это? – спросил он.

– Все верно. Только схема неполная. – Физик нахмурилась и вышла из кухни в размышлениях. Она дошла до мягкой софы, упала на нее, закрыла глаза и погрузилась в джунгли решетки гипопространства, словно еще не спустившийся с деревьев представитель человекообразных.

– Это может прозвучать странно, – объявил Том, – но я чувствую странное разочарование.

Шерон открыла глаза и посмотрела на него. Тот изучал средневековую электрическую схему.

– Разочарование? – Она не поверила своим ушам. Разочарование? Когда им только что подарили звезды?

– Я хочу сказать, они не оставили весь набор схем. Тогда бы ты знала, что делать.

Она оглянулась на него, Том опирался на косяк двери в кухню.

– Но я уже знаю самое важно.

– Что?

– Я знаю, что можно сделать и что это можно осуществить.

²⁷⁶ Речь о книге американского астронома *Карла Сагана* и советского астрофизика *Иосифа Самуиловича Шкловского* «Разумная жизнь во Вселенной» (Intelligent Life in the Universe), написанная ими совместно в 1966 г.

Я встретил Тома и Джуди на Центральном вокзале в Бисмаркallee, куда подполз поезд на магнитной подушке из Франкфурта-на-Майне. На Бертольдштрассе мы сели в трамвай до Кайзер-Иосиф-штрассе и оттуда пешком прогулялись до отеля на Герберау. Я показывал им достопримечательности как худший из туристических гидов. Том, естественно, уже видел город, но для Джуди все было в новинку.

Когда мы прошли через ворота Св. Мартина, она заметила, как те похожи на картинку в книге сказок. Эти ворота уже целое столетие красовались в стенах Старого города, когда пастор Дитрих приютил известных странников. С долины Холленталь дул холодный ветер – конец лета был не за горами.

Разместив их в номерах, я пригласил гостей на ленч в «Римский кайзер». Мы уделили все наше внимание принесенным кушаньям. Поступить иначе в Шварцвальде – смертный грех. Никто на свете не готовит так, как хохвальдцы; даже манекены в наших супермаркетах тучные. Я позволил перевести разговор на дела только после того, как официант принес пирог в обсыпке.

Том хотел отправиться в лес немедленно. Я мог понять его рвение, но заявил, что мы подождем до утра.

– Почему? – пожелал он знать. – Я хочу лично осмотреть место.

Джуди терпеливо ждала, не проронив ни слова.

– Потому что Эйфельхайм находится далеко в лесу, – сказал я. – Путешествие туда на автомобиле и затем пешком займет много времени, даже если мы сможем быстро отыскать нужное место. Вам нужно хорошо выспаться, чтобы прийти в себя после перелета. – Я взял еще кусок пирога и положил вилку на стол – И еще одна причина, друзья мои. Моксеньор Люрм из местного диоцеза присоединится к нам, еái только получит дозволение епископа. Я, естественно, не сказал ему, что мы рассчитываем найти. Таким образом, он станет тем, кто сможет проверить верность наших предположений.

Том и Джуди переглянулись.

– Что ты хочешь сказать? – спросил клиолог. – К чему нам кто-то из диоцеза?

Иногда мой друг соображает не слишком резко.

– Это католическое кладбище, *nicht wahr*?²⁷⁷ Ты проделал весь этот путь не для того, чтобы просто взглянуть на него. Наверняка захочешь эксгумировать могилу и посмотреть, кто или что там погребено. Для этого нам нужно разрешение.

– Но... – Том нахмурился, – Этому кладбищу уже семьсот лет.

Я пожал плечами:

– И что с того? Некоторые вещи вечны. Он вздохнул:

– Ты прав. Я полагаю, мы подождем завтрашнего утра.

Американцы всегда слишком спешат. Один-единственный факт стоит целого тома рассуждений. Лучше тщательно спланировать, как отыскать этот факт. Из-за Тома мы могли бы оказаться на месте быстрее – но без лопаты.

* * *

Но сначала мы сделали одну вещь. Я отвел их в склеп в Францисканеркирхе и показал фреску с изображением кузнечиков в подражание Тайной вечере. Краски выцвели и частично осыпались, а фигуры имели странный вид, который всякий человек, непривычный к живописи Климта или Пикассо, посчитал бы противоестественным.

Том встал поближе и внимательно изучил изображения:

²⁷⁷ *Nicht wahr?* – Не так ли? (Нем.)

– Ты думаешь, это *они*? – Я лишь пожал плечами. – Почему их только восемь? – изумился он.

– Полагаю, чтобы избежать обвинения в богохульстве.

– Под ними есть имена, – сказала Джуди.

Вот этого я в свой предыдущий визит не заметил. Мы встали кружком и попытались разобрать поврежденные надписи. Когда-то все фигуры носили имена, но годы стерли большинство букв и даже целые слова. Один из кузнечиков был облачен в мантию рыцарей-госпитальеров и носил имя – если мы верно угадали недостающие знаки – Готфрид-Лоренц Другой сидел запрокинув голову и разведя широко руки – в смерти? В молитве? Его имя начиналось на «У» и, похоже, было очень коротким. Уве, я думаю, или Ульф. Того, кто в центре делился хлебом, звали «Св. Ио...», а склонившегося на его грудь – «...еа...рик...».

– Необычные имена для апостолов, – заметил я.

Но Том не ответил. Он не мог оторвать глаз от фигуры в центре.

* * *

Монсеньор Люрм встретил нас у входа в отель на следующее утро – высокий сухопарый мужчина с высоким лбом, одетый в линялый пиджак, призвание которого выдавал только воротничок

– *Na, Anton, meiner Alt*,²⁷⁸ – сказал он, помахивая какими-то бумагами. – Я получил их. Мы должны проявить должное уважение и не трогать ничего, кроме одной-единственной могилы. Лично я думаю, что епископ Арни будет счастлив похоронить эти небылицы про Дракулу. – Люрм взглянул на Антона и Джуди. – В этом что-то есть, не так ли. Чтобы похоронить Дракулу, мы должны сначала его откопать! – Он засмеялся.

Я поморщился. Генрих – добродетельный человек, но его каламбуры обеспечили ему пребывание в чистилище на много лет вперед. Я также почувствовал угрызения совести, что скрыл от него наши намерения.

– Позвольте представить, – сказал я. – Это мой друг из Америки Том Шверин и его помощник, Джуди Као. Монсеньор Генрих Люрм.

Генрих пожал клиологу руку:

– Доктор Шверин. Мне чрезвычайно приятно. Я получил большое удовольствие от вашей статьи о генной концентрации швабских племен. Это прояснило пути их миграций. Большая удача для вас, что мои предки роняли свои гены повсюду, где проходили, а?

Я вмешался, прежде чем Том мог ответить на эту *bon mot*.²⁷⁹

– Генрих – археолог-любитель. Он раскопал несколько швабских деревень, датированных эпохой до периода *Völkerwanderung*.²⁸⁰

– Так вы *tot самый* Генрих Люрм? Это мне чрезвычайно приятно. Я читал ваши отчеты, святой отец. Они составлены не на любительском уровне.

Генрих покраснел:

– Напротив-напротив, слово «любитель» происходит от слова «любить». Я занимаюсь археологией из любви к ней. Мне за это не платят.

Генрих взял напрокат два японских грузовика-пикапа. Возле них поджидали двое мирно беседующих между собой мужчин с обвисшими усами. В кузове первой машины лежали кирки, лопаты и прочее снаряжение. Заметив наше приближение, рабочие полезли в

²⁷⁸ *Na, Anton, meiner Alt*. – Ну, Антон, старина (нем.).

²⁷⁹ *Bon mot* – острота (фр).

²⁸⁰ *Völkerwanderung* – великое переселение народов (нем.).

кузов второго грузовика.

– Я думаю, ближе всего к тому месту нас приведет одна старая лесовозная дорога, – сказал мне Генрих. – Оттуда придется немного пройти пешком. Я поведу первый грузовик Антон, ты возьмешь второй. *Fraulein*²⁸¹ Као, – обернулся он. – Вы можете поехать со мной. Поскольку я дал обет безбрачия, вам так будет безопаснее, нежели чем с этими двумя старыми развратниками. – Он с улыбкой посмотрел на меня, но я сделал вид, что ничего не заметил.

* * *

Мы двинулись по Шварцвальд-Хауптштрассе в горы, повернув на Кирхенгартнер. Когда въехали в Цастерталь, дорога начала подниматься. Я опустил боковое стекло и дал ворваться в кабину холодному горному воздуху. В кузове смеялись рабочие. Один из них затянул старинную народную песню.

– Очень жаль, что Шерон не смогла приехать, – сказал я. Том взглянул на меня. Затем вновь перевел взгляд на дорогу:

– Она работает над другим проектом. Я тебе о нем рассказывал.

– *Ja*. Электрическая схема. Это самое примечательное. Я бы никогда не посмотрел на изображение рукописи в таком разрезе. Подумай об этом, Том. Мог бы ты или я когда-нибудь распознать в рисунке то, чем он был на самом деле, не говоря уже о том, что он означал? Ха. – Я махнул рукой. – Никогда. А Шерон! Увидела бы она когда-нибудь его? Средневековые манускрипты. Нет, физики этим не занимаются. Это вообще могло случиться только благодаря тому, что вы живете вместе. А если бы ей не пришло на ум то замечание Сагана ровно перед тем, как она посмотрела?..

Том глянул через боковое стекло на хлещущие ветки деревьев.

– Это совпадение самого невероятного свойства. Кто знает, сколько всего еще лежит в архивах и библиотеках нераспознанным только потому, что нужные люди не взглянули на это надлежащим образом? Вещи, для которых мы бы нашли надежные, приемлемые, *правдоподобные* объяснения.

Через несколько километров после Оберрайда дорога пошла ухабистая, и я полностью сосредоточился на управлении. Справа от нас в вышине вырисовывались очертания Фельдберга. Вскоре после этого монсеньор посигналил, и его рука высунулась из окна, указывая налево. Я увидел старую лесовозную дорогу и просигналил, дав знать, что понял. Затем переключил рычаг, переходя на полный привод.

Генрих гнал как ненормальный. Он, казалось, не осознавал, что дороги больше нет. Наш грузовик подпрыгивал и сотрясался, пока я следовал за ним, спрашивая себя, не потеряли ли мы двух рабочих, цеплявшихся за кузов. Я мысленно воздал хвалу японскому контролю качества, которому мы были обязаны нашими амортизаторами.

* * *

Солнце уже стояло высоко, когда мы добрались до того района, где некогда находилась деревня Эйфельхайм. Никаких признаков. У меня в руке были копии снимков, сделанных со спутника, но вблизи все выглядело иначе. Природа взяла свое, и за семь столетий деревья успели вырасти, погибнуть и вырасти снова. Том вертел головой то туда, то сюда с озадаченным видом. Где деревенский луг? Где церковь? Мы, может, вообще прошли бы мимо нужного места, если бы набредшие на него ранее американские солдаты предусмотрительно не оставили после себя в качестве ориентиров пустые пивные банки.

Генрих принял руководство, а всем остальным выпала роль его помощников. Он ведь

²⁸¹ *Fraulein* – фрейлейн, устаревшее обращение к незамужней женщине (нем.).

был археологом, а мы нет.

Из прочего снаряжения в своем рюкзаке он достал GPS-навигатор, через пару минут запеленговал наше местонахождение и, делая отметки на карте восковым карандашом, указал, куда идти.

– Церковь, скорее всего, погребена под крестообразной насыпью на вершине того небольшого холма. Кладбище вероятнее всего за алтарной частью, впрочем, оно также может располагаться и сбоку.

Мы довольно быстро отыскивали насыпь и разбились на три группы, осматривая землю. Вскоре один из рабочих, Августус Мауэр, наткнулся на нечто, похожее на разбитый вдребезги надгробный камень Правда, мы не могли с уверенностью утверждать. Перед нами вполне могли лежать обыкновенные камни, потому пришлось возобновить поиски.

* * *

Могила отыскала Джуди. Я видел, как она вдруг остановилась и уставилась на землю. Никого не позвала, а только стояла неподвижно. Затем нагнулась и скрылась за кустами.

Я оглянулся вокруг, но никто ничего не заметил. Все продолжали медленно продвигаться вперед, осматривая местность. Я пошел наискосок и обнаружил Джуди, сидящую на коленях перед расколотым и ушедшим в землю камнем. Всю его нижнюю часть уже поглотила почва, но он уходил вниз под таким углом, что лицо, выбитое на надгробии, было частично защищено от разрушения.

– Это оно? – тихо спросил я.

Джуди ахнула, с шумом втянула в себя воздух, после чего резко повернулась, увидела меня и расслабилась:

– Доктор Ценгле! Вы меня напугали.

– Прошу прощения. – Я присел на корточки рядом с ней, мои старые кости протестующе затрещали, и осмотрел лицо на камне. Оно истерлось от времени, над ним поработали ветры семи столетий. Очертания рельефа поблекли, затушевались и стали едва различимыми. Как солдаты вообще заметили его?

– Это та самая могила? – спросил я вновь. Она вздохнула:

– Думаю, да. По крайней мере именно ее нашли солдаты. – Женщина подняла окурки сигареты в подтверждение своих слов. – Надпись почти нечитаемая, и сверху отбиты куски. Но видите, вот тут? Буквы... ГАНН ШТЕ... – Она провела по ним пальцем.

– Иоганн Штерн, – сказал я за нее – «Иоанн-со-звезд». Имя, которым его крестили. Ты представляешь себе, сколько здесь было могил? А эта единственная, что мы нашли.

– Я знаю. Я боюсь.

– Боитесь? Чего?

– Когда мы откопаем его. Что он будет не в том состоянии. С ним что-нибудь будет не так

Я не знал, как на это ответить. Бюргер тут лежит или инопланетянин, с ним обязательно будет что-то не так в том или ином смысле.

– Гус нашел другую плиту, – сказал я ей. – И Генрих Обе разбиты вдребезги. Том думает, когда чума ушла, жители окрестных деревень пришли сюда и разрушили надгробия «чародеев». Однако вот это – предположительно того, кто страшил их более всего, – оставили нетронутым. Почему?

Она покачала головой:

– Так многого мы не знаем и не узнаем никогда. Откуда они прибыли? Сколько их было? Были ли они исследователями или сбившимися с курса путешественниками? Как они установили контакт с Дитрихом? О чем они говорили в те несколько последних месяцев жизни? – Когда Джуди повернулась ко мне, то, казалось, чуть не плакала.

– Полагаю, – как можно мягче сказал я, – они говорили о том, как отправятся домой и сколько всего сделают, когда вернутся.

– Да, – сказала она спокойнее. – Скорее всего, так и было. Но те, кто мог рассказать нам об этом, давно мертвы.

Я улыбнулся:

– Можно провести спиритический сеанс и спросить их.

– Не говорите так! – прошипела она. Ее крепко сжатые кулаки упирались в бедра. – Я читала их письма, дневники, проповеди. Словно проникла в их головы. Для меня они не умерли. Антон, *большинство из них так и не похоронили!* Кто бы взялся за лопату, когда конец так близок? Они лежали прямо на земле и гнили. Пастор Дитрих был хорошим человеком. Он заслужил большего, чем это. – На ее щеках показались слезы. – Когда мы шли через лес, я боялась, что встречу их, все еще живых. Дитриха, или Иоахима, или кого-нибудь из жителей деревни, или...

– Или что-нибудь ужасное. Она молча кивнула.

– Так вот что вас пугает? Вы – рациональная, нерелигиозная женщина двадцать первого века, прекрасно знающая, что инопланетные создания будут выглядеть иначе и пахнуть иначе; и все же вы бы с криком убежали, подобно какой-нибудь средневековой крестьянке. Испугай они вас, и вы бы действовали не лучше фра Иоахима.

Она слабо улыбнулась:

– Вы почти правы, доктор Ценгле. – Потом закрыла глаза и вздохнула. – *Hay cu'ù giúp toi. Cho toi su'c manh.* Боюсь, я не смогла бы поступить так, как пастор Дитрих.

– Он посрамил нас всех, дитя мое, – сказал я. – Он посрамил нас всех. – Я оглянулся вокруг на высокие дубы и буйство прекрасных горных цветов – ясенников и лютиков, – прислушался к перестуку дятлов. Пожалуй, в конце концов, у Дитриха были прекрасные похороны.

Джуди глубоко вздохнула, вытерла слезы и сказала:

– Давайте скажем остальным.

* * *

Генрих дал указания, как копать.

– После стольких лет гроб рассыпался. Все будет заполнено глиной. Ройте, пока не наткнетесь на деревянные фрагменты, после этого перейдем к скребкам.

Гус и Сепп, второй рабочий, начали копать чуть в стороне от могилы. С течением веков останки осели, предстояло углубиться довольно основательно. Работники орудовали лопатами так, чтобы стенки раскопа сужались книзу и не обрушились. Оба происходили из старинных семей Брейсгау. Предки Руса на протяжении веков были каменщиками, а Сепп Фишер вел род из давней семьи рыбаков, промышлявших на реке Дрейзам.

Был уже глубокий вечер, когда начались раскопки, но Генрих оказался готов к темноте, припася газовые фонари. Не забыл он также палатки и спальники.

– Мне не хотелось пробираться назад на ощупь в темноте, – сказал он. – Вспомни Ганса и Грету.

Только когда вечернее солнце стало садиться за горизонт, мы поняли, как солдаты обнаружили надгробие. Свет проникал через брешь в листве и падал на камень, заостря изображенный на нем рельеф. По какой-то природной аномалии только под этим углом и в таком освещении черты выступали наружу, словно камень проецировал голограмму. Гус и Сепп согнулись над лопатами и ничего не заметили; но Генрих стоял совсем рядом и, услышав, как ахнула Джуди, повернулся и все увидел.

Это было лицо богомола и в то же время нет. Огромные и выпуклые глаза; резчик даже сумел сделать их фасеточными, и теперь они казались подобны бриллиантам на инопланетном лице. (Я знал, при жизни эти глаза были желтого цвета.) На рельефе виднелись следы того, что могло быть антенной, или усиками, или чем-то совершенно иным. Вместо мандибул насекомого мастер изобразил некое подобие рта, пародию на человеческие губы и подбородок Джуди схватила меня за руку. Я почувствовал, как ее ногти впились в

мою кожу. Том дергал себя за губу. Это лицо мы видели в церковном склепе.

Генрих замер и молча смотрел на камень. Все понимали – это не человеческий портрет, искаженный временем. Это демон. Или что-то похожее на демона. Люрм повернулся и посмотрел на нас, оценивая реакцию. Солнце опускалось все ниже, и лицо тускнело.

– Я думаю, – сказал он, – надо его зарисовать.

* * *

Луна словно привидение парила над верхушками деревьев, когда Гус наконец наткнулся на что-то деревянное. Газовые горелки шипели и плевались, вкрапляя мерцающий круг света в темноту леса. Джуди сидела на коленях подле ямы, закрыв глаза. Я не знаю, молилась она или спала. Я едва мог рассмотреть головы мужчин в раскопе.

Том подошел и встал рядом со мной. Он держал в руках сделанный Генрихом набросок лица пришельца. Ганса, напомнил я себе. Не «пришельца», а Иоганна фон Штерна, индивидуума; кого-то, кто умер давным-давно, вдалеке от дома, в компании незнакомцев. Что он чувствовал перед смертью, когда всякая надежда была потеряна? Какие эмоции проносились в инопланетном разуме? Значит ли мой вопрос хоть что-то? Играли ли роль адреналина неизвестные нам энзимы, циркулировавшие в его крови? Была ли у него кровь вообще?

Том показал на небо, хмыкнув:

– Полнолуние. Неподходящее время, чтобы раскапывать могилу Дракулы. – Он попытался улыбнуться и показать, что шутит. Я попытался улыбнуться, показывая, что знаю. Меня знобило. В горах оказалось холоднее, чем я думал.

Сепп позвал нас, и мы все дернулись, словно марионетки. Джуди внезапно насторожилась и наклонилась над ямой. Том и я подошли к краю котлована и заглянули вниз.

Рабочие стояли в одной стороне, в то время как Генрих ковырялся совком в глине. Что-то блестящее и гладкое выступало из земли. Бледное. Не цвета слоновой кости, а желтое и коричневое. Археолог обкопал все вокруг и поднял предмет вместе с глиной. Затем сел на корточки и стал очищать его, соскребая грязь шпателем; его лицо застыло, словно высеченное из камня.

Он уже понял, подумал я.

Из-под глиняной маски постепенно проявились очертания. Гус ахнул и уронил лопату, торопливо троекратно перекрестившись. Сепп хранил спокойствие, прищулив глаза. Он торжественно закивал, как если бы всегда знал, что в земле Эйфельхайма кроется нечто внеземное.

Это был череп, и в тоже время не совсем; в нем некогда таился неземной разум. Земля поработала над ним, но наши черви и бактерии со своей стороны сочли пришельца неаппетитным. Глаза, конечно, исчезли, и две огромные глазницы зияли пустотой; но кожа осталась практически нетронутой. Это была голова мумии.

Генрих протянул ее нам, и Джуди опасливо приняла находку из его рук. Том встал позади своей помощницы, рассматривая череп через плечо. Люрм выкарабкался из ямы и сел на краю, свесив вниз ноги, достал свою трубку из кармана и зажег ее, хотя ладони его слегка дрожали, пока он возился со спичкой.

– Итак, Антон. Теперь ты расскажешь мне, во что я ввязался? У меня есть ощущение, что епископу Арни это не понравится.

И я поведал нашу историю. Том и Джуди добавили деталей. Загадка. Народные сказки. Намеки и фрагментарные свидетельства. Генрих кивал, слушая нас, и время от времени задавал вопросы. Объяснения Тома по поводу физики гипопространства его запутали, но затем ему пересказали все еще раз более простыми словами. Думаю, Том и сам не до конца все понимал. Шерон жила в другом мире, строгом и странно прекрасном, чью красоту мы могли постичь в лучшем случае только отдаленно. В рисунке рукописи она увидела сходство

с электрической схемой. На том и покончим. Ее озарение придало Тому смелости проверить свою гипотезу, а его интуиция вывела ее на путь поисков и случайных находок, который однажды может привести нас к звездам. Истинно, неисповедимы пути Господни.

Генрих воспринял все это со спокойствием. Да и как он мог сомневаться, держа череп инопланетянина в собственных руках Люорм оглянулся на окружающий его лес.

– Там лежат останки скелета, – сказал он, указывая черенком трубки в могилу. – И остальных тоже. Вы сказали, этих созданий было несколько? А вон там? – Археолог махнул рукой в сторону Черного леса. – Что там? Осколки металла или пластика, сгнившие или развалившиеся под плодородным слоем почвы. – Он вздохнул. – Предстоит большая работа. Поднимутся крики «обман!», «мистификация!». Нам нужно привести сюда еще людей, сказать епископу Арни и ученым из университета.

– Нет!

Мы все с удивлением посмотрели на Джуди. Она по-прежнему держала череп Иоганна в своих руках, а Гус, когда первоначальный страх прошел, внимательно рассматривал его, чуть не поводя по мумифицированной коже носом. Я гордился тем, как отреагировали на открытие наши работники. Что бы из всего этого ни вышло, они держались молодцами.

– Вы ведь знаете, что они сделают, разве нет? – сказала Джуди. – Они выкопают его, насадят на проволоку и выставят за пуленепробиваемой витриной, чтобы на него глазели туристы, а дети отпускали непристойные шутки и зубоскалили. Это неправильно. Нет. – Все ее тело затряслось, когда она замотала головой.

– Это не так, Джуди, – произнес Том, мягко опуская руки на ее плечи. Женщина посмотрела на него. – Пусть глазеют и пусть зубоскалят, – продолжил он. – Мы проведем измерения, снимем голограммы, возьмем пробы клеток, чтобы над ними поломали голову биологи. Это то, чего захотел бы *он* сам. А затем сделаем гипсовые слепки и вывесим их. Но его, его мы надежно сохраним от любого вреда и однажды – когда работа Шерон завершится, – однажды мы выясним, откуда Иоганн родом, и отвезем его домой. Или отвезут дети наших детей.

Генрих кивнул. Из его трубки к небу летели филигранные дымы. Сепп все еще стоял в яме, опершись на лопату. Он сложил руки, глядя ввысь, где звезды сияли сквозь полог деревьев; и его лицо выражало смесь изумления и предвкушения, которой я никогда не видел прежде.

* * *

Я знаю, где лежит путь к звездам. Ворота распахнулись однажды, давным-давно, и несколько сбившихся с пути странников, томящихся одиночеством, приняли смерть. Затем ворота захлопнулись. Но, прежде чем это случилось, два создания протянули руки через невообразимую пропасть и прикоснулись к ним. Они не сбежали и не стали сражаться и потому оставили дверь приоткрытой. Совсем чуть-чуть.

«О вы, счастливые потомки, вы не будете знать таких адских несчастий и сочтете наше свидетельство о них за страшную сказку!»

Петрарка

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ ПО ИСТОРИИ

Я пытался обрисовать среду Рейнланда середины XIV века максимально точно, но это довольно трудно сделать, живя в Америке в начале XXI века, не говоря уже о времени и месте, в котором мировоззрение так сильно отличалось от наших собственных мыслительных категорий.

Начнем с того, что люди тогда воспринимали христианство серьезно: во многих отношениях гораздо серьезнее, чем современные христианские ортодоксы. В то же время

они воспринимали его более прозаично. Это был христианский мир – но первые ростки национализма, который в будущем его разрушит, уже ощущались. При Креси, да и в других случаях, имело значение то, к какой нации или расе ты принадлежишь.

Натурфилософы исследовали природу практически без вмешательства теологов, хотя те и сами были прирожденными философами. Натурфилософия – вместе с логикой и «точными науками»: математикой, астрономией, оптикой, механикой и музыкой – составляла базовую школьную программу обучения. Искусство и гуманитарные дисциплины не преподавались. Теологи, юристы и врачи изначально должны были освоить этот учебный план. Никогда прежде или позднее такая большая доля населения не обучалась настолько всецело логике, мышлению и науке.

Если Бог создал весь мир, то привлечение Бога для истолкования феноменов радуги, магнетизма или прямолинейного движения ничего не добавляло к их пониманию человеком. Поэтому натурфилософы искали естественные объяснения природным явлениям. То, что век спустя в тривиальный вопрос о движении Земли была впутана религия, наверняка удивило бы их, а возможно, даже вызвало бы раздражение. Во многих отношениях Галилею было бы куда проще в XIV столетии, чем в куда менее терпимом и более педантичном веке XVII.

* * *

За двумя отдельно оговоренными исключениями, исторические события и персонажи, упомянутые в тексте, достоверны. Внешность Маргариты Маульташ, «Безобразной герцогини»

Тирольской, вдохновила создание образа Дамы червей в иллюстрациях к книге «Алиса в стране чудес». Маркграф Фридрих, упомянутый в романе, – это Фридрих III, правитель Бадена, а не его двоюродный брат Фридрих IV, правивший в то же самое время в Форцхайме. Месяцы, когда черная смерть поражала различные города и регионы, почерпнуты из атласа, составленного Петером Равном Расмуссеном на www.scholiasit.org/history/blackdeath/index.html.

Маршал Виллар действительно отказался вести свою армию через Холленталь под процитированным предлогом. Свержение городского совета в Страсбурге и резня евреев на пятницу 13-е описаны в Страсбургских хрониках. Герцог Альберт и король Казимир действительно предложили свои владения в качестве убежища для евреев, а милиция гильдий действительно собралась и защитила еврейский квартал в Регенсбурге. История о «Фельдбергском демоне» записана в *Annals of St. Blaisien*. Доводы в пользу естественных прав народа против своих князей развиваются Уильямом Оккамом в его «*Opus nonaginta dierum*» («Труд 90 дней»). Оккам участвовал в схоластическом диспуте и получил должность инцептора, но никогда не был доктором. Известно, что он покинул Мюнхен 10 марта 1349 года, желая примириться с папой. Эйфельхайм располагается вдоль одного из вероятных маршрутов его путешествия. Дата на памятнике Оккаму в Мюнхене неверна, ибо мы знаем по документам, что он был жив и после указанного там времени.

Дважды я отошел от исторических событий в том, что касалось процессии флагеллантов в Страсбурге и штурма Соколиного утеса. Флагелланты на самом деле достигли Страсбурга лишь в июне 1349 года, и папская булла, осуждающая их, была издана лишь 20 октября того же года, после описанных в романе событий. Я сдвинул и то и другое на февраль 1349 года, чтобы совместить их со съездом в Бенфельде.

Фрайбургская милиция взяла штурмом Соколиный утес в 1389 году. Я перенес осаду на сорок лет раньше, на март 1349 года, и сделал ее участником Манфреда. Романтический *casus belli* был именно таким, как это было описано.

И незначительное изменение: Николай Орезмский написал «*De monete*» («О происхождении, сущности и обращении денег»), где сформулировал закон Грэшема, уже после событий романа.

ПРИМЕЧАНИЯ ПО ФИЗИКЕ

Модель многомерности, развитая Шерон, была сделана на скорую руку и покрыта слоем краски много лет назад в новелле «Эйфельхайм» (Analog, Nov., 1986), из которой получили рождение разделы «в наши дни» данной книги. Мохсен Джанатпур, ныне преподаватель Калифорнийского университета, оказал мне большую помощь, и пространство Джанатпура названо в его честь.

С недавних пор теории переменной скорости света (ПСС) стали предметом горячих дискуссий среди специалистов по космологии. Одним из известных защитников этих теорий является Жоао Магейжу, чья нашумевшая книга «*Faster Than The Speed of Light*» («Быстрее скорости света») послужит хорошим введением в тему, равно как и занятным повествованием о том, как в действительности занимаются физикой. Мне было приятно прочесть в его книге, что он рассматривает подход Калуцы-Кляйна, который мы с Мохсеном предложили еще в 1980-х, хотя я и не удивился, увидев, что он этот подход отвергает. Я решил сохранить все, как было, из принципа.

По совести говоря, снижение скорости света происходило не в исторические времена, а только сразу после Большого взрыва. Его предложили в качестве способа обойти ляп с полями инфлатона, которые создали лишь для того, чтобы заставить модель Большого взрыва работать. Трюк с загадочной силой, инфлатоном, которую вызвали к жизни, просто чтобы сохранить приличия теории, а впоследствии позволили тихо исчезнуть из Вселенной, никогда бы не прошел у Буридана и Уилла Оккама. Последний наверняка бы застонал от такого ненужного размножения сущностей. Теории ПСС превосходно решают эту проблему, используя присущие им петли обратной связи, которые гомеостатически прекрасно изменяют Вселенную. Новых сущностей не требуется.

В наш последний разговор мы с Мохсеном обсуждали квантование красного смещения. Некоторые физики видят его, некоторые нет. Данные одни и те же. Одним из объяснений квантования красного смещения является то, что время квантовано так же, как, предположительно, и пространство. Поскольку я уже изобрел вымышленный термин «хронон» для первоначального текста «Эйфельхайма», новый вопрос о красном смещении прекрасно сюда вписывается. Если это так на самом деле, то нам, возможно, придется пересматривать картину Вселенной заново.